

Олег Верещагин
Скажи миру – «нет!»

Путь домой – 1

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2471245
«Путь домой. Кн. 1. Скажи миру – «НЕТ!»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52251-4

Аннотация

Их было двое. Олег и Таня. Им было по 14 лет, они дружили, ходили в одну спортивную школу — занимались фехтованием. И однажды теплым летним вечером они отправились погулять. По знакомым до малейшей трещинки улицам родного рода. Увлеченные прогулкой, беседой и друг другом, Олег и Таня не сразу заметили, что городские огни сменились крошечной тьмой, бетонный мост через небольшую речку Пурсовку пропал без следа, а вместо городских окраин раскинулся непроходимый лес. Подростки быстро сообразили, что оказались в другом мире. Их даже не слишком пугала перспектива остаться в нем навсегда, но настораживали странные могильные камни, надписи на которых, сделанные на разных языках, гласили, что под этими камнями похоронены их сверстники...

Олег Верещагин Скажи миру — «нет!»

Мы будем помнить
Путь в архипелаге...

В. Кривин

Я посвящаю эту книгу моим друзьям — тем, кто своей жизнью опроверг слова «Игра важнее тех, кто в нее играет», доказав, что все игры на свете делаются ЛЮДЬМИ.

*Я вспоминаю не бывшее никогда.
Эта история началась летом далекого 1988 года...*

Только эхо в горах,
Как прежде, поет
Голосами друзей-мальчишек...
Голоса их все тише...
Время не ждет.

Группа «ЧайФ»

Рассказ первый Чужая земля

Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне...

Н. Гумилев

...— Продавец и спрашивает: «Мужик, а кто там у тебя сидит-то?!» — «Не знаю я. Но сыр любит — офигеть!»

Танька рассмеялась, но тут же ойкнула и запрыгала на одной ноге:

— Ой, я, кажется, на что-то наступила...

— Не на бутылку? — забеспокоился я. — погоди, сейчас... вот сюда давай.

Я подставил ей руку и помог допрыгать до пенька, бросив в траву свои туфли и ее кроссовки. Танюшка прыгала и жалобным повизгиваньем обозначала свои невыносимые страдания, я всерьез беспокоился — мало ли что валяется тут в траве? С тех пор, как нашу речку почистили, на ее берегу повадились устраивать пикники — в меру своего понимания, то есть: бухали, закусывали и били бутылки о деревья, а иногда — друг другу о головы.

Если Танюшка расporола себе ногу, то в следующий раз колоть головы об их бутылки буду я. Можно и наоборот. Бутылки о головы.

Я усадил ее на пенек и взял в руки левую ступню девчонки — холодную и мокрую от росы. Танюшка сопела мне куда-то в район правого виска, это было щекотно и невероятно здорово. Я задержал ногу девчонки, хотя уже отчетливо видел, что на нежной коже ничего нет — скорее всего, просто наступила на сучок. Сердце у меня постукивало где-то в горле, и я уже почти решился ее поцеловать (не ногу, а саму Таньку). А то что же это такое, мы знакомы уже год и еще...

— А ты, Олег, фетишист, — сообщила Танька мне в ухо. — Ногу-то отпусти, раз там ничего нет.

— Да ну тебя, — сердито отстранился я. — Я думал, ты правда порезалась или ногу проколола.

— Я тоже думала... Кроссовки дай. И носки.

Я нашарил в черной траве нашу обувь, передал Таньке кроссовки и присел рядом на пенек. Но обуваться мы не стали — просто сидели и смотрели на редкие огни за булькающей и шипящей на плотине рекой. На этой плотине хорошо стоять, кидая в белесую от пены воду камешки. Многим кажется, что вода там пахнет затхлостью, а мне нравится этот запах...

— Сколько времени? — спохватилась Танька. Я посветил зажигалкой на свою «Ракету». — Двенадцатый час?! Ой елочки зелененькие! Я же должна на сахарный к папке ехать. Последний автобус через пятнадцать минут!

Она лихорадочно обувалась. Это был серьезный облом, у меня, словно молоко, оставленное в тепле, скисло настроение.

— Я с тобой поеду, — вызвался я.

— А обратно пешком? — поинтересовалась она. — Автобус-то последний... Нет уж, ты пойдешь домой и ляжешь спать — приятных сновидений.

— Ну хоть до ручья провожу, — буркнул я, обуваясь. Танюшка независимо хмыкнула, но возражать не стала. — Завтра увидимся?

— Завтра будет завтра, знаешь такой мультик? — вопросом ответила она. — Ладно, пошли.

По хорошо знакомой тропинке мы углубились в тихую рощу. Справа, за ручьем, урчали тритоны-«бычки», печально покрикивала какая-то птица. Было абсолютно темно, лишь в проемах высоких крон временами серебристо подмигивали нам звезды да впереди нет-нет проглядывал желтый фонарь — как раз над остановкой. Собственно, до нее было не так уж далеко.

Я первым перешел по бревнышку через сонно шепчущий в зарослях ручей, подал руку — Танюшка оперлась, легко скакнула.

— Тут я сама, — махнула она рукой по тропинке, ведущей на подъем через кусты.

— Давай я автобуса с тобой подожду, — предложил я. У меня на языке вертелось: «Тебя там что, ждет кто-то?!» — но я помалкивал. Потому что в ответ вполне можно было получить: «Ждет», — и зрелище молча удаляющейся спины. А так попрощаться совсем не хотелось.

— Да нет, не надо. — Танька сделала два шага, потом остановилась. На фоне кустов я ее почти не различал — говорил с голосом из темноты, так странно... — Олег, знаешь что... — Я вопросительно поднял голову, и она, похоже, угадала это движение, как я безошибочно угадывал, что она сейчас улыбается. — У нас ведь сегодня последний день практики был.

— У нас тоже, — кивнул я и ощутил стремительное удовольствие от того, что теперь я на два месяца с лишним совершенно свободен; от того, сколько всего будет за эти два с лишним месяца...

— Я папку уговорила, — как-то излишне медленно сказала Танька, — и он из нашей школы документы забрал. И отдал в третью. Пока!

Она двинулась к кустам, а я остался стоять, приоткрыв рот. И закрыл его только когда из-за кустов послышался вновь ее голос:

— У кинотеатра, в десять!

— Ага, — пробормотал я и, спохватившись, гаркнул: — Приду!!!

В ответ раздался веселый смех...

...В роще было одно место, где царил полная темнота — кусты и деревья тут не позволяли видеть огни ни с шоссе, где остановка, ни с улицы Пурсовской. Я шагнул, не особо торопясь (но все равно получалось быстро, я по-другому просто не умею ходить), и думал, что завтра все-таки встану пораньше, чтобы успеть до встречи с Танюшкой заскочить в ДЮСШ и оправдаться за две пропущенные тренировки по фехтованию. А где-нибудь после

обеда в штабе наверняка соберутся все наши — должны собраться, первый по-настоящему свободный день лета непременно нужно посвятить Большому Хуралу и обсуждению планов на это самое лето... Но больше всего, конечно, думал я о Танюшке.

Хотя... приходилось думать и о том, что мне сегодня будет. И *что* мне сегодня будет. Времени-то уже ого... Я еще прибавил шагу.

Огни в домах погасли. Вообще ни огонька. Не обратив на это толком внимания, я проскочил по берегу, рискуя свалиться, — и едва не сыграл в воду.

Моста не было.

Это оказалось до такой степени неожиданно, что я обалдело взглянул вниз, надеясь увидеть там рухнувшие бетонные плиты. Но там текла вода. И подальше... да и вообще — Пурсовка вроде бы оказалась в три, а то и в четыре раза шире, чем я привык ее видеть.

Чушь какая-то... Я посмотрел влево.

Там тоже не было огней. Ни светящихся в любое время ночи окон почтамта, ни красных огоньков телевышки в небе, ни проносящихся по мосту бегучих лучей фар.

Справа — на улицах Бугра — тоже не было огней. Там был... Я потряс головой и втянул воздух сквозь зубы, словно обжегся. Там был лес, или я ничего не понимаю. Темная, хорошо знакомая масса.

Как, кстати, и за рекой. Теперь я четко различал темные силуэты высоких деревьев на фоне более светлого неба. Но больше всего меня ужаснуло не это, а отсутствие *звуков*.

Вы не замечали, что человека в первую очередь выдают звуки? Машина проехала. Залаяла собака. Хлопнула дверь. Прозвучали обрывки разговора, смех.

Я стоял посреди леса. Это знание пришло вместе с небольшим, но все же опытом турпоходов, имевшимся у меня. Только в лесу может быть *так*. На берегу лесной речки, где на многие километры вокруг нет человеческого жилья.

Я почувствовал, что меня охватывает паника, которой почти невозможно не поддаться, паника, рождающаяся из страха перед необъяснимым...

...— Олег! Оле-ег!

Танюшка кричала совсем недалеко, за деревьями, и я опрометью бросился на ее голос, даже сам не соображая, куда и зачем бегу. Я бежал не на *ее* голос, а на *человеческий* голос во внезапно и страшно изменившемся мире.

Мы врезались друг в друга, как два пушечных ядра, вцепились. Поняли, что это по-настоящему, — и застыли, немного отойдя от всплеснувшего тяжелой волной ужаса. Лично я совершенно не думал, что сбылась моя мечта — я обнимаю эту девчонку. Похоже, Танюшка — тоже. Ее колотило, хотя за прошедший год я убедился, что она смелая и решительная.

Нет, такой она и осталась. Я понял это быстро. Девять из десяти других девчонок впали бы в неконтролируемую и дикую истерику. Танька, продолжая дрожать, отстранилась и вполне твердым голосом изложила:

— Олег, шоссе нет. И остановки, и домов — вообще ничего, только лес. Я туда чуть-чуть прошла, а потом... — Она смутилась, но с усилием закончила: — Потом я испугалась и побежала.

— А я испугался так, что и побежать не мог, — признался я. — Стоял и головой крутил.

Она отстранилась и провела ладошкой по глазам — я понял: все-таки плакала. Но голос у Таньки по-прежнему был деловитым и собранным:

— Я так и не поняла, что случилось. А, Олег?

Я немного приободрился. Танька любила Грина, но не особенно жаловала классическую НФ, до которой я был большим охотником — разные там «проколы», «переходы» и «гиперы» зароились у меня в сознании... пока до меня не дошло, что это — по-настоящему... и это случилось *с нами*.

Тут уже мне захотелось позорно зареветь. Но я собрал в кулак всю волю, которая у меня нашлась, и мужественно сказал:

— По-моему, Тань, мы попали... ну, вроде как в параллельный мир. Смотри — речка,

холмы, все, как у нас, а людей нет...

На меня опять сошел романтический стих, но Танька вернула меня на землю, тихо сказав:

— А как же... наши? Папка... он же меня ждет, и твои...

На миг я представил себе, что мама, должно быть, уже ищет меня, и дед с бабулей, наверное, тоже... и снова удержал себя от слез. Смутно я чувствовал — мне сейчас надо быть сильным, потому что Танька — девчонка. Но она решительно сказала:

— Я не знаю, правильно ты говоришь или нет, но мы должны попробовать выбраться.

— Согласен, — кивнул я. — Только, Тань, надо ждать утра. Тогда мы хоть осмотреться сможем.

Мне повезло с девчонкой. Опять-таки девять из десяти уперлись бы рогами и начали требовать немедленных поисков выхода. Танюшка кивнула мне в ответ:

— Да, наверное... Олег. — Голос ее дрогнул. — Мы обязательно должны выбраться. Папка не сможет без меня, он... — Наверное, она заметила, как у меня дрогнуло лицо, потому что поспешно сказала: — Прости, я больше не буду про это.

— Да ладно, — вздохнул я. — Знаешь, надо, наверное, найти дерево, не ночевать же на земле. Если это лес, да еще рядом с рекой, то на водопой разное может прийти.

— Давай искать, — согласилась Танька, — только не расходиться...

...В роще росли тополя и вязы, но там, где в нашем мире начинался подъем на Бугор, плотно стояли дубы, невысокие, с грубо-трещиноватой корой, раскидистые. Одеты мы были подходяще: я — в хороший гэдээровский спортивный костюм, синий с красным и белым, с подсученными рукавами, легкие белые туфли с мягкой подошвой и белую спортивную майку. Танюшка — в кроссовки, джинсы и ковбойку. Справа на речке — на том берегу, правда, — началось какое-то движение, послышались неясные звуки, и мы не стали медлить с выбором: я посадил Таньку на нижнюю ветку, потом вскарабкался сам.

Нам повезло. Метрах в пяти от земли ветви расходились широким веером, образуя круглую площадку метров двух в диаметре, усыпанную пружинящим слоем трухи. Мы сели на этот упругий матрас... и Танюшка наконец заплакала. Я приобнял ее, с трудом удерживая слезы и с отчаянием думая, что надолго меня может и не хватить.

Кажется, мы так немало просидели. Еще несколько часов назад я мечтал об этом... Потом Танюшка, похоже, уснула, и я уложил ее — осторожно, прикрыв сверху своей курткой. Стало холодно, но одновременно потянуло в сон, и я прилег ближе к «стенке», не опасаясь свалиться — сучья были мощные и частые. Сунул руки под мышки и сонно выругал себя, что не догадался наломать каких-нибудь веток или хоть травы нарвать.

Кажется, я отрубился именно на этой мысли. И проснулся в темноте от того, что Танька меня трясла за плечо — сильно, но тихо.

— Тань... ты почему?... — забормотал я, не сразу проснувшись, но отметив по звездам, что уже часа два.

— Олег! — Голос Таньки оставался спокойным, но это было спокойствие ужаса. — Внизу кто-то есть.

Я перевернулся на другой бок и, затаив дыхание, высунулся между двух сучьев.

Бесформенная темная масса тихо шевелилась внизу, почти не издавая звуков — лишь временами слышалось легкое похрипыванье, словно у этого существа были неполадки с дыханием.

Двигая только правой рукой, я полез в карман и, достав складной нож, открыл лезвие. Машинально, не потому что надеялся на него, как на оружие. Просто слишком страшно было не иметь в руках вообще ничего, когда за спиной — Танюшка.

Существо не уходило. В голове было кипящее крошево из обрывков мыслей. Если полезет — надо бить по лапам или глазам... если у него есть лапы или глаза... если это вообще не что-то из «Хранителей»... вот бы мне мой охотничий нож...

Танюшка молчала, но я не был уверен, что ее надолго хватит. И я резко ослабел (так, что зашумело в ушах), весь вспотев, когда эта бесформенная тень плавно скользнула в

темноту и бесшумно в ней растворилась.

Руки у меня позорно дрожали, я даже не смог сразу закрыть нож, а потому так и положил рядом раскрытым. Танька снова прижалась ко мне, и на этот раз мы легли уже спина к спине, укрывшись моей курткой. Я лежал с открытыми глазами, ощущая, как бьется у девчонки сердце, и вслушиваясь. Страх не отпускал, бродил рядом, карабкался по дереву и усаживался на ветвях, покачивавшихся под его тяжестью.

Так страшно мне не было даже в недавнюю мою одинокую ночевку в лесу. Может быть, потому что сейчас я боялся не только за себя.

Как часто бывает, когда боишься спать, я не заметил, как уснул, и навалившийся кошмар показался продолжением реальности — мне снилось, что я лежу, как лежал, а через край нашей площадки перебирается какая-то жуть и вот-вот бросится на нас...

Я проснулся, вздрогнув и широко открыв глаза. Было утро, солнце уже поднялось, повсюду гомонили птицы. Танюшка стояла спиной ко мне в развилке веток — враспор руками и ногами. Она куда-то смотрела и была совершенно неподвижна.

Надо сказать, мне очень хотелось: а) в туалет; б) есть. Или наоборот, не знаю. Но я поднялся, отыскал и убрал выпавший из руки нож и подошел к ней, сказав:

— Доброе утро.

— Смотри, — вместо ответа тихо сказала Танюшка. — Я уже насмотрелась...

Она говорила не только тихо, но и спокойно. Я встал в другую развилку.

Лес был со всех сторон — на склонах холмов, по берегу реки. Только в той стороне, где должна была располагаться почта, открывался более широкий вид. За болотами и цепочкой озер, над которыми кружили стаи птиц, вновь тянулся лес — без конца и края, укутанный туманом. В него слева острым углом врезался клинышек степи. Над рекой ворочались туманные остатки.

— Черт, — вырвалось у меня.

— Нам некуда идти, да? — Танюшка посмотрела на меня. У нее на лице было полно грязных разводов. — Мы тут одни?

— Не может быть, чтобы тут не было людей. — На этот раз я и вправду был уверен в том, что говорил. — Нам надо искать людей, Тань. Одни мы пропадем. Помнишь ночного гостя?

* * *

Я справился со своими «делами» раньше, чем Танюшка, и успел осмотреть дерево. Ночной гость с легкостью терся об него на высоте трех метров — но следы меня успокоили. Обычный медведь, облегченно подумал я, о чем и сообщил Танюшке — она вернулась повеселевшая, вытирая лицо подолом ковбойки.

— Сходи к реке, умойся! — предложила она.

— Не надо было тебе туда ходить одной, — строго сказал я, стараясь не смотреть на ее загорелый плоский живот. Столько раз видел на пляже, а тут что-то застеснялся... — Вообще лучше далеко не отходить друг от друга.

— Между прочим, тут нет лопухов, — задумчиво заметила она, завязывая подол узлом. — Ты не улыбайся, Олег. Если нет лопухов — значит, нет и человека... Куда пойдём-то?

— Сначала к речке, — решил я.

До речки было метров десять. Да, это была наша Пурсовка, но другой ее берег виднелся там, где в нашем мире начиналась уже Пурсовская улица. В невероятно прозрачной воде «ходили» рыбы — много и солидные.

— Игорька бы сюда Мордвинцева, — сказал я.

Танька вздохнула:

— Ребята, наверное, уже знают, что мы... — Она осеклась. — Давай попробуем их как-нибудь поймать, я есть хочу.

Я умылся и, как мог, прополоскал рот. Странно — я терпеть не мог чистить зубы, а

теперь вдруг ощутил в этом настоящую потребность.

Танюшка стояла на берегу, уперев руки в бока, и осматривалась. А я вдруг испугался — это был испуг быстрый, неожиданный и похожий на удар в солнечное сплетение.

Я ведь не смогу ее защитить, если что! (То, что я и себя не смогу защитить, меня в этот момент почему-то не беспокоило.) Как? Голыми руками?!

А если я не смогу ее защитить, то мне и самому лучше не оставаться в живых. Это я подумал как-то легко и без страха. А вслух сказал, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно непринужденнее:

— Тань, ты далеко не уходи... А лучше, — я перебросил ей зажигалку, — разожги костер. Вон там сушняк... А я попробую что-нибудь поймать.

Это было смелое заявление. Я в жизни был на рыбалке один раз — с нулевым, естественно, результатом. Но тогда речь не шла о подступающем голоде. А сейчас есть хотелось уже довольно сильно... Но Танька поверила, похоже, — отправилась, взяв зажигалку, за хворостом. А я обратился к рыбам:

— Ну что? Будем сотрудничать или пойдем на конфликт?

Рыбы хладнокровно плавали то в одном, то в другом направлении, никак не реагируя на мои призывы. Я и представления не имел, как взяться за дело. Но и ждать чего-то не имело смысла.

Я разложил нож и отправился за палкой...

...Завтрак получился довольно противный — жареная рыба без соли может показаться вкусной только когда ты действительно проголодался, а из нас, как неожиданно грубо выразилась Танька, еще не вылетели домашние пирожки. Но зато я был горд собой — четыре крупные рыбы были подбиты самодельным копьём за полчаса. Танюшка сказала, что это крупные окуни.

— Куда мы пойдем, Олег? — спросила она, когда мы, побросав кости в угли, засыпали землей костер. — Может, останемся здесь? Вдруг...

Она не договорила, но я понял, что имелось в виду: вдруг мы попадем обратно домой так же, как попали сюда? Мне хотелось на это надеяться, если честно. Но это значило сесть и ждать у моря погоды. Сколько? До зимы?

Я тряхнул головой:

— Тань, надо идти. Ну понимаешь — людей надо искать. Не может быть, чтобы их тут не было! Вдруг они что-то подскажут?

— Я согласна, — вздохнула Таня. — А куда пойдем? Тут кругом лес, только там, — она махнула рукой, — кусочек степи, ты же видел...

— Вот в степь как раз нам не надо, — покачал я головой. — Слишком много открытого места, а кто там живет — вообще неизвестно. Лучше искать людей в лесу. Историческая традиция говорит, что обитатели леса...

— Оле-ег, — с легкой улыбкой протянула Таня, и я, смутившись, умолк, а потом продолжил:

— В общем, надо идти в лес... Знаешь, Тань, — признался я честно, — я могу знать только то, чему меня учили... или что я читал... про ту, нашу Землю. Может, тут все не так. А если предположить, что так, то нам надо идти на запад, — я указал рукой, — в ту сторону, где аэродром... был аэродром. Там поселения были расположены гуще всего. Но это, Тань, если судить по Земле.

— Ну а как иначе-то мы можем судить? — вздохнула она. — Ладно, — в ее голосе прозвучала хорошо знакомая решимость, — пойдем, Олег, чего сидеть? Нам еще через речку перебираться, брод искать...

Пурсовку мы форсировали неожиданно легко — недалеко от дуба, где мы ночевали, нашлось мелкое место, и мы перебрали через реку без проблем. Было около десяти.

— Надо держать точно на запад, — сказал я, когда мы обувались на берегу. — Все время.

— Пойдем вдоль реки Калаис, — медленно, вспоминая карту (топографическая память

у нее была отличная), сказала Танюшка. — Она течет почти точно на запад. Ну, двинулись.

Но мы все-таки помедлили немного, прежде чем войти в лес. Он стоял стеной: дубы, вязы, тополя теснились один к другому, в подлеске растопыривал до пояса зеленые пальцы мощный папоротник. Но темным лес не казался — его пронизывали солнечный свет и пение птиц где-то в вершинах. Чуть-чуть тянуло сыростью.

Потом мы переглянулись и вошли в чащу.

* * *

Такого леса я не видел никогда в жизни. Казалось, он и не знает, что на свете существуют люди, а на нас обращает внимания не больше, чем на любых своих обитателей — которыми лес просто кишел и которые нас тоже совершенно не боялись. За каких-то полчаса ходьбы мы видели таких роскошных оленей, что Танька обмерла от восторга; семейку барсуков, дружно перемещавшуюся по своим делам среди папоротника; здоровенного волка, спокойно наблюдавшего за нами через кусты без какого-либо интереса; кабана, с хрюканьем рывшегося в ложбинке в поисках чего-то съестного... Мелкой живности на деревьях и земле было море. Я мельком подумал, что тут и медведи могут оказаться...

Станным было узнавать местность, очищенную от следов деятельности человека. Рельеф легко читался — мы шли мимо городского сада, только не было ни ограды, ни кладбища, ни водонапорной башни...

— Это же наш мир, — сказала Танька. — Ну честное же слово! Олег!

— Надо было читать фантастику, — ворчливо заметил я, понимая вообще-то ее удивление. Я и сам, честно говоря, удивлялся, да еще как. Неужели этот мир — копия нашего? Волга, Рейн... Карпаты. Вулкан Везувий и острова Шпицберген...

Блин.

— Ага, ты сам удивился! — возликовала Танюшка.

— С чего ты взяла? — спохватился я.

— По лицу видно. Смотри, Олег!

Впереди — спокойно, плавно и бесшумно — пронес свое короткое угловатое тело на длинных ногах бурый лось. Мы переждали, пока он уйдет, хотя лось не вызывал страха — только уважение.

— Фу, — перевел я дух. — Пойдем, Танюшк.

Хорошо, что ходить по лесу было для нас привычным делом. Мы умели это делать и любили это делать.

— А тут кончается город, — сказала Танюшка через какое-то время. В самом деле — мы уже с минуту шли вдоль оврага, за которым в нашем мире лежал аэродром. — Может, напрямую переберемся?

— Там могут быть гадюки, — сказал я, но первым спустился вниз, держась рукой за кусты, а другую подавая Таньке, хотя она и сама неплохо справлялась. Мы вылезли на откос, отряхнулись...

...И выяснилось, что на месте аэродрома — довольно широкая луговина. Из высокой серо-желтой травы с пышными метелками тут и там поднимались искрящиеся крапинами слюды гранитные останцы. Лес окружал луговину широкой дугой, но до него было километра три, не меньше. Сонно звенел тихий нагретый воздух. И плавали высоко-высоко черные кресты птиц.

Мне почему-то было страшно выходить на это открытое место. По-моему, Танюшка испытывала сама то же ощущение. Во всяком случае, в ее глазах появилась задумчивость, а белые мелкие зубки прикусили уголок губы.

— Боишься? — спросил я.

— Я?! — фыркнула она.

— Ты.

— Ага, сейчас.
— Боишься.
— Испугалась!
— Я — боюсь.

Она посмотрела на меня расширившимися глазами. Очевидно, не ожидала такого признания. Потом вздохнула и передернула плечами:

— Пошли...

...Трава доходила до колен. Сразу стало жарко-жарко, я стащил куртку и обвязал ее вокруг пояса. Стало хотеться пить, но мы еще в походах научились правилу — о воде не говорят просто так. Но думать было можно, и я с неудовольствием решил, что без емкостей нам будет плохо — каждый раз искать воду, когда она нужна, дело сложное. Гораздо сложнее, чем многим кажется в наших местах.

Мы добрались до первого из гранитных камней. Он отбрасывал холодную тень, острую и четкую, почти не колебавшуюся на траве. Я уже прошел мимо, но Танюшка задержалась.

— Смотри, Олег. — И она указала на плоскую грань камня, чуть скошенную внутрь.

Я подошел и чуть наклонился. На этой грани, влажной, холодной и скользкой, были глубоко и неровно выбиты белесые буквы. Их края давно сгладились, словно строчки оплыли от огня, но читались хорошо.

Friends!

We don't know, who are you.

Spring near the last stown.

Go on the west.

40 miles from her.

Good luck!

Я понял только несколько слов: «Друзья... мы... вы... камень... идти на... 40 миль...» Но Танюшка уверенно перевела:

— «Друзья! Мы не знаем, кто вы. Родник около следующего камня. Идите на запад. Сорок миль отсюда. Удачи!» Олег, — она выпрямилась, — тут есть люди.

— Или были, — хмуро заметил я. — Надпись-то старая. И почему английская?

— Не знаю, — вздохнула Танюшка. — Но все-таки... Сорок миль — это сколько?

— Километров семьдесят — семьдесят пять, — перевел я. — Два... нет, три дня. Вообще-то нам по дороге, можно идти туда. Пойдем?

Теперь уже Танюшка начала осторожничать.

— А что там, в сорока милях? — подозрительно спросила она. Я просто пожал плечами, немного раздражаясь — было жарко и хотелось пить:

— Не знаю, но мы все равно идем туда. Или нет?

— Идем, — вроде бы решила она. И неожиданно предложила: — А может, я покричу? Э-э-э-эй!!! — завопила она, подпрыгнув.

Я фыркнул и засмеялся. Танюшка обиженно свела брови, но потом толкнула меня в плечо и тоже хихикнула:

— Ладно тебе... Пошли попьем.

Куда веселей мы зашагали к «следующему» камню. Танька вообще никогда не была болтливой, но сейчас ее понесло, и она бесконечно говорила, выдвигая версии о том, что нас ждет в указанной точке. Доминировало убеждение, что там — путь домой.

Я, если честно, надеялся на то же. Но предпочитал не говорить об этом вслух.

Десять стрел на десяти ветрах,
Лук, сплетенный из ветвей и трав, —
Он придет издалека,
Меч дождя в его руках.

Белый волк ведет его сквозь лес,

Белый гриф следит за ним с небес;
С ним придет единорог,
Он чудесней всех чудес.

Десять стрел на десяти ветрах,
Лук, сплетенный из ветвей и трав, —
Он придет издалека,
Он чудесней всех чудес,
Он войдет на твой порог,
Меч дождя в его руках.

Борис Гребенщиков

Мы добрались до леса вновь минут через сорок. Воду — а родник выбивался из-под камня упругой струей в песчаный кратер у основания глыбы — набрать было не во что, а жаль. Она оказалась ледяной и очень вкусной.

Снова захотелось есть, и с каждой минутой голод нарастал.

— Олег, — сказала Танюшка, когда мы устали передохнуть под деревьями на опушке и разулись, чтобы дать отдохнуть ногам и хоть немного просушить носки, — без еды мы не дойдем.

Сказано это было серьезно и без малейшей паники. Я еще раз подумал, что она совершенно необычная девчонка. Но счел нужным одернуть спутницу:

— Дойдем. Туда — дойдем даже без еды, хотя будет трудно. Но лучше, конечно, поискать еду по дороге какую-никакую.

Мы замолчали, и я понял, что засыпаем. Вроде и прошли не очень много... Наверное, за прошедшее время растренировались.

— Олег, — сонно сказала Таня, — давай поспим немного.

— Давай, — охотно согласился я, сползая в лежачее положение и устраиваясь удобнее. Помедлил и предложил нерешительно: — Тань, если хочешь — можешь... ну, меня использовать вместо подушки.

— Ага, спасибо. — Она перекатилась ближе и как-то очень естественно устроилась на моем плече. Я помедлил и приобнял ее рукой, на которую она улеглась.

Приятно было — непередаваемо. Руки Танюшка спрятала под мышки, а носом — наверное, уже сама не понимая, что делает, — уткнулась мне в шею. И тепло задышала.

Короче, мне тут же расхотелось спать. Я обмер с открытыми глазами. Нет, ни о чем таком я не думал. Я просто переживал почти физическое счастье.

Ради этого стоило оказаться в лесах другого пространства. Честное слово. Хотя, конечно, я понимал, что Танюшка уже спала, когда прислонилась ко мне.

И все-таки это было счастье...

...Проснулся я от того, что перестал чувствовать руку — она превратилась в резиновый жгут. Танюшка во сне сползла ко мне под бок и лежала на животе, затрудненно дыша — уперлась лицом в мою куртку.

Проснулся я и ото сна, если так можно выразиться. Сон был из тех, что не пересказывают. Я бросил быстрый взгляд вниз и подумал: хорошо, что Танюшка спит, потому что даже сквозь плавки и брюки все было отчетливо видно. В смысле, у меня.

Я переложил онемевшую руку другой и сел. Слегка воровато посмотрел на Таню. Мы проспали больше двух часов. И мне срочно надо было отойти.

Поднявшись, я сделал несколько шагов к камышам. Посвистывая, поднял голову к вершинам деревьев; потом, уже натягивая штаны, вновь рассеянно окинул взглядом камыши...

И увидел скелет.

Нельзя сказать, что я испугался или растерялся, хотя в реальной жизни скелетов не видел — даже как пособий на уроках, у нас были схемы. Но и не скажу, что я не ощутил

вообще ничего. Странно, словно время вокруг стало тягучим-тягучим, а все предметы, наоборот, — очень четкими.

Я сделал несколько шагов, дыша открытым ртом. В горле пересохло.

Скелет не трогали звери — уже не знаю почему. Но кости не были растащены, и даже сохранилось кое-что из одежды: потрескавшийся, потерявший цвет кожаный то ли жилет, то ли панцирь с порыжевшими от ржавчины металлическими бляхами; сапоги, на которых уцелели подковки — на носке и каблуке, — и застёжки ремней поверху голенища; широкий пояс с зеленой от окиси пряжкой, на котором крепились... ножны. Да, ножны! На скелете были еще какие-то ошметки то ли ткани, то ли кожи. Но я вглядывался именно в ножны, из которых торчали рукояти — чуть изогнутая большого ножа и обычная крестовина длинного меча. Рукояти даже на глаз «сварились» с ножнами.

Я подошел к скелету вплотную. И только теперь понял, что меня обманули глаза, — до скелета было ближе, чем мне казалось, а сам он оказался меньше!

Скелет принадлежал подростку — девчонке или мальчишке — моих лет. Вернее, по крайней мере одного со мной роста. Я увидел, что на левом запястье скелета широко висит изъеденный ржавчиной браслет.

А потом я понял, что это часы. Массивные, незнакомые мне часы со странным восьмиугольным корпусом — стекло было чистым, и я видел циферблат с многочисленными дисками и цифрами, на которых навсегда замерли стрелки.

Я наконец заставил себя закрыть рот. Еще раз посмотрел на оружие, жилет, грубые сапоги.

И на часы. Как во сне, я нагнулся ниже и различил надпись: Omega. А под ней мельче: Switcherland. Это была швейцарская «Омега», я о такой читал в книжках. Дорогие часы...

Я перестал что-либо понимать.

— Олег!!! — завопила Танька за кустами. — Олег, ты где?!

— Елки... — вырвалось у меня, и я поспешил наверх, заставляя себя успокоиться хотя бы внешне.

Танюшка вылетела из-за деревьев и треснула меня кулаком в грудь так, что я охнул. А Танька затрясла меня за плечи, как отбойный молоток, шипя:

— Ты где был, кретин?! Я же... я чуть дуба не дала!.. Просыпаюсь... где ты был?!

— Тань, Тань, ты чего?! — ошалело бормотал я. — Я отошел... ну, по делам...

— Не смей так больше делать, дурак! — Она треснула меня по плечу и отвернулась, закрыв лицо локтем.

— погоди, Тань... — Я топтался рядом, не зная, что делать. До меня дошло, что ей на какие-то страшные мгновения показалось, что она осталась в этом непонятном мире *одна*. — Ну прости меня, — убито попросил я, не зная, что сказать еще.

— Больше так не делай никогда, — уже тихо попросила она, все еще не поворачиваясь. — Я очень-очень испугалась, Олег... Ну все, уже успокоилась, вот. — Она повернулась и по-настоящему улыбнулась, но тут же попросила снова: — Только больше не уходи... Поесть ничего не нашел?

— Можно камышовых корней надрать и испечь, — не придумал ничего лучшего я. — Там камыш есть. — И тут же обругал себя последними словами.

— Камыш... — вздохнула Танька. — Пошли за камышом, чего же...

— Танька, — бухнул я, — там скелет.

* * *

Если честно, Танька — по крайней мере на вид — восприняла скелет спокойнее, чем я. Разве что немного расширила глаза, но даже нагнулась к останкам, тоже рассматривая часы.

— Олег, он не умер, — тихо сказала она и выпрямилась. — Его же убили. Смотри.

Мне стало стыдно. Девчонка различила то, чего не увидел я в своем обалдении. Череп слева — над виском — был проломлен, неровно, ромбом. Вернее — ровным ромбом.

— Чего это, Тань? — Голос у меня отчетливо сел. Она промолчала. А до меня дошло, что это похоже на след от наконечника стрелы.

Как в кино.

— Пошли отсюда, Олег. — Танюшка зябко повела плечами. — Ну его, этот камыш...

Мне очень хотелось сделать так, как она предлагала. Но я вдруг понял, что хочется есть. И вечером будет хотеться есть еще больше. И мне. И Танюшке.

А скелет — что он, скелет? Такой же мальчишка — на девчонку не похоже, — как и я. Мертвый. Даже больше, чем мертвый.

— Тань, ты подожди, а я сам надергаю, — решительно сказал я. Потому что я был мужчиной, как ни крути.

Она упрямо повертела головой. И села разуваться — первой лезть в воду...

...Мы набрали камышовых корней в мою спортивную куртку, и я нес этот мешок. И думал, что вечером попробую поставить петлю на зайца — вдруг попадется?

К речке Калаис — или как она в этом мире? — мы вышли только к вечеру, и я присвистнул. Спросил Танюшку:

— Узнаешь?

Она кивнула, озираясь. Все-таки, лишенные привычных ориентиров, мы забрали в сторону и вышли к реке ближе от города, чем рассчитывали. Но теперь можно было не беспокоиться — километров тридцать, весь завтрашний день, достаточно просто идти против течения. А сейчас мы опять стояли возле небольшой луговины, по которой текла река.

— Кто это, Олег? — испуганно спросила Танька. — Какие огромные!..

Сперва я просто увидел мохнатых быков, которые пили метрах в ста от нас, не больше. А потом у меня восторженный холодок прошел по спине, и я прошептал:

— Тань, это туры. Стой тихо.

Последний тур на Земле, как мне помнилось, был убит в XVII веке. А тут — мы стояли так близко от этих громадин, что можно было слышать, как хлюпает вода, которую они тянут. Потом светло-шоколадные животные бесшумной цепочкой ушли в лес.

— Туры, — тихо повторил я. — Пошли, Тань, пошли. Они красивые, но от них лучше держаться подальше.

* * *

Костер мы разожгли на небольшой полянке и еле дождались, когда появится первая горячая зола, в которой можно будет испечь камыш. А потом так же еле дождались, пока он испечется. И ели его, обжигаясь, урча и пачкаясь золой — по крайней мере, когда я глянул на Таньку, сидевшую, скрестив ноги, по другую сторону огня, то у нее все вокруг губ было грязным. Судя по тому, как она засмеялась, — у меня тоже. То ли нам с голоду показалось, то ли камыш и правда был вкусным, но мы слопали весь. Я хотел было заначить немного, но Танюшка настояла на том, что утром он остынет и будет невкусным. Откуда она это знала — представления не имею, но я легко с ней согласился, и мы доели печеные корешки.

— Еще два дня — и дойдем, — оптимистично заявила Татьяна. Я кивнул, подумав: куда дойдем, интересно? А вслух спросил:

— Спой, Тань.

Она ни секунды не отнекивалась и не ломалась. Посмотрела на меня через огонь, а потом перевела взгляд на угли.

Я хорошо помню эту ночь, костер на полянке — и тихий, но мелодичный и ясно слышимый голос Танюшки. Я не говорил, что спеть. Но она догадалась сама...

Вечер бродит по лесным дорожкам...
Ты ведь тоже любишь вечера.
Подожди, постой еще немножко,
Посидим с товарищами у костра.

Вслед за песней позовут ребята
В неизвестные еще края,
И тогда над крыльями заката
Вспыхнет яркой звездочкой мечта моя.

Видишь целый мир в глазах тревожных
В этот час на берегу крутом.
Не смотри ты так неосторожно —
Я могу подумать что-нибудь не то¹.

* * *

Меня разбудил дождь. Он полил сверху, легко пробивая крону дерева, на котором мы устроились в широкой развилке, — нам опять повезло... если бы не ливень, а это был настоящий ливень. Танюшка проснулась на несколько секунд позже меня и сперва что-то сердито пробормотала, а потом жалобно вздохнула:

— Дождь... Вниз спускаться?

— Нельзя, Тань. — Я перебрался осторожно к ней, проклиная свою высотобоязнь, и натянул на нее свою куртку. Не защита, конечно, но Танюшка благодарно прижалась ко мне, и мы приготовились мокнуть до утра. Я всмотрелся в часы и сумел различить, что только половина второго. И я, и Таня были здоровыми, закаленными ребятами и уж летом-то под дождем простыть не боялись. Но ясно стало, что уснуть не удастся.

— Олег, — тихо сказала Танюшка, — как ты думаешь, дома нас ищут?

— Ищут, конечно... — неохотно ответил я. — И ребята тоже ищут.

— Они и подумать не могут, что с нами... А помнишь, — я вдруг понял, что она улыбается, — как мы домового ловили, который на чердаке громыхал?

— А это оказалась сова, — подхватил я, — конечно, помню! И как Вадим физиономией в свежую шкуру влетел, а мы решили...

— ...что домовой ему лицо разодрал! — добавила Танька. — И полезли наверх с ножами, а Санек говорит про шкуру: «Тут у люка кто-то стоит!»

— Еле отговорили его стрелять, — задумчиво заключил я.

Мы еще немного повспоминали своих друзей. Потом Танюшка вздохнула:

— Я вот думаю про скелет. Странно все-таки. Средневековый мальчишка — а в часах. И вообще — дичь какая-то. Стрелой его убили... Надо бы нам поосторожнее быть, Олег. Присмотреться, когда придем на место. Что бы там ни было.

— Логично, — согласился я. — Танюшка, ты попробуй уснуть, а то завтра мы же идти не сможем. Давай поближе, — и я фактически перетащил на нее куртку, оставшись в футболке. В первые несколько секунд дождь показался страшно холодным, но потом я привык, даже перестал дрожать. Танюшка вроде бы согрелась — по крайней мере совсем затихла. Я думал даже, что уснула, но она вздохнула и призналась:

— Настроение отвратительное. Не хочется пиццать, а все равно...

— Ну попищи, — согласился я. — Я потерплю.

— Ладно, не буду, — тут же поправилась она. — А сколько времени?

У нее часов не было. И я ответил спокойно:

— Скоро утро.

* * *

¹ Слова и музыка А. Якушевой.

Та еще была ночь. Утро наступило отнюдь не «скоро» — оно еле-еле приползло, почти не различимое в тучах, укутавших горизонт и небо над головами. Дождь почти прекратился, но все равно сеялся почти по-осеннему из облаков, лениво переползавших по небу, — там был ветер. Хорошо еще, не похолодало — скорей даже наоборот, воцарилась влажная духота.

Если ночью вы промокли и не выспались, то утром голод покажется вам втрое сильнее, чем должен быть. Поставленные мной с вечера два силка оказались пусты, но это меня даже не особо расстроило.

Пока лазили по кустам — вымокли еще больше. У Танюшки круги залегли под глазами, а само выражение глаз было усталым и отстраненным, как у человека, испытывающего боль. Она молча вернула мне куртку, и мы двинулись вдоль реки — через мокрый папоротник, под соскальзывающими с деревьев струйками.

Я вспомнил, как читал про экспедицию Роберта Скотта. Как они упорно стремились к полюсу, преодолевали трудности, страдали... И как меня поразила мысль, что стремились-то они, в общем-то, *к пустому месту*. Там, на этом полюсе, были те же снег, холод и ветер. И все.

А они шли, как будто их ждал там роскошный отель. И сейчас я подумал — а не похожи ли мы на тех англичан? Может быть, и мы идем в никуда? Кто-то невесть когда написал по-английски очень приблизительные координаты... Координаты невесть чего.

Танька пробиралась впереди. (Если кто не знает — и дикие звери, и люди предпочитают нападать с боков или сзади. Так что самое опасное место при переходе — не впереди, как думают многие.) Мы молчали и временами сдержанно зевали и вздрагивали. Я думал еще и о том, что на дневку надо разводить костер, а как — неизвестно. Мокрые дрова... Хорошо еще — есть зажигалка. Но и ей мокрое не очень-то разожжешь без растопки...

— Все-таки мы не лесовики, — сказала Танюшка, и я понял: она думает о том же.

— Ничего, — обнадеживающе кивнул я, — доберемся.

Было бы еще куда... Но этого я не сказал.

Мы еще почти три часа шагали в полном молчании. Дождь снова пошел, и какой-то осенний, в смысле, уныло-безнадежный, хорошо еще не холодный. Но сырость нами уже не ощущалась.

— Олег, — вдруг сказала Танюшка, — мы куда-то не туда идем.

Она остановилась, не оглядываясь на меня.

— Да ну, — сердито сказал я, — речка вот она... Пошли, Тань, пошли.

— Да погоди ты... Калаис же не точно на запад течет, а еще и на север чуть. А мы идем точно на запад. Ну проверь, проверь!

Я вздохнул и воспользовался надежным способом — навел на светлое пятно в тучах (солнце) часовую стрелку «ракеты» и мысленно очертил угол между ней и цифрой «2», а потом разделил этот угол пополам. Двенадцати еще не было, и юг находился справа — там, куда указывала биссектриса.

Танюшка была права. Мы шли точно на запад.

— Да, это не Калаис... — пробормотал я.

— Это его приток, я забыла, как он называется, — уверенно сообщила Танюшка. — Может, это и к лучшему, но он короче, чем Калаис.

— Ничего страшного, — бодро заметил я. — Уж на запад-то мы курс и без реки сумеем удержать... Пошли, Тань.

— Что ты все «пошликаешь»?! — внезапно рассердилась она. — Я промокла! Я есть хочу! Я устала, в конце концов!

— Тань, я тоже, — терпеливо сказал я. — Выберемся на открытое место и попробуем разжечь костер.

— Да, костер он разжечь решил! Из чего, как?! Мокрое все! И... — Она осеклась и закусила губу. Опустила глаза: — Извини.

— Ничего, — по-прежнему спокойно ответил я. И больше ничего не стал говорить.

Мы опять зашагали вперед. Я видел перед собой спину Таньки, обтянутую мокрой ковбойкой, потемневшие от воды волосы, слипшиеся прядями, — по ним за ворот текла вода, и мне стало жалко девчонку — до спазмов в горле.

я пытался уйти от любви
я брал острую бритву и правил себя
я укрылся в подвале я резал
кожаные ремни
стянувшие слабую грудь
я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
и я буду с тобой
твое имя давно стало другим
глаза навсегда потеряли свой цвет
пьяный врач мне сказал что тебя больше нет
пожарный выдал мне справку что дом твой сгорел
но я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
и я буду с тобой
в комнате с белым потолком с правом на надежду
в комнате с видом на огни и с верою в любовь
я ломал стекло как шоколад в руке
я резал эти пальцы за то что они не в силах
прикоснуться к тебе
я смотрел в эти лица и не мог им простить
того что у них нет тебя и они могут жить
но я хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
и я буду с тобой
в комнате с белым потолком
с правом на надежду
в комнате с видом на огни
и с верою в любовь¹

* * *

Костер разжечь и правда не удалось, как я ни старался. Зато на севере небо вдруг просветлело — голубая полоса подрезала тучи и начала стремительно расширяться, надвигаясь на нас. В этом было что-то тревожное, но мы радовались, глядя, как солнечный свет буквально течет к нам по земле, вспрыгивая на холмы и скатываясь в лощины и овраги.

Мы остановились на речном берегу и с удовольствием следили за этим.

— Все-таки хорошо, когда лето, — сказала Танюшка, и я подтвердил это энергичными кивками. Через минуту мы уже купались в солнце, хлынувшем с небес. — Давай просушимся хоть...

От мокрой земли в самом деле тут же начал подниматься пар, солнце играло в

¹ «Наутилус Помпилиус».

гирляндах капель, и только на юге быстро сокращался остаток облачного неба, унося дождь еще куда-то.

— Давай, — согласился я и в замешательстве взялся за язычок замка. Снял куртку, выжал ее как следует. Мы с Танюшкой, не сговариваясь, отвернулись друг от друга; я поочередно выжал брюки, футболку, даже носки и разместил все вещи на ветках, которые предварительно отряхнул от воды. Из туфель подальше вытянул языки и пошире расшнуровал.

Танюшка за моей спиной сопела — жалобно, сердито и упрямо. Не поворачиваясь, я спросил:

— Джинсы не выкручиваются, что ли?

— Угу, — ответила она. — Помоги... Да повернись, что ты...

А я что? Я ничего, как говорил попугай Кеша... Она же оставалась в черно-красном купальнике, как я ее сто раз видел. В руках держала джинсы. Она была вообще-то сильной, но выкрутить грубую ткань с лейблом «Lee», пошитую в Ярославле, конечно же, ей было не под силу.

— Не разорви, — предупредила она. Ну, это было зря... Такой пошив рвать надо грузовиком... Танюшка держала, а я крутил изо всех сил. Ей то и дело выворачивало руки, из-за чего она смешно морщилась.

— Ну вот, все. — Я встряхнул джинсы и перекинул ей. — Давай теперь сами погреемся.

— А? — как-то опасливо спросила она. Я молча выбрал камень и присел на него, поставив пятки на край и обняв колени. Через несколько секунд теплая спина Танюшки привалилась ко мне сзади.

— Мы все равно отсюда выберемся, — тихо сказал я, чуть откинув голову назад. Становилось жарко, и я подумал, что впереди в любом случае еще долгое-долгое лето.

— Конечно, выберемся, — согласилась Танюшка. И я, увидев у своей щеки ее закинутую через плечи руку, осторожно пожал тонкие пальцы.

— А поесть я что-нибудь добуду, — пообещал я.

— Давай немного поспим, — предложила девчонка, — очень хочется.

— Тань, идти надо... — начал было я, но потом кивнул: — Давай. Только веток натаскаем, а то простынем. — Я соскочил с камня и полез за ножом.

* * *

Я думал, что проснусь часа через два — больше даже в теплый солнечный день без одеяла не проспишь на природе, тело остывает и само будит. Но проснулся я аж во втором часу и обнаружил, что накрыт своими вещами и Танькиными тоже. Я выкопался из-под них и потянулся с подвывом.

Танька — по-прежнему в купальнике — бродила внизу по отмели и за чем-то часто нагибалась. Я лег на краю берега на живот — трава высохла — и, опустив подбородок на кулаки, начал следить за ней. Потом негромко свистнул.

Она вскинула голову и, улыбнувшись, помахала какими-то двумя мешочками. Не зашумела — по воде все слышно отлично. А через секунду уже карабкалась вверх.

— Ракушки, — сообщила она, отдуваясь. — Там их много, на отмели... Перловицы. Не устрицы, конечно...

— Устриц пусть буржуи едят, — весело ответил я. Мне было очень хорошо при мысли, что она меня укрыла. — А это мы вечером рубанем, на привале. Давай сполосни носки и одеваемся.

Мне сейчас хотелось есть еще сильнее, чем раньше. Танюшке, конечно, тоже. Но мы бодро засобирались. Высохшая одежда, конечно, залубенела, но это ничего. Только вот Танюшка вдруг ойкнула и с размаху села на то место, откуда встала.

— Голова закружилась, — успокаивающе, но в то же время жалобно объяснила она,

когда я подскочил.

— Ничего, посиди еще немного. — Я отошел перегрузить ракушки в свою куртку, которой вновь предстояло играть роль мешка.

А ведь у меня тоже голова временами кружится... Неужели от голода так быстро начала?!

Эта мысль пугала...

...Косвенное подтверждение тому, что мы идем правильно, мы получили через какой-то час, когда речка почти сошла на нет, превратившись в ручеек. Мы шли по самому берегу — галечному и пологому. И Танюшка остановилась, даже подавшись назад. Я тут же — честное слово, рефлекторно! — оказался перед ней, сжимая в кулаке нож.

Но бояться было нечего. Мертвых вообще не надо бояться.

Слева пологий откос был расчищен от зелени — давно, но надежно, только трава росла там. И среди этой травы лежали три каменные глыбки. Кто-то принес их сюда, уложил и выбил на плоских гранитных боках белесые строчки.

— Могилы, — прошептала Танюшка. — Олег, я боюсь.

Скелета она не испугалась. А могил почему-то — да.

— Подожди, Тань. — Я осторожно подошел ближе, сам испытывая неприятное ощущение. Не страх, но какую-то щемящую опаску.

Henry O’Nail

19.01.70–17.05.85

Save God Max Odder

07.12.69–17.05.85

Save God Peter G. Segewick

16.03.70–17.05.85

Save God — Трое, по пятнадцать-шестнадцать лет, — через плечо сказал я. — Больше двух лет назад погибли...

— Англичане? — Танюшка все-таки подошла.

Я кивнул:

— Написано по-английски... Генри, Макс и Питер... Наверное, эти ребята были вместе с тем... ну, скелет которого. Только его уже некому было хоронить.

Мы посмотрели по сторонам, прошлись вокруг. Но ничего не нашли. Я, если честно, и не ожидал, а вот Танюшка, похоже, разочаровалась. Уж не знаю, что она собиралась обнаружить.

Я тем временем еще раз определился с западом и выбрал ориентиры, до каких доставал взгляд. Это занятие меня так увлекло, что я и не заметил подошедшей девчонки. А она обратила мое внимание на то, чего не замечал я.

Густой лес впереди — километров на пятнадцать, почти до горизонта — сменился рощами и лугами. Веселенькая такая местность, да еще солнечная... Но Таня указала на одну странность.

— Смотри. — Она вытянула руку. — Это что, дым?

Я только сейчас заметил, о чем она говорит. В самом деле — в двух или трех местах на равнине словно бы держались расплывшиеся облака дыма. Серый флер, задерживавший траву и деревья, прозрачный, но все же различимый.

— Не знаю. — Я всмотрелся. — Больше на туман похоже... Прوماхнем до темноты эту равнину?

— Ага, — согласилась Танюшка.

* * *

Вблизи этот странный туман выглядел облачками бледно-бледно разведенной черной краски, сквозь которую все видно, а сама она почти незаметна. Первое такое облачко окутывало симпатичную рожицу, и я было сунулся туда, но Танюшка вцепилась в меня:

— Не ходи! Вдруг это какой-то газ!

— Да ну, газ, — для проформы и самоутверждения пробурчал я, но внутрь и правда не пошел. Серое облачко действительно как-то отталкивало, и мы и от остальных держались подальше.

Мы все-таки добрались до леса — как раз к тому моменту, когда солнце за него село. Не стемнело, но резко смерклось.

— На опушке заночуем? — спросила Танюшка устало. Я хотел было кивнуть...

И не кивнул.

Я никогда в жизни не ощущал того, что называется «взглядом в спину». Только в книжках читал. Но, наверное, что-то такое сидит в каждом человеке — от предков, что ли? И просыпается, когда «подопрет».

Уж куда сильнее, чем подперло нас...

Короче — я ощутил этот самый взгляд. Тяжелый и... не то что угрожающий, нет. Но неприятный, словно меня оценивали.

Я обернулся — спокойно, будто решил просто взглянуть на путь, пройденный за день. И — вот честное слово! — на какую-то даже не секунду, а на ее хвостик — увидел промельк движения. В том самом месте, где мы спустились с откоса.

Пятнадцать километров — это много, на таком расстоянии нельзя увидеть одно живое существо, даже крупное. Тут словно черная капля перелилась...

Группа. Стадо, косяк, что угодно. Только как-то странно для животных, словно выглянули — и назад. Животные так себя не ведут.

Именно группа. И если эти — кто бы они ни были — появились именно в этот момент, то они нас, конечно, не видели. А если наблюдали уже давно?..

— Нет, Тань, — спокойно сказал я, — давай уйдем подальше. В лес.

* * *

Ракушки оказались никакими, хотя мы, морщась, сдабривали их пеплом, чтобы хоть чуть-чуть посолить. Однако есть хотеться перестало. Я улегся на траву, закинув руки под голову. Танюшка сидела боком, одной рукой опершись оземь, другой — перебирая пустые ракушины, красиво отблескивавшие перламутром изнутри в свете гаснущего костра.

— В них бывает жемчуг? — спросила она вдруг.

— Нет, кажется, — рассеянно сказал я, — это в речных жемчужницах... Но у нас их давно не осталось.

— Ну здесь-то, может, есть? — предположила Танюшка, и я вздохнул.

— Да я забыл, что мы... Может, и есть.

— Олег, а почему мы ушли с опушки? Кого ты увидел?

— Никого, — равнодушно отозвался я. — Просто не хотел торчать там. На всякий случай. Не сами же по себе те ребята погибли?

— Ну, это давно было... — успокоенно протянула Танюшка. — А вот интересно — откуда тут англичане? Или они американцы?

— Или кто угодно, говоривший по-английски, — дополнил я. — Кто их знает, откуда. Мы тут вообще ничего не знаем.

— Завтра дойдем, Олег? — спросила она.

Я пожал плечами:

— Ну, сорок миль завтра кончатся точно. А там посмотрим — знать бы еще, что мы ищем?

— Ход домой, что же еще? — твердо и уверенно удивилась Танька.

Меня просто убила эта ее уверенность. Даже ответа не нашлось, да я его и не искал.

Разве что мне подумалось, что разочарование Танюшки при такой уверенности будет тяжелым. Вдруг она его не перенесет?! Чокнется или еще что...

— Тань! — вырвалось у меня.

— Что? — спокойно удивилась она, отряхивая ладонь о джинсину.

— Да ничего, — так же спокойно ответил я. — Просто — Тань-нь-нь... Колокольчик звенит, слышишь?

Она почему-то смутилась — опустила голову, стрельнула зелеными искрами из-под волос. Сказала:

— Хватит тебе. Ты что, в любви признаешься?

Теперь уже я опустил глаза. И, рассматривая куртку у себя на груди, ответил:

— А если так? То что?

— Да ничего. — Танюшка поворошила угли в костре. — А помнишь, как первого июня мы были в Чутановке, у Вадима на даче?

— Когда вечером разожгли «пионерский» костер и я у тебя спрашивал, не больно ли кусаются комары? — усмехнулся я.

— Очень тактично и участливо спрашивал, — уточнила Танюшка.

— Видимо, тебе это доставляло удовольствие? — Я кивнул и получил в лоб веточкой, а девчонка продолжала: — Но я не про это... И не про костер... Помнишь, как мы шли со станции? И ты ухитрялся одновременно поддерживать меня под руку, отгонять комаров, тащить на себе свой и мой рюкзаки, опираться на деревянную шпату и трепаться со мной?

— Помню, — кивнул я, действительно с удовольствием вспоминая эти совсем недавние события. — А ребята вечером напали на нас из-за кустов...

— Придурки, — сердито вставила Танюшка, — я так испугалась... И ты с ними дрался и всех заколол.

— Их и было всего трое, — уточнил я.

— Все равно... Было так... — Она покрутила рукой в воздухе. — По-настоящему...

— Я на будущий год могу выиграть первенство город — район по рапире, — сказал я. — Ты придешь за меня болеть?

— Конечно, приду, — закивала Танюшка. Я приподнялся на локтях:

— Тань, а это правда, что ты говорила про школу? Что ты перешла в нашу школу?

— Правда, конечно, — она смотрела на меня через огонь, и я не мог различить выражения ее глаз. Странно. Огонь должен освещать. Но он прячет, делая лица одинаковыми. Около огня невозможно разглядеть, какое у человека выражение глаз, улыбаются он или насмехается... Но сейчас я знал, что Танюшка говорит *правду*.

— А почему, Тань? — тихо спросил я. И подумал, что мы уже долго знакомы. И много раз уже сидели вот так у самых разных костров. Но такого разговора у нас еще не было. — Почему ты так решила?

— Потому что... — Она замялась и жалобно попросила: — Не надо, Олег, я же все равно...

Я увидел — даже в свете костра! — как она покраснела. И засмеялся от внезапно заполнившего меня — как сидро заполняет кружку! — пузырястого, шипящего чувства радости. Причем для этой радости у меня не было ни слов, ни даже мыслей.

— Знаешь, я удивился, когда ты согласилась идти к нашим, — вместо продолжения разговора сказал я. — Думал, ты испугаешься.

— Как Ленка Власенкова? — вспомнила Танюшка. — Ленка потом, помнишь, рассказывала, что сперва, как к нам в штаб попала, хотела сразу удрать. Думала — притон какой-то... Нет, я сразу сообразила, что и ребята, и девчонки у вас хорошие... А вот я удивилась, когда знаешь что? Когда ты к нам домой пришел. До сих пор не знаю, как ты мой адрес разыскал?

— В клубе собачников, — признался я. — Твоего Черныша там хорошо знают... Туда-то я пришел, а вот около твоего дома минут сорок ходил. Если бы мне твой отец открыл, я бы, наверное, сбежал.

— А открыла я, — задумчиво сказала Танька. — Знаешь, Черныш, наверное, не ест. Он не любит, когда меня долго нет.

— Кузя тоже, — вспомнил я своего пса. Танюшка засопела. Серьезно так, с претензией на слезы, и я поспешил попросить: — Тань, может быть, ты споешь опять?

— Ты меня отвлечь хочешь, — вздохнула она.

Я кивнул:

— Ага. И сам хочу отвлечься, угадала. Спой какую-нибудь нашу.

— Сейчас. — Она села прямее и склонила голову набок... Но прежде чем начать петь, сказала вдруг: — Помнишь, как твой Сергей говорит? «Насильно слушать у костра вранье никого не заставишь — это не у телевизора...» Слушай, Олег.

В школьное окно смотрят облака,
Бесконечным кажется урок,
Слышно, как скрипит перышко слегка
И ложатся строчки на листок.

Первая любовь, юные года,
В лужах голубых — стекляшки льда...
Не повторяется, не повторяется,
Не повторяется такое никогда...

Песенка дождя катится ручьем,
Шелестят зеленые ветра...
Ревность без причин, споры ни о чем —
Это было будто бы вчера.

Мимолетный взгляд удивленных глаз
И слова — туманные чуть-чуть.
После этих слов в самый первый раз
Хочется весь мир перевернуть.

Первая любовь, снег на проводах,
В небе — промелькнувшая звезда...
Не повторяется, не повторяется,
Не повторяется такое никогда...¹

* * *

Спокойной ночи у нас не получилось. Вернее — не получилось у меня.

Я проснулся от стремительного ощущения падения — и схватился обеими руками за края кровати, а на самом деле — за широкий сук, на котором лежал верхней частью тела. Говорят, что такое снится, когда во сне растешь, и я, еще толком не очнувшись, вроде бы даже вспомнил свой сон.

Но тут же забыл его. Какой тут сон, когда наяву творились вещи почуднее!

Сперва мне показалось, что за деревьями мельтешат светлячки — только какие-то разноцветные и излишне активные. Но это потому, что я еще до конца не проснулся. В следующий миг до меня дошло, что это на самом деле очень далеко — километров за тридцать, не меньше! — и никакие это не светлячки.

Трассирующие пули, как в кино про войну, — вот что это такое. Только не так густо,

¹ Музыка С. Туликова, стихи М. Пляцковского.

как показывают в фильмах; то тут, то там, реденько.

Честно — я обалдел. Так, сидя, и остолбенел, даже рот приоткрыл, наблюдая за бесшумным — расстояние было точно большим — полетом цветных точек. Это могло значить одно — люди тут есть...

Точнее, это еще значило, что у этих людей имеется оружие посерьезнее мечей. Неясным оставалось лишь одно: что это за люди. А это-то как раз и было самым важным, если честно.

Стрельба продолжалась совсем недолго. Кроме того, она не могла меня разбудить. Так от чего же я проснулся?

Все это время я лежал неподвижно, повинуюсь какому-то инстинкту, появившемуся внезапно и очень кстати.

Потом внизу, там, где мы жгли костер, зашуршал пепел. Хрустнули полусгоревшие ветви. И уже беззвучно проплыли куда-то в сторону тени.

Раз. Два. Три... Семь. Восемь... Двенадцать.

Страх отпустил меня не сразу, оставив после себя унижительный холодный пот, спазмы в желудке и кислятину во рту. Я не знаю, кого видел, даже очертаний толком не различил. Знаю, что избежал смертельной опасности. Каким-то чудом...

Мне пришлось пересилить себя, чтобы спуститься с дерева, — да и то я выждал чуть ли не полчаса, не опасаясь, что усну. Страх не давал... Подсвечивая зажигалкой, всмотрелся в пепел.

Он был истоптан. В нескольких местах отпечатались следы. Не звериные... но и не очень похожие на людские. Какие-то нечеткие, словно оставлявшие их были обуты в бесформенную обувь.

Мне вновь стало страшно, и я, погасив зажигалку, долго не мог влезть на дерево, холодея каждый раз, когда срывалась нога. Мне казалось, что вот-вот кто-то вцепится в плечи и поволочет в темноту. Мне в сознательном возрасте ни разу не доводилось надуть в штаны, но сейчас я был близок к этому и наверх вскарабкался в полнейшем изнеможении, весь дрожа.

Танюшка спала, и я даже разозлился на нее. Но сопение девчонки действовало успокаивающе; я устроился, скорчившись у нее в ногах, сунул руки под мышки и... сам не заметил, как все-таки уснул.

* * *

— Смотри, Олег.

В голосе Танюшки было потрясение. Надо сказать, я ее понимал.

Мы стояли внизу голого каменного откоса. Не помню, чтобы я видел такой в нашем мире в этих местах, да это и не важно. Откос уходил влево и вправо, словно огромный нож вспорол в этом месте лес на несколько километров, вывернув вал перемешанной с галькой земли. Конечно, это было не так. Но похоже.

Однако не этот геоморфологический памятник нас удивил. Нам хотелось есть, до природных ли тут недоразумений? А вот на этом валу — в сотне метров справа от нас — лежал большой серый валун.

И это был не просто валун.

Когда-то чья-то рука придала валуну очертания лежащего человека. Он опирался щекой на кулак левой руки, а правой придерживал рукоять меча, вытянутого вдоль ноги. Черты лица были только намечены, но все же хорошо различалось, что неведомый скульптор изобразил подростка — с правильным лицом, с упавшей на щеку прядью волос.

— Пошли. — Я потянул Таньку за плечо. — По-моему, мы добрались.

Танюшка стрельнула в меня взглядом — недоверчивым и обрадованным, — и я понял, что для нее путь закончился.

А у меня такого чувства не было.

Не было — и все тут.

Мы подошли к каменной глыбе. Она оказалась в три раза больше человека, и, подойдя вплотную, я увидел, что скульптура старая. Старше надписей, которые мы видели тут.

— Ну вот, Тань. — Я вытер лоб и незаметно оперся на камень, пережидая короткий приступ головокружения. — Пришли. Что дальше?

Она вновь взглянула на меня:

— Ты не веришь? — тихо спросила она. Я покачал головой. — И с самого начала не верил? — Я снова покачал головой. — Но, может, мы просто не сюда попали, может, эта статуя никакого отношения...

— Может быть, — устало прервал ее я. — Но я, Тань, *не знаю*, куда нам еще идти. Вот мы пришли, сорок миль кончились или вот-вот кончатся. Я *не знаю*, куда мы должны были прийти. И вообще... — Я махнул рукой и присел на край камня. Голова не переставала противно кружиться. То ли от голода, то ли давление резко упало — больше года уже не было со мной такой фигни... Наверное, и на лице это как-то отразилось, потому что Танюшка посмотрела на меня с испугом и тронула за плечо:

— Ты чего?

— Ничего, ничего, — поспешил успокоить ее я и рывком поднялся. — Понимаешь, Тань, для них — ну, для тех, кто надписи оставлял, — этот памятник мог что-то значить. А вообще — нечего киснуть. Это место ничем не хуже любого другого.

— Я домой хочу. — Губы у Танюшки вдруг поехали, задрожали. — И есть... — Она справилась с собой, но отвернулась и начала водить пальцем по камню.

— Есть мы добудем. — Я заставил себя собраться. — Обязательно добудем, что ты... И домой выберемся, погоди только, Тань...

Мне очень-очень хотелось зареветь. Оказывается, и я на что-то надеялся. Вопреки всему надеялся... Но реветь не имело смысла, и я решительно взялся за Танькино плечо под кобвойкой:

— Тань, вставай. Пошли. Нам вообще нельзя на одном месте сидеть.

Она не спросила — почему. Вместо этого с надеждой посмотрела на меня:

— А давай вокруг походим немного, а, Олег? Вдруг что-то найдем, а?

— Давай, — согласился я. Без особой надежды, просто для успокоения — даже не своего, а Танюшки...

...Форт мы нашли через десять минут.

* * *

Кто-то сложил башню-шестигранник из мощных каменных глыб, неведь как и когда сюда попавших. Она была не очень высокой — в три моих роста, не больше, но широкой. По верхнему краю шли узкие бойницы. Когда-то эту башню ромбом окружал деревянный частокол, но большинство здоровенных бревен перегнили в земле и валялись рядом в беспорядке, остальные накренились, и только одно-два стояли прямо. К башне примыкал приземистый блокгауз. Провалившуюся крышу и накренившиеся внутрь стены покрывал мох. Никаких следов штурма или хотя бы пожара видно не было, зато над входом — плотно сбитой из досок дверью, расположенной на уровне моей головы, — был нарисован белой краской идущий лев с поднятой передней лапой, как на гербе. Краска стерлась и смылась, но в неровности камня въелась, и на расстоянии рисунок оставался отчетливым.

— Это английский гербовый лев, — определил я. — Тань, я тебя подсажу, а ты попробуй открыть дверь.

— Угу. — При виде форта она вновь резко оживилась. — Давай.

Я, сцепив руки в замок, подкинул ее к двери, и Танюшка ловко вцепилась в какие-то выбоинки. Нетерпеливо вытянула ко мне руку, я перебросил ей открытый нож. Навверху скрипнуло, хрустнуло, посыпалась сырая деревянная труха, и Танюшка соскочила обратно. Указала вверх подбородком с гордым видом.

Дверь была открыта — отошла на полметра. В щели проглядывал свет.
— Подсади опять, я посмотрю.
Я принял от нее нож и покачал головой:
— Лучше я, мало ли что...
— Я же тебя не подниму, — улыбнулась она. — Давай, Олег.
— Эххх... — Я неохотно, но сноровисто подсадил ее и приготовился ждать. Но буквально через минуту Танюшка с ошарашенным видом свесилась обратно. Она, кажется, лежала на животе и обеими руками отводила волосы от лица. Глаза у нее были ошалелые:
— Олег, тут оружейный склад, — сказала она.
— Дай руку, — выкинул я вверх ладонь.

Рассказ второй Старые друзья

А наш огонь никогда не гас,
А что невелик — ничего...
Не так уж много на свете нас,
Чтоб нам не хватило его!

А. Макаревич

Нет, что бы Танюшка ни говорила, но это ничуть не походило на оружейный склад. По крайней мере как я их себе всегда представлял — строгие ряды стоек с оружием. (В жизни я их — складов — все равно не видел.) Скорее это напоминало оружейную башню из повести Крапивина «В ночь Большого Прилива», где вооружался главный герой Сережка, — эту книжку я очень любил...

Было еще одно сходство — пожалуй, более верное, только очень уж неприятное, поэтому я и не подумал о нем сразу. Если я что-то понимаю, то люди свалят оружие так — одной большой, остро-расползающейся кучей — в одном случае.

Если сдаются. Перед моими глазами встала картинка из фильма (или, может быть, я ее сам выдумал): люди проходят между двумя рядами других людей и складывают, почти бросают, оружие в конце этого живого коридора. С лязгом и шорохом выползают из ножен потерявшие хозяев клинки...

Все как здесь. А где хозяева? Я даже огляделся с неприятным холодком, почти ожидая увидеть где-нибудь у стены скелеты.

Конечно, там ничего не было.

— Странненько, — сказала вдруг Танюшка, и я вздрогнул. Девчонка задумчиво смотрела на эту кучу. — Их как будто... бросили. Потому что не нужны.

— Это еще не самое странное. — Я почему-то ощутил нервную дрожь. — Странней то, что все оружие здесь — боевое.

— А? — Танюшка посмотрела на меня, сведя густые брови. — Это как?

— Мы с тобой тут уже долго, но не видели ни одного человека, — задумчиво сказал я. Когда говоришь вслух, мысли легче оформляются. И иногда сам удивляешься тому, что говоришь. Пока думал, все выглядело не так... — А тут все оружие именно... ну, античеловеческое, понимаешь? Никто же не ходит на медведя или волка со шпагой или саблей. Топор там нужен. Рогатина какая-нибудь. А тут нет оружия на зверя. Только на человека.

— Ну... — Танюшка вообще-то не спорщица, но сейчас, наверное, почувствовала, как мне хочется, чтобы меня опровергли. И начала опровергать. — Может, его потому и бросили, что оно тут не нужно. А всякие топоры с собой унесли.

Мне стало смешно. Не очень хорошее это было веселье, истеричненькое. Мне

представилось, как некие люди входят сюда, сваливают мушкетерскую снарягу, затыкают за пояса топоры и уходят. Д'Артаньян, переквалифицировавшийся в кержака-раскольника... Но какой-то резон в Танюшкиных словах все-таки был. Я подошел к оружейной куче.

— Не, Таньк, — медленно и уверенно сказал я. — Этими штуками пользовались. И за ними ухаживали, смотри.

Действительно, оружие ничуть не походило на брошенное за ненадобностью. Кромки клинков все еще сохраняли голубовато-серебристую заточенность, а остальное полотно, наоборот, было серым и выщербленным. Не музейного вида было оружие. Не лакированное, понимаете? Если в книжках пишут правду — с таким хозяин расстается только вместе с жизнью.

Я почувствовал, как во мне разрастается любопытство и восхищение этим оружием. Руки буквально зудели, тянулись к клинкам.

— Танюшка, я, наверное, кое-что возьму, — разыгрывая неуверенность, сказал я.

Танюшка вздохнула:

— Игрушки нашел?

— Все-таки... защита. — Я опустил на корточках. — Ого!

— Я тоже покопаюсь, может, найду что поинтереснее. Одеядло, например, — сообщила она, обходя оружейную свалку.

— Не порежься, — машинально сказал я.

Среди клинков преобладали прямые шпаги и их производные. Я считал себя спецом по холодному оружию и всегда испытывал к нему слабость как к оружию благородному, но сейчас у меня просто разбежались глаза. Я брал новые и новые образцы, выдвигал и рассматривал клинки, касался разнообразных гард и ножен, тянул, пробуя на прочность, потрескавшиеся широкие перевязи... Выбрать было очень трудно как раз из-за невероятного обилия, и скоро я понял, что ничего не выберу — как тот осел, который сдох с голоду между двумя кучами моркови. Поэтому я просто закрыл глаза, встал, сделал два оборота и на ощупь поднял то, что попало под руку.

— Выбрал? — насмешливо спросила Танюшка. Она сидела на корточках со своей стороны кучи, держа на коленях какой-то кинжал.

— Угу... — отозвался я, разглядывая то, что мне досталось.

Мне повезло. Наверное — в награду за решимость. Ножны оружия оказались простые, обтянутые черной кожей со стальными скрепами. Рукоять тоже не восхищала — покрытая шероховатой кожей же (ее обвивала прочно впрессованная металлическая нить), с навершием в виде шляпки гвоздя, защищенная ребристой гардой-раковиной и нехитрым плетением толстой проволоки (бронзовая, почему-то подумал я, хотя не знал точно). Лезвие — шириной в три пальца у основания, без выборок, гладкое — имело в длину сантиметров девяносто, не меньше, и к концу сбегало до двух пальцев ширины.

Поднявшись на ноги, я провел несколько фраз. Танюшка смотрела без насмешки — она видела меня на дорожке и знала, что это серьезно.

— Возьмешь эту шпагу? — спросила она.

— Это не шпага, — ответил я, любуясь оружием. — Это палаш. У шпаги обе стороны заточены на всю длину, а лезвие в сечении — ромб или линза. А тут лезвие — клин, и обух заточен только на треть от острия.

— Спасибо за лекцию, — поблагодарила она. — Так ты его берешь?

— Беру, — кивнул я. — Правда, он, Танька, тяжелый. Раза в три, если не больше, тяжелее рапиры, а я к ней привык. Смотри, как у меня медленно все получается... и инерция какая. — Я вновь показал несколько фраз.

— По-моему, все нормально, — критически всматриваясь, сообщила Танюшка.

— Это тебе кажется, — вздохнул я. — У меня вся сила в скорости... А, беру его!

Ножны крепились на широкой перевязи. Причем на лопасти было место для второго клинка, а на груди — еще один чехол. Я повздыхал и зарылся в кучу под ироничным взглядом Таньки, объяснив:

— Место же есть, а пустое — некрасиво.

Я больше ничего не успел найти. Танька, бесшумно что-то там раскладываявшая, подала голос:

— Ого, смотри!

Она протягивала мне арбалет. Вернее, мне сперва показалось, что арбалет — винтовочное ложе, покрытое поцарапанной лакировкой, короткий лук с толстой тетивой, металлический кованый спуск — красивое и не очень тяжелое оружие. Я подержал его в руках и поднял глаза на девчонку.

— Может, мне этот арбалет взять? — задумчиво спросила она.

— Это не арбалет, — ответил я. — Это аркебуза.

— Ты меня за неграмотную не считай, — холодно заметила она, опасно сверкнув глазами. — Я даже картинку помню в учебнике. Аркебуза — это ружье. С фитилем.

— Да нет, Тань, — не стал смеяться я. — То есть правильно все, это аркебуза. Но вот такие штуки — самострелы, которые стреляют не стрелами, а пулями, — тоже называются аркебузами. Ты посмотри, там стрелы есть?

— Сейчас... вот, — она подняла в руке кожаный мешочек с завязкой, судя по всему, тяжеленький. — Ты прав, как всегда. Стрел нет, а это?.. — Она раздернула завязку и удивленно сказала: — Олег, это же подшипники!

Я принял мешочек — да, он весил о-го-го. А внутри и правда оказались никелированные подшипники.

Ну что ж. Отличные пули. Но тоже наводит на мысли...

— Бери, — посоветовал я. — Метров на сто он бьет наверняка, и не хуже пистолета.

— А как им пользоваться?

Вопрос был коварный. Но я не мог ударить в грязь лицом и, высокомерно хмыкнув, заявил:

— Ну, это просто. Смотри...

Это в самом деле оказалось «просто». Аркебуза имела странно современную конструкцию. Почти автоматный затвор отводился назад до упора, в отверстие наверху ложа вкладывалась пуля, затвор отпускали, и он чуть продвигался вперед, фиксируя ее в стволе. После этого аркебузу можно было вертеть как угодно — пуля не выкатывалась. Правда, и разрядить оружие становилось возможно лишь выстрелом. Танюшка несколько раз вхолостую щелкнула спуском, кивнула и продолжила поиски — похоже, и она увлеклась. За год нашего знакомства она набралась от меня немало, в том числе — и любви к оружию.

Я смотрел, как она копается с решительным видом, по временам сдувая с носа прядь русых волос, и, поймав себя на том, что широко улыбаюсь, поспешно вернулся к поискам.

Почти тут же я нашел еще один клинок — как подгадал, в пару к палашу. Это был ромбический в сечении кинжал в полруки длиной, с широко разведенными и выгнутыми по сторонам клинка длинными усами гарды. Удобную насеченную рукоять венчал солидный конический набалдашник. Прикинув оружие в руке, я закрепил кинжал во второй петле лопасти — он подошел идеально. Я даже подумал, что отсюда он и выпал.

Танюшка тоже нашла себе один клинок — широкий, в ладонь, плоский кинжал длиной сантиметров тридцать, с простой, но удобной пожелтевшей костяной рукояткой в мелких выемках. На одной стороне лезвия — в две трети длины где-то — шла пилка, и я уже настроился приколоться, что девчонки даже в оружии видят инструмент... но передумал. Пилка в самом деле могла оказаться полезней моего палаша.

Под руку мне попались три цельнометаллических кованых ножа с широкими концами — метательные, и я задумался. Олег Фирсов и Игорь Басаргин, которые постоянно тренировались метать ножи, учили и меня, но я оказался бездарным учеником... Правда, ножи мне понравились, и я сунул их — влезли хорошо — в чехол на груди, после чего встал, сожаляющим взглядом окинув кучу, которую приходилось оставлять.

Рядом с Танькой, кроме арбалета, пуль в мешочке и кинжала, к которому она подобрала ножны, лежала широкая перевязь в мелких клепках и короткий прямой нож.

Сейчас она увлеченно тянула что-то из кучи — какой-то ремень. Я решил заняться поисками шпаги для нее, но меня остановил удивленный возглас Танюшки:

— Олег, пистолет!

Она держала этот самый ремень в руке — патронташ с большой кобурой. В гнездах ремня тускло поблескивали патроны — штук двадцать. Они походили то ли на толстые сигареты, то ли на тонкие тюбики губной помады. Заполнены была половина гнезд.

— Это револьвер, — я открыл кобуру (заметив, что в гнездах под крышкой есть еще семь патронов) и достал оружие. — Наган, семизарядный.

— Ты умеешь с ним обращаться?

— Теоретически, — признался я в ответ на вопрос девчонки.

— Я и теоретически не умею... Забирай и благодари за находку.

— Спасибо! — пылко и искренне ответил я, тут же перепоясываясь и подгоняя ремень по себе. Я прижал им перевязь — чтобы не болталась — и поймал брошенный на меня задумчивый взгляд Танюшки. — Я смешно выгляжу?

— Знаешь, нет, — медленно ответила она. И не договорила: — Вообще наоборот... — а потом трянула головой: — Теперь медведи нам не страшны!

— Да нет, — огорчил я ее. — Из нагана медведя не убить. Это опять-таки против человека оружие... Вернее его завалить из твоей аркебузы.

— Ага, значит, на медведей ты предоставляешь охотиться мне?! — возмутилась Танька. — Это по-джентльменски!

— Давай лучше тебе что-нибудь еще найдем. — Я присел было, но уткнулся палахом в пол и под насмешливым взглядом Танюшки вынужден был неловко поправить оружие. Да, кажется, надо привыкать... Пока что с оружием на поясе я ощущал себя скорее странно, чем по-мушкетерски. Но вот зато клинок Татьяне отыскался сразу.

— А чего он такой длинный? — критически спросила она. Я вытащил из ножен — мягких, красной кожи — действительно почти метровый, чуть изогнутый остроконечный клинок, заточенный с одной стороны, с овальной маленькой гардой, защищавшей рукоять под две руки. Клинок был тонкий и гибкий.

— Это корда, кавалерийская сабля, — объяснил я, — самое девчоночье оружие. Им можно рубить и колоть... Давай подгоним по тебе, вставай.

Девчонка послушно поднялась. Перевязь для корды, как я и ожидал, была сделана на спину; я накинул ее так, чтобы рукоять поднималась над левым плечом, начал было, пропустив руки под мышки, подгонять ремень на груди у Танюшки, но внезапно страшно смутился — хотя еще ни к чему не прикоснулся — и отдернул руки, надеясь, что не покраснел.

— Давай это... застегни, как удобнее, Тань.

Не поворачиваясь, она склонила голову и завозилась с ремнем — без единого слова. Я стоял сзади и молчал, злясь на себя. Глупость какая-то — мы же с ней еще на Земле в походах спали чуть ли не под одним одеялом, и... а тут словно обожгло.

— Так? — Она повернулась ко мне, большим пальцем отбросив со лба волосы.

Я кивнул. Потом спохватился и спросил:

— Нигде не тянет?

— Все нормально, — заверила она и провела ладонью под перевязью. — Глупо выгляжу?

— Знаешь, нет, — вспомнил я ее недавний ответ на подобный вопрос.

— А ар... кебузу где носить?

— Тоже за спиной, — сообщил я. — Давай поищем еще пули.

Мы немного покопались среди оружия. Я поймал себя на мысли, что мне хочется взять еще несколько клинков, и, чтобы не соблазнять себя, отошел в сторону и достал револьвер. Откинул шторку барабана — наган оказался полностью заряжен, донца патронов медно поблескивали. Запихивая оружие назад, я подумал, что трудно будет выхватить его быстро. Крышку, что ли, отрезать? Выпадать начнет...

Навершие палаша снова попало мне на глаза, и я только теперь заметил, что на этой плоской шляпке гравирован значок. Это была свастика — самая настоящая свастика, только скругленная какая-то.

На миг во мне шевельнулось отвращение. Глубоко заложенное, генетическое, что ли? Но уже в следующую секунду я почти с испугом понял, как совершенен и уместен этот рисунок. И отвел глаза, решив, что палаш от него хуже не станет. Правда, мысль все-таки странная.

Чего совершенного в свастике?!

— Смотри, Олег, перчатка! — Танюшка, отчаявшись, похоже, найти пули, подошла ко мне, держа в руке перчатку — левую. Это была крага — высокая и жесткая, хотя тонкая на вид, желто-коричневого цвета и потрескавшаяся. — На, примерь!

Я примерил. И обнаружил две странные вещи. Во-первых, ладонь — от запястья до кончиков пальцев — была подшита тонкой металлической сеткой. Я вспомнил, что читал про такие вещи в «Графине де Монсоро». Кстати, до конца книжку не осилил. А второе...

У меня маленькая рука. Довольно-таки хорошо набитая — и рукоятью рапиры, и гантелями, и черенком лопаты, — но маленькая даже для мальчишки.

А перчатка была мне впору. И я почти с испугом подумал, что носил ее до меня такой же мальчишка, как я, а потом он...

Меня тряхнуло нервной дрожью, словно заглянул в холодную пропасть, где не различишь, что там на дне, и только ветер доносит то ли гул ледяного потока, то ли запах гниения...

— Я возьму это, спасибо, Тань, — с этими словами я убрал крагу под перевязь. Она кивнула — рассеянно, даже не посмотрев на меня, потому что водила пальцем по освободившемуся участку пола. Потом подняла на меня свои серьезные зеленые глаза:

— Смотри, что тут написано.

С удовольствием придерживая рукоять палаша, я обошел раскиданную нами кучу оружия и, нагнувшись, в самом деле увидел надпись. Кто-то неизвестно когда выцарапал на каменном полу английское слово или аббревиатуру.

Белые штрихи на сером:

TRAP

По английскому у меня была четверка. Может быть, даже не вполне заслуженная, и я мог только смотреть на это слово с умным видом. Танька, не поднимая головы, продолжала водить пальцем по штрихам. Потом сказала:

— Тут написано по-английски — **ЛОВУШКА**, Олег.

У нее по этому языку было «отлично».

Мы будем жить с тобой в маленькой хижине
На берегу очень быстрой реки.
Никто и никогда, поверь, не будет обиженным
На то, что когда-то покинул пески.
На берегу очень быстрой реки,
На берегу этой тихой реки,
В дебрях чужих у священной воды,
В теплых лесах безымянной реки.
Движенья твои очень скоро станут плавными,
Походка и жесты — осторожны и легки.
Никто и никогда не вспомнит самого главного
У безмятежной и медленной реки.
На берегу очень дикой реки,

На берегу этой тихой реки,
В дебрях чужих у священной воды,
В теплых лесах безымянной реки.
И если когда-нибудь случится беда —
Найди верный камень там, где скалы у реки.
Прочти то, что высекла холодная вода, —
Но ты эту тайну навсегда сбереги.
На берегу очень дикой реки,
На берегу этой тихой реки...

«Nautilus Pompilius»

Впервые за несколько дней мы были по-настоящему сыты. Впервые — сидели у огня в помещении. Впервые — на одеялах, которые еще немного пахивали сыростью.

Прежние хозяева (или захватчики?) этой башни запасли огромную поленницу сухих, звонких березовых и ольховых дров на втором этаже, куда уводила винтовая лестница (она же вела и к люку, выходявшему, наверное, на крышу, на сторожевую площадку, но мы туда не полезли). На поленнице лежали тонкие, но прочные и легкие серые одеяла — Танюшка, осмотрев и подергав их, сказала, что это настоящая верблюжья шерсть. Одеял было десятка три, все не новые, но чистые. А за поленницей — в промежутке между ней и стеной — нашлись совершенно неожиданно слегка подмокшие сухари и несколько консервных банок с незнакомыми этикетками на непонятном языке, мне показалось — голландском. Консервы были тронутые ржавчиной, но не вздувшиеся, и Танюшка сварила в найденном тут же котелке суп с мясом, а с сухарями сделали бутерброды. Пока она занималась этим, я перетаскал вниз часть дров и половину одеял, из которых устроил два лежбища. В щель дверного косяка забил пару кинжалов и, удовлетворенно попинав дерево, вернулся к костру как раз в тот момент, когда Танюшка объявила о готовности ужина.

От сытости я осоловел и откинулся на сложенное валиком одеяло. С оружием я чувствовал себя совсем иначе, чем без него. Танюшка, сидя напротив, рассматривала мою куртку.

— Продрал, а у меня ниток нет, — вздохнула она, — расползется...

— Не расползется, — ответил я, — немецкая, надежная.

— На завтра консервы и сухари еще есть, а потом — все, — подвела она итог и засмеялась: — Вот, а? Три часа назад и об этом не мечтала, а теперь недовольна!.. Котелок и одеяла надо взять, а?

— Возьмем, — кивнул я и встрепенулся: — Э, в смысле?

— Ну, мы же не тут останемся, — пожала плечами Танька. — Надо все равно искать людей.

— Надо... надо ли? — И я быстро, но обстоятельно рассказал о том, что было ночью.

Танюшка сидела, не сводя с меня глаз. Молчала. Потом вдруг сказала:

— Поучи меня фехтовать, Олег.

* * *

Ручей тек по склону холма за блокаузом куда-то вниз, в сырость, где, похоже, была речка — один из притоков Цны. Тут я и нашел их — хозяев этого места.

Шесть скелетов лежали в русле ручья — один на другом, так, что перепутались кости. Не знаю, принесли их сюда уже мертвыми или убили прямо тут. Но что они были убиты — сомнений не возникало. Черепа — рассечены, кости — переломаны во многих местах.

Я набрал воды выше по течению и еще раз всмотрелся.

Да. И эти скелеты принадлежали подросткам...

...На этот раз я заклинил дверь еще прочнее. Танька сидела, закутавшись в одеяло, и внимательно смотрела на меня.

— Еще убитые? — догадалась она с ходу. Я кивнул, ставя котелок у огня и с размаху садясь на одеяла. Содрал с ног туфли и носки — от них воняло. — Завтра постираю, — тут же сказала девчонка, и получилось как-то совершенно не обидно, естественно. — Много?

— Шесть. — Я подергал себя за волосы и тяжело вздохнул. — Тань, я так понимаю. Минимум десять наших ровесников-англичан погибли тут больше двух лет назад. Но и сейчас тут есть какие-то люди... и еще кто-то. Тань! — Я глянул ей в глаза. — Тут опасно. Очень. И я не знаю, сможем ли мы в ближайшее время отсюда выбраться. Вот так.

— Удивил, — задумчиво сказала она. — Я, Олег, давно это поняла, только боялась вслух самой себе признаться... Что будем делать?

— Искать способ возвращения. — Я подбросил в огонь поленце. — Но завтра мы уйдем, Тань. Тут, конечно, хорошо. И тепло, и не капает. Но нас тут могут прибить, как тараканов. Особенно если нас и правда... выследили. Хочется надеяться, конечно, что тут есть и положительные герои... А сейчас давай спать, Тань. — И я начал стягивать футболку, предвкушая, как лягу в почти настоящую постель.

Закутавшись в одеяло, я улегся как можно удобнее — лицом к огню. Танька все еще сидела, потом спросила вдруг:

— Олег, ты меня не бросишь?

Я аж снова сел.

— В каком с-с-смысле?!

— В самом прямом. — Танька не спускала с меня взгляда. — Решишь, что медленно иду... или что хлопотно вообще со мной...

— Тань, — нерешительно сказал я, — ты чего несешь? Ты не заболела? Как это я тебя брошу?

Вместо ответа она тоже начала укладываться. Я еще какое-то время посидел в одеяле, пытаюсь «отойти» от заявления девчонки, потом покачал головой и улегся, так и не восстановив душевного равновесия.

— Доберемся до Цны и пойдем берегом на север, — сказал я в потолок.

— Там болота, — из-за огня ответила Таня.

— Может, это и к лучшему. — Я подобрал одеяло, подоткнул плотнее. Потом, вздохнув, дотянулся, выпростав руку, и положил рядом револьвер.

На всякий случай.

* * *

За ночь я закопался в одеяла так, что с трудом отрылся обратно. И пригрелся так, что снаружи показалось холодно. Не высвобождая рук, я высунул нос и один глаз наружу...

...Танюшка стояла в проеме открытой двери голышом. Упершись ладонями в притолоку и чуть наклонившись вперед — так, что лучи восходящего солнца залили золотом ее спину и... то, что ниже. А потом она, словно купаясь в солнечном свете, встала боком и прищурила глаза...

...Нет, в принципе, я, конечно, знал, что, как и где у существ противоположного пола находится. И не только по теории или там фоткам-порно, попадавшим в нашу компанию, но и вживую. Постельного опыта у меня, конечно, не было, но вы мне покажите мальчишку, который дожил до четырнадцати лет и не «щупался» с девчонками под видом какой-нибудь «игры»? Короче, я великолепно представлял себе, где что у «них» есть и как выглядит.

Но...

Я и раньше, бывало, «дорисовывал» себе то, что скрывает Танюшкин купальник — особенно по вечерам, лежа в постели, на грани бодрствования. Потом приходили те самые, причудливые и головокружительные сны. Фантазии были сладкими и немного пугающими, потому что следующим шагом были мысли о вполне естественном продолжении, о том, что у нас с Танюшкой *это* когда-нибудь будет наяву... а я не знал, что думает об этом она. Только вот ни сны, ни фантазии не шли ни в какое сравнение с этим обычным зрелищем —

обнаженная девчонка, купающаяся в утреннем солнце. Мне вдруг представилось, как я откидываю одеяло... встаю... подхожу к ней... обнимаю...

Я зажмурил глаза и завопил, словно просыпаясь. Услышал, как легко и быстро прошуршали мимо девчоночьи шаги.

— Та-ань?.. — сонно позвал я ее и сел, расставив ноги и не откидывая одеяло. Зевнул и помотал головой. — Доброе утро.

— Доброе. — Она появилась сбоку уже в купальнике, запрыгивая в джинсы. — Поедим бутерброды, консервы на вечерний привал. — Я кивнул, изо всех сил стараясь сделать вид, что еще не вполне проснулся. — Кстати, — она вроде бы усмехнулась, судя по голосу, — ты в курсе, что кое-кто в Кирсанове называет нас «хорошей парой»?

— А? — Я не нашел ничего лучшего, как оглянуться через плечо в ее сторону. — Это кто же нас так называл?

— Ну, это в целом не важно. — Она накинула ковбойку и принялась скатывать одеяла — пару, одно в другое. — Кстати, носки я постирала, и они уже высохли. И возьми тоже пару одеял... И еще раз покажи мне, как влезать во всю эту сбрую.

— Мне и самому надо потренироваться, — признался я, становясь на колени и начиная сворачивать те одеяла, с которыми уже сроднился. — Все-таки согласна со мной — идем вдоль реки на север? — Танюшка кивнула. — Больше ничего тут искать не будем? — Она покачала головой и улыбнулась. Потом уже озабоченно сказала, перестав валять дурака:

— Ты цнинские леса хорошо знаешь?

— Не очень, — признался я, — вернее — не все, но левобережье знаю. Да и ты знаешь.

Она снова кивнула. И задумчиво спросила вдруг, глядя по сторонам:

— «Ловушка»... Все-таки — кто они были и что имели в виду? И что тут вообще происходит?

— Спросила, — вздохнул я и начал одеваться, но подмигнул и добавил: — Ничего, разберемся!

...Одевшись и затянув ремни снаряжения, я с удовольствием прошелся по комнате. Поймал немного ироничный взгляд Танюшки, но не смутился, а, наоборот, раскланялся перед ней, как мушкетер в кино.

— А знаешь, красиво, — немного удивленно, но искренне призналась она и вздохнула: — Влезу-ка и я в свою снарягу...

Я хмыкнул. Вообще настроение было хорошим, мы ели стоя, то и дело начинали смеяться, и вообще откуда-то всплыла уверенность, что все еще будет хорошо. Потом мы влезли все-таки на верхнюю площадку, и картина стала намного яснее. Оттуда открывался неплохой вид.

— О, — я приставил ко лбу ладонь. — Забирать надо на северо-запад, тогда обойдем болота и Ляду. Помнишь такую речку?

— Помню. — Танюшка кивнула, нахмурилась и выдала: — И выйдем... м-м... где-то за Тулиновкой. Если мерить нашими мерками. Но вообще там тоже болота вдоль реки.

— Обойдем, — предложил я и, подумав, смущенно извинился: — Ты прости, Тань, но я твои вещи нести не смогу. У меня руки должны быть свободными.

— Ой, глупости какие, — нахмурилась она. — Я и сама отлично могу нести свое.

— Вот и хорошо, — кивнул я и еще раз огляделся...

...Когда я читал «Хранителей» Толкиена, то всегда внутренне замирал над строчками, где описывались Черные Всадники. Их безликость была притягательнее и страшнее, чем самые жуткие описания — пятна тьмы, вокруг которых замирало все живое. И сейчас, стоя на верхней площадке башни, я испытал то же чувство.

В каком-то километре от башни (не в той стороне, откуда мы пришли, а перпендикулярно нашему движению), где плоский холм поднимался над лесом, на его вершине стояли несколько фигур, казавшихся черными. И каким-то... *чутьем* я хорошо ощутил: они смотрят сюда.

— Вниз, Тань! — зашипел я, но она уже и сама заметила черные фигуры. Мы

ссыпались вниз, соскочили в траву из двери и бросились в лес — как два испуганных кролика, если честно. Снаряжение мешало мне бежать, да и сам я держался позади, сжав в руке револьвер и оглядываясь.

Вроде бы нас никто не преследовал, но мы отмахали по лесу бегом километра два, наверное, с излишним шумом. И остановились только в каком-то глухом буреломе, около ручейка, где толклись комары.

Я встал на колени и долго пил с руки, отгоняя другой мошкарю. Танюшка озиралась, потом тихо спросила:

— А чего мы так испугались? Может, это наоборот... какие хорошие?

Я медленно поднялся на ноги, вытер мокрой рукой лицо и так же медленно покачал головой. Я не знал, как описать охватившее меня ощущение при виде тех черных фигур.

Но одно знал точно. Ничего «хорошего» в них не было.

Я вновь достал из кобуры револьвер — большой, с вытертым местами воронением. И подумал: а смогу ли я выстрелить из него в человека? Я не был уверен, что сумею это сделать, защищая *себя*.

Но был *почти* уверен — сумею, если придется защищать Танюшку.

С ней, пока я жив, не должно случиться ничего плохого.

— Нет, Тань, — покачал я головой. — Едва ли они хорошие.

* * *

С ходу мы влетели в болотистую низину ручья. Было душно, под ногами хлюпало, одежда прилипла к телу. Комары висели над нами и наслаждались.

— Знаешь что, Тань? — наконец сказал я. — Это неприятно, но это реальность. Ландшафт-то тут такой же, как у нас. А вот природа... Мы от самого Кирсанова идем по лесу, а где у нас такое видать? Вот это болото — я его не помню.

— Я тоже, — призналась Танька и, достав нож, начала чистить ногти. Это я замечал за ней и раньше. И было это признаком волнения. Кроме того, это демонстрировало — я успел изучить — то, что Танюшка перекладывает всю ответственность на меня.

Мда. Очень вовремя.

— Ладно. — Я махнул рукой в ту сторону, где вроде бы имелось повышение. — Пойдем туда. А там посмотрим.

— Олег? — Танька убрала нож и посмотрела мне прямо в лицо. — А они... ну, эти... нас не догонят?

— Не знаю, Тань, — честно ответил я. — Сейчас их нет, а потом... Нет, не знаю. Пошли...

...Я оказался прав. Мы выбрались из заболоченного бурелома в обычный лес примерно через полчаса, и я удовлетворенно-гордо огляделся — так, что Танюшка фыркнула:

— Орел, орел.

— Орел не орел, — скромно ответил я, — а между нами и ими сейчас это болото.

— Часть которого — у нас в обуви, — довольно ехидно добавила Танька.

— Вредный ты все-таки человек, Тань, — задумчиво сообщил я, убирая наган. — Честное слово.

Она гордо задрала свой прямой носик — я ей, кажется, польстил. Что вполне естественно. Я мысленно поставил себе плюстик и предложил:

— Пошли?..

...В сосновом редколесье почва была песчаная. Я таких сосен не видел никогда в жизни — в обхват, не меньше, с медно-красными стройными стволами и раскидистыми кронами где-то высоко в небе. Мне вообще-то сосновые леса не нравятся — в них пусто и гулко, словно деревья рассорились друг с другом. Но в *этом* лесу все было особенным, а воздух казался легким и пахучим.

Мы разулись и шли, помахивая обувью и носками — сушили их по возможности.

Шишки и иголки тут почему-то под ноги почти не попадались, не то что у нас на Прорве, идти было приятно, и мы просто шагали рядом.

— Такое ощущение, — вдруг сказала Таня, — что близко река... Но до Цны еще ой сколько... Может, мы выходим к Ляде?

— Не может быть, — уверенно сказал я в ответ. — Мы не могли так ошибиться. Это просто потому, что в сосняке всегда так кажется.

— Может быть, — кивнула Танюшка и тяжело вздохнула, но ничего не добавила. А я не стал спрашивать. Ясно было, что ничего оптимистичного в ответ я сейчас не услышу.

А песок был теплым, сухим и сыпучим. Танюшка обогнала меня и вышагивала впереди — ушагала довольно далеко... и вдруг остановилась и как-то напряглась, а потом я услышал ее голос:

— Ну, что я говорила — река...

Но голос у нее был странно неуверенный. И через секунду я понял — почему.

* * *

Сперва мне показалось, что мы стоим на высоком озерном берегу. Налетавший теплый ветер ерошил нам волосы, слева и справа метрах в десяти от наших ног лежала водная гладь. Но потом до меня дошло, что это не озеро, а *река* — непредставимо широкая, чудовищная река, чей противоположный берег терялся у горизонта... и мы стоим в том месте, где она делает петлю. Прямо перед нами — километрах в двух — лежал похожий на запятую лесистый остров, за ним разворачивался широченный, величественный изгиб плеса, красивого, как на фотках. Слева виднелись еще несколько островков — поменьше.

— Да это же Волга! — ахнула Танюшка и нагнулась вперед, отставив мягкое место, обтянутое джинсами. Я на это даже не обратил внимания. Во-первых, я с опаской смотрел на этот обрыв, стараясь держаться подальше (не терплю высоты!), — и мне хотелось оттащить Танюшку.

А во-вторых — до меня дошло, что мы видим.

— Тань, — я сглотнул. — Знаешь, что это? Это Ергень-река.

— Какая Ергень-река? — сбивчиво спросила Танюшка, наконец (уф!) выпрямляясь и делая шаг назад.

— Ергень-река, — повторил я. — Она текла на месте Цны... только была намного шире и полноводнее... В палеолите. Нам же говорили на географии.

— Не помню, — замотала головой Танюшка. — Мы что же, в прошлом?!

— Н-н... нет, не думаю, — решительно ответил я. — Просто в этом мире эта река уцелела... Какая она огромная!

— И красивая, — добавила Танюшка с теми же нотками восхищения, что звучали и в моем голосе. — Пойдем вдоль нее?

— Знаешь, Тань... — Я помедлил. — Нам лучше переправиться.

И подумал: чем больше препятствий будет между нами и *теми* — тем лучше. Полезней для здоровья.

— Переправиться?! — Таня удивленно оглянулась на меня. — Ты что, заболел?! Тут километра четыре!

— Да побольше, — прикинул я. — Но течение слабенькое. Построим плот...

— Чем? — коротко и язвительно спросила девчонка. Мне осталось только издать неопределенный звук. — А плаваешь ты...

— Как топор я плаваю, — поспешно добавил я, чтобы не давать Танюшке возможность пространно изложить мою характеристику как пловца. — Знаю. Значит, будем думать.

— Ой, смотри, Олег! — Таня отвлеклась от темы переправы. — Смотри, кто... это же мамонты!!!

Я повернулся в сторону, куда она вытянула руку, — и тоже лишился на какое-то время дара речи. Танюшка не ошиблась, хотя это было и невероятно. В каком-то полукилометре от

нас на «нашем» берегу к воде подходили неспешно шесть огромных рыжих лохматых животных. Мы видели раскачивающиеся хоботы и загнутые почти в кольцо бивни. Передний мамонт оглушительно затрубил, откинув голову и подняв хобот. Мы с Танюшкой невольно шарахнулись назад, переглянулись и засмеялись.

— Наши слоны — самые лучшие, покупайте русских слонов! — сквозь смех процитировал я фразу из нового мультика «Следствие ведут Колобки», который мы видели недавно.

— А смотри, — полусерьезно добавила Танюшка, — выходит, и правда, Россия — родина слонов!

Я хотел сказать, что и не сомневался в этом. Но не успел.

Пока я — какую-то секунду — обдумывал, *что* вижу, Танюшка (еще раз подтвердив, что реакция у девчонок быстрее, чем у парней) выкинула руку:

— Смотри! Это же... лодки!!!

До меня дошло, что это действительно лодки. Они вышли из-за острова: одна впереди, следом еще пять... шесть! Из-за дальности расстояния невозможно было понять, кто в них и сколько там людей. Танюшка схватила меня за плечо, и опять я опоздал понять — те шесть лодок настигли первую, окружили...

День был солнечный. Мы не могли — я уже сказал — увидеть людей, но зато увидели острые вспышки над лодками. Словно разбрызгивала искры электросварка, только беззвучно.

— Олег, это же бой, — выдохнула Танюшка. — Они убивают друг друга!

Я не ответил, только ощутил, как меня натянуло — словно трос натягивают на барабане.

Красив был этот речной плес, и зеленый, словно с картинки, остров, и мамонты, и желтый песок пляжа правее нас, и небо над Ергенью, и лес позади нас.

И посреди этой красоты сверкали над лодками клинки. И, если приглядеться, можно было видеть, как падают в воду темные пятнышки...

Мы с Танюшкой окаменели. Я прижал ее ладонь у себя на плече своей рукой и даже не думал, могут нас заметить с воды или нет... и что будет, если заметят.

Кажется, это продолжалось не очень долго. На воде осталось четыре лодки — кажется, те, кого преследовали, сумели потопить две вражеские, но и сами пошли на дно. Уцелевшие развернулись и начали уходить обратно за остров.

— Ты все еще хочешь переправиться? — хрипловато спросила Танюшка.

— Тань, надо, — ответил я, и Танюшка убрала руку с моего плеча. Вздохнула и неожиданно сказала:

— Надо... Пошли, спустимся на берег и будем искать плавник.

* * *

Если честно, я боялся спускаться на берег. В основном из-за мамонтов, а еще из-за того, что не знал, не засекут ли нас там. Но пока мы искали спуск, мамонты куда-то ушли, а лодки выскользнули из-за острова и растворились где-то в речной дали.

Тропинка не находилась, и мы, махнув на все рукой, съехали по песчаному обрыву, там, где он вроде бы не выглядел особо крутым. Съехали удачно, даже оставшись на ногах.

На пляже на нас навалилось чувство незащищенности. Горизонт отодвинулся, река казалась необъятной, а я вдруг с испугом сообразил, что обратно наверх — по крайней мере здесь — мы вылезти не сможем.

— Вон там плавник. — Танюшка указала на кучу примерно в трехстах метрах от нас. Там действительно лежала целая полоса обкатанных, выбеленных песком, водой, ветром и солнцем деревяшек. Наверное, прибило течением. Я пошел первым, размышляя, как и чем скреплять все это барахло. Ясно же было, что решать эти вопросы мне.

На этот раз я увидел то, что увидел, раньше Тани. И это, пожалуй, было хорошо.

За первым обглоданным белым стволом лежал человек.

Мокрый песок вокруг него почернел от крови...

...Танюшка повела себя спокойно и выдержанно. Она, правда, поднесла к губам ладонь, а глаза расширились. Но вопрос, который она задала, был деловитым и быстрым:

— Он жив?

— Не знаю... — замаялся я. — Это парень с одной из тех лодок, наверное...

Мальчишка был чуть постарше меня. Он лежал ничком, неловко вывернув левую руку; правая пряталась под туловищем. Хотя лицо и было повернуто в нашу сторону, мы его не видели — светло-русые мокрые волосы, очень длинные, скрывали его полностью. Из одежды на мальчишке были явно самодельные, с грубым швом, кожаные штаны — и то ли напульсники, то ли небольшие брасарды на обеих руках, тоже из толстой кожи, с металлическими заклепками.

— Он ранен, Олег. — Танюшка чуть присела. — Ему надо помочь!

— Да, конечно. — Я решительно шагнул вперед. У меня был охотничий опыт, а крови я вообще никогда не боялся; в походах нам приходилось иметь дело с травмами и ранами своих же товарищей. Танюшка присела рядом со мной, но по другую сторону тела.

— Он дышит, — сказала она. Побледнела — это я заметил. Кажется, и я — тоже; одно дело — распоротая стеклом пятка или порез ладони, а другое — ранение, от которого кровь пропитала песок. — Олег, как же он доплыл?!

— Помоги перевернуть, — вместо ответа сказал я и подсунул руки под грудь и живот мальчишки. По мне прошла дрожь — правая рука попала в липкое и горячее.

— А-а-а... — однотонно и почти музыкально простонал мальчишка. Сцепив зубы, я подал тяжелое тело на Танюшку, а она осторожно уложила его спиной на песок. И, охнув, отвернулась. А я не успел, да и нельзя было, коль уж взялись помогать.

Мальчишке распороли живот. Рана была широкой и кровоточила из-под ладони, которой он наплотно ее зажимал.

— Вот ведь... — Я с усилием проглотил кислый комок. Странно, в свои четырнадцать лет я умел потрошить и свежевать добычу... Но распоротый *пацан* — это совсем другое дело.

— Тань... — успел сказать я и, отвернувшись, рухнул на четвереньки, после чего не похозяйски распорядился съеденным утром завтраком. Потом стоило немалого труда заставить себя повернуться. — Тань, мы ничего не можем сделать. Он, кажется, в печень ранен... — Я отплюнулся блевотиной.

— Я вижу. — Танюшка взяла обеими руками свободную ладонь мальчишки, потом убрала с его лица волосы. И я увидел, что его глаза — серые с золотистыми точками — открыты. Зрачки мальчишки были расширены, губы побелели. Шевельнулись... зубы ало поблескивали от крови. — Мальчик, — это прозвучало глупо, — ты живой?

— Он может не понимать русского. — Не скажу, что мне было жаль незнакомого парнишку, но что-то такое давило в груди. Неприятное и непонятное.

— Наши... — Белые губы зашевелились снова. — Русские... рус... ские... — Он, словно слепой, пошарил свободной рукой, наткнулся на коленку Тани и сжал ее. — Я... ум... мираю...

Он вытянулся на песке. Вздрыгнул длинно. Глаза странно *остыли*, рука упала с Танюшкиной ноги на песок — бесшумно. Вторая рука тоже сползла, открыв рану, но та уже не кровоточила.

Я подумал еще раз, как он мог плыть с такой дырой.

Танюшка заплакала навзрыд.

Белый снег,
Серый лед,
На растрескавшейся земле...
Покрывалом лоскутным на ней —

Город в дорожной петле...
А над городом плывут облака,
Закрывая солнечный свет.
А над городом желтый дым...
Городу две тысячи лет,
прожитых под светом звезды
по имени Солнце...

И две тысячи лет —
Война!
Война без особых причин.
Война — дело молодых,
Лекарство против морщин.
Красная-красная кровь
Через час — уже просто земля,
Через два — на ней цветы и трава,
Через три она снова жива
и согрета лучами звезды
по имени Солнце...

И мы знаем,
Что так было всегда,
Что судьбою больше любим,
Кто живет по законам другим
И кому умирать молодым...
Он не помнит слова «да» и слова «нет»,
Он не помнит ни чинов, ни имен,
Он способен дотянуться до звезд,
Не считая, что это сон,
и упасть опаленным Звездой
по имени Солнце...¹

Мы с Танюшкой похоронили неизвестного русского мальчишку тут же, под берегом. Оттащили его туда... Сперва я потащил за ноги, но Танюшка вдруг закричала, продолжая плакать, что я фашист и зверь, что она меня ненавидит, и, не переставая всхлипывать, перехватила тело под мышки и помогла дотащить так, чтобы не моталась голова. Я нашел плоский камень и выцарапал на нем одним из метательных ножей:

**Неизвестный мальчик, русский
примерно 15 лет
Погиб**

— Таня, какое сегодня число?! — окликнул я девчонку, что-то искавшую дальше по берегу. Она отмахнулась. Я сосредоточился, припоминая... и вдруг с испугом понял, что не помню этого, сбился!!! Двадцать шестое?! Двадцать седьмое?! Двадцать пятое?! Кажется, двадцать шестое... Я выцарапал дальше:

26 июня 1988

¹ Группа «Кино».

Танюшка принесла охапку какой-то травы. Сказала, глядя в другую сторону — на реку.
— Вот... это чтобы песок не на лицо...

...Я обрушил часть берега и положил сверху камень. Какие-то обрывки мыслей и слов крутились каруселью в мозгу, как осенние листья, вскинутые ветром. Песок был сырой, но сох на глазах, становясь не отличимым от общего фона берега.

Вот и все.

— Олег, извини, — попросила Танюшка, — я гадости тебе кричала...

— Ничего, — коротко отозвался я.

— Обними меня, пожалуйста, — жалобно сказала она, — мне страшно.

Я положил левую руку ей на плечи. Не обнял, а именно положил, без каких-то мыслей. Да и Танюшка, похоже, ни о чем не думала, кроме того, чтобы найти хоть какую-то защиту от страха.

— Мы умрем здесь, Олег. — Ее плечи вздрогнули.

— Нет, — со всей возможной твердостью ответил я. — Нет, Тань. Пошли строить плот. Мы умрем, если будем сидеть сложа руки.

— Да, конечно. — Танюшка встряхнулась — и физически, и морально. — Пошли.

* * *

Ни я, ни Танюшка никогда в жизни не строили плотов, хотя в теории знали, как это делается, да еще и не одним способом. Дело осложнялось тем, что у нас не было инструментов или хотя бы веревок, и мы вынуждены были поступать, как поступали, наверное, самые-самые первобытные люди — сплести ветви отдельных стволов и надеяться, что эти крепления не развалятся посреди реки. Меня это особо беспокоило. Я работал и представлял себе, как где-нибудь на полпути к острову все это сооружение разъезжается — и...

Беспокоило даже не столько то, что я утону, сколько то, что я *позорно* утону *на глазах* у Танюшки.

После этого останется только сгореть со стыда. Не вполне, правда, понятно, как это осуществить, если я утону...

Сплетала ветки Танюшка — уже в воде, стоя в ней по колено, — а я таскал подходящие деревяшки и поглядывал по сторонам. Плавник отлично держался на воде и, хотя плотно подогнать ствол к стволу не удавалось, становилось ясно, что, если не случится ничего особенного, мы, пожалуй, переплывем Ергень. Часа за полтора-два.

Напоследок я нашел две относительно прямые, но разлапистые на концах ветки — а Танька наскоро переплела эту разлапистость, чтобы обеспечить хотя бы минимальный гребной эффект.

— Можно сесть, спустив ноги в воду, — предложила она, но я помотал головой:

— Нет, эта халабуда и так еле пойдет, а тут еще мы тормозить будем.

Опять-таки я не признался, что просто боюсь сидеть, спустив ноги в глубокую воду, — в голову сразу начинала лезть всякая чушь про осьминогов и акул... хотя, казалось бы, откуда им тут взяться — в реке?

Мы сняли брюки, разулись и умостили одежду, одеяла и оружие на поднимающихся повыше ветках. Танюшка уселась на носу; я столкнул плот подальше и, забравшись на него сам, взял второе весло.

Конструкция «ходила» под нами, что и говорить. Но я успокаивал себя тем, что скандинавские драккары тоже не сколачивались, а «сшивались» сосновыми корнями и еще как «ходили»... а как ходили?! Только драккары не были так неповоротливы на плаву — нас сносило втрое быстрее, чем мы продвигались вперед, вынося на плес, за остров. А мне почему-то не хотелось там оказаться.

...Странный — визгливый и ухающий — звук разнесся над рекой, разбилась об остров,

вернулся эхом: «Вип-випа-а-а!!!» Мы обернулись (лодка бы точно перекинулась!), и Танюшка сдавленно пискнула, указав в сторону покинутого нами берега.

Там, где мы стояли, когда вышли на берег, чернели несколько плохо различимых, но все-таки явно человеческих фигур. Одна поднесла к лицу длинную трубу...

«Вип-випа-а-а!!!» — взвизгнуло над рекой.

— Это за нами, — сказал я. Странно, но большого страха я не ощущал, скорее — острое волнение, как во время игр в войну два года назад. — Гребем, Тань.

Грести мы оба умели, но «весла» досадно и раздражающе проскакивали в воду, почти не увеличивая скорости плота. Точно — нас выносило на плес... но и берег становился чуть-чуть, а ближе. Я оглянулся снова. На мысу никого не было, но спокойней мне не стало. Теперь я точно знал: неизвестный враг нас выследил.

Возле острова течение резко — почти пугающе — убыстрилось. Мы бросили грести, глядя на обрывистый берег, из которого торчали древесные корни. Деревья нависали над нашими головами, но что там еще — на острове, — понять было невозможно.

— Башня, Олег! — выкрикнула Таня. На нас упала *ледяная* тень, я в самом деле увидел над берегом приземистую каменную башню... но уже в следующий миг она пропала из виду.

На плес нас вышвырнуло с почти ракетной скоростью. Тут оказалось чудовищно мелко — я загреб и достал дно! Вода была очень прозрачной, и мы буквально обалдели, увидев, сколько под нами ходит рыбы и каких размеров она достигает! Я плохо разбирался в рыбах, Танюшка — немногим лучше меня, но что до величины — даже если учесть, что под водой все кажется больше, то все равно: тут ходили чуть ли не метровые рыбыны! Потом они все как-то неспешно разошлись в стороны, и Танька сказала:

— Ого.

В самом деле — «ого». Мимо плота проскользила «будка» с телевизор размером, за которой волоклись два кнута усов. Сом имел в длину метров десять, не меньше! Я окаменел на своем месте, даже не в силах потянуться за наганом, и сидел так, пока вода не потемнела вновь да Таня не окликнула:

— Чего ты не гребешь?

Я поспешно заработал веслом.

На берегу, к которому мы все-таки приближались, из кустов вылезло к воде нечто здоровенное животное. У меня было всегда хорошее зрение, и я мог бы поклясться, что это был шерстистый носорог! А что — если тут есть мамонты...

— Как думаешь — попаду? — нарушила ход моих размышлений Танюшка. Она положила «весло» себе на колени и держала в одной руке аркебузу, а в другой — пулю. Резинка ее плавок сползла чуть вниз, и я не без труда сообразил, о чем она говорит. Рядом с плотом — совсем близко — держала курс большая и невозможно надменная щука.

— Целься ниже, — предложил я. Охотиться Танюшка не любила, но рыба — другое дело... а голод — не тетка и не дядька. Она ловко зарядила оружие и прицелилась, как я ее учил, когда мы стреляли из моей «мелкашки». Аркебуза упруго и сильно щелкнула, коротко бухнула — не булькнула даже! — вода... и всплыла щука. Череп у нее был пробит, рыба делала судорожные движения, но, прежде чем она ушла вглубь, Танюшка с торжествующим воплем цепко ухватила добычу за хвост и, беспощадно насадив на один из сучков, повернулась ко мне с видом удачливого сорокопута-жулана:

— Ты видел?! — ликующе спросила она, и я улыбнулся в ответ:

— Видел, видел...

— Так, ты гребь, — деловито достала Танюшка свой нож, — а я ее сейчас прямо... чтобы сразу, как пристанем, а консервы сэкономим.

— Ладно, ладно, — согласился я. Танюшка, что-то мелодично напевая, занялась рыбой, выкидывая отходы прямо в реку. Судя по всему, она вполне освоилась, а я, если честно, с каждой минутой все больше мечтал добраться до берега.

— Мы ее запечем в глине, — строила грандиозные планы Танюшка. — Жаль, что соли нет, но ничего, воспользуемся золой... и будет вкусно... оп! Нет, все-таки я очень меткая —

с первого выстрела и наповал, только булькнуло... На животных охотиться противно, что бы ты ни говорил, а тут здорово...

Она еще что-то говорила. Но я, если честно, отключился. Я напряженно обдумывал вопрос: почему те люди — на обрыве — трубили? Просто так? Да нет, если я что-то вынес из прочитанных книжек — они подавали сигнал...

Наверное, все-таки есть в мире какие-то злые силы, внимательно следящие за тем, что мы думаем и чего боимся. Иначе никак нельзя объяснить случившееся дальше.

Меня словно подтолкнули — я обернулся и обмер. За нами шла лодка — наверное, выскочила из-за того же острова и быстро нас нагоняла, между нами было метров двести, не больше! И лодка шла очень быстро — длинная, узкая, с высоким носом, украшенным каким-то развевающимся бунчуком. Весла мелькали слева и справа, как лапки у бегущей по воде водомерки.

Там — на лодке — увидели, что я оглянулся, и до нас донесся визг и вой. Такие, что я взмок от холодного пота, — казалось, что в лодке сидят не люди, ничего общего с человеческими криками гнева или ярости эти голоса не имели. Сидящие в лодке махали оружием — снова блестело солнце на клинках.

Я посмотрел на Таню. Щуку она насадила обратно на ветку и была бледна, как снег. Губы у нее шевелились. Наверное, она думала, что говорит со мной, но я ничего не слышал.

— Тань, — услышал я свой голос, — наган, быстро.

И, протянув руку, снова повернулся в сторону лодки.

Теперь я видел, что на носу у них — не бунчук.

Это была человеческая голова — высохшая, с развевающимися длинными волосами.

В лодке было не меньше десятка странных существ. Тощие, полуголые, они были похожи на негров и казались выходцами со страниц «Копей царя Соломона». Даже сейчас мне в голову пришло именно книжное сравнение. Негры... или кто?.. потрясали круглыми щитами, ятаганами и короткими копьями с массивными наконечниками.

«Откуда тут негры? — рассеянно подумал я, беря револьвер, — ребристая рукоятка была теплой и влажной от девчоночьей ладони. — Ой, как они орут, даже противно...»

Страх куда-то ушел, словно в сторону шагнул и смотрит, дрожа, на то, как я действую.

— Тань, — попросил я, — постарайся, чтобы плот не качало.

— Хорошо, — очень спокойно ответила она. Я с усилием взвел курок, подумал, что не проверял револьвер и будет очень интересно, если патроны испортились...

До лодки оставалось метров сто. Я видел, что лица гребцов закрыты деревянными раскрашенными масками, украшенными перьями.

«Откуда тут негры?» — снова подумал я и крикнул — глупо, наверное, но...

— Поворачивайте! Я буду стрелять!

В ответ понесся визг и скрежет.

Словно воочию я вновь увидел рану в боку мальчишки. И понял — отчетливо понял! — что нас убьют. Обоих.

Если я не убью их.

Я положил ствол в развилку одной из веток и устроился максимально удобно. Руки у меня дрожали — но они точно так же дрожали у меня и перед стрельбами на соревнованиях.

— Назад! — крикнул я и сам удивился своему голосу — злому и отрывистому. Похожему на короткий лай.

Негр на носу поднялся в рост, прикрываясь щитом и отводя правую руку, в которой блестел длинный нож.

Я задержал дыхание и нажал спуск.

«Трах!» — подпрыгнул револьвер.

Негр вскинулся, взмахнул руками и полетел в воду. Маска с него сорвалась, и то, что я увидел, не было человеческим лицом.

Никакой это был не негр. А кто такой — или что такое, — я предпочел не думать.

Крики смолкли тут же. Лодка резко развернулась и помчалась обратно — сидевшие в

ней даже не попытались подобрать плавающего лицом вниз товарища.

— Убил, — сказала Танюшка. Я дернул плечом, открыл шторку барабана и перезарядил камору. Горячая гильза увесисто булькнула в воду. — Олег, ты его убил.

Руки у меня не дрожали.

Тело убитого колыhalось в волнах.

— Тань, надо грести. — Я повернулся, сунул револьвер в кобуру и тщательно ее застегнул. У Танюшки зелень выступила даже вокруг рта. — Надо грести, — повторил я.

* * *

Я постарался оттолкнуть плот от берега. Танюшка выплясывала на берегу, поспешно одеваясь и бросая взгляды на реку. А у меня кружилась голова — позорно кружилась, но мне было так плохо, что я не боялся этого. За все свои четырнадцать лет в обморок мне падать еще не приходилось, а вот поди ж ты... Не помню, как я оделся, — перед глазами снова и снова вставал стоп-кадр: падающий в воду не-негр, которого я убил. Я твердил себе снова и снова, что эти существа убили бы нас, не выстрели я, но лучше не становилось. «И чего меня так развезло, — вяло думал я, — сперва-то все хорошо было?..»

— Олег, тебе плохо? — встревожилась Танюшка. Я кивнул — просто уронил голову. — Из-за *этого*? Олег, они бы нас убили, ты же нас спас!

— Да знаю я все это, Тань. — Я буквально заставлял себя одеваться. — Все равно плохо... Да ладно. — Я приказал себе встряхнуться. — Пошли, я разойдусь.

И все-таки заставил себя бодро зашагать впереди Танюшки вверх по склону — к лесу.

* * *

Этот берег Ергени зарос почти исключительно дубами — невысокими, но чудовищно крепкими. Только изредка встречались островки высоких стройных ясеней да на полосах луговин — словно кто-то прочесал лес чудовищными граблями — росли высокая сочная трава и кусты орешника. На одной из опушек Танька нашла невесту каким чудом выросшие в конце июня белые — семь штук, крепких и нечервивых.

Давно уже надо было остановиться, но мы шли и шли, пока солнце не село за деревья окончательно. Тогда мы, не сговариваясь, молча улеглись под «первый попавшийся» дуб, спина к спине, и как-то сразу уснули, выключились...

...Помню, что мне снилась мама, и я проснулся, захлебнувшись слезами. Лицо у меня было мокрое. Наяву я уже года два не плакал, даже если было больно, обидно, страшно или трудно, да и спал давным-давно спокойно. Но сейчас мне не было стыдно, и я, уже проснувшись, еще какое-то время тихо всхлипывал, пока сон уплывал все дальше и дальше.

Солнце почти село, было полутемно. На краю прогалины несколько оленей щипали траву. Когда я приподнялся, они разом вздернули головы и неспешно удалились в лес.

Танюшка стремительно села, вытаращив глаза. Кажется, она даже хотела закричать: то ли ей тоже что-то приснилось, то ли она меня не сразу узнала. Но потом, поморгав, спросила:

— Ты что, плакал?

— А что, похоже? — Я сыграл удивление. — Нет, это со сна глаза красные... Нельзя спать на закате... Тань, ты едой займись, а я пойду дрова поищу.

— Правда, есть хочется. — Она потеряла живот. Кажется, поверила... — Еще знаешь чего хочется? Вымыться... Ладно, я займусь едой...

...Хвороста тут хватало, как в любом некультуренном лесу. Я приволок здоровенную охапку, а под мышкой — сухое дерево.

Консервы опять удалось сохранить. Больше того — на опушке Танька нарыла соль, там оказался солонец. В котелке она сварила рыбу, грибы пожарила на манер шашлыка, и довольно скоро мы ужинали.

— Я тебе готовлю, ты меня защищаешь, — негромко произнесла Танюшка. Я вскинул

на нее удивленные глаза. Девчонка смотрела в огонь задумчиво и отстраненно. — Может быть, так все и должно происходить? — Она посмотрела на меня. — Завтра я тебе постираю, только ручей найдем подходящий.

— Постираешь? Мне? — Мне сделалось смешно. — Вот спасибо...

— Я серьезно, Олег, — сказала она. — Я же говорю: сейчас, хоть мы в ужасном положении, но, наверное, все, как должно быть: я стираю и готовлю, ты охотишься и защищаешь... — Она улыбнулась и безо всякого перехода тихонько запела...

А хочешь, я выучусь шить?
А может, и вышивать?
А хочешь, я выучусь жить,
И будем жить-поживать?
Уедем отсюда прочь,
Оставим здесь свою тень.
И ночь у нас будет ночь,
И день у нас будет день.

Ты будешь ходить в лес
С ловушками и ружьем.
О, как же весело здесь,
Как славно мы заживем!
Я скоро выучусь прясть,
Чесать и сматывать шерсть.
А детей у нас будет пять,
А может быть, даже шесть...

И будет трава расти,
А в доме — топиться печь.
И, господи мне прости,
Я, может быть, брошу петь.
И будем как люди жить,
Добра себе наживать.
Ну хочешь, я выучусь шить?
А может, и вышивать...¹

* * *

Сорока надоедливо стрекотала, перелетая с ветки на ветку. Она нагло держалась левее нас, на постоянном расстоянии в десять метров. Словно оповещала, негодяйка: люди идут!

Люди и правда шли. Точнее, мы не шли, а в основном прыгали. С кочки на кочку. С коряги на корягу. Некоторые опоры под ногой тонули... Рекорд поставила Танюшка, провалившись по бедра.

И откуда только тут взялось это чертово болото?! Деревья стояли голые, вымороченные, только у некоторых на самых верхушках сохранились зеленые метелки. Душила влажная жара, но, если нога проваливалась глубже, то ее тут же охватывал ледяной холод. Казалось, стылые иголки колют сквозь обувь и носок.

— Ну, сволочь... — процедил я сквозь зубы в адрес сороки. Глаза заливал пот, но я увидел, как она насмешливо покачала хвостом и принялась за свое. — Пристрелю гадину... Тань, ты как?

¹ Слова и музыка В. Долиной.

— Нормально, — пропыхтела она. — Шесты надо было срубить.

Я промолчал. Это был мой недосмотр. Опасный, хотя болото вроде бы не было глубоким. Не успел я об этом подумать, как впереди показалась широкая зеленая полянка с цветами.

— Да уже кончается, — уверенно сказал я и, почувствовав, как подо мною начинает тонуть очередная коряга, красиво прыгнул на лужайку.

Я не знал, что такое «бездонное окошко».

Помню, что раньше всего я ощутил *холод* — и это было ужасно. Словно меня схватил за грудь ледяной огромный кулак и почти выдавил из меня жизнь. Над поверхностью у меня остались плечи, руки, которые я инстинктивно выбросил в стороны, и голова. Танюшка смотрела на меня удивленно, настолько быстро все произошло... но удивление сменилось ужасом. И она бросилась вперед с криком:

— Оле-ег!!!

— Не... подходи, — вытолкнул я, взяв руками с растопыренными пальцами по жиже, а она проваливалась, расползалась, и что-то жуткое, неотвратимое понемногу вытягивало меня глубже. Я не испугался, нет, потому что не получалось представить, что я могу умереть. Точнее, ужас был, но этот ужас шел от моей фантазии, питавшейся прочитанным и увиденным. Я в подробностях представлял себе, как утону... и не верил, что утону именно я.

Это не над моей головой сейчас сомкнутся водоросли.

Это не я еще сколько-то буду жить, опускаясь в ледяную глубину и глотая густую жижу в попытках дышать.

Это не я!!!

Танюшка бросала мне ремень корды — самое длинное, что у нее было, — лежа на животе и вытянувшись в струнку. Ей не хватало полуметра — я всегда хорошо прыгал...

Жижа коснулась моих губ — я отплюнулся, поводя руками.

— Оле-е-ег!!! — снова закричала Танюшка.

— Ма-ма-а!!! — закричал и я — и захлебнулся. Жижа закрыла глаза, но сквозь нее я еще видел, *видел* размытый круг солнечного жара, и мои руки, остававшиеся наверху, ощущали живое тепло...

По пальцам что-то ударило, и я вцепился в это что-то. Схватился другой рукой — а через миг меня с натугой, но сильно выдернуло на поверхность.

Вместе с Танюшкой длинную лесину тянул крепкий белобрысый парнишка — грубая кожаная куртка была распахнута и стянута странно знакомым ремнем, вельветовые серо-зеленые штаны подвернуты до колен, босые ноги — в грязи. На поясе парня висел кинжал-дага, почти как у меня, и даже странно, как я в один миг это все заметил... А в следующий миг второй рывок выволок меня на сушу, где я и остался лежать на животе, хватая воздух широко открытым ртом, а Танюшка тормозила меня и трясла...

Я рывком перевернулся на бок. Парень, с размаху плюхнувшийся рядом на пятую точку, грязной рукой отбросил со лба замусоленные пряди и улыбнулся.

— Не может быть!.. — прохрипел я.

— Может, — сказал Сережка Земцов. — Может, Олег... Привет.

* * *

Наверное, наступает предел, за которым удивляться просто не получается. Реки, мамонты, жуткие твари в масках, башни, скелеты, оружие... Теперь вот еще — наш (точнее — мой старый, а Танюшкин недавний, но верный) друг, обросший и дико одетый. Ну и что? Он же меня спас...

Но все-таки, оказывается, можно удивляться и дальше. Сергей, ничего не рассказывая, только таинственно посмеиваясь, провел нас через болото, потом мы протиснулись чуть ли не ползком густющим сумрачным ельником... и он завопил весело:

— Ленка! Встречай, я не один!

— Ленка здесь?! — ахнула Танюшка. Но навстречу нам из кустов уже выскочила босая девчонка в спортивных брюках и майке, темноволосая и синеглазая, они с Танькой бросились обниматься.

Я плыл по течению уже абсолютно, думая только о том, как немного сполоснуться от грязи, подсыхающей на мне, а потом прилечь. Мозги ворочались со скрипом. Сергей за плечо протащил меня через кусты, и мы оказались в начале тропинки, спускавшейся к большому навесу-шалашу, возле которого горел костер. Оттуда бежали ребята и девчонки — галдя, смеясь и размахивая руками. Это были мои друзья — порядком заросшие, обтрепавшиеся, но несомненно они!

— Все здесь? — отстраненно поинтересовался я, с великолепным равнодушием созерцая эпическую картину.

— Вас не хватало, — пожал плечами Сергей. — Мы-то думали, что хоть вам повезло...

— И давно вы здесь? — спросил я. Сергей недоуменно посмотрел мне в лицо:

— Да ты что, Олег? Мы же скоро месяц, как пропали *оттуда*.

Рассказ третий Чужая война

И не вырваться, не скрыться —
Мир прилип к холодной грани,
И смеются наши лица
На заплаканном экране...

Из книги С. Лукьяненко «Лабиринт отражений»

Кирсанов — небольшой город. Пропажа даже одного подростка для него — печальная сенсация. Но если одновременно пропадают *двадцать пять* ребят и девчонок?!

И даже не это самое интересное. А самое интересное, что мы общались почти ежедневно с «пропавшими». Весь тот месяц, пока они находились, по их собственным уверениям, *здесь*.

А они оказались здесь в один день и почти в одном месте — только Сашка и Наташка Бубненковы проплутали два дня да Колька Самодуров, которого «прихватило» на охоте, — шесть. (Кстати, у него с собой оказалась его чешская «вертикалка» 12-го калибра с солидным запасом патронов.) В этом конкретном месте они находились уже три недели; неподалеку отсюда в полуобвалившейся избушке нашли склад отлично смазанного холодного оружия...

...Водопад новостей вывалился на нас вечером, у костра. Я почти с нежностью рассматривал знакомые рожи, испытывая невероятное облегчение — даже прислушиваться начал не сразу, настолько велико было блаженное обалдение; мы все-таки нашли «своих», да еще каких!

Правда, помочь с возвращением они нам не могли. У них был ворох гипотез (половина — Санины, чьи ж еще?), но не имелось ни единой, в достоверности которой был бы уверен хотя бы сам ее автор.

Настоящая буря поднялась, когда Танюшка сообщила, что никуда они не пропадали, цветут и пахнут возле родимых семей в славном Кирсанове, и не ищут их ни милиция, ни школа, ни родители, ни КГБ, ни друзья...

А меня как раз тут и ошарашило...

...что и нас **НИКТО НЕ ИЩЕТ!!!**

Я даже не сразу осознал эту дикую информацию. Но я помнил, например, как тот же Колька вернулся «с браконьерки» и похвастался дюжиной уток. А на следующий день мы виделись в школе!!! Да и остальные...

Но это значит, что мы с Танькой сейчас сидим в «Севере»... или гуляем по

Кирсанову... или пьем сидро с бутербродами у меня на веранде...

И остальные, может быть, тоже с нами.

Там.

И здесь.

Я помотал головой, открыл рот и сказал почти отчаянно:

— Послушайте, ребята!..

— За что ты мне нравишься, Олег, — нарушив долгое молчание, сказал Игорек Северцев, — так это за умение всегда внести нужную ноту в разговор. Как дубиной по затылку.

— Замолкни, Север... — процедил Вадим.

— Да что изменится от того, что я замолкну... — Игорь махнул рукой с серебряной «печаткой» на безымянном пальце. Кстати, его одежда сохранилась едва ли не лучше, чем у всех остальных, — Север всегда предпочитал купленную у фарцовщиков хорошую кожу.

Снова посыпались идеи — в основном заимствованные из научно-популярной фантастики разного уровня. Но сейчас в голосах — вот идиотизм, да?! — отчетливо звучало облегчение. Все беспокоились за родителей, а теперь выходило, что и незачем вроде бы...

Этот галдеж перебил Арнис. Он поднялся и обвел всех внимательным взглядом, после чего с легким акцентом сказал, разделяя слова:

— Да вы что, не понимаете?! Мы ведь теперь не сможем вернуться домой! Даже если будет возможность!

— Почему?! — изумилась Ирка Сухоручкина.

— Да потому, — вмешался Олег Крыгин и, подняв голову, посмотрел вокруг. — Потому что там уже *есть* мы. *Мы. Есть*. Друг у друга, у наших родаков и тэ дэ и пр.

Вновь воцарилось молчание. Гробовое. В этом молчании отчетливо переваривалась идея, оформившаяся около костра.

— Я все равно хочу домой, — вдруг сказала Ленка Черникова. И захлопала, закрыв лицо руками. У сидевшей рядом Наташки Мигачевой сделалось хмурое лицо, губы припухли. Я видел, что и Игорек Свинков — Бэн — заморгал, потом отвернулся. Андрюшка Соколов подался к Наташке, взял ее за руку...

— Да ну, ерунда, не может этого быть, — задиристо и почти зло сказал Игорь Мордвинцев. — Чушь, бредятина...

— Чушь, потому что тебе страшно про это думать? — спросил Вадим. Он не поднимал глаз от огня.

— Заткнись! — Игорь вскочил, но его рывком усадили на место.

— Еще и негры какие-то, — уныло подвел итог Колька Самодуров. — Месяц мы тут сидим, и никаких негров не видели...

— Они не негры, — буркнул я. — Похожи телом — длинные, тощие... А лица... нет, морды... — Я махнул рукой.

— Это еще ерунда... — подала голос Танюшка, сидевшая рядом со мной. — Вы, ребята, может, на нас сейчас наезжать будете... Но знаете — эти твари за нами шли по следам. Мы только за рекой от них оторвались.

— За Ергенью? — спросил Вадим.

Я осведомился:

— Догадались, что это Ергень?

— Догадались... Еще чище... Сань! — Вадим поднял наконец голову. — Похоже, надо менять место.

— Да подождите же! — закричала Ленка Власенкова. — Подождите! Я что-то не поняла — домой как?!

— Никак, — буркнул Арнис, втыкая в землю между ног длинный нож с темной деревянной рукояткой.

А Олег Крыгин добавил:

— Да пойми ты, дурочка. — Ленка слушала его, открыв рот, даже не обиделась на

«дурочку». — Нечего нам там делать. *Мы — и есть — там.* Уяснила?

— Так что делать-то?! — крикнула Ленка. Он развел руками.

— Да ошибся Олег, и Танька ошиблась, — снова подал голос Игорь Мордвинцев.

Танюшка фыркнула, а я спокойно ответил:

— Не ошибся я, Игорек. Я с тобой за день до того, как мы сюда попали, ходил на тренировку по мелкашке.

— Как я отстрелялся? — глупо спросил Игорь. Я переждал несколько нервный хохот и серьезно ответил:

— Ничего. Но я лучше.

— Кто бы сомневался, — вздохнул Игорь.

Я посмотрел на него и добавил:

— Вот именно — кто бы.

— Давайте подойдем к этому математически, — заявил Саня. — Дано: двадцать семь несовершеннолетних. Не алкашей, не идиотов — и вообще выше среднего. Задача: остаться в живых. Неужели не решим?!

— Шпаргалок не запасли, — не без яда ответил Олег Фирсов. Он вообще сидел какой-то пришибленно-непохожий на себя.

— Учить надо было лучше, — отозвался Санек.

— Кто бы говорил, — не остался в долгу мой тезка, но не стал углублять и расширять конфликт.

Опять начался общий беспредметный спор, в котором я не участвовал и от которого очень устал. Я поднялся и незаметно отошел в сторону — метров на пятьдесят, почти к самому ельнику наверху склона. Первое, что я там, впрочем, сделал — очень неэстетично, — это помочился на одну из елок. Меня почему-то разобрал смех, когда я вспомнил, как эти дни пользовался листьями подорожника вместо туалетной бумаги. Но смеяться как-то расхотелось, когда я подумал, что, наверное, теперь мне до конца жизни придется ими пользоваться. А зимой? Елы-блин-те-палы...

Я загрустил, глядя в звездное небо. Потом немножко встряхнулся, сообразив, что один плюс в этом есть — ни мама, ни дед с бабушкой не волнуются: не пишут заявлений в милицию, не бегают по улицам...

А что им бегать, если Олег — вот он? Никуда не делся... Меня пробрало холодком, когда я это подумал. Как же такое произошло?! И что мне... нам теперь делать?!

— Олег.

Я обернулся и узнал по фигурам и походке Вадима и Андрюшку Альхимовича. Сзади шел Сергей. Я не удивился — где-то на подсознательном уровне во мне жила уверенность, что настоящий разговор еще впереди и разговаривать будем именно мы: Вадим — расчетливо-обстоятельный, чуть себе на уме, чуть ироничный; Андрюшка — решительный, храбрый, лучше других разбирающийся в дикой природе; Сергей — веселый, быстрый в решениях, задиристый и остро чувствующий...

И я. Как ни крути, если честно — самый эрудированный в компании и больше других увлекающийся историей.

Мы почему-то смутились и обменялись «приветами» — словно встретились после десятка часов «разлуки» возле чьего-нибудь дома. Только они далеко — наши дома...

И все-таки Саня был в одном прав. Мы «выше среднего». И мы приучили себя принимать решения и достигать цели, еще когда играли в войну несколько лет назад — в том возрасте, когда большинство ребят просто не понимают значения слова «ответственность».

— Шумят? — кивнул я в сторону костра.

Вадим кивнул:

— Шумят, а что еще... Что дальше делать будем?

Вопрос был задан деловито, а не растерянно.

Сергей хмыкнул:

— Да уж не гипотезы строить, как мы сюда попали. И не как вернуться домой.

— Домой вообще-то хочется, — возразил Андрей, сунув руки в карманы «афганки». — Но делать там, похоже, нам нечего. Если только сердечный срыв родителям обеспечивать, но мы и так на этом фронте немало постарались... Извини, Вадим.

— Ничего, — ответил тот. Его родители — отчим и мать — умерли; мать — не так давно. — Ты, Олег, говоришь — твари какие-то. Они правда опасные?

— Я убил одного, — ответил я и вздрогнул от воспоминания. — Если ты думаешь, что это я просто так, то ты плохо думаешь... А тех, в лодке, они перебили на наших с Танькой глазах. Да и других ребят тоже, скорее всего, убили они.

— Вот еще загадка, — заметил Вадим. — Что за ребята? Русские, англичане...

— погоди, — прервал его я. — Давайте решать проблемы...

— ...по мере их поступления, — добавил Сергей.

Я кивнул энергично:

— И первым делом я бы отсюда ушел. Не хочу, чтобы меня ночью зарезали. Но ведь не уговоришь никого... Как вам пришло в голову оружием-то запастись?!

— Просто из интереса, — признался Вадим. (Он вообще не любил холодного оружия, где уж до моего фанатизма.)

— Охотитесь с Колькиным ружьем?

— Бережем, — ответил Вадим. — Мы два арбалета нашли и пули... То есть не арбалеты, а эти... аркебузы.

— Из ружья только дважды стреляли, и оба раза в каких-то ненормальных коней, — добавил Сергей. — Зубы — как у волка, а так — конь конем.

— Нет, на нас звери не нападали, — заметил я. — Только эти... Хотя, — добавил я, — если честно, не заметил большой разницы.

— Вообще говоря, у нас же есть опыт автономного существования, — задумчиво сказал Андрюшка. — И разве мы не отряд?

— Отряд. — Сергей кивнул. Кивнули и мы с Вадимом.

Это было правдой. Большинство из нас дружили с детства. Но и появившиеся позднее хорошо вписались в команду. Мы все были друзьями, и этим все сказано.

И сейчас наша дружба была нам нужна больше, чем когда бы то ни было, — вокруг нас лежал опасный и враждебный мир. Похоже, нам предстояла тяжелая борьба за существование.

И я выразил все эти мысли словами:

— Я очень рад, что нашел вас, ребята.

* * *

— Даже если они и следили за вами — через болото им нахрапом не пройти, — уверенно сказал Андрей. — Мы-то еле-еле тропинку отыскивали!

— Ну как вам объяснить, — сердито и беспомощно сказал я, швырнув на угли сухую ветку, — нельзя нам тут оставаться, надо уходить, у-хо-дить!

— Да погоди, никто с тобой и не спорит, — успокаивающе хлопнул меня по колену Вадим. — Просто одну-то ночь это дело терпит. Терпит, а?

— Терпит, — буркнул я, ощущая, что и сам хочу спать. Только теперь, когда мы сидели у гаснущего костра вчетвером, спало чудовищное напряжение, висевшее на мне, как оказалось, почти всю последнюю неделю.

— Вот, — удовлетворенно кивнул Вадим. — А завтра соберемся и пойдем. Неплохо бы еще решить — куда.

— Неплохо бы вообще решить, что делать дальше, — заметил Сергей.

— Давайте утром, а? — попросил Вадим. — Ну спать же охота, честное слово!

— Утром так утром, — вздохнул я. — Где тут спать?

— С левого края, — ответил Андрей. — Так, как ты сидишь, — с левого, а то смотри, к девчонкам залезешь. Вадим вон был бы не против...

Вадим просто отмахнулся. Собственно, из своих отношений с Наташкой Крючковой он тайны никогда и не делал, да и зачем?

— А что, — я начал расшнуровывать туфли, все еще не поднимаясь, — дежурных не выставляете?

Они переглянулись и ничего не ответили, только Андрей сделал недовольное лицо. Углубляться в тему я не собирался и, расстелив на туфлях носки, поставил их возле углей, а сам, раскатывая одеяло, отправился под навес. Сергей побрел за мной. Вадим и Андрей остались сидеть у костра — хотя Вадим больше всех жаловался, что хочет спать.

— Рубашку куда дел? — поинтересовался я.

— А... — Он отмахнулся. — Распустил о сучок. Мне эту куртку Ленка смастерила из оленьей шкуры. Хорошая вещь.

— А одеяла у вас с того же склада? — уточнил я. Сергей кивнул, потом обнял меня за плечи и засмеялся:

— Черт, как я рад, что ты здесь!

— Есть кому снова сломать нос? — уточнил я.

— Ладно тебе, — не обиделся Сергей. Я вспомнил этими словами нашу первую встречу — почти четыре года назад, когда я в потасовке на берегу реки нахальным пинком сбросил в воду белобрысого мальчишку... а тот вылез и первым же ударом сломал мне нос. Сергей к тому времени уже несколько лет занимался боксом со своим отцом. Другьями мы стали, когда он пришел извиняться и выяснилось, что мы оба любим читать и играть в солдатиков, нам нравится журнал «Пионер» и т. д. Я иногда всерьез задумывался, кто из них мой лучший друг — Вадим, которого я знаю со своих шести лет, или Сергей. И не мог решить.

Под навесом в самом деле имелось свободное место. Я уложил рядом наган и только потом сообразил, что сделал это, — но оружие убирать не стал.

Мне в жизни не приходилось мучиться бессонницей — я всегда засыпал, коснувшись щекой подушки. Почти так произошло и на этот раз, только я успел увидеть в прорехе крыши почти полную луну — и зачем-то ей подмигнул...

* * *

Утро началось, как начинались все утра в обычном походе. Через тебя обязательно кто-то начинает лазить — «осторожно», конечно! — кто-то гремит черт-те чем — «как можно тише», естественно! — кто-то о чем-то спорит — «вполголоса», само собой!

Для нормального утреннего сна все это создает совершенно непредставимые условия. Удерживает от ругани только то, что и за собой знаешь те же грешки.

«Просыпаться надо в хорошем настроении», — говорит моя мама (*Моя?* Прие-ехали...). В принципе я с ней согласен, хотя это не всегда получается. Но надо стараться, а то настроение останется паршивым на весь день. А нам оно надо, как говорит Андрюшка Соколов?

Однако, когда я выбрался со своего спального места, выяснилось, что на этот раз «спор вполголоса» имеет под собой самое серьезное основание. Спорили Саня с Вадимом. Если учесть, что наша компания начиналась, в сущности, именно с них, это было странно. Кроме того, спорили они ожесточенно, уже перейдя в стадию «а ты кто такой?!». За Саней возвышался Сморг, на его лице было написано искреннее огорчение. Игорь был, несмотря на большую физическую силу, добродушным и мирным (если не разозлит) человеком. Сашка Свинков, стоявший рядом с Саней, наоборот — походил на маленького и очень злого зверька. За своего кумира Саню он был готов перегрызть горло слону, лишь бы посадили. Олег Крыгин торчал возле Вадима с непроницаемым лицом истинного арийца из «Семнадцати мгновений весны» (каковым сходством он открыто гордился). Мне даже показалось, что вся эта компания готова самым натуральным образом взяться за холодное оружие.

— Девчонки, по-моему, они ссорятся, — озабоченно сказала Ленка Власенкова. Она

сидела на пенке и обувалась, да так и застыла с кедом в руках. Проснулись уже практически все, только из-под одного одеяла торчала белобрыся макушка Арниса да флегматичная Кристинка дрыхла, повернувшись ко всему на свете спиной.

Смысл спора был ясен, как летнее небо. Вадим воплощал в жизнь наш ночной разговор. Саня же настаивал на том, что в эти места никто дороги не найдет, а значит, нечего и колыхаться, а надо спокойно позавтракать. Вообще говоря, подобные споры возникали у нас не так уж и редко. Обычно я в них не вмешивался... но сейчас мне вспомнились умирающий мальчишка на речном берегу, страшные маски в догоняющей нас лодке, свой ужас, связанный с этим... В результате таких кратких раздумий я вскочил и заорал:

— Да вы что?! Вы думаете, я шучу?! Я же вам ясно говорю, долбецам, — они по нашим следам идут! Мы...

— Эй! Э-эй!

Все повернулись на этот вопль. Со стороны елок по склону лощины мчался Сергей — я и не заметил, что его нет в лагере. Рядом с ним неслась Ленка Черникова. Следом летел Игорь Северцев. Валька, его сестра, крикнула:

— Игорек! Чего там?!

— Эти!!! — завопил он, и я увидел, что Север бежит с обнаженной шпагой — длинным кавалерийским клинком. Ленка пулей пролетела под навес и начала в бешеном темпе собирать какие-то вещи. Сергей, схватившись за плечо Вадима, чтобы не проскочить дальше, мучительно мотал головой, пытаясь что-то сказать.

Впрочем — все уже было сказано...

...Честно — в первые несколько секунд царила даже не паника: хаос. Я героически пытался выхватить наган, но потерял застежку, а посмотреть на кобуру не мог, потому что не получалось оторвать взгляда от ельника, откуда вот-вот должны были появиться враги. Танюшка сзади трясла меня за плечи и что-то выкрикивала. Пробежал Колька со своей двустволкой, рассыпая патроны. Арнис, сонно моргая, сидел, обхватив руками колени, и пытался понять, что к чему. Игорь Мордвинцев натягивал кроссовки Наташки Мигачевой и не мог понять, почему не лезут, а Наташка эти самые кроссовки в бешеном темпе искала...

Короче, не знаю. Может быть, мы так бы и пропрыгали до появления «негров». Но, когда паника достигла полного «апофигея», в нее решительно вмешался Андрюшка Альхимович.

— Отставить! — заорал он, отшвыривая кого-то к навесу и хватая за шиворот пробежавшего мимо Олега Фирсова. — Девчонки, быстро собирайтесь! Бэн, Басс, Мордва — охраняйте их! Соберетесь — сразу уходите через болото по той тропинке, где сарай! Остальные наверх, на стражу!

Странно, но я как-то сразу успокоился. Застежка нашлась. Я не глядя оттолкнул Танюшку и, взведя курок нагана, полез вверх, к елкам.

* * *

Наверное, они все-таки заплутали в болоте, потому что мы их не увидели, а лишь слышали голоса — да и то уже когда быстрым шагом, вытянувшись цепочкой, уходили туда, куда перед этим ушли под охраной девчонки. Тропинка за нашими спинами сразу же потерялась, и примерно через час мы выбрались на сухое место — к полуразрушенному, с просевшей крышей, сараю, возле которого сидели на вещах девчонки и ходили, как маятники, наши товарищи. Нас встретили восторженными воплями, но Сергей всех оборвал:

— Тихо! Они все еще близко. Уже, наверное, в нашем лагере.

— Ну что, Сашен?! — шепотом заорал Вадим. — Еще минут десять — и досиделись бы!

— Хватит! — Я подошел к ним. — Хватит, говорю. Надо уходить. Дальше и быстрее.

— Поедим на ходу, — поддержал Андрей. — Девчонки, еду не забыли? — ответом были разноголосо-отрицательные реплики. — Раздайте... И уходить надо не за Цну, а

наоборот — обратно, на восток.

— Н-но... мы оттуда пришли... — заикнулась Ленка Рудь.

— Да какая разница?! — досадливо сказал Колька. — Тут главное — подальше умотать... Кстати, я один патрон посеял.

— Прорастет, — отмахнулся Вадим. — На востоке — Волга, до нее километров... километров... — Он нахмурился, а Танюшка, чистившая от грязи низ своих джинсов, ответила:

— Около четырехсот километров.

— Почему именно к Волге? — буркнул Саня. Его лицо еще больше заострилось.

— Да нипочему, — пояснил Сергей. — Просто — в другую сторону от черных.

Я находился в легком напряжении — мне все время казалось, что сейчас кто-нибудь скажет: мол, это мы с Танюшкой притащили тварей на хвосте. Кажется, Татьяна тоже об этом думала... Но мы слишком плохо думали о своих — ни тогда, ни потом никто даже не упомянул об этом.

— Ладно. — Саня вздохнул. — Пошли, если так. А на ходу пожую. Хлеб за ночь не появился?

* * *

Идти для нас было делом вполне привычным. А тут еще и места были в общем-то знакомыми, и у меня снова возникло ощущение, что вот-вот появится самый обычный проселок, или выйдем мы на деревенскую околицу... Может быть, все это казалось еще и потому, что теперь мы шли не вдвоем с Танюшкой, а целой компанией?

На ходу вновь подняли старинную русскую тему: вопрос «что делать?». Нет — ясно, что надо убежать, то да се... А *дальше* ? По-моему, большинство все еще обсасывали мыслишку о возможном возвращении домой.

Не я. Я романтичный человек. И я очень люблю свою маму; наверное, мысль о том, что она осталась без меня, рано или поздно свела бы меня с ума. Но возвращаться-то как раз не имело смысла. Куда? К кому?

Я — рядом со своей мамой. Ну а я — вот он, и, похоже, ничего другого мне не дано. Значит, надо как-то жить тут. Понять, что за мир нас окружает, и жить.

Танюшка шагала рядом, несла через плечо скатку из своих одеял и о чем-то сосредоточенно думала. О чем? Что не будет больше в жизни мягкой постели, книг, телевизора, вареного сахара, магнитофона?

Мне захотелось обнять ее. Просто обнять. Но я не сделал этого: подвыдернул из ножен палаш и бросил его обратно, а потом нагнал Вадима.

— Слушай, — вполголоса сказал я ему, — по-моему, мы делаем глупость.

— То есть как? — Он промокнул рукавом ковбойки пот на лбу. — Ты же сам говорил...

— Да я не об этом, — отмахнулся я. — Вспомни, как мы в войну играли. Там враг был не настоящий, а мы толпой не ходили. А тут... черт его знает, что вон за теми деревьями, а у нас нет охранения.

— Да. — Вадим остановился. — Сопляками мы были умнее... Лейтенант Верещагин, — он стал шутливо-серьезен, — берите передовой дозор.

— Есть, капитан Демидов. — Я отсалютовал на нацистский манер, принятый когда-то в нашем отряде, прославившемся в почти настоящих войнах. — Игорек! Басс!

Подбежал Басаргин, и мы вместе ускорили шаг. Оглядываясь через плечо, я увидел, что Вадим остановил всех и распоряжается — девчонок в середину, усиленные группы на фланги и в тыл...

...Мы достали палаша, не сговариваясь. У Игоря тоже был палаш, только с рукоятью другой формы. Я заметил, что Басс копирует мою манеру держать оружие, и озабоченно подумал: а ведь холодным-то оружием во всей компании худо-бедно умею пользоваться

лишь я...

— Ты влево, я вправо, — распорядился я и уставился на свою сторону. В голову лезли вроде бы не посторонние, но отвлекающие мысли. Переделать кобуру так, чтобы револьвер можно было выхватывать левой... А если сейчас вон из-за тех кустов выскочат?.. Глаза устанут — так постоянно смотреть... Стоп, надо именно смотреть, а не о ерунде думать!..

Все-таки полезная это вещь — серьезные игры в войну, зря их по телику ругать начали почему-то. Я сумел переключиться и со сноровкой, приобретенной за два лета «войны», мерил взглядом свою сторону. Наверное, мы оба странно выглядели в своем снаряжении — и современной одежде. Сергей подходил к образу больше — в своей самодельной куртке. Ну ничего, как-то я буду выглядеть к концу лета — если останусь жив, конечно...

* * *

На дневном привале мы смолотили остатки продовольствия — наверное, от нервов. После чего во весь рост встал вопрос пропитания — тут в магазин не сбегаешь.

— В принципе, — Игорь Северцев аккуратно вытер пальцы о траву, — кочевники жили охотой, постоянно передвигаясь.

— И скотоводством, — добавил я. — Покажи мне свое стадо, и я с тобой соглашусь.

— Мальчишки, — сказала Ленка Власенкова (она всегда отличалась рачительной хозяйственностью и была неофициальным завхозом нашей группы). — Вы как хотите, а ужинать нам будет нечем. Если только Олеговыми консервами — по глотку бульона. И по волоконцу мяса. Предлагаю Кольке не шагать тут с нами — никто нас не украдет. А пойти на охоту — и вечером встретимся.

— А я что, я не против, — покладисто поднялся Самодуров. — Только у меня патронов-то всего полсотни...

— А давай я с тобой пойду, — охотно сказала Валька Северцева, поднимая аркебузу. — Я же хорошо стреляю.

— Э, погодите. — Север проявил некие признаки оживленности — то ли за сестричку забеспокоился? — А где мы встретимся, если они пойдут на охоту? И вообще — вдвоем отпускать...

— Я, между прочим, карту хорошо помню. — Колька переломил «зброевку». — Высота 189 за урочищем Каменевка — ну, где пруд, из него еще приток Ломовиса течет — помните? — В ответ закивали. — Вот дотуда дойдете и ждите, а мы догоним.

— Километров двадцать пять отсюда, — с точностью курвиметра определила Танюшка. Она полулежала на траве, жуя былинку, и мне снова почудилось, что мы просто в походе.

— Ну, договорились? — Самодуров уже нетерпеливо поглядывал по сторонам, устраивая в петле на поясе боевой топор.

— Жрать-то надо. — Андрюшка Альхимович махнул рукой. — Двигайте. Только не потеряйтесь.

Парочка ушла — довольно бесшумно. Я задумчиво сказал, глядя им вслед:

— Может, еще кому с ними... — но получил точный и очень болезненный удар локтем под ребра от Танюшки. Смолчал, потому что вспомнил, как еще на Зем... там Колька и Вальюшка держались чаще рядом, чем порознь.

Я задумался над этим вопросом, используя последние минуты отдыха. Вадим, хоть и был старше меня на три года, подружки в нашей компании не имел, если не считать «отношений» с Наташкой Крючковой. Санек — тоже. И Арнис. Игорь Мордвинцев не очень активно ходил с Иркой Сухоручкиной. По-моему, его отпугивало то, что она отличница. Север прочно дружил с Кристиной, но, кажется, скорее на почве некоторого элитаризма, чем еще по каким-то причинам. Сашка — Бэн — больше пока думал о беготне по улицам, чем о девчонках. Сморг дружил с Наташкой Бубненконой или присматривал за ней для брата, не поймешь. Андрюшка Альхимович жил себе и жил без девчонки. Олег Фирсов тоже. Игоря

«Басса» интересовали только стихи, походы и мужская дружба. Олег Крыгин, кажется, был слишком стеснительным, с девчонками общался только по необходимости. С Андрюшкой Соколовым дружила Ленка Черникова, с Сергеем — Ленка Чередниченко. У девчонок Ленка Власенкова, Наташка Мигачева, Ольга Жаворонкова и Ленка Рудь не проявляли к парням никакого интереса, кроме «общедружеского».

Интересно, а как будут развиваться дела дальше? Мне подумалось, что, если мы останемся тут на длительный срок (да навсегда, Олег, навсегда!), то... Дальше мыслей не было — одни образы.

Пожалуй, даже хорошо, что надо было идти дальше.

* * *

Высота 189, урочище и небольшой пруд возле него — в этом мире все оказалось на месте, и мы добрались туда к восьми вечера. Лес сменялся похожими на зеленые языки луговинами, которые мы старались пересекать в максимально быстром темпе.

— Гнездо Соловья-Разбойника, — определил Игорь Басаргин, когда с одной из таких луговин мы увидели высоту, увенчанную тремя дубами. В нашем мире их не было, да и кругом лежали рассеченные лесополосами колхозные поля.

Около подножия холма мы нашли старую могилу. Кто-то выложил прямо на земле каменный крест из четырех гранитных брусков, на котором вырезал уже неразличимые буквы. На камни вполз сырой мох. Смorch попробовал было расчистить камень финкой, но Наташка тронула его за плечо:

— Не надо, оставь. Не все ли равно, кто здесь... Могила и есть могила.

Смorch охотно поднялся с колена, убирая финку. Санек, не проявивший к могиле ни малейшего интереса, предложил всем натаскать дровишек, а сам, нахально отказавшись от работы, полез сперва на холм, а потом — на самый высокий из дубов. Кажется, его захватила мысль, поданная Игорем. Кто-то из девчонок ближе к урочищу набрел на чудовищные россыпи грибов. Кроме того, они притащили кучу свежих молодых листьев заячьей капусты. Во всяком случае, жареные грибы (соль у Танюшки еще была) с зеленью нам были обеспечены.

Саня, как и следовало ожидать, спустился со своего насеста, когда все уже было готово. Но вел он себя так, словно занимался единственно важным делом в то время, как все остальные ваньку валяли.

— В общем, чудищ ваших нигде не видно, — заявил он, садясь к огню. — Зато Колька с Валюшкой волокутся, чего-то несут. Минут через двадцать будут здесь.

— Слава коммунистической партии, — выдохнул Игорь. Судя по всему, он и правда беспокоился за сестру.

Наши охотники появились раньше, чем через двадцать минут, — усталые куда больше нашего, но довольные. Да и как же иначе — Колька тащил на плечах крупненькую косулю, уже выпотрошенную.

— Дичи — еще больше, чем на прежнем месте, — восторженно докладывал он, усаживаясь возле огня. — Тут для охотников — рай!

Выяснилось, правда, что косулю убил не он, а как раз Ленка — одной пулей из аркебузы. Как она объяснила — убивать косулю ей было очень жалко, но сильно хотелось есть.

Ее слова сопровождались сочувственными репликами. Косулю под шумок освежевали, оттапали копыта и голову, после чего она перестала вызывать сочувствие и на импровизированном вертеле была водружена над огнем. Затем все расположились у костра и довольно примолкли. Косуля шкворчала, капая жиром. Расставленные у огня котелки (они были у всех — оттуда же, откуда и оружие) побулькивали и пахли малиновыми листьями.

— А все-таки здорово, ребята, что у нас кое-какие навыки есть, — довольно заметила Ирка Сухоручкина. — Иначе сидели бы мы на грибной диете и слушали, как животные поют.

— Давайте и правда споем, — предложил Сергей, — пока косулька жарится. Чтoб заглушить животы.

Вокруг засмеялись. У нас петь любили не меньше и не больше, чем в любой туристской компании (другое дело, что у нас, в отличие от большинства таковых, имелся *свой* поэт — Игорек Басаргин). Вообще это здорово — собравшись вечером у огня рядом с друзьями, ощутить себя действительно единой компанией, где один за всех и все за одного. А лучшего средства, чем песня, для этого нет. Не придумали пока...

Солнце садится за лес на востоке. Небо розовое, как неоновая лампочка. Вокруг холма — уже ночь с ее странными звуками и осторожной жизнью, не всегда понятной и временами страшноватой. Но огонь горит, топлива запасено на всю ночь и больше, лица друзей вокруг, вкусные запахи расползаются, утверждая, что и здесь человек — хозяин. А еще это странное чувство, которое не передашь словами. Нет, не любовь, а... что-то *такое* ко всем, кто рядом, из-за чего они становятся самыми близкими в мире.

Даже если не вспоминать, что в *этом* мире у тебя и правда нет никого ближе...

...Интересно, а те, чья могила — там, у подножия, в сгустившейся темноте, — у них *тоже* были такие вечера?..

...Как отблеск от заката, костер меж сосен пляшет.
Ты что грустишь, бродяга? А ну-ка, улыбнись!
И кто-то очень близкий тебе тихонько скажет:
«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»¹

Допели... Помолчали... Ленка Черникова со смехом спросила Игоря:

— Басс, ты «Зверь Кикизела» ведь дописал? Окончание прочитай, а?

Все оживились, посыпались просьбы. Игорь не стал ломаться — взмахом руки установил тишину, сделал серьезное лицо...

...Сучья жареные трещали,
И стонали голодные дети:
«Ах, как хочется есть, Ванюша!»
«Хлеба нет ни куска, Надюша!»
Тут подходит к ним Зверь Кикизел.
Говорит он им: «Здравствуйте, дети!
Что в лесу этом вы потеряли,
Среди нечисти дикой и злобной?»
«Здравствуй-здравствуй, товарищ Мясо!!!» —
Закричали голодные дети —
И набросились, и сожрали,
Только-только чуть-чуть обжарив...
...Вот идут тропинкой волки да лисы.
Несут бабке обгорелые кости.
Вот идут и дорогой рыдают:
«Ой зачем ты гулял по лесу, Кикизел?!
Аль не знал, кого в чаще ты встретишь?!
Пионерия — наша сила!
Пионерия — наша слава!
Пионерия — наши дети!
Наши лучшие дети на свете!»

— Программа «Взгляд», — оценил Вадим, когда все просмеялись, после чего на

¹ Слова и музыка О. Митяева.

редкость гнусным голосом проревел первые строчки из наutilusовской «Хлоп— хлоп» — раньше, чем Наташка Крючкова заткнула ему рот.

Наташка Мигачева попросила, тыча в косулю коротким ножом:

— Олег, может, ты чего-нибудь прочитаешь?

Нельзя сказать, чтоб у нас собрались такие уж любители стихов. Но как я читаю, слушать любили — если исключить тот случай, когда я на спор с только-только появившимся у нас Андрюшкой Альхимовичем читал стихи два с половиной часа без перерыва и остановился только после коллективных настойчивых просьб и угроз применить ко мне физическую силу.

На этот раз все одобрительно промолчали. Я поднялся, ощущая некоторое подергиванье внутри, как всегда, когда мне надо было читать стихи, — и, еще не поднявшись до конца, уже решил, что буду читать «Молитву» Булата Окуджавы.

Пока Земля еще вертится,
Пока еще ярок свет,
Господи, дай же каждому,
Чего у него нет:
Умному дай голову,
Трусливому дай коня,
Дай счастливому денег...
И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится —
Господи, твоя власть! —
Дай рвущемуся к власти
Навластвовать всласть.
Дай передышку щедрому
Хоть до исхода дня.
Каину дай раскаянье...
И не забудь про меня.

Я знаю, ты все умеешь,
Я верую в мудрость твою,
Как верит солдат убитый,
Что он проживает в раю,
Как верит каждое ухо
Тихим речам твоим,
Как веруем и мы сами,
Не ведая, что творим!

Господи, мой Боже,
Зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится
И это ей странно самой,
Пока ей еще хватает
Времени и огня,
Дай же ты всем понемногу...
И не забудь про меня.

* * *

Странно, но я проснулся минут за пять до того, как мне надо было заступать на дежурство. Но костер горел еле-еле, возле него базарили, посмеиваясь, Колька и Арнис. Колька читал литовцу разную похабень, которую при девчонках в нашей компании толкать было не принято — до меня донеслось: «У Адама шишка — во, а е...ть-то некого...» Я усмехнулся и удобней устроился под одеялом. Я выспался. Хотелось отлить, но, раз уж сейчас вставать, то полежу. Арнис захихикал, потом спросил: «Сколькоо врэммени?» — и отправился будить нас с Сергеем и Олегом Фирсовым. Я решил не доставлять ему удовольствия отвесить мне пинка по ребрам и сел за секунду до того, как он занес ногу.

— Доброе утро, — кивнул я, хотя было два ночи. — Вы еще посторожите, а я пойду по делам.

Все по той же укоренившейся уже туристской привычке мы отрыли яму для туалета — за кустами ниже по склону, где можно было чувствовать себя в относительном уединении. Кто-то уже разместил на развилке дуба «указатель» — палку, концы которой с вырезанными буквами указывали на две стороны ровика:

Посмеиваясь, я начал делать свои дела — и...

А это что?! Мне в какую-то секунду показалось, что уже рассветает, — в принципе, в начале июля это можно различить уже в два ночи. Но, во-первых, для рассвета это зарево было слишком уж ярким и локальным.

Во-вторых, как ни крути, а рассветов на юго-востоке не бывает.

Я так обалдел, что продолжал стоять, когда, зевая, подошел Фирсов и пристроился рядом. (Я, если честно, терпеть не могу делать свои дела при ком-то еще, даже при мальчишках.)

— Ты чего, окаменел? — Он толкнул меня плечом и снова зевнул.

— Смотри. — Я щелкнул резинкой штанов. Олег еще не вполне проснулся, поэтому тупо уставился мне между ног, и я дал ему подзатыльник: — Да вон туда!

Надо сказать, в проснувшемся виде Фирс кое-какие вещи соображал быстрее моего.

— Пожар, — сообщил он.

— Лес горит? — Мы поменялись ролями, теперь я плохо понимал, что к чему.

— Да какой лес... — озабоченно сказал Олег. — Настоящий пожар. Дом горит... или еще что-то... но построенное что-то...

— Часовые, блин! — рявкнул Колька. — Ну мы же спать хотим!

Мы сменили ребят, так ничего им и не сказав. Больше того, я и Сергею ничего не сказал — уж не знаю, почему. Мы посидели минут пять. Фирс употребил это время на то, чтобы отхватить от остатков косули кусок остывшего мяса. Сергей долго и уныло-сонно о чем-то думал, потом встрепнулся и сообщил:

— Пойду умоюсь.

Он исчез куда-то по направлению к роднику. Через минуту поднялся и я:

— Пройдусь вокруг холма... А ты кончай жрать, завтракать будет нечем.

Естественно, что первым делом я устремился смотреть на зарево. Оно имело место по-прежнему, хотя вроде бы приугасло как-то...

— Между прочим, — Сергей подошел почти бесшумно, — наш костер видно издалека.

— Не так далеко, как это. — Я вытянул руку. — Видел?

— В кино так горят дома, — тихо сказал Сергей. — Давно?

— Я встал — уже горело. А ребят я не спрашивал.

— Как думаешь, далеко? — быстро спросил Сергей.
— Кто его знает... Ночью огни кажутся ближе... Нет, не знаю, — решительно помотал я головой. — Но завтра мы идем почти туда.
— Ну, завтра и увидим, — хлопнул меня по спине Сергей. — Пошли к костру?
— Я пройдусь вокруг холма, — решил я все-таки исполнить свое первоначальное намерение.

— Давай...
...От страха перед ночной темнотой леса меня излечила раз и навсегда моя первая и последняя одинокая ночевка в лесу на берегу Прорвы. Конечно, тут не Прорва, и тут есть не воображаемые страхи; вон кто-то утробно взревел где-то за луговиной. Интересно, Фирс знает, кто там ревет?

Гулко отозвалась земля. Послышалось многоголосое ржание, я ощутил ногами вибрацию, а через минуту различил на луговине текущую реку конского табуна. Это было красиво, мне всегда нравились кони; больше их только волки и собаки. Я даже мечтал научиться ездить верхом, но у нас в Кирсанове было негде.

Кони резко ушли куда-то влево, в урочище. Я продолжал стоять на месте, всматривался и вслушивался. Нет, ничего. Нигде — ни единого признака человека... кроме пожара. Неужели потеряли наш след? Хорошо бы...

Я вздохнул и зашагал вверх, к костру.

* * *

Жарко было с утра, и жара была нехорошая, душная — явно собирался дождь, хотя на небе не возникло ни облачка. Но летние ливни в наших местах (а это, как ни крути, *наши* места!) налетают молниеносно.

— Вода — проблема, — печально сказал Андрюшка. — В котелках не поносишь, а фляжка только у Кольки есть.

— В принципе, — я затянул ремень, — можно сделать кожаные фляжки, как в Англии. Уайнскины они называются. Только, — признался я, — я вообще-то не знаю, как их делали.

— Иди ты, — уныло предложил Андрюшка, и я пошел — снова в головной дозор, только теперь с Сережкой.

Санек со Сморчом отстали — им приспичило выяснить насчет погони, и они обещали соблюдать максимальную осторожность, а потом догнать остальных. Дело вообще-то нужное, хотя и опасное — но я про них думать забыл. То ли погода так подействовала, то ли еще что, но я находился в невероятно напряженном состоянии. Сергей, похоже, тоже. Я заметил, как он то и дело касается рукояти своего палаша. Смешно это не выглядело — я-то свой и вообще нес в руке.

Мы шли в полнейшем молчании и наконец устали от этого. Ясно было, что сейчас кто-нибудь не выдержит и заговорит на отвлеченные темы, чтобы развеять напряжение.

Но посторонний разговор так и не успел начаться. Сергей, шедший впереди, вдруг как будто споткнулся, устоял себе под ноги, а потом резким взмахом руки подозвал меня. Я оказался рядом в два прыжка.

Сергей молча указал в папоротник подлеска. Я посмотрел туда — и ощутил стремительный спазм желудка.

Смяв телом — как упал на бегу, с размаху — целую полосу сочных листьев, около наших ног лежал парень постарше нас. Вернее, это я сообразил, когда разглядел его повернутое вбок белое лицо. А в тот момент я увидел две вещи: запутавшуюся в светлорусых волосах свежую дубовую веточку и две торчащие в спине рукояти — пустые, из двух параллельных прутьев, завершенных кольцом.

Точно под левой лопаткой. Брошенные с такой силой, что маленькие овальные гарды вдавились в кожаную куртку.

В правой руке у парня был длинный широкий кинжал, запятнанный кровью. А левая —

левая сжимала отрубленную человеческую кисть, такую же гипсово-белую, как и лицо убитого...

Второй труп мы нашли почти тут же — за двумя дубами. Это была девчонка — наших лет. Без руки и голая, только то, что она голая, не вызывало никаких мыслей...

Опомнился я за кустами, где меня стошнило — в несколько приемов, пока я не начал давиться жгучей кислотной лезущей из опустевшего желудка желчи. Судя по звукам, с Сергеем творилось то же самое.

К этим трупам мы не вернулись, но выиграли немного. Разве что сумели удержать девчонок, и то хорошо. А так уже через полкилометра (когда стал отчетливым запах дыма, да и, очевидно, тянуло его с другого берега ручья, к которому мы вышли) прямо в воде мы нашли груды изрубленных тел, у которых даже пол опознать не представлялось возможным — ручей вымывал кровь и тек дальше розовым... Поодаль на берегу горкой лежали отрубленные головы. Кто-то — до сих пор не знаю кто — нашел в себе силы их посчитать и сказал: семь голов, пять мальчишек и две девчонки в возрасте 12–16 лет.

Оба берега ручья были черными от крови. Мы буквально насильно заставили девчонок идти стороной, а сами двинулись напрямик. У меня по-прежнему жутко выкручивало желудок и шумело в ушах, то морозило, то швыряло в горячечный жар, а перед глазами со свистом летели — обрывками киноплёнки — кусочки увиденного только что...

Тут, на высоком берегу ручья, было поселение — пять полуземлянок с крышами из хвороста и дранки, окруженных невысоким частоколом. Все это было развалено, обгорело или даже еще чадило. Тут тоже все напрочь оказалось забрызгано кровью. Странно — меня больше не рвало.

Наверное, просто было нечем...

...Валялась обгоревшая щепка, какие-то перья, изломанное оружие... Девчонка с аркебузой — как у наших — смотрит левым глазом в небо, вся остальная голова снесена чудовищным ударом топора, мозг стынет в пыли подтеками, из ладони выпали две пули... Что-то, похожее на ворох черных сучьев (не сучья, но не хочешь думать — *что*), — у входа в одну из полуземлянок... Мальчишка года на два младше меня, привязанный лицом вниз к грубой крестовине из бревен, — лицо залито пеной, которая засохла серой коркой, дерево у губ изгрызено и окровавлено, кровью залиты ноги, земля между них, а в спину с равнодушной точностью вбито короткое копьё с широким наконечником — и правда негритянский ассегай... (Кажется, я спросил, что с ним, и *не понял* Саниного ответа, что его изнасиловали.) Еще совсем не остывший костер, разбросанные кости с ошметками жареного мяса, а над этим — прибитая к покосившемуся бревну частокола голова девушки — ножом через обе щеки...

Кто-то из нас, кажется, плакал, я не мог понять — кто. Мне плакать не хотелось. Я ощущал чудовищное изумление. Именно изумление, которое не проходило, пока Вадим не затряс меня за плечо, что-то шепча и тыча рукой в сторону ручья.

Сквозь листву я увидел тварей.

Это было вполне закономерно — я даже не удивился. Несправедливо было бы, если бы они ушли отсюда. Это было бы нарушением каких-то законов... ну, высшей справедливости, что ли?

Их было около десяти, и они появились по ручью — по течению. До сих пор не знаю, были ли это те же, что сожгли селение. Да и не важно это. Они шли вооруженные, но беспечные по воде и перекликались скрежетом и скрипом.

«Переговаривались» — не подходило. Переговариваются люди. А тут... вот прошлым летом мы стреляли крыс в развалинах собора недалеко от кинотеатра. Когда они стрекотали, перебегали с места на место и, поблескивая глазками, смотрели на нас, я испытывал нечто похожее: отвращение и азарт, смешанные с легким опасением — вдруг бросятся?

Нет. Опять немного не так. Если бы те крысы правда начали бросаться на людей, я бы испытал нечто подобное чувству, которое посетило меня, когда я наблюдал за идущей по ручью группкой существ. (Теперь я видел в подробностях, что они — не люди. Кожа — хотя

и того же цвета, что у негров, — была мелкочешуйчатой, морды напоминали морды полукабанов-полуящериц, если только возможно такое сочетание...)

Отвращение. Страх.

И — доминирующее — желание уничтожить опасных тварей.

У Сергея были белые губы. Вадим резко покраснел, даже побурел.

— Ребзя, — Олег Крыгин говорил спокойно-спокойно, только почему-то употребил это словечко, которым мы не пользовались уже года два, — знаете, их надо убить.

Помню, что я взвел курок и выстрелил. Еще — что рядом ахнула вертикалка Кольки, взвизгнула дробь, и я еще отметил: чудом не влетел под залп. А дальше я оказался внизу, и передо мной, визжа и поливая берег ручья мочой и кровью, пятилась высоченная тварь — он бросил оружие и с вибрирующим визгом хватался за мой палаш, до половины вошедший ему в живот.

Что же ты так визжишь? Кажется, тебе больно? Похоже, тебе не хочется умирать? Жаль, жа-аль. Тем, кого вы убили, тоже не хотелось...

Подыхай, гадина!!!

Никогда в жизни я не ощущал такого всплеска ненависти. Кого мне было ненавидеть, за что? Все мои прежние чувства выглядели бледными тенями в сравнении с этим — я ничего не видел, оглох и был бы наверняка убит, так как даже не заметил взлетевшего над моей головой топора. Но Андрюшка Соколов ахнул противника по затылку своим мечом-бастардом, занеся его обеими руками, — меч попал плашмя, вот только сила удара разможила твари череп...

Больше я никого не убил, хотя еще с минуту искал, отталкивая и не узнавая своих же. Кто-то матерился; кого-то била дрожь так, что он уронил оружие и сам сел там, где стоял; кто-то, наоборот, — рассматривал свой клинок с интересом и удовольствием; кто-то — так же, как я — искал, кого бы еще приколоть... Убитые лежали в ручье и по берегам, как мешки с красной краской, каждый из которых подтек сразу в нескольких местах.

А еще потом мы увидели девчонок. Они стояли на берегу — подальше, — и даже отсюда было видно, какой у них в глазах ужас.

* * *

Тяжелый был вечер. Нет, девчонки нас ни в чем не упрекали. Но само собой получилось так, что мы расселись двумя полукружьями по разные стороны костра, и говорить было не о чем. Никто не шутил, не пел, вообще все молчали.

Словно между нами выросла стенка из трупов. Аккуратная такая.

Подтекающая кровью.

Молчание становилось невыносимым. В результате я оказался на ногах, что интересно — без единой мысли, вообще не понимая, о чем собираюсь говорить. А на меня смотрели все. Внимательно и выжидающе.

Грешен, считаю импровизацию вершиной ораторского искусства. Даже в школе я никогда не готовился к выступлениям, считая, что вдохновение важнее гор перелопаченной литературы. Но тут — честное слово! — я не знал, о чем говорить. Знал только, что в нашу команду вогнали мощный клин...

— Девчонки нас боятся, — сказал я. — Наши девчонки... — Я нагнул и обеими руками поднял палаш, на треть выдернув его из ножен. — Вот. Этим клинком я убил одного. А до этого еще одного застрелил... И еще одного — до этого, когда спасал себя и Танюшку. Я никогда никого не убивал. Только на охоте, вы же все знаете. И еще. Ни на одной охоте я не видел того, что видели мы сегодня. Мне бы очень не хотелось увидеть такое еще хоть раз. И делать то, что я делал, не хотелось бы тоже. Но, боюсь, мы попали в такой мир, где все это — часть повседневности. Нам и дальше придется убивать... и, возможно, умереть той смертью, которую мы видели. Мне не хочется этого говорить, мне даже и думать об этом не хочется. Я, как и вы, о таком только в книжках читал и в кино смотрел. Но я хочу жить. И

для этого я буду жить так, как получается здесь. Я не дам за здорово живешь отрезать себе голову. И сделаю все, от меня зависящее, чтобы ни единого волоска не упало с голов наших девчонок. Даже если, — я смерил их спокойным долгим взглядом, — даже если они и дальше будут на меня так смотреть. — Я аккуратно вдвинул палаш в ножны и, сев, негромко попросил: — Тань, дай соль, пожалуйста. Грибы что-то недосоленные.

Грибы были посолены в меру. Я ел пересоленные и безмятежно улыбался.

* * *

В эту ночь мы четверо — Вадим, Сергей, Андрей Альхимович и я — не спали долго. Сидели у костра, понемногу поддерживали его и разговаривали.

Разговоры были печальными и деловыми. Начались они, естественно, с обычных рефлексий на тему, как все это было ужасно — в общем, «я его колю — а он мягкий...». Но довольно быстро перешли на вопрос, как нам тут дальше жить. Пятнадцать мальчишек, двенадцать девчонок, постоянная оппозиция в лице Сани. Тяжелая, если можно так выразиться, внешнеполитическая ситуация. Напряг с едой...

На «напряге с едой» Вадим проурчал нечто пессимистическое животом и слегка разрядил обстановку, если не считать, что в следующие десять минут разговор вертелся вокруг кафе «Север», домашней кухни и прочего. Пришлось приложить усилия, чтобы с этой темы съехать.

— Нам бы ням-ням бы, буль-буль бы нам бы, — задумчиво произнес я в заключение фразочку из «Музыкальной хроники». А Вадим вдруг негромко, но очень прочувствованно затянул:

Степь да степь кругом —
Путь далек лежит...
Там, в степи глухой,
Замерзал ямщик.
И среди пурги
Чуя смертный час,
Он товарищу
Выбил левый глаз...

Его выслушали с интересом. Но потом Андрей попросил:

— Заткнись, а?

— Хорошо, — покладисто согласился Вадим. — Но я одно знаю: мы влезли в чужую войну, ребята. И что делать — так и остается вопросом, сколько бы мы ни говорили.

— Почему? — возразил Сергей и, поднявшись на ноги, гибко потянулся. — Договорились ведь. Идти к Волге. Идти вперед. И Олег правильно сказал: воевать так воевать. Ведь ясно же, что другой жизни тут не будет. А чужая война, нет ли, это, Вадим, разговоры. Как раз те, от которых ничего не изменится.

— Знаешь, — Вадим почесал нос, — я вот сейчас подумал. *Сейчас*, — с нажимом повторил он, бросил в огонь еще одну ветку и оглядел нас цепкими серыми глазами, — мы все друзья. Что нам друг другу-то врать? Мы сможем? Сможем тут жить? Так, чтобы не сойти с ума?

— Люди живут, — заметил Андрей.

— Видели мы, как они живут, — возразил Вадим. — Это все равно, что жить под расстрельным приговором.

— Ну, выбора-то у нас нет, — сказал я. — Или мы — часть этого мира. Или мы — трупы. Трупы я видел. Стать им меня не тянет.

— Значит — идем к Волге? — Сергей упер руки в бока. — Держимся вместе, как в обычном походе?

— Как в *не* обычном походе, — ответил Андрей. — Но в целом ты прав.

О чем поет ночная птица
Одна в осенней тишине?
О том, с чем скоро разлучится
И будет видеть лишь во сне.
О том, что завтра в путь неблизкий,
Расправив крылья, полетит,
О том, что жизнь глупа без риска
И правда все же победит.
Ночные песни птицы вещей
Мне стали пищей для души,
Я понял вдруг простую вещь —
Мне будет трудно с ней проститься.
Холодным утром крик последний
Лишь бросит в сторону мою.
Ночной певец, я твой наследник, —
Лети, я песню допою.

Константин Никольский

Рассказ четвертый Наша война

Пожелай мне удачи в бою,
Пожелай мне
Не остаться в этой траве...

Группа «Кино»

— Двадцать третье июля. — Вадим облизнул потрескавшиеся губы. — По расчетам мы уже должны выйти к Волге.

Я промолчал, придерживая рукой ножны палаша. Последние две недели мы шли непрерывно, по 25–30 километров в день, в основном — бесконечными лесами. Мы отошали, хотя питались не так уж плохо. Кроме того, у многих разваливалась не приспособленная для дальних переходов обувь, а одежда пострадала почти у всех.

За это время мы не видели ни тварей, ни людей, ни каких-либо признаков того, что эти места обитаемы. Вообще, если кто не знает, такой поход — довольно утомительное занятие. Подъем в шесть. Завтрак, туалет — и в семь выходишь. С полудня до трех — привал на обед (одно название!) и отдых. В восемь начинаем искать место для ночлега, в девять — уже устраиваем лагерь, всегда однообразный, типовой, ужинаем и в одиннадцать спим. (Ночные дежурства — по трое по три часа.) Утром — все сначала. Особенно тяжело это, когда цель призрачная. Свободное время было заполнено в общем-то ничего не значащими разговорами, и с Танюшкой я разговаривал не больше, чем с остальными...

...Здоровенное ополье походило на кусок степи. Я временами начинал сомневаться, а не забрали ли мы лишнего к югу? Да и Вадим был в целом прав — мы должны были выйти к Волге если не позавчера, то вчера. Вместо этого мы тащились по этому чертову пространству — иначе и не назовешь.

Вчера. И позавчера тоже.

Меня это ополье раздражало еще и потому, что на нем мы были хорошо различимы. Едва ли тут есть воздушные средства наблюдения... и все-таки мерзкое чувство.

— Мимо Волги пройти невозможно, — заметил я. — Рано или поздно, а мы все равно к ней выйдем; она же через всю Россию тянется, от Каспия чуть ли не до Полярного круга.

— Утешил, — проворчал Вадим. — Нам что, до Каспия шагать? — И он ускорил шаги, нагоняя остальных...

...Сколько буду жить, буду помнить этот переход. Хотел бы — не забуду. Возникало ощущение, что у ополья нет конца и края, а солнце уже не просто жарило — давило, как крышка давит карасей на сковородке. Тут и там под ноги попадались теплые лужи с цвелою водой, в которой плавали гроздь лягушачьей икры и личинки комаров. Настоящее комарье висело над нами уже не тучей — сплошной завесой, словно черной кисеей. Я даже сперва не понял, что это, и думал — плохо с глазами, когда отошел в сторонку за кусты. Потом мысленно ужаснулся, но деваться все равно было некуда и оставалось только шагать, радуясь тому, что под ногами не сплошное болото.

Мы шли шестой час, если не считать отдыха после полудня. Даже раздеться было нельзя — комары пришли бы в восторг. Пить уже не просто хотелось — это желание выпало в подсознание и сделалось направляющим и определяющим. Возникало даже ощущение, что впереди — смерть от жажды, хотя это, конечно, было смешно. Не пустыня, в конце-то концов.

Но близко к этому.

— В принципе — конец этому должен быть, — как-то без особого энтузиазма сказал Санек. — Где-нибудь за следующим бугром...

— Это точно, за следующим бугром конец и будет. Всем, — загробным голосом сказал Вадим, отдуваясь. Его лицо, руки ниже подкатанных рукавов, грудь в широко распахнутом вороте имели цвет поспевающей малины.

— Вес сбрасывай, — безжалостно сказал я и наступил в лужу. У меня затекли плечи отмахиваться от комаров. Настроение было поганое, но даже ругаться толком сил не оставалось. Танюшка, впрочем, шагала очень хорошо — чуть подавшись вперед и подсунув большие пальцы под ремни скатки. Но в целом я заметил, что отряд начинает превращаться в «хвост». Угнетали духотища и монотонность пейзажа.

Почти через силу я нагнал Игоря Северцева и пихнул его локтем:

— Север, — шепнул я, — спасай положение...

Он повернулся ко мне. От кожаной куртки пахло чем-то живым и горячим.

— Думаешь, получится? — но ответа ждать не стал. Приотстав, подождал Кристину, на ходу о чем-то с ней пошептался. Та кивнула и, подождав Ленку Рудь, замахала Танюшке... Девчонки обнялись, Игорь (откуда взялся задор?!) повернулся к ним лицом и, шагая спиной вперед, начал. Серебристый мальчишеский голос взвился не хуже, чем у солиста Детского хора СССР, а через миг слаженно вступили три девчоночьих сопрано, и весь отряд зашевелился, прислушиваясь:

Пускай нам понемногу лет —
Но кто сказал, что права нет,
Что смысла нет нам с бою брать вершины?!
Кто так сказал — он поспешил,
Он это зря за нас решил,
Он это так решил, а мы не так решили!¹

И пошло! Пели хором, пели все подряд. Пели — и шагали...

...— Что ж ты стоишь на тропе, что ж ты не хочешь уйти?..

...— Вот это — для мужчин — рюкзак и ледоруб...

...— Раскройте рты, сорвите уборы — на папиных «Волгах» мальчишки-мажоры!..

...— За синим перекрестком двенадцати морей, за самой ненаглядною зарею...

¹ Стихи В. Крапивина.

...— Перемен требуют наши сердца!..
...— Спокойно, дружище, спокойно — у нас еще все впереди...
...— Но если покажется путь невезуч, и что на покой пора...
...— Не обнять российское раздолье...
...— Марш, марш — левой!..
...— Подари мне рассвет у зеленой палатки...
...— Здесь вам не равнина, здесь климат иной...
...— Среди нехоженных путей один путь — мой...
...— Помириться, кто ссорился...
...— Долой, долой туристов...
...— Улыбнитесь, каскадеры...
...— Сползает по крыше старик Козлодоев...
...— Britons — strike home!..
...— Знаешь ли ты, как память в эти часы остра?..
...— Дороги — как боги...
...— Не вдоль по речке, не по лесам...
...— Прощай, позабудь — и не обессудь...
...— На коня — и с ветром в поле!..
...— Хлопнем, тетка, по стакану!..

А дорога через ополье все не кончалась, и жара не спадала. Судя по всему, уже и до вечера оставалось недолго, и Север начал иссякать в своем песенном запасе, да и подпевали уже через силу, если честно. И вот настал момент, когда последнюю, наверное, песню Север допевал с несколькими самыми стойкими. Остальные вновь уныло растягивались в «хвост». Я с каким-то болезненным интересом прислушивался к голосам друзей и думал, что если сейчас не случится что-нибудь сверхъестественное и песня кончится, то начнется моральное разложение, писк, упадничество, и поднять настроение станет почти невозможно.

Вот сейчас допоят. И крантец.

— Родник, ребята!!! — заорал Сережка. — Родник!..

...Вы можете себе представить вкус родниковой воды в те часы, когда от жары готова расплавиться кожа?

Родник бил из-под корней здоровенной сосны, росшей в начале крутого косогора — тут был небольшой борок, сухой и чистый. К роднику все бросились разом, обалдев от одного вида воды. Было какое-то идиотское, животное состояние. Все забыли друг о друге — вернее, просто не оставалось сил о ком-то помнить. Но продолжалось это состояние всего несколько секунд — девчонок пропустили вперед, по рукам пошли мгновенно заледеневшие котелки. Мы пили и не могли напиться.

— Лагерь разобьем здесь, — махнул рукой Саня, — лично у меня сил нет дальше идти.

С ним никто не спорил. Все разбрелись за хворостом или обустроить место, скидывая поклажу и мокрую обувь. Солнце садилось за косогор, по равнине пролегли длинные тени. Вокруг растущей груды хвороста раскатывали сплошным ковром одеяла.

Олег Фирсов, забравшийся дальше всех по косогору, вдруг завопил, чтобы все шли туда, к нему. Похватав оружие, все бросились вверх, спотыкаясь и перекликаясь.

— Волга! Волга! — заорал более членораздельно Фирс. — Эй, тут Волга!

За косогором был обрыв. А под обрывом влево, вправо и вперед отражала заходящее солнце речная гладь.

Мы добрались до Волги. Правда добрались.

* * *

Наконец все улеглись вокруг костра. По рукам пошли холодное мясо, щавель и камышовые корни — печеные, но, естественно, холодные тоже.

— Уф, ну и переход, — выдохнул Вадим. — Думал, все, помру.

— Уже и песен не осталось, — добавил Игорь Северцев и лениво подбросил в пламя хворост.

— А ты здорово придумал — петь, — одобрила Наташка Мигачева. — Вовремя.

— Да это не я придумал, — усмехнулся Север.

Если честно — мне всегда нравилось, когда меня хвалят, хотя я умело это скрывал и слыл «очень скромным мальчиком». Но Север промолчал, и я, слегка разочарованно вздохнув, занялся едой.

— Это же ты придумал, — щекотнул мне ухо Танькин шепот. Она сидела возле меня и смотрела понимающими глазами. Огнет костра падал на них как-то так, что глаза лучились изумрудным живым светом, и я задохнулся, но тут же бодро отозвался:

— Да ну, ерунда! — подумал и добавил: — Все равно спасибо... — Я помедлил и решился: — Тань... ты очень устала?

Ее глаза заискрились, и она, чуть прикусив уголок губы, посмотрела куда-то в сторону:

— Пошли погуляем. Я правильно поняла?

* * *

— Волга. — Танюшка чуть шлепнула босой ногой по воде, слегка плескавшейся у песчаного берега. Я стоял чуть позади и сбоку, мучась желанием ее обнять. Потом вдруг вспомнилось, как почти месяц назад мы вот так же ходили по берегу другой речушки, и Танюшка думала, что порезала ногу...

— Тут хорошо гулять босиком, — сказал я. — Ни банок, ни бутылок...

— Не то что на Пурсовке, а? — Танюшка плеснула ногой в мою сторону, но я не принял игры.

— Мы так мало говорили... ну, за эти две недели... — Я присел на корточки. Танюшка, подумав, опустилась рядом со мной, подобрала несколько галек в песке. Подумала еще, кинула одну в воду. Я молча протянул руку, она отсыпала три. Я тоже кинул. Сказал: — Вот и Волга. Если честно, никак не соображу, куда нам дальше...

— А это не все равно? — Танюшка кинула еще одну гальку. — Мир большой... Олег, я не хочу сейчас про это.

— Извини, — немного смешался я.

— Ничего... Я искупаюсь, а ты подожди тут, ладно? — Она, сев на песок, начала стягивать джинсы. Я отвернулся и посмотрел вновь лишь когда Танюшка уже входила в воду, касаясь ее ладонями разведенных в стороны рук. — Теплая, — сказала она, не поворачиваясь, потом гибко подскочила и нырнула. У меня дух захватило — сам-то я плавать не умел и всегда боялся, когда плавала Танька. Но она уже вынырнула подальше, отфыркиваясь и вертя головой. Слышно было, как она смеется.

Противоположный берег виднелся черной полоской, из-за которой выкатывалась луна. Наверху плясали на древесных стволах отблески костра, слышались голоса, смех — похоже, наши отошли от перехода.

Танюшка выбралась наружу и, прыгая на одной ноге, начала натягивать джинсы прямо на мокрое тело. Я молча протянул ей свою куртку, Танюшка благодарно закивала и принялась вытираться ею. А я смотрел...

— Почитай мне те стихи, — попросила Танюшка, когда мы отошли по берегу почти на километр. — Те, про Жанну...

Я сразу понял, о чем она говорит. Кивнул, помолчал, собираясь с мыслями и стараясь подстроиться под шаг, начал читать:

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы, —
Это скачет Жанна д'Арк

К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта, —
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты!..

Танюшка покусывала длинную прядь волос и слушала — задумчиво, как она всегда слушала это стихотворение.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели!

Так же колокол звонко бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна!¹

Танюшка всегда хотела быть на нее похожей.

* * *

— Смотри.

Зрение у Игоря Мордвинцева всегда было отличным. И сейчас он заметил суда первым. Это были именно суда — не лодки, а суда, как в учебниках по истории, где рисуют корабли викингов и славянские ладьи. Два, под красно-золотыми парусами, они держались на стрежне реки. На палубах можно было различить движение, но не больше. Люди не гребли, их нес легкий ветер.

— Ничего себе, — сказал Андрюшка Соколов. — Вот это лучше, чем пехом.

— Ты грести не пробовал? — заметил Игорь. — Вот и молчи.

Мы стояли на берегу недалеко от места лагеря.

— Может, покричим? — предложил я. Игорь покосился на меня:

— А если причалят? Кто его знает, что за люди.

— Может, и правильно, — подумав, согласился я.

Неясно было, видят нас с кораблей или нет. Во всяком случае, эти путешественники никаких признаков интереса не проявляли. Разглядеть людей на таком расстоянии на фоне береговой зелени с воды вряд ли было возможно. Но у нас как-то поднялось настроение при виде кораблей — ясно, что плывут люди, и видно, что никого не опасаются...

...На берегу Волги на нас напала не то что апатия — просто лень, как будто это место в самом деле было местом нашего назначения и больше никуда идти не требовалось. Разленились все. Охота в окрестностях была отличной, врага не наблюдалось, хватало грибов и разной съедобной зелени, в которой неплохо умели разбираться мы все, а девчонки — особенно. Сушняка тоже оказалось полным-полно, лагерь уже к концу первых суток обрел привычно-жилой вид — с навесом, туалетом, аккуратным кострищем... А уж на третьи сутки вообще всем казалось, что мы отсюда никуда и не двинемся...

* * *

¹ М. Светлов «Рабфаковке».

— Ладно, — сказал я Игорю и Андрюшке, — давайте, тащите грибы в лагерь, а я пройдуся чуть-чуть.

— Один? — обеспокоился Андрей, берясь за импровизированный мешок из своей куртки. — Не находился, что ли?

— Да я недалеко, просто так. — И я успокаивающе положил руку на кобуру нагана. В таком положении я сам себе нравился — весьма героический вид. Сразу видно, что я — человек очень серьезный.

Ходить просто так мне всегда очень нравилось. А тут еще было много интересного. Не знаю, была ли Волга в этом мире шире, чем в нашем, но что красивее — наверняка. Честное слово. Вчера во время вот такой нашей пешей прогулки — правда, в другую сторону, — я обнаружил совершенно неземной красоты, как из фантастической книги, мелкую заводь, где в зеленоватой воде среди бело-розовых цветков кувшинки бродили какие-то большущие существа, похрюкивавшие, точно огромные свиньи. (Кажется, я таких вот видел на картинках в «Палеонтологии», а Олег Фирсов наверняка смог бы назвать их точно.) Они выбирали из заводи водоросли и не очень портили общую картину.

Кстати, диких животных я не очень боялся. С чего им на меня нападать? Дубиноголовых динозавров тут явно нет, а млекопитающее еще надо разозлить...

Я отмахал «недалеко» километров десять по ощущению и подумал, что обо мне скоро начнут беспокоиться. Словно бы в подтверждение этому дорогу мне преградила широкая река, впадавшая в Волгу, — на противоположном берегу был все тот же лес. Я какое-то время постоял у воды, пытаюсь сообразить, что это может быть. Так и не додумался — повернул, настраиваясь на то, чтобы сегодня вечером поднять разговор о дальнейших действиях.

С этой благой мыслью я успел сделать десяток шагов, не больше...

...Они шли прямо мне навстречу. Их было около дюжины — столько я мог насчитать среди деревьев. Они были без масок, щиты — за плечами. Шли, переговариваясь, и их внешний вид, их взвизгивающая, скрежещущая речь — все это казалось до предела, до последнего неуместным среди русской природы. Как какие-нибудь инопланетяне из «Вокруг света» или иностранных книжек...

...Нет. На меня вновь накатило ощущение, что я каким-то чудом оказался в «Хранителях». Это было недоброе чудо. Сколько раз я мечтал хоть глазком посмотреть на мир, придуманный английским писателем! И вот — пожалуйста. Только я не Арагорн, не Боромир, не эльфийский воин. Я четырнадцатилетний пацан с оружием — почти бесполезным, потому что мне очень страшно.

Я присел быстро, но плавно. Отодрал крышку кобуры, достал наган, стиснув в мгновенно вспотевшей руке. Перед глазами неслись обрывки того, что я видел в разоренном поселении. А в голове с бешеной скоростью крутилась мысль, похожая на заевшую дорожку пластинки: «Прогулялся, дурак... прогулялся, дурак...» Потом ее разбавила неоформившаяся, на уровне ощущения, безумная надежда: пройдут мимо, не заметят!!!

Твари не умели ходить по лесу. Хруст и скрежет шагов и голосов окружили меня. Я стиснул зубы, обливаясь потом и сжавшись в заряженный невероятным напряжением комок: еще шаг, другой — и они начнут удаляться! А я уйду. Обязательно уйду, со мной ничего не может случиться!

Металлический крик удивления над самой моей головой был неожиданным. Но неожиданным оказалось и для самого существа то, что он буквально споткнулся о мальчишку, сжавшегося в кустарнике.

Только удивиться он и успел. Скорее со страху и от отчаяния, чем осознанно, я выстрелил ему из нагана прямо между глаз, откатился, уворачиваясь от грузно падающего тела, и рванул с низкого старта. Справа оказался еще один черный — он попытался меня схватить, но я даже ускользнуть не стал, а с расстояния в два шага влепил ему пулю в грудь и перескочил через падающее тело, чудом удержавшись на ногах.

Сзади завывали, заухали; слышно было, как за мной с хрустом ломится погоня. Что-то

прогудело над моим плечом, и через секунду, пробегая мимо большого дуба, я увидел дрожащий в его коре метательный нож — хорошо знакомый. Возникший при виде его страх подстегнул меня, как удар кнута.

Я не сразу понял, что шум несется не только сзади. А когда понял — было, как говорится, фатально поздно. До появившихся впереди врагов оставалось метров пять, когда я их заметил...

Я шарахнулся вбок — странно, но мысль-то была вполне трезвой, проскочить между двумя сближающимися линиями облавы. Вернее, она казалась мне трезвой, на самом-то деле это и была настоящая паника. В следующую секунду я понял: не получится, и первый раз в жизни закричал от страха. Твари ответили усиленным хрипом и визгом: до них дошло, что я попался, чуть ли не раньше, чем до меня самого.

Вообще-то я не знаю, почему действовал так, как действовал. Я переброшил револьвер в левую руку, а правой выхватил палаш. Никакой особой смелости во мне не было — просто уж слишком страшно казалось просто так взять и умереть. Ну, как курице под топором, что ли...

С такого расстояния промахнуться я не смог бы даже с левой. Даже с закрытыми глазами.

Помню, что я вертелся и стрелял — казалось, очень долго, хотя ну сколько там времени нужно, чтобы выпустить пять пуль? Потом я еще дважды нажал на спуск, и боек щелкал в уже пустые гильзы, а со всех сторон были черные, какие-то *нечистые* лезвия — топоры, ятаганы, короткие копья... Я взмахнул палашом, пронзительно взвизгнула сталь — снова и снова, а потом что-то очень сильно, но совсем не больно ударило меня в затылок.

* * *

В шалаше отвратительно воняло. Сквозь дырявые крышу и стену вкривь и вкось пробивались толстые и твердые лучики света. За такой шалаш следовало оторвать руки — немедленно и под корень.

Только чем отрывать, если ты валяешься в этом шалаше голый, связанный по рукам и ногам, голова болит, а тело буквально зудит от того, как тебя облапали эти вонючие твари?

Первые несколько минут после того, как я пришел в себя, мне просто не верилось, что все это произошло со мной. Только после того, как внутрь, откинув вонючую шкуру, заглянуло существо и, потыкав меня под ребра древком копья, что-то со смехом сказала наружу, — только тогда я поверил.

Я не разревелся лишь потому, что окаменел и как бы раздвоился — сам про себя смотрел кино, сидя в безопасном кинозале, и кино было даже интересным, потому что ясно же: главного героя в любом случае спасут. Или даже если он погибнет, то под красиво-трагическую музыку, навалив вокруг себя кучи врагов, а за его гибель отомстят...

Только я-то, кажется, сейчас просто навалю кучу. Под себя. От страха.

Я напрягся, пробуя разорвать ремни. Ничего подобного; да и сделал-то я это скорее от отчаянии. Подтянув колени к подбородку, я увидел, что связан именно тонким кожаным ремнем, а не веревками. Я попытался передвинуть руки вперед через ступни, но обнаружил, что мне связали не запястья, а выше, середину предплечий. Тем не менее я еще какое-то время дергался и рвался, шипя сквозь зубы, — так было не до такой степени страшно, чем если просто лежать неподвижно и ждать.

Когда я вспотел и содрал кожу на руках и щиколотках, мне осталось только успокоиться. Точнее, успокоился я внешне. Внутренне у меня наличествовали все унижительные признаки страха — крутило и сжимало живот, ритмично подкатывало сладковатое желание помочиться, во рту был кислый вкус близкой рвоты, кровь бухала изнутри в виски. Плюсом было то, что прошла головная боль.

Лучше бы убили сразу, подумал я. Представил, как я валяюсь там, в лесу — со страшными ранами, подтекшей кровью, запрокинув оскаленное лицо, — и заснул. Нет, это

было ужасно, все было ужасно, любой выход, кроме одного — немедленно оказаться среди своих...

Я заставил себя оборвать нытье. И только теперь обнаружил, что в шалаше не один. Вообще-то это было не так уж удивительно — я уже сказал, что внутри царил полумрак, сам шалаш — не маленький, а мне — не до соседа, лежавшего очень тихо. То ли он был без сознания, то ли наблюдал за мной — не поймешь, но в тот момент, когда я обратил на него внимание, он был вполне в себе и наблюдал за мной левым глазом — внимательным и серым, похожим на прибитый росой пепел, под которым еще есть огонь: не ройся — обожжешься!

Мальчишка был моих лет, темно-рыжий и длинноволосый, лежал ничком, связанный точно так же, как и я. Щекой он прижимался к мятой траве. Видная мне щека была расцарапана — так, что кожа повисла рваными бурыми лоскутами.

— Ты кто? — выдохнул я, замерев на боку. — Ты наш, русский?

Он повозил щекой по траве и тихо, тоже со вздохом, ответил:

— Нэм руссу... ромэн...

— Румын? — Это я понял. — Тебя тоже схватили? Слушай, а если попробовать перегрызть ремни? Ну, хоть на руках?..

Меня понесло. Румын со стоном привстал и тяжело сел, подогнув ноги. Он был весь в синяках, на правом бедре багровела сочащаяся кровью рана, к ней прилип разный мусор. Покрутил головой и тоже что-то сказал, дергая плечом.

Мы друг друга не поняли. Да, собственно, я даже не успел узнать, как мальчишку-румына зовут. Шкура у входа сорвалась, внутрь, сгибаясь, протиснулись несколько существ и со своими обычными звуками потащили нас наружу.

Горел посреди круга из полудюжины шалашей костер — возле него был вбит в землю столб примерно в два человеческих роста. Я почему-то думал, там будет, как в книжках, круг из вопящих и ритмично лупящих по земле дикарей. Но там было только две твари — они стояли у костра и рассматривали нас.

Меня шваркнули наземь так, что захватило дух — но перевести его я не успел. Цепкая лапа — четырехпалая! — схватила меня за волосы, и я заорал от боли — меня волоком тащили дальше под злорадный хохот, потом снова бросили, и сильный толчок в плечо перевернул меня на спину. Я оказался в перекошенном положении — мешали связанные руки — и смотрел снизу вверх на «негров», втягивая воздух сквозь зубы. Румына швырнули рядом со мной. Я видел боковым зрением и его лицо — на нем был не страх, а ненависть.

— Этот новенький, — сказал кто-то, и я даже сперва не понял, кто тут говорит по-русски, — посмотрел влево-вправо недоуменно. Лишь потом до меня дошло — говорит одно из существ. — Говори, как тебя зовут?

— Олег, — кашлянул я. Сверху опустился ассегай и уперся мне в живот. Я непризвольно напрягся, с ужасом ощущая сосредоточенную на кончике острия смертоносную тяжесть.

— Хорошо, — наклонила увенчанную перьями голову тварь. — Где твои товарищи?

— Я... — мне пришлось сделать над собой усилие. — Я один.

— Хорошо, — снова кивнула она. Я поразился: неужели поверила?! Тварь что-то скрежетнула тем, которые притащили нас. Меня подняли, развязали руки и, швырнув к столбу, вновь связали — но уже подвесив меня на какой-то крюк в 20–30 сантиметрах от земли за связанные сзади руки. Больно почти не было, но ремень ощутимо врезался в кожу. — Ты сейчас посмотри, — голос звучал почти дружелюбно. — А потом ночью подумаешь. И утром поговорим как следует.

Он взмахнул ассегаем, еще что-то крикнул. Остальные вздернули румынского мальчишку, вцепились в него...

Я зажмурился. Так, что перед глазами поплыли стремительные хороводы огней. Но все та же странная тварь, подойдя сбоку, сказала: «Смотри!» — и насильно подняла мне веки, безжалостно прижав их пальцами. Я попытался мотать головой, но еще кто-то,

придвинувшись сзади, зажал мою голову ладонями.

Стыдно, наверное, об этом говорить, но я не мальчишку жалел, а был в ужасе при мысли, что подобное может произойти со мной. Я не плакал и ничего не говорил, только тянул воздух широко открытым ртом...

...Одна из тварей присела над румыном, доставая метательный нож. Примерилась и начала резать горло.

Я был бы очень рад потерять сознание. Только не получалось. Мальчишка с бульканьем колотил по земле ногами. А та, что держала меня, спокойно и доброжелательно сказала:

— Ну, ты подумай. До утра.

* * *

Вывернутые руки уже не болели — они онемели, и временами мне казалось, что я вишу в воздухе как-то сам по себе. Но я мучился даже в те минуты, когда терял сознание (или засыпал?).

Сильнее любой боли меня мучило ее ожидание.

Оно было полным и безнадежным, это ожидание, — как черный туннель, в конце которого не свет, а *пламя* ... но не идти в него нельзя, это от тебя не зависит. У меня было хорошее воображение — и сейчас, ничем не удерживаемое, но затуманенное мучениями, оно выстраивало — и наяву, и во сне — вереницы тех пыток, которые ждут меня с рассветом.

Никто меня не спасет. Вот это все, это конец, наступает мое последнее утро, вместе с которым придет такая боль, которой я в жизни не знал.

Да и что я вообще знал в жизни?! Сколько ее было, той жизни?! Я заревел — тихо, но безнадежно, весь подергиваясь, и слезы вымывали из меня остатки мужества.

Когда они придут утром — я заору, я им все скажу! Я на колени упаду, я просить, умолять буду, я на любые вопросы отвечу, я... я сам им зад подставляю, только бы не мучили — ведь нельзя же от человека требовать, чтобы он был героем в четырнадцать лет! Я не хочу! Да нет, я просто и не смогу, как эти разные пионеры-герои! Я же все равно «расколуюсь», только перед этим вытерплю много боли — зачем же мучить себя?!

Я вспомнил, как во время игры в войну — не так уж давно, вот ужас-то?! — меня тоже захватили в плен и только *собирались* сделать «велосипед», а я уже был готов рассказать все... и только появление Сани с его «зондеркомандой» меня спасло...

Ну боюсь я боли! Боюсь!!! Что теперь?!

Я снова начал плакать. Я не плакал давно и считал себя — вроде бы заслуженно — выдержанным и спокойным парнем. Вот они — мои выдержка и спокойствие, чего они стоят!

Я тихонько завыл от ужаса — даже крох стыда, и тех не осталось. Слышат? Да пусть слышат! Мне страшно! Я жить хочу!..

...Когда я в очередной раз пришел в себя — было утро, и я почувствовал, что дрожу мелкой дрожью. То ли от холода, то ли от страха, а скорее — и от того, и от другого. А еще от взглядов двух убранных белыми перьями и султанами тварей, стоявших рядом со мной.

На миг я увидел себя их глазами — с опухшей от слез рожей, со взглядом, в котором остался только ужас, с подтеками на лице, висящего на скрученных руках, как сосиска. Сейчас как раз и было самое время — заорать, что я все скажу, и начать говорить. Ничего иного они от меня и ожидать не могли — за несколько ночных часов мои собственные мысли скрутили меня, как мокрую тряпку, смяли в бесформенный комок.

И я уже почти услышал свой истеричный, тоже заплаканный, срывающийся голос, выкрикивающий ответы на вопросы, которых мне еще не задали даже.

— Таким ты мне больше нравишься, — удовлетворенно сказала одна из тварей, и я узнал ту, которая допрашивала меня вчера. — Весь в соплях и слезах и думающий уже только о том, как больно будет и как бы этого избежать. Ведь так, а?

Как чисто говорит, даже странно, краем сознания мелькнула мысль. Я кивнул — кого тут обманывать?

— Говорить будем? — У твари была усмешка — не их оскал, а именно усмешка победителя. Она еще ничего не спросила, я еще ничего не сказал — но она уже победила.

Презирая себя, я кивнул.

— Не слышу? — угрожающе спросил он.

— Буду, — буркнул я. Презрение жгло глаза, выжимая из них слезы, но я знал, что, если отказаться — будет боль, и презрения не останется, останется только страх... — Только не убивайте, — добавил я и заплакал снова, стараясь вытереть слезы о плечо.

Они рассмеялись — шипяще и презрительно.

— Скажешь все — не убьем, — пообещал мой «собеседник». — Побалуемся с тобой, как с вашей девкой, — и отпустим.

Я продолжал реветь. Тварь брезгливо приказала:

— Хватит. Рассказывай.

— Ч... то? — Я подавился коротким словом, как хлебной коркой. А хлеба-то мне больше не есть никогда... и эти смеются мне в лицо...

— Первое — где ваш лагерь и сколько часовых, где они стоят?

Тот же самый вопрос, на который я готов был ответить *тогда*. И сейчас готов. Я сейчас скажу... и они пойдут в лагерь, убьют...

Убьют моих друзей. С которыми я пел песни у костров, помогал друг другу, смеялся и горевал. И думал, что так будет всегда-всегда, даже здесь. Но сейчас я скажу — и их убьют. Не как в игре, а по-настоящему.

Как могут убить меня, если я вздумаю молчать! Никто же из них, из моих друзей, не знает, что такое огонь, палка в безжалостной руке, раскаленная сталь! А я — я могу со всем этим познакомиться! И я же все равно заговорю, только это будет противней, дольше и страшнее... я снова представил себе это и открыл рот...

А еще — они убьют Танюшку. Сперва — сделают с ней *это*. Потом — убьют. Это я тоже себе представил — нетрудно с хорошим воображением.

И эта картина была ужасней всего, что я представлял раньше о самом себе. Почему-то непредставимо ужасней, так, что я понял: если она станет реальностью, я не смогу жить.

Не смо-гу.

Но если я все равно умру — то по крайней мере не стану трусом и предателем.

Да, будет больно. Наверное, непереносимо. Но... ведь это только так говорится — непереносимо. А на самом деле это можно выдержать.

И, наверное, это будет не так страшно, как видеть Таню... после *этого*. И знать, что это — уже не твоя фантазия, а реальность, в которой виновен *ты*.

По крайней мере — я попытаюсь.

Я поднял мокрое лицо. Как трудно говорить, обрекая самого себя на смерть... Слова — словно глотаешь кипяток. Но что же я — совсем не человек? А все, что я читал, смотрел, о чем говорил? Мусор все это, и только во мне и есть, что этот жидкий ужас?

Ждете? Ладно.

— Ничего я не буду говорить.

— Вот даже как? — Существо протянуло руку... лапу и взяло меня за лицо. — Даже не «не знаю», а «не буду»?

— Не буду, — повторил я. Почему-то из головы вымело все чувства, даже страх — осталась только звонкая переливчатая пустота.

— И не надо, — покладисто сказала оно. — Говорить ты и правда не будешь, а будешь ты кричать. День, два — где-то так. Сперва кричать, потом горло сорвешь и станешь сипеть, а когда не можешь кричать — боль еще сильнее... Видишь? — Он отошел чуть в сторону. — Это — для тебя.

И я увидел кол. Его принесли четверо, еще один нес деревянную колотушку. Кол был свежий, острый, не очень толстый, но длинный.

Все. Глаз от него я отвести уже не мог, а язык примерз к небу. По всему телу, покрывшемуся гусиной кожей, выступил ледяной пот.

— Может, скажешь? — раздался откуда-то. — И иди. А то ведь знаешь — это такая боль, что у многих от крика рот рвется...

— Сволочи, — сказал я. — Зверье, садисты... Ничего, и до вас доберутся. Жаль, я сам вас мало успел убить... гады...

Я снова заплакал. От острой горечи при мысли, что Танюшка не узнает, что она для меня, и увидит только то, *что* от меня останется. И тоже будет плакать...

Но — будет *жить* .

Только надо молчать. И я, готовясь к страшной и долгой боли, зажмурил глаза.

Потом я закричу, конечно. Но это будет просто крик, а не трусливый визг предателя... Может быть, Сусанин тоже кричал, когда его убивали поляки. Вот только обратной дороги он им не показал.

И я не покажу...

...Когда я открыл глаза — обе твари уже падали к моим ногам. В полном обалдении я — уже начисто ничего не понимая! — наблюдал торчащие у них в затылках — у того и другого — рукояти цельнокованных металлических ножей. На мои ноги и землю лилась кровь.

Потом откуда-то слева выплыл Саня — и я услышал, как валлонка в его руке с коротким стуком перерубила веревку над моими ладонями.

Я рухнул в объятия подскочившего Вадима, не понимая, умер я все-таки... или каким-то чудом жив?..

* * *

— Смотри, что у него с руками. Синие...

— Давай я разотру... Эй, девчонки там придержите, тут такое!..

— Ты ему руки сначала опусти. А то смотреть жутко...

А руки-то у меня, оказывается, есть... И болят! Ооой, как болят! Вот оно, начали пытаться... свои-то, свои за что пытаются, я же их не выдал, ничего не сказал! Плечи выкручивала, растягивала, сжимала, жгла и морозила беспощадная боль, и так же начинали под чьими-то пальцами болеть и запястья.

— Б-б-больно-о... — прохрипел я, не открывая глаз, потому что еще не понял, в сознании я или без. И вообще — живой или нет? Да это и не казалось важным — боль нарастала. — Ну за что?! Перестаньте, хватит... больно, не трогайте!..

— Живой, живой! Серега, Серый! Он живой!..

— Три, три, он же без рук останется...

— Дай я сменю...

— Дайте ему попить, у него губы белые...

Вода. Настоящая вода! Тоже пытка — сейчас капнут несколько капель, и... нет, поят, поят!

Я открыл глаза. Улыбающиеся физиономии окружали меня стеной — точнее, куполом, сверкающим зубами и родным. Вадим держал мою голову на коленях и массировал плечи. Арнис растирал запястья.

— Ожил!!! — заорал из-за его плеча Олег Крыгин и замахал рукой: — Живой!!!

— Ты еще рывкни: «Все сюда!», чтобы девчонки прибежали, — хрипло сказал я и облизнул губы: — Дайте еще попить, раз уж живой. И оружие с одеждой найдите, если можно.

— Уже нашли, нашли! — заорал Бэн, с широченной улыбкой сваливая возле меня мое барахло.

— А этих гадесов, — Саня, держа в руке окровавленную валлонку, хлопнул меня другой по плечу, — мы всех прикончили. Они даже из своих халабуд повыскакивать толком

не успели.

— Как ты... сказал? — переспросил я.

Санек насторожился:

— А чего я сказал? Гадесов.

От уже подзабытого детского словечка повеяло чем-то таким, от чего я широко улыбнулся... а потом облегченно расплакался навзрыд. Ребята вокруг притихли сочувственно и растерянно, а я все никак не мог остановиться.

Это был последний раз, когда я плакал, на много лет вперед.

* * *

Четырнадцать лет хороши среди прочего тем, что все пережитые ужасы перестают казаться ужасными через какие-то сутки после их окончания. Если ты не свернул себе шею — вскоре ты будешь вспоминать это уже как приключение, не больше. Поэтому ночь я спал совершенно спокойно, а под утро проснулся от того, что ощутил: кто-то на меня смотрит.

Смотрела на меня Танюшка. Я вечером с ней толком и не поговорил — она держалась от меня на странном расстоянии. Другие девчонки, сидевшие в лагере, как на раскаленной плите, бросились на меня толпой, а она... словно я был ярким пламенем: хочется подойти вплотную и боишься обжечься. А я завалился спать раньше всех, едва поел.

И вот Танюшка сидит возле меня, и я неплохо различаю ее лицо, потому что уже утро.

— Я тебе зашила куртку, — сказала она, едва увидев открытые глаза и мою невольную улыбку. — Нитки и иголку у Ольки взяла... — Она пожала плечами и вздохнула. Потом сказала, глядя мимо меня: — Ты очень храбрый, оказывается, Олег. Я не знаю, кто бы еще из наших мальчишек так смог.

— Я? Как так? — искренне удивился я и вздрогнул, ярко вспомнив короткий и страшный плен.

— Мальчишки же не сразу напали на гадесов, — тихо сказала Танюшка. — Они окружили их лагерь, лежали и видели все: как тебя спрашивали, а ты отказался отвечать... чтобы нас не выдать, как настоящий герой!

«Это ты дала мне сил промолчать», — сказал я. Вернее — испугался, что сказал. Но Танюшка глядела на меня по-прежнему, и я облегченно перевел дух. Сказать такое было бы... о-го-го! А вслух я сказал:

— Да ну, герой... Ты не знаешь, как я перетрусил.

— По-моему, во всех книжках говорится, что герой не тот, кто ничего не боится, а тот, кто свой страх преодолевает, — воинственно сказала Танюшка.

— Если бы ты знала... — вырвалось у меня, но я тут же исправился: — Нет, тебе лучше никогда не знать, Тань, как это — преодолевать свой страх.

Я умолк, а сам подумал про румына. От него ничего не осталось, я даже имени не узнал... Вспомнилось, как его жарили и ели, и комок прыгнул к горлу. Я сел, скрестив ноги. Танюшка тревожно смотрела на меня, но молчала. Наверное, поняла, что я вспомнил произошедшее.

Но я уже думал о другом. Странно — «негр», допрашивавший меня, отлично говорил по-русски. И что вообще тут происходит, в конце-то концов?! Сверхжестокая глобальная игра в средневековую войну...

Я дотянулся до револьвера. Кто-то позаботился выбить пустые гильзы и снарядить оружие заново. Теперь у меня осталось двадцать четыре патрона — три полных барабана плюс еще три патрона. На три попытки самоубийства, неожиданно мрачно подумал я. Но наган-то мне — слов нет! — сослужил хорошую службу... Я поймал себя на том, что уже и не вспоминаю убитых гадесов — не до них...

Танюшка все еще смотрела на меня. Я заметил, что девчонка сильно загорела. Нет, она и до... в Кирсанове загорала, но тут загар был как у людей, постоянно живущих на свежем воздухе. Хотя — где же мы еще-то живем? На свежем воздухе...

— Чуть больше чем через месяц кончатся каникулы, — вспомнила Танюшка. — Знаешь, это будет первое первое сентября, когда я не пойду в школу.

— Ты пойдешь в школу, — мягко поправил ее я и все-таки прикоснулся к ее голому локтю. Танюшка напряглась на миг, а я ощутил, прежде чем отнять пальцы, прилив чего-то невероятно сладостного, как это бывало всегда, если я прикасался к Танюшке. Но сейчас он был намного сильнее, чем обычно, — меня буквально пробило, голова легонько закружилась... Я поспешил снова заговорить, пока это не сделали мои глаза: — В одну со мной... если не соврала все-таки. — Она улыбнулась и щелкнула меня в нос коротко подстриженным ногтем. Я сморщил нос, прикрыв глаза (радуясь, что есть повод), и продолжал: — Но чем здесь хорошо — так это тем, что мы вообще все время вместе. Даже спим... недалеко. По крайней мере не в квартале друг от друга.

Я открыл глаза. Танюшка ждала этого момента, потому что я получил еще один точный щелчок.

— Ого. — Я потер нос. — Распухает. Подуй, а?

— Я тебе не подую, я тебя вздую, — многообещающе сказала Танюшка, одним движением поднимаясь на ноги. — А сейчас пойду умываться. А ты — как хочешь.

Она побежала к ручью. Я смотрел ей вслед и улыбался.

Да, ты можешь быть скучной,
Можешь быть злой,
Но когда твой номер молчит,
Я беседую мысленно только с тобой —
И никто нас не разъединит.
Если я не один — разве это беда?
Если нужно — она подождет.
Я же слышу, как страшно трещит под тобой
Ненадежный октябрьский лед!..

Есть одна любовь — та, что здесь и сейчас,
Есть другая — та, что всегда!
Есть вода, которую пьют, чтобы жить,
И есть живая вода!

Да, он смел, как бог, я бы сам так не смог —
Целый день ходить, как в кино!
Не твоя вина, что ты хочешь вина —
И что он имеет вино...
Но когда твои губы сухи поутру —
Чем ты смоешь с них пепел побед?
И когда все дороги замкнутся в кольцо —
Как ты выйдешь на правильный свет?!¹

* * *

В этот раз головным дозором шли Саня и Бэн. Они и прибежали к основной группе, причем взволнован был даже Санек.

— Гадесы?! — подобравшись, выкрикнул я.

Саня махнул рукой:

— Нет, обычные ребята! Столько же, сколько нас, кажется... Нас заметили.

¹ Группа «Nautilus Pompilius».

Мы быстро сбились в плотную кучку, оглядываясь и осматриваясь. Андрей первым махнул рукой:

— Ладно, пошли навстречу! Чего ждать?..

...Ребята остановились метров за пятьдесят от нас. Их было меньше — десятка два, девчонок — почти половина, и парни как бы прикрывали их (а наши стояли вместе с нами, и я подумал с какой-то обидой, что это неправильно), но внешне эта компания выглядела внушительней, чем мы. Более обтертой этим миром, что ли? На всех на них оставались какие-то элементы «нормальной» одежды, но они причудливо сочетались с самодельными куртками, штанами, сапогами и прочим. Почти у всех на шее висели какие-то медальоны и украшения. Большинство мальчишек и девчонок были светловолосые, и волосы у тех и у других — длинные — сплетались в переброшенные на грудь косы.

Но смешным это не выглядело. У всех в руках было оружие. Три девчонки в заднем ряду держали арбалеты. На флангах первого ряда стояли мальчишки с длинными луками — готовыми к стрельбе.

— Нас больше, — сказал тихо Олег Фирсов.

— Они сильнее, — ответила Ленка Черникова.

— Чего это?! — взъерошился Олег, но Вадим поморщился:

— Не спорь, они правда сильнее. Если будет свалка — мы проиграем.

«Мы будем убиты», — мысленно поправил я, изучая противника. К этой мысли было нелегко привыкнуть. Точнее — ее нелегко было принять как реальность.

Эти тоже переговаривались — непонятно только, на каком языке. Огнестрельного оружия у них не было, а наше они, конечно, видели. Раньше, чем они до нас доберутся, я и Колька уложим половину.

— Отступить все-таки как-то фигово, — как раз Колька и заметил.

Санек его поддержал:

— Тогда решат, что нас можно кидать через колено.

— Мальчишки, ну это же люди, — не выдержала Ленка Рудь. — Вот так сошлись — и сразу драться насмерть?!

— Ленк, если ты еще не поняла — тут это образ жизни, — процедил Санек.

— Но ведь тогда были гадесы...

— Не будь расисткой, — усмехнулся он. — Что будем делать все-таки?

Но ситуация разрешилась сама. Из плотного ряда напротив вышел рослый мальчишка — за его спиной прекратились разговоры. Обведя нас быстрым взглядом, он прокричал:

— Вэр'ст зи? Вохин'ст ду?

— Он спрашивает, — быстро и тихо прошептала Ленка Власенкова, — кто мы и откуда... Ребята, они немцы или австрийцы.

— Видим, — сквозь зубы сказал Вадим. — Отвечай, Лен.

Ленка тоже что-то прокричала — с запинкой, но достаточно бодро. Лично я разобрал только «руссише». Немец что-то неразличимо сказал своим, потом снова повысил голос. Ленка перевела:

— Он говорит, что они все немцы из племени баваров...

— Из племени? — недоуменно спросил Колька Самодуров. — Они что, одурели?!

— Или одичали, нам не легче, — заметил Вадим.

— Подождите, он еще говорит, — вмешалась Ленка.

Я ощутил пожатие пальцев Танюшки, она встала рядом, держа в правой руке аркебузу, и, не поворачиваясь, сказал:

— Если что — держись сзади. Не спорт!

— Его зовут Хунтер... Гюнтер, — продолжала говорить Ленка, — он конунг. Он предлагает не устраивать свалки. Если я правильно понимаю, он хочет... да, он говорит, что готов сразиться с нашим вождем. Кто проиграет — уступит дорогу.

— Дебилизм! — фыркнула Черникова. — Давайте просто развернемся и уйдем, ребята.

— Не факт, что они нас отпустят, — заметил Санек. — И будет точно свалка.

— Ты пойдешь драться? — почему-то очень агрессивно спросила Танька. Санек развел руками:

— Он меня убьет.

— У него такой вид, что он убьет любого из нас, — поправил Вадим.

— Мошет бит — я? — Арнис шагнул вперед, но я коротко вздохнул и, ловко освободившись от руки Танюшки, шагнул раньше него, бросив:

— Держите Таньку.

Сергей сместился к ней, но лицо Танюшки сделалось злым, и она, прошипев мне: «Урод, дурак!» — пихнула Сергея и ушла назад. Мальчишки переглядывались. Арнис положил мне руку на плечо:

— Тавай яа. Он сдоровий.

Я только улыбнулся в ответ, и литовец отступил, сконфуженно улыбаясь. Танька глядела через плечо Сергея злыми и несчастными глазами. Вадим сказал Ленке:

— Давай скажи, Лен. Олег будет драться. Наш... князь.

Мне стало немного смешно. Но в целом я ощущал себя, как всегда перед поединком, — слегка потряхивало и было весело.

Гюнтер сбросил перевязи, стягивавшие белую куртку мехом наружу, без рукавов. Скинул и ее тоже. Невысокая, но стройная девчонка, выбежав из общего ряда, подняла все брошенное, на миг прижалась щекой к плечу немца и медленно пошла обратно — ее обнял кто-то из парней.

У Гюнтера осталась в руке валлонская шпага — шириной и длиной как мой палаш. Немец вытянул оружие ко мне — и я понял: предлагает схватку только на длинных клинках.

Я кивнул и начал расстегивать ремни. Немец ждал — он был выше меня, хотя и не слишком, зато шире в плечах и мощнее. Грудь слева у плеча перечеркивал заметный даже на расстоянии широкий шрам.

— Давай. — Подойдя, Вадим принял у меня снаряжение и куртку. Серые глаза его были внимательны и серьезны. Подумав, я снял майку — на белом кровь будет очень заметна — и вытянул из ножен палаш. — Держись. Ты сможешь его победить.

Он пожал мне запястье. Я молча ответил тем же — говорить не хотелось — и пошел навстречу Гюнтеру, забирая чуть вбок.

Мы остановились точно посередине луговины. Глаза немца напомнили мне глаза Вадима — серые, серьезные и внимательные, без насмешки или злости. Сейчас я мог различить еще несколько шрамов, и то, что его медальон — это каменный молоточек со знаком-руной, висящий на волосяном шнурке. Мне вдруг захотелось спросить, давно ли он здесь — но Гюнтер не знал русского, да и не для разговора мы сюда пришли.

Мне почему-то подумалось: сейчас он будет поднимать оружие к небу, обращаться к богам, все такое, но немец отдал мне салют, энергичный и точный, фехтовальный, какому учили и меня. Я ответил тем же — и мы приняли боевую стойку довольно далеко друг от друга. Замерли.

Я держал палаш в своей любимой четвертой позиции. Немец принял третью — и меня кольнуло недовольное беспокойство.

Терпеть не могу неупотребительных позиций — первой, третьей, пятой... Всегда надо думать, что сделает противник — а в фехтовании думать нельзя, оно слишком молниеносно для мысли. Тело должно отвечать автоматически.

Острые валлонки смотрело мне в правое колено. Гюнтер приглашал — коли, вот он я.

Я уколую, он возьмет вторую... а дальше? Не забывай, Олег, у вас оружие, которое рубит лучше, чем колет... Рубанет по голове слева? Немцы любят рубить в голову, так в книжках пишут... Или в правый бок?.. Прекрати думать, придурок!!!

Раз-раз — сохраняя позицию, Гюнтер стремительно пошел вперед. Я отступил ровно на столько же. Раз-раз — в ответ я сместился вправо, тут не дорожка. Гюнтер — раз-раз, вот подлец! — снова пошел вперед. Выводит из себя, похоже. Иди ты с этими фокусами... в младшую группу. Я угадал его новый шаг вперед и, сам рванувшись навстречу, был

вознагражден тем, как немец поспешно отступил...

Да черта с два! Упругим толчком он тут же вновь рванулся вперед, целя мне снизу в живот, — поменял позицию так же естественно, как человек моргает.

Я ответил третьей круговой и нанес рубящий удар в правый бок. Гюнтер взял вторую защиту и рубанул слева по голове. Я закрылся шестой и уколол вниз. Гюнтер опять взял вторую и тоже уколол вниз. Я не принял защиты и вышел из схватки, вернувшись в четвертую.

— Зер гут, — сказал Гюнтер. Он менял позиции, как течет вода — 1-2 — 3-4 — 5-6 — 1-2 — 3... Казалось, это доставляет ему удовольствие. Я никак не мог заставить себя поверить, что этот мальчишка хочет меня убить. И еще не мог заставить себя попытаться убить его...

Он опустил валлонку к ноге. Я тоже опустил оружие — палаш не полукилограммовая рапира, попробуйте его подержать в стойке долго!

Самый страшный звук боя — это свист, свист вражеского клинка, разрезающего воздух, тонкое, поющее «ззухх», похожее на насмешливое посвистывание человека. Сначала — свист, потом — тяжелый удар, одновременно с которым раздается уже лязг. Стальные клинки не «звенят», это вранье, они гулко и жестко лязгают.

Руки немца были сильнее. И ни о каком фехтовании речь уже не шла — он рубил, наступая, гипнотизируя меня этими тяжелыми ударами, а потом — свирепо и коротко колол без отскока. И не достал меня сразу только потому, что я не испугался. А не испугался я потому, что не верил, по-прежнему не верил...

Несколько раз я видел, как из-под клинков брызжут бледные искры. Два или три раза его клинок ударялся о мой эфес, а один раз мы столкнулись эфес на эфес лицом к лицу — и я увидел по краям его носа редкую россыпь веснушек. Ноздри раздулись и отвердели, но глаза остались бесстрастными.

Я надеялся, что по крайней мере не выгляжу совершенно беспомощно — до меня никак не могло дойти, что я проигрываю жизнь. С обеих сторон орали — и наши, и немцы... Они — что-то очень похожее на «зи'хайль!». Наши — нечто неразличимое, но в целом жизнеутверждающее.

А я... я вдруг понял. Это было как резкая, короткая вспышка молнии среди ясного неба — потрясающе красивая и неожиданная, но в то же время страшная... в общем, от которой дух захватывает.

Этот парень — конунг. Он дерется за своих. Но и я — князь. Это не слово. Вадим знал, что говорил, а мне показалось, что он посмеялся.

Я — князь. И я дерусь за своих. Это не фехтовальный поединок на дорожке.

Это... это Суд Божий. Так говорили наши предки.

Падая на правое колено, я круговым ударом подсек Гюнтеру ноги — свирепо, размашисто, сам от себя такого не ожидал. Немец не успел отбить удар — подпрыгнул, а я вернул руку уколom вперед-вверх.

На груди отскочившего Гюнтера — от ребер слева до правого соска — вскипела кровью алая полоса.

— У-ухх!!! — ахнули немцы, подаваясь вперед. Гюнтер что-то коротко рывкнул, мазнул ладонью по ране и показал мне окровавленную руку.

Он улыбнулся. Нехорошо улыбнулся. И пошел ко мне так, что мне на миг захотелось убежать.

На миг. Потом я понял, что скажусь ему в ответ.

А еще потом я ударил навстречу его удару...

...Во время очередного отбива он ранил меня в левое плечо. Я даже не понял, что ранен, — что-то хрустнуло, совсем не больно, и я, скосив глаза, увидел кровь — она стекала под мышку и к локтю из линзовидного прокола, похожего на приоткрытый рот.

Потом мне показалось, что в плечо снова воткнули — только раскаленный прут, и течет из пореза не кровь, а что-то кипящее, обжигающее кожу. Больше всего захотелось

закричать и зажать порез ладонью.

Но в правой руке у меня был палаш.

А еще я слышал, как закричала Танька. Так страшно закричала...

Словно это ее ранили...

...Следующим ударом он хотел меня добить. Но я поставил скользящий блок — шпага немца соскользнула, он сам, увлекаемый тяжелой силой удара, упал на колено. И только сумасшедшая ловкость немца спасла его — он забросил руку с оружием за спину и отбил мой выпад, а потом вскочил, очертив у моего живота сверкающий полукруг. Из раны на груди у него текла кровь, но вяло.

На какой-то миг мы опять перешли в классический фехтовальный поединок, и он чуть не обезоружил меня атакой на оружие, но я, недолго думая, ударил его в скулу кулаком.

— Молодчина! — узнал я голос Сережки. Гюнтер отшатнулся, но тут же полоснул крест-накрест передо мной... и это была *защита*. Поспешная и даже испуганная. Сама мысль о том, что он меня испугался, заставила усилить напор. Я забыл о крови, текущей по руке, о боли, которая дергала плечо при малейшем движении. Наверное, мне в жизни еще не было так больно.

И в то же время — я не помню за собой такого подъема. Во мне словно разворачивалась — оборот за оборотом! — пружина, лежавшая до сих пор туго сжатой. И каждый освобождающийся виток этой пружины был — удар.

Гюнтер опомнился и «уперся» — встал, парируя мои удары встречными. Это было опасно, он оставался более сильным. Но во мне выключилась неуверенность, и сила его ударов больше меня не пугала.

Хрясть!!! Клинки столкнулись над эфесами — и я еле успел отклонить голову. Гюнтер «перехлестнул» оружие через мой палаш и едва не раскроил мне лицо. Но взамен промаха он пнул меня в живот с такой силой, что я отлетел наземь и проехался спиной по траве.

Больно не было. Просто нечем стало дышать, а ноги не действовали. Мелькнула холодная мысль: а ведь тренер говорил, что надо укреплять пресс.

Поздно. Гюнтер шел ко мне — как-то неспешно шагал, широко ставя ноги и держа шпагу на отлете. Приколет к земле?

Ноги заработали. Я отбил удар, поднявшись на колено, немец безжалостно сбил меня снова — пинком в грудь, от которого захватило дыхание. Следующим движением Гюнтер прижал мое запястье...

Я ударил его обеими ногами в живот — немец не ожидал этого и полетел кувырком, а я смог вскочить. Но, наверное, все-таки слишком медленно, потому что Гюнтер оказался на ногах одновременно со мной. Мы еще несколько раз тяжело, с лязгом, скрестили клинки, стоя друг против друга и только отшатываясь назад при ударах. В сущности, тянули время, чтобы восстановиться. На животе немца краснел сдвоенный отпечаток моих туфель.

Палаш в правой руке немца вдруг загудел звуком большого вентилятора, начиная бешеное вращение, — и Гюнтер пошел на меня, крутя оружие то сбоку от себя, то перед собой, то над головой. Вокруг него возник серебристый тонкий кокон.

Врешь, устанешь, устанешь... Я несколько раз быстро выбрасывал клинок ему в ноги — серебристый кокон с гулом опускался... Верти, верти...

Кокон вдруг выплюнул серебряное жало, похожее на атакующую змею. Гюнтер рассчитывал проколоть меня в солнечное сплетение...

В спортивном фехтовании не делают того, что сделал я. Но мы ради шутки отрабатывали это — «как по-правдашнему». И немец, скорее всего, не ожидал этого.

Поворачиваясь *спиной* к нему на выставленной вперед *левой* ноге, я перехватил его запястье левой же рукой и нанес сверху вниз рубящий — в полную силу! — удар в основание клинка, одновременно ударив головой назад. Валлонка упала мне под ноги, вывернутая из захвата силой удара.

Когда я повернулся — немец пытался подняться с земли. Я упер конец палаша ему в горло — и под загорелой кожей мальчишки выступили и запульсировали голубоватые

артерии. Лицо Гюнтера окаменело, но губы улыбнулись. Резиновой улыбкой.

— Штильгештатн, — с трудом переводя дыхание, выплюнул я всплывшее в памяти слово из какой-то книжки.

— Найн, найн, найн, бите, найн! — закричал высокий девчоночий голос, и возле нас на колени упала, обхватив Гюнтера поперек груди одной и отталкивая мой палаш другой рукой, та самая девчонка. Я отшатнулся; еще несколько немцев бежали к нам с оружием, кто-то натягивал лук, сбоку оказался Колька со вскинутым ружьем...

— Фертих! — крикнул, перекрывая общий шум, Гюнтер.

И засмеялся. Уже по-настоящему.

* * *

Огромный костер плевался в небо искрами и целыми столбами огня — кто-то водрузил в центр дубовый пень, и тот, с воем всосав в себя половину костра, работал, как печная труба. Вкусно пахло шашлыками, и девчонки, разом перезнакомившиеся, тараторили на мгновенно образовавшейся смеси немецкого, русского и... английского. Мальчишки, как ни странно, хором ревели «Калинку» — знаменитую тем, что в ней нет ни единого неприносимого для немца русского «р».

Наверное, я тоже немец, кисло подумал я и, удобнее устроив ноги, прислонился спиной к камню. Луна проложила по воде Волги дрожащую «дорожку к счастью», откованную из листового золота.

Плечо коротко и тупо дергало. Танюшка хорошо наложила повязку... но лучше бы она сама осталась со мной. А она убежала к костру. Правда, звала с собой, и очень настойчиво. Мне не хотелось к людям, я огрызнулся. Она, кажется, обиделась. Может, стоило попросить прощения — она бы тогда наверняка осталась. Но для меня извиниться — все равно что раскусить лезвие: теоретически возможно, практически — не хочется пробовать.

Светлое от луны небо перечеркнули сразу несколько падающих звезд — метеоритов. Мне почему-то хотелось сразу плакать и смеяться.

Я чувствовал себя неуютно.словно я в чужой одежде.

— Почему ты сидишь один, князь?

Я вскинул голову. Лунный свет превратил лицо подошедшего мальчишки в серебряную маску с черными пятнами. Он говорил по-русски с сильным акцентом, но правильно.

— Я присяду тут? — мальчишка указал на камень возле меня. Я кивнул, немец сел, и я вспомнил его — когда мы познакомились, он представился то ли Йенс, то ли Лэнс... Но тогда и не намекнул, что говорит по-русски. — Так почему ты один, князь?

— Не называй меня так, — поморщился я. — Не князь я никакой.

— Князь — это слово, — сказал Йенс-Лэнс. — Можно сказать «конунг», «вождь», «князь» — или вообще ничего не говорить. Важно быть. Ты вышел драться, значит, ты князь.

— Да просто я один учился фехтовать, — отмахнулся я и охнул от боли.

— Когда меня ранили первый раз, я визжал, как поросенок. — Он засучил ветхую джинсовую штанину и показал грубый шрам над левым коленом.

— Слушай, — признался я, — я забыл, как тебя зовут...

— Йенс Круммер, — не обиделся он. Устроился поудобнее и поставил подбородок на кулак упертой в колено руки. Левого Йенс придерживал у паха рукоять недлинного широкого меча с простой крестовиной. — Я у Хунтера что-то вроде комиссара. Хочешь, — он повернулся ко мне, — я расскажу тебе кое-что интересное об этом месте? — Я кивнул. — Начнем вот с чего: вы уже догадались, что мы — это реплики?..

...Больше года назад девятнадцать мальчишек и двенадцать девчонок из баварского города Регенсбург во время похода оказались в окрестностях своего города — но в *этом* мире. Их, в отличие от нас, забрали всех разом.

Весь этот год они странствовали — от Атлантики до Урала, нигде подолгу не задерживаясь и часто вступая в стычки. В этом мире было много гадесов — тут их называли

урса, как они сами себя, — настоящими ордами приходивших с юга. И не так уж мало отрядов, подобных людям Гюнтера — подобранных именно по национальному признаку. Некоторые странствовали. Некоторые оседали на местах, приглянувшихся им. С некоторыми можно было договориться мирно.

Объединяло всех одно — это были дети и подростки. Безумие, но *тут не взрослые!!!* И никто не мог объяснить, как и почему это происходит, — а ведь не все гибли в боях...

Но это была лишь одна из загадок странного и редконаселенного мира. Йенс обладал умом, который называют «аналитическим», однако и он мало что понял, хотя очень старался. И о многом рассказал мне — возле реки, недалеко от праздничного костра, в эту ночь...

...— Это не совсем Земля, — говорил Йенс, откинувшись к камню возле меня. — Тут есть странные места и странные существа. И вообще много странного. Держитесь подальше от Сумеречных Мест — это такие... ну... как будто серый туман, они где угодно могут быть, войдешь — и не вернешься.

— Здесь совсем нет поселений? — спросил я. — Я имею в виду — как в книжках, брошенных городов, все такое?

— Я понял, про что ты... Нет, тут никогда не было своей какой-то цивилизации. Никаких брошенных городов с их тайнами и опасностями... Хотя — подожди... — Йенс задумался и свел брови; его лицо стало похожим на иллюстрацию к приключенческой исторической книжке. — Семь месяцев назад мы добрались до Евфрата. И нашли в тех местах парнишку-болгарина. Он был при смерти и умер, но перед этим бредил. Я кое-что понял. Он говорил о Городе Света. И плакал, что смог бежать один. Но я так и не понял, о чем он.

Мы помолчали. Йенс обнажил меч до половины и рассматривал его.

— Вот еще загадка, — сказал он. — Откуда тут оружие? Почему именно такое? Огнестрельное иногда попадает сюда с Земли с хозяевами. А это, холодное?

— Загадки, загадки... — пробормотал я. — Послушай, Йенс. Как ты думаешь, есть ли у всего этого цель? Или это какие-то случайности?

— Не знаю, — признался Йенс. — Один голландец, мой друг, считает, что все это, — немец повел рукой, — огромная военная школа. Ребята и девчонки копируются какой-то цивилизацией, их помещают сюда, через какое-то время тех, кто остается жив, забирают куда-то на службу.

— Вообще-то похоже... но глупо, — заметил я. — Все пущено на самотек — мол, живите, как хотите... Ну ладно, ты не знаешь, но что ты думаешь?

— А ты скажешь мне, что думаешь *ты*? — Я кивнул, Йенс вздохнул: — Хорошо. Я не верю в инопланетян и все такое прочее. Мне кажется, мы просто попали в какой-то пространственный разлом, канал, называй, как хочешь.

— Знаешь, я думаю так же, — сказал я. — Но это ни фигя не объясняет всего остального. Оружия, того, что здесь, ты говоришь, не взрослеют...

— Объяснить можно все, — возразил Йенс.

— Притянуть за уши можно все, — ответил возражением я. — Ты не знаешь, давно ли все это действует?

— Точно не знаю, — покачал головой Йенс. — Но мы находили могилы начала XVIII века.

— А тут что, по одному отряду из каждой страны? — продолжил расспросы я.

— Нет, — ответил немец. — Неразбериха с этим, как и со многим другим. Но не по одному — точно. И не спрашивай о попытках объединения. Слишком много людей, слишком огромны расстояния. Если отряд встречается другой во время схватки с урса — так почему-то называют здесь чернокожих тварей, — помогает, чтоб по-другому было, я не слышал даже. Но это все. Ну, есть еще друзья в разных отрядах, не без этого. Но встречи нечасты, случайны даже. Знаешь, тут многие возвращаются к обычаям предков. — Йенс потянул себя за одну из кос. — А кое с кем просто становится опасно иметь дело... В какой-то степени это Нэверленд, страна, где никогда не вырастают. Читал про Питера Пэна?

— Да, — кивнул я. — Скажи, Йенс, а тут... м-м... рождаются дети?

— Ты скучаешь по дому? — вместо ответа спросил он. Я снова кивнул. — А хочешь вернуться?

— Нет, — ответил я. И объяснил: — Мне хочется домой, Йенс. Очень хочется, до... до слез. Но я понимаю, что теперь я там лишний. Я люблю маму, но она меня не может любить. Я скучаю по ней, но она по мне не может скучать. Для меня она пропала, но я-то для нее не пропадал... Если я вдруг вернусь, что я скажу ей? Она разве что поразится невероятному сходству и скажет: «Мальчик, иди домой. Олег в школе, он скоро придет...» Мне — всем нам — придется жить здесь. И я хочу знать, как и для чего.

— Как и для чего... — повторил Йенс. — Как и для чего — это вопрос... Знаешь, по чему я больше всего скучаю? По своему видеомаягнитофону. Я всего месяц им попользовался. Знаешь, что такое видео?

— Нет. — Я покачал головой.

— Эх ты, человек из-за железного занавеса, — необидно усмехнулся он. — Это маягнитофон, но воспроизводит не только звук, но и... изображение.

— Ого, — вежливо сказал я. — А откуда ты знаешь русский?

— Я его начал учить в восемьдесят пятом, когда у вас началась перестройка, — объяснил Йенс. — Думал съездить в Россию.

— В каком-то смысле твоя мечта сбылась, — заметил я.

Йенс хмыкнул:

— Да уж...

— Слушай. — Я сел удобнее. — А сколько вообще тут можно... ну, протянуть?

— Говорят, в среднем — пять лет, — спокойно ответил Йенс. — Я видел одного финна, он попал сюда в начале века...

— В начале века?! — на этот раз я действительно был потрясен.

— Да. Но это не просто исключение. Это потрясающий случай. В среднем пять лет, — повторил он. — Хочешь еще один совет? Тренируйтесь. Учитесь стрелять. Учи своих фехтовать. Сам учись боксировать, бороться, и другие пусть учатся. Учитесь метать ножи. Учитесь. Учитесь. Учитесь. *Тренируйтесь*. И лучше не оставайтесь на одном месте... У тебя есть блокнот или бумага?

— Нет, — покачал я головой.

— Черт... — Он достал из кармана самодельной куртки потрепанный толстый блокнот с огрызком карандаша. — Смотри, я начерчу и напишу кое-что...

Луна светила ярко, да еще и отражалась от воды. Йенс стал быстрыми и точными движениями набрасывать карту — Европа, север Африки, Малая Азия... Местами он ставил крестики и, задумываясь, писал мелким почерком по-русски — объяснял, кого можно встретить в этих местах. Указал он и несколько постоянных поселений.

— Та зеленоглазая с аркебузой, — вдруг спросил Йенс, вырывая двойной лист из блокнота, — которая подбежала к тебе, а потом перевязывала — твоя девчонка?

— Да, — коротко ответил я. (Танюшка-то не слышит.)

— Береги ее, русский. Ты спросил — могут ли тут рождаться дети? Нет, не могут. Заниматься сексом — да, тут это делают, часто и неплохо, но дети — почему-то нет... Ну что ты смутился?

— Я? Глупости... Родиться тут, чтобы вырасти с мечом в руках и умереть? Знаешь, Йенс, я никогда не думал о своих детях. Но не уверен, что хочу для них такой жизни. Я хочу *разобраться*. И сделать так, чтобы... не знаю, как. — Я сбился и умолк.

— Я сказал тебе, что не верю в пришельцев и прочую чушь. — Йенс почесал нос. — Я не верю, это так. Но я не верю и в то, что здесь все происходит само по себе. За этим кто-то стоит. Это видно хотя бы по тому, как действуют урса. И еще по тому, как они интенсивно атакуют тех, кто забирается слишком далеко к югу. Мы это на себе испытали.

— Значит, есть что-то на юге? — быстро спросил я.

— Может быть, — согласился Йенс.

— Город Света, про который говорил болгарин?

— Не знаю, — признался немец. — Все, что угодно. Или все-таки ничего... Знаешь, в чем беда нашего образования? — вдруг спросил он. — Чем больше ты знаешь, тем труднее тебе принять решение. Туповатым всегда легче с этим... Вот это все, что я могу рассказать тебе.

Мы снова надолго замолчали. А костер горел, и смеялись вокруг него ребята и девчонки, и с десятков луженых мальчишеских глоток грянули:

Тренируйся, бабка,
Тренируйся, Любка,
Тренируйся, ты моя
Сизая голубка!

А в ответ Игорек Северцев в ужасе завопил:

— Замолчите, несчастные! Как вы поете?!

«Пять лет, — подумал я. — В среднем пять лет». Мне стало холодно, словно от реки подул ледяной ветер.

— Олег. — Я почувствовал, как рука Йенса легла на мое колено. — Я раньше тоже думал об этом. Ты прав, мы живые люди, мы хотим жить, и как-то не утешает та мысль, что *дома* еще кто-то остался. В начале всего этого я просыпался в поту и плакал: «Меня не будет!» А сейчас этого нет. Просто печально — столько хочется увидеть и узнать, а времени может не хватить...

— Я не о себе подумал, — скомканно сказал я. — Знаешь, Йенс, правда не о себе... Понимаешь, эти ребята и девчонки — они не просто мои друзья. Они... как бы сказать? Попробуй понять. У меня много... было много знакомых, мне даже казалось, что они — мои друзья. А потом я понял, им было все равно, какой я. Они мной вполне довольствовались, не пытались заставить меня быть лучше, чем я есть. А с этими, — я мотнул головой назад, — я ссорился и ссорюсь. Потому что им *не все равно*, какой я и что со мною. И мне не все равно... Не все равно, что с ними будет...

— Я понял, — тихо ответил Йенс. — Тогда учи их фехтовать.

Начинается
плач гитары.
Разбивается
чаша утра.
Начинается
плач гитары.
О, не жди от нее
молчанья,
не проси у нее
молчанья!
Неустанно
гитара плачет,
как вода по каналам — плачет,
как ветра под снегами — плачет, —
не моли ее
о молчанье!

— И тополя уходят, —

ответил я, улыбаясь,

— Но след их озерный светел.
И тополя уходят,
Но нам оставляют ветер.
И ветер утихнет скоро,
Обтянутый черным крепом,
Но ветер оставит эхо,
Плывущее вниз по рекам.
А мир светлячков нахлынет —
И прошлое в нем потонет,
И крохотное сердечко
Раскроется на ладони...

— Ты знаешь Гарсиа Лорку?! — обрадовался Йенс.
— Я вообще люблю стихи, — признался я.
Йенс поднялся и гибко потянулся:
— Пойду искупаюсь... Пошли?
— Я не умею плавать, — признался я.
Немец наставительно сказал:
— Учись... Эй, а хочешь, сейчас попробуем?
Я посмотрел на лежащую поперек Волги золотую дорожку.
— Пошли.

Что помню, то помню, хотя и не знаю,
В чем суть всего, если только суть
Не связана с необходимостью прошлое
Сделать опять настоящим.
Помню
Желание войти в ночное озеро и выгребать
К дальней луне. Помню белое пламя
У темной норы перед тем, как взглянул
В высокое небо, знойно дрожащее в мареве белизны.
И еще иногда —
на рассвете обычно —
я вспоминаю крики в горах.
Но все, что могу, — это быть очевидцем.

Олег Чухонцев

* * *

Костер еще не прогорел — угли давали самый хороший жар, пень не переставал постреливать струйками пламени, похожий на раскоряченного черного осьминога. И наши, и немцы спали вокруг костра кольцом, ногами к пеплу, закутавшись кто во что и прижавшись друг к другу.

— Часовых не поставили, — сказал я. Йенс не успел ответить, мы увидели Андрюшку Соколова, он сидел у деревьев подальше и коротко махнул рукой. Наверное, и немец-часовой тоже где-то был...

А в следующий миг в предрассветном сумраке, пропитанном плавающим туманом, я различил, что спят не все.

Танюшка сидела у костра, скрестив ноги и спрятав руки под мышками. На плечи у нее была накинута Сережкина куртка, а он сам спал под одной с Вадимом. Когда мы подошли, она только посмотрела из-под спутанных волос — и снова уставилась в угли.

Йенс молча обогнул костер и улегся где-то среди своих, я сразу перестал его различать, да и забыл о нем, если честно. От реки тянуло холодком. Я сел рядом с Танюшкой и молча начал разуваться.

— Поешь, — тихо сказала она, протягивая две палочки шашлыка, уже покрытого белесым жиром, а на них — тонкий ломоть лепешки. — Это немцы дали, из чего-то-там дикого. Почти как хлеб... Я рецепт постаралась запомнить... Ешь, ешь. Хорошо поговорили?

— Я потом расскажу всем, Тань, — пообещал я и занялся шашлыком.

Не люблю, когда на меня смотрят во время еды. Но Танька смотрела. И мне не было неприятно.

— Я очень за тебя испугалась, — сказала она. — Я так испугалась. Ты даже не представляешь, как я за тебя испугалась.

— Надо привыкать, Тань. — Я бросил одну палочку на угли, и жир на ней вспыхнул сине-рыжими язычками. — Тут по-другому не бывает. Я это до конца только вот сейчас понял, когда с Йенсом поговорил.

— Всю ночь протрепались, — укоризненно сказала она. — У тебя же есть часы, видел же, который час! — и вдруг она фыркнула, а потом засмеялась.

Я понял, что она вспомнила нашу первую встречу — в парке, год назад, когда мы с ребятами спросили у незнакомой девчонки, который час, а в ответ из кустов вымахнул здоровенный черный дог. И как мы спрашивали, можно ли нам теперь идти дальше...

— Ты сама-то ела? — все еще улыбаясь, спросил я.

Танюшка закивала:

— Ела, ела... Ты тоже ешь и ложись спать.

— Тань, — я очистил вторую палочку и подобрал с ладони хлебные крошки, — ты меня ждала? — Она наклонила голову. — Спасибо, — еле слышно добавил я.

— Вместе укроемся, — проговорила она, снимая куртку. — Вот, Сережка позаботился.

Я не понял, услышала ли она мое «спасибо»...

...Мы улеглись спина к спине и подоткнули куртку с боков, вытянув ноги ближе к неостывшему костру.

— Спи, Танюшк, — неожиданно ласково сказал я, и у меня почему-то защипало в носу. Она повозила плечами и как-то удовлетворенно вздохнула.

А я подумал, что спать не буду — я и не устал вроде, и совсем не хочу.

Только вот думал я все это уже во сне.

* * *

— Куда пойдете?

Немцы уже уходили по тропинке — головами все еще в тумане, над чем я хотел пошутить, но сообразил, что Йенс не поймет. Поэтому спросил то, что спросил.

— Пойдем в Сибирь, — сказал Йенс, держа обе ладони на рукояти своего меча. — Зазимуем где-нибудь на Урале, наверное. А вы?

— Пока не решил, — ответил я, пожимая ему руку первым. Он задержал мои пальцы:

— Так пойдете с нами?

— Нет, — отказался я с сожалением. — Спасибо, конечно, но... нет.

— Как знаете. — Он сильно тряхнул мою руку и широким шагом отправился догонять своих. Потом остановился, обернулся, крикнул: — Увидимся еще! Время будет — увидимся!

Я махнул рукой. И, повернувшись к своим, улыбнулся им, стоящим какой-то печальной стеночкой шагах в двадцати.

— Ребята, — сказал я, — надо серьезно поговорить. Обо всем сразу.

Все закивали, хотя тему я сформулировал крайне расплывчато. Но мы толпой потянулись на место нашей стоянки.

— Душевные люди, — оценил немцев Саня. Остальные молчали. Странно, но почему-то после моих слов на всех накатило серьезное настроение с размышлениями о своей

будущности.

Танюшка держалась рядом со мной. Искоса посматривала — иронично и в то же время задумчиво. Потом сказала:

— Никогда не думала, что мне доведется зашивать куртку князю... Княже, а что-нибудь еще зашить не надо? Али постирать?

— А что, откажешься? — спросил я.

Танька свела брови, честно обдумывая вопрос. Потом призналась:

— Постираю с удовольствием... А то я, кстати, не стирала! Но сейчас-то — добавочная честь! Не кого-нибудь обстирывать, а князя!

— Из грязи в князи, — буркнул я.

* * *

Когда я закончил говорить, наступила тишина. Ее можно было щупать руками, как плотный темный занавес. Я видел, как девчонки невольно подались к пацанам, которые сидели ближе, — без разбора и рефлекторно. Мальчишки держались за оружие и были хмурыми, точно осеннее небо.

Я еще раз обвел их всех взглядом и почему-то испытал облегчение. Может быть, потому что все это были мои друзья? «Ничего, прорвемся!» — уже почти спокойно подумал я, не совсем отдавая себе отчет, о чем думаю.

— Если я князь, — сказал я вслух, — то вы все — вече. Понимаете, ребята? И нечего замирать, как мыши перед ужом. Даром мы, что ли, ходили в походы? Представьте себе, что и это — такой же поход.

— Длинною в жизнь? — усмехнулась Ленка Черникова.

— Хотя бы и так, — ответил я. — Можно и с этой точки зрения смотреть. И вообще — тут у нас выбора нет.

— Этот мир — реальность, данная нам в ощущении, — добавил Вадим. — Те, кто постарше, поймут, что я сказал, а остальным и не надо.

— Олег, — подал голос Андрюшка Альхимович, — а как называлось племя, которое жило на тамбовских землях?

— Мордва, — ответил я.

Игорь Мордвинцев потряс рукой.

— Сам ты мордва. Славянское!

— Вятичи, — понял я. Андрей усмехнулся и повел вокруг рукой:

— Племя вятичей.

— Кочевое племя, — добавил Санек задумчиво. Его худое, большеглазое лицо заострилось еще сильнее. — У меня есть предложение. Не знаю, как кто, а я очень хочу разобраться, с какой тут стороны ветер дует.

— Судя по тому, что рассказали немцы, — с юга, — заметил я.

— Именно, — кивнул Санек. — Вот туда и надо идти. И искать разгадку.

— В принципе я с тобой согласен, — тут же сказал Вадим. — Но мы мало знаем и не освоились тут. Я предлагаю найти постоянное место, а уж оттуда организовывать экспедиции.

— Какие еще у кого предложения? — Я опустил руку на эфес и понял, что это движение сделалось уже автоматическим.

— Искать союзников, — коротко сказал Сережка. — Своих, русских. Да и вообще всех, кто захочет... Если впереди — вечность, то можно действовать неспешно.

— Создавать государство? — посмотрел на него Вадим.

Сергей кивнул.

— Олег, а что ты думаешь? — спросила Оля Жаворонкова.

— Перемещаться с места на место и собирать сведения, — медленно начал я. — Прости, Сергей, но ни в коем случае пока не обрастать союзниками. Если Йенс был прав, то

этим мы привлечем внимание — и гибель. А на очередную группу кочевников никто не обратит внимания.

— Четыре предложения, — задумчиво сказала Кристина. — Голосуем?

— Девчонкам слова не давать, — объявил Олег Фирсов.

Ленка Власенкова съездила ему по затылку.

— Ставлю на голосование предложение Сани, — прервал я начавшуюся дискуссию. — Идти на юг сразу, разбираться с проблемой.

— Суть которой мы ни фиги не понимаем, — вздохнул Колька.

— Без комментариев, — попросил я.

Колька поднял руки.

За Саню проголосовали Сморг и Бэн — да и то подозреваю, что из личной солидарности. Даже Наташка развела руками:

— Извини, Саш.

— Предложение Вадима, — продолжил я. — Создать базу, обжиться.

Руки подняли Арнис, Игорь Мордвинцев, Андрей Альхимович, Андрей Соколов, Лена Черникова и Лена Рудь.

— Предложение Сергея о создании государства, — снова подал голос я.

Колька, Ирина, Кристина и Лена Чередниченко проголосовали за Сергея. Я довольно посмотрел в землю, потом еще раз обвел всех взглядом:

— Мое предложение прошло, кажется. Значит, отправляемся в путь... Но я хочу сразу кое-что прояснить. Если кто-то не хочет идти... — но общий шумок прервал мои излияния в самом начале. — Тогда вот что. Вы меня выбрали князем. Вы — вече. Решать все будем вместе. Но в экстремальной ситуации я буду приказывать. И повседневные вопросы стану решать сам. Опять-таки — кто против?

Снова одобрительно зашумели. А я вдруг с испугом подумал, что взваливаю на себя тяжелую ношу. Не слишком ли тяжелую?! И почему? Потому что умею фехтовать? Не самый сильный, не самый старший, не самый храбрый... Или прав был тот, кто сказал: «Власть не берет — ее подбирают!»?

Но мне не нужна власть над моими друзьями! Я стиснул зубы и снова заговорил, с трудом заставляя себя успокоиться:

— Значит, дальше. С завтрашнего дня у нас вводятся обязательные тренировки — по стрельбе, метанию ножей, фехтованию, боксу, самбо... Вообще — кто что умеет, тому и будет учить остальных. Это — обязательно.

— Это все хорошо, — сказал Сергей. — Но куда мы отсюда пойдем дальше?

— А вот это давайте решим вместе, — я (с облегчением, если честно) сел, и Танюшка потихоньку пожала мне запястье.

Предложения посыпались градом — я даже слегка обалдел. Не знаю, чего тут было больше — обычной придури, ребяческой увлеченности или искреннего желания посмотреть новые земли. Санек, например, предложил отправиться в кругосветку — через Сибирь на Аляску...

— На берегу Атлантики построим корабль и вернемся в Европу с запада, — совершенно спокойно уверял он, — если с зимовками — года через четыре вернемся...

Санек в нашей компании был известен как прожектор чудовищных масштабов. Но на этот раз все моментально притихли и уставились на него. Саня заморгал:

— Да вы чего, я пошутил!!!

— А по-моему — хорошая идея, — сказал Андрюшка Альхимович. — Чего у нас тут навалом — так это времени.

— Не так много, как хочется думать, — неожиданно резко сказал Вадим и, вогнав в пенек финку, обвел всех взглядом. — Мы, по-моему, подзабыли, что тут идет война. И дадут ли нам шастать туда-сюда — это вопрос. Мне кажется, излишнее любопытство тут наказуемо.

— Нас еще надо суметь наказать, — ответил Сморг.

Вадим покосился на него:
— Думаешь, это будет так трудно?
— Это не тот вопрос, — вмешался я. — Ну куда вы опять съехали?! Мы решаем, куда идти. А не с кем воевать.
— Это, кстати, само собой решится, — поддержал меня Сергей. — Но мне идея с кругосветкой по душе. — Он улыбнулся. — Всегда мечтал, если честно.
— Балдеж, — выразилась Ленка Рудь. Я видел, что глаза у всех отчетливо загорелись. Да и самого меня начало знакомо подергивать изнутри — как бывало всегда, если впереди поход и решение на маршрут принято.
В конце концов — разве этого мало?
— Так, так, так! — сумел я снова прорезаться и овладеть общим вниманием. — Погодите орать, постойте! Лен, — окликнул я Власенкову, — вот что. Бери на себя хозяйство в нашем племени. Одежда там, продукты и прочее. Ну, ты же этим занималась всегда, вот и...
— «Всегда» под боком были какие-никакие магазины, — заметила Ленка. — Ладно, что тут говорить, дело-то общее...
— Оль... — повернулся я к Жаворонковой.
Она вздохнула и махнула рукой:
— Ясно... Медицина на мне? Чувствую, ждут меня веселые времена.
— Мы все не соскучимся, — обнадежил я ее. — Дальше. Я предлагаю двигаться на запад. Где-нибудь к середине сентября доберемся до Карпат, оккупируем пещеру, запасемся продуктами и зазимуем. А весной разберемся, что делать дальше.
Кое-кто начал выступать за Сибирь снова, но Вадим подал голос:
— Тогда и надо было с фрицами идти. А раз не пошли — так «последуем, дружина, за князем».
— Личная просьба, — вздохнул я. — Я *очень* прошу до минимума свести мое титулование. Если кто забыл — меня зовут Олег. В крайнем случае — Леший.

Рассказ пятый Дорога

У похода есть начало —
А конца походу нет.
Мы прошли дорог немало,
Но огромен белый свет...

Туристская песня

Я читал рассказы Паустовского про Мещеру, и мне она нравилась заочно. Я даже подумывал подбить ребят на поход в те места.

Теперь и подбивать не пришлось. Мы третьи сутки шли по этой красоте. Пейзажи отличались только степенью заболоченности — от «по щиколотку» до «по грудь». Были, впрочем, еще места, где через таинственные, полные темной торфяной и очень теплой водой протоки приходилось переправляться вплавь. Для меня это было мучительно — хотя плавать и оказалось несложно, но я это так и не полюбил.

Со вчерашнего вечера шел дождь. Ночь мы кантовались на каком-то относительно сухом пятачке — в смысле, в болото ложиться не пришлось. Во сне все пригрелись друг о друга под наваленными одеялами, но стоило пошевелиться — вновь наваливался сырой холод, от которого сперва просыпались, а потом, замучившись, перестали, но и во сне понимали: плохо, холодно, неудобно! Досаждали комары — это когда уже проснулись. Костер развести оказалось невозможно, вяленое мясо подернулось плесенью. Его жевали,

меланхолично отплевываясь. Обувь, одежда — все было сырое, я с трудом заставил не то что всех — себя самого вычистить оружие. Сталь ржавеет без ухода...

Потом опять волочились по заболоченным километрам, которых тут на всех хватит. И то ополье у Волги, которое казалось концом света, сейчас вспоминалось, как легкий отдых.

Вообще — это чудовищно. Ноги давно одеревенели, ступни совершенно ничего не чувствовали. Болели бедра и плечи — от постоянного напряженного движения. От нас то и дело шарахались по воде ужи — серыми зигзагами, они плыли необычайно быстро, разбивая воду на широкие брызги. Сверху лило — комары, и те разбежались по кустам. Плавали над водой клочья тумана, и мы дважды с опаской огибали «нехорошие места».

Вот уж кого тут не могло быть — так это урса. Но еще денек вот так — и взмолишься, чтобы они появились...

Реальная опасность зазимовать в этих болотах выводила из себя. Кроме того, я опасливо подумывал (не афишируя свои мысли) — а что, если в этом мире мешчерские болота тянутся, тянутся — и плавно смыкаются с белорусскими и карельскими? Хорошо еще не заболел никто; Ольга усиленно пичкала всех отвратно-горькой ивовой корой, высушенной и перетертой в порошок. Не знаю, это ли помогало или что, но малярия (а в этих местах она была!) нас пока обходила стороной. Я молился всем, кому возможно, чтобы и дальше никто не приболел — в этом случае наше медленное передвижение грозило превратиться в переползание.

Меня нагнал Санек. Толкнул локтем и негромко сказал:

— У Бэна зуб болит. По-моему, застудил ночью.

Я невольно потянул воздух и подумал о двух своих пломбах. Потом повел глазами, нашел Бэна. Тот тащился с кислой физиономией и то и дело прислонял левую щеку к плечу.

— Коренной? — хмуро поинтересовался я. Саня кивнул. — Ну, а я что могу? Анальгина у меня нет. Вообще ничего нет. Пусть терпит, может, сам пройдет.

— Угу, или заражение какое схватит, — многообещающе-зловеще предположил Саня.

— Выбей ему зуб кистенем, — предложил я. Санек начинал меня злить. Кажется, он это понял и отстал в прямом и переносном смыслах. Я ускорил шаг и догнал идущую впереди Ольгу, по пути сказав Олегу Крыгину, который вздумал тащить скатку Ленки Власенковой: «Верни, каждый несет свое». Подумал: этот мой тезка старше меня почти на три года — мог ли я недавно предположить даже, что я вот так буду ему *приказывать*?

— Оль, — окликнул я ее. Ольга повернула большеглазое, еще сильнее похудевшее лицо, тряхнула «хвостами» на висках. — У Бэна зуб разболелся, ничего нет?

— Ничего, — огорченно и озабоченно развела она руками. — И сейчас взять негде — тут ни фиалки, ни чеснока, ни хрена...

— ...Ни хрена, — задумчиво переставил я ударение. — Плохо, товарищ санинструктор. А если боец очокурится?

— Ну, я что-нибудь попробую, — без особой надежды пообещала Ольга.

Я кивнул и побрел вперед, в голову колонны, смотреть, как там остальные.

Если честно — «никак». Это слово лучше всего определяло состояние нашей компании, как, например, отлично подходил нынешнему дождю высказанный Саней в его адрес эпитет «мокрый». Вы не замечали, что бывает просто дождь, а бывает дождь *мокрый*? Это если цель пути очень далеко, негде высушиться и не светит приличный ночлег...

Не дай бог, кто-нибудь все-таки заболеет.

* * *

Мы шли до самой темноты, надеясь набрести хоть на пяточок относительно сухого места. Ничего подобного, шиш-два-оп. Стемнело окончательно, передвижение стало вообще невозможным, и мы остановились.

По колено в воде. Под дождем.

— Что ж, — вздохнул я в темноту. — Надо располагаться на ночлег.

Ответом было вдумчивое сопение и неясные реплики. Потом Валька Северцева спросила:

— А как?.. Коль, возьми куртку, тебе же холодно...

— Ничего, — ответил Самодуров, — все в норме...

— Разбираем остатки мяса, — скомандовал я. — Никто не потерялся?

— Больно, блин, — отозвался Бэн хнычущим голосом. — Очень. Я рот-то еле открываю, а тут есть надо...

— Не ешь, — бесчувственно заметил Олег Фирсов.

Мясо я различал плохо, и слава богу — на ощупь оно осталось склизким даже когда я промыл его в воде. Танюшка с плюханьем подошла ко мне, жуя на ходу. Я протянул ей половину куска, которую не успел сжевать:

— Хочешь?

— Нет, ешь. — Она помотала головой. — Ну что, нам, кажется, правда тут спать?

Я запихнул остаток мяса в рот и, наклонившись, сполоснул пальцы. Передернул невольно плечами:

— Не «кажется», Тань, а «точно»...

...Такой жуткой ночевки у меня до сих пор не было. Мы не спали и не бодрствовали. К счастью, вокруг росло множество кустов — плотных, как матрас — и мы просто ложились на них, раскинув руки крестом. Сверху лило и капало. Кусты постепенно разъезжались под тяжестью тел — минут через десять просыпаешься от тошнотного чувства падения и меняешь место. Прошлая ночь казалась теперь верхом удобства. Окружающее превратилось в тягостный дурной сон. Помню, что Бэн начал подвывать часа в два. Он бродил вокруг по воде и издавал звуки, при которых у меня возникали стойкие ассоциации с призраком. Его вяло ругали и одновременно жалели. Я слышал сквозь дрему, как Бэн плаксиво заорал: «Да сделайте что-нибудь-у-у-удь!!!» Открыл глаза и обнаружил, что постепенно и неохотно начинает рассветать. Дождь прекратился, но небо по-прежнему скрывали тучи. Хотелось есть.

Бэну разнесло щеку. Судя по всему, он уже успел пореветь как следует. Ольга исследовала его открытый рот. Рядом с заинтересованным видом стоял Саня.

Я потащился чистить зубы, попутно сломав веточку и разлохматив ее кончик...

...— Надо драть, — сказал Саня, снова и снова промывая и вытирая свой складник. Бэн, пританцовывавший на месте, неистово закивал. Он, судя по всему, был согласен с чем угодно, лишь бы прекратилась боль.

— Чем? — спросила Ольга.

— Подрежу десну, — невозмутимо сказал Саня. — Ник, — окликнул он Кольку, — дай свой нож.

Колька подошел, доставая из ножен охотничий нож. Санек жестом фокусника открыл на ножнах клещи для гильз.

— Господи. — Ольга поморщилась.

— Да я сам все сделаю. — Саня пощелкал клещами, повернувшись к Бэну: — Ну как, рвем? — Бэн снова закивал со скоростью дятла. — Подержите его.

Я, если честно, отвернулся. Бэн замычал. Санек что-то буркнул, потом послышался отчетливый хруст. Мычание перешло в вопль, тут же оборвавшийся. По звукам ощущение было такое, словно Бэна прирезали.

Я повернулся. Бэн отплевывался струйками крови, но лицо у него было счастливое!

— Пеестает боэть, — радостно объявил он и вновь сплюнул в воду. К быстро расходящемуся кровавому пятну плыла пиявка. Саня с интересом рассматривал, держа в отставленной руке, щипцы с зубом. Можно было различить, что зуб с солидным «дуплом».

— Регулярно посещайте стоматолога, — сообщил Саня и подал зуб Бэну: — На. Проденешь нитку и будешь носить на шее.

Бэн шарахнулся от зуба, как от змеи. Продолжая сплевывать, наклонился к воде — прополоскать рот, но Ольга не поленилась отвесить ему пинка:

— Инфекцию занесешь, debil! Подожди до стоянки, кипяченой прополощешь...

— Жрать нечего вообще, — доложила Ленка Власенкова, мало обращавшая внимания на страдания Бэна и операции Сани.

— Придется харчить дары природы, — сказал Андрюшка Альхимович. — Вон рогоза сколько кругом...

...Ближе к вечеру местность пошла на подъем, стала посуше, появились сосенки, а потом нашим глазам открылась озерная гладь. Узкое лесное озеро в рамке лесов лежало перед нами, как брошенный в зеленый бархат клинок. Вдали было видно, что это озеро узкой протокой переходит в еще одно.

— Не помню такого, — сказал Андрей. Он стоял рядом со мной, и его лицо отражало настоящее смятение. — Не помню, чтобы в Мещере были такие озера...

— Отдохнем здесь, — со вздохом сказал я, тяжело сбрасывая на траву скатку и ремни. Как по заказу — в центре неба, прямо над головами, в зените, возникло круглое, пронзительно-голубое пятно, похожее на глаз, и пошло расширяться во все стороны, странно и красиво. Плеснуло солнцем — и вот уже небо над нами полностью чистое, насколько видит глаз. В лесу обрадованно заорали птицы, и я так же обрадованно крикнул:

— Собираем дрова!..

...Собрали не только дрова — отыскились грибы и щавель, а Игорек Мордвинцев, появившийся последним, приволок здорового линя, встреченного восторженными воплями. Сырые дрова не желали гореть, но после упорных долгих усилий занялись целых два костра — один для нас и готовки, второй — для сушки вымокшего, в первую очередь — одеял. Как обычно бывает с сырыми дровами, костер давал много жара. По краю забулькали котелки с супом, и Ленка Власенкова уже досадовала, что нет большого котла. Линя обмазывали глиной...

— Соль кончилась...

— Кинь мне нож, я свой на ремне забыл...

— А что, тут неплохо вообще-то...

— Слушайте анекдот...

— Еще бы постираться...

— У меня носки поехали...

— Вот интересно, когда кончатся эти болота?..

— А как мы на ту сторону попадем?..

— Я вот думаю — лучше тут не задерживаться...

Солнце садилось в воду. От него легла по воде алая дорожка; местами играла рыба. На противоположном берегу озера появилось небольшое стадо оленей — они спустились на водопой.

— Сколько же тут все-таки живности, — немного удивленно произнесла Кристина. Она сидела, привалившись спиной и затылком к спине и затылку Севера. — И ради бога, мальчишки, ни слова об охоте!

Колька Самодуров, уже открывший рот, захлопнул его с отчетливым стуком. Все засмеялись.

— Значит, — философски решил Андрюшка Соколов, — мы не такие уж и голодные... Щусина, прекрати плевать.

— Ему нужно, — вступилась Оля, пододвигая ближе к огню ноги и шевеля пальцами. Наша медсестра уже успела подсунуть что-то для полоскания, чем Бэн и плевался.

Разговора в целом не получилось. Прошлые две ночи навалились на нас, как только мы поели. Едва перетаскивая самих себя, мы начали устроиваться на ночлег у костров, заворачиваясь в высохшие, жесткие, горячие одеяла. У меня вяло шевельнулась мысль, что надо бы расставить часовых, но внезапно не стало сил даже ворочать языком. Хотелось надеяться, что болота кончились, но слабо верилось в это. Впрочем, это и не беспокоило почти совсем — я так намотался, что уснул, даже не устроившись толком.

— Проснись, Олег, проснись.

Шепот ввинчивался в уши надоедливо и упрямо. Я хотел было отмахнуться, но сообразил, что это шепот Вадима, повернулся на спину и, открыв глаза, отпихнул одеяло с лица.

Вокруг был туман — я лежал в этом тумане и не мог различить, где шевелятся его пласты, а где — лицо Вадима. Солнце, судя по всему, еще не вставало.

— Что случилось? — Я поднялся на локте, а левой рукой нашарил наган.

— Урса, — выдохнул Вадим. — За двести метров отсюда, на берегу. Я посрать отошел, а они как раз причаливают.

Я уже сидел.

— Сколько?

— Три лодки, штук восемнадцать. А костер-то у нас еще дымит. В тумане воняет же!

— Поднимай всех, скорее. — Я вскочил, хватая от костра штаны. — И тихо! — добавил я через плечо.

Сейчас я услышал урса. И они, судя по всему, нас не видели, не слышали и не чуяли — по крайней мере разговаривали они громко и назойливо, чем-то хрустели, булькали и стучали. За двести метров было слышно, значит — точно не знают о нас... Вокруг уже возилась вся наша компания, слышались перешептывание и стальной шорох.

— Девчонки, оставайтесь здесь. — Я не стал надевать куртку, взвел курок нагана об эфес палаша.

— Может, не надо нападать? — быстро спросила Валька.

— Они все равно начнут шарить кругом и нас найдут, — отрезал Саня, примеряя на руке дагу. — Олег, ты бы нас поучил двумя руками фехтовать.

— Потом, — отрезал я, разминая ногу с носка на пятку. — Пошли. Держитесь плотнее.

И я первым пошел через туман...

...Вообще-то мы успели убедиться, что урса — довольно фиговые бойцы. Они громко вопят, скалят зубы и активно размахивают железками, но легко побиваются даже с минимальным опытом дворового «фехтования», если к нему приплюсовать решимость и безоглядный напор. Главное — не дать себе испугаться. А тут и вообще делать нечего, нас — пятнадцать, их восемнадцать...

...Нет, урса точно были полными лохами в лесных делах. Уж не знаю, как они в тумане за двести метров могли не учуять еще дымивший костер, но это факт. Они выволокли на берег три украшенные сухими головами лодки и сами начали разжигать костер, перекликаясь и скрежещуще хохоча. Я, кстати, подумал обеспокоенно, что урса-то, как ни крути, обнаглели по какой-то причине до предела, раз забираются в такие места, как мещерские болота.

Первый урса попался нам навстречу — с охапкой хвороста, из-за которой ничего не видел. Я заколол его одним ударом, отметив равнодушно, что уже совсем ничего не испытываю от убийства — кроме удовлетворения от точного выпада.

Наверное, это страшно. Но, может быть, так и лучше...

Я показал руками в стороны, чтобы разошлись в цепь. Слышно было, как мальчишки с легким шорохом разбегаются в стороны. Я даже заметил, какое недовольное лицо у Андрюшки Альхимовича: — на его взгляд, наши слишком шумели.

Урса нас не слышали. Кто-то у разгорающегося костра начал диким голосом орать — до меня не сразу дошло, что это просто зовут пропавшего.

— Все, — пробормотал я, перекидывая наган в правую руку и вонзая палаш в землю у ног. Поднял оружие обеими руками. Колька, возникший рядом, держал наготове свою вертикалку. — Два выстрела, и хватит, — прошептал я ему. До урса оставалось шагов полсотни, и у меня было сильнейшее желание опустошить по ним барабан... Странное чувство — думать о патронах. Зимой я купил ведро насыпкой с верхом у сторожа института

ГА за бутылку водки 0,75. Ведро патронов к своей «тозушке». Сейчас бы ее сюда...

«Два выстрела, — решил я, целясь в вылезающего из лодки высоченного урса с куском мяса — по-моему, оленьей ляжкой. — Вот первый...»

...Выстрелов «нагана» я не слышал — их глушил грохот Колькиной «зброевки», выбрасывавшей в утренний туман целые снопы пламени. Но я видел, как урса с ляжкой, словно поскользнувшись, упал в воду, и второй, в которого я целился, схватился за плечо и закрутился волчком. А дальше я бежал, ухитрившись запихнуть наган в кобуру и выхватить дагу. Саня просил научить драться обеими руками, а я и сам умею это только по книжкам...

Кто-то попал — специально, случайно, не поймешь, — в костер, разлетелись взрывающиеся искрами головешки. Длинное тело урса перелетело через лежащий на прибрежной траве хворост, сверху прыгнул кто-то из наших... Лязгнула в первый раз сталь. О мой палаш ударился ятаган урса с вытаращенными, какими-то белесыми, как у вареной рыбы, глазами. Удар был сильный, я его едва удержал и тут же перерезал локоть урса ударом даги — ага, а я и не думал, что она достаточно тяжелая, чтобы рубить... Урса согнулся, и я, не глядя, махнул его палашом по шее. Ко мне мчался еще один, но вдруг в середине лба у него открылось круглое отверстие, из которого толчком прыгнула струйка крови, и урса завалился ничком. Выстрела я не слышал, но, оглянувшись, увидел на линии кустов фигуры девчонок — кто-то из них разрядил аркебузу...

— Вот так всегда! — Я сердито махнул палашом, крутнувшись на месте. — Так всегда — разойдешься, а драться, блин, уже не с кем!

Живых урса вокруг в самом деле не осталось. Или они притворялись, или и правда все были убиты. Я вместо того, чтобы проверить это, заорал на Танюшку:

— Ты чего сюда приперлась?! — потом переключился: — Вы все вообще чего сюда, девчонки, ну?!

— Я его застрелила, — вместо ответа обморочным голосом сказала Ленка Рудь и, уронив аркебузу, села на траву. Я растерянно замолчал; девчонки окружили ее жалеющим кольцом.

— Меня зацепили, — кривясь, сказал Олег Крыгин. Совсем рассвело, и я увидел, обернувшись, что он очень бледный. Длинная шпага лежала у его ног, обутых в кроссовки, а правой рукой с широко расставленными пальцами Олег зажимал левое плечо. На одежде расплывалось темное, длинное, масляно блестящее пятно.

— Олька! — закричал Вадим, поддерживая моего тезку, хотя он вроде бы не очень-то в этом и нуждался. — Да Олька же!

— Меня тоже задели, — спокойным голосом сказал Санек. Около него топтался Сморг, неуклюже пытавшийся помочь. Саня был ранен в грудь, но выглядел совершенно обыкновенно.

Первой из девчонок к Олегу успела Ленка Власенкова. Я на это обратил внимание, но тут же переключился на Кольку Самодурова. Он стоял, упершись руками в колени, и сплевывал в траву, снова и снова мотая головой.

— Ты чего? — подошел я. Колька еще раз сплюнул и с усилием качнул головой в сторону лежащего в траве трупа. Я взглянул, и мне все сразу стало ясно — ударом своего «бородатого» топора Колька размозжил урса голову. Зрелище было еще то даже для привычного охотника, каким он был. К нам уже спешила Валюшка, лицо у нее выглядело встревоженным, и я подтолкнул Кольку к ней: — Иди, иди, топор потом заберешь... Давай, Коль, приходи в себя... Оль, что там?!

— Не мешай, — отозвалась Олька. Она что-то делала с плечом сидящего на носу лодки Олега Крыгина.

Стоявшая рядом Ленка спросила жалобно:

— Больно?

— Жжет и дергает, — информировал Власенкову Олег.

— Тебя не задели? — услышал я и, обернувшись, увидел Танюшку. Она держала на плече разряженную аркебузу.

— Нет, — сердито ответил я. — Ты зачем прибежала сюда?
— Так. — Она пожала плечами.
— Я думал, это ты выстрелила, — признался я.
Танюшка помотала головой:
— Я не успела.
— Ну и хорошо, — буркнул я, отворачиваясь. Я хотел еще добавить, что девчонки не должны убивать, но постеснялся — мне показалось, что это прозвучало бы патетически.
— Ну, вот и решился вопрос с переправой, — вполне бодро сказал Андрей Альхимович, подходя ко мне. — В два рейса на лодках — и все.

Мы в такие шагали дали,
Что не очень-то и дойдешь.
Мы в засаде годами ждали,
Невзирая на снег и дождь.
Мы в воде ледяной не плачем
И в огне почти не горим:
Мы — охотники за удачей,
Птицей цвета ультрамарин!

Говорят, что за эти годы
Синей птицы пропал и след,
Что в анналах родной природы
Этой твари в помине нет,
Говорят, что в дальние страны
Подалась она навсегда!
Только мы заявляем прямо —
Это полная ерунда!

Синей птицы не стало меньше.
Просто в свете последних дней
Слишком много мужчин и женщин
Стали сдуру гонять за ней.
И пришлось ей стать осторожной,
Чтоб свободу свою спасти, —
И вот теперь почти невозможно
Повстречать ее на пути.

Стала пуганой птица-удача
И не верит чужим рукам...
Да и как же ей быть иначе?
Браконьеры и тут и там!
Отвернешься — она обманет,
И вот уже навсегда ушла...
И только небо тебя поманит
Синим взмахом ее крыла!

Андрей Макаревич

* * *

Андрей Альхимович не ошибался, когда говорил, что не помнит в Мещере таких озер. Мы, переправившись на другой берег, бросили лодки и настроились было снова на болота,

но вместо этого местность резко пошла на подъем, болотная растительность сменилась плотными, кряжистыми дубами, стройными ясенями, можжевельником, и Наташка Мигачева вдруг удивленно сказала:

— Эй, это же Воробьевы горы!

Мы все остановились и заоглядывались. Больше половины из нас бывали в Москве, а кто не бывал — видел, конечно, фотографии и кино.

— Так мы что, в Москве? — удивленно спросил кто-то.

— Это точно Воробьевы горы, — уверенно сказала Наташка. — Вон там, — она вытянула смуглую руку, — университет стоит. Только тех озер, — она ткнула за спину, — в наших местах нет.

Мы притихли, снова и снова оглядываясь и привыкая к мысли, что в самом деле находимся там, где должна располагаться Москва. Если честно, сделать это оказалось нелегко.

— Ребята, — задумчиво подал голос Андрюшка Соколов, — а может, тут зазимуем? Я помню, где-то читал, тут есть пещеры...

— Есть, — подтвердил Вадим. — Карстовые, но в них не зазимуешь. Это просто дырки в земле... По-моему, отсюда надо держать южнее, тогда мы выйдем к Карпатам через Белоруссию.

— Придется переправляться через Десну, Днепр и Припять, — вспомнила Танюшка, наш образцовый географ, — а потом идти полесскими болотами.

— Ну, через реки все равно переправляться, — возразил Вадим. — А если брать в обход болот, то мы до ноября будем идти.

Мы разговаривали, уже продолжая идти. Я, кстати, мысленно корил себя, что не приказал восстановить нормальный порядок движения, едва мы вышли из болот — так и шли толпой... Ладно, потом.

Я сам в Москве не был и не ожидал, что Воробьевы горы такие высокие — правда горы. Или, может, так мне показалось после болот, кто его знает. Но, во всяком случае, видно было во все стороны великолепно. На юго-западе равнинный лес плавно поднимался на холмы Среднерусской возвышенности и таял в голубой дымке августовского полдня.

— Дым, — Игорь Басаргин поднял руку. — Смотрите — там... и там.

Мы вгляделись. Игорь был прав. В десятке километров на запад и примерно в два раза больше — на юго-запад тянулись вверх дымки. А еще через несколько секунд я увидел километрах в трех, на лесной проплешине, приземистую каменную башню.

После долгих недель почти полного безлюдья местность перед нами казалась мегаполисом.

— Урсаитяньские стоянки? — спросил Сергей.

— Вряд ли. — Игорь Мордвинцев смотрел, приставив ладони к бровям «домиком». — Знаете, вот тут... которая ближе... я, по-моему, вижу частокол.

— Пойдем сначала к башне, — предложил Олег Фирсов.

— Тань, — я подошел. — По-моему, эта башня похожа на ту. Ну, где мы оружие нашли.

— Похожа, — согласилась она. — Каменная... вот интересно, как же они тут из камня строят?

* * *

Башня в самом деле была похожа. Только она оказалась полуразрушена — на две трети обвалилась та сторона, которую мы не видели с Воробьевых. Неизвестно, кто приложил к этому руку, но подалее мы нашли семь могил, над которыми возвышались полусъеденные ржавчиной крестовины вонзенных мечей. Только по ним мы и опознали могилы — время давно превратило их в сглаженные зеленые бугорки.

Но над входом в башню я снова обнаружил английского леопарда. Мне вспомнились

слова Йенса — о том, что тут не может существовать государственных образований. Но вот пожалуйста — на территории России, разделенные сотнями километров, стоят две каменные башни с одним и тем же геральдическим знаком...

...Никто из нас не испугался могил, да и глупо это было бы. Просто немного грустно стало смотреть на эти холмики, и все как-то сразу заторопились идти дальше.

* * *

Балок — приземистое, но широкое строение, окна которого были закрыты ставнями, крытое серым осиновым гонтом — отыскался в полукилометре от башни. К низкому крыльцу вела полузаросшая тропинка, выходявшая из кустов маличника.

Внутри оказалось сухо, полутемно и пусто. Центр единственной комнаты занимал большой стол, окантованный скамейками, угол — очаг, не печка, сложенный из почерневших камней. Под закопченным потолком шли антресоли — вернее, это как-то по-другому называется, но мне вспомнились именно «антресоли».

— Ни фиги себе, — присвистнул Санек, внимательно оглядываясь. — Приют странников...

Около очага оказались сложены дрова, а выше обнаружилось волоковое оконце. Пока ребята распахивали ставни на ременных петлях, девочки начали копаться на этих самых антресолях, перемазались сажей, но — к общему удивлению — обнаружили две пустые консервные банки, грубый берестяной туесок с солью, пачку свечей-самолепок (слегка подслипшихся, но вполне пригодных), ржавые ножницы, несколько мотков крепких ниток (ни единой иголки!) и целую россыпь каких-то твердо постукивающих черных пластинок размером в полруки. Эти пластинки мы опознали как закопченные до невозможности куски рыбы неизвестной национальной принадлежности (забегая вперед, скажу, что рыба так и не раскрыла тайны своего происхождения, но оказалась очень твердой и очень вкусной). С улицы всунулся Сережка и радостно оповестил:

— Э! Народ! А тут сзади баня прилеплена — настоящая, честное слово!

Ленка Власенкова оживилась и испарилась с половиной девчонок.

— Сейчас заставят таскать воду, — проникательно заметил Смorch, — и дрова колоть до опупения.

Его сетований никто не поддержал. Если честно, мы, как и большинство мальчишек, не отличались особой чистоплотностью, но полтора месяца мыться только в речках, холодной водой, от случая к случаю — это слишком.

Бэн тем временем извлек из одной банки (где искал тушенку, надо думать) листок бумаги и озадаченно на него уставился.

— Дай сюда, пень! — перегнувшись через стол, я выхватил у него листок и быстро подошел к окну. В меня засопели сразу со всех сторон. — Свет не закрывайте!

Пожелтевший листок из блокнота был украшен в левом верхнем углу блеклым рисунком — плотина ДнепроГЭСa. Я такие блокноты знаю — на каждом листке изображено какое-нибудь здание, музей, памятник и прочее. Что-то, очень похожее на ностальгию, охватило меня при виде побледневших строчек, написанных самой обычной пастой... Я перевел дыхание и начал читать вслух:

— 23 июня 1985 года. Остаться здесь больше не можем. Уходим на ю.-з. — юго-запад, наверное... Если кто найдет то, что мы оставили, — пользуйтесь, и удачи вам, кто бы вы ни были. Не теряйте надежды и держитесь вместе. Может быть, когда-нибудь вернемся. Игорь Дашкевич, 15 лет. Всего нас пятеро, из парней остался я один.

Я сложил бумагу и убрал ее в банку. Вадим, ни слова не говоря, достал складник и, открыв его, отошел к стене, где начал вырезать почти сакраментальное «здесь были...», приобретшее тут совсем иной смысл. Настроение как-то подскисло. Санек (он, по-моему, просто не хотел признавать, что его мучает рана) завалился в углу на одеяла. Олег Крыгин присел и начал осторожно высвобождать раненое плечо. Игорь Северцев с Кристиной, взяв

аркебузы Танюшки и Вальки, объявили, что идут на охоту, с ними заторопился Андрюшка Альхимович, сказав, что попробует насторожить ловушки. Я крикнул им, чтобы далеко не уходили, но проследить не получилось — появился Игорь Мордвинцев и знаками вызвал меня наружу.

— Пошли посмотришь, — таинственно сообщил он. — Тут с полкилометра по ручью.

Я удивился, но поперся следом. Ручей тек недалеко, за теми кустами малины, из-за которых мы вышли, но в стороне. Вдоль берега была песчаная отмель, мы по ней и пошли, держа оружие наготове — это, кажется, стало уже привычкой. Игорь молчал, но явно волновался, и я заволновался тоже — что он хочет мне показать-то?! Редкостно огромную рыбу?

— Мордва, — не выдержал я, — мы куда премся?

— А вот, пришли, — тихо сказал он, отодвигая ветви ивы. — Смотри и удивляйся.

Нет, я не очень удивился. Просто на небольшой веселенькой полянке, где часто летали довольные жизнью пчелы, стояли в траве на пеньках шесть серовато-желтых ульев. Настоящих.

— Ульи, — пожал я плечами. — Так мы же знали, что тут есть люди.

— Да я не про это. — Он отмахнулся. — Ну, ты же знаешь, у моего деда... — Он сбился, перевел дыхание и твердо продолжил: — У него в Дербене пасека.

— Ну, знаю. — Я вспомнил очень вкусный мед, который часто притаскивал Игорь, и тут же стал посматривать на ульи с эгоистичным интересом. — И что?

— А то, что он про это дело — ну, про пчеловодство — целую библиотеку собрал. Ну и я читал, конечно... Ну, это. В наших местах все — и мордва, и русские — ульи делали из обрубков колод. А тут смотри?

Я пригляделся и понял, что ульи сплетены из соломенных жгутов — а я сразу и не сообразил.

— Понял теперь? — двинул бровями Игорь.

— По-онял... — протянул я. — Ульи плели скандинавы, германцы... прибалты, кажется...

— Да не кажется, а точно, — кивнул Мордвинцев. — Тут где-то родня Арниса.

— Ну, не факт, может, и немцы, — возразил я. — А если прибалты — так это еще и лучше, они тоже из Союза.

— Может, и так, — кивнул Игорь. — Ладно, я просто тебе хотел это показать...

...Баня в самом деле работала, и Сморг оказался пророком. Правда, дров оказалось немало запасено в предбаннике, но воду пришлось таскать котелками (!!!) и двумя разохшимися бадейками, найденными там же. Меня это дело миновало, раненых — тоже (Олег Крыгин порывался помочь, а Саня, наоборот, сделал вид, что уснул, измученный страшными болями), поэтому я, помотавшись без дела, сел затачивать все подряд клинки осколком найденного еще у Волги песчаника.

Вжикая камнем по кромкам и стараясь уберечь пальцы, я думал о всяком-разном, благо, работа не мешала. Мысли отнюдь не все были радостные — всплыл образ могилы. Нет, все-таки страшно, если честно, думать, что рано или поздно, но неизбежно твоя жизнь закончится гибелью. Не просто смертью, а именно *гибелью* — и *неизбежно*.

Мерзкая мысль, можете мне поверить. Но я отпихнулся от нее и всерьез задумался, что зимовать можно и здесь, а не волочься на Карпаты, тем более что я про них просто так сказал.

Подошла Танюшка — в ковбойке с подвернутыми рукавами, подкатанных джинсах и босиком. Встала рядом, прислонившись плечом к дверному косяку, — молча, но это было уютное молчание, теплое, как наступавший летний вечер. Арнис, разведя неподалеку небольшой костерок, «отпускал» иголку, собираясь ее превратить в хирургическую по заказу Ольги. За домом булькали водой, смеялись и неразборчиво переговаривались. Андрюшка Соколов с Ленкой Черниковой по-хозяйски возились с ремнями на ставнях.

— А вообще-то здорово, что мы все вместе, — тихо сказал я.

— Здорово, — согласилась Танюшка. Я посмотрел на нее снизу вверх — волосы упали мне на глаза. — А как ты оброс — я у тебя таких еще и не видала!

Это было правдой. У меня уже к началу каникул оказались длинные волосы, а прошло то два с половиной месяца. Они отросли до кончика носа и до плеч. Ухаживать за волосами я не умел, да и проблематично тут это было. Поэтому я просто пожал плечами.

— А давай я тебе их подкорочу, — предложила Танюшка и чиркнула сзади по шее, — вот до сих пор. Я постараюсь поровнее.

От этого мимолетного прикосновения у меня захватило дух. Я смог только молча кивнуть. Татьяна сбегала в дом и, притащив ножницы, спихнула меня на нижнюю ступеньку, а сама устроилась выше и перехватила пальцами мои волосы сзади.

Я закрыл глаза и поплыл, мечтая только об одном — чтобы никто не полез с какими-нибудь неотложными проблемами или просьбой показать, как фехтовать. Только не сейчас... Пусть она там как хочет меня кромсает, только бы подольше вот так перебирала пряди волос, мимолетно касаясь шеи, висков, щек, лба и сосредоточенно сопя. Я даже не замечал, что ножницы тупые и дергают.

— Вот так лучше, — сказала наконец Танюшка.

— Чего?.. — сонно спросил я и, помедлив, откинул голову ей на колени. На миг почувствовал, как напряглись ноги девчонки... но тут же расслабились, и я, запрокинув лицо, увидел, что и она привалилась спиной к косяку, задумчиво глядя в лес своими зелеными глазами. А руку... руку, помедлив, положила мне на плечо.

«Только бы никого не принесло!!!» — взмолился я.

Принесло, конечно же, — вернулся Альхимович, и я оттолкнулся затылком от Танюшкиных колен. Посмотрел на нее — ощущение было такое, что... ничего и не было. Взгляд Татьяны стал деловитым, она перешагнула через меня и отправилась куда-то, по пути громко вопрошая, нашли или нет орляк. Я подумал, что это и в самом деле вопрос — мыла-то у нас не было, а без мыла, как говорил один знакомый нам дед, «не мытье, а одно паскудство». Только, если честно, мне сейчас было плевать на все. А тут вдобавок мне попался на глаза Сережка — он скромненько целовался у маличника с Ленкой, пользуясь тем, что большинство людей у бани. Причем целовались они самым настоящим образом «взасос». Я мысленно взвыл, запустил очередным клинком — как раз Сергеевой дагой — в стену и убежал в дом, едва не сбив с ног Бэна, который нагло завопил вслед: «Ну ты че — дурак?!» — и не получил по шее.

* * *

Девчонки оккупировали баню первыми, демонстративно заложив дверь поленом изнутри, после чего из окна интенсивно повалили пар и дым, словно там раскочегаривали котел паровоза. Мы, поглядывая на приземистое помещение и похмыкивая, занялись делами по хозяйству, тем более что как раз тут Север с Кристиной притащили оленя и трех глухарей, весом почти равных оленю.

— Слушай, — обратился ко мне Вадим, — а что, если на зимовку определиться тут? Мне кажется, место неплохое...

— Знаешь, я уже об этом думал, — признался я. — Завтра попробуем определиться с соседями, а там посмотрим.

Вадим кивнул. Мы разожгли костер снаружи, а то спать будет невозможно, — и занялись приготовлением оленины и птичек. Это мы умели не хуже девчонок, тем более что Кристина принесла и можжевельных ягод, с которыми мясо приобретает совершенно изысканный вкус.

В медленно тающем вечернем свете наш лагерь приобрел вид разбойничьей стоянки из какого-нибудь фильма о временах Ивана Грозного или Алексея Тишайшего. Сходство усугублялось тем, что многие бездумно затачивали клинки. Кое-кто лежал, живописно раскинувшись или подперев рукой голову, у огня. Очевидно, сходство заметил не только я,

потому что Игорь Северцев вдруг полушутливо завел монотонным голосом, потряхивая головой:

Ой ты взойди-взойди, солнце красное!
Обогрей ты нас, людей бедных,
Людей бедных — людей беглых...
Ой, да мы не воры, да й не разбойнички... —

Север на секунду запнулся и допел:

...Да батьки Лешего да мы работнички...

Я кинул в него веткой, но не нарушил общего настроения — посыпались славянофильские реплики:

Эх, да жись наша поломатая...
По лесам да буеракам, ровно волки, рыщем...
Нет у нас, сирых, хучь норы какой...
Ой, Русь-матушка, что ж ты к нам да так неласкова...

— Счас бы кофе с булочкой, да на печку с дурочкой, — не в тему ляпнул Сморг, и, когда все отсмеялись, Север опять затянул знаменитую:

Пусть нету ни кола и ни двора —
Зато не платят королю налоги
Работники ножа и топора,
Романтики с большой дороги!

А все разухабисто грянули припев:

Не же-ла-ем
жить, эх,
по-другому!
Не желаем жить по-другому!
Ходим мы,
По краю ходим мы,
По краю ходим мы, по краю —
Род-но-му-у!!!

— Север! — Вадим под общий смех осторожно рванул на груди ковбойку, уткнулся лицом в плечо улыбающегося Игоря и замотал головой: — Пой, Север! Песен хочу!!! Потешь душу мою больную!!!

Нам лижут пятки языки костра.
За что же так не любят недотроги
Работников ножа и топора,
Романтиков с большой дороги?!¹

И под общий припев Саня начал жонглировать взятой у Сморг финкой.
Допели песню. Потом Игорь Северцев помахал рукой, сел удобнее, опершись спиной

¹ Музыка Г. Гладкова, слова Ю. Энтина.

на притащенный сухой пенёк и задумался. Это означало, что сейчас он будет петь серьезное; примолк даже неугомонный Бэн. Потом Север поднял голову, обвел нас блеснувшими глазами...

Нам уготовано, мальчик мой,
Легкое это бремя —
Двигаться вверх по одной прямой,
Имя которой Время.
Памяти с ней не совладать.
Значит, нам повезло...
Время учит нас забывать
Все — и добро, и зло...

Встречи, прощанья — какое там!
Даже не вспомнить лица...
И только вещи, верные нам,
Помнят все до конца.
Помнят все до конца...

Помнит лодка причал, а весло
Помнит воду реки;
Помнит бумага перо, а перо
Помнит тепло руки;
Стены и крыша помнят людей —
Каждого — в свой срок;
Помнит дорога ушедших по ней,
Помнит выстрел курок...

Только проносится день за днем —
Значит, не пробил час...
Вещи тогда молчат о своем
И не тревожат нас...
Могут проснуться они летним днем
Или среди зимы,
Чтобы напомнить нам обо всем,
Что забыли мы...¹

* * *

Девчонки оставили после себя в бане чистоту и порядок с остатками пара, который некоторые любители начали тут же нагнетать вновь и преуспели в этом (дверь мы поленом закладывать не стали, хотя в предбаннике девчонки стирали наши и свои вещи).

Я сам парилку всегда терпеть не мог. В ней у меня возникало ощущение, что уши плавно сворачиваются в трубочки, из которых со свистом начинает выходить пар. Я забился в уголок и занялся тем, для чего всегда использовал баню, — мытьем, хотя чан с горячей водой приходилось искать на ощупь. Похоже также, что кто-то озаботился надрать березовых веников, а когда такая штука оказывается в руках у некоторых товарищей — в них пробуждаются садистские наклонности. Я уже имел возможность в этом убедиться.

К счастью, пятнадцати парням в банной пристройке было тесновато, не развернешься,

¹ Слова и музыка А. Макаревича.

что и ограничивало творческую свободу. Поэтому все шло спокойно. Даже вениками пользовались лениво-индивидуально, по временам передавая их из рук в руки, как фляжку со спиртом где-нибудь в окопах. Кто-то высунулся в предбанник и доложил, что девчонки ушли — несколько человек тут же выбрались наружу, но большинство остались сидеть, отдуваясь и вяло болтая. Я, почувствовав, что жара отхлынула, перебрался на одну из лавок и постарался окончательно расслабиться. Нет, а ведь и правда — почему бы не зазимовать тут? Назовем нашу стоянку Москвой, будем дружить домами с этими соседями, сколько их тут?..

— Вадим! — с усилием выбрался я из дремоты. Он обнаружился рядом со мной. — Слушай, — сказал я, подталкивая ногой облезший веник, — завтра возьми человек пять и сходи туда... ну, к тем, которые подальше, на юго-запад.

— А ты, соответственно, пойдешь к тем, кто поближе, — проницательно заметил Вадим.

— А то как же, — я зевнул и как следует потянулся. — Должны же у меня быть привилегии... Спецпаек там, путевка на курорты... Желтые штаны. Все такое.

— Орден Сутулого с закруткой на спине, — добавил Вадим. — Ладно. Схожу, только выплюсь.

— Это хорошее намерение. — Я начал отжимать волосы. — Полотенчико не помешало бы... Ладно, как ты говоришь. Пойду я. Старость не радость. Еще и петух не кукарекал, а уже в постельку охота...

Я прошлепал по полу к выходу, осторожно высунул нос. Точно, в предбаннике никого не было, как, впрочем, не было и нашей одежды. Зато лежала стопка одеял. Замотавшись в одно, я вышел наружу.

Выстиранные вещи были развешаны на краю крыши. Я хмыкнул и направился к балку, в окнах которого уже не было света.

* * *

Тоненько дребезжало в оконной раме стекло. Ну и ветер дует, сонно подумал я. Ну и ветер свищет, ну и пурга... Вот странно — неужели замазка так поотваливалась? Я повозился и открыл глаза.

Ну конечно. Низкий серый потолок балка нависал надо мною. А дребезжала щепка в двери — открытая дверь медленно ходила туда-сюда, цепляя трухлявый пол.

Кругом паркетом спали наши. Слышно было, как кто-то тяжело дышит, кто-то бормочет и ворочается во сне... Так, а?.. Точно — Танюшки не было.

Я сел и, зевнув, отпихнул одеяла. Было прохладно. Переступая через спящих и пытаясь дремать на ходу, я потащился к двери. Просто так — ясно было, что Танюшка отошла в кусты. Ну а я постою на крыльце. Потом, может, тоже туда схожу. И можно будет поспать еще часа два.

Крыльцо — покосившееся и широкое — было влажным и холодным от росы. Меня немного зазнобило, но я спустился на нижнюю ступеньку. В молочно-белую от росы траву наступать не хотелось, она была ледяной даже на вид.

— Пст-пст-пст! — услышал я шипение откуда-то сбоку, повернул голову и увидел Танюшку. Она стояла шагах в двадцати от меня, чуть сбоку, около кустов и, не глядя на меня, ожесточенно махала рукой, вглядываясь куда-то в зелень.

— Ну что там? — проворчал я, но негромко. И забеспокоился — мало ли что она там увидела?! Я наступил в траву и, передернувшись, зашагал к Танюшке.

— Тебя не дозовешься, — недовольно шепнула она, когда я оказался рядом. — Не стучи зубами, спугнешь.

— Кого?! — ошалел я. Танюшка вытянула руку:

— Смотри, собака.

Я посмотрел и удивился, как сразу не заметил собаку. Она и правда была — я видел мощный куцехвостый зад, мохнатые ляжки... Здоровенная псина чего-то возилась в кустах,

урчала, потрескивала ветками... Люди близко! Та-ак, это хорошо или плохо?.. Может, это пчеловоды в гости явились?

Но я не успел додумать эту мысль. Мне внезапно стало жарко — так, словно я шагнул в парилку, которую не мог терпеть. Огромная собака... не просто огромная — непредставимо огромная, со странным окрасом...

В горле у меня засел плотный комок. В трех шагах от нас возился среди дикой малины здоровенный бурый медведь. Довольный жизнью и счастливый.

Толкнуть Танюшку к балку. Там ребята, там ружье... Главное, чтобы она не заупрямилась, бежала изо всех сил. Я тоже побегу, но не сразу. Может быть, успею добежать, а если нет... он отвлечется на меня, и у девчонки будет время убежать. Вот что главное. А там, может, еще и мне повезет.

— Тань. — Я положил ладонь ей на плечо и приблизил свои губы к ее уху. — Это не собака. Это медведь.

Сказать «беги» я уже не успел. Медведь начал поворачиваться...

...Я никогда не слышал, чтобы Танька визжала. Ни-ког-да. Ни на Земле, ни здесь. Если становилось очень страшно, она закусывала губу — и все.

Она и сейчас не завизжала. Звук, который она издала, рождался где-то в ультразвуковом регистре и уходил в инфразвуковой. Но на этом отрезке от звука затряслись ставни балка, а я присел, не понимая, что происходит и на том я свете — или еще на этом?

Медведь тоже реагировал странно. Подскочив на всех четырех лапах, он громко и испуганно рывкнул, собрался в комок и, словно брошенный с горы валун, с треском, хрустом и грохотом покатился через кусты, не разбирая дороги и легко переламявая деревца толщиной в две руки.

Танюшка смолкла. Я ошалело моргал, и в голове почему-то была одна-единственная мысль: никто из наших наружу не выйдет. Нужна нечеловеческая смелость, чтобы рискнуть выйти, услышав снаружи *такое*. Все еще пытаюсь восстановить мыслительный процесс, я шагнул в проложенный медведем туннель и скривился — там непередаваемо воняло, примятую траву заливал жидкий понос.

— Не ходи-и!!! — завопила Танюшка, вцепляясь мне в плечи.

— Да он уже к Балтике подбегает, — с трудом выговорил я и, оглянувшись, увидел, как по крыльцу ссыпаются все наши.

Санек орал:

— Что случилось?!

— Ничего. — Я вдруг ощутил какое-то подергиванье внутри. — Тут был медведь, но Танюшка его убила, я думаю.

После этого я плюхнулся в мокрую траву и совершенно искренне заржал.

* * *

Танюшка буквально навязалась со мной — я, собственно, и не возражал, почему бы и не прогуляться по московским окрестностям? Арниса и Кольку Самодурова я тоже взял с собой.

Вадим со своими ушел на час раньше. Выступили и мы — вдоль ручья, взяв направление на все тот же поднимавшийся дымок. Колька с ружьем шагал по одному берегу, мы втроем — по другому.

Как-то неожиданно мы вышли в обжитые места. Ручей вдруг свалился небольшим красивым водопадиком на дно широкого оврага, заросшего ивняком, — там текла речушка, уютно журчавшая на перекатах. Чуть в стороне через овраг был перекинут мостик, а за ним начиналась утоптанная тропинка. У самого ее начала на разлапистом дубе были вырезаны две сплетшиеся спиралью змеи, повернувшие друг к другу головки.

Священные ужи — версия Игоря Мордвинцева насчет прибалтов подтверждалась. Я мысленно перевел дух — на карте Йенса не были обозначены здешние стоянки, мне вовсе не

улыбалось встретиться с какими-нибудь ненормальными. А прибалты — это свои, из Союза. Хорошо бы еще и вторая компания оказалась неплохой. Тогда точно можно тут поселиться, дружить домами... и как знать — может, Йенс-то и оказался бы не прав, а вот идея Сергея о создании государства обрела бы смысл.

Меня так подбодрила эта мысль, что я махнул рукой и весело, громко сказал:
— Пошли быстрее!

* * *

Вадим взял с собой двух Игорей — Северцева и Сморча, наотрез отказав всем девчонкам. Он собирался идти быстро: два десятка километров по лесу — это за пять-семь часов, в зависимости от местности. Да на месте, да обратно... «Хотя, — с черным юмором подумал Вадим, — обратная дорога может и не состояться».

Восход солнца застал их в пути, когда они шли просторной дубравой, красивый восход, словно солнце проникало в десятки резных витражей, дробя свой свет на колючие черно-золотые колеблющиеся отражения. Идти было не так уж трудно — легче, чем Вадим думал и рассчитывал, — а солнечный восход резко повысил настроение.

Поэтому Вадим не сразу разобрался в ситуации, когда вылетевшая откуда-то спереди стрела вонзилась в землю у его ног — и закачалась солнечно-желтым, как небесный блик, оперением. Он две или три секунды просто смотрел на это оперение, осмысливая, что это не был промах — невидимый стрелок мог бы всадить стрелу ему в грудь, — а именно предупреждение. Оба Игоря, со свистом обнажив оружие, встали боками к Вадиму и друг другу, в плотный треугольник. Ощувив их плечи, Вадим обратился к лесу перед собой (чувствуя себя очень глупо):

— Кто там стреляет?

Ответ был еще более странным. Из-за дубов впереди мягко и бесшумно выступил человек, одетый в грязновато-зеленую кожу — куртка, шнурованная на груди, узкие штаны, сапоги с отворотами, маска с отверстиями для глаз. На поясе висели длинный кривой нож и длинная шпага. Над плечом поднимались оперения стрел, в руках незнакомец держал средней длины полунатянутый лук со стрелой, смотревшей в землю, впрочем, в том положении, из которого оружие можно легко вскинуть и тем же движением выпустить стрелу.

— Дальше ни шагу, — грубоватым мальчишеским баском сказал зеленый незнакомец.
— По крайней мере — пока не выясним, как и что.

— Эй, ты русский?! — обрадовался Вадим. Он ощутил боком, что Север плавно спустил в ладонь метательный нож. Если что — не факт, удастся ли лучнику выстрелить: эта мысль тоже успокаивала. Но Вадиму не хотелось бы, чтоб до этого дошло — тем более что парень тоже мог быть не один.

— Русский, русский, — кивнула маска. — А вы, я вижу, тут недавно? Это ваш дым был около заброшенной башни?..

* * *

Тропка оказалась довольно хорошо утоптана и вообще производила впечатление часто используемой, не звериной, а вполне человеческой. Мы двигались по ней, если честно, совершенно дебильно: мы с Танюшкой с левого края, Колька — посередине и чуть впереди, Арнис — сзади; каждый сам по себе, в сущности, уже приучив себя к мысли, что нас ждет приятная встреча с соотечественниками. Даже Арнис оживился — для него впереди находились соотечественники вдвойне...

...До сих пор не знаю, что же спасло Кольку. По всем параметрам засады он должен был получить аркебузную пулю в голову, в висок — но вместо этого камешек ударил его в правое плечо, и мы услышали его крик одновременно со щелчком спущенной тетивы.

И как обычно бывает в таких ситуациях — я мгновенно увидел то, чего раньше в упор не замечал: фигуру мальчишки в кустах. Лицо не различалось в тени, но я видел, как он, одной рукой взводя аркебузу, другой подносит пулю к зарядному отверстию...

— Танюшка, назад! — яростно крикнул я, бросаясь вперед и выхватывая палаш, — между нами было метра три всего, и, начини я расстегивать кобуру нагана, он бы пристрелил меня в упор. — Арнис, прикрой ее!

Мыслей сразу стало как-то много, но они не мешали друг другу. И что я так и не переделал кобуру удобнее; и что Танюшку я зря взял с собой; и что Колька не сможет стрелять из ружья с пробитым плечом; и что напавших на нас тут может быть много, — а главное, было недоумение: почему они на нас напали, не за урса же приняли?!

Мальчишка не успел зарядить оружие. Он поднял лицо — загорелое, но со светлыми глазами — и, что-то беззвучно крича, бросил аркебузу в меня. Я уклонился, а когда выпрямился — он уже выскочил из кустов, держа в левой руке большой, чуть изогнутый «по-ятаганному» нож, а в правой — короткий широкий меч. Распахнутая джинсовая куртка мальчишки была надета на голое тело.

Первый рубящий удар едва не вышиб у меня из руки палаш; одновременно нападающий попытался достать меня ножом. Я отскочил, левой выхватывая дагу. За моей спиной кричали и лязгала сталь — да, этот парень не один, но мне некогда было даже оглянуться. Однако какое-то внезапно вспыхнувшее чувство заставило меня нырнуть чуть в сторону — и короткий широкий нож, свистнув у моего уха, ушел в кусты, срезая ветки. Но я и тут не смог оглянуться. Оскалив зубы, мальчишка рубил крест-накрест, держа нож в опущенной левой руке — чуть на отлете и острием вверх. В глазах у него была такая ненависть, что я даже не возмутился, а удивился — за что?! Но мне уже не казалось, что это дуэль, как с немецким конунгом. Это была настоящая схватка, как с урса, — только опасней в сто раз...

Он в самом деле ударил ножом — я поймал выпад дагой и попытался вывернуть вражеское оружие, но не получилось — мальчишка отскочил.

И все-таки отскочил он не как фехтовальщик — несобранно. А я атаковал сразу, без отскока, классической «стрелой», с той быстротой и точностью, которые уже не раз приносили мне победы на спортивных соревнованиях.

Палаш вошел мальчишке в грудь — точно посередине, над кулаком с зажатым мечом. Конечно, он умер сразу же, стоя, — но мне показалось, что он успел взглянуть на мое лицо глазами, в которых ярость сменилась удивлением и тоской. Потом лицо мальчишки исказилось, на приоткрывшихся губах лопнул кровавый пузырь, и палаш вывернулся из моей руки под неживой тяжестью.

Я окаменел. Рот высох, как высыхает вода на раскаленном летним днем железе. Тело мальчишки не упало — завалилось в кусты, удержавшие его на весу, и теперь кусты раскачивались... а мне казалось — убитый пытается встать, подобрать выпавший из руки меч... Палаш торчал у него из груди — кажется, прошел насквозь, и я почувствовал, как противно дрожат руки при одной мысли, что придется дергать оружие обратно.

Я отвернулся — слава богу, что отвернулся! Колька ландскеттой в левой руке бешено отмахивался от противника. Ну а Арнис... черт, он лежал ничком на тропинке! А Танюшка — ее не было вообще !!!

Держа дагу уже в правой руке, я бросился на помощь Кольке. У его противника был хаудеген — односторонняя шпага с косо срезанным острием, удивительно, как Колька с одной рукой и своей короткой ландскеттой вообще сколько-то против него продержался. Но, увидев меня с дагой, мальчишка прыгнул в сторону, в кусты. Колька тут же сел — по плечу у него, пропитывая одежду, текла кровь.

Я рванулся следом за убегающим, но оглянулся и скрипнул зубами. Арнис начал слабо возиться. Я в голос выругался и бросился к нему:

— Сейчас, сейчас помогу!..

У Арниса оказалась разбита голова — Колька, скрипя зубами, подал голос:

— Его... кистенем... Я перевяжусь, ты не беспокойся...

— Леший... — Арнис открыл глаза. — Прости... я ничего не сделал... ее... утащили...

Я снова выругался, опустил его голову и рванулся к убитому мной. Выдернул у него из груди палаш (тело подпрыгнуло), вытер о куртку лезвие. Потом сдернул ее — без малейшей брезгливости — и, на бегу скатывая в валик, бросился к Арнису.

Тот приподнялся на локте и уже подтянул к себе валлонку. Он глядел на меня потемневшими глазами. Потом облизнул губы и сказал:

— Олег, не ходи один. — У него исчез акцент.

— А? — Я подsunул ему под голову валик и придавил, нажав на грудь. — Полежи, полежи... Коль, ты как?

— Нормально, только пуля внутри, — Колька уже успел затянуть на плече обрывок своей рубашки. — Арнис прав, не ходи.

Они поняли все раньше меня. До меня-то только сейчас дошло то, что я сам собираюсь сделать.

— Не ходи один, — повторил Колька, подбирая ружье. — Я сейчас, погоди...

— Я тоже, — завозился Арнис.

— Идите обратно, — бросил я, отступая к кустам. Подобрал и засунул за пояс попавшийся под ногу нож убитого. — Идите обратно, за нашими. Идите!

Я повернулся и побежал.

* * *

Без маски «Лешка Званцев из Мурманска» — так он отрекомендовался — оказался синеглазым широкоскулым мальчишкой лет пятнадцати. Он и его друзья попали сюда больше трех лет назад. Ну, основное ядро, от которого сейчас осталось не так уж много. Большинство из одиннадцати парней и восьмерых девчонок их команды прибилося к ней уже тут, далеко не все они были русскими. Кроме того, выяснилось, что и у них тут временная стоянка — они пришли с юга три дня назад и даже толком не исследовали местность, хотя побывали у башни и заметили еще два дыма (один из них, как понял Вадим, был наш). Выяснилось, что Лешка хорошо знает Йенса, его конунга и всю их немецкую компанию — зимой немцы выручили их где-то в Крыму из заварухи с урса, и они месяц провели вместе в аджимушкайских пещерах. Сейчас Лешка направлялся на Северный Кавказ — зимовать, но, подумав, сказал, что в принципе можно зазимовать и тут, если ребята окажутся не против.

— Но вообще им не с чего против быть, — добавил он, шагая рядом с новыми знакомыми. Лук, сделанный из березы, сухожилий, можжевельника и стальных пластин, он нес в руке, и стрела была готова, лежала на дуге. Рядом с ним Вадим чувствовал себя немного играющим в средневекового воина. Вот Лешка — настоящий. Наверное, впрочем, так казалось из-за одежды, и Вадим подумал еще, что скоро (если останется жив) и сам будет выглядеть так же.

Они всей веселой компанией, вчетвером, двигались в лагерь новых знакомцев.

* * *

Я никого не догнал — остановился примерно через два километра, задыхаясь от злости и обливаясь потом. Огляделся, рубанул можжевельниковый куст — тот косо завалился в папоротник. Бешенство не оставляло меня. Я вслушивался, но в ушах klokотала кровь, и мне пришлось брести обратно к тропинке.

Мне не хотелось думать, что могло случиться с Танюшкой. Я заставил себя решить, что ее утащили в лагерь. Но кто напал на нас?! Тут мне даже ничего не приходило в голову...

...Дорога была пуста, только труп все еще лежал в кустах. Я отметил, что на нем еще вполне крепкие тяжелые ботинки, туристские. Мои туфли сдаваться не собирались, но

многим ребятам и девчонкам уже требовалась смена обуви. В том числе — и Таньке.

Я вздохнул. Сжал зубы, взглянул с прищуром в ту сторону, куда мы шли. И, расстегнув кобуру нагана, зашагал туда...

...Я прошел около двух километров и увидел всех троих издалека — сперва они сидели на обочине, потом поднялись и встали поперек тропинки. Оружие у них в руках было видно тоже издалека.

Я не остановился. Левой рукой достал револьвер, но курка взводить не стал. Рыжий мальчишка — младше меня, — стоявший с краю, держал в поднятых руках арбалет, заряженный ширококонечной стрелой. Двое других — светловолосые, мои ровесники или чуть постарше — приготовили клинки, такие же хаудегены, как тот, который я уже видел. Лица у всех троих были напряженные и жесткие, как выбитые на жести-бронзовке медалионы.

Я остановился в десятке шагов от них. Арбалет смотрел мне в грудь, и я отстраненно представил себе, как широкий крестовидный наконечник болта с заточенными гранями перьев пробивает мне грудную клетку и высовывает окровавленное жало из спины...

...Но я успею выстрелить три раза. Наверное, мальчишки прочитали это по моему лицу.

— Меня зовут Олег, — сказал я, и голос у меня сорвался, но никто из них даже не улыбнулся — над человеком с револьвером смеяться не хочется. — Если вы меня понимаете... если ваши друзья напали на нас на этой тропе, ранили двух наших и украли мою девчонку — я хочу знать, что вам нужно. Если не ваши — я прошу у вас помощи.

Стоявший в центре заговорил — и заговорил по-русски, с хорошо мне знакомым, хотя и не таким заметным, как у Арниса, акцентом:

— Мы вас сюда не звали, русские. Вы нам здесь не нужны.

— Да вы что, ребята?! — возмутился я. — С ума спрыгнули?! Мы же тоже из Союза, мы же из одной страны с вами! Вы, наверное, ошиблись...

— Вы решили нас и здесь достать? — процедил тот же мальчишка. Двое других молчали, мерили меня ненавидящими взглядами. — Русские свиньи!

Я стиснул зубы. Переждал и произнес:

— Мне нужна моя девушка. Верните ее.

Они переглянулись — точнее, переглянулись двое, рыжий продолжал держать меня на прицеле. На слух это был не литовский, я нахватался кое-каких слов у Арниса. Да я и не прислушивался — мной вновь овладело злое недоумение. Немцы из ФРГ с нами обошлись не то что мирно — по-дружески. А свои — блин, свои!!! — оказались такими сволочами! Я даже как-то не обратил внимания на то, кем они меня там обложили, — и прервал их совещание:

— Моя девушка у вас, козлы?!

На меня вновь уставились все трое. Тот же, кто говорил со мной раньше, кивнул:

— У нас. Марюс велел тебе передать, русский, чтобы ты оставил на этой дороге все свое оружие и шел по ней. Через километр будет наше поселение. Там и поговорим.

Приступ злого страха за Танюшку бросил меня вперед. Я скользнул под не успевший выстрелить арбалет, сбил рыжего плечом и, взяв на мушку отскочивших к обочине старших, процедил:

— Вы что, решили, что я буду в мушкетеров с вами играть?! Дюма обчитались?! Я сейчас вас тут прибью всех троих, как мух, а потом...

— Если мы не вернемся раньше тебя, — усмехнулся все тот же мальчишка, — твоей девчонке оторвут голову.

Я прицелился ему в лоб:

— А если не вернешься только ты? — спросил я. — Ты мне активно не нравишься, сволочь. Очень активно.

— Мы должны вернуться втроем, — вполне хладнокровно сказал он, хотя отчетливо побледнел. — Марюс хочет поговорить с тобой. Думай, русский.

Они повернулись и пошли. Рыжий на ходу разряжал арбалет. Я прицелился вслед из нагана — они это, кажется, почувствовали, но никто не оглянулся, и я убрал наган. Стоял и смотрел, чувствуя, что меня трясет. Именно *меня*, не руки; я бы не промахнулся. А руки я положил на поясной ремень.

Надо было ждать наших. Но Танюшка была там, впереди, совсем близко. Она надеется, она же ждет меня!

Я был на сто процентов уверен — *ждет*.

Я заметил, что рефлекторно сжимаю и разжимаю кулаки. Если я приду — не факт, что ее отпустят. Совсем не факт, даже... даже что она все еще жива... (Я ужаснулся этой мысли.) Но если я не приду к ней — к еще живой! — чтоб хотя бы встать рядом с ней, чтоб ей было не так страшно, — как мне тогда вообще жить?

Как мне жить — *без нее* ?!

Я начал сбрасывать снаряжение. Аккуратно сложил его — посреди тропинки. Переехать тут никто не переедет, украсть не украдут, а наши найдут и поймут...

Трофейный нож я сунул за опустевший ремень. И, подумав, надел перчатку — повинуюсь невнятной наитию, боевому инстинкту — называйте это как хотите.

Я сделал несколько шагов и на каждом шагу оглядывался. Я до такой степени, оказывается, сросся с этими клинками и стволом. Без них я чувствовал себя голым.

Нет, не оглядываться. Иначе я начну бояться. Может быть, так сильно, что уже не смогу пойти туда...

...Через десять минут, после двух поворотов тропки, я вышел на росчисть. Она кольцом окружала высившийся на холме частокол — плотный, с воротами, которые были заперты и в которые тропка упиралась. Из-за частокола поднимались два дымка, но ни за ним, ни вокруг никого не было видно. И звуков никаких не раздавалось тоже.

Страх, появившийся было, когда я делал первые шаги от оружия, сейчас пропал, стерся. Абсолютное, холодное спокойствие снизошло на меня.

Я сделал по тропинке три или четыре шага и, остановившись, пошире расставил ноги, меряя взглядом частокол. И на нем, и вокруг него было пустынно. Меня не могли не видеть, несмотря на это, — не может быть, чтобы «замок» не охранялся. А раз видят и не спешат открывать...

Я улыбнулся. Я заставил себя улыбнуться. Я постарался, чтобы моя улыбка выглядела максимально спокойной, наглой и вызывающей. Чтобы ее увидели все, кто там есть и кто решил поддержать меня у частокола, желая унижить и заставить поволноваться. Чтобы улыбка поджарила их, сволочей.

Потом я сел на пенек и начал насвистывать сквозь зубы.

Наверное, они этого не ожидали. Через какую-то минуту глухо застучало — ага, это засовы снимают... Потом ворота с деревянным скрежетом распахнулись. Я не смотрел туда, но боковым зрением увидел, что выходят человек восемь, все — с оружием. Кажется, их задело, что я не обращаю на них внимания.

Если бы они знали, чего мне это стоило! Нет, у меня не было страха — ни капельки, ни крошки, нисколько. Но была злость — настолько сильная, что тряслись руки, а во рту и горле пересохло.

Если бы речь шла обо мне, я бы боялся. Конечно, боялся бы. Но речь шла не обо мне.

Я не встал, когда прибалты подошли вплотную и окружили меня кольцом. До кончиков их мечей было можно достать вытянутой рукой, и я вдруг подумал, что я дурак, что они сейчас просто проткнут меня... и все.

Но вместо этого меня подняли — двое, за локти, сильно схватившись. Третий начал обшаривать меня, и я невольно скривился:

— У меня ничего нет. Я все оставил.

— А это? — рыжеволосый мальчишка, тот самый, сдернул у меня с пояса большой нож. Он говорил сейчас с сильным акцентом.

— А это не мое. Вашего человека.

Рыжий передал нож другому парню. Тот осмотрел ножны, подвыдернул и с лязгом вогнал назад лезвие. Сказал своему соседу:

— Нож Яниса.

— Что ж по-русски? — спросил я, одергивая одежду. — Позабыли свой язык?

Они рассмеялись. Тот, который рассматривал нож, холодно посмотрел на меня:

— Я литовец, а Велло — эстонец.

— Значит, без русского — никуда, — понимающе сказал я.

Похоже, они разошлись. Да не похоже, а так явственно, что я еще раз решил — убьют. Но вместо этого меня просто толкнули в спину — и расступились.

Оказывается, пока мы беседовали о лингвистике, из ворот вышел еще один персонаж. И теперь стоял вне круга, разглядывая меня.

Это был мальчишка постарше меня — и повыше, с длинными светлыми волосами, перехваченными кожаной лентой. Одна прядь словно бы специально падала на правую сторону лица до самого подбородка. Из «земной» одежды на нем оставались только шнурованные сапоги. А меч он держал на локте — длинный и узкий клинок без ножен венчала рогатая рукоять.

Видимый синий глаз мальчишки изучал меня пристально и невозмутимо.

— Марюс Гедрайтис, — сказал он. — Я вождь этих людей. Это я хотел, чтобы ты пришел.

— Я пришел, — ответил я, — и без оружия. Отпусти девчонку.

— Ты русский? — вместо ответа спросил он.

— Да.

— Откуда?

— Ты не знаешь, это маленький город... Отпусти девчонку.

— Я не люблю русских. — Он словно не слышал меня. — Они из моих мест живыми не уходят.

— Послушай. — Я внезапно ощутил сильную усталость и захотел спать. — Я бы мог прийти сюда не один. Я мог бы сжечь вашу хибару. И устроить бойню. Но мы не хотим драться с вами или задерживаться на ваших, — я выделил это слово, — землях. Янис — тот парень, которого я убил, — напал на нас первым. Мы вам ничего не делали. Отдай девчонку, и мы уйдем.

За моей спиной засмеялись. Синий глаз обратился туда — смех отрезало, как ножом. Мальчишка вновь неспешно перевел взгляд на меня.

Неприятный взгляд. Взгляд...

Да, понял я. Он ненормальный. Из тех шизиков, которые способны подчинять себе волю других людей и лепить из нее что им угодно.

— Ты хочешь меня убить? — прямо спросил я. — Тогда ты получишь войну. Уверен, что сможешь ее выиграть? Лучше отпусти девчонку, и мы уйдем.

Марюс улыбнулся. Хорошо так, по-доброму.

Страшно.

— Ее отпущу. Как обещал. Но тебя убью.

Краем глаза я увидел, что в воротах стоят несколько девчонок — тоже с оружием. Безоружной среди них была одна Танька — светловолосая девчонка, такая же рослая, как и моя подруга, держала у ее бока широкий нож.

Татьяна глядела на меня остановившимися от ужаса глазами. Я ободряюще кивнул ей и вновь повернулся к Марюсу:

— Убить? Мою жизнь в обмен на ее? — Марюс кивнул. Я пожал плечами: — Хорошо. Я согласен.

— Олег! — закричала Танюшка. — Не смей! Не смей, слышишь?! — Блондинка дернула ее обратно и быстрым движением приставила нож к горлу. Танюшка закрыла глаза и оскалилась в гримасе отчаяния.

У меня перехватило дыхание, и Марюс поймал мой взгляд. Это было плохо — его глаз

коротко сверкнул, и он, не поворачиваясь, скомандовал:

— Райна, убей ее. И его — убейте.

Он понял, что меня нельзя оставлять в живых — и Танюшку нельзя отпускать тоже. Прочел по глазам.

А я подумал, что, даже если меня сейчас ударят в спину несколько клинков, если Марюс выставит навстречу свой (а он успеет!) — я все равно успею добраться до него. И напряжился, чтобы сделать это — последнее в моей жизни дело...

Будем друг друга любить —
Завтра нас расстреляют.
Не пытайся понять — зачем,
Не пытайся понять — за что.
Поскользнемся на влаге ночной
И на скользких тенях, что мелькают,
Бросая тревожный свет
На золотое пятно.

Встань, встань в проеме двери —
Как медное изваянье,
Как бронзовое распятие —
Встань, встань в проеме двери...

Когда-то я был королем,
А ты была королевой,
Но тень легла на струну —
И оборвалась струна.
И от святой стороны
Нам ничего не осталось —
Кроме последней любви
И золотого пятна...

«Nautilus Pompilius»

* * *

Сергей даже не пытался никого оставить в лагере — ни раненых Саню и Олега Крыгина, ни девчонок. Только морщился, когда Андрей Альхимович орал на Арниса и Кольку, что они дебилы и что должны оставаться, а до этого не должны были бросать Олега. Логика в этом не была никакой. Поэтому Сергей подошел и дернул Андрея за плечо:

— Хорэ тебе. Спешить надо, а мы тут отношения выясняем.

Андрей опомнился. Никто толком не знал, что за противник им встретился, даже не знали, где располагается вражеский лагерь.

Знали одно — друзей надо выручать, чего бы это ни стоило.

— Хоть бы знать, с кем дело имеем. — Санек проверил двустволку, которую отдал ему Колька. — Патроны давай сыпь в карман...

— Ты особо не трать. — Колька с плечом, перевязанным уже по-настоящему, озабоченно следил за его действиями.

— Не бэ. Ни одна картечина даром не пропадет по махновским гадам...

— Давайте скорее! — бушевал Сморг. — Ну чего ждем, бежать надо, их там, может, уже это...

Девчонки дружно поперли на Сморгча, угрожая физической расправой, снова поднялся гвалт, и Сергей заорал, срывая голос, команду на выступление.

— Вадим-то где у нас? — уже на ходу спросил Игорь Басаргин. — А если тоже в ловушку попал?

— Не ной, Басс, — хмуро сказал Сергей.

И мрачно лязгнул палашом в ножнах.

* * *

Рукой в перчатке я перехватил лезвие нацеленного мне в грудь меча. Глаза хозяина клинка округлились, он дернул оружие на себя, но вяло, а остальные вообще не прореагировали — не ожидали! Я швырнул прибалта через себя, пригнувшись и одновременно вырвав у него меч, который полетел в светловолосую Райну, размахнувшуюся для удара в бок Танюшке!

Я не мог убить девчонку. Ну никак не мог! Но меч ударил Райну рукоятью в лоб, и она рухнула наземь, разбросав руки и выронив нож. Танюшка оттолкнула — ногой — еще одну, подхватила из ее ножен длинный нож. Я уже бежал к ней, на ходу уклонившись от брошенного топора. Поднял меч и, ощутив спиной резко ходящие лопатки Танюшки, испытал невероятное облегчение — словно все уже кончилось.

— Ты цела? — спросил я через плечо.

— Да, — выдохнула Танюшка. — Я знала, что ты придешь.

— Не бойся, все будет хорошо.

— Я знаю.

К нам подходили со всех сторон — мальчишки-прибалты, держа в руках оружие. Лица у них были... ну, что там объяснять.

— Дурная шутка у тебя вышла, Марюс, — стараясь говорить ровным голосом, обратился я к их вождю. — Ну что? Приказывай расстрелять нас из арбалетов.

Марюс поднимал на ноги мотающую головой Райну. Особого раскаяния я не ощущал, но был рад, что не убил ее.

А еще приходило удивление, что у меня все получилось. И непонимание — елки-палки, а *как* у меня это получилось?! Как в кино.

Только вот счастливого конца, похоже, все-таки не будет. Если не считать... да, если не считать, что я — с Танюшкой.

Меч был легче моего палаша, короче и шире, а рукоятка — какая-то неудобная. А, не важно... Я ощущал почти нетерпение — скорей бы нападали, что ли...

Они медлили. Скорей всего, мои решительные действия произвели на них впечатление, никто не хотел попасть под меч первым.

И Марюс одним точным движением перекинул свой меч в руку. Раскрутил его. Сделал короткий жест левой рукой. А потом широкими шагами пошел ко мне сквозь раздавшееся кольцо своих людей.

* * *

Из одиннадцати парней и восьми девчонок восемь и шесть соответственно были русскими. Еще один парень и одна девчонка были сербы, двое других парней — австриец и чех, еще одна девчонка — датчанка.

Их команды, группы, отряды, племена, компании погибли в схватках с урса в разное время и в разных местах (австриец кочевал по белу свету одиннадцатый год!), а они сами прибились к Лешке Званцеву. Вадим еще в пути начал догадываться, что поморский мальчишка тут главный.

Лагерь был разбит на холме — умело, со знанием дела и — как заметил Вадим — с расчетом на оборону. Постовых не наблюдалось, но, попав внутрь, гости поняли, что подходы к холму видны отовсюду.

Собрались все. «Местные» девчонки с интересом посматривали на парней, особенно на

невозмутимого Северцева. Мальчишки оценивающе сравнивали оружие. Вадим, кстати, заметил, что на распорках у костровой ямы висят... *доспехи*. Явно самоделковые, но внушительные — кожаные куртки из сшитых или склепанных слоев на слой толстых полос, деревянные или костяные наручья, шлемы из жестко выдубленной кожи...

— Помогают? — спросил Смorch у такого же рослого и крепкого, как он сам, парнишки. Тот пожал плечами:

— Да в общем, да...

Они тут же отошли в сторону, ведя оживленный разговор об оружии и доспехах.

Меню оказалось не хуже и не лучше, чем то, к которому успел привыкнуть Вадим. Точно так же пожаловались на отсутствие хлеба, но одна из девчонок добавила, что на Кубани есть поля с дикой пшеницей и рожью. Кто-то добавил, что есть они и в других местах. А кто-то настаивал даже, что есть группы, которые имеют настоящие поля, «культурные».

— Это на одном месте жить надо, — усмехнулся Лешка. — Мы такого не любим, да и мало кто любит.

Потом она рассказала вопреки своим же словам, как два года назад они были в Голландии, где на островах посреди болот живут около сотни человек. В основном — голландцы, но есть и другие; им тоже предлагали остаться. Парнишка-чех — лет тринадцати, очень курносый и черноволосый, но с ярко-синими глазами — рассказал, что он со своими друзьями (они были уроженцами Ческе-Будейовице и попали сюда во время турпохода по Шумаве) тоже пытался устроиться на постоянное место жительства в родных местах, но зимой на них напали урса.

— Они и зимой воюют?! — неприятно поразился Вадим.

Чех кивнул:

— Да, и они неплохо одеты...

Потом он добавил, что в то утро все его друзья погибли, а он сам был ранен. Урса сочли его мертвым, спокойно пояснил чех, нагнул голову и показал чудовищный шрам слева на шее. А потом его — уже обмороженного и почти умершего от потери крови — нашли Йово и Званка, сербские ребята, пробиравшиеся с юга. Они его выходили, а весной присоединились к русским уже втроем.

— Ну что, сегодня заночуете у нас, — предложил Лешка, — а завтра отправимся делегацией к вам.

— От нашего стола — вашему столу, — со смехом добавил кто-то.

Вадим хотел уже было согласиться, но с вершины одного из дубов вдруг раздался режущий разбойничий свист. Все повскидывали головы — гости только теперь заметили, что там среди веток надежно устроился почти невидимый снизу часовой. Он махал рукой куда-то на север.

— Горит! — крикнул он, свешиваясь вниз и не опуская руки. — Горит!

* * *

— Ты ловкий. — Марюс остановился в трех шагах от меня. — Но это тебя не спасет. И девчонку твою не спасет. Но ее мы теперь убьем не сразу. Да и тебя тоже, чтобы ты послушал, как она будет орать.

— А вот за эти слова, — я почувствовал, что улыбаюсь, — я тебя убью, Марюс. Я сказал.

Очевидно, он мне поверил. Да я и сам себе поверил — уж больно увесисто у меня это получилось, на Земле, где я бросался такими обещаниями в шутку, ни за что так не вышло бы.

— Мертвые не убивают, — сказал Марюс.

Короткий вскрик заставил всех обернуться. Рыжий арбалетчик падал ничком, из затылка у него струйкой била кровь. Прибалты непонимающе озирались... а из-за кустов у

поворота дороги со страшным рыкающим криком «Р-рось!!!» высыпали какие-то вооруженные люди.

Даже я их сперва не узнал, а еще мне показалось, что их страшно много. Интересно, что я понял, кто это, услышав знакомый мне грохот Колькиной «зброевки».

Марюс что-то прокричал, и прибалты бросились к воротам. Двое кого-то тащили... На нас с Танькой внимания не обращали даже свои; пробежавший мимо Игорь Мордвинцев метнул топор в чью-то спину... Но к воротам не успели — они уже закрывались, с частокола свистнули несколько стрел, кто-то из наших закричал, и я пришел в себя уже за кустами. Сергей, трясая меня за локти, орал:

— Живой?! Живой?!

— Где Танюшка?! — Я оттолкнул его. Татьяна подошла неуверенно, даже чуть покачиваясь, и я...

И я ее обнял. А она вцепилась в меня.

Вокруг запаленно дышали наши ребята, но мне казалось, что мы одни на целом свете. Потом где-то рядом кашлянул Санек и сказал:

— Вот твоё оружие...

...Застреленный Ленкой Рудь из арбалета рыжий и еще один, которого зацепил картечью Саня, лежали неподвижно. Тот, в которого попал топором Игорь, тоненько плакал и пытался ползти к воротам, но у него не действовали ноги и руки. Зрелище было ужасным. Наши девчонки смотрели на Игоря волчицами, он сам кусал губы и, кажется, еле сдерживал слезы. Одиноко звучал голос Арниса — держась за перевязанную голову, он пытался «наладить контакт» с соотечественниками.

Стрела угодила в Кольку — сегодня ему не везло. Попала в правое бедро, он, скрывая испуг и боль, старался равнодушно следить за тем, как Олька, сидя на корточках, готовится его оперировать.

— Я с плеча начну, — ласково сказала она, — пулю-то надо вытащить... Ты не бойся, я быстро все сделаю...

Валька Северцева — с аркебузой на коленях — уже открыто сидела возле Кольки, следя за ним жалобными глазами.

— Уперлись. — Арнис подошел ко мне. Глаза он прятал — наверное, все еще чувствовал себя виноватым. — Только ругаются.

— Они что, вообще с ума спятили?! — У меня прорвалась наконец злость. — Напали, чуть не убили... Что им нужно?! Мы же из одной страны, черт бы...

— Понимаешь, Олег... — Он наконец глянул мне в глаза печальным взглядом. — Ну если честно, у нас не любят русских. Очень многие не любят. В Прибалтике. Я просто не рассказывал.

— Да за что?! — завопил я. Арнис отвернулся. Я махнул рукой. Потом дернул его за плечо: — Скажи им, в конце концов, чтобы забрали своего, ну невозможно же слушать!!!

Арнис закричал — сорванно и зло, не похоже на себя взмахивая рукой. Потом быстро присел — в дерево у его щеки вонзился (и даже не задрожал, так глубоко вошел!) арбалетный болт. Хлопнула аркебуза Танюшки — моя подружка выстрелила в ответ тут же.

— Надо поджечь частокол, — сказал, подходя, Олег Фирсов. — Подпалить на... — Он покосился на Танюшку и энергично закончил: — И дело с концом!

— Дуб, — ответил Сергей. Он подошел неслышно и встал рядом.

Фирс немедленно оскорбился:

— Че-го?!

— Дуб, — терпеливо повторил Сергей. — Частокол сделан из дуба, чтобы его поджечь, нужно под стеной разводить настоящий костер. Мне вообще кажется, что нам надо просто уходить.

— Нет, — отрезал я.

Сергей удивленно посмотрел на меня, его глаза потемнели.

— Что так? — медленно спросил он.

— Я кое-что кое-кому обещал, — пояснил я. — Но я никого не тащу с собой.

Сергей промолчал, отошел, держа руку на оружии. Я вернулся к Арнису.

— Иди отдохни, — сказал я ему. Литовец молча набылчился и остался на месте. К нам подбежал Бэн — взволнованный, но докладывавший весьма четко:

— Это, сюда через лес, Санек сказал, идут люди. Не урса, много, и наши с ними, Санек сказал, что Сморг — точно.

— Они что, взяли наших в плен? — насторожился я, уже не ожидая от жизни ничего хорошего. Бэн растерянно задумался, потом решительно замотал головой:

— Нет, они просто вместе идут.

— Черт... — почти простонал я. — Сергей! Посмотри тут! Бэн, пошли глянем.

Он зарысил впереди меня.

Санек стоял, героически скрестив руки на груди, около опушки. Отсюда отлично было видно, как через пустошь метрах в ста от нас идут люди — много, десятка полтора, все с оружием, Бэн рассказал точно. Я узнал и Вадима, и Сморгча, и Севера — и тоже точно, они шагали вместе со всеми, держа оружие наготове, и Вадим нам активно замахал.

— Так, — вбил я гвоздь, ощущая резкую радость. — Кажется, к нам идут союзники.

* * *

Вообще говоря, я — мы — не вправе были ожидать от пришельцев какой-либо помощи — с какой стати им влезать в совершенно постороннюю распря? Что с того, что они русские? После конфликта с прибалтами моя вера в соотечественников сильно пошатнулась... Но совершенно неожиданно выяснилось — стоило мне назвать имя Марюса! — что его хорошо знают и новоприбывшие. Более того, у ребят Лешки Званцева оказались какие-то счета с прибалтами, историю которых они отказались освещать подробно. Но счета были, судя по всему, глубокие и серьезные. Кто-то даже радостно пробормотал: «Вот они где обосновались...» А скуластый Лешка объяснил мне:

— Эти прибалты — сволочи.

Арнис, кажется, не услышал. Но я спокойно предупредил, глядя прямо в глаза помора:

— Вон тот мой парень — литовец.

— Я сказал — *эти* прибалты, — тоже не отвел взгляда Лешка.

Раненый топором мальчишка снова закричал: жалобно, сорванно, уже совсем не человечески. Лешка подошел к кустам, примерился взглядом и вдруг выпустил стрелу — по дуге вверх.

Я видел, как она, набрав скорость в падении, вошла точно между лопаток раненого. Почти до оперения. Руки и ноги мальчишки дернулись, и крик оборвался. Лешка хладнокровно достал еще одну стрелу и выпустил ее в частокол — она свистнула между заточенных верхушек двух бревен. В ответ выстрелили из арбалета. Лешка засмеялся:

— Ну, они наши, — сказал он мне. — Ты давай со своими оставайся тут, а мы пойдем на другую сторону, зажмем кольцо и... — Он сделал жест, словно отрывал кому-то голову.

Меня даже немного покорибил этот жест и беспечный тон. Я уже по привычке к мысли об убийстве урса, я охотно прикончил бы этого ненормального Марюса... но там же были еще мальчишки и девчонки, совершенно обычные, живые...

Этот Лешка смотрел понимающе. И я, разозлившись сам на себя, деловито спросил:

— Мы что, их будем измором брать? У них, наверное, запасы...

— Не измором, — возразил Лешка. — Стемнеет — подожжем частокол.

— Ха, — вырвалось у меня. — Спичками? У меня еще зажигалка есть...

— Работает? — слегка завистливо поинтересовался Лешка. — Нет. У нас есть смола в глиняных горшочках. Как гранаты зажигательные...

...До темноты мы шлепались под стенами. Никто не стрелял, хотя временами за частоколом виднелось движение. Я отогнал всех наших раненых — Кольку, Арниса, даже Саню с Олегом Крыгиным — подальше и отдал под свирепый контроль девчонок, которые,

дай им волю, и абсолютно здоровых уложили бы на долгий отдых. Кое-кто отправился на охоту, и еще до темноты горел костер, а на нем (точнее — под ним, в земляной печке) пеклось мясо. Наши успокоились, стянулись к огню. А я продолжал стоять за кустами, рассматривая частокол.

Меня так увлекло это занятие, что я не заметил, как подошла Танюшка. Обратил внимание только когда оказалось, что она стоит рядом.

— Я не спросил, — вырвалось у меня. Танюшка кивнула. — Тебя не тронули?

— Я даже не успела толком испугаться, — призналась она. Потом добавила: — Я испугалась, когда увидела, что ты пришел. Один, без оружия...

— Они так сказали, — пояснил я. — Я даже не думал, что буду делать. Просто пришел, а потом все само получилось.

— А если бы наши не успели? — Танюшка вздохнула, поправляя перевязь корды за плечами.

— Но ведь успели же...

— Но если бы? — настаивала Танюшка.

— Я бы погиб раньше, чем убили тебя. — Я сказал это и, смутившись, уставился на носки своих туфель. Попросил жалобно: — Тань, хватит, ну чего ты какую-то ерунду спрашиваешь...

— Не ерунда это, Олег, — слегка поучительно заметила Танюшка. И замолчала, рассматривая верхушки деревьев.

У меня не нашлось, что сказать. А Танюшка присела на полуповаленный ствол и похлопала возле себя. Я сел тоже, вытянув ноги и положив палаш поперек колен. Так мы и сидели, молчали и любовались тем, как солнце садится за прибалтийский форт. Дымок в вечернем свете стал лиловато-розовым, очень отчетливо разносились звуки.

— Дождь будет, — сказал подошедший Вадим. Он держал меч на предплечье, без ножен.

— Ты тоже против? — поднял я голову. — В смысле — против штурма?

— Ничего я не против, — флегматично ответил он. — Может, и возьмем.

— Раньше за тобой такой агрессивности не наблюдалось, — заметила Танюшка.

— Ладно, стоп, — попросил я и, встав, оперся ладонью о дерево, возле которого стоял Вадим. Понизил голос: — Раз уж ты с этим Лешкой первым повстречался, то постарайся еще одну вещь сделать. — Вадим изобразил полное внимание. — Постарайся узнать, что у него и его ребят такого против Марюса.

— Узнать? — уточнил Вадим. Хмыкнул и кивнул: — Ладно, попробую и доложу. Сейчас и начну.

Он ушел, а мы вновь остались одни. Я больше не садился. Танюшка, глядя в сторону частокола, вздохнула:

— А мы сильно изменились. Сильно-сильно... даже страшно немного.

— Не немного, а очень, — вырвалось у меня, и я на секунду почти решил, что уведу ребят из-под этих стен.

Но только на секунду. Потому что тут было нельзя прощать нанесенных обид. Никому и никогда — а они обидели Танюшку. Даже не меня...

...Вадим с Лешкой подошли через двадцать минут. Вадим остановился подальше, делая вид, что он тут посторонний. А наш неожиданный союзник подошел вплотную.

— У нас все готово, — сказал он. И вдруг добавил: — Было время — и не очень давно, — когда мы с этим Марюсом пересеклись на берегах Балтики. Прибалты напали на наших девчонок в лесу. Одну убили. А другую сперва изнасиловали. Убили потом. И не сразу... Потом я потерял двух ребят, когда пытался отомстить. Но этот Марюс все равно вывернулся... Я и не знал, — лицо Лешки ожесточилось, — что мы стоим лагерем буквально рядом с ним!

— Слушай, Леш, — осторожно начал я, — а тебе не кажется... ну, диким, что ли, все это? Мы воюем с урса и тут же — сами с собой.

— Я этого не начинал, — отрезал Лешка. — Ну что, вашим раздавать смолу?

* * *

Это было даже красиво — летящие в вечернем небе кометы, рассеивающие свистящие огненные капли. Потом эти кометы падали — некоторые за частоколом, некоторые разбивались о него, и по кольям текло янтарное пламя. Мы слышали крики. Очевидно, внутри если что и загорелось, то это быстро потушили. А вот с кольями они ничего сделать не могли. Кто-то высунулся было над острием, но в него точно вонзилась стрела, и тело повисло между зубцами. Я видел, как оперение стрелы вспыхнуло.

— Сейчас займется, — сказал Лешка. — Дуб не дуб, а все равно займется.

В частокол — на этот раз именно в частокол — точно ударились вторая — последняя — порция горшков, и еще в полудюжине мест начал расплзаться тягучий медленный огонь. Изнутри принялись стрелять из арбалетов вслепую, но неудачно — попробуйте делать это, если находитесь фактически внутри разгорающегося огненного кольца!

— У них там девчонки, — сказал Сергей, стоявший рядом со мной с обнаженным палахом. — У них там девчонки...

— У меня тоже есть девчонка, — сказал я, не думая, услышит Танюшка или нет.

Частокол занимался. Где-то в стороне ударила Колькина двустволка, кто-то закричал.

— Опять тушить попытались, — заметил Андруша Соколов.

— Скорее просто бежать, — ответил Лешка. — Ладно, сейчас разгорится — и начнем. Потихонечку... А девчонки, Сергей, — ты ведь Сергей? — они тоже будут сражаться. Ведь ваши стали бы? И наши бы стали, и все тут сражаются... Ага, это вот уже дерево горит, — удовлетворенно добавил он. — Мы вот таким манером... не помню уже когда — у урса на Украине лагерь сожгли. Ох, повеселились...

— Да почти в самом начале, года три назад, — вставил новый знакомец Сморча, крепыш, которого звали Ромкой. Подбежал австриец Клаус и сообщил, что с другой стороны частокола уже полыхает вовсю.

И вот тут меня что-то толкнуло.

— Я пойду туда, — сообщил я и двинулся за кустами, слыша, как Лешка сзади напевает:

И когда оборвутся все нити
И я лягу на мраморный стол,
Я прошу вас,
Не уроните — бум! —
Мое сердце на каменный пол...

Песня была знакомая. Тщетно стараясь вспомнить, откуда же я ее знаю, я не заметил, что следом увязалась Танюшка...

...Чертов инстинкт меня не подвел. То ли там частокол оказался послабее, то ли прибалты его обрушили сами. На горящих обломках и возле них сражались несколько пар и групп, сложно было даже понять, кто где. Возле пламени темнота казалась еще гуще, но я увидел возле самого пролома Марюса. Сжимая в одной руке меч, он другой тащил Райну.

— Стой! — крикнул я. Марюс повернулся. И увидел меня. Даже в неверном свете огня, даже на расстоянии я увидел в глазах прибалта злое отчаяние. — Стой, Марюс! — Я перескочил через горящее бревно. — Мы еще не договорили.

Марюс оттолкнул Райну. Та остановилась около горящего пролома. Я шагнул к нему, доставая дагу.

— Не трогай ее, — попросил Марюс, кивнув в сторону Райны, следившей за мной стеклянными глазами. — Тебе я нужен.

— Где-то я это уже слышал, — заметил я в ответ. — Но ты не бойся. Мне она и правда

не нужна. Можешь считать, что я играю в рыцарей, но ты прав — мне нужен *ты* .

— Я вот он. — Марюс достал длинный нож.

— Ты сам виноват в том, что происходит, — сказал я. — Можно было кончить дело миром, если бы не ваша ненависть.

— Да, я ненавижу вас, русских. — Марюс улыбнулся. — Вот за это и ненавижу — за то, что вы даже не понимаете, почему вас ненавидят.

— Понимаю, — жестко ответил я. — За то, что я не проткнул твою девчонку. Еще там, около ворот. За это действительно стоит ненавидеть. Особенно если сам поступаешь по-другому... Но я тебе сейчас еще добавлю причин для ненависти. Если победишь — можешь убираться. С ней.

— Райна, — сказал Марюс, — подожди. Сейчас мы уйдем.

* * *

Прижав тыльную сторону ладони к губам, Танюшка молча смотрела, как под наклонившимся полыхающим частоколом в багряных и черных тенях быстро и страшно перемещаются две лязгающие сталью фигуры. В левой руке Марюса — опущенной по телу — алым сверкал длинный и широкий, чуть изогнутый нож. Марюс не бил им, но этот нож был страшным — отблески пламени косо ложились на его перекошенное лицо, на искривленный рот, выплевывавший при каждом ударе: «Ыарх!.. Ыарх!.. Ыарх!..»

«Звиаг!.. Звиаг!.. Звиаг!..» — отзывалась, брызжа искрами, сталь. Левую руку Олег держал за спиной. Удары и отбивы были молниеносны. Нет, совсем не так дрался Олег на дорожке. Общей осталась лишь быстрота.

Олег стремился убить. Даже с немцем он дрался не так на том поединке. «А ведь это... из-за меня! — поняла Танюшка и, ощутив странную гордость, выругала себя: — Дура, эгоистка чертова! Он же жизнью рискует! По-настоящему!»

Отскочили. Марюс вдруг превратился в черно-алый волчок, страшно вскрикнула сталь. Танюшка закусил губу — широкий нож мелькнул у живота Олега, но из-за его спины выметнулся кулак в перчатке с зажатой шведским хватом дагой — выбитый нож полетел по воздуху и со стуком вонзился в горящие бревна. Дага перевернулась по-испански — и пропахала кровавую черту по правому боку литовца, снизу вверх. Марюс отскочил, сгибаясь, прижимая к расплоскованному боку локоть, меч его опустился.

Олег нанес страшный удар — отвесный, сверху вниз. Марюс вскрикнул — меч вылетел из его руки, выбитый попаданием выше эфеса. Палаш Олега уперся в горло Марюса — под челюсть — и поднял литовца на ноги. Олег напирал, заставляя Марюса пятиться.

— Дай мне поднять меч, — услышала девчонка голос литовца.

— Не нужен он тебе. — Олег довел Марюса до частокола — бревна пошатнулись, посыпалась горящая щепка; Олег на миг отстранился, и Марюс, пригнувшись, молнией бросился на него, ударил плечом в живот, свалил. Они вместе покатались по склону. Частокол, с натужным скрежетом выдрал из земли основание, рухнул в облаке легких искр, метнувшихся в небо. Если бы не Марюс — так подумать! — пылающая масса прихлопнула бы обоих, как мух...

Марюс был сильнее, но быстро слабел от раны. Дагу Олег потерял, однако в какой-то момент, действуя ногами, как кот в драке лапами, отшвырнул пытавшегося задавить его весом Марюса, прыгнул сверху — плашмя, как на мягкий матрас, — а в правой руке мелькнул быстро выхваченный метательный нож. И исчез — Танюшка не сразу поняла:

Олег ударил ножом с такой быстротой и силой, что рука стала невидимой. Ноги Марюса дернулись. Олег оттолкнулся рукой от земли и, тяжело встав, начал замедленными движениями растирать лицо обеими ладонями.

Он не видел того, что видела Танюшка. Как Райна, вырвав из упавшего бревна нож Марюса, вонзила его себе в грудь обеими руками. Постояла и рухнула навзничь.

Олег не обернулся.

* * *

У Лешки погиб один человек. У нас убитых не было, даже серьезно поцарапан никто не оказался. И в плен никто не попал — из прибалтов. Зря беспокоился о девчонках Сергей. Они не вышли из горящего форта.

Вот и решение проблемы, думал я, сидя на бревне, дымившемся с одного конца. Я устал так, что даже язык не ворочался. Начинало рассветать, а мне больше всего хотелось спать, спать и спать. Я смотрел, как ребята Лешки хоронят своего убитого у тех самых кустов, где мы с Танюшкой стояли перед штурмом. Трупы прибалтов бросали туда, где все еще горел хороший огонь, и я подумал, что впервые чувствую, как пахнет горящий человек. Сколько раз читал в книжках... Вот он, этот запах, сопровождающий нередко описания приключений, про которые так интересно было читать... Противный? Да нет, сладковато-удушливый, вот и все — а горло сжимает, только когда задумаешься, *что* это горит.

Ни в одной книжке не написано, какое безразличие и какая усталость наваливаются на того, кто остался жив после очередного приключения.

У подошедшей Танюшки в руке был мокрый платок. Я сперва не понял, что она хочет делать, а она, присев рядом, начала стирать с моего лица копоть. Очень аккуратно и... нежно. Да, нежно. Я немного расслабился и почти замурлыкал. Мне очень хотелось сказать Танюшке что-нибудь приятное и значительное — но, встретившись взглядом с ее глазами, я промолчал. Зачем говорить, когда и так все ясно?

Подошел Лешка. Я с неудовольствием покосился на него, потому что Танюшка встала. И встал сам.

— Ты его убил, — почти обвиняющим тоном сказал Лешка. — Ты убил Марюса.

— Та девчонка, которую изнасиловали и убили, — я оперся ладонью о дерево, — она была *твоя* девчонка?

Лешка вскинул голову, и я поразился (и испугался!) тому, как сверкнули его глаза.

Раньше я и про такое читал только в книжках.

— Ты догадливый, — нейтрально сказал он.

— Тогда ты поймешь, — не обратил я внимания на его реплику, — почему я его убил... Скажи, — продолжал я, — тебе встречались урса, которые говорят по-русски?

Лешка удивился — открыто и несдержанно. Свел брови, пожал плечами:

— Нет... Они, по-моему, вообще никаких языков не знают. А что?

— Ничего, — задумчиво покачал я головой. — Ну что, Леш, будем обустриваться на зиму?

Рассказ шестой Моравская соль

Она твердила: «Этот путь
На треть завален мертвыми костями!»
Он отвечал: «Я знаю. Ну и пусть.
Я не хожу окольными путями».

Л. Бутяков

Холод, забравшийся под одеяло, разбудил меня неласковой рукой. Сентябрьское утро — это не шуточки, не разоспишься, даже если очень устал.

Я сел, все еще кутаясь в одеяло. Первое, что мне попало на глаза, были пологие угловатые вершины, небрежно закинутые зеленым в алых и желтых узорах покрывалом леса.

Карпаты. Всю последнюю неделю они росли на горизонте над морем леса — к горам

вообще очень трудно идти, они почти не меняются, и не поймешь, когда дойдешь. Но вот вчера мы все-таки дошли. Подъем начинался буквально за местом, где мы разбили лагерь.

Дошли до нашей странной, эфемерной цели...

...Мы шли весь последний месяц. Самой тяжелой была неделя пути по болотам Полесья. И за весь этот месяц мы не встретили ни людей, ни урса — ни-ко-го. А еще — фигово питались, охота почему-то была до ужаса плохая.

В «Москве» мы обосноваться не смогли. Все случилось в тот же день, когда мы сожгли форт прибалтов. Урса появились так неожиданно, что мы просто рванули в разные стороны — я со своими в одну, Лешка со своими в другую, и больше мы не виделись. Ни о какой зимовке там и речи быть не могло, мы едва сумели оторваться.

Жаль. Отличное было место. Но, как пошутил Саня, иногородним в Москве закрепиться трудно было во все времена...

...Неподалеку с плоского камня рассеянной завесой падал в овальную выбоину водопад. Я увидел, что кое-кто поднялся раньше меня — кто-то сидел над водопадом, обхватив коленки руками и поставив на них подбородок. Я не сразу узнал Бэна, но мне очень не понравилась его поза.

Я начал обуваться. Носки от бесконечных вынужденных стирок начали разваливаться, туфли (слава ГДР!) держались непоколебимо; хорошо еще, мы тут не растем...

Я сообразил, что нацепил на себя все снаряжение, только когда уже сделал это. На верх водопада вела какая-то козлиная тропка, начинавшаяся сразу за выбоиной. Чертыхаясь про себя и желая Бэну всего самого нехорошего, я полез вверх — сработал «командирский инстинкт». Вообще-то я хотел разнести Бэна «за упадничество и отделение от коллектива». Но, поднявшись наверх, я обнаружил, что наш младший... плачет. И не скрывает это.

Я так обалдел, что остался довольно надолго стоять на краю обрыва и только через минуту сообразил подойти. И тихо спросил, даже не назвав его Бэном:

— Сань, ты че, а?

Он сердито посмотрел на меня — сердито и беспомощно, потому что я видел, как он плачет, и сделать с этим уже ничего было нельзя. На пушистых ресницах висели слезы, лицо пересекали мокрые дорожки. И с той отчаянной прямоотой, которая появляется у мальчишек (по себе знаю), когда уже дальше некуда, ответил:

— Реву, а чего?

— Да ничего, а чего ревешь-то? — уточнил я, присев рядом на корточки.

— Я... — он помедлил и закончил решительно: — Я домой хочу.

Я вздохнул. Вздохнул снова. И сказал:

— Не, Сань, домой не получится.

— Да знаю я, что не получится! — сердито отрезал он. — Я просто *хочу*, и все. Мне сегодня ночью дом снился... вот.

— Сань, — попросил я его, — ну ты держись, что ж теперь. Нам еще тут жить. Долго, наверное.

— Я еще тут посижу, ладно? — тихо сказал он.

— Конечно, — кивнул я, поднимаясь, — посиди...

...Дежуривший Игорь Северцев бесшумно встал мне навстречу из-за мшистых камней. Если он и дрых (да нет, не в его характере это было), то внешне это никак на нем не отразилось. И вообще Север изменился меньше всех нас. По крайней мере внешне.

— Доброе утро, — он махнул мне рукой. Я подумал, что уже давно не *пожимал* никому руку — какой смысл, если живешь рядом с людьми и видишь их постоянно?

— Доброе утро, — кивнул я и оперся о камень. — Ну, как дежурство?

— Перед самым рассветом, как заступил, вон там, — он указал подбородком в скалы, — кто-то ревел. Довольно страшно, если честно... Может, пещерный лев, как у Жоржа Рони-старшего?... Что со Бэном?

— Нервы, — коротко ответил я. — Ладно, сейчас будем подниматься. И сегодня начнем искать хорошую пещеру.

— Продукты надо спешно запасать, — высказался Игорь. — Зелень обязательно, а то...
— Знаем, читали про цингу, — ответил я. — Запасем, осень-то еще только начинается... И зимняя одежда нужна, шкуры... — Я вздохнул. — И до фи́га всего.
— Тут дальше много этих туманных пятен, — задумчиво вспомнил Игорь. — Интересно было бы узнать, что там, в них...
— Да не валяй дурака, — помотал головой я.
Игорь улыбнулся:
— Ты раньше был любопытней.
— Я стал осторожней, — пояснил я, — потому что отвечаю теперь не только за себя.

* * *

Завтрак получился скудным, как и все последнее время. Соль кончилась еще в Полесье, приходилось пользоваться пеплом. Дожевывая свою порцию, я пробурчал:

— Сейчас разойдемся искать жилище. Давайте, ребята, не балдеть, искать сразу то, что нужно. Пещеру, просторную, с водой, если не внутри, то рядом. Нам там жить. Зимовать.

Я, если честно, сам почти не верил в то, что говорю. В смысле, что придется тут зимовать. Нет, честное слово, мне до сих пор казалось, что вот-вот все кончится...

...Мы шли вчетвером — я, Сергей, Танюшка и Ленка Чередниченко. За прошедший месяц Сергей и Ленка начисто перестали скрывать свои отношения, временами приводя меня в тихое бешенство. Да и вообще — межполовые связи стали вырисовываться все четче. Вадим, например, с взаимностью окончательно увлекся Наташкой Крючковой, замкнутый Олег Крыгин, ко всеобщему удивлению, сошелся с Ленкой Власенковой, нашим «завхозом»... «Парочка кулаков», — подкалывал Саня, который оставался стоек и «непокобелым», по собственному выражению.

А я... Про себя я называл Танюшку «моя». И никто, собственно, в этом и не сомневался, и она вела себя так, словно это реальность... временами. Но временами я и сам не мог понять, что ей нужно от меня и от жизни, и это наводило на печальные размышления. «На Земле» отношения были проще.

Может быть, это потому, что там мы не жили бок о бок, не надо было прятать некоторые черты своего характера? Можно было всегда оставаться хорошими друг для друга... А тут — тут надо было сделать еще какой-то один последний шаг, чтобы стать *совсем* родными.

Я не знал, как этот шаг сделать...

...Ходить по горам — дело нудное и очень тяжелое, а сентябрьские дни стояли теплые, и скоро мы все четверо взмокли. Девчонки завязали узлами на животах подолы ковбоек, расстегнули ворота и закатали рукава. Сергей снял свою куртку. Именно он первым добрался до перевала между двух отрогов, где расступались сосны, и мы услышали его голос:

— Елки, море!

Сперва мне тоже показалось, что это море, — противоположного берега водной глади, раскинувшейся перед нами в конце длинного спуска, видно не было. Но потом я различил берега слева и справа и возразил:

— Озеро.

— Нет тут ни моря, ни озера, — сердито сказала Танюшка. Ее, по-моему, нервировало и задевало, что этот мир не полностью совпадал с ее познаниями в географии. — Ближайшее озеро — Балатон в Венгрии.

— Ну а тут — вот оно, — кивнула Ленка, поправляя перевязь с ландскеттой. — Озеро или морской залив. Красиво, а? Дымка такая розовая...

— Красиво, — согласилась Танюшка и положила голову мне на плечо. Я окаменел и перестал контролировать ситуацию начисто.

— А вон, смотрите. — Сергей вытянул руку немного в сторону. Там небольшой

распадок открывал вид в зеленую долину. По ней брело большущее стадо огромных туров. Животные обходили солидное темное пятно у ручья, текущего, наверное, в залив. — Тань, дай аркебузу? Завалю одного...

— Пошли вместе, — поспешно предложил я. — Там есть где спуститься?..

...— Сколько все-таки мы потеряли... — замороженно шептала Танюшка. — Смотри, Олег, смотри! — Она засмеялась, наблюдая за телятами. — Понимаешь, тут же все прямо кишит жизнью...

Я мог бы возразить, что тут людям нет жизни. Но возражать не хотелось, и я только кивал. Тем более что этот мир и правда поражал обилием живых существ.

— Вот и хорошо. — Сергей под шумок забрал у нее и зарядил аркебузу. Мы держались возле больших камней, а стадо передвигалось наискось по отношению к нам, шло к невидимому выходу из долины. — Олег, держи, ты лучше меня стреляешь.

Я оценил расстояние до буро-коричневых могучих животных. Непредставимо огромный вожак — кажется, я мог улечься у него на лбу и едва достал бы раскинутыми руками до кончиков рогов, — весивший на глаз не менее тонны, косился в нашу сторону, но не проявлял агрессии.

Я повел стволом, прицеливаясь и исключая самок с телятами (ни один охотник в них не станет стрелять, если только не умирает с голоду). Тут под лопатку не ударишь — пуля завязнет в мышцах. Надо бить в ухо, в мозг... Черепа у них, наверное, прочные, как камень...

Туго щелкнула тетива. Молодой самец удивленно мыкнул и неожиданно легко завалился на бок между шарахнувшихся от него соседей.

— Пулю, быстро, — сказал я, наблюдая, как одна из самок наклонилась к туше, обнюхивая ее. Остальные остановились, и громадный вожак посмотрел в нашу сторону. Танюшкины пальцы вложили мне в ладонь подшипник. Я зарядил его и вскинул аркебузу.

Вожак глухо и протяжно замычал — и двинулся в нашу сторону. Шагом пока.

— На камни, — процедил я. И выстрелил — снова точно, рухнул еще один самец. Я бросил вверх аркебузу и, протянув руку, оттолкнулся обеими ногами. Сергей и девчонки вздернули меня вверх.

Бык остановился, меряя взглядом откос. Глаза у него были умные, надо сказать, и он, постояв, повернул обратно, взревывая, словно подавая сигнал отхода. И действительно — стадо пошло за ним, не оглядываясь.

— Готово, — удовлетворенно отметил Сергей. Я кивнул и предложил:

— Сходи с Ленкой в лагерь. Если там кто есть — валите сюда всей компанией, будем мясо таскать. А я пока начну свежевать с одного бока и разделывать.

— Ладно, — кивнул он. — Мы недолго, пошли, Ленок.

Мы с Танюшкой проводили их взглядами. Я зарядил аркебузу, спрыгнул вниз и протянул руки, но Танюшка исполнила отличный соскок и первой пошла к темнеющим в траве тушам.

— Тань, — попросил я, помахав рукой на секунду остановившимся на перевале Сергею и Ленке, — ты мне дай свои кинжал и нож, ими разделывать удобнее.

— А я чем буду? — удивилась она.

— Не надо, я сам, — покачал я головой, — а ты просто по сторонам посматривай. Вон, с аркебузой. А то гляди... — Я кивнул на стаю диких собак, появившихся на опушке леса. Они были мельче волков, но в отличие от них держались стаями даже летом.

— Ладно, — легко согласилась Танюшка. Мне и самому не очень-то хотелось возиться с разделкой, я ее понимал.

С видом часового она присела неподалеку на выступавший из травы камень, положив аркебузу на колени. Предупредила собак:

— Животные, я собак люблю, но, если полезете, буду стрелять. Ждите, вам и так всего много останется.

Они, наверное, поверили и сели на хвосты, следя за нами умными голодными глазами.

Я разделся до пояса и, сложив одежду, пристроил сверху вынутый из кобуры наган. Танюшкин кинжал идеально подходил, чтобы рубить кости, а короткий нож — свежевать и резать. Работа по разделке (тем более — таких туш, какие мне ни разу не приходилось и видеть-то!) была очень тяжелой, грязной и дурно пахнущей, я полностью в нее погрузился, сдувая с лица волосы и каких-то мошек, налетавших непонятно откуда.

Когда я поднял голову — Танюшки на камне не было. А еще через миг я увидел ее на берегу ручья.

За серой пеленой страшного тумана.

* * *

Я хорошо видел Танюшку. Серая пелена не мешала смотреть, она только немного размывала очертания предметов. Так близко к этим местам я еще ни разу не подходил — и сейчас понял, что эти места совсем не для человека. Казалось, что я стою... Нет, никаких сравнений и ассоциаций не возникало в мозгу. Мне было просто *страшно*. И все тут.

До Танюшки было шагов десять. Она сидела у самого края, уронив голову на грудь так, что я не видел лица. Зато хорошо различал, что она ровно и спокойно дышит. Видел, как вода обтекает пальцы свесившейся в ручей узкой руки.

Да черт побери, разозлился я, что за страх?! Я бы рискнул жизнью даже ради незнакомого, попади он в беду, а тут *моя* девчонка, и нужно всего-то сделать два десятка шагов...

Я вытянул руки перед собой. Они не тряслись, нет, казалось, пальцы сами собой играют на пианино.

— Тань, я иду, — громко сказал я. И страх отпустил. Он не ушел, но превратился в обычный красный сигнал, предупреждающий об опасности, но не гипнотизирующий ею.

Я обнажил оружие и пересек черту — одним шагом...

...Странно. Туман *внутри* не был туманом — вполне прозрачный, словно его и нет вовсе. А вот то, что осталось снаружи...

Я ничего не видел. Вокруг очерченного туманом пространства была *чернота*. Какая-то смоляная, как гудрон. И еще. Все вокруг меня — кроме Танюшки — сделалось плоским, как декорации, вырезанные из фотообоев.

Вроде бы ничего страшного в этом и не было. Но у меня на затылке ощутимо встали дыбом волосы, а кожу покрыл липкий пот.

Я вцепился в плечо Танюшки, как вцепляется утопающий в брошенную ему веревку. Плечо было мягким и теплым, но безвольным.

— Тань, Тань, Танюшк! — Я откинул с ее лица волосы, приподнял голову за подбородок и окаменел. Улыбаясь слабой, но счастливой улыбкой, Танюшка смотрела куда-то сквозь меня стеклянными глазами чучела из краеведческого музея. — Таня... — упавшим голосом сказал я.

— Здесь так хорошо и спокойно, — тихим и расслабленным голосом сказала девчонка, глаза которой оставались по-прежнему стеклянными. — Хорошо, что ты пришел. Тут не бывает ни боли, ни голода, холода, крови. Тихо... спокойно... тепло... Тихо... спокойно... тепло...

— Танюшка, очнись! — взмолился я. Присел на корточки, взял ее за руку, лежавшую на колене — тяжелую, безвольную, — и поднес к губам. Не поцеловал, хотя была такая мысль. — Сейчас, Тань. Я тебя унесу.

— Не унесешь.

Это был человеческий голос. Но так мог бы говорить человек с искалеченными губами... или очень замерзший. Я обернулся...

...Мне редко снились кошмары. И точно знаю, что ни в одном из них я не видел эту тварь. Потому что если бы увидел — не проснулся бы точно. Не знаю, был ли свой облик у этого существа. Я даже не знаю, как оно выглядело. Вернее — знаю, что оно имело сотню

обликов, и эти облики воплощали все самое страшное, что я видел, думал или читал в жизни. Наверное, все это было взято из моей же головы и не являлось реальностью. По крайней мере мне так хочется думать.

Реальной была огромная пасть, общая для всех воплощений, отчего они не становились приятней, — широкая, с двумя рядами длинных, тонких и очень острых зубов.

Одних клыков, кажется.

Не знаю, что это было. Знаю только — теперь знаю! — *что* обитает за тонкой пленкой тумана.

Существо обрело устоявшуюся форму.

И это была форма огромного *паука*.

Я ощутил тошноту. Да нет, не тошноту — непередаваемые ужас, отвращение сбили меня с ног, и, попятившись, я упал возле неподвижной Танюшки на пятую точку.

Ничего на свете я не боялся так, как пауков. Это был даже не страх, а физическое отвращение. Даже читая книги, я старался не смотреть на страницы, где они были изображены, а если пауков показывали по телевизору, я просто отворачивался.

Здесь у меня начисто отсутствовали такие соблазнительные возможности. Впрочем... оставалась еще одна возможность — сбежать. Один рывок — и... Я почему-то был уверен, что тварь не станет за мной гнаться вне пределов этого плоского мира.

Но Танюшку мне не утащить. Не успею.

Зато, может быть, успею подрубить этой гадине ноги.

Я вскочил, выхватывая палаш, и паука, заперебировавший было в нашу сторону шустрими ногами, вдруг шархнул прочь длинным прыжком. Опасливо обогнул ручей. Я тоже обошел Танюшку и снова встал на его пути, почти теряя сознание от омерзения, — паук вновь отскочил. Да он же боится, вдруг дошло до меня. Неужели моего палаша?! Я дернул в сторону вновь заторопившегося в сторону паука клинком — нет, клинка он не боится... но вроде бы боится моей руки! Да ну — чушь, что мне с ним — кулаком сражаться?!

— Уходи, оставь ее. — Человеческий голос был невероятно мерзким «в устах», если так можно сказать, этой твари. — Это моя добыча, она пришла ко мне...

— А уйдет со мной. — Я продолжал держаться между пауком и спокойно сидящей Танюшкой, прикидывая, смогу ли быстро вскинуть ее на плечо и утащить.

Паук присел на задние ноги, и я, инстинктивно пригнувшись тоже, избежал двойного плевка паутины. После этого своего промаха паук замер на одном месте, чуть раскачиваясь и сверля меня взглядом *одной пары человеческих глаз*.

— Отдай ее, — сказал паук.

— Что, не можешь подойти? — Я перевел дух.

— Не могу. Но и ты не сможешь уйти, а пить и есть тебе тут нечего. Отдай и уходи.

Да, он боялся моего правого кулака. Странно... В нем — эфес палаша... В рукояти мечей вкладывали мощи святых, так, может... Нет, ерунда. У меня не полая рукоять. Но ведь боится! Серебра, что ли? Но и серебра там нет — железо, бронза, кожа, дерево...

— Кем ты был? — вдруг спросил я. Паук изучал меня внимательными глазами. — Ведь ты был человеком?

— Был, — подтвердил паук. — Давным-давно. Я не помню, сколько прошло времени. Да это и не важно. Отдай ее мне.

Вместо ответа я показал ему кулак с палашом. Паук присел — брюхом к земле.

А я увидел гравировку на навершии моего оружия. Ту самую свастику.

— Боишься свастики?! — Я сам себе не поверил. Для меня свастика, что бы там ни было, оставалась символом войны и зла, которое принесли фашисты. — Ты боишься свастики?!

Паук издал странный звук — словно бы хихикнул. Потом сказал:

— Ты русский, это видно даже без разговора... Для тебя существует только ваша собственная история... Да, я боюсь свастики, как боится ее любое зло, если она в чистых руках... Но я предлагаю тебе обмен.

— Обмен? — Я был не настолько поражен, чтобы опустить оружие, но удивился сильно. — Что у тебя есть и что есть у меня, что менять-то?

— Смотри, — сказал паук и человеческим жестом провел по воздуху, словно по стеклу, одной из лап.

Вы видели, как стекают по окну капли дождя? А теперь представьте, что вот так же стекает целый ручей и стекло следом за ним мгновенно высыхает, а изображение там, за стеклом, — уже совсем другое... да и стекла-то — *нет*.

Передо мной был прямоугольник — метр на два, похожий на обычный дверной проем, в котором сняли с петель дверь. А за этим проемом...

— Это обман, — сказал я, созерцая спокойную воду Пурсовки почти у моих ног, слушая шум машин на мосту над головой. Окурки на грязноватом песчаном берегу...

Проем выводил под мост недалеко от почты. Частое место наших игр. До меня донеслись голоса людей и смех.

— Нет. — Голос паука был странно грустным. — Это правда.

Преодолев себя, я шагнул от проема обратно к Танюшке и покачал головой:

— *Там* — уже не мой мир.

— Подумай, — заметил паук, — он достаточно велик, чтобы вместить двух Олегов.

— А в этом не останется ни одного? — Я овладел собой и усмехнулся. — Нет уж. У меня тут дела и друзья.

— Сейчас, — вдруг зло — с *человеческой* злостью! — сказал паук. — Но не будет ни дел, ни друзей, если ты не отдашь девчонку, дурак!

— Чтобы ты ее сожрал? — Я показал элементарную фигу.

— Я не собираюсь есть ее... — казалось, эта мысль его насмешила и одновременно заставила задуматься.

А я против воли — просто из любопытства! — спросил:

— А такие... двери, они есть только тут?

— Они прячутся во всех туманах, — ответил паук. — И в них довольно легко войти. Надо только привести в туман и отдать Охраннику своего лучшего друга.

— Так вот как ты тут оказался! — осенило меня. Паук дернулся, словно я ударил его; потом прошипел уже без человеческих интонаций:

— Да-а-а...

Воздух в «двери» дернулся, и я увидел... нет, уже не берег реки, знакомый мне с детства. Это самое место, где я стоял, — берег ручья. Только, похоже, была зима. Возле ледяной кромки лежал ничком светловолосый мальчишка в раскинутом полушубке — я видел рукоять какого-то оружия, родинку на виске и угол приоткрытого рта. К нему, проваливаясь в снег по колено, бежал мальчишка помладше меня, тоже светловолосый, на бегу придерживавший на бедре меч.

— Федька! Федька! — Он ухнул в снег по бедра, рывком добрался до лежащего товарища, нагнулся над ним. — Федь, кто тебя?!

— Во-ды-ы... — простонал лежащий. — Пи-ить...

— Сейчас, сейчас! — Мальчишка дернулся к ручью, ладонью сломал ледяную кромку... и упал бы в воду, не подхвати его мгновенно вскочивший Федька.

— Прости, — тихо сказал он, и меня поразило его лицо — смесь радости и жуткой, виноватой тоски...

...— Это был ты? — спросил я.

Паук ответил сразу же:

— Я. И мой друг Федька. Мы были тут вместе три года и несколько раз спасали друг друга. Я бы отдал за него жизнь. И отдал... от меня немного осталось.

— Он оставил тебя Охраннику? — догадался я. — И вернулся... домой? Давно это было?

— Все так. А давно ли, я не знаю.

— Значит... — Я огляделся. — Ты тут не один? Где другой Охранник?

— Я тут один, — возразил паук. — В том-то и дело, что Охранник, нашедший себе замену, умирает.

— Умирает? — переспросил я. — И ты...

— И я, — подтвердил паук. — Я только об этом и мечтаю. Уже давно.

Я молчал. Что тут было сказать или спросить? Молчал и паук, которого когда-то звали Федькой.

— Мне тебя жалко, — вырвалось у меня. — Правда жалко. Но Танюшку ты не получишь. — Я наклонился и вынул руку Танюшки из ручья. По ее телу словно бы проскочила электрическая искра, и я увидел, что она просто спит.

— Догадался, — сказал паук. — Но смотри. Ты, наверное, думаешь, что хорошо знаешь своих друзей. Я тоже так думал — а теперь я здесь. Тебя может ждать та же судьба.

— Мои друзья меня не предадут, — твердо сказал я. — Как я не предам их. Тебе просто не повезло.

— Время идет, — загадочно заметил паук. — Идет, приносит и уносит. И не все плохо, что оно уносит. А принесенное — не всегда хорошо.

— Тебе просто не повезло, — повторил я и коснулся плеча девчонки: — Тань, просыпайся. Я пришел за тобой.

Были тайны тогда неоткрытыми,
Мир земной был широк, неисхожен.
Мастерили фрегат из корыта мы
С парусами из ветхой рогожи.

Мы строга́ли из дерева кортики,
Гнули луки тугие из веток,
Капитаны в ковбойках и шортиках,
Открыватели белого света.

Белый свет был суров и опасен.
Он грозил нам различными бедами.
Караулил нас двоечник Вася
И лупил — а за что, мы не ведали.

Мир являл свой неласковый норов,
И едва выходили за двери мы —
Жгла крапива у старых заборов,
Жгли предательством те, кому верили...

Мы, бывало, сдавались и плакали.
Иногда спотыкались и падали.
Но потом, сплюнув кровь, поднимались мы,
Ощетинясь сосновыми шпагами.

Жизнь была нам порою как мачеха
И немало нам крови испортила.
И тогда вспоминал я, как мальчиком
Помнил честь деревянного кортика.

А когда было вовсе несладко
И казалось, что выхода нет,
Будто в детстве, спасал меня Славка
Десяти с половиною лет.

...Вот он мчится, как рыцарь из сказки,
В тополиной июньской пурге.
И как рыцарский орден Подвязки —
Пыльный бинт на побитой ноге.

В. Крапивин

— Что там тебе понадобилось, ненормальная?!?!?!
— Не смей меня трясти!!!

Я опустил руки, тяжело дыша. Танюшка прожигала меня взглядом, похожим на двойной залп лазерных пушек из фантастической книжки. Глаза у нее сделались густозелеными и свирепыми. В таком состоянии она однажды отметелила Сморча, вздумавшего над ней подшучивать и переборщившего ненароком. Я перевел дух и сказал:

— Тань, я за тебя очень испугался.

— Ну... — Она смутилась. — Ничего не случилось. Да там не особо и страшно. Уснула я нехстати почему-то...

— Тань, — я посмотрел ей в глаза, где остывала злость, — я тебе сейчас все расскажу, а ты думай — вру я тебе или как...

...Дослушивала меня девчонка, прикрыв рот ладонью и не мигая. Потом она оглянулась на туманное пятно и, передернув плечами, выдохнула:

— Ой...

Она поверила. Я же ей никогда не врал. А я — я продолжал, только теперь уже глядя в сторону, и частичкой себя ужасаясь тому, как легко соскальзывают с моих губ слова приговора:

— Тань, если... ты очень хочешь домой?... То...

— Не смей, — пропадающим голосом шепнула она. — Ты что, Олег, ты не смей!.. Я не хочу... без... — Она укусила губу и толкнула меня в грудь: — Не смей, слышишь?!

— Да я же все равно ничего не могу без твоего согласия! — От облегчения у меня загудело в ушах. Но в то же время я осознавал, что, согласись она, я *сам* пошел бы *туда* с ней. *Сам* опустил бы руку в воду... И осознавать эту готовность было жутко и... приятно.

— Давай никому не говорить, — предложила Танюшка, и я, оглянувшись, увидел, как через перевал спускаются полдюжины наших. Сергей шагал впереди, махая нам рукой; потом, обернувшись, что-то сказал остальным, они ускорили шаг.

— Давай. — Я взглянул на Танюшку. — Ты думаешь?..

— Ничего я не думаю, — отрезала она.

— Сегодня мы понимаем друг друга с полуслова, — заметил я. И выпалил: — Тань, а можно я тебя поцелую?

На секунду ее лицо застыло. Потом она улыбнулась и, внезапно щелкнув меня в нос, объявила:

— Нет, — и добавила непонятно: — Думай, Олег, прежде чем спрашивать.

* * *

«Пещеру с ручьем» отыскал Вадим, а осматривать ее мы отправились втроем — Сергей, Вадим и я...

— Да, хорошая пещера. — Вадим зачем-то нагнулся, вглядываясь в провал. — Помоему, большая. Я внутрь-то не заходил.

— Не воняет. — Сергей потянул воздух раздувшимися ноздрями. — Никого нет. Зверя, я имею в виду... Вон и ручеек, и тропинка узкая...

— Поглядим внутри? — предложил Вадим, отламывая ветку сухого кустарника, нависшего над тропкой. — Во-от... черт, а это что?

— Что? — почему-то насторожился я. Вадим комкал в пальцах что-то, похожее на

кусок валенка. Сломанную палку он выпустил, она упала на землю, а Вадим поднял резко покрасневшее лицо.

— Это шерсть. — Он протягивал комок мне и Сергею.

Это в самом деле были спутанные черные волосы — очень длинные и толстые, похожие на шпагат.

— Пещерный медведь, — сказал Сергей раньше, чем я вспомнил название зверя. Вадим отбросил комок, словно обжегся.

— Вот тебе и необитаемая пещера, — выдохнул он. — Наверное, эта тварь недавно тут живет, вот и не провоняло...

— Уходим, быстро, — скомандовал я, кладя руку на эфес палаша. Мне вспомнились описания этого зверя в книжках, и по спине побежали колючие мурашки. Но Сергей, первым двинувшийся к тропинке, уже пятился нам навстречу.

— Поздно, — выдохнул он, вытягивая свой палаш из ножен.

Огромная черная туша появилась у начала подъема. Зверь был гигантом. Он не бежал, а шел, чуть косолапя, шкура со сбившимся внизу в сосульки волосом гладко ходила на мощных мускулах. Голова медведя по отношению к туловищу была меньше, чем у бурого сородича, но все равно — разинув пасть, он легко мог раздавить череп любому из нас, как щипцами давят грецкий орех.

Скорее всего, медведь еще нас не видел — у этих зверей вообще не очень хорошее зрение. Но чуял он нас точно — лобастая башка была опущена к тропинке, и я с леденящим ужасом услышал ровный, мощный звук дыхания, смешанный с хрипловатым пофыркиванием.

— Вверх, — сипло сказал Вадим. Я оглянулся на отвесный откос:

— Не влезем, он нас снимет, как яблоки с ветки... Лучше внутрь, в пещеру...

— Спятил. — Сергей встал рядом с нами. — В темноте он нас подавит, как мышей, — он повернул бледное лицо со ставшими огромными серыми решительными глазами: — Надо драться.

Медведь поднял голову. Глаз почти не было видно за прядями шерсти, но я ощутил, как хищный, странно-холодный взгляд уперся в меня, будто тупой нож.

Зверь задрал голову выше и, обнажив длинные желтые клыки, хрипло заревел. Мне показалось, что нас толкнуло звуковой волной.

Вадим, не отрывая взгляда от медведя, доставал из ножен бастард. Во мне что-то оборвалось — и я вытащил палаш.

Медведь неспешно встал в рост, на задние лапы, покачиваясь и растопырив передние. «Ух... хух... ух... хух... ух... хух...» — слышалось мощно-размеренное пыхтение. Со все еще оскаленных клыков прозрачными струйками цедилась слюна. Короче, следовало бежать куда угодно, лишь бы подальше...

— Стреляй, — сказал мне Сергей.

— Дурак, — ответил я чужим голосом, — наган ему и шкуру-то...

Медведь стремительно бросился вперед — выставив лапы и как бы падая, чтобы подмять нас. Егохватило бы на всех троих... Сергей отскочил назад, мы с Вадимом — вправо-влево. Я увидел черный бок и, прижатый к откосу, размахнулся и рубанул. Где-то вроде бы очень далеко снова заревел медведь, палаш вырвало из моей руки, подвывихивая кисть. Я перекатился по широченной спине и упал наземь — удачно, на левую руку, правой выхватывая дагу. Справа от меня был открытый проход на тропинку, но я отметил это как-то мельком, потому что коротко вскрикнул Вадим, и я увидел возле головы медведя молниеносный выскерк стали. Заорав что-то неясное самому, я обеими руками занес над головой дагу и вогнал лезвие в толстый бок до упора. Меня мотнуло, как бумажную фитюльку, но я не выпустил дагу и, перелетев через медведя, грохнулся у входа в пещеру уже не так удачно, дух захватило, и я беспомощно смотрел на оскаленную пасть, нависшую надо мной. Но рядом оказался Вадим. Он был в крови и, рыча не хуже медведя, начал рубить морду зверя тесаком. Медведь махнул лапой — Вадим отлетел, как пушинка, лапа снова

взметнулась, и я вогнал под нее, в складку кожи, дагу, заорав:

— Стой, ссссука! — А Сергей, появившийся где-то сзади, как из-под земли, замолотил палашом — он по-прежнему держал его в руках — по крестцу зверя.

Я распорол медведю лапу — и оказался у откоса. Голова гудела, куртка и майка у меня на груди были располосованы, рванье быстро заливала яркая кровь.

Я видел, как Вадим выкатился из-под самой пасти медведя и, схватив его за ухо, полоснул тесаком по шее сбоку — брызнула кровь. Медведь взревел — грозно и удивленно, отбросил Вадима куда-то в темноту пещеры, развернулся к Сергею, который, выставив перед собой палаш, вжался в откос.

— Сссстой! — прохрипел я и, прыгнув на медведя сверху, несколько раз успел ударить его в район позвоночника — лезвие соскальзывало. Медведь завалился на бок — я еле успел откатиться. Сергей, метнувшийся в сторону, вонзил свой палаш в брюхо зверя и молча рухнул — удар лапы пришелся ему в бедро. Медведь вскочил и заревел — *жалобно*, он сам вогнал торчащий палаш еще глубже. Я, поднявшись на колено, раскроил медведю нос сбоку, и он не успел повернуться ко мне — вновь возникший «на сцене» Вадим, подобравший свой меч, всадил его в бок зверя, навалившись на рукоять всей тяжестью тела. Через секунду после этого я загнал свою дагу медведю точно под левую лопатку. Вырвать не успел: зверюга метнула меня головой прямо на пытавшегося подняться Сергея. Тот заорал, мы перепутались всем, чем только можно, но медведь не спешил атаковать. Он повернулся в нашу сторону, оскалился — но его качало, а по языку бежала темная кровь. Горло медведя задрожало, но его рык был больше похож на хрип, в котором пробивалось бульканье. Я нашарил наконец свой собственный палаш и поднялся на колено. Медведь, все еще рыча, двинулся к нам. Я ударил палашом, как копьем, в оскаленную открытую пасть. Лезвие скрежетнуло по гортани, медведь, сев на задние лапы, жалобно замычал, передними хватая эфес оружия. Кровь несколькими струйками брызгала в стороны.

Сергей — с дагой в руке — оказался с другой стороны зверя. Я увидел, как мотнулся его белообрый чуб, услышал короткое «хых!».. Медведь заурчал устало и тяжело завалился на бок...

...Мы смотрели друг на друга через мохнатую тушу. Не знаю, как у меня, а у Сергея и Вадима глаза были бешеные, нездешние. У Вадима вся правая сторона лица была в крови, волосы свисали лохмотьями, в них что-то чернело, и стоял он боком, перекосившись. По левой ноге у Сергея текла кровь, он локтем прижимал правый бок.

— Девчонки нас убьют, — сказал он и засмеялся.

Мы подошли к голове медведя и обнялись. Левая рука у меня болела, но почти неощутимо на фоне горячей огнем груди — там боль казалась почти нестерпимой, но тем не менее странное ликование пересиливало и ее. Я почувствовал, как улыбаюсь, — и это была не вымученная улыбка.

Сергей, сняв руку с моих плеч, коснулся ладонью своего бедра, а потом положил окровавленные пальцы мне на грудь. Я вздрогнул, но, не спуская с него глаз, мазнул себя по груди и положил руку на глубокую рану в левом плече Сергея; рука Вадима коснулась моей груди и бедра Сергея, а мы поочередно дотронулись до его лица...

— Мы теперь братья, — серьезно сказал Сергей.

— Смотрите, как бы сожителями не назвали, — заметил Вадим. — Помогите сесть, братцы, а то что-то голове неудобно... на плечах.

Я подумал, что сесть — и правда неплохая идея.

* * *

— Ну шей, что ли, — сказал я и, повернув голову, уставился в пламя костра.

У Вадима была рассечена голова — в трех местах справа под волосами, — треснуты два ребра и сильно ушиблены спина и — пардон — копчик, из-за чего он не мог лежать на спине. У Сергея медведь разорвал в двух местах левое бедро, рванул левое плечо; кроме

того, у него тоже оказалось сломано ребро справа и треснула левая ключица. У меня через всю грудь тянулись две параллельные — до ребер! — раны, было вывихнуто левое запястье и сломана ниже локтя лучевая кость.

Медведя как раз сейчас свежевали, с трудом переворачивая, и Ленка Власенкова сказала, что шкуры вполне хватит на три зимние куртки с капюшонами. Пещера оказалась вместительной, хотя и не очень высокой — чуть больше роста взрослого мужчины, — а в ее глубине находились еще два коридора, уводившие куда-то дальше. Их еще никто толком не исследовал, только глянули, нет ли там зверья.

Но костер на полу уже горел. Левую руку мне успели заключить в глиняный лубок, и теперь Олька раскладывала на остатках моей футболки аккуратно согнутую иглу, прокипяченную вместе с нитками. Смотреть на это не хотелось. У меня звенело в ушах.

— Олежка, — ласково сказала Ольга, — будет больно. Я это не очень хорошо умею... Может быть, пусть мальчики тебя поддержат?

— Не надо, — поморщился я. — Шей давай.

— Я поддержу за руку, — вызвалась Танюшка. — Просто поддержу, — и опустилась рядом на папоротник. — Хочешь?

Это был нечестный вопрос. Я промолчал, и ее тонкие, сильные пальцы охватили мою ладонь. Тогда я поднял глаза и поймал ее взгляд...

...Было, наверное, очень больно. Но, когда я невольно вздрогнул и стиснул зубы, в Танюшкиных глазах тоже появилась боль, и я заставил себя улыбнуться, сказав ровным голосом:

— Да все нормально.

Боль и правда — после нескольких обжигающих вспышек, почти непереносимых — сделалась не то что слабее, но какой-то отстраненной. Мне стало смешно — вот Средневековье! Меня шили швейными нитками, промыв раны вересковым настоем, — обхохотаться... Потом я, кажется, отключился и выплыл из обморока от того, что Танюшка капала мне на щеку слезами. По ребрам в обе стороны текла кровь, кто-то убирал ее чем-то мягким и влажным.

— Еще два стежка, — сказала Ольга. — Сергей, ты готов?

— Готов, готов, — отозвался мой друг и... *брат*. — Слушай, трусы тоже снимать, что ли? Ленка меня убьет.

— Ленка! Чередниченко, Ленка! — обрадованно заорал кто-то (я не понял — кто). — Олька с твоего Сергея трусы снимает!

— Дураки, — улыбаясь дрожащими губами, сказала Танюшка. — Правда, Олег?

— Правда, — кивнул я. — Не плачь, Тань, мне не больно.

— Я не плачу, это дым в глаза лезет, — сердито сказала Танюшка.

— Все, — объявила Олька. — Сейчас еще ивовым порошком присыплю.

— Знахарка, — сказал я и не выдержал — застонал. Боль перестала быть огненной, превратилась в дергающую, словно раны жили собственной жизнью.

— Попей настоя на листьях, литр, не меньше, — серьезно сказала Олька, вытирая иглу и бросая ее в кипящий котелок. — И ложись спать. Спи и спи...

Кажется, Олька варварски нашаршила в «настой на листьях» макового отвара. А может быть, я просто так замучился, что уснул раньше, чем Танюшка укрыла меня одеялами. Последнее, что я услышал, были слова Ольги:

— Ты не бойся, Тань, у него быстро срастется. Тут вообще все быстро заживает...

И еще я успел подумать две вещи:

а) тут и правда все заживает в разы быстрее, чем на Земле;

б) у меня сегодня день рождения, но мне по-прежнему четырнадцать.

* * *

Леса на склонах Карпат оделись в чеканные медь и золото, и только кое-где еще

лежали изумрудные россыпи самой стойкой листвы. Утренники были холодными, но заморозки не наступали, в воздухе серебристо тянулась паутинка, и дни стояли теплые, как дружеское рукопожатие. Вода в ручье по утрам отливала холодной синевой и лучше любых примет возвещала, что осень пришла на самом деле, надолго, а следом за осенью придет зима. Но у нас не было свободного времени, чтобы задумываться над этим...

...Группа инструкторов выделилась как-то сама собой, безо всяких голосований и обсуждений. Андрюшка Альхимович продолжил, естественно, нас тренировать в том, что на нашей Земле называлось «туризм», а тут превратилось в вопрос выживания. Сергей, Вадим и Арнис занялись с остальными боксом. Игорек Басаргин и Олег Фирсов учили метать ножи и топоры. Колька в меру своих знаний тренировал остальных по самбо. Ну и мне досталось, конечно, фехтование...

...— Любимые удары у *них* — рубящие. — Я ходил перед сидящими на траве друзьями, держа в опущенной руке палаш. — Это мы все уже заметили; рубящие — в голову и в шею... Север, иди сюда, вспомним пятую защиту с ответной атакой. Смотрите все!..

...Парные поединки требовали моего контроля, и я расхаживал между фехтующими, стараясь поправлять ошибки и показывать, «как надо». В классическом фехтовании на рапирах нет рубящих ударов, мне и самому приходилось многому учиться «по ходу». И странно было ощущать, что я сейчас несу ответственность за то, как будут тренироваться мои друзья, а значит... значит — останутся ли они живы.

Действительно, странное ощущение. Остро-волнующее.

— Бэн, дубина, — локоть не отставляй! — крикнул я, становясь с ним в пару — Олег Фирсов, ухмыляясь, сделал шаг в сторону. — Смотри: раз, два — оп! И ты без руки. Понял? — Бэн кивнул, и я указал Олегу на его место: — Давай, Фирс...

— Олег! — окликнула меня от пещеры Ленка Власенкова — сегодня она выхлопотала для всех девчонок «выходной», но вместо отдыха они суетились в нашем жилище и вокруг него. — Иди сюда!

— Ма-атриарха-ат, — дурашливо пропел Саня, отбивая своей валлонкой удары сморчевой ландскетты, — давно пора вернуть назад!

Я показал ему «рога дьявола» и, убрав палаш в ножны, махнул Ленке: иду, мол. Она решительно уцепила меня за рукав и втащила в пещеру. Половина девчонок в бешеном темпе полосовала тут шкуры и кожу — казалось, я попал в закройный цех нашей кирсановской фабрики «Победа». Танюшка была среди них — она ловко действовала своим коротким ножом и, улыбнувшись, показала мне нечто, отдаленно напоминающее меховые обмотки. Я так понял, что в будущем это превратится в зимние сапоги. Прежде чем Ленка уволокла меня в проход, Танюшка успела показать пальцем: «Это — тебе!»

Ленка как-то подцепила по дороге факел и сейчас уверенно всадила его в расщелину, которой я и не заметил. Потом широким жестом обвела окружающее.

— Ну? — нетерпеливо спросил я. Из рта у меня вылетел еще клуб пара.

— Мало соли, — сообщила Ленка. — Копченого мяса у нас уже достаточно, и рыбы, но соль почти всю потратили, а мы хотели сделать солонину... Еще: вот тут топленый жир. Пусть мальчишки принесут еще лозы на корзины, а то мы его уже на камень просто кладем... Дальше: у нас мало растительной пищи. Рисуем заработать цингу.

— Лен, — я вздохнул, — ну тут-то я что могу сделать? Начнется осень по-настоящему, пойдут грибы там... ягоды, все прочее. Только опять сморчками нас не отравите.

— К прошлому возврата нет, — улыбнулась Ленка. — Да, еще нужно больше шкур. Мы же экспериментируем, много в отходы идет. И иголки из кости нужны; лучше всего получаются из оленьих лопаток...

— Напиши реестр на глиняной табличке, — почти серьезно предложил я, — и дадим заказ... Соль, иголки, шкуры, лоза — что там еще нужно?

— Да все, — вздохнула Ленка. — Лишним ничего не будет... Дров нужно еще пять раз по столько. Я, — призналась мне мой «завхоз», — если честно, не знаю, как мы зимовать будем. Боюсь я чего-то. — Она подняла руку и коснулась густо висящих под сводом пещеры

пучков сушеного вереска, бадана и каких-то лекарственных трав.

— Странно было бы по-другому, — тихо ответил я. — Перезимуем, ничего. Запасемся и пересидим... Ты посмотри там, что еще нужно, и сразу скажи.

— Мы еще хотели попробовать ягодный леваш сделать, — оживилась Ленка. — Валюшка рецепт от бабки знает. Только ягоды много нужно. Хорошо, что тут полно всего, — прямо удивительно, все живое так и кишит! Даже не верится...

...Снаружи уже занялись боксом. Арнис спарринговался с Вадимом, показывая бой в клинче. Я пошел ко всем, снимая снаряжение и раздеваясь до пояса — мне пришлось превратиться в ученика.

— Хватит, — Арнис оборвал спарринг и скомандовал: — Становись!

Мы послушно выстроились в линию и приняли боксерскую стойку для «боя с тенью». Но, как и все последнее время, Арнис для меня закончил тренировку раньше остальных, заметив, что мне надо беречь руку. Я лично считал, что перелом у меня давно зажил полностью, но не спорил, как не спорил со мной Арнис, когда я поправлял его на фехтовании.

Последние две недели мы сутились по хозяйству с бешенством и энергией спятивших землероек. До меня дошло, что мы опоздали с началом заготовок на полтора месяца (шагали!), а значит, все нужно было наверстывать. Больше всего меня беспокоила мысль, что могут появиться урса, — если придется уходить, то это смерть, не иначе...

То, что мы имеем, сковывает нас, как кандалы. И это касается даже приятных вещей. Чем она — вещь — дороже тебе, тем тяжелее ее груз, тем больше страх ее потерять...

Майка моя погибла от лап медведя, и я уже довольно долго носил сделанную Танюшкой рубашку-куртку из оленьей кожи, с капюшоном и костяными пуговицами (спортивную куртку я отложил на будущее). Кожаными были и новые носки — точнее, скорей чулки с завязками. Девчонки замачивали шкуры в настое дуба, и получалось неплохо, хотя первое время одежда казалась странной, а вид товарищей вызывал смех. Кстати, оказалось, что у нас в сумме довольно много теоретических и практических знаний для вот такой жизни, а если чего не знали и не умели, то осваивали путем проб и ошибок. Главное — не опускать рук... Хотя временами (хоть и мысленно) — опускались, честно признаю. И руки, и ноги от хождений по лесу и горам, от охоты, рыбалки, чертова собирательства — наломаешься, а Ленка Власенкова преспокойно объявляет: «Мало». Олег Фирсов как-то на полном серьезе заявил, что она не умеет распорядиться тем, что мы приносим. Ленка заплакала. Олег Крыгин набил моему второму тезке физиономию раньше, чем их растащили. Но в целом мы жили без особых скандалов — я про себя временами удивлялся, в наших «земных» походах мы ссорились больше, а тут вели себя даже с некоторой церемонной предусмотрительностью. Может быть, потому что все ясно понимали — мы *зависим* друг от друга. Без шуток.

Я вернулся в пещеру с деловитым видом — «зашел на минутку, сейчас ухожу». В главном помещении — в центре — сложили из камней очаг. Слева и справа у стен шли деревянные настилы «для девочек» и «для мальчиков», на которых постепенно росли груды шкур; в головах оставлено место для одежды и оружия. Над очагом растопырилась самодельная четырехногая конструкция «полевой кухни» — с крючьями, вертелами, каменными сковородками и прочим. Один проход уводил все в тот же ледник с продуктами. Другой — в сортир, где обнаружена была очень удобная трещина. Там, конечно, было холодно, но все лучше, чем бегать по сугробам, отгоняя волков. Вход в сортир плотно закрывала обтянутая шкурой плетенка. Такую же собирались сделать для главного входа, но пока обходились все теми же шкурами.

Тренировка, судя по всему, закончилась. Во всяком случае, я оказался тут не первым парнем. Игорь Басаргин, задавшийся целью сделать себе то, что обтекаемо называл «музыкальный инструмент», возился с деревянной заготовкой корпуса. Сморг сшивал толстые полосы дубленой кожи — он мастерил себе этакий жилет, вроде ламеллярного доспеха, какие видел у ребят Лешки. Игорек Мордвинцев вырезал из кости крючки — лицо у

нашего рыбака было мечтательным.

«Племя, — печально и весело в одно и то же время подумал я. — Честное слово — племя!» И представил себя со стороны — четырнадцатилетний мальчишка с коричневым от загара лицом, длиннющие волосы надо лбом перехвачены полоской кожи, грубо сшитую куртку перечеркивают ремни стального оружия, синие спортивные брюки, очень потрепанные — и серые от въевшихся пыли и грязи белые туфли.

Сзади неслышно подошел Вадим, положил мне руку на плечо. Предложил серьезно:

— Давай я возьму пару человек и сходим за солью? Мы же почти в Чехословакии, а тут есть где-то соляные месторождения... Без соли мы мясом не запасемся.

— Сам пойду, — ответил я. — С этой рукой вообще тут засиделся.

— Я лично до сих пор на животе сплю, — поделился проблемой Вадим. Шрамы справа на голове у него прикрывались волосами, но часть их все равно была видна. — Идею у меня отбираешь, да?

— Да ладно тебе, — подмигнул я ему. — Князь я или не князь?

— Князь, князь, — согласился он. — Князь и должен быть впереди. На лихом коне. Только верхом ты ездить не умеешь... Слушай, давай я схожу. Очень хочется. Сашку возьму, Олега Крыгина, Соколова Андрюшку. Мордву еще. И хватит. Через недельку вернемся. Честное слово, очень хочется. Устал на месте...

— погоди, — у меня забрезжила смутная мысль, — постой, Вадим... Вечером поговорим. Вечером.

* * *

Вообще-то можно было жечь костер и снаружи. На площадке перед входом, огражденной скалами, заметно не было. Но мы, наверное, успели здорово соскучиться по дому, по месту, где можно просто отдохнуть под крышей, отгородившись от ночи дверью, поэтому мы жгли костер и собирались только внутри.

Кстати, тропинку Андрюшка Альхимович перекрыл ловушкой, которую настораживал только на ночь. На задевшего веревку (а не задеть ее было просто невозможно) неотвратимо, страшно и точно падал заточенный кол. Шуму при этом было полно.

Смешно, но все происходящее сильно напоминало... разные там пионерско-комсомольские собрания. Честное слово, сильно. «Пункт первый — заслушали отчет завхоза Е. Власенковой... Пункт второй — заслушали отчет санинструктора О. Жаворонковой...» И далее — по пунктам. Описать можно. Наконец слово взял я.

— Тут Вадим предложил экспедицию за солью. — Я позволил себе почесать грудь, икнул и сделал вид, что вытер ладонь (я только что доел кусок жареной рыбы) о штаны. Кто-то зафыркал. Еще кто-то несколько раз жизнеутверждающе ухнул и побарабанил ладонями по камню. — Ладно, ладно, мы цивилизованные славяне, а не питекантропы... Так вот, думаю, пусть идет. Но заодно мне хотелось бы предложить вот что, — я расстелил на колене карту Йенса. — Тут обозначена одна крупная стоянка, живут чехи. Есть ли тут в округе еще кто — мы не знаем, а желательно знать. Так вот.

— Я! — Андрюшка Альхимович вскинул обе руки. — Я пойду!

— Здесь читают мои мысли, — вздохнул я. — Я именно это и хотел предложить.

— Возьму пару человек и пойду, — воодушевленно объявил он. — Это ты хорошо придумал, Олег.

— Хорошо-то хорошо, а лагерь останется почти без защиты, — возразил Колька Самодуров.

— Это, конечно, проблема, — согласился я. — Но соль нам нужна. И нужно знать, какие тут соседи, сколько их и чем они заняты. Поэтому я своей княжеской волей назначаю выход отрядов на завтра. Вадим, кого возьмешь с собой?..

— Как говорил, — он лениво поигрывал складным ножом. — Санек, Олег Крыгин, Андрюшка Соколов, Мордвинцев Игорек. Если они согласны... Еще девчонок попрошу в

качестве рабсилы, надо же кому-то соль нести.

Возмущенный вой «слабого пола», к счастью, не вызвал обвала. Тем более что Вадим пошутил. Санек с серьезным лицом развил его мысль:

— А что, у многих народов женщины играют роль носильщиков...

— А парни — козлов, — высказалась его собственная сестра. — И не роль играют, а правда козлы.

Разговор грозил соскользнуть в сторону трепки. Кто-то уже начал выдвигать свою кандидатуру в помощь Вадиму, но я пресек шум резким хлопком в ладоши и в установившейся тишине обратился к Андрею Альхимовичу:

— А ты кого возьмешь?

— Арниса. — Он кивнул литовцу. — Пойдешь? — Тот наклонил голову, а потом ободряюще посмотрел на Ленку Рудь. — И Кольку.

— Пусть ружье оставит, — заметила Ленка Власенкова, — нам охотиться надо. И одеял пусть побольше возьмут. Мы бы спальники дали, но на всех пока не готовы.

— Сроку даю неделю, — возобновил я раздачу ценных указаний. — То есть дальше трех дней пешего хода не забирайтесь. И очень постарайтесь, чтобы никто вас не видел. *Очень* постарайтесь.

* * *

Я провожал группу Вадима дольше девчонок, пройдя километра три, не меньше. С собой у меня, кроме своего оружия, была аркебуза Танюшки — я собирался сразу отправиться на охоту.

Мы шли молча, только время от времени низачем пинали осенние листья. Остальные ребята шли сзади, переговаривались. Все несли кожаные мешки для соли (притащить должны были килограммов двадцать пять) и с припасами, скатки из одеял и оружие.

— Ладно, — сказал я, когда мы спустились к берегу озера, — я пойду. Счастливого пути! — Я переждал разноголосые отклики, улыбаясь. А потом добавил для Вадима, задержавшегося возле меня: — И все-таки тут все не просто так, Вадим. Будь поосторожнее.

— Пройдем, как тени, — улыбнулся он в ответ, пожимая мне руку. — Через неделю жди!

И побежал, догоняя своих, идущих по галечному берегу.

Я не стал задерживаться. И оглядываться тоже не стал...

...Около полудня после трехчасовой засидки мне удалось подстрелить самца косули. Было это километрах в пятнадцати от «дома», и я уже мрачно предвкушал удовольствие тащить тушу — даже обезглавленная, без копыт и выпотрошенная, она весила килограммов тридцать. Три месяца назад я бы не поднял такое на плечи, а если бы кто-то взвалил — переломился бы. Сейчас вполне мог унести, но мысль о пятнадцатикилометровом походе с таким грузом не воодушевляла. Тем более что тушка продолжала вяло кровоточить, и дело не в том, что я боялся испачкаться. Тут не лесопарк, и на кровавую тропинку может встать любая зараза. В окрестностях имелся по крайней мере один пещерный лев — мы его слышали, и этого было достаточно, еще и *видеть* его никому не хотелось.

Во мне — странная штука жизнь! — наверное, сохранились отголоски жизни предков. Кто-то из них стопроцентно был охотником. А может, и не один. Я замечал за собой, что даже с грузом хожу быстро и бесшумно — не как Андрюшка Альхимович, конечно, но все равно. Правда, вспотел я сразу, и кровь подтекала на левое плечо, да еще липла разная мошара.

Я возвращался коротким путем, ориентируясь при подъемах на похожую на трезубец седловину перевала — там, левее левого зубца, располагалась наша пещера. Но подъемы я старался проскакивать быстро, рысью — просто на всякий случай.

И все-таки именно на одном из подъемов — отмахав уже полпути — я остановился. Мне слышались справа внизу, из леса, звуки — стук и шум, отдаленные и плохо

различимые.

Я присел, сбрасывая косулю. Положил на нее один из метательных ножей. И пошел на шум. Мной двигало осторожное любопытство. Шум в лесу производят только люди — и аллес. Наши шумят? А с чего бы?

Такое ощущение — по слуху, конечно, — что там рубят дерево. Дровами мы уже начали запасаться, но рубить старались сухостой и при этом так не орали...

А еще через минуту я понял, что орут урса. Так вопить, лаять, скрежетать могли только они.

Я остановился, расстегнув кобуру, отступая за дерево. Прислушался снова и всмотрелся. Сталь не лязгает. Но они явно развлекаются рубкой деревьев — еще раз, с чего бы это? И кто им дал такое право — рубить деревья в черте моего княжества?

Я заскользил от дерева к дереву, осторожно раздвигая ладонью папоротник, порывший к осени. И, сделав десяток шагов, обнаружил четверых человекообразных.

Они и правда были заняты порубкой. Двое работали топорами, срубая молодой дуб — твердая древесина упруго звенела под черными лезвиями. Еще двое отдыхали на траве, задрав головы, и каркали, что-то обсуждая.

Я проследил за их взглядами и мысленно сочно сплюнул. В развилке двух толстых ветвей — метрах в шести над землей — виднелся человек. Все, что я мог понять, — вроде бы в джинсах, ни возраст, ни пол понять было невозможно. Еще я видел торчащие в ветвях три толы — метательных ножа. Кидали снизу вверх, попасть не могли.

Один из урса продолжал рубить. Второй несколько раз пнул дерево босой лапой и зашелся мерзким смехом. Наверху послышался истошный вскрик, листья затряслись, мелькнула рука, вцепившаяся в ветку... Кажется, прячущийся там человек окончательно обалдел от страха и думал только об одном — не сорваться. Но было предельно ясно, что еще через полчаса дуб завалят, и урса этого древолаза даже не придется убивать, расшибется о землю сам.

— Да что ж вам всем дома-то не сидится? — вздохнул я, взводя наган. — Что ж вы жить-то мешаете?

Я ощущал что-то вроде тяжелой, надоедливой усталости при виде этих урса — так, словно это были тараканы или клопы: жить мешают, надоели, под сковородками путаются, дело делать не дают... Наверное, подобное ощущение вызывали у моих предков какие-нибудь печенег или монголы. Даже не ненависть, а именно вот так...

...Не люблю топоров. Именно поэтому я вцепился тем, что рубили дерево, по пуле в голову. Вообще-то, если по уму, надо было (и можно было) застрелить всех четверых. Но патронов у меня совсем почти не оставалось, поэтому я вымахнул вперед. Успевший повернуться чешуйчатый товарищ что-то жизнеутверждающе хрюкнул, когда я раскрыл ему голову, а потом завалился вбок, смешно дергая ногами.

Только вот палаш у меня завяз подлейшим образом, а последний урса отскочил на короточках, словно большая жаба, распрямился и...

И бросился бежать.

Еще недавно я не умел метать ножи. Да и сейчас мне было еще весьма далеко до Басса или Фирса. Вот только урса это не помогло — нож воткнулся ему в основание черепа.

Я неспешно подошел к труп, высвободил нож, вытер его и убрал. Потом перезарядил опустевшие гнезда револьвера. Почистил палаш. И, подойдя к дубу, предложил, не поднимая головы:

— Спускайся, поговорим.

* * *

Мальчишку звали Богуш Скалон. Насколько я сумел понять из сбивчивой всхлипывающей речи, ему было тринадцать лет, и до недавнего времени (до вчера) он жил в южно-польском городке Паронин. Если мы считали, что не повезло нам, то, слушая

постоянно вытирающего нос рукавом ветровки поляка, я начал менять мнение. Богуш и еще двое мальчишек — его друзей — вчера вечером пошли погулять на окраину. Понимать его речь мне было довольно легко, хотя приходилось вслушиваться в быстрые, пришепетывающие и цокающие звуки. В отличие от, например, нас с Танюшкой польские мальчишки оказались лишены внешних ориентиров и забеспокоились только когда стали возвращаться, а вернуться все никак не получалось. Сперва они решили, что попросту заблудились. А больше ничего решить не успели, потому что попали в лапы урса.

Богуш не сошел с ума только из-за пластичности психики у нашего брата-подростка. Его друзей изнасиловали, убили и съели (я стиснул зубы, вспомнив румынского мальчишку, с которым был в своем коротком, но страшном плену). Сам Богуш каким-то чудом сумел освободиться и всю ночь бродил по окрестностям, окончательно обессилев от страха и непонимания. Утром он заснул, проснулся уже после полудня — и, не успев сделать и десятка шагов, буквально воткнулся в урса, от которых спасся на дереве. Лазить по ним урса не умели и после недолгого совещания начали рубить дуб. Тут и появился я, в корне изменив ситуацию.

Впрочем, меня Богуш, кажется, боялся тоже. Не сбежал, судя по всему, только потому, что лес и урса казались все-таки страшнее. Он послушно шагал рядом со мной, лишь иногда дико озирался и начинал что-то бормотать — наверное, узнавал места. Я ему ничего не объяснял, пусть Кристина старается, она у нас полька, сама говорила.

Тащить косулю было тяжело. Очевидно, Богуш это заметил и что-то спросил — я различил слово «важко», «тяжело». Потом знаками показал: давай понесу.

— Ты не унесешь, — покачал я головой. — Давай лучше по сторонам смотри и слушай как следует. И гляди веселей — тебе и правда повезло, только еще не понимаешь — как.

* * *

Выяснилось, что Кристина знает польский немногим лучше меня, изучавшего его по воспоминаниям деда и многосерийному фильму «Четыре танкиста и собака». Но Богуш успокоился, увидев лагерь и девчонок в нем, а пока ел, то и дело повторял «бардзо дзенкуе». Потом как-то сразу осоловел и свалился спать там, где ему указали место. С вопросами девчонки, конечно, навалились на меня и достали так, что я сбежал на верх пещеры. Туда ко мне влезла Танюшка с целым свертком одежды. Не обращая внимания на мой сердитый взгляд, она хладнокровно расположилась рядом и предложила:

— Померяй сапоги и прочее. Если все впору — то считай, что я тебя обшила на весь год. Даже куртку из медвежьего меха сделала, с капюшоном.

Я разулся и примерил новую обувь — с костяными пряжками и ремнями на щиколотке и по верхнему краю, ниже колена. Ощущение было странное — несмотря на прочную подошву, казалось, что стоишь босиком. Нога чувствовала почву и в то же время была надежно защищена от камней, сучьев и прочего.

Опыт удался. Я невольно улыбнулся:

— Хорошая вещь, — вырвалось у меня.

Танюшка вздохнула:

— Еще штаны заменить — и полностью первобытный человек... Ладно, меряй зимнее. Во мне погиб подпольный мастер-швейник, тебе не кажется? И отвернись, я тоже куртку примерю.

Танюшка расстаралась изо всех сил. Я, конечно, не ценитель, но мне одежда понравилась — у нее подворачивались и подстегивались к поясу длинные полы, и настоящая медвежья шуба превращалась в удобную куртку. Капюшон на затяжке оторачивал волчий мех. Я вообще-то не барахольщик, но одеждой залюбовался, а когда повернулся к Танюшке, то залюбовался вдвойне.

Эта нахалка здраво рассудила, что парням лишние украшения ни к чему, поэтому всю силу творческой фантазии, отпущенную ей природой, бросила в прорыв на свой зимний

гардероб, выглядевший в сравнении с моим, как парадная форма английского гвардейца рядом с застиранной гимнастеркой нашего солдата. Но тем не менее Танюшка смотрела на меня с не меньшим восхищением, чем я на нее.

— Какой ты ста-а-ал... — протянула она.

— Какой? — не понял я.

— Ну... такой. — Она покрутила рукой в воздухе. — Настоящий мужчина.

— Солидный? — невольно усмехнулся я.

— Нет. — Танюшка склонила голову вбок. — Солидный — это вот... — она обрисовала обеими руками живот, — спецраспределитель, пайки и «Волга». А ты не солидный стал, а... — Она нашла слово: — Надежный. Я, когда гляжу на тебя, не верю, что может быть плохой конец... — Она вздохнула и добавила: — Но ведь все наоборот — *не* может *не* быть плохого конца... Да, Олег?

У нее горестно блеснули глаза.

Я в два шага преодолел разделявшее нас расстояние и, взяв Танюшку за неожиданно холодные запястья — тонкие и сильные, — опустился на камень, увлекая ее за собой. Танюшка послушно села.

Я дунул ей в нос. И заговорил:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.
Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полет.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.
Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.
И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф¹.

У Танюшки на глазах были слезы. Но она улыбалась.

* * *

— Слушай, — Олег Крыгин, стоя на коленях, резал изогнутой на конце финкой копченую утку, — а с чего ты вообще решил, что тут есть соль?

— Потому что есть Карловы Вары, географию надо было учить, — категорично ответил Вадим, тесаком умело подрубая ветки для заслона.

— Я как раз учил. — Олег вытер финку и убрал оружие. — Карловы Вары — там лечебную соль добывают. Слабительную. Для поноса.

¹ Н. Гумилев.

— Найдем и обычную, — отрезал Вадим. — И потом, я же не собираюсь вас в Карловы Вары вести. По берегу идем и будем идти. Тут и соль найдем.

— Силь е? — спросил Санек. На него обернулись сразу все, причем сам Саня по-прежнему спокойно вытряхивал из своих китайских кед набившийся мусор.

— Чего? — не понял Олег Крыгин.

— Силь е? — повторил Саня.

— Чего ты говоришь-то?! — уже рассердился Олег, и Игорь Мордвинцев, очевидно, знавший этот анекдот, вмешался:

— Сол, сол, чорт нэрусский!

— Это анекдот такой, — объяснил Саня. — Неужели не знал?

— Иди ты... — безнадежно ответил Олег, протягивая Сане утятину. — На. Не подавись... Ты вообще можешь быть серьезным?

— А зачем? — изумился и почти ужаснулся Санек. — У нас и так серьезных перебор. Один князь чего стоит.

— Уймись, — буркнул Вадим, жуя.

Саня действительно умолк и принялся добросовестно лопать.

С гор дул ветер — сильный и холодный, но костер за надежно сплетенной стенкой из веток горел спокойно. В небе, видневшемся между ветвей, остро мерцали звезды — к холоду. Неподалеку воды залива мерно шуршали о галечный пляж берега.

— А вон та не мерцает, — вдруг сказал Игорек Мордвинцев, глядя в небо. — Большая, красная... Во-он та.

Он указал рукой, и все головы повернулись в ту сторону. Красный цвет указанной звезды разглядеть мог один Игорь, но звезда в самом деле не мерцала.

— Все, что мерцает, — звезды. А не мерцают — планеты. — Саня потянулся. — Это, наверное, Марс... Кстати, если кто заметил, тут небо точно такое же, как и в нашем варианте Земли.

Снова наступило молчание — тему никто не стал развивать. Где-то в темноте густо, басом, принялся реветь-завывать лось, уже начавший сходить с ума по осени. Подальше — уже совсем в горах — мягко и страшно простонал «бауумм, бауумм» кто-то из кошачьих. Может быть, даже пещерный лев.

— Тут все-таки до фи́га разной жизни, — заметил до сих пор молчавший Андрюшка Соколов. В его серых больших глазах покачивалось пламя костра.

— Да, в таких местах не человек звучит гордо, а зверь, — подтвердил Саня.

— Надеюсь, эти гордо звучащие не решат на нас напасть... Коняшки кусачие в этих местах, кажется, не водятся, — Вадим вспомнил зубастых «лошадей», допекавших отряд на равнинах России. — Тут вообще-то странная какая-то смесь животных — и наши современные, и ископаемые...

— Так даже интереснее, — хмыкнул Олег Крыгин.

— Да дело не в том, что так интереснее, — негромко, но значительно оспорил Вадим, — а в том, откуда это взялось... точнее — почему сохранилось. Сколько мы видели разных вымерших у нас существ? То-то...

...Олег Крыгин отошел от костра подальше. Сделал свои дела, постоял, прислонившись плечом к дереву и прислушиваясь. Неподалеку сквозь кусты с легким шорохом проскользнули несколько теней каких-то довольно крупных животных. Олег притих, но, когда ночные путешественники проскочили дальше, он прошел еще метров пятьдесят, держа ладонь на обухе метательного топора.

Отсюда хорошо видно было море.

И был виден — дальше по берегу — дрожащий, неяркий огонь костра.

* * *

Ветер скатывался по горным тропкам, как десятки упругих, толкающих в грудь

потоков. Андрею вспомнилось старое кино про чешских пограничников — «Король Шумавы». Как раз почти про эти места.

Андрей, Арнис и Колька засели в небольшом гроте в глубине горной рощицы, почти угрожающе гудевшей под ветром. Судя по то и дело возникавшему шуму, в горах срывались обвалы, вне круга света, отбрасываемого костром, было неуютно, да и просто — холодно! Все трое мальчишек никогда не отличались особой разговорчивостью, Арнис и Колька не обладали развитой фантазией (вполне практичный ум их не подводил, и ничего другого они не хотели), так что вечерней беседы не получилось. Полулежа, они жевали ужин, наслаждаясь теплом, отраженным на них наспех сооруженным, но надежным экраном.

— У тебя с Ленкой, похоже, серьезно? — Колька толкнул Арниса.

Тот неспешно обдумал ответ и тоже поинтересовался:

— А у тебя с Валентиной?

— Я не знаю, — признался Колька. Вдохнул, пожал плечами и продолжал: — Ну, ты же знаешь, она отличница и все такое... Я понимаю, что это тут вроде как значения не имеет. Она мне нравится, правда, очень. Я ей вроде тоже. Вон, видел, она тогда меня одного на охоту отпускать не захотела! — Арнис кивнул. — А все-таки у меня какое-то... опасение, что ли.

— Это по какому же поводу? — с легким скабрёзным намеком спросил литовец.

— Не надо, — спокойно ответил Колька. — Не надо, Арнис, я ведь серьезно... Тут видишь как: если вместе — то навсегда, до смерти. Она так сможет. А я? Не знаю...

— А ты вообще думал, как это — умереть? — с прорезавшимся акцентом спросил Арнис.

На этот раз задумался Колька. Прочно и надолго. Андрюшка, которого такие проблемы, очевидно, вообще не волновали, успел уснуть — или, во всяком случае, не подавал признаков жизни.

— Раньше — не думал, — сказал Колька наконец. — А сейчас... иногда думаю, но все равно не верю, что могу умереть. Умом понимаю, что не просто могу, а *обязательно* умру, причем — как это? — насильственной смертью. А все равно не верю... Помнишь, когда мы сражались с при... ну, под Москвой — меня ранили в плечо и в бедро? Я так испугался тогда...

— А я вот не верю, что после смерти ничего нет. — Арнис закинул руки под голову. — Я и там... дома не очень верил, что *там* — *ничего*. А тут — в бога хочется поверить.

— В какого бога? — удивился Колька.

— Не в Христа. Хотя я ведь крещеный. И мать у меня верующая — не знал?.. Не в Христа, а в кого-то, кто больше... соответствует. Может быть, еще и поверю, если тут подольше проживу...

— А из Олега получился хороший командир, — сменил тему Колька. — Я даже не ожидал...

— А я ожидал. — Арнис улегся поудобнее и, закутываясь в одеяла, повернулся к Кольке: — Понимаешь, Коль, я вот думаю... Что бы с нами ни произошло... но понимаешь, тут есть кое-что хорошее.

— Хорошее? — удивился Колька.

— Хорошее, — убежденно кивнул Арнис. — Понимаешь, тут страшно бывает, а в то же время — тут все словно бы показывают то, на что способны. Нас цивилизация вообще-то сильно давит. Человек так всю жизнь и проживает, не зная, что может. А тут... — Арнис замаялся, не находя слов, но потом продолжал уверенно: — Тут можно показать то, что в нас глубоко спрятано. Ну — от предков досталось, что ли?

— Что, у Олега в предках были князья? — не понял Колька. Арнис вздохнул:

— Да при чем тут это...

...Ветер вновь сорвал где-то в горах камнепад. А в небольшом гроте на склоне горы посреди рощи спали за угасающим огнем трое завернувшихся в одеяла мальчишек.

Было еще совсем темно, когда я поднялся. Мне казалось, что первым. Но я сильно ошибся — во-первых, этот наш новенький — поляк Богуш, завернувшись в одеяло, сидел на своем месте, о чем-то явно размышляя. Около костра на корточках разместился Игорь Басаргин. А в районе склада слышался сдержанный шум — там явно хозяйничал кто-то из девчонок.

Зевая и потирая лицо, я выбрался из-под одеял и, ежась спросонья, подсел к огню. Мы с Игорем обменялись кивками.

— Ну что, пойдём? — после довольно долгого молчания спросил он. Я взглянул на часы. Они шли исправно, но я не был уверен в точности того, что они показывают, — мы перемещались, и я подводил их на глазок, по солнцу. Было пять.

— Пойдем, буди ребят и кого-нибудь из девчонок, — кивнул я, — пусть приготовят поесть.

— Никого будить не надо. — Ленка Власенкова вышла из складского помещения. — Я все приготовлю... Мальчишек вот поднимайте.

— Доброе утро, Лен, — поздоровался я...

...Поднимались мальчишки как обычно неохотно, переругиваясь (впрочем, тоже очень вяло), натываясь друг на друга и спотыкаясь. Что интересно — в такие моменты меня охватывало острое и очень приятное чувство какой-то особенной близости со всеми этими «паразитами». Подобное я переживал и *там*, на *той* Земле, в походах — но тут это сделалось абсолютным. Не знаю, испытывали ли это остальные. По-моему — да.

Девчонки непобедимо спали. Принимая из рук Ленки довольно-таки скудный завтрак, я дружелюбно ей сказал:

— Нас проводишь и ложись спать. Сколько можно глаза таращить?

— Лягу, — согласилась она. — Олег, вы бы еще дров принесли. Скажешь, а?

— Скажу, — пообещал я.

— Угу, спасибо, — кивнула она, направляясь к лежаку.

— Значит, так, — перешел я напрямик к делу. — Ты, Сморг, Андрюшка и ты, Басс, — оставайтесь на охране. Север, Бэн, Фирс — пойдете за дровами и таскайте, пока не опухнете. Или пока Ленка не скажет: «Хватит».

Фирс присвистнул:

— Да уж. Мы как раз скорей опухнем...

— Лучше опухнуть, чем замерзнуть, — вскользь заметил я. — А мы с Сергеем пойдём охотиться... Богуш, — окликнул я поляка, — пойдешь с нами. Сергей, подбери ему оружие... И вообще — кончаем жевать и переодеваемся в парадную форму.

Снаружи вошла Наташка Крючкова, развязывая ремень с оружием.

— Там холодно, — сообщила она, — и туч нет... Мальчишки, вы уже встали?

— Уже встали, уже уходим, — конспективно ответил я, затягиваясь в куртку. Мы поразительно быстро привыкали к новой одежде и, хотя у всех сохранились какие-то детали (а то и полные комплекты!) «старого туалета», их уже почти никто не носил.

— Не задерживайтесь, — предупредил я и обратился к Сморгу: — Если кто будет тут крутиться — гони на работы. Пинками.

— Будь спок. — Сморг похлопал по рукояти топора. — Первым, кстати, выгоню тебя.

— Я и сам уйду, — пообещал я, поднимая Танюшкину аркебузу и мешочек с пулями.

Танюшка спала. Мне почему-то очень-очень захотелось, чтобы она проснулась и что-нибудь сказала мне напоследок... и, может быть, поцеловала... Я даже задержался над Танькой — но она продолжала спать, как сурок (или сурчиха), даже дыхание не изменилось, и я, удержав печальный вздох, пошел к ребятам.

Мне почему-то было очень обидно...

...— Ты зачем его взял? — напрямую, хотя и тихо, поинтересовался Сергей, останавливаясь, чтобы поправить ремни. — Он же никогда не охотился, сразу видно.

— Вот и пусть учится, — так же тихо ответил я. — В конце концов — ему теперь с нами жить.

Поляк подошел, нагнав нас. Он вооружился палашом, метательным топором, охотничьим ножом и кистенем. Мне, если честно, хотелось бы знать, умеет ли он хоть чем-то из этого арсенала пользоваться. А вот Сергей напрямую поинтересовался:

— Слушай, без обид, Богуш, ты хоть чем-нибудь из своего арсенала умеешь пользоваться?

Ему пришлось повторить это несколько раз и медленно, помогая себе такими бурными жестами, что я не выдержал — засмеялся. Сергей обиделся:

— Между прочим — твою работу делаю, ты князь и о своих людях все должен знать...

Так или иначе, но польский мальчишка его понял и почти так же пояснил, жестикулируя, что (он покраснел так, что даже в неверном полусвете это было видно) танцевал в ансамбле народных танцев карпатских горцев с почти таким же топором-чупагой. И умеет обращаться с пастушьим кнутом — дед научил, — поэтому и взял кистень.

— И то хлеб, — посмотрел я на Сергея. — Ладно, пошли...

...Совсем рассвело, когда мы добрались до говорливой горной речушки, весело прыгавшей с камня на камень куда-то в долину. Впрочем, сейчас, в утренние глухие часы, ее беззаботный плеск звучал одиноко и как-то настораживающе. У подножия Карпат эта речушка уходила в болото, на котором гнезилось чудовищное количество уток и диких гусей — девчонки ловили их петлями и без конца коптили, причем половину копченого мы вместе сжирали, «не отходя от кассы», и лишь вторую половину Ленка с трудом отвоевывала на хранение. Копченая дичь в Союзе считалась страшным дефицитом, но мы все ели ее в походах и любили.

Правда, сейчас нас сюда привели не утки и гуси, а мысли о более солидной добыче. Я уселся в густой, хотя уже сплошь желтой листве дуба над речкой. Сергей с Богушем залегли среди камней ниже по течению. Напротив нас — примерно на равном от них и от меня расстоянии — был небольшой песчаный пляж, тут и там расчерканный самыми разными следами.

Зарядив аркебузу (не подшипником — их мы берегли, — а подходящей галькой), я улегся-уселся в очень удобном сплетении ветвей, положив оружие перед собой. Ажурная золотая занавеска листвы скрывала меня полностью; сверху я видел ребят за камнями, но с земли их едва ли мог бы заметить даже самый острый глаз.

Теперь надо было ждать.

По характеру я очень нетерпелив. Но, как и многие целеустремленные люди (а даже недоброжелатели признавали, что я именно такой человек), я сумел приучить себя ждать, если нужно, подолгу и спокойно. Особенно это касается ожидания в дикой природе, которой плевать на проблемы человека и его устремления. Не обладая технической мощью, под природу можно только подстраиваться, подлаживаться, чтобы в конечном счете взять свое.

Обязательно.

Первым на водопой, мягко ставя лапы, прошествовал наш заочный знакомый — гордый тигролев. Он наклонился над водой совсем рядом со мной — я видел загибок с мощным валиком мышц, слышал звук лакающего языка. Самка, но здоровее, чем амурский тигр, самое крупное кошачье на *той* Земле. Когда самка ушла, фыркнув напоследок, я обнаружил, что до белизны сжал пальцы на ложе аркебузы.

Выше по течению и на другом берегу неподвижно висело над камнями знакомое облачко серого тумана — отсюда абсолютно безобидное, но я передернул плечами, вспомнив, *что* в нем скрывается. На миг подумал: неужели и из нас кто-то может оказаться на *это* способным?! А еще потом пришло воспоминание: что же все-таки такого в фашистском значке на рукояти моего палаша?! Какая такая светлая сила в нем может быть заключена?!

...Кабанье стадо явилось на водопой примерно через сорок минут. Вместе со здоровенным секачом шли три матки и целая толпа подросших поросят. Вся эта кодла,

повизгивая и похрюкивая, воткнулась в воду, только секач остался на берегу и, поворачиваясь всем телом, шнырял по сторонам маленькими глазками. Вообще говоря, кабанье мясо (особенно с диким чесноком) было очень вкусным. Но пуля из аркебузы могла не сразу свалить даже подсвинка, а иметь дело с осатаневшим выводком мне, например, не хотелось, даже сидя на дереве. Я увидел, как Сергей, лежавший за камнями, помотал головой отрицательно, глядя в мою сторону, — и сам кивнул, хотя и не знал, видит он меня или нет.

Кабаны форсировали речушку над перекатом и растаяли где-то в лесу. Я уже забеспокоился, что днем никто не придет — вполне возможно такое, — когда между деревьев появились несколько оленей.

Это были не уже привычные нам животные, а мегацеросы, которых мы раньше видели лишь несколько раз, да и то издалека. Здоровенные красно-бурые животные с длинными метелками шерсти под брюхом и чудовищным размахом почти лосиных по структуре рогов вышли к речушке всей семьей, или чем там, — восемь штук.

Я прицелился сзади в основание шеи самого крупного самца.

* * *

Люди, сидевшие у костра, повернулись в сторону подходящих Вадима и Олега, но с места не двинулись. Их было четверо — крепкие, рослые мальчишки лет по 13–16, одетые в кожу, они сидели на меховых плащах, чем-то неуловимо похожие, их длинные каштановые волосы рассыпались по плечам. Они спокойно наблюдали за тем, как подходят Вадим и Олег, но под правой рукой у каждого лежало оружие, а неподалеку, прислоненные к каким-то мешкам, стояли луки. Правда, в чехлах — длинные, рядом с колчанами, над которыми щетинились перья.

— Привет. — Вадим, ощущая себя немного смешным, показал руки. То же сделал и Крыгин. Все четверо кивнули, один поприветствовал подошедших, но по-английски.

— Я умею говорить на вашем языке, — предупредил Вадим.

— Мы тоже знаем русский, — сообщил тот, который здоровался. На плохом, но все же понятном русском сообщил: — Но мы не знали, что тут есть русские. Мы думали — только Борислав.

— Мы не знаем Борислава. — Вадим кивком поблагодарил давших ему место мальчишек, сел, но Крыгин остался стоять. — Мы тут недавно.

— Борислав Шверда... словак... — Мальчишка скупым жестом показал в горы. — Он живет там...

— Это те, к кому пошел Андрей, — вполголоса сказал Олег. Вадим кивнул и, полуобернувшись к нему, предложил:

— Зови наших, чего они там сидят.

Олег свистнул, и незнакомцы вновь напряженно зашевелились при виде появившихся со скал трех человек. Санек широко улыбался, словно увидел своих лучших друзей. Андрей и Игорь выглядели настороженными, держали руки на оружии.

— Здрассесь... — Саня поклонился, и Вадим про себя обматерил его за шутовство. Санек уселся без приглашения и признался: — Замерз в скалах валяться. Ну что, драться не будем?.. Вы откуда, ребята?

— Мы со Скалы, — ответил все тот же парень.

— Из Гибралтара?! — ахнул Игорь Мордвинцев.

— Со Скалы, — кивнул англичанин.

— Пешком, что ли? — хмыкнул Олег.

— На корабле, — покачал головой англичанин. — Он недалеко, все наши там. А мы собирали соль.

— Соль? — Вадим посмотрел на мешки. — Мы тоже пришли за солью. Может, покажете нам, где она тут?

Он не заметил — точнее, сделал вид, что не заметил, — как англичанин вскользь

намекнул: наши недалеко. И тем самым Вадим тоже показал: нам это не интересно, не бойтесь и нас не пугайте, все о'кей.

* * *

— Урса прошли тут ночью. — Андрей просеивал меж пальцев холодную пыль и озирался, стоя на колене. — Много. Сотня... больше, не знаю, в пределах от ста до полутора.

— Многовато для нас троих, — заметил Арнис, положив ладонь на рукоять топора.

Тропинка вилась между скал прихотливым серпантином и была хоженной. Не урса, а вообще — хоженной, поднимавшейся все выше и выше в скалы.

— Похоже, что они идут в гости к этим чехам, — вслух подумал Колька. — Жаль, я двустволку оставил.

— Поднимемся чуть вверх, — решил Андрей, — и пойдем вдоль тропинки по камням. Труднее, зато и безопаснее.

Мальчишки без слов вскарабкались на карниз, удачно проходивший над тропой, и, стараясь держаться поближе к скале, зашагали дальше. Точнее уже — поползли.

Потеплело — очень потеплело, даже жарко стало. Лес оживился, поддавшись на приманку вернувшегося лета. Впрочем, было не до его красот — идти оказалось тяжело.

А потом их глазам открылась узкая долина. Тропа спускалась в нее, терялась среди медно-золотых лесных волн — и вновь выныривала километрах в шести, идя прямо по отвесному с обеих сторон гребню и круто поднимаясь к щели между двух отвесных скал.

— Урса. — Арнис, обладавший неплохим зрением, вскинул руку. Приглядевшись, и остальные увидели толкотню фигурок у начала крутого подъема — большего на таком расстоянии было просто не разглядеть. Мальчишки напряженно всматривались — и вновь Арнис первым понял, что там происходит: — Слушайте, а ведь они кого-то осаждают...

Два черных облака вспухли в самом низу спуска, а через миг до разведчиков донесло сдвоенное «бум!» взрыва. Все трое обалдело переглянувшись.

— Рискнем подойти поближе, — решил Андрей...

...Это и в самом деле был риск, и немаленький — в лесу и опомниться не успеешь, как выскочат на тебя враги. Андрей шел первым. Колька и Арнис держались позади и чуть по сторонам. Все трое старались контролировать происходящее вокруг.

Сначала попались пять трупов урса. Они были свалены в кучу у корней раскидистого мрачного граба. Чуть дальше лежал обнаженный труп белого мальчишки. Отрубленные — судя по всему, уже у мертвого — руки, ноги и голова лежали рядом. Палые листья пятнала кровь, ее длинные полосы сохли тут и там.

Метрах в полуста от этого места, пробив кусты своими телами, лежали еще четыре чернокожих трупа. В одном торчало копьё с массивным наконечником, прошедшее почти насквозь.

— Тут живой! — забыв об осторожности, крикнул Колька, дальше других сунувшийся в кусты. Арнис и Андрей метнулись к нему.

Мальчишка лет четырнадцати лежал ничком, весь прикрытый разметавшимся в стороны серым шерстяным плащом, на котором умело был нарисован белый стоящий лев, как на форме у чехословацких хоккеистов. Длинные темные волосы перехватывала широкая повязка. Мальчишка царапал пальцами выкинутой над головой левой руки листву.

Арнис осторожно перевернул его, Колька придержал голову. Мальчишка был одет в жесткую кирасу — вроде бы из просоленной ткани, — пробитую справа на груди страшным ударом топора. В жуткой ране виднелись раскромсанные ребра и пузырящееся кровью скомканное легкое. Тут же, под плащом, обнаружился окровавленный палаш.

Найденный умер буквально в тот момент, когда Арнис его приподнял. А через миг до разведчиков докатился еще один сдвоенный взрыв.

* * *

Корабль показался Вадиму похожим на драккары викингов с картинок из любимых им книг. Но, может быть, именно поэтому-то он так и напрягся, когда этот корабль выскользнул из-за мыса — и заскользил, ритмично взмахивая длинными веслами, к берегу. С высокого носа скалился резной дракон.

Вадим поймал взгляд Сани. Завороженный и завистливый. Саня смотрел на корабль. Без опаски или страха, хотя с корабля поспрыгивали в воду человек двадцать, не меньше, и все при оружии. Они ловко помогли кораблю причалить и, обмениваясь приветственными жестами с ребятами у костра, подошли ближе.

Англичанами командовал не англичанин, а плечистый блондин с увязанными в «хвост» волосами, по-английски говоривший с акцентом. Он назвался Свеном Раудссоном и оказался норвежцем, что и стало ясно окончательно из завязавшегося разговора.

Шесть лет назад группа мальчишек из английского исторического клуба гостила у своих братьев в Норвегии. Оттуда они и попали сюда. В обеих группах собрались непоседы. Под руководством Свена мальчишки смастерили драккар и отправились в путешествие. А в Гибралтаре обосновались почти три года назад, успев побывать в Америке и на африканском побережье. Правда, не стал скрывать Свен, в Гибралтаре до них жили испанцы, но с ними не вышло мирно... Девчонки побежденных — кто не захотел умереть от своей руки — достались победителям. С тех пор колония окрепла, там жили почти сто человек, имелся второй драккар, и «люди Скалы» часто ходили походами, в основном тревожа урса в их собственных землях. Но заплывали они и в Черное море, где в прошлом году у них случилась крепкая заваруха с казачатами на «Чайках» — еле отбились и ушли...

...Свен вполне дружелюбно предложил доставить новых знакомых вместе с солью, которую они наберут, до места на побережье напротив перевала, откуда можно добраться до пещеры. Вадим подумал.

И согласился.

* * *

Глину нашли Ленка Рудь и Наташка Бубненкова — настоящий пласт в полукилометре от пещеры. Под лозунгом «Даеть народную посуду!» нам, мальчишкам, пришлось таскать глину и песок (последний — аж с берега моря и тщательно просеянный!!!) в природную яму за пещерой, а потом еще заливать все это водой и месить. И если вы думаете, что княжеский титул вас спасает от унылого топтания в ледяной воде, то вы ошибаетесь. А месить глину никогда не относилось к числу моих любимых занятий. Правильней сказать — я этим вообще никогда не занимался.

Ну да мало ли чего я не делал...

Олька Жаворонкова, сидя на краю ямы, на редкость гнусным голосом зачитывала по памяти список запасов лекарственных трав, докладывая о нехватке того или другого. Месиво под ногами было холодным, и у меня в душе гнездились нехорошее предчувствие, что топчущийся напротив Фирс филонит. Хорошо еще — солнце неплохо грело плечи и спину.

— Оле-ег! — заорал Сморг где-то за пределами моего зрения. — Олег!!!

— Я тут, — буркнул я, — заживо похоронен...

— Он здесь! — махнула рукой Ольга, и через минуту возбужденное лицо Игоря появилось над краем ямы:

— Хватит в г... лине возиться! — Он ткнул пальцем за спину. — Там Вадим со своими шпарит, мешки несут!

— Рановато они, — заметил я и, бросив саркастически-извиняющийся взгляд на Олега Фирсова, выбрался из глиняной трясины. А вот ноги помыть я уже не успел — Сморг предупредил меня в последний момент. Ко мне уже приближался Вадим без указанного мешка, но с каким-то белобрысым здоровяком при оружии и в теплом плаще.

— Знакомься, Олег, — вместо приветствия сделал он широкий жест, — это Свен Раудссон, ярл Скалы.

* * *

По-моему, так драккар был построен очень хорошо. Другое дело, что я ничего не понимал в кораблестроении и кораблях вообще, хотя и увлекался Крапивиным.

Но англо-норвежский коллектив своим кораблем явно гордился. Пока перетаскивали соль, Свен и его «стурман» Лаури Филлинг таскали меня и Сергея от носа до кормы, сыпали какими-то звучными и непонятными терминами... Нет, корабль действительно был красивым, как красива всякая вещь, которую делают с любовью.

— Послушай, князь, — это слово в моем отношении звучало все чаще и уже почти всегда без иронии, и Свен его произнес именно так, — мы были бы не против поменять у вас мясо, если есть лишнее. Можем дать соленую морскую рыбу.

— Ничего не выйдет, — покачал я головой. — Мы тут недавно, нам самим не хватает припасов.

— Жа-аль... Мы хотели поменяться со Швердой, но вот не знаю, если потратим на это хотя бы пару дней, то попадем в осенние ветры, выгребать будет трудно...

— А что за человек этот Шверда? — Я облокотился на борт. Свен двинул плечом:

— Он князь там, в горах. У него есть свои люди, и он за них стоит. Честный и смелый. И никогда никому не отказывал в помощи от урса.

Мы помолчали, глядя, как Лаури показывает Сергею кормовое правило. Свен поинтересовался:

— Ты собираешься обосноваться тут надолго?

— Нет, весной мы пойдем на юг, — ответил я.

Свен внимательно посмотрел на меня:

— На юг? А нет ли у тебя карты? — Я молча вынул листок. — Знакомая рука, — заметил Свен. — Это не Йенс ли Круммер рисовал?

— Йенс, — кивнул я.

— А Гунар конунг жив? — Свен произнес имя «Гюнтер» на скандинавский лад. И вообще вел себя подчеркнуто «по-викингски» — то ли играл так, то ли и правда уже сжился с ролью...

— Жив, — сообщил я и добавил: — У нас с ним был поединок. Я победил тогда...

— Победил? — Свен взял у меня листок. — Вот, посмотри... Это острова Северные Спорады. Йенс не знает, но вот тут, — он отчеркнул один из островов ногтем, — обосновался итальянец Нори Пирелли со своей шайкой. Это настоящий сброд, а самого Нори зовут Мясник, и за дело. Эти вырожденные держат рабов и нападают на всех, кого могут одолеть легко, а чуть что — прячутся на своем острове, а его берега неприступны... Четыре года назад, когда мы еще не жили на Скале, я и еще трое морских вождей пробовали выкурить этого ублюдка оттуда, но только зря месили воду веслами. Он посмеялся над нами со своих утесов...

— Мало урса, — пробормотал я, — еще и свои какие-то дегенераты...

— Не говори... — вздохнул Свен. — Ты будь осторожней, у него много людей.

— Спасибо, — кивнул я. И поинтересовался: — А скажи, многие плавают — вот как вы?

— Многие. — Он кивнул. — В основном — наши, северяне. Не меньше двух десятков... Но есть и ваши, русские, — тоже с севера, а в Черном и, говорят, Каспийском морях — казачата. И по Средиземному тоже кое-кто из местных плавает... — Свен вдруг предложил: — Послушай, князь, если ты одолел Гунара конунга, то ты, должно быть, хороший боец. Так, может, ты не откажешься поразвлечься со мной на берегу с клинками в руках?..

...У Свена оказался длинный тяжелый палаш с массивной гардой. А в левой он держал

шпринг-клинге — дагу, от основания которой со щелчком отделились два «пера». Сам по себе норвежец был здоровей меня. На левом плече бугрился шрам. Но он, в свою очередь, с интересом рассматривал меня и, кивнув на мою грудь, спросил:

— Кто тебя так?

— Пещерный медведь, — объяснил я, — недавно. У меня и рука была сломана, ну да ничего... Начали, ярл?

Он отдал мне салют, и я, ответив ему тем же, принял стойку. Было тепло, но с залива тянул прохладный ветер, и я подумал вдруг, что в тех местах, из которых мы пришли, чего доброго, уже настоящие заморозки...

...Первые мгновения схватки оказались чисто фехтовальными. Мы оба стояли в четвертой позиции — кисть правой руки ладонью вправо, большой палец сверху на рукояти. Палаш Свена был подлиннее, чем мой, он и начал: нанес укол с переводом мне в грудь. Я взял четвертую защиту, отшвыривая палаш Свена влево, и с выпадом атаковал уколом вниз — в живот. Свен первой защитой отбил мой палаш влево и красиво уколол с кругом в грудь. Я молниеносно ответил третьей круговой, и мы отскочили друг от друга.

— Красивая фраза, — оценил Свен, покачивая палашом. — Сколько занимался?

— Меньше полугода, — признался я.

— Вот как... — двинул бровью Свен. И его палаш сверкнул молнией, обрушиваясь на меня сверху чуть наискось. «Плащ Одина» — таким ударом не просто убивают, таким ударом рассаживают противника от плеча до бедра, «делают из одного двух», как шутили предки Свена. Конечно, меня сейчас он бы не стал рубить, но грохни вот так плашмя — и дух вон на полминуты, не меньше...

Но я ждал чего-то подобного! И увернулся, выскочил. Из-под удара, завертевшись волчком, кругом рубанул Свена по ногам — он подскочил, едва не поймав мой палаш дагой, а через мгновение от столкновения длинных клинков белесым веером брызнули искры. Еще раз! Еще! Удары отдавались даже в локоть. Я обалдел — спасаясь от моего выпада в бедро, Свен сделал фляк — кувырок с места назад, а в следующую секунду на мой палаш сверху обрушился такой удар, что оружие вышибло у меня из руки!

Не знаю, почему я не растерялся. Может быть, из-за долгих недель тренировок. А может быть, еще и потому, что на берегу собралась чуть ли не половина моего «племени».

Я «заклинил» палаш своей дагой. Выбить его у Свена у меня просто не хватило бы сил, но, крутнувшись, я отбросил — отвел — его руку в сторону, помешав действовать «шпрингом» и одновременно оказавшись спиной к норвежцу. Сгибом правой руки я захватил оказавшуюся над моим плечом сильную шею Свена — и, швырнув его вперед через бедро, подхватил свой палаш. Как раз вовремя, чтобы успеть отбить его удар — он приземлился на ноги! Раздались аплодисменты — хлопали все и, кажется, нам обоим.

Свен улыбался.

— Вар со гуд, — одобрил он.

— Так со мюкет, — кивнул я.

Свен весело расширил глаза:

— Ты знаешь норвежский?!

— Нет, — огорчил его я, — просто читал одну книжку и нахватался.

— Про викингов, конечно, книжку? — уточнил Свен.

— Ты знаешь, не про викингов, — вполне дружелюбно ответил я. — Про Вторую мировую. Ну что, ярл, мяса на обмен у нас нет, но обедом мы накормим всех. — Краем глаза я поймал выражение лица Ленки Власенковой и не смог не усмехнуться.

* * *

— Зеленоглазая — твоя девчонка? — спросил Свен, когда мы после обеда сидели возле ручья.

Я довольно долго молчал, потом вздохнул:

— Вообще-то... ну вообще-то, мне кажется, да. А как ты догадался?

— Это видно, — уверенно сказал Свен. — Ты не видел, как она смотрит тебе в спину. Ей нужен только ты. Она тебе об этом еще не говорила?

— Нет, — слегка ошарашенно ответил я.

— Скажет, — уверенно заявил Свен. — Это вопрос времени.

— Хорошо бы... — еле слышно прошептал я в сторону и в свою очередь спросил Свена: — А у тебя есть девчонка?

— Есть, — кивнул ярл, — но мой опыт тебе не пригодится. Она испанка, и я убил ее парня, а ее саму изнасиловал возле его труп. — Он говорил об этом очень просто, а меня покорило. — Тогда убили моего друга, и я очень мало думал о джентльменстве... Но получилось так, что она привыкла ко мне. И даже ждет, когда я должен вернуться... Им ведь чаще всего все равно, с кем жить, лишь бы чувствовать себя защищенными.

— Танюшка не такая, — возразил я. — Она сама кого хочешь защитит.

— Да, по ней это видно... У вас вообще хорошие девчонки, но твоя зеленоглазая похожа на валькирию. Ты знаешь, кто такие валькирии?

— Я читал ваши легенды...

На скале над пещерой появился Саня. Он огляделся с гордостью взобравшегося на конек крыши первого петуха микрорайона и, словно муэдзин, заунывно и громко заорал:

— Девушки-и!.. Девушки-и!.. Девушки-и!.. Девушки-и!.. Девушки-и!..

На восьмой или девятый вопль из пещеры высунулась его собственная сестра и воинственно спросила:

— Ты чего воешь, дундук?!

— Я так и знал, что откликнешься только ты, — печально сказал Саня. — Спасибо Сморчу, он бережет твою честь... Эй, Олег! Или я ослеп — или сюда идут Андрей со своими... и еще с кем-то!

* * *

Саня не упомянул одного — Андрей, Колька и Арнис очень спешили. А «еще кто-то» оказался знаком норвежцу — Свен, медленно поднявшись, взгляделся в приближающихся от леса мальчишек и сказал:

— Это Ян...

— Какой Ян? — я взмахом ответил на взмах руки Андрея, который начал сигнализировать от самой опушки.

— Ян Гловач, помощник князя Борислава. Очень умный парень, он, между прочим, делает порох...

Вопрос с порохом я прояснить не успел — все четверо добрались до нас. Пожимая руки своим ребятам, я внимательно рассмотрел Яна — вполне обычного русоволосого мальчишку со светло-карими, почти желтыми глазами, одетого в жесткую кирасу поверх кожаной куртки, с двумя длинными мечами, рукояти которых резко торчали вперед перед бедрами.

— Хорошо, что ты тоже здесь, Свен ярл, — сказал он по-английски, а потом повернулся ко мне и отвесил церемонный поклон. — Твои люди рассказали мне о тебе, князь Олег. Я прошу разрешения поговорить с тобой, со Свеном ярлом и с вашими людьми. Мой князь Борислав просит о помощи. Я и не ждал такой удачи!

* * *

Мы сидели на тренировочной площадке широким полукругом — вперемешку «мои люди» и три десятка людей Свена Раудссона. Все внимательно слушали Яна, устроившегося на камне — лицом сразу ко всем.

Чешскую крепость урса осаждали несколько раз, всегда — безуспешно. Но в этот раз им удалось каким-то образом перекрыть реку, которая, протекая через пещеры, снабжала

водой не только обитателей-людей, но и одомашненный скот, который был у чехов. Осада продолжалась уже шесть дней, запасов воды оставалось максимум на три дня. Князь Борислав посылал гонцов в нескольких направлениях, хотя ближайшие соседи — австрийцы — жили аж в четырех днях пути в один конец.

Месяц назад Ян — он в чешском племени был кем-то вроде начальника штаба — во время охотничьей экспедиции издали видел нашу пещеру и людей возле нее. Тогда он очень спешил. Но теперь вспомнил об этих людях и предложил Бориславу позвать их на помощь, вызвавшись пробраться к ним сам.

Недалеко от своих мест он столкнулся с Андреем.

— Много ли урса? — спросил Свен, когда Ян заканчивал рассказ.

— Не меньше четырехсот, — ответил чех.

— Ну что ж, — буркнул Свен, поднимаясь. — Мы пойдем на драккар. Вдоль берега, а потом — напрямую, полсуток сэкономим и завтра к вечеру доберемся.

Прикусив губу, я посмотрел на своих — обвел их взглядом поочередно. Они выглядели растерянными. Им предлагали открытым текстом идти драться с четырьмя сотнями черных за совершенно незнакомых парней и девочек — вот так сюрприз! Я их понимал. Но...

Но Лешка Званцев пришел к нам на помощь, не раздумывая. Да, у него были к Марюсу личные счеты.

Но разве у нас к урса — нет?

В общем — надо было вставать. И решать.

И я встал.

— Я никому не приказываю, — сказал я. — Я просто хочу спросить Свена — есть ли у него на драккаре место для меня? Остальные — пусть решают сами. Каждый — за себя.

* * *

Со стороны девочек ответом на мое решение оставить их в лагере был водопад грубой, неконструктивной критики, направленной на мои личные физические и моральные недостатки, потрясение оружием и воинственный писк. Мне почему-то все это было страшно... смешно, и вспоминался мышонок из мультфильма «Бибигон» — как он, собираясь идти воевать со злым индюком, крикнул: «Долой Брундуляка!» — и от собственной храбрости упал. Так или иначе, но я не поддался на их прессинг, и они как-то сразу притихли — помогали нам собираться и испуганно-жалобно на нас посматривали. А мальчишки... что ж, мальчишки восприняли мое решение как нечто само собой разумеющееся.

— Продуктов много не берите, — сказал Свен, — накормим из своих. И назад доставим.

— А как же осенние ветры? — поинтересовался Саня, проверявший свое оружие.

Свен усмехнулся одной стороной лица:

— Догребем...

И больше ничего не объяснял.

...Я заткнул за пояс свою перчатку, рывком затянул завязку горловины новенького «сидора» и, забросив его за плечо, повернулся к выходу.

Передо мной стояла Танюшка. Скрестив на груди руки.

— Тань, не возьму, — отрезал я. У нее на щеках появился темный румянец. Девчонка потянулась ко мне движением атакующей гадюки и прошипела прямо в лицо:

— Ненавижу тебя!!!

И, крутнувшись так, что волосы взлетели вихрем, пулей вылетела из пещеры.

— Поговорили, — вздохнул я. И со злым лязгом вогнал в ножны палаш.

* * *

Драккар шел вдоль берегов в вечерней осенней полутьме. Было промозгло, холодно и сыро, но хоть ветер пока что дул в парус. Факелы на носу и корме освещали палубу, на которой — на широких лавках и между ними — спали мальчишки. Около кормового правила Лаури о чем-то беседовал с Саней, возле их ног сидел неугомонный Бэн.

Свен, Ян и я сидели на носу вокруг расстеленной между нами вычерченной на тонкой коже карты, кутаясь в плащи.

— У нас сорок пять человек. — Свен поглядывал на нас. Я вслушивался, не без удивления отмечая, что понимаю английский все лучше. — Сколько человек в горной крепости, Ян?

— Пятьдесят два с девчонками, — ответил тот, — но драться будут все.

— Значит, всего девяносто семь человек, — заключил Свен. — Примерно по пять урса на каждого из наших. Не так уж страшно — бывало и хуже.

— Даже поменьше, чем по пять, — подтвердил Ян. — Они немало потеряли в стычках. Думаю, если ударить решительно — то можно прорваться к нашим.

— Не имеет смысла, — возразил я. — Если только мы не хотим просто увеличить число голодных ртов в вашей крепости.

— Да, — согласился Свен, — мы должны думать о том, чтобы уничтожить или по крайней мере отбросить врага... — Он рассматривал карту. — А что — та река, которая давала вам воду, — ее русло высохло?

— Да, — кивнул Ян. — Мы вынуждены были обрушить свод взрывом. Чтобы не прошли урса.

— Жаль... Они перекрыли дорогу? — Ян снова кивнул. — А как ты выбрался?

— Я был один, и мне повезло. Очень.

— А если отвлечь их? — предложил я. — Мои ребята сказали, что можно скрытно подойти почти к самому их лагерю... Предположим, группа из пяти-шести человек появится в их виду... неужели они не бросятся в погоню?

— Бросятся, — согласился Свен. — Полсотни. Не больше.

— А если появится отряд сразу из двух десятков? — Я еще сам не очень понимал, что же имею в виду, но мысль какая-то брезжила. Свен пожал плечами:

— Сорвется сотни полторы... Подожди! — Он наклонился к карте. — Если я правильно помню, то вот здесь, — он указал на ней точку, — есть ущелье с резким спуском, а потом — такой же резкий подъем. Если удастся заманить погоню сюда и напасть на них с двух сторон...

— Мы их раздавим, — заключил Ян. — Рискованно, но может сработать.

— Сделаем так. — Свен поддернул плащ. — Олег, возьми на себя роль приманки?

— Да, — твердо сказал я.

— А сможешь выйти вот на это ущелье? До него километров пять от крепости.

Несколько секунд я разглядывал карту, потом кивнул:

— Да, тут хорошие приметы...

— Я со своими засяду у входа в ущелье... Ян, как только Олег уведет часть урса — ты должен пробраться к своим. Любой ценой. Предупреди Борислава, как только он увидит три дыма в лесу, пусть атакует врага всеми силами. Мы ударим с тыла. — Кулаки Свена столкнулись над картой. — И раздавим и вторую половину урса... — Он встал и потянулся. — Давайте спать теперь. Завтра нам еще весь день плыть, и кто знает — не придется ли грести... Лаури! — окликнул он своего стурмана. — Буди смену и ложись, руки сотрешь!

Я расстелил плащ прямо тут же, на носу, и, улегшись на одну его половину, укрылся другой, подсунув под голову вещмешок. Звездное небо медленно двигалось надо мной.

И я думал, что усну не скоро. А уснул сразу.

* * *

Опасения Свена, к счастью, оказались беспочвенными — ветер дул и на следующий

день, и ветер попутный. Но было невероятно скучно. Берег — однообразный пляж, за которым поднимались поросшие лесом скалы, — тянулся без конца.

Драккар качало. Меня качка на воде никогда не волновала, но многие из ребят определенно «заскучали». Вадима вообще развезло — он стоял у борта и явно боролся с тошнотой.

— Около полудня причалим, — перешагивая через скамьи, ко мне подошел Свен. — А там часов восемь через лес — и мы на месте.

— Никогда не думал, что плавать так скучно, — признался я.

Свен отмахнулся:

— Скучно было, когда мы ходили в Америку. Почти два месяца на драккаре!

— Как там, в Америке? — поинтересовался я.

Свен неопределенно повел рукой:

— Да то же, что и здесь...

Тем временем Север, которому, очевидно, в корень надоело скучать, вдруг затянул нарочито грубым голосом протяжную песню:

Эй, варяги,
Эгей, бродяги!
Где вы только были,
Хорошо ль гуляли?!

Несколько мальчишек откликнулись — те, кто знал эту песню:

Мы гуляли за три моря,
Рыбку там ловили!

— Эй, варяги, — снова начал Игорь: —

Эгей, бродяги!
А что скажет Харальд,
Наш король могучий?!

— Пару-ус! — заорал с носа один из англичан...

...Корабль вынырнул из-за мыса километрах в полутора от нас — мы только что прошли мимо. Широкий серый парус держал ветер, а сам корабль очень походил на драккар Свена. Все, повскакав с мест, разглядывали неожиданного попутчика, когда Лаури крикнул с кормы со смехом:

— Эй, Свен! Это, клянусь честью, Тиль ван дер Бок из Терсхеллинга!

— Каким ветром его сюда надуло?! — рявкнул Свен, но не особо сердито.

— Знакомый? — спросил Сергей.

Свен покривился:

— Сложный вопрос... В смысле — знакомый, но в позапрошлом году мы схватились с ним на Канарах из-за стоянки с пресной водой. Он не прочь пограбить своих же белых. Но драккар у него хороший.

— А он не пойдет с нами? — спросил Ян, подошедший к нам.

Свен покусал губу:

— Посмотрим, — наконец сказал он решительно. — Эй, спустите парус! Пусть они нас догонят! И вооружитесь на всякий случай, — уже тише добавил он.

Драккар ван дер Бока и в самом деле начал быстро нас нагонять. Его нос украшала улыбающаяся морда акулы, вдоль ближнего к нам борта цепочкой стояли с десятков лучников. У носа — ногами наружу — сидел, не держась ни за борт, ни за нос, затянутый в черную кожу и казавшийся из-за этого очень высоким и худощавым мальчишка лет

шестнадцати, на коленях поблескивала длинная шпага. Он улыбался во весь рот.

— А, да это старый негодяй ван дер Бок! — рявкнул Свен. — Все за чужим добром гоняешься?!

Акулоголовый драккар шел теперь борт в борт с нами. Тиль — а это, очевидно, и был он — спросил в ответ:

— А ты что, подрядился возить пассажиров, Свен ярл? Кто эти сухопутные крысят?

— Мои русские друзья, — отозвался Свен. «Крысят» поняли все наши и завозились враждебно.

— Русские?! — удивился Тиль и перешел на ломаный, но в целом неплохой русский: — Это здорово! Я восемь месяцев ходил с вашими по Сибири — еще до того, как обосновался на Терсхеллинге! Вы не знаете Йенса Круммера?

— А ты не из тех голландцев, которые живут в большом поселке на островах? — Я вспомнил рассказ немца.

— Я не голландец, а фризон! — поправил Тиль. — Нет, я не из них, но тот поселок я знаю, он на побережье прямо напротив моего острова! Так куда вы плывете с этим белокрысым тугодумом?!

...— Что ж, бить урса — это всегда хорошо, — убежденно заключил Тиль, выслушав наш рассказ. — У меня двадцать пять человек, и я пойду с вами.

Легким движением, небрежным и красивым, он перемахнул обратно на свой корабль. Повернувшись на пятках, вскинул руку:

— Я иду за вами!

* * *

Со Свеном и Тилем мы разошлись почти сразу, а Ян повел нас к крепости тропинками через горные леса. Сам он шел с передовым дозором, и царило у нас полное молчание. Не потому, что идти по горным стежкам-дорожкам было тяжело, а просто на всех внезапно снизошло очень серьезное настроение.

Не знаю, как остальные, а я вновь и вновь обдумывал свой поступок. В смысле — то, что я сам пошел на помощь незнакомым людям и веду в сражение своих друзей. И не есть ли это признак сумасшествия?

Если честно, я так ни до чего определенного и не додумался. Может, и успел бы, но шагать в самом деле было трудно, и я скоро отключился от отвлеченных мыслей, сосредоточившись на дороге. Как это часто бывает, в мозгах засела одна строчка: «На палубу вышел, а палубы нет — ее кочегары пропили!» Она и крутилась там, как магнитофонная лента, склеенная в кольцо.

Начало резко смеркаться — как раз когда мы выбрались на какой-то перевал. И в сумерках увидели впереди цепочку огней, частую и широкую, дугой охватывающую подножие скал.

— Мы здесь были, — тихо сказал Альхимович, догоняя меня, — только выходили с другой стороны.

А через секунду и Ян сказал:

— Это наша крепость.

Определить расстояние до ночных огней было трудно. Они казались близкими, но что уж я знал точно — так это насколько обманчивы ночные расстояния. Однако Ян расстояние знал:

— Тут восемь километров, — пояснил он, сбрасывая наземь плащ. — Сейчас, наверное, надо отдохнуть, князь. А действовать перед рассветом. Тут урса не появятся, они не знают тропы на перевал.

— Хорошо, — кивнул я, снимая вещмешок. — Огня не разводим.

— Замерзнем, — подал голос Олег Фирсов.

— Ничего с нами не сделается, — возразил Саня, — сплошная романтика... Ужинать

будем?

— Непременно, — отозвался я, — и как можно плотнее. А в следующий раз поедем у чехов... Ян, ваши нас накормят?

— Конечно, — серьезно сказал чех. — Вы же идете сражаться вместе с нами...

...Мы пожевали запасы, взятые с собой, буквально запихивая в себя еду — есть никому не хотелось, — и начали укладываться. Часовых я решил не выставлять — зачем? Лучше пусть отдохнут до утра. Завтра будет интересный день.

Я поймал себя на этой ироничной, нехарактерной для меня мысли, уже когда завернулся в одеяла и улегся рядом с остальными. Возились недолго — за последние шесть часов все очень устали, да и настроения не было говорить, тем более — шутить.

Я думал, что не усну. Или, во всяком случае, засыпать буду долго... на самом деле я просто выключился, едва натянул верхний край одеяла на лицо на манер капюшона.

Мне снилось, что я стою на кирсановской автобусной станции, одетый совершенно так же, как сейчас, с оружием... Вокруг — пусто, и улица пустынна, только ветер кружит на подъездной дороге клочки бумаги и теплую пыль. Вроде бы лето. А потом подходит пустой автобус без водителя, двери открываются бесшумно, и машина замирает этим проемом прямо передо мной.

Внутри по-прежнему пусто. Солнечно. И — страшно. Очень страшно.

Заплутал, не знаю где,
Чудо чудное глядел,
По холодной по воде
В жалком рубище
Через реку, через миг,
Брел как посуху старик,
То ли в прошлом его лик,
То ли в будущем.

Полею, полею, полею,
Белым-белым полем дым,
Волос был чернее смоли,
Стал седым.

А старик все шел, как сон,
По пороше босиком,
То ли вдаль за горизонт,
А то ли в глубь земли...
И чернела высота,
И снежинки, петля устав,
На его ложились стан,
Да не таяли.

Вдруг в звенящей тишине
Обернулся он ко мне —
И мурашки по спине
Ледяной волной.
На меня смотрел и спал.
«Старче, кто ты?» — закричал.
А старик захохотал,
Сгинул с глаз долой.

Не поверил бы глазам,

Отписал бы все слезам.
Может, все, что было там,
Померещилось.
Но вот в зеркале, друзья,
Вдруг его увидел я,
Видно, песня та моя
Все же вещая!

Александр Розенбаум

Я проснулся от холода, беспощадно забиравшего под одеяло. Было еще совсем темно, только светили звезды. Многие уже поднялись и жевали завтрак.

— Проснулся? Доброе утро. — Сергей протянул мне длинную полоску копченого мяса. Меня трясло от пронизывающей свежести, но, когда я сбросил одеяла, дрожь постепенно стала проходить.

— Может, мы что-то не то делаем, а? — тихо спросил я Сергея, принимая мясо.

— Ты думаешь о том, что мы можем погибнуть? — проницательно поинтересовался он, жуя свою порцию.

— Я думаю о том, что мы можем погибнуть, — согласился я и передернулся.

— Здесь или где-то еще, сейчас или потом... — Сергей пожал плечами и вытер руку о шуршащую палую листву. — Что же теперь — спрятаться в какие-нибудь болота и сидеть там?

— Ты уверен, что это не лучший выход? — напрямик спросил я.

Сергей ответил не сразу. Он потянул из ножен свой палаш и положил его на ладонь, любуясь сумрачным блеском лезвия.

— Никто не скажет, что я трусил, — тихо проговорил он наконец. — Я не знаю, сколько мне придется тут прожить, но я хочу жить, а не прозябать. Если бы ты позавчера решил не идти, я бы ушел сам.

— Скажи, — спросил я, — Ленка хотела пойти с тобой?

— Конечно. — Он удивленно взглянул на меня...

...Уходя, мы бросили одеяла и вещмешки в одну кучу у корней дерева. Я оглянулся через плечо.

И подумал, что, может быть, эти вещи так и останутся лежать тут, пока не засыплет их снег уже близкой зимы.

* * *

— Ну ты-то всегда хорошо бегал. — Вадим подтянул на груди перевязь меча. — А я терпеть не могу.

— Я тоже еще не бегал на пять километров, — заметил я. — Тем более — за такие призы.

Подошел Ян, пожал мне руку:

— Удачи вам.

— Тебе — тоже. Доберись. — Я помедлил и хлопнул его по плечу: — Доберись, слышишь?

Он кивнул и бесшумно канул в подлесок.

Я медлил, словно время, оттягиваемое мной, могло что-то изменить — и боя не будет. Потом оглянулся на своих.

Они все были уже на ногах — переминались, переглядывались, но молчали, и оружие у всех было взято на изготовку. И во взглядах, брошенных на меня, было понимание.

— Ну что, — я улыбнулся, — это уже не турпоход, кажется, а?

— Мало похоже, — согласился Олег Крыгин. А Вадим, все это время глядевший в сторону, тихо, но внятно сказал:

— И можно жизнь свою прожить иначе,
Можно ниточку оборвать...
Только вырастет новый мальчик —
За меня, гада, воевать...

— Пошли, что ли? Чего тянуть?..

...Не знаю, какие там мыслишки копошились у урса в черепашках, но купились они так же легко, как ребенок — на конфетку. Полтора десятка явно случайно вышедших к осадному лагерю и открыто растерявшихся белых мальчишек — желанная добыча, развлечение и добавка к меню, поэтому в погоню дернула чуть ли не половина осаждающих. При виде такой толпы даже не пришлось особо изображать страх...

Мне в какой-то момент показалось, что я не рассчитал наших сил. Да и то сказать — полгода назад я (а я всегда был очень неплохим бегуном!) не смог бы пробежать пять километров без перерыва даже по ровненькому стадиону, не то что по горному лесу. К счастью, за эти полгода многое изменилось, и нам удавалось удерживать урса метрах в двухстах за нашими спинами.

Еще я боялся заблудиться и не выйти к ущелью. Но приметы на местности совпадали даже с первого взгляда.

На бегу я сдувал с носа соленые капли. Длинные волосы мотались над плечами и липли ко лбу — очень противно и надоедливо. Шпагу приходилось нести подхватом в левой руке, она здорово мешала. Урса позади орали на разные голоса, они бы давно попытались рассыпаться и охватить нас кольцом, но узости, через которые мы то и дело шли, мешали.

Я держался в хвосте — вперед мы пустили тех, кто помладше или похуже бегают. И я с тревогой замечал, что «голова» начинает сбиваться в «хвост».

Рядом со мной бежал Север — он был великолепным бегуном, много раз выигрывал соревнования города и сейчас лихо держал темп.

— Можем не добежать, — не сбивая дыхания, заметил он. — Смотри, как медленно впереди бегут... И урса ближе стали...

Я оглянулся и резко ослабел — лучше бы этого не делал! Урса и в самом деле съели не меньше трети расстояния, а мы пробежали-то всего полдороги!

Я догнал Кольку Самодурова и бросил ему коротко, чтобы не задохнуться:

— Стой.

Он глянул недоуменно, но остановился — даже с удовольствием, пропуская мимо себя колону. Я достал и взвел наган. Увидев это, Колька, ни слова не говоря, сдернул со спины свою вертикалку.

— Картечь? — спросил я. Он кивнул. — По команде. Шесть выстрелов, не больше.

— Мало не покажется, — заметил Колька, — у меня тут волчья, по девять в патроне...

Урса тут же сбавили темп, и голосить стали поменьше. Все-таки они были очень трусливы, и меня неприятно поразила эта мысль: что нам приходится погибать в схватках с таким шакалем. Все равно что волку воевать с крысами...

Они перешли на шаг, но все равно приближались. У меня мерзко и неожиданно скрутило живот. Полсотни метров.

— Че-то страшно, — со смешком сказал Колька.

— Страшно. — Меня дернуло нервным спазмом.

Сорок метров. Они шли, переглядываясь и каркая, скрипя, шелкая опасливыми и злыми голосами.

Тридцать метров.

Зерна упали в землю, зерна просят дождя.
Разрежь мою грудь, посмотри мне внутрь,
Ты увидишь, там все горит огнем.

Через день будет поздно, через час будет поздно,
Через миг будет уже не встать.
Если к дверям не подходят ключи, вышиби двери плечом.

Мама, мы все тяжело больны...
Мама, я знаю, мы все сошли с ума...

Сталь между пальцев, сжатый кулак.
Удар выше кисти, терзающий плоть,
Но вместо крови в жилах застыл яд, медленный яд.
Разрушенный мир, разбитые лбы, разломанный надвое хлеб.
И вот кто-то плачет, а кто-то молчит,
А кто-то так рад, кто-то так рад...

Ты должен быть сильным, ты должен уметь сказать:
Руки прочь, прочь от меня!
Ты должен быть сильным, иначе зачем тебе быть.
Что будет стоить тысячи слов,
Когда важна будет Крепость руки?
И вот ты стоишь на берегу и думаешь, плыть или не плыть.

Мама, мы все тяжело больны...
Мама, я знаю, мы все сошли с ума...

«Кино»

...Дымящиеся гильзы вылетели мне под ноги. Я вскинул руку с револьвером, стреляя в упор — раз, два, три!.. Еще дважды огненной метлой ахнула картечь... Я вновь стрелял — уже в спины — раз, два! — и схватил Кольку за руку:

— Хватит, не стреляй!.. Беги!

— А ты? — Он медлил. Я, выбивая шомполом гильзы, загонял в барабан новые патроны, натываясь в пояс на пустые гнезда:

— Беги, говорю!

Колька побежал, не оглядываясь, но ружье неся в руке. Я начал пятиться, угрожая револьвером; урса стояли на месте, и я побежал тоже, сразу взяв разбег. Через несколько секунд позади вновь завыла погоня...

...Наверное, наша с Колькой стрельба все-таки помогла, потому что мы с ним нагнали наших лишь у входа в ущелье. Я бросил взгляд вправо-влево — никого видно не было, и на миг меня посетила абсурдная, но страшная мысль: а что, если никого тут нет?! Что тогда?! Но через секунду я заметил Свена — он из-за камней коротко взмахнул рукой и опять исчез, как в воду канул.

Ущелье ахнуло эхом. Мы пробежали низину, и я заорал, с трудом тормозя:

— Сто-о-ой!!!

Остановились все с видимым удовольствием, с железным присвистом обнажая оружие. Урса вваливались в ущелье радостной толпой, но вой и визг резко стихли — очевидно, наша решимость поколебала то, что у них по недоразумению именовалось «боевым духом». Тем более что сейчас они находились ниже нас метра на четыре и явно не желали одолевать подъем навстречу клинкам.

А эта заминка решила все. Слева и справа на скалах выросли лучники Свена и Тиля, а остальные их мальчишки законопатили вход в ущелье.

Наступила тишина. Лишь эхо дыхания пульсировало в ущелье. Потом раздался голос Свена — он сказал по-английски:

— Вот и все! Лучники!..

...Урса, разделившись надвое, отчаянно бросились на прорыв, расстреливаемые из луков (я пожалел, что мы оставили девчонкам аркебузы). Стрелы с хрустом вонзались в спины, пробивали черепа, рассекали грязную кожаную одежду, пронзали щиты, доставая тех, кто пытался скрыться за ними...

Но и добравшихся до нас оказалось предостаточно.

Кончик палаша в моей руке разрубил череп между глаз здоровенного чернокожего под пернатым головным убором, достав мозг. Другого я пометил в горло над щитом. Слева мне в пояс ткнулся асsegай, но нанести удар у урса не получилось — Сморгч, хэкнув, молодецким ударом своего топора практически располовинил урса и, захохотав, рывкнул:

— Чего стоим?! Вперед надо идти!

И мы пошли...

...Подобной мясорубки я себе и представить не мог. Приторный, удушливый запах крови повис в ущелье плотным густым пологом, мешая дышать. Мы не потеряли ни одного человека — урса были растеряны и не сражались даже, а так — наугад отмахивались клинками, десятками погибая от наших ударов.

Переступая через трупы (и не ощущая вообще ничего, кроме легкой усталости), я подошел к Свену и Тилью, пожал им руки. Фризон был ранен — брошенная тола рассекла ему левый висок, и он, весело скалясь, вытирал все еще текущую кровь ладонью, размазывая ее по щеке. Я так и пожал окровавленную сильную ладонь...

— Полдела сделано, — подытожил Свен. — Теперь надо завершать, а это может оказаться посложнее...

Я отошел к своим. У нас тоже кое-кто получил царапины, на каковые постепенно переставали обращать внимание, и среди мальчишек царило веселье. Похоже, даже излишнее, отдающее головотяпством.

— Быстро мы их! — размахивал руками Бэн. — Раз, два, три — и капец, а?!

— Хватит болтать, — оборвал я хвастливый треп. — Собираемся и идем обратно.

— Главное, чтобы не пришлось бежать, — отметил Вадим. — Это будет уже лишнее.

Нам пришлось все равно задержаться еще на какое-то время — лучники методично собирали стрелы, стараясь не пропустить ни одной. Я первый раз видел так близко здоровенные английские луки, о которых столько читал, — они были одинаковые у англичан, норвежцев и фризонов.

* * *

Каждый из отрядов сложил по костру. Мы сделали это на трех соседних полянах и навалили верхним слоем зеленые ветки. У меня еще работала зажигалка, но последнее, на что ее хватило, — как раз подпалить растопку.

Странно, но почему-то это меня огорчило. И очень. Словно бы лопнула еще одна ниточка, связывавшая меня... с чем?

Я подкинул зажигалку на ладони. И бросил ее в разгоравшееся пламя...

...Плотный белесый дым костра клубами повалил в небо. Частично он растекался и по поляне, оттесняя нас к ее краям. Из этой пелены вынырнул Тиль.

— Пора! — крикнул он, извлекая из ножен шпагу и салютуя ею. — Дым в крепости наверняка виден! Если Ян дошел, сейчас будет вылазка!

— Ну что ж... — Я натянул перчатку и, обнажив оба клинка, махнул палашом своим: — Пошли, ребята! Закончим начатое!..

...Мы вышли на опушку метрах в трехстах от лагеря урса как раз когда впереди прокричал рог и на узкую тропку-перемычку начали высыпать из крепости вооруженные люди. Рог вновь подал сигнал; над людьми возникло знамя — цвета запекшейся крови, с белым львом.

— Вперед! — вновь прокричал я. И откуда-то всплыло еще одно слово, которое я выплюнул с приязгом — боевой клич: — Р-рость! — и не удивился этому крику,

подхваченному за моей спиной:

— Ро-о-ось!!!

...Урса было все еще примерно вдвое больше, чем всех нас вместе взятых. И они просто не могли поверить, что окружены.

А я почему-то думал о сгоревшей зажигалке. Только о ней.

Дагой — вверх ассегай, пригнуться, по ногам круговым — ххахх!

Ногой в щит, ногой по руке с ятаганом, палашом — острием — сверху вниз — ххахх!

Палашом по древку ассегая, поворот, сбоку по шее дагой — ххахх!

Поворот, ятаган палашом вниз, поворот, дагой между глаз — ххахх!

Пригнуться, ятаган дагой вверх, палашом удар в бок — ххахх!

— Ро-ось!

Урса — те, кто еще оставался в живых, — бросая оружие и беспорядочно отбиваясь, разбегались вдоль опушки, сшибали и топтали друг друга, пытаясь вырваться из засады. Их догоняли и беспощадно, наотмашь, рубили. Я толком пришел в себя, стоя по колено в ручье. Возле моих ног лежал разрубленный от плеча до пояса урса, а Тиль, хлопая меня по спине, говорил:

— А ты бешеный, русский! Хороший удар, отличный удар, князь!

Я слегка обалдело огляделся и чихнул. Два раза подряд, как у меня обычно бывает.

Урса сдавались. Многие из них уже стояли на коленях, скрестив на голове руки, побросав оружие и согнувшись. Я видел не всех своих, но почему-то не мог беспокоиться.

Переступая через трупы, ко мне шел темноволосый парень — рослый, плечистый, в кожаной кирасе с металлическими накладками и кожаном шлеме с красивой серебряной полумаской. Сапоги и лосины мальчишки были забрызганы кровью, над плечом качалась широкая крестовина меча-бастарда. Не доходя до нас нескольких шагов, темноволосый снял шлем и, надев его на рукоять, наклонил голову; глаза на суровом, красивом лице были широко посаженные, серые, на лбу — шрам.

— Борислав Шверда, — протянул он мне руку, с которой ловким движением сдернул высокую крагу с зубчатым раструбом. — Я рад помощи. — Он говорил по-русски без акцента, но откусывая фразы. — Я рад тебе, князь Олег. И тебе, вождь Тиль. Хотя вижу вас обоих впервые. Но где Свен ярл, мой друг?

— А правда, где Свен? — Тиль обернулся, словно ожидал его увидеть за своей спиной...

...Свен ярл умирал. Лаури подложил ему под голову урсаитянский щит, чтобы тот лежал повыше, но кровь все равно шла из горла норвежца. Две толлы торчали в его груди выше сердца, брошенные буквально в упор. Они пробили кожаный панцирь.

Постепенно к Свену подходили все новые и новые люди. Оставались стоять — молча и опустив головы, потому что ничем помочь тут уже было нельзя. Люди Шверды, Тиль, самого Свена, мои друзья... Многие были ранены, но никто даже не пытался заняться собой.

— Лаури... — Глаза Свена стали осмысленными. Его стурман нагнулся к нему, и Свен точным движением вложил ему в ладонь рукоять палаша. — Твое... — с трудом, но ясно сказал он. — А моя удача... кончилась сегодня... — Он заговорил по-норвежски; двое ребят-норвежцев тоже опустили на колени, да и англичане, похоже, понимали. Но вдруг Свен снова перешел на английский: — Где русский князь?

И я понял, что он уже не видит.

— Я здесь. — Я встал на колено. Чужой мальчишка умирал передо мною. Шесть лет проживший на этой земле... — Я слушаю тебя, ярл.

— Это... ловушка, Хельги, — сказал он, назвав меня их, северным, именем. И глаза его застыли, как схваченная морозом вода в родниках.

А я вспомнил надпись, которую Танюшка прочла на полу башни, где мы нашли оружие. ТРАП. ЛОВУШКА.

— Свен, Свен... — Лаури тронул его за плечи. — Свен ярл, мой побратим... Как две руки были мы с тобой, как два зорких глаза... Как жить мне теперь, когда половина моя

осталась в этих скалах мертвой? Как сражаться, если отрублена моя правая рука? О Свен, что я скажу Изабель?!

Он закрыл глаза мертвому. Меня передернуло. Не от страха, не от отвращения. От тошнотного осознания ужасного факта: Свен умер. Его больше нет.

— Приведите сюда тех урса, что взяли, — сказал Лаури, поднимаясь и доставая широкий нож. — Я порадую тебя, брат, — тихо произнес он, обращаясь к мертвецу. — Порадую...

К нему подтащили урса, бросили на колени. Лаури схватил его за волосы, уперся коленом в спину...

Я отвернулся.

Отслужи по мне, отслужи...
Я не тот, что умер вчера.
Он, конечно, здорово жил
Под палящим солнцем двора!
Он, конечно, жил не тужил,
Не жалел того, что имел...
Отслужи по мне, отслужи —
Я им быть вчера расхотел!

С места он коня пускал вскачь,
Не щадил своих кулаков...
Пусть теперь столетний твой плач
Смоет сладость ваших грехов...
Пусть теперь твой герб родовой
На знаменах траурных шьют!..
...А он бы был сейчас, конечно, живой,
Если б верил в честность твою!

Но его свалили с коня,
Разорвав подпругу седла...
Тетива вскричала, звеня, —
И стрела под сердце легла...
Тронный зал убрать прикажи!
Вспомни, что сирень он любил...
Отслужи по мне, отслужи —
Я его вчера позабыл!

Я вчера погиб не за грош —
За большие тыщи погиб!
А он наружу лез из всех своих кож —
А я теперь не двину ноги.
В его ложе спать не ложись —
Холод там теперь ледяной...
Отслужи по мне. Отслужи.
Умер он. Я нынче — другой...

Александр Розенбаум

На равнине между скалами и лесом полыхал громадный костер. Сжигали Свена ярла, а с ним — двух его павших людей и одного человека Тиля, возле огненной могилы которых Лаури лично зарезал девятнадцать схваченных урса. Трех своих погибших людей Борислав похоронил на кладбище в одной из горных долин.

У меня потерь не было, хотя Сергею сильно разрубили ятаганом спину, сломав ребро, а Игорька Мордвинцева ранили толлой в правое плечо, повредив сухожилия. Мы отдыхали в горных пещерах Борислава...

Чехи жили очень хорошо. У них был скот, они сеяли зерно и разводили огороды в нескольких удобных долинах. Пещеры отапливал пар (впрочем, из-за этого тут было сыровато). Они ткали льняные и шерстяные полотна и даже работали с серебром, месторождения которого имелись в горах. Действовали несколько водных двигателей.

А еще они отбивали нападения — снова и снова.

Борислав сам показывал мне свое владение. Явно по-мальчишески гордясь им. И я его понимал.

— А это — наш тронный зал, — сказал он без усмешки, пропуская меня вперед в сводчатый проем.

Внутри, в овальном зале, горели факелы. Навстречу мне с двойного... ну, трона, что ли... покрытого шкурами, над которым висело знамя со львом, поднялась задрапированная в плащ девушка. Борислав обошел меня и, встав возле нее, весело представил:

— А это княгиня Юлия...

«Ута», — подумал я удивленно. Это мне вспомнился рисунок из учебника истории за 7-й класс, статуи на каком-то соборе: герцог Эккерхед и его жена Ута. Тонкое, красивое лицо, немного печальные глаза, щека естественным жестом прижата к высоко поднятому вороту плаща... Мальчишески стройный Борислав ничуть не напоминал широколицего, кряжистого, вовсе не дворянски-утонченного Эккерхеда... да и Юлия с крепкой спортивной фигуркой не была похожа сложением на хрупкую Уту... но вот лицо, его выражение, этот жест... Странно — я был просто очарован. Ничем другим и объяснить было нельзя то, что я встал на колено перед троном и, взяв руку Юлии, наклонился к ней губами. А потом, распрямившись, тихо сказал:

— Я рад встрече, княгиня Юлия. Здравствуй.

* * *

— Пусть ваши раненные лежат у нас. — Борислав бросил мне на руку теплый плащ на меху. — Выправятся — мы проводим их к вам... И вот еще что. — Чех посмотрел мне в глаза. — Может быть, вы переберетесь сюда совсем? Нам нужны люди.

Я посмотрел вниз, в долину, где еще дымил костер, а над горами, над лесом, вставало бледное солнце.

— Нет, Борислав, — покачал я головой, — мы уже договорились: не сидеть на месте.

— Как знаешь. — Он не стал больше уговаривать, словно знал, что это бесполезно. — А раненых все-таки оставь.

— Оставлю, — согласился я. — Но сами не задержимся, уж прости, — нас ждут наши девчонки.

— Я понимаю, — кивнул он.

* * *

Я проснулся от того, что в мой спальник тянуло холодом. Не открывая глаз, я забурчал что-то, самому себе не совсем понятное, вытащил левую руку и закрылся откинувшимся клапаном. Дуть перестало, я снова пригрелся, но — вот скотство! — уснуть не мог. В голову дружным строем полезли разные мысли и заботы, еле слышно трещал костер...

А снаружи стояла странная тишина. Какая-то даже тревожная, я различал плеск ручья на склоне, и этот плеск звучал странно, одиноко и громко.

«Что-то случилось», — тревожно подумал я и сел в мешке, высвободив руки.

Мы заспались. В угол откинутой занавеси — как раз туда дуло — лился дневной — точнее, утренний — полусвет, четкой полоской лежавший на полу. В пещере было холодно,

костер почти догорел.

Спросонья мечтая о тапочках, я нехотя вылез наружу. На меня немедленно напал колотун, и я, поправив плавки, рванулся подбросить дровишек на угли — и стоял, сунув руки под мышки и потирая одну ступню о другую, пока костер не разгорелся вновь. По пещере поплыли волны тепла, и я, удовлетворенно вздохнув, направился по шкарам к выходу. Приподняв край занавеси повыше, шагнул наружу — и окаменел.

Меня резануло холодом, но это дошло до моего сознания только через миг. А первое, что я увидел, — побелевший мир.

Нет, это был не снег. Просто ночью ахнул мороз и все вокруг — черные ветви деревьев, жухлую траву, камни, землю — покрыл иней. Ровным густым слоем. Дыхание взрывалось в воздухе белыми тугими облачками и растекалось струйками в стороны. Мир, казалось, онемел, и только ручей звенел одиноко — вот почему мне показался таким странным его голос.

«Так наступила зима, — подумал я, озираясь. — Наша первая зима пришла. Вот она, я ее вижу, и она холодная, как дома. И небо прозрачное-прозрачное... а солнце сейчас встанет...»

— Неплохо, а? — с камня возле входа соскочил Колька. Он был одет уже по-зимнему. — Это недавно так легло, я уже стоял... Ты давай отсюда, оденься, простынешь ведь.

— Доброе утро, — сказал я, улыбнулся и не без удовольствия нырнул обратно.

— Доброе утро! — крикнул мне вслед Колька и зашуршал по инею куда-то в сторону...

...Постепенно просыпавшиеся ребята и девчонки в обязательном порядке выбирались наружу, чтобы посмотреть вокруг. Даже Сергей вышел, хотя вообще-то старался поменьше вставать — неожиданно плохо заживала рана от ятагана. Выходила и Танюшка.

Ко мне не подошла...

...Иней скоро стаял, выглянуло и даже пригрело солнце, но с северо-запада медленно, почти незаметно, подбиралась серо-сизая снеговая туча во весь горизонт. Я объявил день свободным от тренировок — нипочему, просто так; а что, нельзя, в конце-то концов?! — и мы, раскочегарив на тренировочной площадке костер побольше, уселись возле него кружком и просто жарили свежее мясо, посматривая на тучу, заливающую небо расплавленным гудроном.

Игорь Басаргин взял свой «инструмент» (его, кстати, на общем совещании решили называть «гуслями» — и амбец, мы так хотим!). Тронул струны...

Когда-нибудь, страшно подумать — когда,
Сбудется день иной,
Тогда мы, дружище, вернемся туда,
Откуда ушли давно...

Север подумал и присоединился — два грубоватых, но красивых мальчишеских голоса пели вместе:

...Тогда мы пробьемся сквозь полчища туч
И через все ветра,
И вот старый дом открывает наш ключ,
Бывавший в других мирах...

Я и не заметил, как голоса Танюшки и Ленки Рудь тоже вплелись в песню:

...Обнимем мы наших любимых подруг,
Снимем рюкзак с плеча.
В забытую жизнь, в замечательный круг
Бросимся сгоряча.

Там август, как вилы, вонзает лучи
Теплым стогам в бока,
Там тянут речные буксиры в ночи
На длинных тросах закат...

Танюшка сидела по другую сторону огня от меня. И от этого был в песне горький привкус, похожий на запах полыни...

...Другие ребята за нами пойдут
Дальше, чем мы с тобой,
А нам оставаться по-прежнему тут, —
Что ж, отгремел наш бой.
Но если покажется путь невезуч
И что на покой пора,
Не даст нам покоя ни память, ни ключ,
Бывавший в иных мирах...¹

Я видел, что многие девчонки прилегли на плечи своих парней. И мне очень-очень захотелось, чтобы и Танька... ведь было же такое! Что я сделал не так, почему она в последнее время словно стенкой от меня отгородилась?!

Костер у подножья зеленой горы,
Тропа наугад и на ощупь.
Кому эта радость — ночные костры,
И разве остаться не проще?
И ради чего ты оставил свой дом —
Отчаяния, ссадин и пота?
Что могут увидеть глаза за горбом
Последнего дальнего взлета?
Пусть новые горы взойдут за хребтом —
Движенье дороже итога,
И дело не в том, что отыщешь потом,
А в том, что подарит дорога...

Я подтолкнул в огонь несколько полешек, выпрямился, удобней привалился к камню.

...Тепло костерка, чистоту родника,
Скупое нещадное время
И то, что не названо словом пока,
Но властно над каждым и всеми...
Костер у подножья зеленой горы,
Тропа наугад и на ощупь.
Кому эта радость — ночные костры,
И разве остаться не проще?²

— Ребята, — вдруг сказала Кристина, — я вот что подумала... — стало тихо, хотя и без этого разговоров почти не было. — Вот мы сидим тут вместе все. По-моему, нам хорошо... — Это звучало немного смешно, но никто не засмеялся. — Я вот что хочу сказать... —

¹ Ю. Визбор.

² В. Ланцберг.

Обычно Кристина за словами в карман не лезла, так что ее неожиданное косноязычие само по себе удивляло. — Я хочу сказать, что я, Кристина Ралеска, клянусь, — она протянула руку над огнем, — я всегда останусь со своими друзьями — плечом к плечу в радости и горе, до самой смерти, какой бы она ни была.

Вновь повисло молчание. Кристина села.

А я — встал. И, протягивая руку над огнем, обвел всех взглядом...

Сколько б ни стерлось лет
С тех незабытых пор —
Молча мне смотрит вслед
Школьный пустынный двор.
Ждет он шагов твоих,
Чтоб их легко узнать.
Разве он может их
Взять и под дождь прогнать?

Нам не дано пустить
Жизнь-киноплёнку вспять —
Вовремя что-то простить,
Вовремя что-то понять,
Не упустить тот миг,
Что нам дарила жизнь...
Что ты раскис, старик?!
Мы ведь с тобой — держись!

Будет снова листва кружить,
Будет слово стихи рождать —
Обязательно будем жить,
Обязательно будем ждать!

Обязательно будем жить,
Обязательно будем ждать!¹

Рассказ седьмой Люди крови

Ты должен быть сильным
Ты должен уметь сказать
«Руки прочь, прочь от меня!»
Ты должен быть сильным —
Иначе зачем тебе быть?!

«Кино»

Я проснулся около семи — по ощущению, потому что не особо смотрел на часы, а свернулся удобнее в спальнике и остался лежать, с наслаждением переживая минутки приятного безделья. Судя по всему, никто не вставал еще, кроме дежурных.

Наверное, я бы опять уснул, но слышались шаги, голос Андрюшки Соколова что-то

¹ Ю. Шевчук.

спросил, и я понял, что ошибся, — не семь, а восемь, смена часового. Начал подниматься кто-то — я вспомнил, что сейчас идет Мордва, и, со вздохом откинув клапан спальника, сел, кивнув всем, кто не спал.

Андрей, стоя у огня, стягивал куртку. Игорь, сидя на лежаке, шнуровал сапоги. По другую сторону костра сидела Ленка Власенкова с блокнотом на колене, а Наташка Бубненко, пристроившись рядом с ней на корточках, мешала в побулькивающем котелке. В нашем жилище было достаточно тепло, хотя по полу, как всегда, поддувало. Я влез в штаны и отправился в угол умыться.

— Все тихо? — плескаясь водой из котелка, я искоса посмотрел на Андрея. Тот помотал растрепавшимися волосами, потом зевнул:

— Холодно... А так все тихо. Волки опять подходили к низу тропинки, дальше не пошли.

— Поел?

— Поел час назад... Я ложусь.

— Я пошел, — сказал Игорь, затягивая капюшон. — Когда чай вскипит — вынесите мне.

— Вынесут, иди. — Я проводил его до выхода, постоял, ежась, пока Игорь не занял место, и вернулся к огню. — Правда холодно... Чем кормите?

— Гуляш. — Наташка куском кожи прихватила ручку котелка, переставила на камень. — Немного... Еще вон там чай брусничный заваривается... Олег, я тоже пойду спать, ладно? Всем ведь уже вставать пора.

— Иди, конечно. — Я окликнул Андрея, который еще не лег: — Кинь сапоги... Оп. Спасибо.

— Лен, — обратился я к Власенковой, — ложилась бы ты спать тоже. Что я тебя, как маленькую, загоняю? Ведь каждый вечер почти!

— Да, Олег, — вместо нормального ответа спохватилась она, — там часа в три от Шверды двое прибежали.

— Ночью? Что случилось?! — встревожился я.

Ленка успокаивающе махнула рукой:

— Нет, ничего... Они нас всех зовут Новый год встречать. Прислали муки. Килограммов пятнадцать. Мы послов с твоей Танюшкой накормили, так я и не ложилась.

— Они что, ушли?

— Нет, вон там спят... Я, Олег, думаю — надо отказаться. — Она помахала блокнотом. — Это морально важно. Наш первый Новый год тут, мы все живы, вот и надо встречать самим... Я тут поглядела, — она вновь раскрыла книжку, — что мы можем соорудить на праздник... Вот смотри.

Вместо того чтобы смотреть, я с улыбкой тронул ее висок:

— Что бы мы без тебя делали?

— Питались бы одним мясом, — уверенно ответила она. — Ладно, хватит меня в нос тыкать. Смотри, говорю! — Она толкнула меня локтем в бок. — Если теперь есть мука — можно соорудить торт, печенье... Кстати, остальное я предполагаю замутить на сухари. А то сожрут за полмесяца в виде свежего хлеба — и все, а весной фигу.

— Откуда у них зерно? — немного не в тему спросил я.

— Пшеница дикая в нескольких ущельях растет, я узнавала, — пояснила Ленка. — Они вообще неплохо живут.

— Неплохо, — кивнул я, — только вон едва отбились... Ладно, что там у тебя еще?

— Кисель, — она подчеркнула в блокноте ногтем строчку какой-то каббалистики. — И компот. Из сухофруктов. Леваш ягодный. Свежего мяса на леднике горы — сделаем шашлык с луком, жаль, помидорков и перца нет...

— Помидоров, — педантично поправил я. — До Америки доберемся — будут и помидоры, и перец, и картошка. И кукуруза.

— Кукурузу я не люблю, — категорично отрезала Ленка и карандашом почесала нос.

— Не ешь, — согласился я. — Что там у тебя еще?.. Э, погоди, а уксус для шашлыка?
— Сделали мы уксус, — буркнула Ленка. — Думала, ты не спросишь... Яблочный, правда...

— Спросил, и что тако... — Я внимательно посмотрел на нее. — И бухло забодяжили?
— Какие слова... — вздохнула она. — Тоже надеялась — не сообразишь... Яблочную наливку поставили. Не очень много, так, по глотку... Ну, Олег, Новый год же!

— Ладно, ладно, — отмахнулся я. — Что там еще у тебя?

— Копченья — рыбка-птичка... Мед — в чистом виде подадим и в пряники... Ты не знаешь, как там, в древние времена, напиток тот, мед, делали?

— Не знаю, — признался я. — Читал много, а как делали — не в курсе.

— Ладно... Тесто сделаем на закваске, уже поставили... Салатик — рыбка соленая, капуста квашеная, свекла, соленые огурцы. И все, наверное?.. А, нет, грибов еще нажарим! Вот теперь все.

— Ну что, получится вполне приличный праздничный вечер, — одобрил я. Помолчал. Ленка тоже молчала, закрыв блокнот. Я спросил: — Лен, а как ты Новый год встречала?

— Дома, — тихо ответила она и, резко встав, сказала: — Я правда, наверное, пойду спать. Скажи Олегу... нет, я потом сама.

Она как-то очень быстро легла, а я взялся за гуляш — если честно, не ощущая его вкуса, хотя он был с жареным луком и каким-то очень вкусным соусом. Потом лениво потянулся к котелку с чаем — тот настоялся и был в меру горячим, но мне и пить-то как-то расхотелось, я заставил себя сделать несколько глотков и, поднявшись, накинул на плечи один из меховых плащей. Потом взял котелок и вышел наружу.

Еще не рассвело толком. Голубой свет лежал на сугробах, призрачно синели снежные шапки, устроившиеся на ветках. Особая зимняя тишина замерла над замороженным миром. Через проход в скалах я видел волка — он сидел в снегу на хвосте, подняв лобастую морду, и хмуро рассматривал меня янтарно-желтыми глазами. К волку подошел, низко опустив голову, второй — зевнул, нервно дернув головой, и, быстро повернув голову в мою сторону, замер.

Игорь подошел сбоку, похрустывая снегом. Я подал ему котелок.

— Мне ночью сон снился. — Игорь отпил брусничного настоя, помолчал и продолжал: — Тараканы взобрались на кухонную подставку и хором поют. Да ведь на три голоса! — Он дернул плечами и добавил: — Приснится же такое...

— Что пели? — спросил я. Игорь удивленно поднял подбородок: — Что пели? — повторил я.

— А черт его знает, — пожал плечами Игорь, снова отпив чаю. — Помню, что пели, и все... Ты, как Иришка встанет, скажи, чтоб пришла, скучно же стоять.

— Скажу, — пообещал я, направляясь обратно к пещере и плотнее запахивая плащ. Но навстречу мне вышли двое парней — позевывая и потягиваясь. Одного я узнал с ходу — это был Ян. Второй — смуглый синеглазый парнишка с золотистыми кудрями — нагнулся, зачерпнул пригоршню снега и начал вытирать лицо, пофыркивая и сплевывая.

— Доброе утро. — Ян пожал мне руку. — С наступающим — так у вас говорят?

— Рождество-то отметили? — осведомился я.

— А то... Ну, пойдете к нам на Новый год?

— Вы что, сейчас обратно? — уточнил я. — Подождите, пока солнце взойдет... Князю и Юлии передай привет и наилучшие пожелания с благодарностью, но мы в своем кругу как-нибудь... И вообще, — я понизил голос и, опершись ладонью о камень, слегка прижал чеха корпусом, — не надо меня убеждать, что вы отмахали сорок километров, чтобы довезти нам милое приглашение и муку.

— Ладно, — охотно пожал плечами Ян. — Но сорок километров — это плевков... Люди и больше проходят... Георгий, иди сюда.

Золотоволосый подошел. Пожал мне руку и на очень плохом английском — как раз достаточно плохом, чтобы я понял, — заговорил:

— Мы живем на Скадаре, это озеро. Десять дней назад я был там.

Начало мне показалось очень интересным. Если я правильно помнил — до Скадарского озера на албанско-югославской границе было около восьмисот километров.

— Мы живем там третий год. Двадцать пять человек, в основном — греки. Две недели назад с юга к нам прибыли ребята, тоже греки — они живут на островах. Они предупредили нас, что идут урса — много, около полутысячи. Одеты по-зимнему, идут медленно, специально ни на кого не нападают. Когда урса пришли на наши земли, мы отступили, но взяли двух пленных. Одного — не из простых... из этих, странных, которые знают языки... — Я кивнул, вспомнив свой плен и допрос с невольной дрожью. — Он рассказал перед смертью, что его отряд идет специально на князя Шверду. Один из наших раньше жил на севере, он венгр — он знал, где живет Шверда. Мы пошли на север, чтобы предупредить. На берегу залива, километрах в ста отсюда, на нас напал отряд урса — другой отряд. Ференци убили толлой. Я был ранен, но легко, сумел оторваться и найти их... — Он кивнул на чеха.

— Через неделю после Нового года они будут здесь. — Ян вздохнул. — Поможете? Австрийцы с запада еще обещали подойти...

— Мы с тыла резанем, — добавил Георгий.

— Конечно, — кивнул я. — Через денек после праздника я подскочу к вам, все как следует обговорим.

— Тогда мы пойдем. — Ян оглянулся. — Борислав нас еще ночью ждал, но ваши девчонки тебя разбудить не дали.

— Вы собирайтесь, а я кое-что сделаю, — с этими словами я вошел внутрь.

* * *

— Вообще-то я очень люблю Новый год, но ради общего дела готов рискнуть. — Саня потянулся и зевнул.

Мальчишек я поднял и выгнал по насущным делам — большинство на тренировку, но Андрей Альхимович с Колькой и Валькой ушли на охоту, пообещав вернуться засветло. Большинство девчонок спали, только Ирка ушла к Игорю да Ленка Рудь и Наташка Крючкова поднялись и теперь занимались делами по хозяйству.

— Ничем не надо рисковать, — отмахнулся я. — Отпразднуем. Бери Сморча. Бери Бэна. Бери Севера. Пойдешь искать урса, про которых грек рассказывал. Не воевать с ними, а искать и контролировать передвижения. Помнишь, как тогда с бугровскими пацанами? — Саня кивнул, его лицо, обычно насмешливое и живое, построжело, глаза были внимательны. — Когда войдут в предгорья — пошлешь кого-нибудь ко мне.

— Похоже, ты всерьез собираешься воевать со Злом, — заметил Саня.

— Тебя это не устраивает? — осведомился я.

Саня пожал плечами:

— Ты — князь...

— Иди, разомнемся! — окликнул меня Сергей. Голый по пояс, он пританцовывал на снегу. Я махнул ему и, скидывая куртку, в которой вышел из пещеры, направился к поджидающему в боевой стойке другу. Через несколько минут от нас повалил пар, и Сергей теснил меня ко входу. В какой-то момент я подался в сторону, захватил его запястье и швырнул Земцова через себя, но он не упал, а встал на ноги и, засмеявшись, обнял меня за плечи мокрой от пота рукой:

— Отлично!

— Неплохо. — Я нагнулся за курткой. — Слушай... Когда разберемся с урса, пойдешь на юг?

— Пойду, — пожал он плечами. — Зачем?

Я засмеялся — ответ был вполне в его духе.

— Понимаешь, я весной хочу идти в Грецию. Надо бы заранее разузнать, что там к чему. Возьми Басса, Олега Крыгина — и посмотри. Йенс на карте ничего не показал, они там

не были.

— Сделаю, — кивнул Сергей. — Давай-ка еще!

— Позже. — Я поймал брошенные Бэном клинки. — Ну, есть желающие?..

...Санек, как и все остальные, многому научился. Пожалуй, он даже ловчей меня владел двумя руками. Я замахнулся для рубящего удара сверху в голову палашом — Саня мгновенно вскинул дагу, но я не ударил, в самый последний миг дернув палаш назад и вниз — так, что он образовал с моей же дагой букву Х. В ее развилку попала выброшенная мне в грудь валлонка Сани, и я, сделав дагой такое движение, словно что-то соскребал со своего палаша, отбросил ее в сторону. Одновременно моя рука с палашом дернулась назад, вперед — и кончик клинка замер в сантиметре от груди Сани, который даже не успел опустить вскинутую над головой дагу.

— Если сделать это быстро, — отвел я клинки в стороны, — то такой удар неотразим... Коль, займись со всеми самбо. — Я вонзил клинки в снег и, достав из перевязи два метательных ножа, отошел к мишени. Тут же через куртку пробрался холод.

Последнее время я усиленно тренировался в метании и делал успехи. С кистенем — что-то не получалось, а вот ножи слушались меня все лучше и лучше. Но сейчас, бросив все три (и попав в цель!), я закончил тренировку и, подобрав оружие, пошел в пещеру, успокоительно махнув рукой в ответ на полетевшие в спину вопросы.

Девчонки поднялись, но вели себя достаточно вяло, как-то неактивно готовили завтрак и вообще больше делали вид, что занимаются делами. Танюшка вообще ничего не делала, если не считать того, что с вдумчивым видом играла с Ленкой Чередниченко в шахматы, недавно сделанные Колькой.

— Кто выигрывает? — спросил я, подходя и присаживаясь рядом.

— Первую играем, — ответила Ленка.

Танюшка мельком посмотрела на меня и, зевнув, уставилась в доску, расчерченную на плоском камне.

— Тань, я вот думаю, — вновь попытался я затеять разговор, — у нас где-нибудь толстая кожа есть?

— Есть, — отрезала она, — у тебя. Своя собственная.

Я убито вздохнул. Последнюю неделю Танюшка была какая-то взвинченная и всем недовольная. Когда я попросил ее постирать плавки — она их тщательно намочила в холодной воде и этот тяжелый, мокрый, ледяной комок бухнула мне на живот. На голый, между прочим. Не знаю, что на этот счет подумали другие, а я почему-то даже обидеться не смог.

— Олег, — уже в спину окликнула меня Танюшка. Я обернулся. — Нет, ничего, иди.

Я ушел не сразу. Какое-то время глядел на нее — и она отвела глаза.

* * *

Вадим догнал меня метрах в двухстах от нашего лагеря. Это было не особо трудно — я и на настоящих-то лыжах ходил так себе, а уж на самоделках... А вот он лыжником всегда был неплохим, что и доказал сейчас, легко меня настигнув и двинувшись рядом. Молча, ровным спортивным накатом. Я тоже помалкивал, отмахивая руками, только уныло.

В молчании Вадима было сочувственное понимание. Это меня бесило. Потом он сказал:

— Смотри, как вытерло.

Я глянул, куда он указывал, — на свое бедро. Чтоб удобней было идти на лыжах, я подвернул полы сделанной Танюшкой зимней куртки, и Вадим показывал на то место, где ножны палаша стерли кожу штанов до белесого цвета.

— Да, — равнодушно ответил я.

— Пусть Танька заплату поставит, — сказал он.

Я усмехнулся:

— Танька... Кто она мне, чтобы штаны латать? Сам сделаю...

— Олег, — очень серьезно сказал Вадим, — я вот понять не могу. Ты такой умный парень. И такой дебил в некоторых вопросах.

— Да? — не обиделся я. Мне было как-то все равно. — Ну например?

— Сергей на год почти младше тебя, — продолжал развивать свою мысль Вадим, — а они с Ленкой еще осенью подо всеми кустами в округе траву поукатали.

— Знаю, — лениво ответил я, — какой бы я был князь, если б не знал... И, между прочим, знаю и про вас с Наташкой. Только молчу, потому что это ваше дело.

Вадим намек, кажется, понял, но не унялся:

— Да я не об этом... Ты что, не понимаешь, за что она на тебя взъелась?

— Нет, — честно ответил я.

Вадим сделал большие глаза и постучал по лбу (своему) кулаком:

— Ну ты и ку-ку.

— Хороший звук, — заметил я, — постучи еще.

Он не преминул стукнуть меня в лоб и заявить:

— Звук еще лучше. Чистый дуб. Мореный. Она за тебя боится, а ты мало того что лезешь на рожон — вспомни, что ты отмочил, когда мы отбивали урса?! — так еще и ведешь себя как нерешительный кретин. Ты ее целовал?

— Не пользуйся тем, что я хуже хожу на лыжах, — попросил я.

— Не могу видеть, как на корню засыхает мой лучший друг. Не лопух, чай... И вообще — поехали-ка обратно, — предложил он, — завтрак сейчас. Или ты к братьям-славянам завтракать намылился? Так это мы только к следующему завтраку поспеем, не раньше...

Я остановился, откидывая капюшон.

— Нравится она мне, Вадим, — признался я. Он смотрел серьезно и понимающе. — Люблю я ее. Давно. Оттуда еще. Она косо глянет — и мне плохо. Улыбнется — в душе все поет. Понимаешь? Ведь у тебя есть Наташка...

— У нас с ней все не так... — возразил Вадим. Низачем стряхнул снег с большой разлапистой ветки. — Романтик ты, Олег. Ну, может, и она — тоже... Все. Не буду тебе больше ничего советовать. Но правда — идем обратно. Скоро Новый год, Олег. Глядишь, что-то у вас наладится...

...Танюшка нашла меня, когда я устраивал в импровизированной стойке свои лыжи. Подошла, тихо спросила:

— Зачем тебе кожа, Олег?

Я повернулся к ней. В зеленых глазах была чуточка виноватости, скрытая за деловитостью, как за дырявым плетнем.

— Куртку себе хочу сделать, — пояснил я, — доспех такой, как у ребят Лешки. Вон, Сморч делает такой.

— Есть толстая кожа. — Танюшка кивнула на закрывающую вход на склад плетенку, обтянутую шкурой. — Там. Я принесу.

— Спасибо, Тань, потом. — Я покачал лыжи, удостоверившись, что они стоят прочно.

* * *

Из всех Новых годов в своей жизни я только один — в третьем классе — встретил не дома, лежал в больнице на операции. Помню, что мне было мало того что плохо после анестезии, но еще и обидно, что Новый год встретят без меня. Этот праздник для меня всегда был «домашним». Я и подумать не мог, что когда-нибудь придется встречать Новый год — так.

Я понимал, что эти ребята и девчонки вокруг — они теперь и есть моя семья. Они на самом деле были моими друзьями. Но мне вдруг стало почему-то почти физически тошно от предпраздничной искренней суеты, от радостных лиц, а самое тяжелое — некуда было уйти от всего этого. Просто уйти в комнату и закрыть за собой дверь.

Все общее. Казарма...

Ох, как же плохо мне было в последний день старого, уходящего, 87-го года... Вдвойне плохо от того, что я должен был делать вид: мне тоже весело, мне хорошо, все просто здорово...

...Девчонки нас отпихнули от «стола» окончательно и бесповоротно. Сами они при этом носились, как электрополотеры, производя немногим меньше шума. Все повседневные дела у нас валились из рук — такое состояние в праздники, конечно, знакомо всем, — и только Север с Арнисом хладнокровно простегивали (по Сморчовскому и моему примеру) себе бригадины из полос толстой кожи, изо всех сил делая вид, что ничего необычного не происходит.

Я полулежал на своем спальном месте — затылком в стену, подбородок в грудь. Танюшка мотнулась наружу, что-то с хихиканьем протащила на ледник, следом за ней вихрем пролетели еще несколько девчонок. Они явно готовили какой-то сюрприз, но меня это почему-то совершенно не колебало.

— Олег, сколько времени? — пихнул меня локтем Санек. Я поднес к глазам свою испытанную «Ракету»:

— Полчаса осталось.

— Так-так! — оживился и весело озаботился Саня, вскакивая. — Пора шашлык мастерить... Бэн — за мной!

Сергей, верная душа, перебрался ко мне — почувствовал мое настроение. Толкнул меня в колено, тихо спросил:

— Ты чего?

— Ничего. — Я сел, скрестив ноги. — Так, раскис немного... Пройдет.

Сергей посмотрел с сомнением, но больше ничего не сказал. И не ушел.

Стол у нас был настоящий — собранный на козлах из подогнанных одна к одной жердей, но низкий, чтобы можно было сидеть прямо на шкурах, устилающих пол. По пещере уже повсюду плыл запах шашлыка, а девчонки аккуратно и быстро таскали на стол все новые и новые грубые глиняные блюда. Как всегда чудовищно медленно ползли последние полчаса. Да еще и при совершенно неновогодном настроении.

Игорек Басаргин достал гусли — этот самый «официально утвержденный» гибрид арфы, гуслей, лиры и гитары с натянутыми вместо струн кусками конфискованной у Игорька Мордвинцева лески. Эта штука звучала, как ни странно, вполне приемлемо, и все, даже я, учились на ней играть. У меня получалось настолько отвратно, что у Игоря руки опускались.

Игорь сбавил про то, что «вокруг растут березы и прочие дрова», подпели хором. Потом рванул совершенно нам незнакомую — очевидно, сочинил как раз к Новому году, очень смешную:

...Дед Мороза долго били,
Оторвали бороду,
А Снегурочку водили
Голую по городу!
Мы все вместе целовались —
Женский пол и пол мужской, —
А потом в снежки играли
И трезвые пошли домой!..

— Как там шашлыки?! — крикнул Вадим. Санек поднял, не глядя, большой палец: они со Бэном ворочали над углями с краев костра длинные ветки шампуров. По пещере плыли, странно не смешиваясь, как спиртные слои в коктейле из иностранных фильмов, запахи шашлыка, пачева, компота и еще черт-те чего.

Вернулся выбиравшийся наружу Олег Фирсов. Размахивая руками, он почти заорал:

— Там такой кайф!!! Луна! Все вокруг серебряное! Искры по деревьям! Как лампочки

— настоящий Новый год, пошли смотреть!

Мальчишки повалили к выходу. Я остался в инертном состоянии и положении. По моему, этого даже и не заметил никто, что меня обидело до конца и последнего края. До такой степени, что я почти решил: сейчас лягу спать. Было без пяти минут полночь. Конечно, реально могло быть и больше, и меньше — часы-то я подводил приблизительно. Но с другой стороны — вся наша жизнь сплошная приблизительноность, философски подумал я. Мысли перебил вопль Ленки Власенковой:

— Мальчишки-и-и-и!!! За сто-ол!!!

Подниматься не хотелось, но не подняться — значило весьма бессовестно испоганить всем настроение. Нет, не «всем». Друзьям. А это немножко совсем другое, поэтому я, поднявшись, переместился за стол и подставил котелок под разливаемую девчонками из кожаного бурдюка золотистую струю с отчетливым запахом спиртного. Мне этот запах никогда не нравился, да и вообще — спиртное у нас в компании в особом почете не было. Возле стола быстро и с шумом рассаживались все, несколько девчонок в страшной спешке зажигали самодельные жировые светильники, расставленные по центру стола. Слева от меня приземлился Сергей, а справа...

Справа — Танюшка.

Не успел я радостно осмыслить этот факт, как Ленка Черникова, перегнувшись через стол, бесцеремонно вывернула мне руку и завопила, глядя на мои часы:

— Полночь! Новый год!

— Ур-р-р-р-ра-а-а!!! — от души, не сговариваясь и очень слаженно грянули все за столом, радостно потянувшись друг к другу котелками.

Санек переорал радостный гам:

— Поздравляю всех, что вы живы, и желаю встретить будущий год в том же составе!

— Ур-р-р-р-ра-а-а!!! — взревело застолье вторично и снова полезло друг к другу чокаться котелками, как в фильмах о Великой Отечественной. Я собрался было, перечокавшись, поставить котелок, но внезапно увидел глаза Танюшки и ее губы. Она шепнула:

— С Новым годом, Олег.

— С Новым годом, Тань. — Я тронул ее котелок краем своего, отпил кисловато-сладко-горькую жидкость и только после этого поставил посудину на стол. — Тебе что положить?

— Клади всего понемногу, — попросила она. — Салатика побольше положи.

— Потолстеть боишься? — подковырнул я.

— Тут особо не потолстеешь, — возразила Танюшка, — при такой-то жизни... Веришь, нет — *там* я Новый год всегда ждала, потому что просто... ну, ощущение радостное! А тут наполовину — чтобы налопаться по самое горло... Смешно.

«Смешно» она сказала как-то сердито и обиженно. Я поступил очень мудро — навалил на глиняную тарелку гору салата, сдвинул на один край, а другой украсил копченостями, грибами и длиннющим шампуром, в шашлык на котором Танюшка тут же злобно вгрызлась, брызнув мясным соком себе на щеки. Шашлык у Сани удался как обычно — я это понял, едва сам взялся за шампур. Весь день не жрал, а на столе все было вкусным. Правда — вкусным, девчонки расстарались. Я, например, никогда не любил кисель — но тут он был двух видов, черничный и малиновый, обалденный. За столом бурлили уже отдельные разговоры и продолжали работать челюсти. Когда первая волна схлынула, Ленка Власенкова, толкнув Наташку Бубненкову, умчалась на ледник, а оттуда они вытащили, держа в высоко поднятых руках, большое блюдо. Блюдо грохнулось на мгновенно расчищенный центр стола, в него сразу сунулись физиономии тех, кто сидел ближе. На миг воцарилась тишина, потом кто-то неуверенно-радостно сказал:

— Мо... мороженое?..

— Черничное! — торжествующе заявила Ленка. — Уберите лапы!!! — Она едва ли не грудью легла на холодную горку. — Сама положу!..

...Самопального яблочного самогона хватило едва грамм по сто пятьдесят. Я так и не допил, да и наелся очень быстро — за собой мне такое было известно: не нажираться с ходу, а весь праздник то и дело возвращаться к столу. Несколько человек отправились гулять, кое-кто даже лыжи взял, но большинство оставались за столом и хором удивительно слаженно «а капелла» орали на мотив старой «По полю танки грохотали»:

Над полем стрелы пролетали,
И Пересвет взлетел в седло...
А Че-лу-бе-я-а...
Мы вида-али-и...
С ним даже драться запаadlo!

Француз штыком в Россию тыкал,
Да не прошел Бородино...
На-по-ле-о-он здесь...
Горе мы-ыкал...
А мы их «оппа!» все равно!

Фашист пришел и в нас стреляет!
Ох, лютовал он здесь, подлец...
Но вся Евро-опа-а...
Нынче зна-а-ает...
Какой фашиста был конец...

Потом девчонки хором спели под общий хохот: «И когда оборвутся все нити и я лягу на мраморный стол, я прошу вас — не уроните — бум! — мое сердце на каменный пол!..» Басс вновь перехватил инициативу вместе с арфолирогитарой и, аккомпанируя себе резкими аккордами, запел свою — такой мы еще не слышали:

Это даже не обида,
Это в общем не беда.
Не показывайте виду,
Что вам страшно, — никогда...

Все разговоры умолкли после первого куплета. Игорь *умел* писать стихи — печатал их в газете, и пели их почти все тургруппы района — шуточные, лирические, философские, даже про войну... Но *таких* мы от него не слышали ни разу. Станный металл звенел в голосе, а глаза — глаза смотрели сквозь нас, сквозь каменные стены, куда-то в морозную лунную ночь. И в зрачках колебалось пламя светильников. Я увидел вошедшего с холода Кольку Самодурова — он смеялся чему-то, когда вошел, но сейчас привалился к камням у входа плечом, поднес ладонь к губам и так окаменел не хуже окружающего базальта, не отрывая взгляда от Игоря.

Ты не смей о страхе помнить,
Ты не должен отступать.
Если кровь — зажми ладонью,
Если больно — наплевать...

Танюшка нашарила на столе мою руку и отчаянно сжала пальцы. Я даже не очень это заметил.

Если жутко — улыбайся,

Если ранят — ничего.
Научись смеяться, если
Трое — и на одного...

Игорь приглушил ладонью струны, отложил инструмент и, обведя нас всех блестящими глазами, резко поднялся, вышел, на ходу схватив теплую куртку. Мы не сразу зашевелились. Так и сидели, ошарашенные этой песней. Не знаю, как остальные, а я ощущал какую-то звенящую, напружиненную пустоту внутри, как перед схваткой. Какие-то образы всплывали в этой пустоте — словно поднявшиеся из глубин той памяти, которую зовут наследственной.

Север неуверенно потянулся за лирой, взял ее. Пощипал струны, устроился удобнее и тихо запел хорошо всем знакомую, словно разбавляя густую тишину...

Знаешь ли ты, как память
В эти часы остра?
Стиснутые лесами,
Мы сидим у костра...¹

Я вышел наружу. Луна, хотя и неполная, сияла; серебристыми искрами брызгали сугробы. Поднявшись на скалу, я невольно улыбнулся — местность не казалась мертвой. Несколько человек неподалеку катились по склону между деревьями. Перекликались голоса. Кто-то развел большой костер, возле него Саня что-то объяснял своей сестре. Совсем неподалеку Вадим сбивал с лыж слежавшийся снег, а Наташка Крючкова за его спиной коварно лепила снежок.

Я выбрался на тропинку, ведущую от нашей пещеры, и подошел к костру. Санек с сестрой уже куда-то умелись, и я, присев на притащенное кем-то бревно, уставился в огонь.

Настроение улучшилось... Нет, неправильно — настроение изменилось. Мне было спокойно и чуть грустно. Кончится праздник, придут урса, снова будут схватки, и, может быть, чья-то кровь зальет снег — не может ведь нам бесконечно везти... Кто это будет, интересно?

Заскрипел снег. Я не очень охотно обернулся; за моей спиной на лыжах стояла Татьяна. Мою пару она держала в руках.

— Пойдем, походим на лыжах? — предложила она. Я молча поднялся, принял у нее самodelки, начал затягивать ремни вокруг пятки унтов. — Олег, тебе не кажется, что мы тут друг с другом меньше, чем в Кирсанове? Все время рядом — а вместе почти не бываем.

— А тебе этого хочется? — Я выпрямился.

Танюшка накинула капюшон:

— Я же пришла... Там тепло, светло, еда и поют. А я пришла.

— А тут красиво, — возразил я и подумал, что и правда глупо себя веду. И даже как-то странно, словно меня от нее магнитом отталкивает.

Мимо нас, держась за руки и смеясь, проехали Арнис и Ленка Рудь. Синхронно перевалили снежный бугорок и остановились погреться у огня. Мы проводили их глазами и — бок о бок, по целине — двинулись в лес. Я провел по поясу, найдя наган, и обратил внимание, что у Танюшки на ремне висит ее кинжал.

В лесу было жутковато и красиво, как в серебряном сне. Тонко, хрустально звенел бегущий ручей — тот самый, что вытекал от нашей пещеры. Смех и выкрики слышались и здесь — они, словно тонкая ниточка, связывали нас с реальным миром в лунном мираже, через который мы двигались.

— Почитай мне стихи, — попросила Танюшка. Я, глядя себе на носки лыж, тут же негромко откликнулся:

— Ты меня на рассвете разбудишь...

¹ Музыка В. Бокова, стихи В. Сидорова.

— Не надо, — выдохнула Танюшка.

Я, по-прежнему не глядя на нее, упрямо продолжал, и она больше не перебивала...

...Проводить необутая выйдешь...
Ты меня никогда не забудешь...
Ты меня никогда не увидишь...

Заслонивши тебя от простуды,
Я подумаю: «Боже всевышний!
Я тебя никогда не забуду,
Я тебя никогда не увижу...»

Не мигая, слезятся от ветра
Безнадежные карие вишни...
Возвращаться — плохая примета!
Я тебя никогда не увижу...

Даже если обратно вернемся
Мы на землю, согласно Хафизу —
Мы, конечно, с тобой разминемся...
Я тебя никогда не увижу.

И окажется так минимально...

Голос у меня вдруг сорвался, но я коротко передохнул и продолжал:

...Наше непониманье с тобою
Перед будущим непониманьем
Двух живых — с пустотой неживою...

И качнутся в бессмысленной выси
Пара фраз, долетевших досюда:
«Я тебя никогда не увижу...»
«Я тебя никогда не забуду...»¹ —

и я повторил еще раз:

— Я тебя никогда не увижу. Я тебя никогда не забуду, Тань.

— Олег. — Я оглянулся. Танька стояла, держась высоко поднятой рукой за ствол дуба, губы у нее кривились. — Олег, ну зачем ты это прочел?

— А что — плохо прочел? — Я провел ладонью по щекам. Получилось зло. Танюшка качнулась. — Прости, — попросил я. — Давай еще погуляем.

— А если не прощу? — жестко спросила она. — Если я сейчас скажу: «Больше не подходи ко мне. Никогда». Тогда — что, Олег?

— Я не подойду, — ответил я и, подойдя к ней, уронил в снег меховые краги, взял ее ладони в свои. — Ты рукавицы забыла, — и начал осторожно дышать на них. — Так что, прогонишь?

— Нет... — слабо выдохнула она. — Подними, настынут же...

Я поднял краги и надвинул их на руки Танюшки:

— Хорошо ты меня обшила.

— Мне это было приятно, — призналась она. Я не нашелся, что ответить, да и не очень

¹ Стихи А. Вознесенского.

хотелось отвечать. — А как у тебя волосы отросли, смотри... — Она протянула мою прядь пальцами к моим же губам. Губы у меня против моей воли дрогнули — и Танюшка отдернула пальцы, словно обожглась. — Пойдем еще пройдемся, — как ни в чем не бывало предложила она...

...Мы вышли на то место, откуда был виден морской залив. Сейчас он выглядел пугающе. Вода замерзла почти на расстояние взгляда, только далеко-далеко за этим серебряным полем чернела полоска открытого моря. В лунном свете по льду километрах в трех передвигались несколько черных фигур.

— Мамонты, — сказала Танюшка. — Сколько времени, Олег?

— Пять минут третьего. — В лунном сиянии отлично было видно циферблат. — Ого!

— Пошли обратно, пошли, — заторопилась Танюшка, — нас там уже ищут, наверное...

* * *

Около костра все еще сидели несколько человек, рядом торчали воткнутые в снег лыжи, а по рукам ходило несколько дымящихся котелков. Но в целом шум улегся. Возле подъема к пещере стоял Сергей; увидев нас, он оживился и махнул рукой:

— Я уже и беспокоиться начал... Гуляли?

— Угу, — буркнула Танюшка, снимая лыжи.

Я, занимаясь тем же самым, спросил:

— Наши все тут?

— Не, — мотнул головой Сергей. — Власенкова Ленка с Олегом где-то мотаются тоже. Да ты не беспокойся, ничего с ними не будет.

Я, если честно, и не собирался беспокоиться. А собирался поесть и погреться. Тепло в пещере показалось мне благословением.

Плошки на столе уже не горели. Было уютно и полутемно, очень как-то домашне. Несколько человек — я даже не понял в полутьме, кто именно, — сидели на дальнем конце стола и, тихо разговаривая, «подъедались». Ближе Сморг с Наташкой Бубенковой, устроившись друг против друга, ели «по-настоящему» — наверное, тоже только что вернулись с прогулки. Потрескивали полешки в очаге, Игорек Басаргин, сидя у стены, негромко напевал, подыгрывая себе, — и большинство наших, устроившись кучей, сидя и полулежа на шкурах вокруг, слушали.

Очень тихо, стараясь даже двигаться бесшумно, я разделся и присел, опершись локтем на край стола. Вошедшая следом Танюшка устроилась у меня за спиной и оперлась локтем на плечо...

Епископ, правом от бога данным,
Перстнем-печаткой скрепил решение:
«Предать распутную девку Анну
Суду святому на очищение!»
Анна-а-а,
Святая Анна...
За то, что грешною красотою
Мужчин смущала, губила сразу.
Они, увидев чудо такое,
Роняли честь и теряли разум.
Анна-а-а,
Святая Анна...
А в подземелье под магистратом,
Где в клетке держали эту красотку,
Нечистая сила неоднократно
Ломала двери, замки, решетки —

Анна-а-а,
Святая Анна...
Палач этим чарам дурным поддался,
Хоть и молитвы всю ночь шептал он.
Он трижды Анну казнить пытался —
И трижды секира из рук выпадала —
Анна-а-а,
Святая Анна...
И вот жестокий костер пылает —
Но диво дивное видят люди:
Огонь преступницу обнимает,
Целует плечи ее и груди...
Анна-а-а,
Святая Анна...
И застывает высоким храмом,
Где жарче бронзового чекана,
Звонницы, абсиды, арки, рамы...
И губы шепчут: «Святая Анна!»...¹

Песня кончилась, Игорь продолжал задумчиво трогать струны. Мы с Танюшкой пересели за стол. Еды еще хватало (правда, мороженого, конечно, не осталось), мы снова нагрузили себе по тарелке из «остатков» — я лично опять был голодный. Наверное, после прогулки, а елось сейчас даже с большим аппетитом, чем вначале. Кроме того, теперь можно было и не спешить, стараясь попробовать все.

— Там так хорошо, снаружи. — Танюшка вздохнула. Я кивнул, жуя кусок ягодного леваша. Хотелось сказать что-нибудь умное, но снаружи появился Санек.

— Во! — удивился он. — Я не понимаю, что вы тут все делаете в новогоднюю ночь?! На воздух, все на воздух, поживей, граждане, а то не успеете!

— Куда не успеем? — поинтересовался кто-то.

— Да потанцевать же! — рявкнул Санек...

...Мороз стал покрепче. Танцевала пока что одна только пара — Игорь Северцев с Кристиной. Оба занимались в Кирсанове бальными танцами и сейчас легко и уверенно кружились около костра. Очень красиво и завораживающе — казалось даже, что на них не меховая одежда, а бальные костюмы. Мы, вывалившись из пещеры толпой, переговаривались и смеялись сперва, а потом застыли и замолкли. Мне даже почудилась на миг музыка вальса — красивая и широкая, как спокойная река...

— Шиз-га-ру-у да-ва-ай!!! — заорал Смorch, нарушив очарование. Я покосился на него с неудовольствием, но Север, засмеявшись, махнул рукой, и они с Кристиной тут же перестроились на брейк, в котором тоже были мастерами. Но это худо-бедно могли у нас танцевать все — особенно «верхушку», а «нижняк» на снегу и не потанцуешь...

...Завалившись на настил — отдохнуть, — я совершенно неожиданно уснул. Даже не уснул, а отрубился, как выключили. И так же странно проснулся — рука с часами была прямо перед глазами, и я понял, что проспал всего минут сорок. Очевидно, сказалось копившееся нервное напряжение.

Танюшка полулежала рядом, держа ладонь у моего виска. Кажется, все наши были тут — валялись индифферентно на шкурах и слушали опять Игоря. Он пел песню из недавно вышедшего на экраны фильма про гардемарин...

По воле рока так случилось?
Иль это нрав у нас таков?

¹ Музыка В. Мулявина, стихи М. Танка (перевод Я. Хелемского).

Зачем троим, скажи на милость,
Такое множество врагов?!
Но на судьбу не стоит дуться —
Там у других вдали — бог весть! —
А здесь, у нас — враги найдутся!
Была бы честь, была бы честь!..

Честь — красивое такое слово из интересных фильмов, романтическое и звонкое... но мы мало о ней думали там. Там это было именно слово из фильмов, совсем не имевшее отношения к нашей повседневности.

Здесь это слово обрело свой первоначальный и единственный смысл, острый и определенный, как клинок шпаги в умелой руке бойца. Честь — это стоять друг за друга. Честь — не предавать своих, не лгать им, не бросать в бою. Честь — не гнуться, не отступать перед врагом. Честь — это... Честь. И все тут. Ни убавить, ни прибавить...

...Не вешать нос, гардемарины!
Дурна ли жизнь иль хороша...
Едины парус и душа,
Едины парус и душа,
Судьба и Родина едины!

В делах любви, как будто мирных,
Стезя влюбленных такова,
Что русский взнос за счастье милых —
Не кошелек, а голова!
Но шпаги свист и вой картечи,
И тьмы острожной тишина
За долгий взгляд короткой встречи —
Ах, это, право, не цена!

Не вешать нос...¹

Я слушал, лежа неподвижно, даже не подавая знака, что проснулся. Все вокруг были свои, все было сейчас хорошо и правильно, и огонь в очаге горел, поленья стреляли золотистыми искрами... и наступил Новый год, и праздник, кажется, удался.

А еще я думал, и эта мысль стояла где-то сзади, как черная фигура на границе освещенного костром круга... думал: а не последний ли это счастливый день для всех нас?

* * *

— В общем, Саня со Сморчем и Бэном висят у них на хвосте... точнее — на боку. — Север повел плечами, разминая их после долгого бега. — Грек твой был прав. Идут — не меньше полутысячи. Осторожно идут, во все стороны дозоры высылают.

— Ничего, — отозвался Сергей. — Ирка с Наташкой Мигачевой сейчас уже, наверное, к чехам подбегают. Да и австрийцы, должно быть, подошли...

Игорь Мордвинцев, Север, Сергей и я стояли на заснеженном склоне среди черно-белых деревьев, неясно рисовавшихся в предрассветном сумраке. Вадим, убежавший на разведку, мотался где-то впереди, выслеживал уже совсем близких урса. Ручей внизу склона, невидимый отсюда, тонко звенел на камешках — незамерзающий, оживленный... Его берегом двигались несколько черных теней — шли кабаны, и их похрюкивание доносилось

¹ Музыка В. Лебедева, стихи Ю. Ряшенцева.

до нас.

— Мы с Ирккой вчера, перед тем, как она ушла, поцеловались первый раз, — задумчиво сказал Игорь.

— Да ты че? — иронично спросил Сергей.

Я толкнул его локтем, но Игорь не обратил внимания на иронию, продолжал озабоченно:

— Зря ты ее, Олег, послал. Ей же тяжело будет... Наташка — та крепкая...

— И парня нет... — кивнул Сергей, я пихнул его коленом, но Игорь снова его не услышал:

— А Иринка — она...

— Она на лыжах бегает в сто раз лучше меня, — не выдержал и я наконец.

— Что нетрудно, — заметил Север и подвигал шпагу в ножнах.

Все умолкли, и в молчании холодный январский рассвет обступил нас со всех сторон — стало даже холоднее, чем было. Мы не двигались, только временами переносили свой вес с одной ноги и лыжи на другую, да еще иногда кто-нибудь зевал, закрывая рот крагой.

— Холодно, — пожаловался Игорь Северцев, похлопывая себя руками по бокам.

— Градусов двадцать, — подтвердил Сергей. — Что, мерзнешь, Север?

— Иди ты, — беззлобно сказал Игорь. — Леший, ты чего молчишь?

Я выдохнул длинную струю густого пара. Мне никогда не нравилось обсуждать очевидные вещи. Как у Гашека: «— Я вчера видел похоронную процессию. — Видать, помер кто-нибудь...» Редкостно содержательный разговор... Да и не казалось мне, что очень уж холодно.

Рассвет медленно-медленно, словно через силу, вползал в лес, остывший и белый. На суку совсем недалеко от нас мрачно сидела ворона, и звон ручейка в овраге казался неуместно-потусторонним. Снег был сухим, и в эту паразитку невозможно даже запустить снежком. Она же этим пользовалась — сидела и по временам скандально орала, чем добавляла уныния к общей картине.

— Не люблю зиму, — неожиданно вырвалось у меня.

— Заговорил! — агрессивно обрадовался Игорь. Но развития атаки не последовало.

Сергей подобрался и вытянул руку:

— А вот и Вадька.

— Угу, — подтвердил я, наблюдая, как Вадим сноровисто спускается на лыжах по склону наискось. Он всегда хорошо бегал на этих деревяшках — даже сейчас, когда на ногах у него не «дрокеры»¹, а именно деревяшки...

Вадим резко затормозил возле нас и левой рукой скинул меховой капюшон.

— Идут, — выдохнул, сбрасывая с ног лыжи. — Десять штук, вот за этим холмом, — он ткнул за спину большим пальцем. — Разведка. Выйдут к ручью.

— Перережем, — уверенно сказал я, стряхивая краги в снег и сбрасывая капюшон. Схватило холодом, но я знал, что это ненадолго. — Вперед, ребята.

Проваливаясь в снег, мы спустились к ручью и присели за деревьями и валунами. Вадим аккуратно вывесил из рукава гирьку кистеня.

— Десять штук — ерунда, — сказал я, подвыдернув из ножен палаш. — Жаль, языка пока не знаем, а то можно было бы одного живьем взять.

Сергей, сидевший ближе остальных к оврагу, помахал рукой и окаменел. Это могло значить лишь одно — урса уже близко.

И точно — через какие-то секунды из-за черных валунов появились первые, и их визгливо-скрежещущие голоса прогнали тишину. В теплой одежде пришельцы казались неуклюжими и еще более уродливыми, чем в летнее время. Из-под надвинутых шапок валил пар.

¹ Ироничная переделка слова «рекорд» — полупластиковых лыж для подростков, популярных в 80-х годах XX века.

Да, их было десять, и они ничего не опасались. И идти им было легче — по берегу...

Второй остановился и, схватив за плечо шедшего первым, что-то завизжал, тыча рукой в наши следы на склоне. Заметили... Ну, вот и хорошо!

— Рось! — заорал я, вскакивая и выдергивая палаш полностью — тусклый свет блеснул на лезвии. Нас разделяли всего несколько шагов, и я преодолел их в два прыжка. Длинное лезвие наполовину утонуло в груди того, шедшего первым... Палаш Сережки отбил над моей головой ятаган второго, кулак моего друга швырнул урса в холодную воду... Двое возникли передо мной, следом подбежал третий. Вскрики, хрип, плеск и лязг повисли в воздухе.

Оступился — вода ледяная наверняка; спасибо, Тань, за сапоги! Звигзagt! Звигт! Выхваченная дага до упора вошла в живот... Зваgt! Зиг! Зиг!

— Рось! Рось!

— Скраг! Скраг!

Званг! Занг!.. Добежал, скот, опять их двое... Кто-то рухнул в ручей — похоже, не наш... Оп! Ушел от секущего удара, а то бы... А итальянскую защиту ты видел?! Йок ты что видел, а теперь больше вообще ничего не увидишь... Последний противник отступал вверх по склону. Шапка с его головы свалилась, острые, крокодильи зубы были оскалены. В левой руке он держал толлу. Ну нет — метнуть я ее тебе не дам, гадес...

Сзади залязгал металл. Не оборачиваться — стоп!

— Олег, все нормально! — весело прокричал Игорь. Краем глаза я заметил, что Вадим сражается всего-навсего с одним урса. Так, быстро мы...

«Мой» урса прыгнул вперед, размахиваясь рубануть в голову. Я увернулся, пнул его в пах и помчался следом за покотившимся по склону врагом, чтобы уже не дать ему встать, — обойдется, выродок...

Урса внезапно остановился, сжавшись на снегу в комок, — я был вынужден по инерции через него перепрыгнуть. Проскользил сколько-то и, ощутив сильный удар в левый бок, развернулся и достал встающего урса рубящим ударом в висок — кабанье-рептилий череп раскололся, заливаясь кровью.

Меня шатнуло, и я, сам не понимая почему, сел в истоптанный снег. Дикая боль рванула бок — такая, какой я ни разу в своей жизни не ощущал. Для такой боли нет слов, нет красок... ее не описать. И она, наверное, слишком сильна для четырнадцатилетнего мальчишки — потому что я и не крикнул, а только открыл рот. Боль забила его, как горячая кислая каша.

— Олег! — дернулся ко мне Сергей. Его противник побежал, я махнул палашом: уйдет же! Сергей резко повернулся, из его руки вылетел метательный нож, и урса, взмахнув руками, рухнул и съехал по снегу в ручей. Нож торчал у него в затылке. — Олег, ты что?!

Сергей все-таки подбежал ко мне, встал на колено, вонзив в снег палаш.

В боли появился какой-то перерыв, и я ответил:

— Не знаю... — Но голос сам собой оборвался мучительным кашлем — и я увидел, что откашливаю струйки темно-вишневой крови.

— Вадька, Север! — закричал Сергей и нагнулся, а потом мне стало еще больнее, хотя это, казалось, было невозможно, и я упал в снег. — Олег ранен!

«Ранен?» — подумал я. Надо мной склонились три лица, а между ними среди низких серых облаков я увидел пронзительно-голубой овал чистого неба.

Потом оттуда, сверху, полилась клубящаяся чернота, и я утонул в ней. Там было спокойное покачиванье, только бок временами дергало, а думать совсем не хотелось, что для меня было необычно. Но потом я ощутил жар огня, услышал голоса — вроде бы и Танькин — и напрягся, пытаюсь понять, о чем они говорят. Глаза у меня вроде бы были открыты, но я видел почему-то только вереницы огненных теней, кружившиеся в странном быстром танце...

— ...селезенка...

— ...кровь в животе...

— ...нет...
— ...он тебя не видит, Тань...
— ...толла...
— ...сразу почти отключился...
— ...будем вытаскивать...
— ...держите его...
— ...Таня, уйди!..

Больно. Мне стало очень больно, и эта боль рванула меня куда-то вверх, навстречу сыплющимся с небосклона звездам...

* * *

Я не умер, хотя Олька говорила — должен был. Наверное, толла все-таки не достала до селезенки — не знаю. Когда я пришел в себя, был уже конец января, — я провалялся без сознания больше двух недель.

Эти недели я тоже не помню. Просто временами в той темноте, где плыл я по нездешним рекам, меня настигала боль; в рот что-то вливалось — и боль уходила, вновь отправляя меня в дремотное путешествие без звуков, запахов, красок и ощущений.

Когда я открыл глаза — была ночь. Злобненький голосок снаружи выпевал песню вьюги: «Вью-у-у... вью-у-у... вею-у-у...» Меня окружала полутьма, подсвеченная отблесками костра, пахнувшая людьми, дымом, жареным мясом, наполненная сонным дыханием и треском дров в очаге.

Боль в боку была, но какая-то поверхностная, как при заживающем порезе, который ненароком задел. Мне даже хотелось потянуться, но я лежал под одеялами и не стал этого делать. Вместо этого я повернул голову.

Справа от меня, скорчившись и положив голову на руки, скрещенные на коленях, сидела Танюшка. Я слышал ее затрудненное дыхание, а потом заметил — или это отсветы костра так пошутили? — круги возле глаз, какие бывают от усталости и недосыпа. Как пишут в старых романах — сердце мое дрогнуло от нежности (правда!), и я хотел ее окликнуть, но не успел — чья-то ладонь легла мне на губы, и я увидел над собой улыбающуюся физиономию Сергея под спутанными лохмами светлых волос, с белозубой и радостной улыбкой.

— Очнулся? — прошептал он. — Привет... Не трогай ее. Мы-то меняемся, а она около тебя днюет и ночует, не отгонишь... Попить, что ли?

Хорошо помню, что я спросил. Меня это почему-то так волновало в тот момент, что все остальные мысли выскочили из головы:

— Эй, а как... в смысле — кто... когда я в туалет?!

если ты хочешь любить меня
полюби и мою тень
открой для нее свою дверь
впусти ее в дом.
тонкая длинная черная тварь
прилипла к моим ногам
она ненавидит свет
но без света ее нет

если ты хочешь — сделай белой мою тень...
если ты можешь — сделай белой мою тень...
кто же кто еще кроме тебя?
кто же кто еще если не ты?

если ты хочешь любить меня
приготовь для нее кров.
слова ее все ложь
но это — мои слова.
от долгих ночных бесед
под утро болит голова
слезы падают в чай
но чай нам горек без слез...¹

Было третье февраля, когда я, опираясь на плечо Танюшки, выбрался наружу. Я всегда ненавидел болеть и пользоваться чьей-то помощью. Но сейчас — другое дело. Танька вела меня, закусив губу, и лицо у нее было таким серьезным, что мне стало смешно...

...Урса потеряли до сотни бойцов еще до того, как подошли к горной крепости Шверды. Мои ребята и появившиеся австрийцы по кусочкам раздвигали их дозоры и фуражиров. Чернокожие, поняв, что чехов им не взять, попытались было тронуться в обратный путь, но их продолжали бить беспощадно — и остатки полутысячной орды растаяли среди неприветливых морозных лесов. Едва ли кто-то вернулся в их земли и донес неведомому начальству весть о судьбе экспедиции. Потерь у нас не было совсем, даже раненым оказался я один. Шверда и конунг австрийцев, молчаливый светловолосый мальчишка по имени Эмиль, навещали меня как раз через день после того, как я пришел в себя...

...— Жаль, что я все это время валялся без сознания, — признался я и с удивлением ощутил, что мне и в самом деле — жаль. Но Татьяна, кажется, была другого мнения. Стягивая у меня на груди меховой плащ, она сердито сказала:

— Ну конечно. Добился бы, чтоб тебе еще и голову снесли.

— Тань, я кыназ или нэ кыназ? — поинтересовался я. — Я, в конце концов, воевать должен со своими рядом. А не под шкурами валяться.

— Навоюешься еще, — безапелляционно отрезала она. — А сейчас сиди и дыши свежим воздухом.

Было холодно. На площадке перед пещерой сверкали клинки и лязгала сталь — шла обычная тренировка, но, когда я устроился удобнее, поединки разом остановились, и все, повернувшись в мою сторону, грянули:

— Слава! Слава!! Слава!!!

И было это вполне серьезно. До такой степени серьезно, что мурашки по коже.

— Тань, — попросил я, — принеси-ка мои клинки.

— И не подумаю... — воинственно начала она, но я, подняв голову и глядя ей в глаза, повторил спокойно:

— Принеси, Тань.

Зелень Танюшкиных глаз на миг вспыхнула.

Но только на миг.

— Сейчас, — кивнула она и исчезла в пещере. Я встал и заставил себя потянуться. Боль родилась в боку, но это была уже приятная боль — так зудит заживающая рана. Теперь я это знал и чувствовал... Нагнувшись, я поднял плащ и бросил его на камень.

— Держи. — Танюшка протянула мне уже освобожденные от ножен палаш и дагу. Я накрест взмахнул ими, чуть покривился, но пошел вниз, на площадку, широкими, уверенными шагами: — Осторожнее! — крикнула вслед Танюшка.

И уселась на плащ — смотреть.

* * *

¹ «Nautilus Pompilus».

Вечером ударил мороз — такой, что в лесу застонали деревья. Даже странно — я и не думал, что так близко от моря могут быть такие холода.

Мы сидели у очага тесным кружком. Пламя ухало и гудело, входную плетенку утеплили дополнительными шкурами.

— Продуктов хватит до середины апреля. — Ленка Власенкова закрыла свой блокнот. — Уж извините. Да и то — не растолстеем.

Я посмотрел на Сергея. Он одной рукой жонглировал своими тремя метательными ножами. Именно он командовал преследованием и добиванием урса...

— Сань, — окликнул я. Тот вскинул голову быстрым движением. — Я тебя хотел поблагодарить за разведку... — Санек отмахнулся, и я позвал Сергея. — Ну что, твой час настал... Пойдешь на юг-то?

— Конечно! — Сергей готов был вскочить, но Ленка удержала его с улыбкой. — Возьму Басса и тебя, Олег. — Он кивнул Крыгину. — Когда выходить?

— Еще чище, — буркнула Ленка Власенкова. — Это мне еще и их снаряжать?

— И их, Лен, — кивнул я и решился перейти к главному: — Мне кажется, что мы все позабыли, как решили весной уходить.

У костра воцарилось молчание. Похоже, все и впрямь слабо об этом задумывались. И, по-моему, не очень-то хотели теперь покидать это место.

Это и было то, чего я опасался. Они привыкли к месту. К дому. И я привык. И не был уверен, что смогу доказать своим друзьям, как опасно оставаться в уютном, обжитом — и практически *незащищенном* месте. Значит — придется *приказать*.

Не лучший вариант.

— Да никто этого не забыл, — сказал Вадим. Он сидел со скрещенными ногами и шлифовал абразивным камешком лезвие тесака.

— Сергей пойдет на юг, — вернулся я к третьей теме. — Доберешься до морских берегов, — обратился я уже к нему. — Ищи хорошие места. И посмотри, кто там обретается. Выйдешь послезавтра. Учти, мы будем ждать тебя, никуда без тебя не пойдём...

— Олег... — неуверенно начал Андрюшка Соколов.

— Не надо, — предостерегающе поднял я руку. — Я знаю, что ты хочешь сказать. И хочу напомнить: это *вы* назвали меня князем. Это *вы* сказали, что *я* буду решать, а *вы* станете выполнять. Ну так вот: когда Сергей вернется с разведки — мы уйдем на юг. Это — *все*.

Мои слова удивили меня самого. Наверное, и остальные тоже удивились — во всяком случае, никто даже и не подумал возразить. Я закрепил свою победу взглядом, которым обвел всех, и продолжал:

— До тех пор — будем сидеть здесь и ждать.

Неожиданно подал голос Богуш. Он за прошедшее время наловчился говорить по-русски, хотя сохранил польский акцент:

— Почему бы кому-нибудь не пойти и на север — хотя бы недалеко? — рассудительно сказал он. — С востока вы пришли. На западе живут чехи и австрийцы. Может быть, посмотреть хотя бы на небольшое расстояние с севера?

Предложение показалось мне здравым.

— Может быть, я пойду? — предложил Вадим. Но я покачал головой и вдруг улыбнулся:

— Предложение хорошее. И я, пожалуй, пойду в эту разведку *сам*. Надо мне размяться — я же почти месяц лежал! А ты, Вадим, останешься вместо меня.

— Олег, ты что, не сходи с ума! — вскочила Танюшка.

Я повернулся к ней:

— А пойдем со мной, Тань?

Обе полуземлянки были брошены уже давно — не в спешке, аккуратно. Даже не брошены, а оставлены. Именно эти полуземлянки были единственным результатом нашего с Танюшкой пятидневного путешествия на север по застывшим лесам. Было холодно, и очень холодно, но мы неплохо себя чувствовали и даже ночевали в тепле, хотя каждый раз тратили на обустройство ночлега немало времени, несколько часов. Я раньше и не думал, что можно на самом деле заночевать на воздухе при температуре минус тридцать — и не только не загнуться, но и чувствовать себя относительно комфортно. В первую ночевку меня пугала сама эта мысль!

Разговаривали мы на удивление мало — и это при том, что я любил поговорить; Танюшка — тоже. Даже по вечерам мы, перед тем, как залезть в спальники, чаще всего молча сидели возле очередной выстроенной снежной стенки у костра и слушали ночной зимний лес. Утром поднимались, ели и вновь становились на лыжи. В полдень останавливались и перекусывали, присев на какие-нибудь упавшие деревья. И опять шли.

Странно — но нам было очень и очень хорошо...

...Тем утром до дому оставалось километров сто пятьдесят, и мы, коротко переговорив, решили не устраивать вечером ночевку, а просто идти с короткими перерывами весь день и ночь — тогда следующим утром мы должны были оказаться уже у родной пещеры, которая нам и правда представлялась — начала представляться — роднее всего родного. Подгоняла мысль о почти настоящей постели и очаге.

Лично мне ошибка стала ясна слишком поздно. Был уже вечер — обычно в это время мы сидели у костра на биваке, — когда начало резко холодать. Очень резко, мы даже вынуждены были опустить на лица ранее не использовавшиеся ни разу меховые маски. А еще через полчаса ходьбы Танюшка тоже, кажется, поняла, что к чему.

Небо на закате было похоже на остывшую сталь. Сизое небо лежало над закатным алым солнцем, как широкий клинок над гаснущим горном. И на этом сизом фоне остро горели россыпи звезд, а за нашими спинами всходила круглая зеленоватая луна, раскинувшая в лощинах черные с серебром тени.

Снег под лыжами не скрипел — он сухо шуршал, словно мы шли по россыпям стальной крошки. Облачка пара взрывались в воздухе с коротким, но отчетливым треском. Они казались черными, а не белыми, как обычно.

В лесу слева от гребня холма, по которому мы шли, отрывисто и страшно хряснуло — мороз разорвал дерево. По белому ровному покрову замерзшего озера в километре от нас впереди лежали алые ровные полосы закатного света.

Танюшка остановилась. Я обошел ее и встал рядом. На меня из узкого пространства между маской и меховым капюшоном глянули ее глаза. На ресницах и оторочке белыми нитями висел иней.

— Не меньше сорока градусов, — сказала девчонка. Ее слова прозвучали громко, но в то же время не дали эха — умерли в раскаленном морозом воздухе, и я вспомнил историю Мюнхгаузена из читанной в детстве книжки: о замерзших разговорах...

— После полуночи будет все пятьдесят, — ответил я и задумчиво посмотрел вперед. Так, не глядя на Таньку, добавил: — Мы не дойдем, Тань. Не сможем.

— Я знаю, — ответила она. Солнце оставило от себя лишь блик. Полосы на озере съезжились. — Давай разбивать лагерь.

— Не успеем, — сказал я, холодея от мысли, что это правда — не успеем. — Я дурак, Тань. Надо было сделать это давно.

Сейчас, когда мы стояли неподвижно, мороз прошибал одежду, как ледяное копье. И все вокруг было холодным и безнадежным, как наше дыхание.

— Олег, что делать? — Голос Танюшки был спокойным, словно мир вокруг нас. — Давай все-таки побежим, вдруг получится?

Я прикинул — быстро, глядя на звезды, которых все больше и больше зажигалось над нами. Двадцать километров — нет, не успеть. Свалимся где-нибудь в лесу — и мороз незаметно приберет нас... Решение пришло мгновенно и неожиданно:

— Тань, закапываемся. — Я выдернул ноги из креплений, обнажил дагу. Снег держал меня, как пол, он резко взвизгнул под клинком.

— Снежный дом? — В руке у Танюшки оказался кинжал.

— Пещера, дом не успеем, — быстро ответил я, кромсая снег и поддомкрачивая плиты, похожие на пенопласт. — Тань, давай, давай, мы спасемся!

Мы прорыли нору глубиной примерно в два моих роста и где-то в метр шириной со скоростью сумасшедших хомяков, после чего заползли внутрь и в четыре руки заткнули вход самым здоровым блоком, точно подходившим к дыре. Я проткнул дагой дыру в «крыше» и повертел клинок, чтобы расширить ее для выхода воздуха.

Было совсем темно и очень тихо, только дыхание Танюшки слышалось рядом. Судя по звуку, она сняла маску.

— Лыжи снаружи остались, — сказала девчонка и завопилась, потом коротко вздохнула. — Что теперь?

— Подстелим твой мешок и залезем в мой, — сказал я, тоже снимая маску и откидывая капюшон. Опалило холодом, я стиснул зубы.

— Мне страшно, Олег, — призналась Танюшка. — Мы не замерзнем?

— Нет, — уверенно сказал я. На этот раз я и правда был в этом уверен. — Тут поднимается температура где-то до нуля. Ниже не будет. А в мешке — совсем тепло. Перележим до утра и пойдем.

— Ладно, — вздохнула она.

Сталкиваясь руками, ногами и лбами, мы начали выпутываться из снаряжения. Раскатывая свой мешок, Танька удивленно заметила:

— Слушай, а ведь потеплело.

— Конечно. — Я довольно хмыкнул. — Я же говорил.

— А если бы ты не говорил — не потеплело бы, — ядовито заметила она. — И вообще — на биваке было бы лучше.

Я промолчал. Что спорить с очевидным? Но в нашей норе в самом деле потеплело, и сильно. Танюшка, судя по звукам, уже лезла в мешок, не сняв обуви. Ну что ж, она права — и я полез рядом.

— Как кильки в банке, — недовольно сказала Танька. Но тут же призналась: — Так еще теплее.

Я закинул клапан спальника, поставив его «домиком» для дыхания. Танюшка еще немного повозилась — самоутверждения ради, чтобы показать, как ей тесно, — и успокоилась.

Я вздохнул — с таким удовлетворением, что Танюшка хихикнула и, несмотря на тесноту, ухитрилась пихнуть меня локтем в бок:

— Счастлив? Еще одна романтическая ночевка на природе.

— Счастлив, что живы, — признался я. Танюшка дышала мне в щеку, ее дыхание пахло молоком и чем-то еще. — Надо же было быть таким кретином, понадеяться на повышение температуры! Хороши бы мы были часа в три утра где-нибудь в поле. На ходу бы замерзли... Тань, — сорвалось у меня, — а когда я чуть не умер, ты... ты сидела со мной, потому что... или?..

Она тихонько засмеялась:

— Олег, ты временами становишься чудовищно косноязычен. Совершенно на себя не похож. И я заметила, что это чаще всего происходит, когда ты говоришь со мной.

Хорошо, что кругом темно.

— Ты боялась за меня? — упрямо спросил я. — За меня... или вообще?

Я ощутил иное тепло — мягкое и чуть влажное. Это были Танюшкины губы возле моего уха.

— За тебя, — услышал я отчетливо. — Ты не видел, каким тебя принесли. Ты был белый с синим, как снег лунной ночью. И все лицо внизу — в засохшей крови. Я подумала, что ты можешь умереть. И мне стало так *все равно* ... так *все равно*, Олег... Я решила — вот

не станет тебя, и меня не станет... Сяду у стены и превращусь в камень. Ты знаешь, что Ольга сказала — наверняка умрешь?

— Знаю, — спокойно ответил я. — Я живучий. И потом, с моей стороны было бы хамством умереть, если ты...

Я умолк. Опять словно перегородка в горле опустилась.

— Что умолк, мастер клинка? — Я не мог понять, насмешка в ее голосе или что?

— Так меня называют? Зря, — ответил я.

— А по-моему — нет, — ответила Танюшка, а у меня не получалось понять, доволен я изменением темы или нет. — Послушай, помнишь, как нам не хватило места на танцплощадке, и ты начал танцевать прямо в аллее?

— Один из немногих случаев, когда ты завела меня на танец. — Я улыбнулся. — Правда, это не танец, а так... ритмичное подергивание.

— Все равно... А через две минуты танцевала вся аллея... Скажи, Олег, — она пошевелилась, — ты ощущал гордость, что люди делают то же, что и ты?

— Я это в одном кино видел, — признался я. — Не помню, в каком. И повторил... Нет, какая гордость? Я же для тебя танцевал, не для них. Даже не для себя... Да и вообще я не люблю кого-то вести за собой. Это значит — отвечать, а отвечать очень трудно... Теперь я это точно знаю.

— А ты правда не чувствуешь, как пахнут цветы? — тихо спросила Танюшка.

— Я не различаю, как они пахнут. Тань, ты единственный человек, которому я их дарил. Просто потому, что тебе нравятся цветы... Знаешь, Тань, когда тебя нет рядом — я не существую.

СКАЗАНО.

— Ты меня видишь? — спросила Танюшка.

— Нет, — чуть пошевелил я головой.

— Поверни голову, — попросила она.

Я повернул. И поймал ее губы своими. Так получилось, только Танюшка этого и хотела. А я... я не знаю, хотел ли я этого. Я об этом вообще не думал и сказал, когда Танюшка чуть отстранилась, — первое, что пришло в голову:

— Обжегся... А почему мы раньше не целовались?

— Потому что впереди было много времени, — мудро и спокойно ответила она. И добавила: — У тебя губы пахнут морозом. И еще травой. Полынью.

— А у тебя молоком, — прошептал я и сам не заметил, как мы поцеловались опять. — Спасибо, Тань.

— Не за что, мой рыцарь, — отозвалась она. — Давай спать. Может быть, утром будет лето?

— Может быть, — согласился я.

* * *

Проснулся я от того, что ощутил — пора просыпаться; неясно, почему, но отчетливо. Танюшка сопела рядом. Было тепло в мешке, но лицом я, подняв клапан, ощутил резкий холод. Снаружи стояла тишь, но в то же время накатывало на меня какое-то напряжение. На миг мне представились урса — стоят снаружи и рассматривают наши глупо брошенные лыжи. Наши предки верили, что злые духи караулят тех, кто счастлив, чтобы нанести удар, когда человеку хорошо...

Своих часов я не видел, но, кажется, уже начинало светать, а значит — было холоднее всего. Я начал выбираться из спальника. Танька тихо застонала, пробормотала: «Ну куда ты?..» Я ничего не ответил, и она толком не проснулась. Я ощупью нашарил палаш и дагу. Попался под руку наган, но я не был уверен, что он сработает на таком морозе. Кое-как развернувшись в тесной темной норе, я собрался и толчком выбросил наружу закрывавший вход блок.

В меня вонзились два ножа. Один — в глаза: ослепительно-алым утренним сиянием полыхали снега. Второй — в легкие: ледяной воздух вошел внутрь, как безжалостный, остро заточенный гвоздь. Окажись вокруг урса — я был бы убит на месте. Меня парализовало.

Урса снаружи не было. Но и пустоты не было тоже.

Около наших лыж — всего в трех шагах от меня — как-то по-звериному и в то же время очень ловко-пластично сидел на корточках, упираясь левой рукой в снег, мальчишка немного помладше меня. Чуть шевелился мех на отброшенном на плечи широком капюшоне куртки. На длинных каштановых волосах серебрился иней. С узкого, смуглого от ветра и мороза, правильного лица прямо на меня смотрели большие голубые глаза. За левым плечом поднималась рукоять меча-бастарда. Широкие — шире наших — лыжи и хорошо увязанный вещевой мешок лежали возле наших лыж.

Взвихрился сухой пылью снег — мальчишка кувыркнулся назад, выхватывая меч и вскакивая на ноги; все это — одновременно. Я тоже рванулся наружу и сразу вбок, рывками отбрасывая в стороны ножны с клинков. И мое, и его движения были скорей рефлекторными, но уже в следующий миг в морозном воздухе звонко пропела столкнувшаяся сталь, брызнули бледные солнечные искры. Второй удар! Третий! Я даже не понимал, почему деремься, — просто отбивал и наносил удары, стараясь не поскользнуться. Голубоглазый ловко и быстро крутил тяжелым мечом. Краем глаза я заметил Танюшку — она выбралась наружу тоже и — умница! — не отвлекала меня криками, а стояла на колене возле нашей норы, держа наготове аркебузу. Мой противник это тоже видел — старался быть за мной, как за щитом — и пока ему это удавалось. Но я видел и другое — он как-то сразу устал и два или три раза вместо ответной атаки на отбитую мою просто отскакивал и переводил дух, даже опуская меч. Я мог бы его достать — уж один раз такой был точно! — вот только внезапно мне расхотелось его убивать. Поэтому второй раз, когда он неудачно отшагнул, тяжело дыша, я бросился вперед, складываясь пополам, резко распрямился, ударом спины снизу вышиб из рук меч — бастард улетел далеко в сторону, с хрустом вонзился в плотный снег. Тот же удар опрокинул мальчишку на спину, и я пресек его попытку вскочить легким толчком палаша в горло. В первый миг мне показалось — сейчас он рванется на палаш, накалываясь сам... но в следующий миг он обмяк, на секунду прикрыл глаза, устало вздохнул. Потом вновь поднял ресницы, скривил темные, в трещинах губы и сказал по-английски — быстро, но я понял:

— Ты бы не так быстро свалил меня с ног, если бы я последний месяц ел досыта...

— Я бы и вовсе не стал тебя трогать, не бросься ты на меня с мечом, — тщательно подбирая слова, возразил я.

Подошла Танюшка, настороженно держа наготове аркебузу. Встала рядом, глядя сверху вниз.

— Я хожу осторожно, — усмехнулся мальчишка, легко переходя на правильный русский. — Не ломай язык, я знаю по-вашему... Ты меня убьешь или дашь встать? Если убьешь, то давай быстрее, холодно лежать.

— Олег, не трогай его, — попросила Татьяна. Я посмотрел на нее, улыбнулся и, получив улыбку в ответ, убрал клинок.

— Вставай.

Я видел, что мальчишка хотел вскочить прыжком... но только напрягся, а потом тяжело поднялся, помогая себе рукой, упертой в колено. И только теперь я заметил, что он худой — нехорошо худой, не худощавый, а именно худой — и одежда болтается на теле. Но, встав на ноги, он улыбнулся спокойно и с достоинством.

— Значит, тебя зовут Олег, — уточнил он, и в глазах у него не было страха или даже досады. — Меня зовут Джек Сойер, а еще называют Путешественник. Я англичанин. А как зовут твою девушку, Олег?

Мы переглянулись, и я почувствовал, что невольно улыбаюсь. Танюшка осталась внешне спокойной, но глаза — глаза ее сияли, как два изумруда, через которые пропустили свет.

Я повернулся к Джеку:

— Мою девушку зовут Таня, англичанин.

* * *

Путешественник Джек оказался действительно голодным. Когда мы развели костер и выложили припасы, он с трудом смог отвести от них взгляд. Но вежливо помедлил, прежде чем приняться за еду — и вот тут удержаться уже не смог, начал мести так, что Танюшка округлила глаза и пододвинула ему половину своей порции (а я подсунул половину своей для нее). Ни разу в жизни — даже здесь — мы не видели по-настоящему голодного человека и прямо как-то оробели, если честно.

— Я ем, как свинья, простите. — Джек оторвался от еды и заставил себя протянуть руки к огню, весело плясавшему на настиле из толстых сучьев за снежными блоками. — Но я за последний месяц ел всего четыре или пять раз. Ни разу — досыта. У меня давным-давно не было такой скверной зимы. — И он засмеялся, как будто речь шла о чем-то забавном.

— Давным-давно? — переспросил я. — Сколько же ты здесь?

— Порядком, — ответил Джек.

— И ты что — один?

— Сейчас — да...

Кажется, ему не очень нравились мои вопросы. Но Танюшка вдруг попросила:

— Расскажи нам о себе. Расскажешь?

Он поднял глаза от огня. Посмотрел на нее. На меня и опять — на нее. Пожал острыми, худыми плечами под лежащим на них пышным капюшоном куртки:

— Я расскажу. — Он потер руки над пламенем. — Да, расскажу, — Джек словно бы сам укреплял себя в этом намерении...

...Около тридцати лет назад, теплым майским днем, сорок три английских мальчишки из элитной школы пошли в поход. Среди них были сыновья аристократических родов и сам наследный принц Чарльз. Мальчишки были крепкой закалки, привыкшие вставать, если упал, на удар отвечать ударом и не теряться, а главное — их отличала характерная для англичан любовь к упорядоченности. Оглядевшись в опасном и путаном мире, они решили строить здесь *свой мир*. Вскоре им стало понятно, что не им первым пришла в голову подобная идея, но негативный опыт предшественников их не остановил, скорее наоборот — показался брошенным вызовом. Уильям Голдинг слишком плохо думал о своих соотечественниках¹ — через восемь лет цепь каменных башен с английскими львами опоясала Европу от Атлантики до Урала, и урса раз за разом откатывались от нее, а у Чарльза в отряде ходило больше четырехсот мальчишек (девчонок до боя не допускали ни при каких обстоятельствах) — и не только англичан. Даже не столько.

Они тоже прослышали о Городе Света. И вот восемнадцать лет назад отряды Срединного Королевства — так называли англичане свое объединение — вместе с бойцами многих союзных отрядов, всего до тысячи человек, двинулись на юг.

Они недооценили силу врага. На иранских равнинах их окружили урса. И было их не меньше чем по сотне на каждого бойца.

В битве пал Чарльз, погибли и почти все, кто шел с ним. Что сделали с попавшими в плен — лучше и не рассказывать. Раненный в бок, ногу и дважды в грудь, тринадцатилетний Джек пересек, уходя от погони, страшные солончаки Дешт-и-Кевира и чуть не умер на южных берегах Каспия. Его подобрала «чайка» астраханских казачат, старых соперников Срединного Королевства. Но эти счета не имели больше смысла. Казачата и рассказали о том, как урса потоком хлынули на север — в ответный поход...

...В альпийской пещере ждала Джека красивая девчонка Магда, Магдалена. Джек

¹ Английский писатель, автор мрачного и пессимистичного романа «Повелитель мух», в котором изобразил быструю и сокрушительную деградацию группы английских школьников, оказавшихся на необитаемом острове.

любил ее, он шел к ней, держась всей душой за ниточку веры: жива... ждет... Из тех сорока трех — а они себя не щадили — он оставался один. И он дошел.

Только вот урса дошли раньше.

Джек говорил — ему повезло. Не пришлось мучиться мыслью, что ее увели в рабство, на позор, на издевательства. Тело ее, уже кишачное червями, но узнаваемое еще, Джек нашел на камнях под скалой, высившейся за пещерой. Точно он так и не узнал никогда... но был уверен — Магда прыгнула с обрыва *сама* ...

...За двенадцать лет с тех пор Джек Путешественник нигде надолго не задерживался. Он бывал в Америке, добравшись туда по сухопутному «мосту» — там, где в нашем мире Берингов пролив. Три года — тут получилось исключение — ходил со скандинавами по морям-океанам, был в Австралии и на островах Южных морей... На побережье Вьетнама Джек попал в плен, урса бросили его в кишачную насекомыми яму, закрытую сверху решеткой. Друзья-скандинавы не бросили — отбили лихим налетом. Но до дому не добрались — зашли в дельту Нигера запастись водой, тут и навалились на них урса — уже на всех. Живых, попавших в плен, вместе с мертвыми, голых и связанных, зарыли в общую могилу и пировали на ней, обедаясь мясом тех, кого отобрали для съедения, поминали своих убитых, которых было по десятку за каждого белого.

Джек выбрался из страшного погребения. Выбрался, выжил и не ушел из тех мест, пока в округе дышал хоть один урса. Не всех он убил, нет — больше бежали в ужасе перед страшным белым призраком, поселившимся в джунглях. В конце той истории никто уже не осмеливался напасть на Джека даже когда он на виду у всей деревни резал на могиле своих товарищей горло схваченным урса — каждый вечер по несколько, не жалея ни самок, ни детенышей — у них есть и самки, и детеныши...

Через всю Северную Африку добрался Джек до Европы. И прошлым летом прибил к отряду, в котором в основном были немцы. Но под Новый год началась нелепая свалка с пришедшими с юго-запада французами, обозленные противники кромсали друг друга — лучше некуда. Тут их и зажали подошедшие урса. Враги объединились, но было уже поздно.

Джек уцелел, хотя был ранен. И с тех пор скитался по морозным лесам, ночуя у костров — никто, как назло, не встречался. Мальчишка был отличным лучником, но и охота вышла плохая. Он ослабел и тащился куда-то день за днем просто потому, что покорно лечь и умереть не мог. А сегодня наткнулся на небрежно устроенную ночевку и совсем уже был готов напасть на ночующих, убить их и забрать еду, если она у них есть.

Получилось иначе...

...Джек Путешественник умолк и вновь протянул руки к огню. Его лицо сделалось усталым и равнодушным.

Мы с Танюшкой молчали, замороженные рассказом, который оказался длинным. Не знаю, о чем думала она, — а я вдруг с ужасом, холодея изнутри, подумал: вот так и я лет через двадцать буду сидеть у чужого огня, рассказывая незнакомым и равнодушным в общем-то людям свою историю — одинокий... с железным комом внутри... И всех друзей — палаш да дага. И — рана вместо памяти...

Так оно и будет!

Ах, как много выпало снега.
Да как же когти рвать поутру.
Одиноким волком я бегал
И одиноким волком умру.
След саней пурга замечает.
Не достать их — слаб стал и стар,
Ах, кабы я общался со стаей,
Был бы хоть какой-то навар.

Я бы залетел на оглоблю —

Оттолкнуться легче с нее,
А потом за гриву ли, в лоб ли —
Что мое, волки@@, то мое.
Я в удачу сызмальства верил,
Мне удачи не занимать.
А я из всех на свете артерий
Сонную люблю обрывать.

Ты как дашь по ней правым нижним,
Дернешь влево — и нет проблем.
Стая мигом кровищу слижет
До залысины на земле.
И обнимет меня волчица
За детей, растуды в качель.
А это надо же так напиться
Родниковой воды в ручье.

Это надо же так объесться
Той коровы, в прошлом году.
А поливай, семья моя, лесом,
Без добычи я не уйду.
Люди пьют на радостях водку
И целуют ружья взасос.
И вот волчонок мой самый кроткий
Пулю взял, как мяса кусок.

На луну я выл, захлебнулся
Непроглоченной вязкой слюной
И от этой песни заснул сам,
Чтоб очнуться с новой женой,
Чтобы снова взять это тело,
Без которого мне не жить.
Чтобы снова пурга свистела,
Ты, последыш, не тужи.

Одинокий волк — это круто,
Но это так, сынок, тяжело —
Ты владеешь миром, как будто
И не стоишь в нем ничего.
Ах, как много выпало снега.
Да как же когти рвать поутру.
Одиноким волком я бегал
И одиноким волком умру,
Умру.

Александр Розенбаум

...— Слушай, Джек, — сказал я, протягивая руки над огнем, — хочешь идти с нами? К нам?

Он посмотрел на меня. Потом — на Танюшку. В лес. И только после этого ответил, глядя мне прямо в глаза:

— Пойду, Олег.

* * *

Если Джек и голодал, то, во всяком случае, ходить на лыжах это ему не мешало ничуть. Он шел первым, и я видел его спину. Мы спешили, хотя на этот раз было ясно — успеем до нового похолодания. Да и места пошли знакомые — сюда мы забирались во время охотничьих экспедиций.

Почему-то мы были уверены, что в знакомых местах с нами ничего не может случиться. Как будто не убивают людей на пороге родного дома, а то и в своей постели...

...Урса выскочили из-за заснеженных елок, и было их трое — казавшиеся еще более крупными из-за мехов, они неслись по сугробам, проваливаясь в них, но легко выметывали себя обратно. И были, как дикие звери, решив, должно быть, с ходу смять троих усталых лыжников.

И ведь честное слово — у них бы это получилось! Я не сразу расстегнул пальцами в меховой краге задубевшую на морозе застежку кобуры нагана, при этом очень спокойно думая, что вот сейчас меня убьют из-за того, что я так и не удосужился переделать крышку. Танюшка из-за меховых рукавов никак не могла дотянуться до аркебузы за спиной — она повесила оружие по-походному.

И только наш новый знакомец действовал...

Да нет. Я не знаю, как назвать то, что он делал. Наверное — *искусство*. Страшное, купленное тем, через что лучше не проходить...

...Левой рукой он выдернул из чехла лук — щелкнула тетива, — а правой из колчана — стрелу, мгновенно перебросив ее в зубы. Движением всего тела согнул лук, удерживая его левой, а правой накинул на верхнюю часть дуги кожаную петельку тетивы. В руках у него оказался огромный «лонгбоу» — английский лук размером даже больше, чем виденные мной у людей Свена или ван дер Бока. Лук выше человеческого роста... Я и понять ничего не успел, а рука Джека молниеносным движением растянула тетиву к уху, и с коротким щелчком вперед метнулась метровая стрела.

До первого урса оставалось шага три, не больше. Удар стрелы бросил его назад и буквально пришил к бежавшему следом. Столкнувшись, оба рухнули в снег замертво, а стрела... *стрела полетела дальше* и зарылась в снег метров за сто от нас.

Этих двух секунд мне хватило, чтобы выдернуть из чехла метательный нож, — и третий урса покатился по склону, поднимая вихри сухого снега.

— А ножи ты бросаешь неплохо, — совершенно спокойно отметил Джек.

— А я вот думаю, — прищурился я, — как бы мои ребята не называли тебя князем, когда увидят, как ты стреляешь.

— Нет уж, — улыбнулся Джек, — это не по мне, Олег Верещагин. Не меня они называли князем первого, не мне им и быть дальше. Но, — Джек пошел за стрелой и оглянулся через плечо, — не кажется ли тебе, что в твоих землях завелась нечисть?

* * *

Джек был прав.

Эта встреча с урса не оказалась для нас неожиданной — нет. Но и приятного в ней было мало.

До нашей пещеры оставалось километров десять — не больше часа хода, мы бы успели до темноты, когда впереди и чуть слева, за скалами, слышался шум схватки: лязг металла и крики урса.

— На наших напали, — пробормотал я, сбрасывая лыжи и подстегивая полы к поясу, — или на чехов... Танюшк, держись позади, стреляй. — Она кивнула, заряжая аркебузу. — Джек, ты... — Я вовремя оборвал себя, едва не оскорбив его вопросом, будет ли он драться, — англичанин уже достал свой бастард и прикидывал его в руках. — Тогда вперед!

Мы разом вскарабкались по скользким ото льда выступам на гребень скалы. И под

своими ногами увидели картину, которую и ожидали, но меньше всего хотели увидеть.

Урса было не меньше двух десятков. Вернее — было и больше, но три или четыре порубленных тела лежали в алом истоптанном снегу. Полукольцом прижав к подножию скалы двух человек, урса бросались на них, как стая шакалов.

Арнис дрался топором, стоя на одном месте, как гранитный столб. Только столбы не рычат, а он рычал. Я еще никогда не слышал такого страшного, клокочущего звука, вырывающегося из человеческой глотки.

А с места он не двигался потому, что за его спиной прижималась к скале Ленка Рудь. Она быстро заряжала аркебузу.

Топор Арниса тяжело и точно рубанул в бедро близко подобравшегося урса, повернувшись, обухом отбил летящую толлу. Урса отползал, завывая и силясь зажать рану в бедре.

— Пошли, — буркнул я и прыгнул вниз, сжимая в правой палаш, а в левой — револьвер. Выстрел, выстрел, еще выстрел — в упор! Пламя почти расплющивалось о грязные меховые куртки (интересно, кто их шьет?), урса швыряло спинами в снег, и некогда было думать об экономии патронов.

— Вовремя! — крикнул Арнис. Я согласно кивнул, швыряя пустой наган за спину и выдергивая дагу. С другой стороны уже стоял Джек, и Арнис не стал даже спрашивать, кто это такой, достаточно было и того, что клинок бастарда закрывал его левый бок. Обрадованно закричала Ленка, еще кто-то из урса упал, и еще — девчонки стреляли из аркебуз. — Везучий сегодня день!

Урса попятились. Одно дело — двадцать на двоих, другое — десять на пятерых. Я не стал ждать, пока они опомнятся, — выпадом достал одного, рубанул сверху в голову, и он осел в снег, обливаясь кровью. Арнис сбил кого-то кулаком, впереди вдруг замелькали, замельтешили спины, я еще кого-то догнал и свалил косым ударом в плечо — а дальше сражаться было уже не с кем. До первых деревьев не добежал ни один.

— Быстро все кончилось, — заметил я. — Арнис, и как вы дошли до жизни такой?

— На прогулку отправились... — покаянно начал Арнис, поворачиваясь, и вдруг крикнул встревоженно: — Лена!

Крикнул так, что я обернулся тоже.

Ленка садилась в снег — сползала по каменной стене к ногам спрыгнувшей со скалы Танюшки. Растерянно улыбаясь.

Слева в груди у нее торчала рукоять толлы.

Танюшка не успела ее подхватить — Ленка села в снег и, завалившись вбок, ткнулась виском в Танькин унт. Только тогда Арнис длинными прыжками бросился к скале.

Никогда не забуду, как он, рухнув на колени, подхватил голову Ленки и не закричал, а спросил: «Лена?» И, не услышав ответа, прижал ее голову к своей груди, а сам сложился возле ее тела в беспомощный комочек.

Я попытался его оттащить — Арнис отбросил меня так, что я упал в снег. Танюшка осторожно присела рядом, что-то сделала и встала на ноги, качая головой. Она побледнела и закусила губу. Я подошел, даже не попытавшись отряхнуть снег.

— Что с ней?

— Убита. Сразу умерла. — Танюшка прижалась ко мне, и я почти судорожно обнял ее обеими руками, не зная, что сказать, не умея ничему помочь... да что там, не осознавая до конца произошедшее и не веря в возможность того, что Ленка — Ленка, Ленка Рудь, девчонка Арниса! — *убита*.

Мы так и стояли молча, и Арнис не двигался, пока верещащий вопль не заставил меня вскинуть голову.

Джек Путешественник стоял в снегу на колене над одним из урса — тот все еще подергивался. Второй урса — тоже живой, хотя и с окровавленным лицом — сидел рядом, его челюсть тряслась. Я увидел, как Джек тщательно вытер и убрал охотничий нож. И почему-то именно эта картина вновь сделала меня князем.

— Подожди, Тань, — почти приказал я и, освободившись от ее рук, подошел, подняв наган, к Джеку.

— Ты что, говоришь на их языке? — спросил я.

Джек поднялся:

— Да... Он сказал, что сотня черных стоит лагерем на морском берегу. Они собираются уходить послезавтра.

Один глаз урса был выколот, горло перерезано наискось. Я скользнул по нему взглядом и вновь посмотрел на Джека:

— Послезавтра — это еще много времени... Куча времени... Посмотри... помоги Танюшке с Арнисом, это была его девчонка.

Он кивнул и пошел к скале. А я повернулся к сидящему в снегу урса.

Он плакал. И челюсть тряслась... тряслась... тряслась...

Я взял его за волосы и потащил за собой, и он покорно волокся на коленях, помогая себе руками. Молча. Только плакал, и я, оборачиваясь, видел его перекошенный раззявленный рот.

Скучно мне было. *Скучно*. Мне вдруг вспомнилась одна из книг Пикуля — как умирал отравленный герцогом Левенвольде русский вельможа и перед смертью говорил в тоске: «Скучно мне... ой, скучно-о!»

«Скучно мне... ой, скучно-о!» — мысленно завыл я. Такая тоска, такая беспросветность навалились на меня, что я не слышал, что говорит мне урса, цепляясь за мою руку. Нет, не слов не понимал, это ясно, а именно — *не слышал*, и хотел только одного: чтобы он *перестал быть*.

Я толкнул его на колени, но он упал на четвереньки, и я приподнял его носком ноги под широкий плоский подбородок:

— Голову подними.

Он застыл на коленях, чуть наклонившись и сведя руки у живота.

Я потянул из ножен палаш. Долго-долго он вытягивался наружу и шуршал... шуршал... шуршал... А я смотрел поверх головы урса в лицо Танюшки. «Отвернись», — попросил я губами. Она отчаянно замотала головой, а глаза стали огромными и застывшими, как зеленый лед. Смотреть в них было просто невыносимо.

Я взялся за рукоять палаша обеими руками, разрезав мякоть левой ладони о край слишком тесной для двух рук гарды. Встал сбоку от урса, и примерился, и поразился будничности происходящего, и труп Ленки, лицо которой по-прежнему пряталось на груди у Арниса, и кровавым пятнам на снегу возле влипших в него тел... и мысли о том, что *это* — *пройдет*, и мы как-то будем жить дальше...

И тому, что это вообще будет возможно — *жить*.

Палаш режуще свистнул.

Кровавым дождем ударило мне в лицо...

...Я сидел на камне, и Танюшка обтирала мне лицо снегом. Теплым снегом — он таял в ее ладонях, а у меня плохо ворочался язык, и я никак не мог спросить, не противно ли ей. А вместо этого спросил наконец:

— Что с Арнисом?

— Вон он сидит. — Она указала на литовца. Тот застыл на камне — голова поникла, руки висят между колен. Джек деловито прикрыл лицо Ленки курткой, потом встал и подошел к нам:

— У тебя это первый? — без насмешки спросил он. Я поднял на него глаза:

— *Так* — первый.

— Я это и имел в виду... Мы будем ее хоронить или мне делать волокушу, князь?

* * *

Что меня поражало вот уже больше полугода — так это дебильная беспечность урса.

Постоянная и повсеместная. Около кожаных палаток горели костры, бродили то ли стражники, то ли так — празднующие, слышались смех, вопли и скрежещущая переключка. У них сегодня пропали три десятка товарищей — а они и не чесались... да и вообще — считали ли они друг друга товарищами?

И вдвойне мерзко было от того, что Ленка погибла от рук этих грязных тварей.

Мы спускались с перевала почти открыто. И очень спешили. Очень. Никогда еще мы так не спешили убивать.

Наверное, в какой-то степени спешка нас подвела, потому что метров за пятьдесят нас все-таки заметили. И когда я понял это, то закричал — во всю мощь легких, надсаживая голос:

— Ро-о-о-ось!!!

...В костер медленно оседает раскроенный наискось урса. Руку другого я ятаганом поймал в развилку палаша и даги — он взвыл, и я пнул его в живот, а потом рубанул по затылку. Вокруг убивали. Асsegай полоснул по толстой коже бригадины, я отшвырнул урса ударом кулака, шагнул и приколол его к твердому, промерзшему песку. Над моим плечом мелькнул ятаган, но тут же рука вместе с ним полетела в сторону, а вторым ударом Сморг обезглавил нападающего.

Несколько урса убегали по заснеженному льду прочь от берега. Я увидел, как Танька и Валька Северцева, подойдя к кромке, стреляют в них из аркебуз; стреляют-заряжают-стреляют...

Андрей Соколов волок кого-то за ноги из палатки, одновременно тыча в темноту тесаком. Басс, запрокинув голову, сидел на валуне, и Наташка Мигачева бинтовала ему рассеченное лицо. Урса карабкался на прибрежную скалу; сорвался, и взлетевший палаш Сергея перерубил ему позвоночник. Ирка Сухоручкина, упершись ногой в грудь стоящему на коленях урса, тянула из него корду...

— Ищите их! Убейте всех! — кричит кто-то... и я внезапно понимаю, что это *мой* голос.

Удар, еще удар — рубящие в живот. С хлопаньем урса падает в собственные внутренности; дага вонзается ему в глаз и ударяется внутри в череп. Перешагиваю через труп. Трое поворачиваются и бегут от меня, но на их пути возникает Саня, свистит кистень... Андрюшка Альхимович охотничьим ножом перерезает горло стоящему на коленях урса... Еще один пятится в глубокий сугроб, придерживая — очень осторожно — руками вошедшую ему в живот валлонку Бэна.

Потом крики, лязг и стоны начали утихать. Утихли совсем. Слышался только голос Ольки Жаворонковой:

— Никто не ранен? Раненые есть?

Меня больше интересовало, есть ли убитые... Но среди тел, чернеющих в снегу, наших не было видно. А вот раненые были, и не один Басс, которому ятаган рассек лицо справа от глаза до подбородка. Арнис терял кровь целыми горстями — ему раскроили грудь в двух местах, разрубив несколько ребер. Удивительно, что он еще держался на ногах. Олег Фирсов сидел в снегу, девчонки вокруг него хлопотали — его ранили асsegаем глубоко в живот, и он только тяжело дышал и тихо бормотал: «Жжет, елки-палки, как жжет-то, а...» Игорю Северцеву разрубили левое бедро топором, но он ухитрялся даже шутить с Кристиной и что-то насвистывать. Из девчонок ранили Наташку Мигачеву — брошенная толла распоролла ей левый бок, неглубоко, но крови было много. Наташка зажала бок снятой крагой и не только не жаловалась, но и ухитрялась помогать раненым, пока не заметили, что она и сама задета.

Ко мне подошел Вадим. Бастард у него был в крови до рукояти.

— Восьмерых взяли живыми, — сказал он и окровавленной боевой перчаткой — не крагой — провел по лицу. — Что с ними делать, князь?

— В костер, — ответил я, и серые глаза Вадима расширились. — Всех в костер, какой побольше. Что непонятно?

— Да, князь, — ответил Вадим.

И... поклонился мне.

* * *

Рассвет был прозрачным и холодным, как оставленное на морозе стекло. Мы все стояли за ручьем, над могилой, вырытой в мерзлой земле под отваленной гранитной плитой. Сталь постукивала о камень — Колька выбивал на граните короткие строчки прощания. Не пришли только Олег Фирсов (он просто не мог подняться) и сам Арнис (литовец лежал без сознания). Даже Север, опираясь на самодельный костыль и плечо Кристины, стоял вместе со всеми.

Ленка лежала на расчищенных от снега камнях, закрытых меховым плащом. Совершенно живая, только очень бледная... и еще ей не смогли закрыть глаза, и теперь на ресницах серебрился иней. Девчонки плакали все, даже Кристина, даже Наташка Мигачева, не пикнувшая, когда ей зашивали бок. И плечо Танюшки вздрагивало под моей рукой. Да и некоторые мальчишки плакали тоже...

А у меня не было слез.

— Все, закончил, — Колька встал на ноги, отряхивая колени от снега и каменной крошки. Я подошел к нему. На алом граните белели штрихи надписи:

**Елена Рудь
12.05.73 г. — 16.02.88 г.
Мы помним**

— Что ж, это все, — хрипло сказал я, расстегивая кобуру нагана. У меня оставался последний патрон... — Хороните.

Санек со Смorchом подошли к Ленке с одной, Вадим и Андрей — с другой стороны, взялись за углы плаща.

— Подождите! Не зарывайте! — послышался болезненный, хриплый крик. Мы обернулись разом, а потом так же разом бросились навстречу Арнису — он еле шел от пещеры, шатаясь, и, буквально рухнув нам на руки, прошептал: — Дайте... последний раз... — и потерял сознание.

Плащ подняли. Ленка поплыла над заснеженной землей. А потом свободные концы плаща закрыли ее, и остался только длинный сверток в мерзлой яме...

— Кто хочет что-нибудь сказать? — скрежещуще спросил я. Мне ответом было молчание, только Валька Северцева, шагнув вперед, сдернула с пальца и бросила на плащ свое простенькое колечко со стразами и сказала мне:

— Все, наверное...

— Да, все. — Я поднял револьвер. — Зарывайте.

Короткий выстрел расколол морозное утро пополам.

...Свой наган я спрятал в нише под нашим, мальчишеским настилом для спанья, замазав камни глиной.

А аркебузу Ленки взяла Ирка Сухоручкина.

**Рассказ восьмой
Рыцари без сапог**

И как в войну, мы продолжали
В жизнь играть...

О. Митяев

Снег ли, метель выюжит,
Дай мне тепла в стужу,
Дай быть тебе нужным
Каждый час.
Дай мне глоток света,
Дай мне чуть-чуть лета,
Чтоб луч летал где-то
Возле нас.
Дай мне чуть-чуть воли,
Тяжкой не дай доли,
Дай совладать с болью,
Будь нежна.
И в грозových бликах
Слышать не дай крика,
Знай, ты мне как никогда нужна!

Чтобы сути трудный путь мой
полон стал,
Чтоб июль настал
в январе,
Засверкает в нем
твоей любви кристалл,
Чтоб в огне его мне
сгореть.

Дай уходить твердо,
Дай быть всегда гордым,
Чтоб в тишине мертвой
Не упасть.
Дай мне мое право
Быть до конца правым
И самого себя
Не украсть.
Дай обрести веру
В то, что приду первым,
Рыси не дай мерной,
Шпоры дай.
Бросить в лицо спеси
Главную дай песню
И в поднебесье ее сыграй.

Чтобы сути трудный путь мой
полон стал,
Чтоб июль настал
в январе,
Засверкает в нем
твоей любви кристалл,
Чтоб в огне его мне
сгореть...

А. Розенбаум

В горах в этот день еще лежал снег, но ниже по склонам уже грохотали ручьи, подрывая и скатывая в реки валуны, неся песок, глину и гальку. И ветер был теплым, совсем весенним.

Княгиня Юлия пришла с охраной из двух человек почти в последний момент — я задержался у могилы Ленки Рудь в роще за пещерой. Охрана осталась ниже по склону, а Юля подошла ко мне, по колено проваливаясь в рыхлый снег.

— Уходите? — спросила она.

Я кивнул:

— Сергей пришел неделю назад. Он разведаль путь и осмотрелся там... Но, может быть, мы когда-нибудь вернемся. Мир, в конце концов, круглый.

— Тут вы всегда желанные гости, — вежливо ответила Юлия. Но потом взяла меня за локоть тонкими сильными пальцами и заглянула прямо в глаза. — Я знаю таких, как ты, — тихо сказала она. — Ни я, ни Борислав, никто из наших не говорили никому из вас... У меня был брат-близнец, Йожо. Когда мы обосновывались тут пять лет назад, он не остался с нами. Он и еще несколько человек... Они ушли на юг. А три года назад нам сообщили, что урса уничтожили отряд Йожо на Крите, у него уже был большой отряд... Мне было бы легче узнать, что он убит. Но его взяли в плен и сделали рабом, Олег... Да, иногда бывает и так, — кивнула она в ответ на мой недоуменный взгляд. — Ты ведь идешь примерно в те места... — Юлия вновь, как тогда, при первой нашей встрече, беззащитным жестом прильнула щекой к вороту плаща. — Если вдруг случится так, что ты... я была бы благодарна за любую весть.

— Да, княгиня, — кивнул я. И вновь — тоже как тогда, только не становясь на колени, — поднес ее руку к своим губам. — Я ничего не обещаю, но я сделаю все, что могу. А сейчас мне пора идти.

Я не оглянулся, уходя. Здесь надо было прочно отвыкать оглядываться...

...Танюшка ждала меня там, где начинался спуск к морю. Стояла, прислонившись к белому стволу березы, в котором уже, наверное, начинали закипать соки, и издали смотрела на меня. И этого взгляда было вполне достаточно, чтобы разом стереть все заботы и неприятности — как мокрой тряпкой с доски.

— Пойдем? — кивнула она мне, и рукоять корды качнулась над плечом, на котором лежал край мехового капюшона.

— Пойдем, — кивнул я в ту сторону, где наш уходящий во главе с Сергеем отряд превратился уже в цепочку темных силуэтов. Мы начали спускаться вниз. — Весна наступает, и мы пойдем навстречу ей — уже хорошо, а?

* * *

Дунай вскрылся где-то за день до нашего прихода. Присутствие Танюшки удержало меня от матерных ругательств, но Сергей не был столь щепетил и вызверился на Саню:

— Ну что, достукался?! Раньше надо было выходить, а ты все ныл, блин, чего-то дожидаться призывал... Дождались! Что теперь — ждать, пока лед сойдет?!

— И подождем, — абсолютно невозмутимо отозвался Саня. — Куда лететь?

— Ах, куда лететь... — Но между ними встал Вадим.

Ругань руганью, а половодье нам и в самом деле отрезало путь вперед. Снега в этих местах почти не осталось (разве что в низинах он лежал бело-черной пористой массой), мы шли по раскисшей земле, готовой проклюнуться сплошной щетиной травы. Над нами тянулись и тянулись на север бесконечные косяки птиц.

Сергей успокоился, напоследок нежно обложив Саню «саботажником». Плюнул и пошел, подсел к своей Ленке, которая немедленно начала его утешать.

— Можно попробовать по льдинам, — сказал, подходя ко мне, Арнис. Я даже не посмотрел на него:

— Бредишь...

— Думаешь, не перейду?

— Думаю, перейдешь. А я не перейду. И еще много кто не перейдет... Нет, правда, задержались мы, — с досадой вырвалось у меня. Я повернулся и крикнул: — Разбиваем лагерь, черт с ним!..

...Если и есть на свете неудачное время для разбивки лагерей — это вот такая весна. Мы нашли местечко в роще недалеко от того места, где берег поднимался кручей — тут можно было не бояться внезапного разлива. Зато некуда было деваться от все еще холодного весеннего ветерка. Впрочем, другим плюсом было наличие в рощах огромного количества смолья, жарко горевшего даже в сыром состоянии, и мы недолго думая запалили два линейных костра метров по десять длиной в десяти шагах друг от друга, между которыми и обосновались. Костры жрали гигантское число коряжин и сучьев, зато между ними было тепло и стало почти сухо.

Я отправил несколько человек на охоту и объявил привал. Подобные мероприятия у нас уже неделю как начинались с сушки сапог и одежды. Занудное, но необходимое дело. Мне иногда становилось дурно при мысли, что мы могли полениться и не продубить кожу для одежды и снаряжения, — что сейчас с нами было бы...

Танюшка подсела ко мне, и мы закутались в плащ, подаренный мне Бориславом. Я приобнял девчонку, она с удовольствием привалилась к моему плечу. В последнее время это у нас получалось абсолютно естественно, так же естественно, как поцелуи; шли, шли, шли, переглянувшись, остановились, поцеловались, пошли дальше.

— Весна, — сказала Танюшка.

— Только прохладненько, — заметил я.

— Все равно весна, — упрямо сказала Танюшка, и я кивнул:

— Конечно, весна.

В Зурбагане, в бурной, дикой, удивительной стране,
Я и ты, обнявшись крепко, рады бешеной весне.
Здесь весна приходит сразу, не томя озябших душ, —
В два-три дня устанавливая благодать, тепло и сушь.
Здесь в реках и водопадах, словно взрывом, сносит лед;
Синим пламенем разлива в скалы дышащие бьет.
Здесь ручьи несутся шумно, ошалев от пестроты;
Почки лопаются звонко, распускаются цветы.
Если крикнешь — эхо скачет, словно лошади в бою;
Если слушаешь и смотришь — ты и истинно в раю.
Здесь ты женщин встретишь юных с сердцем честным и
прямым,
С дружбою верною и вечной, взглядом твердым и простым.
Если хочешь быть убийцей — полюби и измени;
Если хочешь только дружбы — просто руку протяни.
Если хочешь сердце бросить в увлекающую высь —
Ты глазам лучисто-серым покорись и улыбнись...

— Грин, — негромко сказала Танюшка, все это время тихо-тихо слушавшая. — Рассказ... ой, не помню, как называется... Про кругосветное путешествие на пари. Помню, что главного героя зовут Седир, Жюль Седир... Ты же не любишь Грина?

— Ну, кое-что я все-таки читал...

— А зачем? — Танюшка чуть извернулась и заглянула мне в лицо. — Эй, не отворачивайся!

— Потому что тебе нравится, — ответил я, глядя ей прямо в глаза.

Мимо прошли Колька с Валькой — оба босиком, в подкатанных штанах. Колька, указывая на видневшееся ниже по течению на нашем берегу серое пятно тумана, сказал:

— А все-таки интересно, что там такое, в этих кляксах?

Я окаменел. Танюшка тревожно посмотрела на меня. Но эпизод продолжения не имел.

— Э-э-эй! — услышали мы вопль. Все головы разом повернулись в сторону крика; по склону прыжками поднимался Бэн — неся так, словно за ним гнались, и один — без Сани и Сморча. Мы, собственно, и подумали, что на них напали, и, вскочив, схватились за оружие, но Бэн, мотая одновременно головой и руками, выдохнул:

— Саня... мост... подвесной...

* * *

Мост и в самом деле был подвесным — полная дичь на равнинном Дунае. Но тут помогли три островка, цепочкой тянувшиеся наискось к течению. Мост, собственно, состоял из четырех отдельных секций-мостов, перекинутых какими-то тудягами с острова на остров и сделанных из вечной лиственницы и столь же вечных канатов крапивного волокна. Джек тоже не знал, кто его строил, и вообще впервые видел этот мост, хотя по этим местам хаживал.

— Ну что, — решил я, — будем переправляться?

И первым ступил на скрипящий, раскачивающийся настил. Высоты я никогда не любил. Точнее — боялся. Но на свете есть много вещей, которых ты боишься, а все равно делаешь. Это я уяснил еще в младших классах.

Белую угловатую массу с ревом, треском и грохотом несло метрах в пяти у меня под ногами. Оттуда дышало холодом, льдины ползли друг на друга, раскалывались и падали. Вид был величественный и жуткий.

— Кра-со-ти-ща-а! — проорал шедший следом Север. — Смотри, как пре-о-от!

— Ага, вижу... — процедил я еле слышно. И тут же застыл, вцепившись руками в жесткий канат и открыв рот.

Арнис шел по льдинам.

Литовец прыгал почти непрерывно — чуть ли не по ребрам шевелящихся чудищ, лишь иногда останавливаясь передохнуть на крупных и более-менее устойчивых кусках. Потом вновь и вновь бросал вперед свое сильное, послушное тело.

— Чертов кретин... — выдохнул Север. — Что он делает?!

Уже не задумываясь о своем страхе, я опрометью бросился вперед. На втором острове едва не сломал ногу, с маху влетев между двух бревен, перемазался в какой-то черной жиже... На четвертом проеме чуть-чуть не ухнул в дыру на месте отсутствующей доски — перелетел прыжком в последний момент... Короче, на берегу я был раньше Арниса и даже на месте не мог устоять — ждал его, пританцовывая то на одной ноге, то на другой.

Арнис подошел минут через десять — уже когда на берегу возле меня толклись еще человек семь наших. Прыгнул к нам с безмятежной улыбкой — и я немедленно схватил его за плечи:

— Ты что, рехнулся?! — заорал я. — Тебе жизнь не дорога?!

Одним ловким движением литых плеч боксера Арнис ушел из моих пальцев. И очень-очень спокойно сказал:

— Ты знаешь, Олег, — нет.

* * *

Чертовски интересно, оказывается, идти навстречу весне. Это странное ощущение, плохо передаваемое. Совсем не то, что ждать весны на месте; похоже на убыстренный просмотр киноплёнки. Если сидеть сиднем, то все изменения происходят, как правило (или это только так кажется?), ночью. А в движении... Наверное, никогда не забуду, как мы переправились вброд через какую-то речушку, перевалили холм и увидели цветущие вишни! На том берегу реки дикие вишни тоже росли, но и не думали цвести, а тут — нате! Это было так здорово! Девчонки просто онемели, да и мы хлопали глазами...

Природа тоже менялась. Березы, ели, осины остались где-то позади. Дубов стало меньше, сосен тоже, но появились кипарисы, олеандры и оливы — интересные деревья с уже пробившейся серебристой листвой... С каждым днем теплело, а когда мы обошли с запада Родопы и спустились в долину Вардара (Танюшка комментировала каждый день словно по хорошей карте) — теплеть стало уже с каждым часом.

В конце апреля мы вышли к большому камню недалеко от говорливого ручья. Сергей удовлетворенно хмыкнул и подмигнул Бассу:

— Помнишь? — Тот кивнул, и Сергей указал мне на камень. — Могила, — на камне в самом деле были выбиты четкие строчки греческого алфавита с датами. — Вот тут мы встретили Франсуа Жюссо. Он со своими живет в двадцати километрах к югу. Приглашал в гости.

— Ну так и пойдем к нему! — подал голос Андрей Соколов. — Чего стоять-то? Вон какая погода-природа классная!

— Вообще-то правда, пошли, — махнул я рукой. — Отшагаем до вечера...

Сам я задержался. Не знаю — почему. Мне только на миг показалось, что непонятно, но ощутимо-увесисто потяжелел палаш... а потом — просто выскользнул серебряной змеей мне под ноги! И когда португеза успела съехать? Да и вообще — раньше он не выскальзывал, даже если перевернуть ножны и тряхнуть...

Я наклонился... и медленно выпрямился.

Тропинка тут была, хотя и не очень заметная. Достаточно отчетливая... И клинок лежал поперек этой тропинки, пересекая ее, словно диковинный шлагбаум.

Прямо передо мной. У моих ног, обутых сейчас в легкие немецкие туфли — я вылез из сапог от жары.

Как запрет идти дальше.

Я никогда не был суеверным. И все-таки подобрал клинок не сразу.

* * *

Здесь долины походили на глубокие зеленые чаши. Вот примерно в такую чашу вдоль бегучего ручья мы и начали спускаться — в тот самый момент, когда на краю этой чаши — напротив — появились урса. Не меньше полусотни, плотной группкой — впечатление было такое, что вышли они именно на нас, а не просто так.

— Девчонки, назад, на гребень! — заорал я, обнажая клинки. — Все к бою! Рось!

Это было уже на уровне рефлексов — увидев врага, тут же атаковать. Мы посыпались вниз, не пытаясь тормозить, с ходу перемахивая через камни, трещины и кусты. Урса бежали навстречу...

— Рось! — В бешеном прыжке я взлетел с камня и обеими ногами с лету врезал в выставленный щит оказавшегося передо мной и чуть ниже урса — его буквально швырнуло наземь, а я удержался на ногах. — Рось! — скользнув под щит и занесенный ассегай, я рубанул еще одного снизу вверх в пах. — Рось! — отбросив его плечом, полоснул по ключице не успевшего закрыться другого...

Мимо пролетел Арнис — прямо над окаменевшим урса, в кувырке вогнав ему топор между лопаток, подсечкой в приседе сбил еще одного...

Камень упруго вывернулся у меня из-под ноги, словно живой, и я полетел наземь. Не выпустил оружия и вовремя отклонил голову — квадратное лезвие с визгом высекло искры из гранита у моего виска. Крутнулся вновь — топор урса грянул по камню на месте моей груди. Урса занес оружие еще раз, но брошенный Олегом Фирсовым нож угодил ему точно в горло. Выкатив глаза, урса упал куда-то вниз, а я вскочил как раз вовремя для того, чтобы перехватить палашом рубящий удар ятагана в плечо Сашки. Он тут же уложил нападавшего бросковым ударом кистеня.

— Не давайте им уходить! — крикнул я. — Не давайте им отрываться!

Мимо прокатился по камням ругающийся Сморг — некогда было посмотреть, что с

ним. Кто-то из урса уже пытался бежать, за ними гнались, но передо мною выросла пернатая маска. Урса был вооружен двумя топорами, с гулом вращавшимися в его длинных руках.

Я отступил на несколько шагов назад перед этим веером, рождавшим настоящий ветер. А следующим моим движением стал молниеносный нырок с кувырком вниз-вперед. Топор прогудел где-то возле уха... но я уже вогнал палаш до рукояти в мелькнувший черный бок и вырвал его вместе с фонтаном крови — есть! Урса еще пытался стоять на ногах, когда я косым ударом отсек ему правую руку с частью плеча.

Схватка кончалась. Еще мелькали и лязгали клинки, но в общем и целом все уже было ясно. Я наклонился, чтобы вытереть палаш о густую высокую траву.

* * *

Танюшки почему-то нигде не было, хотя я очень старался ее найти.

На валуне Кристина бинтовала вытянутую правую руку Андрюшке Соколову, ловко орудуя окровавленными пальцами. Андрей смотрел в сторону и морщился, а Кристина что-то успокаивающе болтала о скрепках, швах и прочем, чего у нее нет под рукой, а жаль, и т. д.

— Где Танька? — спросил я, чувствуя, как плохо слушается язык. Получилось: «Э ака?» Кристина, впрочем, поняла и только помотала головой. Неподалеку Колька и Арнис держали за плечи Сморча, а Оля, присев перед ними на корточки, просила его не материться, а то белки с деревьев осыпаются, — в ноге у Игоря, над коленом, торчала толла, и Ольга готовилась ее извлечь. — Где Танька, ребята? — поинтересовался я. В ответ Сморч зарядил в меня трехэтажным, и Арнис локтем придержал ему голову, что-то сказав политовски.

— Не видали, Олежка, — ответила Оля. — Держите его, ребята, как следует.

Мне надо было спросить, нет ли убитых. Я обязан был это сделать.

Но я искал Таню.

Несколько убитых урса лежали там, где мы спустились с холма. Я прошел мимо, и стало тихо — холм отрезал звуки начисто.

Тут бушевала весна. Пахло тимьяном и миртом, яркая зелень кустов контрастными мазками расписывала алые гранитные склоны. От земли шел жар, и белое горячее небо лежало на холмах — словно нарисованных в нем слишком старательным начинающим художником. Я видел, как внизу, вдоль речушки, продирается семья кабанов, как над кипарисами на склоне холма напротив парят и перекликаются два орла.

Знаете, когда начинаешь понимать и ценить такое? Когда понимаешь, что в очередной раз остался жив. И что это — немало.

Я положил все еще испятнанное кровавыми подтеками лезвие палаша на плоскую верхушку одного из валунов. На клинке остались мелкие щербины — от ударов о черную сталь урса. Меня пробрала дрожь, с которой ничего не получалось сделать, — она настигала меня перед боем и после него, как холод настигает человека, выскочившего на мороз легко одетым. Может быть, у меня слишком развитое воображение, но я помнил каждую щербину и каждый удар, оставивший ее.

И — пугался, вспоминая.

Но еще один взгляд вокруг снова вернул меня в весну. И я понял, что вокруг меня — жизнь. И еще вспомнил, что эта сонная от весеннего цветения земля — Эллада, страна богов и героев, восхищавших меня еще до школы, когда я читал греческие мифы...

И я прочел в солнечное пространство перед собой — устало и задумчиво:

Когда-то в утренней земле
Была Эллада...
Не надо умерших будить,
Грустить не надо.
Проходит вечер, ночь пройдет —

Придут туманы,
Любая рана заживет,
Любая рана.
Зачем о будущем жалеть,
Бранить минувших?
Быть может, лучше просто петь,
Быть может, лучше?
О яркой ветреной заре
На белом свете,
Где цепи тихих фонарей
Качает ветер,
А в желтых листьях тополей
Живет отрада:
Была Эллада на земле,
Была Эллада...¹

— Была Эллада на земле, была Эллада, — повторил за моей спиной задумчивый голос Татьяны. Я обернулся и встретился с ней взглядом. — Не бойся, я не была в бою. — В голосе ее мне слышалась то ли насмешка, то ли горечь, — стояла на холме и смотрела, как вы деретесь. — Она подходила ко мне неспешным медленным шагом, словно начинала разбег перед акробатической программой, — как убиваете и сами подставляетесь под оружие... Ты заботливый, Олег. Ты беспокоишься обо мне... — Она сглотнула и остановилась в шаге от меня. — А когда ты упал, я думала, что у меня остановится сердце... — Я видел ее приоткрытые губы и слышал, как она дышит. От ее волос пахло солнцем. — Вы такие благородные и рыцарственные, мальчишки. Но однажды вы все упадете и не встанете, а что тогда останется нам? Когда ты будешь убит, — она протянула руки и горячими твердыми ладонями взяла меня за щеки, слова ее били, как стрелы, как пули, — когда ты будешь убит, Олег, как я буду чувствовать себя — спасенная тобой дура? Ты не услышишь, как я буду выть над тобой, как буду кричать все, что не сказала, пока ты был жив...

— Тань, не надо. — От ее слов у меня немели губы.

— Олег! — Она склонила голову вбок. — В следующий раз я пойду в бой рядом. Чтобы... чтобы не жить, если ты... — она перевела дух и с усилием закончила: — ...упадешь насовсем.

— Ты никуда со мной не пойдешь, — так же тихо сказал я. — У нас очень мало осталось. Но в числе прочего — честь. Ты не будешь драться, пока жив я.

— Я. Тебя. Ненавижу, — прошипела она мне прямо в лицо. И ударила в плечо: — Ненавижу, понял?

— Понял, — послушно ответил я. — Ненавидишь. Пусть. Только не лезь в бой.

Мы стояли друг против друга. Потом я отпустил палаш и, медленно подняв руку, коснулся кончиками пальцев девичьей щеки.

— Таня, — сказал я, и это прозвучало, как стон, — я совсем не боюсь за себя. Весь мой страх — это ты. И вся... вся любовь здесь — тоже ты. Почему ты... — Я не договорил и вместо этого сказал, улыбнувшись: — Умереть, зная, что ты жива, — это не такой уж плохой конец, если по-другому никак...

— Не надо. — Ее ладонь легла мне на губы. — Ничего больше не говори, — и попросила очень обычным, спокойным голосом: — Поцелуй меня, Олег. Мне страшно.

Я неумело коснулся губами ее губ — четырнадцатилетний мальчишка, за спиной которого лежал окровавленный палаш; мальчишка, научившийся убивать, но не умеющий целоваться; мальчишка, даже самому себе боявшийся признаться в любви к зеленоглазой девчонке...

¹ О. Мандельштам.

И задохнулся от того, что почувствовал в этом теплом касании.

Вот она — куда-то идет.
Вот он — я, смотрю на нее.
Это было вчера — мы молчали вдвоем,
Она свежа и прекрасна,
Я сказал: «Пойдем!»
Я там, где небо без крыши,
Где дым без огня,
Где саблезубые мыши,
Все мимо меня.
Где гвозди, вбитые в воду,
Ржавеют дождем,
Где мы в непогоду
Погоду найдем.
Эта любовь ужасна, эта весна хороша!
А твои, твои глазница,
Твое имя на заборе,
Я согласен выпить море,
Лишь бы доползти до днища.
Разгулялася природа,
При деньгах, а все же нищий,
Продолженья просят рода
Эти чертовы глазница!
Пора! Я сказал ей, я сказал ей: «Пора!»
Вот она, куда-то идет
Вот он — я, смотрю на нее,
Здесь я не знаю, что петь,
Я не знаю, чем быть,
Я научился не спать,
Но разучился любить,
Я вроде что-то забыл,
Ты, конечно, права.
Иди ко мне,
Мы потом напишем слова.

Юрий Шевчук

Помню, что нам очень мешало снаряжение. Даже не мешало, а просто злило, и когда между нами в очередной раз оказалась рукоять моей даги, Танька засмеялась и, отстранившись, начала вылезать из своей «сбруи». А на меня вновь напал столбняк, и только когда она взялась за верхнюю пуговицу ковбойки, я задержал одной рукой ремень, другой снимая перевязь. Руки у меня дрожали. Танюшка улыбалась в полушаге от меня, и мы обнялись, и снова начали целоваться. Я опустил руки ей на поясницу и, положив голову на плечо, уткнулся носом в основание шеи.

— Все будет, как будет, — прошептала Таня. — Я знаю, что это правильно. Будет, как будет, Олег. Но ты и я будем вместе. Если мы можем умирать, как взрослые, то и жить мы должны так же... Нет, ничего не говори. Я знаю, что у нас все получится.

Я поднял голову, и поцелуи продолжились. Единственное, о чем в тот момент я думал, — чтобы не появился кто-нибудь из наших. Других мыслей не было. Танюшка расстегивала на мне куртку, но узел не поддавался, и я сказал сбивчиво:

— Погоди... Тань, я сейчас... — задержал шнуровку сам, потом чертыхнулся сдавленно, сдернул куртку через голову, вывернув ее наизнанку, бросил в сторону. Только

теперь я увидел, что Танюшка уже без рубашки.

— Расстегни, — попросила она, кладя руки мне на плечи.

— Э... это? — У меня пересох не только рот, но и горло.

— Это, это. — Девчонка смотрела мне в глаза, чуть прикусив уголок губы. — Там, сзади.

Ее спина — с гладкой, шелковой кожей, — казалось, обжигает мне пальцы. И в то же время я как-то весь онемел. В смысле — как после заморозки у зубного, только в ушах звенело, из-за чего я плохо слышал, что мне говорит Танька. Она потянула вверх мою потную футболку, вытащив из штанов, — я пригнул голову и послушно вытянул руки, а когда снова увидел происходящее, то понял, что она сбросила вместе с моей майкой и расстегнутый мною купальник. Ну, верхнюю его часть...

Пальцем Таня легко коснулась шрама на боку. Я этого почти не почувствовал — точно, как во время анестезии. Я боялся раздеваться дальше — и в то же время понимал, что сейчас больше не выдержу. Я пытался, как это ни смешно, заставить себя не смотреть на Танюшкину грудь. Смешно, потому что ясно же было — в этом мире роднее Танюшки человека у меня нет и не будет. Смешно и потому еще, что точеный бюст Тани был красив...

— Боишься, глупый? — шепнула она, но не обидно совсем, не насмешливо.

— Я не знаю, Тань. — Я смотрел ей в глаза, похожие на воду лесных озер, глубокую и загадочную. — Нет... боюсь. Я боюсь что-то сделать не так... ну... тебе что-то сделать.

— Эх ты. — И она прижалась ко мне просто и естественно, так, что у меня словно рухнул с плеч огромный груз. — Что ты мне можешь сделать не так? — прошептала она, щекоча этим шепотом мне щеку. — Что ты можешь сделать не так, если я тебя люблю?

— Та... ня... — задохнулся я. Мои руки блуждали по ее телу и — словно сами собой — раздернули ремень джинсов.

— погоди, Олег. — Она засмеялась. — Кроссовки, мы же так запутаемся...

— Тань, со мной сейчас случится большая неприятность, — простонал я. Танюшка опять засмеялась и, присев на камень, нагнулась — расшнуровать кроссовки. Я, прыгая на одной ноге, сражался со своей обувью и носками — все это превратилось в моих злейших врагов. Таня уже стояла босиком и, смеясь над моими усилиями, спускала джинсы. Потом переступила, выходя из них, оставшихся лежать на земле «восьмеркой». А земля в самом деле была теплая, почти горячая, я ощущал это.

— Знаешь, — сказала Танюшка, — меня в сознательном возрасте еще никто не видел голой. Я даже во всякие там «игрушки» с мальчишками не играла...

— А я, Тань... — Я облизнул верхнюю губу, но она шагнула ко мне — легко, плавно — и сказала:

— Это не важно. Ты все равно мой парень. — И мы опять начали целоваться, а когда смогли оторваться от этого занятия, я отстранился:

— погоди, Тань, сейчас, — и быстро стащил штаны — в них, спортивных, была резинка, не возиться с «молнией» или пуговицами — оставшись в спортивных трусах. — Вот... почти все.

Наверное, это прозвучало немного глупо. Но это и в самом деле было «почти все», и мы снова обнялись, плохо понимая, куда попадаем губами и руками — весь мир звенел и сиял вокруг, глуша и стирая обычные звуки и краски. Я немного очнулся, когда мои руки — пальцы — попали в упругие шелковистые завитки волос, и я даже качнулся назад, но Таня подалась вверх, выныривая из остатков одежды; одновременно ее ладони — я вздрогнул — скользнули вниз по моей спине, а шепот толкнулся в ухо:

— Да раздевайся же наконец, Олежка...

Мы попятились на меня, и я, ощутив спиной теплый камень, вжался в него, на миг представив каким-то краешком мозга (оставшимся холодным) то, что сейчас может увидеть сторонний наблюдатель — залитая полуденной жарой каменная чаша в окружении увенчанных кипарисами холмов, а в ней, в центре весеннего мира — ласкающие друг друга обнаженные мальчик и девочка посреди разбросанных одежды и оружия, испачканного

чужой кровью.

— Как дальше, Тань?.. — сбивчиво спросил я.

— Я... сейчас лягу... на спину... — прошептала она. — Наверное, так...

— Подожди, Тань... я так не смогу... я же тяжелый... — Она засмеялась (щекотно!) и толкнула меня куда-то вбок и вниз, к одурело пахнущей земле, на что-то мягкое — кажется, на мох. Солнце хлынуло мне в глаза, и я, прижмурив их, видел только сияющий силуэт над собой — будто сгустившийся свет... Пахло горячей землей, мохом и камнем и еще чем-то, чему я не мог отыскать названия — и не хотел его искать. Потом меня пронзило непередаваемое, ни с чем не сравнимое наслаждение, от которого мое тело выгнуло — броском! — вверх, и я услышал, как застонала Танюшка, вскрикнула... но тут же низким тоном засмеялась.

— Тебе... больно? — встревожился я, ощущая, как движется ее тело, и сам двигаясь в такт. — Я... что-то... не так?..

— Да я все сделала сама. — Голос у нее был странный, ладони крепко уперлись в мой живот. — И все... хо-ро-шо-о... — Она вновь застонала — длинно, с каким-то восторгом. — Хо-ро-шо-о... О-лег... ооооxxxx...

Да, теперь и я ощущал полностью, что это — хорошо. Мои руки наконец-то нашли себе место — я положил ладони на раздвинутые бедра Танюшки и хотел сказать, что мне и правда хорошо, но вместо слов у меня непроизвольно тоже вырвался стон — долгий и неожиданный, я не смог его удержать. Девчонка нагнулась — я этого не увидел, солнце мешало, но около губ ощутил ее грудь...

...Плохо помню, что я делал дальше. Наверное — делал не очень умело. Да не «наверное» — «наверняка», конечно. Но в тот момент, когда мы с Танюшкой — одновременно! — достигли уже какой-то запредельной точки наслаждения, когда мы закричали — вот в этот миг я понял, что мы никогда не умрем. Нельзя умереть в мире, где возможно такое чудо...

...Танюшка лежала чуть сбоку от меня — нога поперек моих раскинутых ног, рука — у меня на груди. Мы оба громко дышали и были мокрыми, как из ванны. Наслаждение откатывалось прочь, но после него оставалась не пустота (как после — ну, *того*, с самим собой), а чувство глубокой удовлетворенности. Таня посмотрела на меня сквозь штору спутанных волос, подняв голову с моего плеча, — и засмеялась:

— Я думала, что умру!

— Я сделал тебе больно, — виновато сказал я.

Таня загадочно засмеялась:

— Да нет, это... там другое. В конце я думала — сейчас задохнусь... и это будет самая лучшая смерть, которую только можно пожелать.

— Нас уже ищут, наверное. — Я приподнялся на локте, но Танюшка нажала мне на грудь:

— Да пусть ищут...

— Тань, у тебя что, кровь?! — Это я умел заметить, но она снова пресекла мою попытку вскочить, немного сердито сказав:

— Да все как надо! Ну... так положено, глупый.

— А... да. — Я почувствовал, что краснею. Теория-теория, как же ты меня подводишь... Танька, паразитка, щелкнула меня в нос и хихикнула. Но тут же сказала серьезно-задумчиво:

— А *там* у нас этого еще долго не было бы, Олег.

— Там... — Я откинул свободную руку. — Там нас не могли убить, и я ложился спать уверенным, что утром тебя снова увижу...

— А ты хотел меня увидеть? — спросила Танюшка.

— Да.

— Ты меня любил *там* ?

— Я не понимал этого, Тань, — признался я. — Просто — не понимал.

— Давай тогда еще раз. — Она легла на бок и подперла голову ладонью. — У тебя получится?

— Вполне, — улыбнулся я, тоже поворачиваясь к ней лицом. — Только подожди. Вот. Послушай.

Я закрыл глаза и заговорил...

Чашу из лунного серебра
У околицы дева мне подала.
Сказала: «Да будет от бед броней
Моя любовь, что вечно с тобой.

Но если в далекой чужой земле,
Мой милый, забудешь ты обо мне,
Вода, что ты пил, что сладка, как мед,
Пусть станет ядом, тебя убьет...»

...Шли дни и за днями — другие дни.
Я шел вместе с ними и понял — брони
Надежней, чем милой любовь моей,
Мне не носить до скончания дней.

Но вот в шумной, жаркой южной стране
Вельможи дочь знатного глянулась мне.
И я, очарован ночью волос,
Меч и отвагу в выкуп принес.

Из женихов был я лучшим — и вот
Отец свою дочь мне женой отдает.
Забыл я дом, чашу из серебра
И ту, с которой гулял до утра.

Забыл я рассвет над дубовым крыльцом,
Забыл я клятвы и мать с отцом.
И вот на шумном и людном пиру
Из рук черноглазой я чашу беру...

...И ядом мне стала родная вода.
Я чашу с вином не донес до рта.
И от измены распалась броня —
Любовь русокосой, ждавшей меня...

* * *

Густая тень олеандра падала на наши лица приятной прохладой, а все остальное тело окатывали волны жара, в котором кожа казалась золотистой. Пахло разогретым медом — то ли от Танюшки, то ли просто воздух пропитался этим запахом. Оглушающе гремел хор цикад вокруг.

Танюшка села, опершись твердой ладонью о мой живот (похоже, ей это доставляло удовольствие, а я еле успел его напрячь), склонила голову набок, волосы волной упали ей на плечо и руку. Глаза девчонки зажглись изумрудным пламенем.

— А хочешь, я тебе станцую? — не дожидаясь ответа, она вскочила и, прогнувшись

назад, уперла руки в бока, а потом тряхнула волосами так, что меня (несмотря на все, что уже было) опять почти «зажгло». Я приподнялся на локтях — и только в этот момент понял, что ни капельки ее не стесняюсь (странное было ощущение, я такого никогда в жизни не испытывал). — Смотри, Олег!

Я не понял, что именно она танцевала. Что Танюшка это умеет, я вообще-то знал давно (и, кстати, всегда комплексовал, что не могу толком ее тут «поддержать»). Но я не знал, что она умеет *так* танцевать. И не заметил даже, как сам поднялся на колени, не отрывая глаз от бешеного танца, похожего на... разогретый мед, смешанный с треском цикад, — словно бы сама земля подкидывала Танюшку. А она смеялась, в какой-то миг прыгнула ко мне — и я, угадав, чего она хочет, подставил ей «замок» из рук, поймал ее узкую, твердую, горячую ступню и метнул гибкое, сильное тело вверх — Танюшка прокрутила сальто и продолжала танец, не потеряв дыхания.

Цикады. Солнце. Горячий мед. Золото на коже.

И беда, и радость, и горе, и счастье, и боль, и смех — все тут ярче и острее, чем там, где мы были раньше. Одно стоит другого, а все вместе временами стоит того, что мы потеряли.

— Иди сюда! — крикнула Танюшка, протягивая ко мне прямые руки в то время, как остальное ее тело продолжало ритмично надламываться в поясе и коленях — влево-вправо.

— Я не умею, ты же знаешь! — засмеялся я, но вскочил на ноги, и Танюшка, дернув меня за руку, подтянула ближе, замотав головой:

— Умеешь! Просто ты этого не знаешь! Ну, давай вместе со мной! И-и!..

...Земля была теплой и сухой — и как будто правда подталкивала в ступни. Лицо Танюшки металось перед глазами — смеющееся, с блестящими зубами и глазами, в ореоле подсвеченных солнцем волос.

— Получается! У тебя получается! — кричала Танюшка. Потом сильно оттолкнула меня от себя и весело сказала: — А без одежды ты, между прочим, еще симпатичнее...

Я шагнул к ней, и мы положили руки друг другу на плечи. Танюшка кусала уголок губы.

— Давай еще? — спросила она.

— Потанцуем? — Я сцепил пальцы у нее на затылке.

— Попрыгаем, — хихикнула Танюшка, — и покувыркаемся... — Она опустила руки мне на бедра, а потом свела впереди. Меня тряхнуло, я невольно выдохнул: «Ммнн...», а она мурлыкнула: — Готов?..

— Нахальство, — дрожащим голосом сказал я, еле сдерживаясь. — Да ты насильница...

Танюшка вскинула руки, толкнула меня в плечи, а я, падая на спину, успел обхватить ее за талию.

...Мы со смехом свалились на мох...

На этот раз мы устали конкретно. Даже толком не помню, как я уснул, зарывшись лицом в волосы Танюшки, пахнущие горячей сухой травой.

А проснулся от ощущения взгляда, заставившего меня сесть, схватившись за рукоять даги.

Танюшка спала рядом — на животе, подложив руки под голову. А Сергей сидел на камне возле моего оружия — спиной ко мне, его кожаная куртка была обернута вокруг пояса, солнце жарило его уже покрытую золотым загаром спину.

— Не дергайся, я не смотрю, — не поворачиваясь, бросил он. — Мы вас почти потеряли.

Я оперся на камень возле него. Особого смущения не было — Сергей ведь мой друг, да и что такого мы с Танюшкой делали?

— Ну извините, — немного насмешливо ответил я.

Сергей посмотрел на меня через плечо и широко улыбнулся:

— До чего же у тебя сейчас довольная физия, ты бы видел.

Я коротко ткнул его кулаком — косточками — между лопаток; вернее — хотел ткнуть,

но Сергей быстро извернулся и, взяв меня на излом, прижал спиной к камню, сказав с шутливой угрозой:

— Ти-хо.

— Пусти, — улыбнулся я. Мне было хорошо даже вот так лежать с вывернутой рукой и смотреть в понимающие серые глаза друга. — Оденусь.

— Одевайтесь. — Сергей прыгнул по другую сторону камня и свистнул: — Эгей, они идут! Нашлись!

Я присел на корточки рядом с Танюшкой. Она смотрела на меня из-под вздрагивающих пушистых ресниц с пляшущими на них золотыми искрами.

— Пора вставать? — Она села, и мы немедленно поцеловались.

— Пора, Тань. — Я посмотрел на разбросанную одежду. — И поскорей. Нас уже ищут.

— Я слышала Сережку. — Танюшка зевнула, изящно прикрыв ладонью рот. — Уффф... встаю!

— А может... — Я ей подмигнул. — Подождем вставать? Еще разок, только быстро?

Танюшка закусил губу. Смерила взглядом непоколебимо-загорелую спину Сергея. Стрельнула в меня зеленью глаз.

— Давай, — шепнула она, — только теперь давай ты, как тебе хочется. Сам... О-о, вижу, что ты можешь... сам.

И она прогнулась в моих руках назад — в поясе, раздвинув колени и бедра и подаваясь ближе.

— Сергей, мы сейчас, — сообщил я. — Быстро. Наверное...

* * *

В ближайшие два часа мы так и не ушли с тех холмов — наверное, не только нам с Танюшкой довелось найти среди них что-то важное. Когда я сам пришел в себя и ухитрился собрать рассеявшийся отряд, уже перевалило за полдень, и было ясно, что до лагеря Жюссо, о котором говорил Сергей, нам сегодня уже не добраться. Кое-кто вообще предлагал остаться здесь, но я заявил, что уж километров десять мы в честь наступившей весны вполне можем отмахать, — и нечего скрипеть.

Скрипеть мы все равно продолжали, в том числе — и я сам. А прошли всего километра три — навстречу нам, перевалившим через холм, из олеандровой рощи высыпал отряд.

Я взмахнул рукой, и мои ребята рассыпались в цепь, девчонки отступили за их спины. Ирка, Валя и Танюшка деловито защелкали затворами аркебуз. Джек с философским видом натянул лук. Колька снял с плеча ружье — у него еще оставалось две пули и одна мелкая дробь.

В отряде, вышедшем нам навстречу, было около десятка мальчишек. Они замерли напротив нас; у троих были аркебузы. Двое неспешно подкручивали пращи. От общего строя отделился черноволосый парень и, сделав несколько шагов, поднял вверх длинную, почти прямую саблю-эспадрон:

— Кто вы такие и чего вы хотите?! — Он говорил по-английски, а я уже достаточно хорошо понимал этот язык. — Если хотите схватки, то знайте — это наша земля, и мы будем ее защищать!

— Это Франсуа, — прошептал Сергей, подходя ко мне. У него в руках оружия не было. — Давай я поговорю? — Я кивнул, и он, сделав два шага вперед, махнул рукой: — Франсуа, это я, Серж, привет!

Сабля опустилась к ноге черноволосого француза.

* * *

Франсуа Жюссо со своим отрядом тоже не сидел на месте — просто зимовал на плоской вершине одного из холмов, в большом доме, плетеные стены которого были

промазаны глиной, а боковыми столбами служили живые деревья. Четырнадцать парней, десять девчонок. До вчерашнего дня мальчишек было шестнадцать, но вчера вечером короткая, яростная схватка с захожими урса унесла жизни двоих ребят. Урса свернули в холмы, не решаясь больше атаковать. Франсуа погнался за ними, но мы успели раньше...

Все это Франсуа рассказал мне после обеда, когда мы сидели на теплом ветерке в роще, у подножия холма.

— Сколько ты здесь? — поинтересовался я, ставя босую ногу пяткой на пень, на котором сидел.

— Меньше года. — Француз сыпанул мне в руку сушеных яблок. — Я вообще-то был кадетом военной школы, а попал сюда еще с двумя нашими ребятами. Прибились к отряду франко-испанцев, с которым двинулись южным побережьем Европы на восток. В сентябре были аж в Крыму, где и попали урса в зубы. Лидер отряда был убит, а я тогда сумел возглавить оставшихся в живых и прорвался «на волю». С остатками отряда добрался в Грецию, где и зазимовал, сам видишь.

— Неплохо, вижу, — кивнул я и прислонился спиной к дереву. — Послушай, Франсуа... Ты знаешь Нори Пирелли?

— Мясника? — Франсуа вытянул ноги и потянулся сам. — Который со Спорад? Знаю.

— Я хочу... — Я оборвал себя и помолчал, потом заговорил иначе: — У меня был недолгий знакомый, который мог бы стать моим другом. Он пытался прикончить Нори, но не смог, а этой осенью погиб сам... Я хочу сделать то, что не удалось ему.

Франсуа не удивился:

— А твои люди пойдут за тобой? Нори — не урса.

— Мои люди пойдут за мной, — подтвердил я. — А потом — мы уже отправили на тот свет одного такого, вроде Нори... Я хотел предложить тебе долю в этой игре.

— Я ничего не делил с Мясником, — покачал головой Франсуа. — Мне он не нравится, но не более.

— А я думал — все французы рыцари без страха и упрека, — полушутливо заметил я.

Я-то почти пошутил. Но странно — это возымело действие! Франсуа вскинулся, его светло-карие глаза коротко сверкнули, но он промолчал, а я сменил тему:

— А о Городе Света ты что-нибудь слышал?

— Легенда, — отмахнулся Франсуа, успокаиваясь. — Такая же, как о Туманных Стражах. — Я вздрогнул, но француз этого не заметил. — Или о Бесконечной Тропе...

— А что за Бесконечная Тропа? — заинтересовался я.

Франсуа удобней устроился на пенке и заговорил, сцепив руки на коленях:

— Это тоже легенда... — и надолго умолк, а я удивился, потому что уже понял — француз любит поболтать. Молчал он долго-долго, но потом заговорил снова: — Мы все так или иначе хотим вернуться, но возвращаться нам просто некуда. А умирать бессмысленно никому не хочется уж и вовсе, вот и выдумывают себе... утешение. Что вроде бы наступает такой момент, как бы переломный. И перед тем, кто остался жив во многих боях и вообще вел себя достойно, открывается что-то вроде... двери. Это может произойти в любом месте, где угодно и когда угодно. Тогда можно уйти.

— Обратно? — поинтересовался я.

Франсуа пожал плечами:

— Нет, зачем? В том-то и дело. Уйти в совсем иные миры. По Бесконечной Тропе — и выбрать любой мир себе, по желанию — тропа-то бесконечная! Совсем любой. И поселиться там, и жить, как тебе хочется. Совсем по-нормальному. Взрослеть, иметь детей, строить дома... — Голос француз был тоскливо-мечтательным, но он оборвал себя: — Только это просто мечта. Легенда. Отсюда можно уйти только на тот свет, — он криво усмехнулся и уже деловито продолжал: — Вы, если хотите, можете задержаться тут на сколько угодно. Мы уйдем в июне на север, всегда хотел побывать в Скандинавии. И на твоём месте, — он соскочил с пенки, — я бы все-таки не трогал Мясника, Олег.

Он не стал дожидаться моего ответа, да я и не собирался ничего отвечать...

...Вокруг бушевало почти настоящее лето. Пожалуй даже, здешняя весна была получше любого лета — я ни разу не видел такого сумасшествия прущей из земли зелени...

Я босиком спустился к неширокой, но бурной и быстрой речушке. Огляделся, стоя по пояс в разлапистом папоротнике. И начал раздеваться. Осатанелое комарье немедленно поднялось из сырых местечек под листвой, и я поступил единственно правильным способом — вошел в воду по пояс и нырнул.

Плавать я так и не полюбил, хотя и научился. Но сейчас мне просто хотелось выкупаться, и я минуты три нырял и плавал посередке реки, где было поглубже. Вода была холодной и очень чистой; замерзнув, я выбрался на берег. Комары снова набросились на меня, но я не спешил одеваться. Стоял и наслаждался майским днем.

* * *

Вечером у костра был общий сбор — вече. Я излагал свои дальнейшие планы касательно атаки на Мясника Пирелли. Если честно, я и сам для себя толком не мог объяснить, что я так на него взъелся. Может быть, он заочно напомнил мне Марюса с его зоологической ненавистью к русским? Может быть, меня возмутила мысль о том, что в мире, где и так не продохнуть от урса, приходится еще и с белой сволочью дело иметь? Наконец, мне нравился Свен. Очень нравился. А Свен теперь уже не мог прикончить Нори.

Но до своих ребят-девчат я не пытался донести эти мне самому не вполне понятные мысли. Я просто говорил — излагал план похода — непрерываемым тоном. И внезапно увидел себя со стороны — длинноволосого мальчишку в самодельной кожанке, уже привычным жестом придерживающего на боку длинный палаш в широкой перевязи. А через секунду поднялся Саня. Он выглядел совершенно спокойно, говорил спокойно, но что-то не то было в его поведении и голосе:

— А ты не можешь объяснить, почему мы должны делать это?

Вопрос оказался неожиданным. Настолько неожиданным, что я, всегда умевший убедительно говорить и аргументированно спорить, просто осекся и заморгал. Саня же настаивал:

— Почему мы должны идти сражаться с теми, кто нам ничего не сделал? — Я промолчал, а Саня продолжил: — Потому что тебе хочется поиграть в рыцарей? Но это, пардон, не за наш счет, Олег!

— Что значит «не за наш счет»? — прорезался наконец у меня голос. — Что ты глупости говоришь, за какой за «ваш» счет?! — И только тут до меня дошел мерзкий смысл обвинения!!! — Ах ты... — Слов у меня не находилось, и я, рванув куртку, показал выпуклый шрам на боку: — А это — за чей счет?! — Я вздернул куртку выше, к шрамам на груди: — Это — за чей?! — Мной овладела вспышка ярости, еще более усилившаяся от того, что Саня был спокоен.

— Тогда это было необходимо, — сказал он, пожимая острыми плечами под такой же, как у меня, кожаной курткой. — Сейчас ты действуешь, как благородный рыцарь, борющийся с несправедливостью. А платить своими жизнями придется нам! Остановись, Олег.

— Защищайся! — рявкнул я, выхватывая палаш. Саня вскочил, но на него навалились Смorch и Олег Фирсов, а Бэн испуганно закричал:

— Не надо, Сань!

Я тоже не успел взмахнуть клинком — мою руку выше запястья обвил хлесткий ремень, рванул — и я увидел Вадима, тянущего на себя кистень. Он спокойно-иронично улыбался:

— Олег, тихо, ты что? Успокойся...

Опомнившись, я вбросил в ножны палаш и, шире расставив ноги, сунул большие пальцы за ремень. Санек остыл еще быстрее — по крайней мере внешне.

— Вы обещали выполнять то, что я скажу, — с расстановкой, тяжеловато произнес я,

глядя себе под ноги. Потом вскинул голову: — Но я не стану вам об этом напоминать. Не буду говорить, как князь, и... — я сделал над собой усилие, — ...прошу прощения за то, что вообще говорил с вами в таком... приказном тоне. — Я думал, что кто-нибудь подаст реплику, но все молчали, глядя на меня. — Тогда давайте так. Давайте голосовать, как мы это всегда делали. Вече — так вече! Ставлю на голосование вопрос об активных действиях против Нори Пирелли по прозвищу Мясник. Просто потому, что он хуже любого урса и возомнил себя крупным работоторговцем и удельным князьком. Мне не нравится то, что рядом со мной такой же мальчишка, как я, торгует другими мальчишками и девчонками. Вот мое обоснование, и я первым поднимаю руку за то, чтобы уничтожить Пирелли, как мы с Лешкой Званцевым уничтожили Марюса. Теперь пусть говорят остальные. — Я сел, и Танюшка пожала мне локоть.

— Ты молодец, я с тобой, — щекотнул мне ухо шепот. Я благодарно улыбнулся.

— Я за нападение, — встал Вадим. Санек ожег его взглядом, но Вадим невозмутимо продолжил: — Мне хочется поразвлечься. Ничего больше я объяснять не собираюсь.

Я не очень ему поверил и даже встревожился. Вадим всегда был себе на уме и очень часто за словами прятал двойной, а то и тройной смысл. Впрочем, я не додумал. Поднявшись, Танюшка сказала:

— Я с Олегом.

— Кто бы сомневался, — буркнул Саня.

Танька спокойно парировала:

— Естественно.

— Я против, — отвернувшись от нее, бросил Саня.

— Я за, — коротко сказал Арнис, даже не вставая.

— А я против, — покачала головой Ленка Власенкова. И добавила в ответ на удивленный взгляд Олега Крыгина: — Не считайте меня бессердечной, просто нам лучше в это не соваться.

— Я тоже против, — вздохнула Ленка Черникова.

— Я за, — кивнул Игорь Мордвинцев.

— И я, — поднялся Север. — Тут Саня сказал, что Олег играет в рыцарей. Не вижу в этом ничего плохого, кстати.

— Я как Саня, — помотал головой Бэн.

— А я — как Сергей, — извиняющимся тоном оповестила Ленка Чередниченко.

Сережка тряхнул светлым чубом:

— Я за драку!

— И я за драку, — сообщила Наташка Мигачева, обычно молчаливая, как пень.

— Я... — Сморч потер лоб. Видно было, что ему хочется подраться, но пойти против мнения Сани он не мог. — Я против, — с усилием выдавил наконец Сморч.

— Я тоже, — неожиданно сказал Андрей Альхимович.

Сергей не выдержал:

— Приехали!

— Не хочу новых похорон, — прямо отрезал Андрей.

— Я тоже против поэтому, — присоединилась Ольга Жаворонкова.

— И я против, — глядя в огонь, Колька Самодуров ничего не стал объяснять.

— Я за, — подняла руку Ирка Сухоручкина.

Кристина Ралеска тоже подняла ладонь:

— Мне не нравится рабство. Я за бой.

— Я против, — отрезал Олег Фирсов.

— А я за, — одновременно с ним сказала Наташка Крючкова.

— Я с Колей, — подала голос Валька Северцева. Брат покосился на нее и чуть скривил губы.

— Я за. — Игорь Басаргин вскочил. — Мы должны помогать творить справедливость в этом мире, понимаете?!

— Я тоже за, — раздумчиво произнес Олег Крыгин.
— Против, — коротко отрезала Наташка, сестра Сани.
— Против, — так же коротко сказал Андрей Соколов.
— Я тоже не хочу драться не с урса, — покачал головой Богуш.
— Я за бой, — заключил Джек Сойер.
— Пятнадцать «за», тринадцать — «против», — тут же подвел итог Вадим, все это время, оказывается, считавший голоса.

— Небольшой перевес, — тихо пробормотал я, снова поднимаясь: — С голосованием все? Теперь позвольте мне сказать. Те, кто не хотел идти, могут не идти. Я никого не собираюсь тащить насильно.

Наступило молчание. В тишине хмыкнул Санек. А Андрей Альхимович покачал головой:

— Ну уж нет. Идти, так всем. Всем, Олег. Иначе ни к чему было затевать голосование.

* * *

Джек Сойер пил возле ручья, когда я, подойдя сзади, тронул его за плечо. Англичанин повернул узкое лицо и коротко улыбнулся.

— Если бы ты проголосовал против, была бы ничья, — тихо сказал я. — Я был уверен, что ты не захочешь драться.

— Нас никто не гнал в тот поход, в котором погибли мои друзья, — тихо сказал Джек. — И мы не искали выгод. Мы просто хотели справедливости... Тот парень, Александер, назвал тебя рыцарем, чтобы оскорбить. Но я бы не оскорблялся. Это скорее похвала.

— Спасибо, — я пожал ему запястья. — Спасибо... Ты не видел, где Танюшка?..

...Мой палаш и корда Татьяны столкнулись с коротким лязгом. Тонкий легкий клинок опасно засвистел, плетя плотное кружево ударов. Улучив момент, я сильным толчком в основание клинка вышиб корду из рук Татьяны и, перехватив ее запястья, притянул девочку к себе. Луна освещала нас; со стороны костра еще слышалась перекичка самых неугомонных.

— Ты не жалеешь, — засмеялась Татьяна, — это хорошо, ведь и в бою не жалеют!

— Ты пошла со мной только потому, что это — я? — Я держал ее запястья крепким хватом, хотя она и не вырывалась.

— А этого мало? — тихо спросила она.

Я упрямо покачал головой:

— Мне бы не хотелось, чтобы ты одобряла мои ошибки из-за того, что они — мои.

— Тут не было ошибки. — Она заглядывала мне в глаза, и из ее зрачков смотрела луна. — Я не хочу говорить избитые слова, но в жизни должен быть смысл. Даже в бессмысленной и заведомо обреченной. Мы все равно погибнем, так к чему бежать и прятаться? Лучше быть таким, как Джек, — сражаться с врагом и встречать опасность лицом к лицу... — Я с уважением смотрел в лицо своей подружки, а она продолжала: — Если есть выбор — быть трусихой или рыцарем, — я предпочту быть рыцарем. Даже если это выглядит глупо... — Она подняла свободную руку и коснулась моей щеки: — Помнишь, ты мне говорил про одну книжку Астрид Линдгрен? Там двое братьев сражаются со злом, и один спрашивает другого, почему тот идет в бой, если мог бы спокойно сидеть дома, не рискуя жизнью? А тот отвечает: «Чтобы быть человеком, а не комком грязи».

— «Братья Львиное Сердце», — вспомнил я. — Я читал про эту книжку в «Пионере». А ее саму так и не успел...

— Может быть, *там* ты ее еще прочитаешь, — сказала Таня. — А *здесь* мы просто должны жить, как люди.

— Просто? — переспросил я.

— Просто, — подтвердила Танька. — Даже если это и... непросто.

В тумане теплится восход.
Копьем, мечом и кулаками
С баранами и ветряками
Сражаться едет Дон Кихот.

Он едет тихо мимо стен
И кровель, еле освещенных...
Как много есть неотомщенных...
...А отомщенных — нет совсем!

И в миг, когда сверкнет над ним
Латунный таз огнем холодным,
Смешное будет благородным,
А благородное — смешным.

В тумане теплится восход.
Сражаться — глупо и опасно...
Смириться может Санчо Панса,
А Дон Кихот, а Дон Кихот...

В. Миляев

Коридор был бесконечным, тускло освещенным и совсем не страшным. Одно плохо — бесконечным. Я даже не шел, а просто брел уже по нему, время от времени толкая и дергая двери, в шахматном порядке расположенные по обеим сторонам. Двери не открывались. Казалось, они просто вмонтированы в глухую стену. Кое-где между дверей попадались прислоненные к стене швабры. Их созерцание выводило меня из себя, но тоже как-то устало. Это занятие меня так напрягло, что я не сразу заметил происходящие изменения. А совершались они как-то плавно и совершенно естественно. Я шел только что одетым так, как был одет этим вечером... а потом оружие осталось прежним, но самоделковая кожа сменилась отлично выделанной, и длинные перья широкополой шляпы то и дело цеплялись за стены... через секунду я отпихивал локтем мешавший мне дисковый «ППШ», а мешковатую гимнастерку перетягивал потертый ремень... «ППШ» сменялся мечом, плечи тяжело облежала плотная кольчуга... И еще что-то было, снова и снова, чуть ли не возле каждой двери.

У меня возникло ощущение, что я иду по коридору уже много часов. Три шага — дерг — шаг — поворот — дерг — три шага — дерг... Что же дальше-то?

Впереди — мне показалось — внезапно возник тупик. Но это оказалось разветвление — коридор уходил вправо и влево.

Ишак, которого поставили между двумя возами морковки, в конце концов сдох от голода. Печально... Я решительно повернул направо, начисто отменяя все соблазнительные мысли о том, что слева мог быть близкий выход.

Справа, впрочем, выхода не было тоже. Да и коридора тут тоже не было. Вместо этого — тупик, в котором стояло мягкое кресло, а перед ним серым холодным глазом поблескивал стоящий на растопыренных тонких ножках массивный телевизор «Чайка». В точности такой же, как стоял у нас дома, только там он находился на тумбочке. И этот телевизор включился в тот самый момент, когда я, удивленно разглядывая это чудо, подошел к креслу.

Экран провалился, растаял, став открытым окном в никуда... нет, не в никуда. В тумане, висевшем где-то плотной кисеей, рисовались ветви кустов — то ли еще, то ли уже голые, хотя мне почему-то казалось, что *там* не холодно. Мне показалось, что я различаю фигуры людей, уходящие в туман; чуть сбоку мне почудились несколько воткнутых в землю клинков... или нет, что ли? Изображение уплыло в сторону, я увидел... себя. Да, это был я, в точности такой, как сейчас, только одежда была другой, не было оружия, да еще поперек лба

над левой бровью почти на переносицу тянулся тонкий белый шрам. Я кусал губы и хмурился, глядя прямо перед собой.

Потом это видение уплыло, а сменили его сцены яростной схватки — в мелькании клинков и тел непонятно было, кто и кого кромсает, различалось только, что белые дерутся с урса. Но это «кино» оказалось еще более коротким, чем предыдущее. Вместо него возник заснеженный лес и человек, идущий по нему на лыжах. Я видел его только со спины, но почему-то человек показался мне знакомым. И при виде этого накатила на меня глухая, тяжелая тоска...

...Я открыл глаза. Волнами откатывалась прочь посетившая меня во сне печаль. Весенняя ночь была теплой, стрекотали какие-то насекомые, и огромная чаша неба висела над миром.

Я глубоко вздохнул и, чуть повернувшись, различил в темноте южной ночи лицо Татьяны — мы совершенно открыто устроились на склоне холма на разостланных одеялах, брошенных на сорванную и стасканную в «матрас» траву. И только сейчас я понял, как это чудесно — вот так спать рядом со своей девчонкой. Со *своей*. Не... делать то, что мы делали сегодня днем (вчера, вернее), а просто вот так лежать рядом с самым родным в этом мире существом.

Странно. Сон был тягостным, но не страшным, так от чего же я проснулся?

Это была уже мысль командира, вождя — и я сел. Максимально осторожно, чтобы никого не разбудить (и в первую очередь — Танюшку).

На ночь мои соплеменники разбрелись кто куда, начисто позабыв, что мы вроде бы как на войне. Так что невозможно было определить с ходу, кто на месте, кто — нет, где вообще это место...

Беспокойство не отпускало, и я сперва сел на корточки, потом встал в рост, засунув за резинку спортивных штанов дагу. Помедлил — и шагнул с одеял в теплую траву.

Танюшка позади что-то бормотнула — и не проснулась, я это понял.

Собственно, я не собирался никого искать, а просто хотел успокоиться, вернуться и завалиться спать вновь. Я спустился к ручью, попил, потом присел на камень, прислушиваясь и вглядываясь в темноту. В низине за ручьем с хрустом, топотом и хрюканьем пробежали несколько кабанов, потом прошло какое-то очень крупное животное — я даже расслышал мощное сопение, но какое-то добродушное. Странно, я совсем не боялся, хотя год назад меня ужаснула бы сама мысль о такой вот прогулке по лесу. Мне вспомнились наши с Танюшкой первые ночевки, и я улыбнулся в темноту. Да уж, резко проехался по нам этот год...

В заводи возле моих ног появилась темная тень. Я сперва не понял, что это, а просто нагнулся к воде — посмотреть — и тут же отпрянул, подбирая ноги. На меня из-под воды смотрела чудовищных размеров плоская рыба харя с усами, похожими на кнуты. Усы шевелились в струях течения, маленькие глазки с интересом посматривали снизу вверх.

— Ни финты себе... — выдохнул я, и сом — а это был сом — исчез, только проструилось похожее на бревно толщиной и длиной тело. А через несколько секунд послышался плеск — кто-то шел по мелководью того берега, и это шел человек... два человека. Не скрываясь, а значит, это могли быть только наши — мои или Франсуа. Скорей всего, гуляла парочка, обалдевшая, как недавно мы с Танюшкой, от ночи, весны и природы.

В таких случаях чувствуешь себя идиот идиотом — лучше всего молча посидеть, ничем себя не выдавая, а при первой возможности — просто смыться и позже об этом никогда не вспоминать вслух. Я плавно переместился к кусту на берегу и слился с ним, приготовившись пережить.

Через несколько секунд буквально на противоположном берегу появились две фигуры — повыше и пониже, послышался неразборчивый разговор и смех. Еще через мгновение я узнал Саню и удивился — уж кто-то, а Саня-то к девчонкам относился с вежливым высокомерием. Ольга Жаворонкова с Наташкой Мигачевой, остававшиеся в нашей компании «свободными», насколько мне известно, интереса к нему не проявляли. Ха, неужели Саня (во

мне вновь шевельнулась злость, но я открутил ей голову в эмбриональном состоянии) успел встретить какую-нибудь француженку или испаночку?..

Но едва я это подумал, как во второй фигуре — пониже и похрупче — я узнал Бэна.

Так. Я напрягся. Это что — заговор в лучших традициях французского кино с Жаном Марэ — под покровом ночи, тайно, против законного короля? Ин-те-рес-но-о...

Все оказалось намного интереснее, чем я мог предположить. Вернее — такого я вообще не мог предположить. Ни представить, ни вообразить. Ну — никак.

Я по-прежнему не слышал, о чем они там говорят, несмотря на то, что голоса по воде доносятся хорошо, — уж очень тихо велся разговор. Зато видно было здорово — они остановились как раз напротив меня, нас разделяли метров пять: глубина от «моего» берега и отмель на том берегу.

Саня потрепал Бэна по волосам, поерошил их. А потом...

...Я до сих пор не могу найти слов, чтобы описать свои последующие мысли. Физическое состояние описать было проще. Мне показалось, что меня сунули головой в печку. В ушах зазвенело, рот наполнился привкусом крови, ноги и руки стали ватными. На то, что видели мои глаза, у моего мозга просто не хватало возможностей осознания. Мне легче было привыкнуть к постоянным убийствам, чем уяснить для себя происходящее. Я не мог сдвинуться с места, во мне все уголки разума заняла смесь ужаса с гадливым любопытством и отрывочными, коротенькими какими-то мыслями на тему: «Что делать?!» А потом всплыла еще одна, но потрясающая в своей простоте мысль: «А завтра?!» Нет, в самом деле — завтра-то мне как быть?! Мне же надо будет с ними общаться, разговаривать, дотрагиваться до них...

Что же делать?!

До прибытия сюда я вообще ничего не знал о «таких» отношениях — кроме научного названия «гомосексуализм» и отрывочных сведений из книжек. Да и это мне казалось чем-то инопланетянским и вообще не существующим в сегодняшней реальности — вроде работорговли или людоедства. Тут я впервые увидел нечто подобное, когда мы вошли прошлым летом в сожженное урса поселение. Но и это воспринималось просто как некая часть демонического облика врагов, еще одно подтверждение их нечеловеческой сущности — ну, вроде их масок, людоедства, похожей на звериный лай и вой речи... Но тут-то ничего подобного просто не было! А было... было что-то...

Я видел, как Бэн, ласкаясь к Сане, со смехом переговорил с ним и ушел по берегу, перекинув через руку штаны и что-то насвистывая. Санек, одевшись, посидел на коряге, глядя ему вслед, потом бросился в воду, в два взмаха пересек ручей и выбрался на берег почти напротив меня.

Наверное, он прошел бы мимо, но я его не пропустил. Меня подбросило с земли, как пружиной. Саня отшатнулся. Я вцепился ему в плечи, протащил перед собой вяло сопротивляющегося парня на два с лишним года старше меня — и впечатал его спиной в толстый ствол олеандра.

В первые несколько секунд Саня, ошеломленный нападением и тем, что не понимал, кто именно на него напал, не сопротивлялся (а я какой-то частью мозга, оставшейся холодной, отметил, что его легко могли бы убить). Но, увидев меня, выдохнул: «Ты?! Подглядывал?!» — и рванулся.

Черта с два. Да, он был старше, но даже на «нашей» Земле в последние год-полтора мы сравнялись в силах. Сейчас же мною двигала еще и ярость. Я позволил ему податься вперед, на меня, и, вдобавок дернув в том же направлении, обратным движением снова впечатал Саню в то же дерево — причем так, что он обмяк по-настоящему и, мотая головой, лишь испуганно смотрел на меня.

— Убью! — выплюнул-выдохнул я, несколько раз тряхнув его. — Ты что делаешь, идиот, скотина?!

— Пусти. — Саня опомнился. Он не делал больше попыток вырваться, но смотрел спокойно. — Пусти, ключицы сломаешь. Больно.

Он не врал. Помедлив, я опустил руки, но корпусом продолжал закрывать Сане путь для ухода. Злость у меня внезапно почти прошла, и, кажется, Саня это понял.

— Вот так вот, — тихо сказал он, по-прежнему не двигаясь. — Думаю, после того, что было у вас с Танюшкой, ты меня поймешь...

Я ударил его. Хуком справа. Саню мотнуло вокруг древесного ствола, он сполз наземь, закрывая лицо локтем, — и остался лежать неподвижно.

Я перешагнул через него и пошел прочь от берега...

...Франсуа сидел недалеко от спящей Танюшки, держа на высоко поднятом колене клинок своей сабли. Он обернулся на мои шаги и молча смотрел, как я, подойдя, встал рядом.

— Не спится, — то ли спросил меня, то ли о себе сказал, то ли все вместе Франсуа. — Послушай, ты не был в Карелии? Там и правда так красиво, как говорят?

— Не знаю, — рассеянно ответил я. — Мне там не приходилось бывать.

— Ясно... Ладно, как-нибудь потом побываю. — Он встал, несколько раз, заложив одну руку за спину, рассек воздух поющим сабельным клинком. — Я пойду с тобой на Пирелли. И еще кое-кого позову по пути. Ты хорошо сказал о нас, французах. Может быть, мы и не такие рыцари, как принято о нас думать. Но мы хотим быть такими. *Хотим*, а это уже немало...

* * *

Я фехтовал с Андрюшкой Альхимовичем и Олегом Фирсовым — они просили еще раз показать кое-какие защиты. Временами мне казалось, что вчерашняя ночь мне почудилась — и Саня, и Бэн вели себя совершенно как обычно. Так бывает: что-то очень страшное кажется нам нереальным...

Отряд Франсуа собрался тоже. У них наверху, в хижине, кто-то наигрывал на самодельной свирели простенький, но красивый мотив из нескольких повторяющихся нот. Солнце пекло беспощадно — потоки света, казалось, выливаются с неба ручьями расплавленного металла. Я машинально обратил внимание на то, что ровный южный загар начинает уже ложиться на тела ребят и девчонок. И Танюшка тоже была загорелая, тоненькая в поясе и смеющаяся — она вместе с Ленкой Чередниченко и Валькой Северцевой о чем-то разговаривала с двумя девочками из компании Франсуа. Слышалась непередаваемая трескотня на чудовищной смеси из нескольких языков. Вот Танюшка показала корду, несколько раз ловко крутнула ее в руке... Надо же, то ли об оружии заговорили...

Андрей «проколол» мою защиту и шлепнул кончиком валлонки по плечу. И даже сам удивился, судя по выражению его лица.

— Ты что-то не в форме, — заметил он, проводя ладонью по мокрому от пота лицу.

— Вроде того, — кивнул я, отходя в сторону. Клинки продолжали звенеть. Арнис боксировал со Сморчем, Колька показывал какие-то приемы.

Я должен был поговорить. Поговорить немедленно... с кем? Я рассеянно осмотрелся кругом — и увидел Вадима, который поднялся на склон холма снизу. Он нес на плечах тушку косули, а шагавшая следом Наташка тащила в каждой руке по кабаненку.

Я подождал, пока Вадим, свалив добычу, двинется обратно — к ручью, мыться. Наташка за ним, к счастью, не пошла. А вот я — пошел. В конце концов, Вадим был не только моим другом, но еще и лучшим другом Сани, и познакомились они друг с другом на год почти раньше, чем со мной.

Вадим отмывался у ручья. Заметив меня, он весело сказал:

— Хорошая косулька! Я тут еще в болоте таких зараз видел — вроде длинномордых бегемотов с клыками...

— Платибелодоны, — вспомнил я иллюстрацию в «Палеонтологии в картинках». — Честное слово, чертовщина тут творится необъяснимая. Их просто не может быть всех

вместе — водяных слонов и косуль, например... Ты знаешь, что Саня гомосексуалист?

Ляпнул я это в отчаянии, просто не зная, как подступиться к теме.

Глаза Вадима не просто широко распахнулись. Даже не распахнулись — этому нет названия. Он упустил с плеча в ручей куртку, подхватил ее, чертыхнулся, отбросил, словно обжегшись. Потом спросил, поднимаясь:

— Ты что, мозги отоспал?! Или сбесился по весне?! А в морду, по-простому выражаясь?!

— А что от этого изменится? — спокойно поинтересовался я. — Он с Бэном... — Я помолчал и выговорил: — ...трахался. Вчера ночью.

Наверное, он бы все-таки мне врезал. Если бы не знал, что у меня нет привычки врать. Его взгляд метнулся вправо-влево, словно он искал Саню, который опроверг бы это дикое, чудовищное обвинение. Конечно, никого рядом не было, кроме меня — а именно я это обвинение и высказал...

Вадим потряс головой.

— Неплохо ты меня приложил, — признался он. — Нокаутировал, если честно... — и сердито спросил: — А промолчать ты не мог?!

— Здра-ась! — удивленно развел я руками и добавил слова песенки из детского фильма: — Я не шкаф и не музей — хранить секреты от друзей!

— В данном случае — ты уж, пожалуйста, храни. — Вадим ожесточенно сплюнул в сторону. — Не хватало еще, чтобы об этом растрепали по нашей компании!.. Нет, но... — Он не договорил, мерзко и удивительно сложно выругался, я ошалело посмотрел на него, а потом сказал:

— Да я-то промолчу. Я не об этом... — Я присел на камешек, задумчиво проводил взглядом парочку стрекоз над водой, занятых тем, что я в раннем детстве называл «брачной игрой». — Что нам делать-то дальше? В смысле — а если Саня и дальше свою деятельность будет разворачивать? Э... на других?

Вадим присел на берегу, начал остервенело тереть руки песком. Потом тихо сказал:

— Не знаю... На кого он в первую очередь может... ну, кинуться?

Я засопел. Если честно, мне не приходило в голову рассматривать окружающих меня с такой точки зрения. Какие тут критерии? Как с девчонками? Ирка Сухоручкина красивая. Ленка Черникова — симпатичная. Наташка Бубненкова — так себе. Танюшка — это Танюшка. Созерцая спину Вадима, я попытался — умное слово! — *экстраполировать* это видение на парней, хотя это было смешно и как-то неловко, словно я сам был... «небесного» цвета.

Север — красивый. Сережка — симпатичный. Андрюшка Альхимович — так себе. А Бэн...

— Нет! — уверенно выпалил я.

Вадим обернулся:

— Что «нет»?

— Нет, — кивнул я. — Я был не прав. Никого больше Саня не тронет.

— И на каком основании такие выводы? — Вадим встал, не сводя с меня глаз.

— На таком, — я помедлил. — На таком, что Санек любит Бэна, — меня невольно передернуло. — Уверен. Я все видел и точно могу это сказать...

— Блядь, — задумчиво сказал Вадим. Посмотрел на меня и вздохнул. Потом вдруг добавил: — Знаешь, а я ведь хотел голосовать-то против этого похода.

— Интересно, — оценил я, ожидая продолжения.

— Мне понравилось, что ты решил быть рыцарем, — хмыкнул Вадим. — Знаешь, у меня такое ощущение, что я проживу тут довольно долго. И мне интересно посмотреть, что с тобой, Олег, будет дальше.

— Со мной? — нейтральным тоном выделил я.

Вадим кивнул:

— С тобой. Я, если честно, удивился тому, как ты за дело взялся. Крутенько. Еще

осенью начал удивляться — до сих пор остановиться не могу. Мне тебя князем в шутку называть уже и не хочется.

— Спасибо...

— Пожалуйста, ради бога... Так что считай — мне просто хочется быть рядом с тобой. И увидеть, как ты падешь в бою, накрыв собою свой палаш.

— Даже так? — хмыкнул я. Мне вдруг стало смешно. — Не знал, что я выгляжу таким чудным.

— Не чудным, — без улыбки возразил Вадим. — Совсем не смешным и не чудным. Иногда, если честно — страшным ты выглядишь, Олег. Как тогда, в феврале, на морском берегу...

— Помнишь, как мы убили медведя? — Я подошел, сел рядом, опустив руки к воде. — Ты. Я. Сергей. Помнишь?

— Конечно.

— Хочешь — ты будь князем.

Он хлопнул меня по плечу мокрой рукой:

— Не хочу, Олег. Но тебя поддержу всегда. И во всем... брат.

* * *

Еще издалека стало слышно, как Игорь Басаргин под взрывы хохота бренькает на гуслях, а Север поет:

Как на поле Куликовом
Засвистели кулики
И в порядке бестолковом
Вышли русские полки.
Какдохнули перегаром,
За версту от них разит...
Значит, выпито немало,
Значит, будет враг разбит!
Слева нас — рать,
Справа нас — рать.
Хорошо с перепоею
Мечом помахать!
Воевода красноносый
В ратном деле знает толк —
Через речки и покосы
Он повел засадный полк...

Вокруг наших стояли ребята и девчонки Франсуа, тоже смеялись, подталкивали друга друга локтями — вперемешку с нашими. А Игорь уже сам запел, сам себе и аккомпанируя, — что-то про вампиров, но тоже смешное и явно им самим сочиненное:

...обнажает в лунном свете
Предлиннющие клыки
И кричит, хрипя при этом:
«Дайте выпить, мужики!
Самогонки, или водки —
Даже пиво подойдет!...»
Полночь. Одиноко. Жутко.
Спит упившийся народ.

— Это все смешно, пока поешь, — покачал головой худощавый черноволосый мальчишка. — А на самом деле вампиры совсем не смешные.

Он говорил по-русски с легким акцентом.

— Да брось ты, — отмахнулся один из испанцев — в его исполнении русский звучал куда более странно, — опять за свое...

— Не за свое! — мгновенно завелся черноволосый. — Я не вру, я их правда видел!

— Да иди ты... — отмахнулся испанец.

— Погоди, погоди, — вмешался Север, подкидывая на ладони метательный нож. — Ты что, хочешь сказать, что видел вампиров?!

— Он сейчас расскажет, — насмешливо заметила одна из девчонок. Черноволосый ошетинился:

— А ты не слушай! Я вон им собираюсь рассказывать!

— Да мне их и жалко, — вздохнула девчонка, — у них же уши от твоей лапши отвалются.

Черноволосый засопел. Север похлопал его по плечу:

— Стой, не дуйся, рассказывай. Нам правда интересно. Про вампиров.

Наши поддержали его слитным гулом. Люди Франсуа ответили дружным стоном. Черноволосый мальчишка смерил их воинственным взглядом и начал, демонстративно обращаясь только к нашим:

— Я тут, кстати, на год дольше, чем эти обалдуи. — Он мстительно улыбнулся. — Вообще-то я родом из Лупени. Это в Южных Карпатах, — значительно добавил он, осмотрев всех по кругу. — Знаете, что это за места?

— Знаем. — Я увидел Танюшку, опиравшуюся на корду. — Горы недалеко отсюда. Тянутся на полторы тысячи километров...

— Подожди, Тань, — остановил ее Север, — он не об этом... В тех местах где-то жил Влад Дракула?

— Влад Дракула, — торжественно кивнул черноволосый и несколько раз перекрестился. Кто-то хмыкнул, еще кто-то засмеялся. — Влад Дракула, — повторил черноволосый настойчиво.

— Ты ерунду-то не лепи, — недоверчиво сказал Колька. — Дракула — это вампир. Из сказки.

— Коль, — поморщился я, — Дракула — это князь. В XV или XVI веке правил.

— Верно, — подтвердил черноволосый. — Дракула был князь. И вампир — тоже. Совсем не из сказки, в наших местах про него до сих пор хорошо помнят... Так вот. Мы тут оказались вдвадцатером, поровну парней и девчонок. И сперва прямо там и обосновались — ну, в родных местах, мы же там все знали... А весной у нас начали пропадать люди. Сперва одна девчонка. Потом девчонка и парень. И сразу двое парней, задержались на охоте — и все...

— Урса, — отмахнулся Колька.

— Нет, — возразил Север, — они бы обязательно напали на лагерь...

— Да, — кивнул черноволосый. — Мы искали наших, но никого не нашли. Когда пропали те двое ребят, мы решили уходить. Часовые жаловались, что по ночам мучаются от того, что их разглядывают из темноты. Несколько раз те, кто возвращался в лагерь, припозднившись, видели какие-то... ну, тени, которые их преследовали, но не приближались. Вот тогда мы и решили уйти. И ушли, но за Железными Воротами на нас напали урса... Вот и все.

— Да с чего ты взял, что это вампиры? — хмыкнул Колька. — Тут полно всяких древних животных. Может, это были они?

— Я видел вампиров, — просто и тихо ответил черноволосый. — Они даже спасли мне жизнь. Так получилось... Я уже сказал, за Железными Воротами на нас напали урса. Их было много. Меня и одну девчонку взяли в плен... — Он повел плечами. — Ну это ладно. Меня не убили. Оставили на утро. А ночью за урса пришли. Их было пятеро. Я не спал и

видел. Высокие, тонкие... то ли в плащах, то ли это были так сложены крылья... Урса не развели костров, и эти пятеро ходили между спящими — нет, скользили совершенно бесшумно — и перекусывали им горло. До сих пор помню — ходят, нагибаются, кусают. Я, наверное, от страха сумел вывернуть руки из веревок, отполз в сторону, свалился в какую-то ямку и там притих. Урса я не так испугался, как *этих*, — румынский мальчишка помолчал и добавил: — Они не пили кровь. Они просто убивали. И никто из урса так и не проснулся.

— Он не врет.

Все обернулись на голос. Джек Сойер стоял чуть в стороне, опираясь на свой лук, и слегка улыбался, глядя мимо нас.

— Он не врет, — повторил Джек, — и не выдумывает. Носферату существуют — ну, по крайней мере в этом мире — точно. Чарли Виндзор и Нэд Кардиган убили одного на моих глазах, и было это как раз за Железными Воротами... не помню, сколько лет назад, но нашего Срединного Королевства еще не было.

— Носферату? — переспросил кто-то из девчонок. — А что это?

— «Неумершие» в переводе с греческого, — пояснил Джек. — Только это ерунда. К людям они не имеют никакого отношения — это какая-то тупиковая ветвь эволюции. У них есть крылья, и они в самом деле умеют летать. В некоторых местах этого мира живут весьма странные существа, — он помолчал и повторил: — Весьма.

А я невольно посмотрел на пятно серого тумана — ближайшее было совсем недалеко, в лощинке. И вспомнил, как этот румын говорил: дважды у них люди пропадали попарно — девчонка с парнем и два парня... А что, если вампиры — кем бы они ни были — тут ни при чем? Что, если кто-то просто нашел способ *вернуться*, от которого смог отказаться я?

Меня передернуло. И я заметил, как тревожно смотрит на меня Саня. Он наверняка думал, что я размышляю о нем.

Но я и правда пришел сюда поговорить с ним... Мысли о вампирах и тумане вылетели у меня из головы. Я сделал Сане знак глазами и отошел сам.

— Чего ты хочешь? — тихо спросил он, подходя.

— Саня, — начал я и сам удивился своему жесткому голосу, — мне неохота знать, какого черта ты развлекаешься таким диким образом. Но я хочу знать другое: ты *изнасиловал* мальчишку, когда у вас это было в первый раз?

— Это не твое дело, — зло сказал он, но я преградил ему путь, когда он хотел уйти:

— Ошибаешься.

— Нет, — с ядом сказал Саня. — Я, может быть, и пидор, но я не сумасшедший. Мне давно хотелось его отыметь, но я и в мыслях не держал его насиловать. Тогда, в феврале, ему было плохо. Я приласкал его и предложил... и он согласился, а потом ему просто понравилось. В следующий раз он пришел ко мне сам... У тебя все?

— Нет, не все, — возразил я. — Может, Бэну это и нравится. Но мы с тобой *были* друзьями, и я хочу предупредить тебя честно: если вздумаешь расширить сферу своей деятельности — я тебя просто убью.

Глаза Сани потемнели. Он положил ладонь на рукоять валлонки.

— Не стоит, — коротко приказал я. — И еще учти. Я рассказал все Вадиму.

Руки Сани вцепились мне в куртку на груди.

— Ты рассказал Вадиму?! — прохрипел он, и глаза у него были уже не просто темные — их переполняло бешенство.

— Я уже ударил тебя ночью, — тихо сказал я. — И не хочу бить снова.

— Ты — меня — бить, сопляк?! — выдохнул он. — Ты?! Да я тебя...

Вместо ответа я ударил его прямым правой в корпус — под дых. Саня переломился пополам, но тут же снизу вверх врезал мне апперкотом в челюсть — он тоже много чему научился. Девчонки завопили испуганно, что-то заорали парни. Я нанес Сане свинг левой, подскочил ближе, добавил хук правой; его нога врезалась мне в колено, и нас растащили.

Странно, но и я, и он мгновенно успокоились. Со всех сторон посыпались удивленные и испуганные вопросы на тему: «Что вам понадобилось-то друг от друга?!»

— Мы поцапались из-за похода, — спокойным тоном объяснил я, снимая с плеча руку Сергея. — Все в порядке. Мы все-таки выступаем. Да, Сань?

— Да, Олег, — нейтральным тоном отозвался он.

* * *

Все-таки весьма нудное занятие — идти, если это не прогулка по собственному желанию, а средство передвижения. Даже если кругом весна. Даже если кругом вообще Греция и в частности очень красиво.

— А что это за гора? — поинтересовалась догнавшая меня Наташка Мигачева, кивая на величественный пик, поднимавшийся прямо по курсу, — широкий, укрытый до половины ковром свежей весенней зелени, а дальше расчерченный темными изломами. Самую вершину, рисовавшуюся в бирюзовом безоблачном небе, венчала ослепительно-белая снеговая шапка.

— Знаешь, — заворуженно сказала Танюшка, — по-моему, это — Олимп.

— Да, это Олимп, — подтвердил один из ребят Франсуа.

— Гора богов! — вырвалось у меня, и я невольно остановился, восхищенно рассматривая прославленную гору.

— Гора богов. — Франсуа, голый по пояс, подошел ко мне и указал в направлении горы. — Завтра утром переправимся через Пиньос. Потом еще два дня — и окажемся на оконечности полуострова. А там рядом Спорады.

— Ты говорил, к нам кто-то еще присоединится? — Я смахнул со лба пот.

Франсуа кивнул:

— Да, и как раз здесь. На склонах Олимпа обосновался Тезис Фарискос со своими ребятами и девчонками. Он-то как раз готов воевать против Нори — итальянец убил его девчонку, просто сил было маловато у одного...

— Олег! — крикнул Андрюшка, стоявший в полусотне метров впереди. — Наши дозорные!

Игорь Басаргин и один из мальчишек Франсуа, уходившие в передовой дозор, опрометью выскочили снизу, из-под холма.

— Урса, Олег, урса! — Басс подскочил ко мне, сжимая шпагу в руке. — Не меньше полусотни!

Я оглянулся на Франсуа.

Тот пожал плечами и обнажил саблю.

* * *

Двое урса прошли мимо меня — протопали широкие ноги, украшенные браслетами из перьев. Следом — еще двое... Эти остановились точно напротив меня, и я напрягся: увидели?! Догадались?! Сейчас приколют к земле ассеем или ятаганом...

Нет, пошли дальше. Прижатое к земле ухо уловило слитный топот — идут.

Я трижды пискнул мышью. В узкую щелку между землей и краем накидки, сквозь былки травы, я видел приближающихся черных. Их было десятка три, не меньше, они шли во всю ширину тропки, срывая и нагибая без нужды листву и ветки. Черными отсветами блестело оружие.

Тридцать шагов. Двадцать шагов. Десять шагов.

— Рось!!!

Левой рукой я отбросил накидку, одновременно вскакивая на колено и взмахнув рукой. Передний урса схватился за маску и рухнул на спину, под ноги шарахнувшимся товарищам — нож попал ему в глаз; еще кто-то упал накрест с ножом в затылке; наискось — так же, на колене, — стоял Олег Крыгин, а его топор уже торчал в спине падающего урса...

Ага — четверо из передового дозора бегут обратно — добро пожаловать! Арнис и

Сашка Бубненко прыгнули мне за спину, о тылах можно не думать — вперед!!!

— Рось!

Навстречу — вой, скрежет и визг...

Над верхним краем щита — молниеносный укол сверху вниз. Дага перехватывает и отбрасывает чужой ятаган; удар палаша отбивает в сторону летящую толлу — р-раз! А разойтись у вас не получится, кусты не дадут... а нам очень даже неплохо — за кустами мелькнула фигура Игорька Летягина, атакующей змеей метнулся кистень, с коротким стуком проломив затылок одному из моих противников. Потом Смorch выскочил на тропинку, с низким угрожающим воем перекидывая в руках топор. Один из двоих оставшихся урса повернулся к нему, закрываясь щитом и размахивая ассегаем. Против меня тоже остался один — со щитом и ятаганом. Первый — тот, которого я ударил палахом — был мертв, я угодил ему точно между ключиц. Тот, которого «ошарашил» Смorch, тоже не двигался — ремень кистеня шел от его окровавленной головы, и убитый был похож на робота, выключившегося из-за обрыва кабеля.

«Поединщиков», как говорили наши предки, среди урса я не встречал, и мой последний противник не был исключением. Он скалился из-под маски, ухал, хрипел, размахивал ятаганом, как вентилятор... и отступал, пока не уперся в кусты спиной.

— Настало время умирать, — не смог я удержаться от красивых слов, хотя знал: урса не поймет. Мой палаш легким движением обвинил ятаган урса невидимой спиралью... его клинок вместе с рукой перестал повиноваться хозяину и рванулся в сторону... дага вошла снизу вверх под щит, в пах — и провернулась в теле.

Урса рухнул к моим ногам и с воем начал корчиться.

Смorch тоже «закончил», и мы плечом к плечу бросились в драку. Рубка шла вовсю — урса было втрое больше, но на тесной тропе они не могли нас обойти, а Танюшка, Ирка Сухоручкина и Валька стреляли по ним сквозь листву из аркебуз — даже за шумом боя было слышно, как пули шелкают по металлу и кости.

Навстречу мне, хромая, выбрался Андрюшка Соколов — он улыбался и опирался на меч. Левое бедро спереди у него было рассечено. К нему тут же бросилась Ленка Черникова; я ввинтился в драку.

Все рукопашные свалки похожи друг на друга, как счастливые семьи, — я это много раз отмечал. В тесноте все толкаются, ожесточенно колют и рубят по мере возможности, и ни о каком фехтовальном искусстве речи быть не может. У меня выбили дагу (ятаган мой противник потерял вместе с ней, а через миг — потерял и жизнь; я проколол его насквозь в грудь), и я отбивал (точнее — отводил) удары перчаткой. В какой-то момент высоченный урса ударом щита сбил меня наземь, но я принял его животом на выставленные ноги, а в следующую долю секунды он уже валился с финкой Севера в ухе. Мне помогли встать на ноги.

— Ты что падаешь?! — засмеялся Вадим. С его бастарда стекала кровь.

— Ноги подкашиваются, — буркнул я. — Пора заканчивать.

— Да почти закончили уже, — кивнул Вадим и локтем вытер пот со лба. — Интересно, как там у Франсуа? Я посмотрю?

— Глянь, — кивнул я, поднимая свою дагу. — Эй, еще раненые есть?!

— Бескровный удар по голове ранением считается? — осведомился Игорек Мордвинцев, придерживавший левый висок рукой. — Больно вообще-то... Древком копья огрели...

— Освобождение от школы все равно не получишь. — Я поближе рассмотрел его висок. — Свободен.

— Что с человеком власть делает, — осуждающе покачал головой Игорек. — Ой, больно!!!

— Что с Андреем? — Я подошел к Ленке, возле которой уже стояла и Ольга Жаворонкова. Она мне и ответила:

— Глубокое ранение. Идти ему не стоит.

— Да смогу я! — Андрей попытался встать, но Олька нажала ему на плечо и сказала категорически:

— Я не сказала «не сможешь», я сказала «не стоит».

— Медицина произнесла свое веское слово, — развел я руками. — Останешься в лагере у этого Тезиса...

— Ч-черт... — процедил Андрей и, безнадежно махнув рукой, отвернулся. Ленка, присев рядом с ним, начала негромко утешать.

— Заманали эти урса, — сообщил, подходя ко мне, Олег Фирсов. — Толпами под ногами путаются. Прямо как тараканы.

Вернулся Вадим. Франсуа тоже расправился с арьергардом без потерь и уже успел встретить нескольких человек Тезиса — те тоже выслеживали урса.

* * *

Жилище греков (так я их стал про себя называть, хотя, конечно, там были не только греки) пряталось в лавровой роще, теснившейся на скальном выступе, куда вела обрывистая тропа. Несколько пещер, переходивших одна в другую, давали неплохой приют почти трем десяткам человек вот уже третий год.

Мы втроем разожгли костер на склоне над пещерой и вот час тому как неспешно беседовали друг с другом. У меня было шестнадцать бойцов, у Франсуа — четырнадцать, у Тезиса — восемнадцать. Всего — сорок восемь. По словам грека, у Нори было не больше двадцати бойцов, но его остров представлял собой настоящую природную крепость.

— Здесь пляж, — чертил на песке палочкой Тезис. В медных волосах грека горели тяжелые металлические искры. — Остальной остров — это плато метров пять высотой, по краю — вал. А вот с этой стороны — двадцатиметровый пик. На него тропинка только с одной стороны, а внутри — пещеры, вот он там и обосновался. Его несколько раз выкурить пытались. Не вышло.

— Знаем. — Я подкинул в огонь хвороста. — Значит, плохо думали.

— Хорошо думали, — без обиды возразил Тезис и вздохнул: — Укрепился он здорово. Наверное, тоже неплохо думал.

— Предлагаю завтра, — Франсуа с хрустом потянулся, — дать всем, в том числе и себе — день отдыха. А послезавтра выйти в поход — на месте решим, что делать. Тез, если наши девчонки останутся с твоими, — ты не сочтешь, что мы решили захватить ваше милое обиталище?

— О чем разговор... — указал Тезис вниз, на пещеру, широким жестом гостеприимного хозяина.

— Оставить девчонок — хорошая мысль... — пробормотал я. — И трудновыполнимая...

— Твоя зеленоглазая не захочет оставаться? — хмыкнул Франсуа. — По ней видно, что эта... как ее, богиню охоты, Тез?

— Диана, — рассеянно ответил тот.

Франсуа снова потянулся и встал:

— Ладно, пойду-ка я спать... Вы тоже не засиживайтесь. И не шалите, малыши, особенно — с огнем...

Он ушел вниз. Я проводил взглядом растаявшую в ночи фигуру и спросил грека:

— Правда, что Нори убил твою девчонку?

— Да, — ответил он из-за пламени.

— Просто так?

— Ему не нужны причины. Он держит рабов, и Стефании еще повезло. Это было недалеко отсюда, на побережье. Она собирала мидии. Ребята видели — прямо на их глазах напали, выплыли на лодке, и когда она выхватила шпагу, то просто застрелили ее из арбалета. Один из его людей; я знаю — кто. С носа лодки и застрелил. И тут же отплыли...

— Ясно... — Я вздохнул. — Моя девчонка тоже едва не погибла. Ее захватил такой же, как этот Нори... только совсем сумасшедший.

— Ты поэтому решил вмешаться в это дело? — любопытствовал Тезис.

— Поэтому. И еще много почему, долго рассказывать... — Я помедлил и решил: — Видишь ли, Тезис. Я хочу попробовать, знаешь что? Попробовать сражаться за справедливость. Глупо, да?

— Нет. Думаешь, ты один такой? Ничего подобного, так что особо не гордись — ты не первооткрыватель... Правда, знаешь — они все плохо кончают.

— Все? — уточнил я.

— Практически, — честно подумав, ответил Тезис. — Хотя и не стопроцентно... Ты умеешь читать по-немецки?

— Понимаю и то еле-еле, — признался я. Тезис задумался, тряхнул кудрями:

— Все равно. Я тебе сейчас отдам одну штуку. Может быть, когда-нибудь разберешься. Я бы и сам тебе перевел, — он поднялся на ноги плавным движением, — но *не хочу*.

— Давай, — слегка удивленно согласился я.

Грек исчез в темноте. Я откинулся на пахучий вереск и стал просто смотреть в звездное небо. Если честно, я не думал ни о предстоящих боевых действиях, ни о непонятном «подарке» от Тезиса... Думал просто о красивом небе. И, кажется, заснул, потому что Тезис возник из ниоткуда — сидел рядом и слегка потряхивал меня за плечо:

— Спишь?

— Да так, отключился. — Я сел, скрестив ноги. — Что ты хотел подарить-то?

— А вот. — Он, не садясь, протянул мне блокнот.

Таковыми бывают старинные книги — пухлые и в то же время легкие. Наверное, зависит это от качества бумаги, клея, а еще от того, что переплет — из настоящей кожи. Блокнот был именно таким — пухлым и легким, примерно в две мои ладони размером. Кожаная обложка обложки по краям и на углах отслоилась. Тиснение — похожее на знаменитый скандинавский «звериный» орнамент, — очевидно, когда-то было пробито золотом, но позолота стерлась почти везде, кроме резких углублений. И все-таки я различил на обложке силуэт орла. Примерно так вырезанный, как у нас вырезали разные буквы и символы на обложках «общих» тетрадей при помощи половинок бритвенных лезвий... Кривоклювая птица распростерла крылья, сжимая в когтях обвитую туго сплетенным венком свастику.

— Я нашел его в пещере, когда мы тут обосновывались, — объяснил Тезис. — Он был зарыт в сухой песок и хорошо сохранился...

Я машинально кивнул, открывая легко скрипнувшую, словно на деревянных петлях, обложку. С обратной стороны в нее была врезана необычайно четкая черно-белая фотография: девчонка лет 14–15, красивая, белокурая, одетая в майку, короткую плиссированную юбку, гольфы под колено и легкие туфельки, держала на отлете теннисную ракетку и улыбалась, как всегда улыбаются, позируя для фотоснимков. Фотография была подписана чернилами, от времени порывевшими, но обретшими неестественную четкость. Однако подпись я так и не разобрал — и дело было даже не в том, что написано по-немецки, просто почерк был очень вычурный, с завитушками и росчерками. Кстати, весь дневник был написан именно таким почерком — а это оказался именно дневник, числа я вполне разбирал, и они относились к 40-му — 48-му годам нашего века. Постепенно записи становились все убогистей, в конце оставалось несколько чистых листов. Пробежав пальцами по обрезу листов, переворачивавшихся с сухим шелестом, я наткнулся на рисунки — сделанные карандашом, как и все записи, но очень четкие, чем-то похожие на рисунки Олега Крыгина. В самом начале был нарисован мальчишка моих лет: весело прищурившийся, с короткой стрижкой вроде бы светлых волос (только впереди длинный чуб), возле вздернутого курносого носа — россыпь веснушек, губы раздвинуты в улыбке, на подбородке ямочка. Шею поверх расстегнутого ворота рубашки охватывал черный галстук. Ниже было подписано, и я разобрал: «Ich, Lotar Brünner». «Я, Лотар Брюннер...» Потом рисунок какого-то плаца, выстроились мальчишки в форме (в шортах, на поясах — кинжалы), развевается

большой флаг со свастикой... Портрет Гитлера, но не карикатурный, к которым я привык; на этом Гитлер выглядел полубогом с пронзительным взглядом мудрых глаз — чем-то напоминал Ленина, как ни странно... Снова мальчишки — фехтуют без масок на какой-то лужайке, несколько пар... Спортивные занятия — гимнастика на хорошо обставленном плацу под руководством подтянутого инструктора в форме... Ага! Вот! Урса. Рисовали явно с убитого. Зарисовки оружия урса — это, кажется, уже здесь... Несколько человек сидят на камнях — на разном уровне, одеты почти так же, как мы, в руках и на коленях держат разное холодное оружие... Портрет девчонки — не той, что на фотографии, но все равно очень красивой... Голые мальчишки бесятся в ручье... И еще довольно много неуловимо знакомых зарисовок здешней жизни.

Последнее слово в дневнике Лотара Брюннера я разобрал. Оно было написано отдельно. Больше того — я знал его, это слово.

«Гехайм».

«Тайна».

Мелодии цветов с затерянным началом.

Я слышу эти ноты, похожие на сны.

Итак...

Когда-то в старину с бродягой обвенчалась

Прекрасная любовь, дарящая мечты.

Прекрасная любовь с бродягой обвенчалась

Связали их дороги, хрустальные мосты.

Прекрасная любовь, нам праздновать не время —

Кровавые закаты пылают за рекой.

Идем скорей туда — там ложь пустила семя

И нашим миром правит уродливой рукой.

Прекрасная любовь, там ждут тебя живые,

Позволь себя увидеть тем, кого ведут на смерть

Там по уши в грязи, но все же не слепые,

Дай разуму свободы, дай чувствам не истлеть.

И вот прекрасная любовь влетела птицей в город,

И плакал, видя чудо, очнувшийся народ.

Трон лжи не устоял, бежал в испуге враг...

Да жаль погиб бродяга у городских ворот.

«ДТТ»

...Танюшка поднялась снизу. Она была босиком, в подвернутых штанах и небрежно зашнурованной безрукавке.

— Не спишь? — Она опустила на грудь хвороста. — А я тебя искала, искала...

— Нашла? — улыбнулся я.

— Нашла. — Она удовлетворенно вздохнула и, взяв меня под локоть, привалилась виском к плечу. — Наконец-то я тебя нашла...

— И я тебя нашел. — Я коснулся ее волос. — Поэтому ты завтра останешься здесь. Со всеми.

Танюшка окаменела. Отстранилась.

— Я за полсотни шагов попадаю в щель их маски, — тихо сказала она.

— Аркебузу отдашь кому-нибудь из ребят, — безжалостно добавил я. Танюшка несколько секунд помедлила, потом жалобно сказала:

— Раньше бы я начала на тебя орать. Теперь — не могу... Я отдам аркебузу, я все

сделаю, я буду твоей рабыней, только вернись, вернись... вернись!!!

— Что ты? — Я вновь обнял ее. — Я вернусь.

Танюшка обмякла под моими руками. Тихо сказала:

— Они жили долго и счастливо и умерли в один день... Пускай недолго, лишь бы счастливо — и в один день. Да?

— Мы еще проживем, — спокойно сказал я. И, протянув руку, начал, глядя ей прямо в глаза, распускать шнуровку у нее на груди. Танюшка ответила спокойным, чуть насмешливым и любящим взглядом. — Жизнь — игра. И смерть — игра. Ведь так?

— Не так, — покачала она головой. — Жизнь — вещь серьезная. Даже здесь. Особенно здесь... Ну что ты путаешься в шнуровке? Я специально не дошнуровала, неужели неясно?

— О, вот как, специально? — хмыкнул я, садясь удобней. — Ла-адно... Симпатично, и даже очень.

— Нахал, — заметила Танюшка, обнимая меня обеими руками за шею. — Что там симпатичного? Купальничек у меня был симпатичный, но он, кстати, долго жить приказал. Совсем я одичала. Мне бы сейчас в галантерею. И денег. Знаешь, у меня четвертной остался в тумбочке лежать.

— Не остался, — заметил я. — Ты его давным-давно потратила...

Моя рука плавно, нежно гладила груди девчонки, и я чувствовал, как под пальцами тяжелеют, твердо набухают соски. Это было уже так привычно, и не хотелось верить, что первый раз я делал это совсем недавно, и не хотелось думать, как же я жил до этого... Наверное — никак. Странно, но я не боялся потерять Танюшку. Я твердо знал, что не дам ей умереть раньше себя. А после моей смерти мне уже будет все равно.

Я сидел без куртки. Твердые горячие ладони Танюшки плавно и сильно массировали плечи. У нее всегда были крепкие пальцы, и их нажатия ощущались необыкновенно приятно. Потом ладони опустились на мою грудь, а я скользнул руками на бока девчонки и замер, полузакрыв глаза и улыбаясь.

Чье-то присутствие заставило нас вскинуться. Я рванул из ножен, лежавших рядом, палаш, взгляды в темноту. Танюшка быстрым движением выхватила из-за спины кинжал.

Пляшущий свет костра обрисовал темную фигуру, рыжими искрами зажегся на каштановых волосах, одел медью узкое лицо. Танюшка, ойкнув, уронила кинжал и скрещенными руками прикрыла грудь. Я чертыхнулся:

— Джек?!

— Прошу прощения. — Англичанин был босой, в одних кожаных штанах, но на поясе висел кортик. — Я увидел, что Татьяна ушла ночью одна, и забеспокоился. Еще раз прошу прощения.

Он повернулся и так же бесшумно канул в ночь. Мы с Танюшкой посмотрели друг на друга и тихо рассмеялись.

— Он что, к тебе равнодушен? — в шутку спросил я... и вдруг сам обеспокоился: — Тань?

— Наверное, да, — кивнула она, но так, что все мои подозрения растаяли. — Он настоящий джентльмен. И очень несчастный...

— Танюшка, — проворчал я, потянувшись к ней, — смотри. В случае чего — убью его, тебя и себя. Правда, не знаю, с кого начну...

— Ой-ой-ой, какой грозный... — мурлыкнула она, подаваясь навстречу. — Может быть, сейчас и начнешь убивать? Нас, наверное, больше никто не побеспокоит?

— Думаю, что нет, — заметил я, активно начиная раздвигать ремень на старых Танюшкиных джинсах.

— Ого, как заторопился, — продолжала мурчать она, наклоняясь чуть вбок и привставая. — Убивец... — добавила со смешком.

Дальше ничего особо членораздельного ни она, ни я не говорили.

Наверное, по крайней мере мне так показалось в какой-то момент, в пещере все должны были проснуться. Потому что стонами на этот раз дело не ограничилось — Танюшка вопила так, что у меня заложило уши. Я, по-моему, тоже не отставал — во всяком случае, охрип, что обнаружилось уже позже.

— Убил? — поинтересовался я, валяясь рядом.

— Ой уж, — ответила она из полутьмы. — Я бы еще могла.

— Ну, извини, — покаянно развел я руками и потянулся. — Пошли, Тань?

— Не пойду я никуда, — отказалась она. — Тут заночую.

— Не выйдет, — поднявшись, я довольно легко поднял ее на руки. Ощущение — непередаваемое. Татьяна, улыбаясь, приткнулась к моему плечу, потом попросила:

— Поставь меня, мы что, голые пойдем?

...Джек сидел у огня — в одиночестве. Тезис, как гостеприимный хозяин, выставил часовых сам, а нам предложили просто отдыхать. Так что это было странно.

Но не удивительно.

Я присел рядом, придвинув ноги — если честно, замерзли и набились — к огню. Помолчал, спросил:

— Слушай, ты когда босиком привык ходить?

— На третий год, — не удивился Джек. — По-моему, да, на третий...

— А ты таких ребят не знал, — я напряг память, но вспомнил только двоих: — Маккс Одер и Питер Седжвик?

— Знал, — так же спокойно ответил он. — Это наши, англичане, только попали сюда позже, когда все уже рухнуло. Они были где-то на востоке... Ты что, виделся с ними?

— Погибли в мае 85-го, — ответил я. — Они и еще один... забыл, ирландец какой-то.

— Генри О'Нэйл, — определил Джек. — Скорее всего... Они вместе ходили... Значит, погибли. Ну что ж... А что ты мне хотел сказать?

— Джек, — напрямую начал я, — Таня — моя девушка. *Только моя*. И если она нужна тебе, то вставай и пойдем драться. Насмерть. Но даже если ты победишь, не факт, что она станет твоей после этого.

Англичанин довольно долго молчал. Потом тихо сказал, глядя в огонь:

— Я не буду причиной вашего разлада. Ты мне нравишься, князь. Слишком нравишься, чтобы портить тебе жизнь.

— Хорошо, — отсек я. — Теперь вот еще... Если вдруг случится так, что я не вернусь из этого похода... или еще откуда-то... Вот тогда, Джек, не дай Танюшке остаться одной. И в первую очередь посмотри, чтобы она не вздумала уйти следом за мной. Ей может стукнуть в голову такое.

Вот на этот раз он удивился. Даже, пожалуй, обалдел. Уставился на меня, недоуменно моргая, потом наконец выговорил:

— Но послушай... почему просишь меня?! У тебя хорошие друзья...

— Хорошие, — кивнул я. — Но они должны думать и о себе. И о своих девчонках. А ты сможешь думать только о ней.

Джек помедлил. Достал из ножен меч и поднялся. Постоял. Я наблюдал за ним снизу вверх. Джек медленно опустился на колени и протянул мне бастард, держа его на ладонях обеих рук и глядя мне прямо в глаза:

— Клянусь, — отчетливо произнес он, — пока я жив — я буду твоей девушке надежным щитом и другом. *Только другом*, князь.

Я коснулся его меча. Джек поймал им лежащие ножны, вбросил в них оружие и сел.

— Принц Чарльз — какой он был? — поинтересовался я.

Джек снова немного удивился, но ответил охотно:

— Да каким... Храбрым. Скрытным. И никогда никому ничего не прощал. Он был хорошим вождем и... королем. Вот и все. Друзей у него не было. Вождю трудно иметь друзей.

— Да, трудно, — задумчиво согласился я. И, поднявшись, собираясь идти спать, убежденно повторил: — Очень трудно, Джек.

* * *

Утром, еще до того, как мы проснулись, неожиданно прошел весенний дождь — бурный, шумный и короткий. Я слышал сквозь сон, как он лупит по камням и листве, шумит по скальному карнизу над входом. Потом кто-то спросил по-французски (а я понял сквозь сон): «Кончился?» — и чье-то утвердительное бормотание.

Вставать я не спешил — наслаждался балдежным состоянием, этими разговорами, дыханием Танюшки рядом. Кстати, подумал я, а у нас уже все спят рядом со своими девчонками... а Бэн с Саней?

Утренний покой накрылся никелированным тазиком. Я сел, тем же движением подогнув ноги.

Да, Бэн спал возле Сани. Само по себе это не выглядело чем-то странным (вон и Олег Фирсов с Бассом валяются рядом, перепутавшись ногами и руками). Если не знать, что к чему.

Я мысленно даже не сплюнул — смачно харкнул. И потянулся за туфлями.

* * *

Сколько раз я это видел — в кино, когда солдат уходит на фронт, прощается с девушкой, и это прощание длится, длится, и ни он, ни она не могут найти в себе силы его оборвать.

Меня всегда раздражали эти куски фильмов, потому что, по моему мнению, они мешали воспринимать течение событий. А оказывается, что я просто-напросто был дурак и не лечился, потому что уже десять минут стоял, держа ладони Танюшки в своих, сжав их перед грудью.

И не мог уйти.

Теплое место,
Но улицы ждут отпечатков наших ног.
Звездная пыль на сапогах.
Мягкое кресло, клетчатый плед,
Не нажатый вовремя курок,
Солнечный день в ослепительных снах.
Группа крови на рукаве —
Мой порядковый номер на рукаве,
Пожелай мне удачи в бою,
Пожелай мне
Не остаться в этой траве,
Не остаться в этой траве,
Пожелай мне удачи,
Пожелай мне удачи!
И есть чем платить,
Но я не хочу победы любой ценой —
Я никому не хочу ставить ногу на грудь.
Я хотел бы остаться с тобой,
Просто остаться с тобой,
Но высокая в небе звезда зовет меня в путь.

«Кино»

— Я пошел, — вздохнул я и, отпихнув локтем рукоять палаша, последний раз сжал ладони Танюшки и зашагал по тропинке вниз.

Я уходил не последним. Меня широкими шагами нагонял Север, придерживая на бедре шпагу, а еще несколько человек из всех трех отрядов по-прежнему стояли возле пещеры с девочками.

— С Кристинкой попрощался, — печально сказал он, подлаживаясь под мой шаг. — Плохо мне как-то, Олег.

— Угу, — буркнул я. Север вздохнул. Его тонкое (аристократическое) лицо стало задумчивым, он вдруг пропел негромко:

Я пока еще живой...
Жизнь моя — как ветер,
Кто там меня встретит,
На пути домой...

— Не замечал за тобой страсти к русским народным песням, — удивился я.

— Я за собой ее тоже не замечал... Однако вот. Что-то другое не поется, — пожал он плечами под своей кожанкой.

— Угу... — повторил я. — Как там у тебя? — Я помедлил и напел, как всегда, фальшивя:

Жизнь моя — как ветер,
Кто там меня встретит,
На пути домой...

Оглянувшись, я увидел, что Танюшка стоит с поднятой рукой на верху тропы. Прямо в пронзительно-голубом небе.

* * *

До вечернего привала оставалось не так уж много, и мы с Сергеем пристально посматривали по сторонам, выглядывая место для бивака среди всей этой сумасшедшей зелени. Под вечер в головной дозор я напросился сам — все устали, а у князя есть интересное право: в таких случаях брать самое трудное на себя. Сергей пошел со мной, потому что знал эти места по зимнему рейду. А еще потому, что он был мой друг.

— Вон там хорошее местечко. — Сергей указал палашом. Я взгляделся — примерно в километре от нас (по прямой, впереди начиналась лощина) две поднимающиеся над зеленью желто-серые скалы сходились буквой Л.

— Да, неплохо, — согласился я. — Ну что, подождем наших?

— Что-то... — Сергей подергал ноздрями. — Слушай, дымом пахнет.

Я принял и кивнул. Действительно, слегка пахло сухим дымом, от хороших дров. Мы быстро обежали глазами окружающее, но самого костра или дыма видно не было. И тем не менее Сергей уверенно сказал:

— Они там, — и указал на скалы.

Я молча согласился с ним. Те, у кого хватило ума развести бездымный костер, наверняка выбрали и самое удобное место для ночлега — то, которое бросилось в глаза нам.

— Урса? — предположил Сергей. Я пожал плечами и предложил:

— Посмотрим?

— Пошли, — коротко кивнул Сергей.

Мы убрали палаши и, на ходу доставая даги, тихо начали спускаться в лощину...

...По дну, в зарослях, тек тихий и чистый ручей. Сергей присел на колени, с усмешкой показал мне следы, оставленные на берегу, плоские следы сапог без каблука, шитых без

различия ноги. Следы еще не полностью заполнила вода.

— Мальчишка, — тихо сказал он. — Совсем недавно спускался... Это не урса.

— Странно-о... — протянул я, — очень тихо. Такое впечатление, что они засаду устроили; тогда зачем костер? Пошли все-таки глянем.

Противоположный берег оказался круче того, по которому мы спустились, поэтому мы карабкались долго — лезть-то надо было тихо. Потом нам попался резко выступающий каменный карниз. Я пошел в обход справа, Сергей — слева.

Подтянувшись за ветку оливы, склонившейся над выступом, я выбрался на камень. И буквально нос к носу столкнулся с человеком.

Сергей был прав — это оказался мальчишка. Чем-то похожий на Вадима (только черноволосый) — такой же круглолицый, не очень высокий, но широкоплечий. Одетый в кожаные штаны и низкие сапоги с ремнями, он, очевидно, стоял и прислушивался — не видя, но слыша меня, — когда я выскочил перед ним, он отскочил и выхватил из-за голенища длинный, плавно изогнутый нож, выставив перед собой безоружную левую руку с растопыренными и согнутыми пальцами. Я вытолкнул в руку дагу, которую сжимал в зубах. Несколько секунд мы молчали, глядя друг на друга и не двигаясь. С другой стороны на каменный карниз выбрался Сергей; бесшумно ступая, пошел сзади к мальчишке, но между нами и им на камень соскочила рослая белокурая девчонка — тоже в коже, босиком, но с длинной шпагой в руке; синеватое лезвие описало шипящую «восьмерку» и закачалось, словно гадюка перед броском. Сергей, мгновенно прикрыв живот и грудь рукой с дагой, выхватил палаш.

— Стоп, стоп, — быстро сказал я. — Мы свои, вы свои. Все свои.

— Русские? — спросил мальчишка, но не оглянулся и не опустил засапожник, явно отточенный, как бритва.

— В основе своей, — ответил я и, нарочито медленным движением убрав дагу, показал пустые руки. — Мы не враги.

— Откуда нам знать. — Девчонка говорила по-русски, но с гортанным немецким акцентом, — может быть, они люди Мясника?

— Нет, фроляйн, — на плохом немецком возразил Сергей, тоже убирая палаш, — мы не имеем отношения к Нори Пирелли. Мы, наоборот, — вроде как идем на него походом.

— Вильма, убери шпагу, — сказал темноволосый «двойник» моего друга. — Сейчас разберемся.

* * *

Судьбы Сергея Лукьянко, нашего, советского парнишки из Алма-Аты, и австриячки Вильмы Швельде были, в общем-то, неинтересными и обычными. Сергей со своими друзьями попал сюда с Медео два с небольшим года назад, Вильма — из Альп вот уже шесть лет. Прошедшей зимой урса разбили друзей Сергея в Молдавии, а товарищей Вильмы — на юге Италии. Остатки отрядов встретились в Югославии, но в марте и эту небольшую группку почти полностью перебили. Вильма и Сергей спаслись чудом и добрались сюда, но интересным было то, что напали на них в Югославии не урса, а как раз ребята Мясника! Так что новенькие присоединились к нам с закрытыми глазами. Я лично был только рад появлению еще двух бойцов. Вильме, правда, Франсуа предложил было уйти к нашим девчонкам, но австриячка просто посмотрела *сквозь* француза, и тот отошел...

...Произошло это еще тем вечером, когда наш отряд только собирался отправиться в поход недалеко от пещеры Тезиса, а вот теперь почему-то вспомнилось. Мы жгли костры и отдыхали. Было немного странно видеть почти сотню вооруженных мальчишек и девчонок, ходивших, лежавших, перекликавшихся, что-то певших, жевавших, смеющихся у нескольких костров. Чем-то это напоминало турслет в особо романтических условиях.

Я аккуратно затачивал кусочком песчаника режущую кромку палаша, весело поглядывая по сторонам и прислушиваясь к тому, как Игорь Басаргин смешит собравшихся

вокруг, читая на память филатовского «Федота-стрельца». Читал он, по-моему, даже лучше самого Филатова.

Царь:
Али рот сабе зашей —
Али выгоню взашей!
Ты и так мне распугала
Всех заморских атташей!
Из Германии барон
Был хорош со всех сторон —
Но ты ж и тут не утерпела,
Нанесла ему урон!
Кто ему на дно ковша
Бросил дохлого мыша?!
Ты же форменный вредитель,
Окаянная душа!

Совершенно неожиданно вмешалась Наташка Мигачева. Скорчив физиономию базарной торговли (что при ее раскосых глазах и круглом плутоватом лице было довольно просто), она вступила сварливым голосом:

Как же, помню! Тот барон
Был потрескать недурен!
Сунь его в воронью стаю —
Украдет и у ворон!
С виду гордый: «Я-а» — да «я-а»,
А прожорлив — что свинья.
Дай солому — съест солому,
Чай, чужая, не своя...

Я попробовал острие палаша пальцем и, оставшись доволен, поднялся, потягиваясь.
— Пойду пройдусь, — вполголоса бросил я Вадиму, который, смеясь, мельком кивнул.
Неспешно, лениво я побрел в темноту — от костра к костру, ощущая какую-то веселую пустоту и тихонько посвистывая сквозь зубы. Трава под босыми ногами была еще теплой, мягко-шелковистой.

Около соседнего костра мальчишка с копной медных кудрей наигрывал простенький мотив на самодельной блок-флейте. Девчонка из отряда Франсуа напевала по-французски, и я неожиданно понял, что улавливаю суть — через слово, но улавливаю...

Жизнь драгоценна — да выжить непросто —
Тень моя, тень на холодной стене...
Короток путь от мечты до погоста —
Дождик осенний, поплачь обо мне...

Печальная была песенка, а голосок девчонки — чистый, как звон хрустального бокала. Я постоял, слушая еще, но смысл рассыпался на отдельные слова, остался только красивый голос, сплетавшийся с посвистом флейты. И я двинулся дальше.

Возле другого костра кто-то из русских Франсуа вспоминал под общий хохот, как они встретились — в свое время — с пятью девчонками, попавшими сюда с сумками, полными черного хлеба, без которого все к тому времени уже обалдели. Я сглотнул слюну, на миг ярко-ярко представив себе вкус и — главное! — запах свежего черного хлеба. Из магазина лично я домой никогда не доносил хлеб с необкусанной горбушкой...

Я вздохнул и, передернув плечами, зашагал обратно — к своему костру. Точнее — к тому, у которого сидел вначале. И еще издали услышал бесшабашный, сильный голос Кристины — стоя возле огня, она пела, и как пела — я даже не помню, чтобы слышал от нее еще когда-нибудь такое...

Как за черный Терек,
Как за черный Терек
Ехали казаки — сорок тысяч лошадей...
И покрылся берег,
И покрылся берег
Сотнями порубанных-пострелянных людей...
Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
С нашим светлым князем не приходится тужить!
Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить!
С нашим светлым князем не приходится тужить!
А первая пуля,
А первая пуля,
А первая пуля в ногу ранила коня!
А вторая пуля,
А вторая пуля,
А вторая пуля в сердце ранила меня...
Любо, братцы, любо... —

ахнули хором сидящие у костра, и я видел обнявшиеся руки и вдохновенно-отстраненные лица...

А жена поплачет —
выйдет за другого,
За мово товарища — забудет про меня...
Жалко только волюшки
Во широком полюшке,
Жалко сабли вострой — да буланого коня... —

уже как-то запредельно звенел весенним громом голос Кристины, и ему откликались остальные:

Любо, братцы, любо...
Кудри мои русые,
очи мои светлые
Травами, бурьяном да полынью зарастут!
Кости мои белые,
Сердце мое смелое
Коршуны да вороны по степи разнесут...
Любо, братцы, любо...

— Эй-й, любо-о-о!.. — последней отчаянной струной лопнул в наступившей тишине голос Кристины, и она почти упала рядом с Севером, который обнял ее и, притянув к себе, постарался словно бы укрыть со всех сторон...

А мне вдруг вспомнился палаш, упавший поперек тропы передо мною... Но уже в следующий миг я увидел, как Танюшка, чуть приподнявшись с места, ищет меня взглядом.

И я вышел из темноты — к ней.

* * *

Скелеты лежали в одном и том же положении — как «указатель Флинта» из «Острова сокровищ», протянув вскинутые над головой руки в море. Их было не меньше десятка, но легкий ветерок доносил отвратительный запах гниения — с левого края лежало уже здорово разложившееся, но еще целое тело. Неясно — чье. Нам не очень хотелось подходить.

Тезис, Франсуа и я стояли чуть выше скального выступа, «украшенного» скелетами, и разглядывали высящийся в полукилометре от берега остров.

Он напоминал крепость с башней, только все это было естественным. Светло-желтое полукольцо пляжа, естественный вал, естественная скала-башня... Даже отсюда было видно, как на «валу» ходят люди, а на «башне» развешиваются знамя.

По проливу в сторону берега двигалась лодка. С нее нас не видели — мы вышли из-за поворота тропинки и двигались на фоне скалы. Остальные ребята наших отрядов вообще были за километр отсюда в удобной рощице.

— А что, если попробовать взять «языка»? — предложил Тезис. — Сколько их в лодке?

— Вроде бы трое, — взгляделся Франсуа. — Справимся... Ты как, Олег?

Я молча поднял руку в знак согласия...

...Когда мы добрались до кустов, росших на границе пляжа, лодка уже подгребала вплотную. Это была если и самоделка, то очень умелая. Двое — они сидели спинами к нам, видны были только голые плечи, черные от загара, и торчащие во все стороны вихры, у одного светло-русые, у другого темные, — гребли. Третий — в коже — устроился на корме, положив на высоко поднятое колено арбалет. Неловко положив — случайно выстрелит, и кто-нибудь из его друзей словит болт в лоб...

Я тихо вздохнул. Мне было так себе — гадко, если честно. Трое минус два — останется один, и того мы будем допрашивать, а потом — все ясно... Вот б...ство, вечная проблема: «носители Зла» внешне и каждый по отдельности могут быть вполне нормальными людьми, даже симпатичными...

Просто ненавидеть «их». Куда труднее — конкретно «его».

В то же время я знал, что не замешкаюсь и не дрогну, убивая. И это тоже было мерзко.

Лодка вошла в полосу невысокого прибоя. Гребцы перестали работать веслами и неловко вывалились через борта в воду.

— Так, — сказал Тезис.

Они двигались неловко, потому что на левой ноге выше щиколотки и у того, и у другого сидела деревянная колодка, из-за которой приходилось подволакивать ногу и вообще ступать как-то боком, еле-еле. Напрягаясь, мальчишки вытащили лодку на берег, и только тогда тот, с арбалетом, соскочил на песок, придерживая шпагу. Бросил закованным две большие сумки и махнул рукой по берегу, что-то сказав по-итальянски. Они побрели в разные стороны, а арбалетчик уселся на носу лодки и, отложив оружие, достал откуда-то со дна какую-то еду, начал со вкусом лопать. Нас разделяло метров десять — мало, но вполне достаточно, чтобы он успел схватить оружие и выстрелить. И слишком, пожалуй, много, чтобы я сумел точно попасть ножом...

Двое... рабов (мне понадобилось усилие, чтобы даже мысленно назвать мальчишек этим древним словом) занимались тем, что драли мидии с прибрежных камней, собирая их в кожаные мешки. Когда темноволосый свернул было за скалу, надсмотрщик, лениво подняв арбалет, выстрелил в ту сторону — стрела свистнула над плечом парнишки, и он съежился, подавшись назад.

А Тезис бросился вперед. Сразу же, с остервенелым лицом. Я видел, как надсмотрщик схватился за арбалет, бросил его, выдернул шпагу... Ни о каком поединке тут не могло быть и речи. Пока Тезис рубился с ним, я, подскочив сбоку, подсек ему левую ногу. Раненый невольно взмахнул руками; Франсуа размашистым, свирепым ударом сабли снес ему правую

руку над локтем, а через секунду Тезис, пинком в грудь повалив искалеченного надсмотрщика, приколот его к песку яростным отвесным ударом. И, вырвав клинок из судорожно содрогающегося тела, следующим взмахом отсек еще живому парню голову.

С разных концов пляжа, выпрямившись, на нас изумленно смотрели рабы.
Нет. Теперь — свободные.

* * *

Хорошо, что с нами не было девчонок — выслушав Збышека и Светана, они бы начали требовать немедленного штурма. Ну, если честно, я и сам с трудом удерживался от такого шага.

Пятнадцатилетний варшавянин Збышек пробыл в рабстве всего два месяца, но за это время его довели до чудовищного состояния. Сейчас он пребывал в истерике — плакал навзрыд, тряся, не воспринимал обращенных к нему вопросов и не мог остановиться, несмотря на то, что Богуш не отходил от соотечественника. Черногорец Светан был младше на год, в рабстве находился больше года, но сохранил трезвый рассудок, ненависть к «хозяевам» и даже определенное достоинство. Вот именно из-за этого достоинства ему и доставалось — вся спина у мальчишки была покрыта следами палки, свежими и старыми. Я не мог отвести от них глаз, хотя понимал, что это невежливо. Сидел и думал, что стал бы делать, ударь кто-нибудь меня палкой, как собаку.

Ничего не придумывалось. Я просто не мог себе этого представить.

Пока наши сшибали с освобожденных ребят колодки, заклиненные разбухшими затычками, Светан отвечал на наши вопросы.

У Нори Пирелли сейчас осталось восемнадцать бойцов — считая его самого. Плюс одиннадцать «его» девчонок. Рабов на острове сорок шесть... теперь сорок четыре, а будет еще меньше, потому что за побег каждого троих скармливают акулам, которые приважены к северной оконечности острова. Остальных выводят смотреть... Если кого-то ловят при побеге — его варят в кипящем ручье, такой есть в пещерах. Варят по частям — начиная от ступней.

Слушать не очень хотелось. Но мы слушали. Светан говорил, говорил... Много. Больше, чем нам хотелось бы слышать. Я бы не поверил в то, что он рассказывал, если бы не видел, как быстро и равнодушно выстрелил надсмотрщик в Светана из арбалета.

Он все еще говорил, когда я увидел, что меня манит Андрияшка Альхимович. Поднявшись, я отошел за ним к тому месту, откуда был виден остров.

— Послушай, — тихо сказал он, — я, кажется, знаю, что можно сделать.

— Я тоже, — ожесточенно подтвердил я. — Взять это логово и прикончить их всех до единого... Знаешь? — спохватился я. — В смысле?!

— Я готов поклясться, что смогу подняться вон по той скале. — Палец Андрея обрисовал в воздухе контур скалы-башни, обрывающейся прямо в море. — Из башни можно контролировать весь остров... Ты же знаешь, я хороший альпинист. Думаю, найдется еще десяток таких же... идиотов. Когда мы захватим башню, вы сможете высадиться на остров — мы никого не выпустим из пещер. А уж там... — Он сделал резкое движение рукой, словно рубил плеча.

— Это хорошо и великолепно, но только в проливе — акулы, — возразил я.

— Это хорошо и великолепно, но только у нас есть лодка, — ответил Андрей. — Приплывем ночью. Не думаю, что они хорошо охраняют ту сторону. Там сплошной обрыв.

— Вот именно, — заметил я. — У тебя же нет никакого снаряжения. Как вы подниметесь?

Андрей какое-то время молчал, держа ладонь в жесткой краге на рукояти валлонки. Потом неожиданно спросил:

— Думаешь, ты один хочешь быть рыцарем? Я достаточно послушал этих ребят... Сделаем, как в кино — «Русь изначальная», помнишь? Влезем, а там посмотрим, чья жопа

шире.

— Мда? — Я покосился на него. — Ну и чья же?

* * *

Как с башни сбрасывали акулам рабов — мы видели, к сожалению, достаточно хорошо. Шестеро — один за другим — падали с высоты семиэтажного дома в медленное, страшное кипение водных бурунов у подножия скалы. Акул там были десятки — иногда появлялся плавник, и меня передергивало.

Я никому не признавался, но всегда боялся обитателей моря — вроде акул, спрутов... Даже на картинках в книжках не мог на них смотреть.

Из тех, кого сбрасывали, четверо кричали — вопли доносило до нас. Двое упали молча...

...На берегу наши строили плоты — зло и размеренно тюкали топоры, бревна зажимали гибкими захлестами, прочно схватывая их по краям веревками. За нами наблюдали, но наблюдали лениво, равнодушно. Ясно было, что люди Нори видят такую картину не в первый раз. И уверены, что не в последний.

Андрей отобрал девятерых. Из наших это были Арнис и Север — оба отличные скалолазы, занимавшиеся этим еще до появления у нас в компании Андрея. Двое были из отряда Франсуа — тот мальчишка-румын, который рассказывал про вампиров, Антон Себряну, а с ним... сам Франсуа, который в кадетской школе занимался альпинизмом. Большинство же оказались из отряда Тезиса, что, впрочем, понятно — у него в основном были здешние, южане, выросшие в горах: греки Нико Падри и Димитри Ставракис, серб Видов Дражич и швейцарец Стан Оттомар.

Десятым стал Светан — освобожденный нами черногорец. Он просто не воспринял никаких заявлений о том, что ему нужно остаться, он ослабел и т. д.

Все взяли с собой луки, аркебузы или арбалеты. Но до темноты им все равно никуда нельзя было отправляться, и они пока отдыхали.

Джек добавил нам работы, заметив, что с острова нас могут расстрелять на переправе. Мы немедленно начали устанавливать мантелеты — высокие осадные щиты — и усиливать сами плоты, чтобы они выдержали добавочную нагрузку, тем более что плавника не хватило, пришлось частично пускать в ход сырое дерево. Никто не филонил, все работали с каким-то мрачным остервенением. И, очевидно, это заметили с острова — за нами стали наблюдать более плотно, а потом кто-то из наших заметил на «башне» блеск. И нам стало ясно, что у врага есть по крайней мере один бинокль. Это было уже хуже. Впрочем, мы вели себя совершенно как «полагается», а «особый отряд» отплывет только в темноте...

Уже начало темнеть, когда плоты были готовы, и валившиеся с ног ребята попадали на разостланные на бревнах куртки и плащи, даже не поев. Мне тоже больше всего хотелось последовать их примеру, но я, переборов себя, потащился за мыс вместе с Тезисом — там готовился к отплытию отряд Андрея.

— Мы сбросим флаг в знак того, что готовы к атаке. — Андрей поправил на груди моток веревки. — Отплывайте перед рассветом, не раньше.

Я пожал ему руку. Молча. И какое-то время стоял на берегу, пока лодка окончательно не превратилась в часть ночной тьмы, чье движение совершенно не угадывалось. Тезис остался на берегу, а я побрел в лагерь, то и дело посматривая на цепочку мечущихся факельных огней на «валу» острова. На «башне» тоже горели несколько огней.

Я проверил часовых — они не спали — и тяжело упал куда-то между Сергеем и Бассом, одновременно проваливаясь и в сон — глубже, глубже, глубже...

* * *

Предосторожность Джека оказалась очень даже нелишней — первые стрелы ударили в

щиты наугад примерно на полпути. Стреляли из арбалетов — болты с коротким стуком прошибали плетни и застревали в них широкими оперениями. Луков у людей Нори, похоже, не было, потому что никто не пробовал стрелять навесом. У нас был только лук Джека — его он отдать «спецгруппе» наотрез отказался и сейчас пустил в ход. Он натянул лук еще на берегу, а теперь, встав примерно на середине плота, облизал палец, поднял его, несколько секунд «прислушивался», потом — сплюнул в воду и, вскинув оружие, тем же движением натянул тетиву с наложенной стрелой... и спустил лук.

Стрела ушла вверх по дуге — и я, наблюдавший в щель за происходящим на покачивающемся валу (это плот покачивался, а не вал, конечно), увидел, как куда-то вниз осел один из арбалетчиков. Стрела ударила его сверху в основание шеи. Наши три плота откликнулись восторженным воем. С вала тут же перестали стрелять.

— Отлично, — сообщил я Джеку. Он двинул бровью и, перекинув лук за спину, тетивой на грудь, проверил меч над плечом.

Я еще на берегу влез в бригантину¹, а сейчас вдел левую руку в перчатку. Вадим, подгребавший грубым веслом, спросил меня:

— Ты что собрался делать?

— Да так... — уклончиво отозвался я. Посмотрел на флаг, развевающийся на скале. Теперь я видел — флаг был черным, на нем рука скелета сжимала меч.

Где сейчас ребята? Наверное, ползут по скале вверх. Или, может, уже не ползет никто? Белые брюха акул, переворачивающихся перед тем, как схватить добычу... Сверху — стрелы... Неужели Андрею первому пришла в голову эта мысль — влезть по откосу? А если не первому, то там вполне может быть стража — специальная...

Лучше бы я сам пошел с ними. Мне было бы легче...

Ну ничего. Сейчас.

— Джек, — окликнул я англичанина. Он подошел ко мне. Берег приближался. — Джек, ты помнишь, о чем мы договорились... Никому не сходить с плотов! — крикнул я и, примерившись, прыгнул в воду.

Мне оказалось здесь по бедра. Сразу что-то заорали ребята, но я уже брел к берегу, приподняв руки, всем телом ощущая нацеленные мне в грудь стрелы. Страшно не было. Наверное, так чувствуют себя немного выпившие люди — меня несло с пустой веселой головой на какой-то бесшабашной волне.

Стрела! Это было как вспышка, и я отбил ее прямо перед лицом ударом даги. Позади раздался с плотов гул изумления. Я шел по песку пляжа и видел, как над валом поднимаются головы людей Мясника. Двое целились из арбалетов.

Стрела! Стрела! Я уклонился от одной и отшвырнул другую палашом. Необычайно четко и ясно виделось все-все вокруг.

Я остановился на полпути к валу и уперся палашом в песок между ног. Поигрывая дагой, провел взглядом по валу. Вновь посмотрел на «башню» и спросил — негромко, но отчетливо, меня услышали:

— Кто еще будет стрелять?

Ответом мне было молчание. Я тоже какое-то время молчал, потом поднял палаш.

— Нори! — крикнул я. На каменном валу произошло какое-то шевеление, но ответа не было. — Нори Пирелли! — повторил я. Щелкнула тетива; я, угадав мгновенный промельк, ударом палаша смахнул направленную мне в лицо стрелу арбалета. И снова не было страха — только холодная собранность. — Я вижу, что вы там не умеете стрелять! Но я не знал, что ваш командир — трус! — Я повторил то же по-английски и на плохом немецком, а потом вновь перешел на русский: — Я говорю тебе, Нори Пирелли, что ты трус и негодяй! Если хочешь ответить мне на эти слова — выйди и докажи, что они несправедливы!

Снова движение — и на гальку с камней ловко соскочил мальчишка. Спружинил ногами и выпрямился.

¹ Бригантина — доспех из пластин, наклепанных под суконную или кожаную основу.

Так я увидел разбойничьего «короля» Спорад.

Нори Пирелли стоял в десятке шагов от меня в свободной позе, опустив к ноге широкую шпагу-чиавону. В другой руке он держал маленький круглый щит, поблескивающий отполированными выпуклыми роговыми бляхами. Итальянец выглядел моим ровесником, примерно одного со мной роста и сложения. Скорее всего, он нравился девчонкам — смуглый, тонколицый, с большими карими глазами и волнами черных кудрей, рассыпанными по плечам. Руки Нори от запястий до локтей закрывали наручи из толстой кожи, а прямо на голое тело была надета такая же, как у меня, бригантина.

— Я — Нори Пирелли. Зачем ты хотел меня видеть? — Он говорил на неплохом английском. — И почему оскорбляешь меня, если мы с тобой не ссорились?

— Вызываю тебя на поединок. — Я вытянул в его сторону палаш. — И уже объяснил — почему. Что тебе нужно еще?

— А... — Нори усмехнулся, блеснули белые зубы, но улыбка была нехорошая, злая. — Рыцарь. Еще один рыцарь. Еще один идиот. Еще один правдолюбец. Ты же русский? — Я кивнул, не спуская с него взгляда. — Ну, я подозревал это. А зачем мне сражаться с тобой? С какой стати? Моей крепости вам не взять. Постоите под стенами — и уйдете. Так уже бывало. Ты думаешь, что ты первый?

— Я не первый, но я, похоже, самый умный. Или самый удачливый... Оглянись. — И я махнул рукой.

Нори обернулся. Как раз вовремя, чтобы увидеть падающий с зубца флаг — он летел, похожий на гаснущий язычок пламени, и Нори проводил его взглядом до земли. Повернувшись ко мне, он быстро спросил:

— Что это?

— Это мои люди, — любезно пояснил я. — Всю ночь лезли. Надеюсь — никто не сорвался... Кстати — у них луки, арбалеты и аркебузы, оттуда ваши позиции — как на ладони. Перебьют вас с удовольствием. Прямо сверху, а вам вверх стрелять будет не очень-то удобно. — Я излагал все это обстоятельно и почти доброжелательно. — Следить нужно лучше за своими часовыми. И не расслабляться. Теперь разговор другой.

Нори, конечно, был работоторговцем и бандитом. Но лидером он тоже стал не просто так. И, судя по всему, все оценил.

— Тогда зачем тебе этот поединок?

— Ты же сам сказал: я рыцарь, — пожал я плечами.

— Хороший ответ. — Он вновь скользнул взглядом по скалам, махнул рукой своим, которые уже начали беспокоиться. — Но у меня ведь есть люди и в помещениях...

— Внутри мы можем войти без проблем. А там — один за одного, и наших-то больше намного... А кого возьмем живьем — топим в море. Если доведем.

— Если ты убьешь меня — что будет с моими людьми? — Нори был спокоен и серьезен.

— А чего бы ты хотел? — вопросом ответил я.

— Ясно... Ладно. Хорошо погуляли, — усмехнулся он. — А если я убью тебя, русский?

Я впервые прямо посмотрел ему в глаза. И ответил уверенно:

— Не убьешь. Не сможешь...

...Раскланиваясь, Нори двинулся по кругу, заходя мне за спину — чтобы заставить меня повернуться, тогда солнце светило бы мне в глаза. Я начал отступать, не давая развернуть себя, потом метнулся вперед, и Нори едва спас ноги, подпрыгнув, а я уклонился от щита, ударившего меня в лицо. Жестко скрежетнула сталь чиавоны о мою дагу, я оттолкнул шпагу итальянца. Совсем не фехтовальные, с замахом с плеча, удары рассыпали бледные искры. Подставленный щит гулко ухнул, как маленький пионерский барабан. Я отскочил, спасая колено от дробящего пинка, чиркнул кончиком даги по бригантине итальянца. Его лицо вздрагивало перед каждым ударом — не от страха, конечно, а от напряжения. Сталь уже не лязгала — скрипуче вскрикивала. Нори был силен, а главное — ловок, очень ловок... Удар! Мелькнувшая нога впечаталась мне в плечо, бросив на спину, но

я перекатился через спину и, вскочив на ноги, едва не снес голову Нори, вонзившему чиавону в песок там, куда я упал. Он кувыркнулся назад — прямо из приседа — и, отбив влево щитом мой укол, размашисто рубанул меня в голову. Я отклонил удар дагой, и мы плавно отодвинулись друг от друга. Нори тяжело дышал.

— Ты не куришь? — спросил я его.

— Нечего. — Он пожал плечами. — И все-таки это нечестно. Если я тебя убью, твои отпустят моих ребят?

Вместо ответа я закрутил палашом «восьмерку», держа дагу у бедра острием вниз. Вновь брызнули веером искры. Удар пришелся точно под прямым углом, отчего я перестал чувствовать руку до локтя — хорошо еще, что и у Нори, кажется, была та же проблема. Он морщился и шевелил локтем, не торопясь больше нападать.

— Твои люди уйдут, если ты победишь, — сказал я.

Нори оскалился, кивнув. Клинки сухо хрюскали, сшибаясь. Я перехватил дагу и, улучив момент, изо всех сил вогнал ее в центр щита, за край одной из роговых блях. Дагу вывернуло из моей руки, но и Нори с рычанием отбросил щит — то ли я его ранил сквозь него, то ли с дагой щит стал неудобен.

— Клинок против клинка, — сказал он, словно предложил мне пари. Я поклонился, чуть отведя левую руку в сторону. В моем поклоне не было наигрыша — просто равнодушное уважение к тому, кто хорошо владеет шпагой.

Мы неспешно, с дальней дистанции, обменялись несколькими ударами. Казалось, у нас обоих внезапно пропало желание драться. Но я по себе знал — это не так.

Хрясть! Хрясть! Клинки столкнулись уже всерьез — на уровне колен. Нори сделал плавное, как летний ветерок, и быстрое, как молния, движение — и на левом бедре спереди у меня с хрустом распалась штанина. Наружу брызнула яркая кровь, а внутрь хлынула жгучая боль, но я сказал отскочившему итальянцу:

— Это все? Ты не ветчину к завтраку режешь, макаронник.

— Я тебя нарежу, как ветчину, — спокойно пообещал он, грозя поднятой чиавоной. — Куда мне спешить? Когда ты истечешь кровью...

Он не успел мне сообщить, что со мной будет в этом случае, потому что я бросился вперед — на правую, нераненую ногу. Раньше я никогда такого не делал, но сейчас было не до мыслей о неотработанности приема. Мой палаш ударился клинком у самой гарды в то же место чиавоны, вскинутой над головой Нори, — и мгновенно я расслабил кисть руки...

Клинок палаша «перехлестнулся» через клинок чиавоны и пополам развалил лицо Нори — от середины лба до подбородка. Кровь брызнула в обе стороны красивым рубиновым веером, но поднести руки к лицу Нори не успел — мой клинок, взметнувшись вверх, упал ему на темя. Такой удар называют «московским».

То, что упало наземь, уже не было похоже на Нори Пирелли. Да и человека вообще напоминало очень слабо. На песок била, закипая, струя крови, выбрасывавшая кусочки мгновенно окрашивающегося розовым мозга.

Я уже отвык нагибаться за трупами — поэтому отбил в сторону еще один болт. А больше оттуда, из-за камней сверху, и не стреляли, зато мимо меня слева и справа уже бежали мальчишки, тащившие заранее припасенные лестницы. Задержался Вадим, взял меня за локоть:

— Ты что?

— Нет, все нормально. — Я наклонился, чтобы выдернуть дагу из щита Нори.

— Ты ранен!

— Немного, ерунда. — Я выпрямился. — Вперед, пошли вперед!

Я в самом деле мог бежать, почти не хромя. Лестницы уже опустели; изнутри доносились крики и лязг оружия, сверху свисали два тела с бессильно вытянутыми руками, в спинах у них торчали по два арбалетных болта у каждого. Возле руки одного тяжело болтался прихваченный к кисти петлей меч...

За «валом», на плато, было уже пусто — только лежали — ни одного нашего! —

несколько трупов. Около входа в пещеры «башни» шла схватка, но там просто кого-то добивали, оттеснив в сторону от проема... Немного подальше того места, где я лез через стену, стоял на коленях, уткнувшись лбом в камни и удерживая руками выпадающие внутренности, кто-то из людей Нори...

Из проема «башни» — на половине высоты — боком выпало, полетело вниз, ударяясь о выступы, тело. Отдельно упал, упруго подскочив в воздух от удара, длинный клинок.

Я вбежал внутрь.

Не знаю, повезло Нори от природы, или кто-то еще до него обработал эти коридоры — но сейчас тут было неплохо. Если бы не трупы. Остатки отряда Мясника попались крепко — бежать им было просто некуда, крепость стала ловушкой. Сверху спускался Андрей со своими. А внизу был только один вход-выход.

Кто-то уже успел освободить рабов — вместе с нашими были оборванные, истощенные мальчишки и девчонки с подхваченным с пола оружием, они-то яростней всех и рвались вперед. На моих глазах трое, не обращая внимания на шпагу, прижали к стене рослого рыжеволосого парня; тот упал, и я услышал противные, страшные мокрые звуки, а потом — задушенное бульканье, и на камни из-под рук этих троих начала толчками бить кровь. Кто-то уже тащил откуда-то девчонку — волокли вдвоем, она истошно кричала и цеплялась подколенным сгибом за каменный косяк.

Этого выдержать я уже не мог. Я отбросил одного мальчишку (под спутанными космами мелькнули высверком остервенелые глаза) плечом, девчонка со слезами обхватила меня за ногу (раненую, надавила на порез — бо-о-оль-но-о-о!!!) и прижалась...

— Стой, вы что?! — Вытянутой рукой я уперся в грудь второго парня. — Стой, не трогайте, люди вы или нет?! Вы свободны, так и ведите себя, как свободные!!!

Я кричал по-русски, но парень меня понял и заорал в ответ с сильным непонятным акцентом:

— Они хуже парней! Ты не видел, что они делали с нами!

Это могло быть правдой. Это наверняка и было правдой, но оттолкнуть тихо хнычущую от ужаса, уже даже не кричащую девчонку я не мог. Они это поняли и отступились, но уже еще из нескольких мест слышались девчоночьи крики. Я поймал за руку пробежавшего мимо Сергея, прокричал:

— Собери ребят! Видишь, что творится?! Они же потом сами это вспоминать не смогут!

Сергей кивнул и умчался. Я пока так и не скрестил ни с кем клинка... да и не с кем было... но когда я поднялся на ярус, то увидел, что тут идет поединок.

Тезис гнал по коридору отбивающегося саблей мальчишку. Грек был ранен в плечо и в грудь, но шел напролом и что-то хрипел. Тут же стояли еще человек пять наших, и один из них мне объяснил:

— Этот... вот этот самый застрелил девчонку Тезиса...

Мальчишка дрался умело. Но трудно драться с тем, кто не просто сражается, а мстит, да еще и не за себя... Через секунд пятнадцать после моего появления шпага Тезиса рубанула не успевшего закрыться мальчишку между ног — снизу вверх.

Он закричал — даже нет, это был вой, визг — и, роня саблю, зажал пах ладонями.

— Стефания, — сказал Тезис. И его шпага утонула во лбу мальчишки — точно между бровей. Через него словно пропустили электрический ток — и мертвое тело тяжело ударилось о каменный пол.

— Шей давай, — буркнул я Северу и, выставив ногу, прислонился к скале.

Штурм обошелся нам до идиотизма дешево — у Тезиса был убит один, человек десять поцарапанных у всех нас. Правда — из тридцати восьми бывших рабов погибли одиннадцать.

Из мальчишек Нори не уцелел никто. Троих схватили живыми, и мы даже не пытались отбить их у освобожденных пленных.

Бой окончился уже около часа назад. А кричать эти трое перестали всего как минут

десять.

Но были еще живы пять девчонок. Из одиннадцати... Сергей постарался, как мог. Четыре из них сейчас кучкой сидели возле вала. Одна держала на коленях голову подружки — та вся была в крови и не приходила в сознание.

Пятая не отходила от Басса. Игорь Басаргин стоял возле нее, положив руку на палаш, и лицо его, пересеченное тонким шрамом — памятью о февральской схватке на морском берегу, — оставалось напряженным и вызывающим, словно бой еще не кончился.

Ясно... Север между тем затянул узелок, и я оценил его работу:

— Коновал.

— Ты у меня не первый и не последний, — хладнокровно отрезал он, переходя дальше. Я рывком опустил штанину и встал.

Подошли Тезис и Франсуа.

— Они, — француз хотел ткнуть рукой за плечо, но скривился — у него было распорото предплечье, — решили остаться тут. По-моему, бог с ними.

— А что делать с девчонками? — Я кивнул в сторону сбившихся в кучку «местных». Подошедший Светан хмуро, но решительно сказал:

— Пусть остаются. Мы их не тронем. И так уже... — Он не договорил, но все было ясно.

Мне стало совершенно все равно, я отошел в сторону. Тот мальчишка, который был ранен в живот, лежал на боку. Его не позаботились добить, видно было, как ужасно и долго он мучился перед смертью. А вот тех, которые висели на «валу», кто-то стащил сюда, вниз — они лежали плечом к плечу, стрелы вынули, оружие забрали, сапоги и штаны с обоих тоже стащили. Я отвернулся. Говорят, что перед смертью иногда люди испытывают невероятное наслаждение, неужели это правда?!

...Бандитского гнезда Нори Пирелли по прозвищу Мясник больше не существовало.

...— Это Ингрид. Ингрид Сеген. — Игорь подтолкнул ко мне девчонку. — Она пойдет с нами, князь.

* * *

Наташка Крючкова отыскала меня за изучением карты, дополненной Тезисом. Я сперва даже не поднял головы, решив, что она явилась как посланец Ленки Власенковой с жалобами на нехватку походных продуктов, поэтому со вздохом попросил:

— Потом, а?

— Не потом, Олег, — возразила она, и я поднял голову в легком удивлении. Девчонка стояла передо мной, одетая уже по-походному, с вещмешком и скаткой за плечами.

— В чем дело, Нат? — Я поднялся, убрал карту. В лице Наташки что-то дрогнуло, и я по-настоящему забеспокоился: — Нат?..

— Я ухожу, Олег. — Она на миг опустила глаза, а потом вдруг, вскинув их, отчаянно и горячо зашептала: — Я знаю, это и Вадиму больно, и по отношению ко всем вам просто подлость, мы же клялись... но я не могу остаться, я его люблю!!!

— Ничего не понял, — прервал я ее, уже все понимая. — Кого любишь?

— Франсуа, — тихо прошептала Наташка и опустила глаза, теперь уже надолго. И захлопала. Нет, не пытаюсь меня разжалобить, а именно «просто»...

— Приехали, — обреченно сказал я. — А Вадим знает?

Вот тут она вскинулась — даже глаза просохли! Она всегда была гордой девчонкой — и сейчас резанула:

— Ты считаешь, я бы могла уйти тайком?!

— Извини, — вздохнул я.

— Теперь с вами эта норвежка, — тихо сказала Наташка, — боеспособность не снизится...

— Да разве в этом дело, — вздохнул я. — Что ж, счастливо тебе, Нат. Только с

девчонками попрощайся.

— Я уже...

— Да?.. Ну тогда просто — счастливо... — Я пожал протянутую ею руку. — Я не знаю, что сказать, Нат... Может быть, увидимся?

Она молча кивнула.

И... ушла.

Рассказ девятый Убитое лето

...Свет станет красным на десантном ноже,
Занесенном для слепого удара!
Когда он ревет — кровь течет из-под век,
Когда он смеется — у него не все на месте —
Он уже не человек!

«Nautilus Pompilius»

Увы, постоянство теперь не в цене,
Увы, не в цене обещанья,
Нас ветром разносит по этой земле,
Какие уж тут прощанья.
Не прощаясь, уходят из жизни сей,
Не прощаясь, выходят в люди.
Только в детстве мы встретили старых друзей,
И новых старых не будет.
Пусть нас оправдают тысячу раз,
А мы уж себя непременно,
Но старых друзей все меньше у нас,
И новые им не замена.
И как получилось и кто виноват?
Нечистая чья-то игра?
Прощались мы тысячу лет назад,
А верили, что до утра.
Пусть день пройдет без забот о былом,
И вечером этого дня
Я всех соберу за одним столом.
У одного огня.
Я с ними проблемы свои решу,
Те, что не решил без них,
А после прощенья попрошу
У старых друзей своих.
А наш костер никогда не гас,
И пусть невелик, ничего,
Не так уж много на свете нас,
Чтоб нам не хватило его.

Андрей Макаревич

На берегу мальчишки учили немцев играть в хали-хало — до меня доносились вопли, но мне как-то лениво было вставать и принимать участие, хотя меня уже несколько раз

звали. Кроме того, мне было куда приятней наблюдать за купающимися на отмели девчонками, которых контролировал Андрюшка Альхимович. Он сидел на скале и покрикивал время от времени «Акула!».

На него внимания не обращали.

Мы находились на полуострове Пелопоннес, мыс Малей — во всяком случае, так утверждала Танюшка. Где-то за проливом Китира лежал Крит. Июньское солнце с лазурного неба поливало яростным жаром прозрачную воду, рощи на крутых склонах и вершинах холмов. Огненный полдень прихлопнул мир раскаленным куполом неба.

С немецкой командой Андерса Бользена, пришедшей сюда чуть раньше нашего, мы познакомились позавчера. Ребята и девчонки оказались отличными, как, впрочем, и большинство ребят и девчонок здесь. Хотя сперва, конечно, хватались за клинки, «принюхиваясь» друг к другу. Но только сперва...

...Мы ушли от Спорад почти три недели назад и все это время непростительно медленно пробирались на юг. Урса мы не встречали, «местных жителей» не видели тоже, хотя на карте Йенса тут были обозначены два поселка. В общем-то, это были хорошие три недели — спокойные, теплые, сытые и неспешные, с вечерними кострами и без особых забот. Охота оказалась неплохой, рыбалка — великолепной, всяких съедобных травок тоже нашлось предостаточно. Когда на Истме я предложил идти на Пелопоннес, никто не возражал, даже толком не спросил, зачем нам это нужно.

Я сел и, сощурившись, начал всматриваться в ту сторону, где лежал Крит. Именно в этот момент я понял окончательно: я хочу переправиться туда.

Снизу поднялись Сергей и Север. Север был затянут в горячую кожу, на лбу выступили капли пота — он водил дозор по окрестностям и сейчас, плюхнувшись на песок, начал с ожесточением вылезать из куртки. Сергей был просто голый — в последнее время мы только так и купались, по молчаливой договоренности с девчонками просто держась друг от друга на некотором расстоянии. Странно, но это в корне пресекло любые смешки и подглядывания — может быть, потому что выглядело вполне естественно... а может быть, потому что мы и так уже достаточно много знали друг о друге.

— С дуба падают листья ясеня — ни фига себе, ни фига себе... — пробормотал Сергей, садясь рядом. — Ну что, будем соревнования-то устраивать?

Вообще-то это была идея Андерса — «шустрого, как сперматозоид», по выражению Сани, — немецкого фюрера. (Это была не шутка, именно так он себя и называл, и я от изумления не сразу вспомнил, что вообще-то «фюрер» — это просто «вождь»!) В смысле — насчет соревнований. Я-то отнесся к этому индифферентно, если честно, но мое «племя» аж взвыло от восторга.

— Чего они там предлагают? — Я прилег на бок, подперев ладонью висок.

— Да мы уже программку набросали. — Сергей лег напротив меня. — В футбольчик постукаем...

— Очень оригинально, — пробормотал Север. Он, как и я, не любил футбол.

— Так, в футбольчик, — согласился я. — Что еще?

— Бег. Там уже дистанции размеряют на берегу... Кого на бег кинем?

— А сколько бегать? — заинтересовался я.

— Стоху и кило.

— Стоху я побегу, — решил я, постепенно увлекаясь. — А кило...

— Кило пусть Мордва бежит, — вмешался Север.

Я кивнул:

— Точно... Девчонок бы еще подбить в волейбол сыграть.

— Хорошая идея, — одобрил Сергей, — веревку натянем... Кстати, у фрицев есть футбольный мяч. Настоящий, он и для волейбола сгодится... Там стрельба еще — лук, аркебуза... Из лука Джек будет стрелять. Твоя будет из аркебузы?

Я секунду поразмыслил и покачал головой:

— Нет, пусть Ирка Сухоручкина, она лучше стреляет. Там гимнастики нет?

— Е-есть... Точно, Танюшка пусть крутится!!! Метание ножей и топоров?
— Да тут-то что. — Я повожился на песке. — Басс и Фирс.
— Там еще бокс, я Арниса попросил, а он меня послал в такое место, куда я при всем желании не пролезу... Будешь уговаривать или пусть я?
— А не лучше Вадим? — с сомнением поинтересовался я. — Ты легче...
— Давай я, Олег! — с умоляющим видом попросил Сергей. — Ну давай, а?
— Давай, давай, — не стал больше я спорить. — Дальше?
— Рукопашный бой. Ну, это Кольке... А вот фехтование? — Сергей прищурился. Я треснул его по затылку и промолчал. Сергей, потирая затылок, продолжал: — Прыжки в длину. С а-афигенного разбега. Я думаю, Наташка Мигачева прыгает. Еще заплыв на двести...
— Моя Валька поплывет. — Север, раскинув руки, улегся на песок. Я, наоборот, поднялся и начал одеваться.
Делать нечего — надо было идти оговаривать окончательные условия «Первых Малейских Игр».

* * *

В командных играх счастье улыбнулось нам поровну. Футбольный матч наша команда во главе с Андрюшкой Соколовым выиграла 4:1 под глумливые выкрики девчонок с «трибун» вдоль пляжа: «Ан-дрей чем-пи-он!» и «Ста-лин-град, Ста-лин-град, мой дед будет рад!». Но немецкие «валькирии» разнесли наших волейболисток со счетом 15:7 в первом и 15:11 — во втором сете. Девчонки, злые, как гадюки, расползлись по трибунам подальше друг от друга, чтобы не подраться. Но от них тут же начало доставаться и неповинным в проигрыше соседям... «Валькирии» — и правда все белокурые, рослые, крепкие — нахально продефилировали строем по песку, держа правую руку вскинутой вверх. Андерс стоял на своем месте, точно так же подняв руку. Кажется, он воображал себя Гитлером.

Я расшнуровал туфли, поглядывая на разминающегося у черты немца-соперника.
— Никогда не бегал босиком, — буркнул я Танюшке, стоявшей рядом. — Черт, я опять волнуясь.

— Ты же всегда дрожишь перед соревнованиями, — успокаивающе ответила она.

— Пожалуй. — И я пошел на черту.

Немца звали Мюлле — это я помнил. Веселый такой белобрысый парнишка с фигурой легкоатлета, со шрамами на плече и груди. Он дружелюбно улыбнулся мне, принимая рядом низкий старт. Черт побери, как трясет... Я хорошо бегал короткие, но часто сбивался на старте... Хоть бы болельщики перестали орать!

— На старт!.. Внимание!.. Марш!

Когда бежишь — надо видеть только цель. Но в первые же мгновения я понял, что проиграл. Твердый песок прибрежного пляжа бил в пальцы ног. Мюлле вырвался вперед на два шага... я нажал, нагнал; боль рванула пальцы уже по-настоящему — и я отстал, на этот раз уже совсем...

...Когда я вернулся на свое место, Игорь Мордвинцев со своим соперником уже бежали. Я уселся, ни на кого не глядя, взялся за большие пальцы ног и тяжело вздохнул.

— Выбил? — тихо спросила Танюшка, садясь рядом.

Я отмахнулся:

— А...

— Ну тихо, тихо, ерунда. — Она обняла меня за мокрые от пота плечи. — Смотри, как Игорь бежит!.. Ну проиграл — я что, из-за этого тебя меньше буду любить? Мы вон тоже продули... ой, ура-а-а!!! — завопила она, вскакивая.

Действительно — это было «ура», потому что Игорь обошел немца (а точнее — датчанина) метров на десять и сейчас несея уже просто так, не в силах сразу остановиться, вскинув над головой руки, словно на настоящем стадионе.

— Блин, надо было Севера на бег ставить, не выпендриваться. — Я снова махнул рукой. — Дурак я... И что разулся — дурак, и что вообще побежал — дурак. Кругом дурак.

На линию стрельбы выходили Джек и немец с таким же длинным луком. В двухстах шагах от них уже поставили мишени — полутораметровые столбы, вкопанные в песок примерно на полметра еще, толщиной в две руки. Выпустить предстояло по пять стрел — не только на точность, но и на скорость. Олег Крыгин, судивший стрельбы, свистнул.

Я уже видел, как стреляет Джек. Немец тоже стрелял очень и очень неплохо. Только он успел выпустить *три* стрелы в тот момент, когда *пятая* стрела Джека... *вывернула столб из песка*, и он тяжело, но бесшумно упал. Прежде чем моя орда разразилась торжествующим воем, я услышал, как кто-то из немцев сказал соседу по-польски (я понял все):

— Да это же Джек Путешественник, лучший лучник в мире, и как только русские его заполучили...

Ирка Сухоручкина со своей соперницей стреляли из аркебуз по спиленным древесным кругляшкам на сотню шагов тремя пулями с одинаково аккуратным результатом: по две пули в центр, чуть ли не одна в одну, третью — в край, только Ирка выше, а немка ниже середины.

Танюшка возле меня уже сидела, переодевшаяся в спешно сооруженный «костюм для выступлений» из двух полосок кожи на системе завязок. Я посматривал на нее, опасливо размышляя, что будет, если хоть одна из завязок лопнет. Девчонка аккуратно и умело разминала себе икры ног. Выступать она так и так предпочитала босиком, а от моих услуг массажиста сосредоточенно отказалась, просто мотнув головой. Она внимательно поглядывала на разминающуюся напротив «немку»-венгерку, черноволосую гибкую красавицу в почти таком же экстравагантном наряде, только еще с кожаными манжетами на запястьях и щиколотках.

— Так, я пошла. — Танюшка резко выдохнула и, рывком поднявшись с места, отправилась на жеребьевку — вечную, как мир, при помощи палочки «с крышкой». «Крышка» оказалась у немки, которая венгерка.

В рядах сидящих немцев вдруг коротко застучал барабан, взвизгнул и вплел свой пронзительный голос в мелодию барабана рог. Девчонка, стоявшая на линии прибоа, вскинула голову...

Она здорово танцевала. Я не узнавал музыки (да, может быть, и не знал ее), но движения девчонки — резкие и молниеносные, похожие на фехтовальные фразы — говорили о чем-то грозном и воинственном, неостановимом, как буря, как смерч, как беспощадный натиск штормового моря на скалы! Когда она замерла, я с удивлением понял, что мои пальцы свело на рукояти палаша. Ни на кого не глядя, девчонка пошла на свое место, где ее обнял мой счастливый соперник, Мюлле.

— Пожалуй, Танюшка проиграла, — сказала негромко Наташка Мигачева, стоявшая возле меня. Я поднял на нее глаза, посмотрел сердито, но про себя с ней согласился.

Вместе с Татьяной вышли Кристина и Игорь с арфой. Его пересеченное шрамом лицо было совершенно бесстрастным. Они с Кристиной остались возле площадки, а Танюшка вышла на линию. Замерла, подавшись вперед с упором на левую ногу...

И зазвучал серебряный, печальный голос Кристины, сплетаясь со звоном струн...

И глянет мгла из всех болот, из всех теснин.
И засвистит веселый кнут над пегой парой.
Ты запоешь свою тоску, летя во тьму один,
А я одна заплачу песню старую...

...Я не знаю, как называлось то, что делала Танюшка — я не очень хорошо разбираюсь в гимнастике, хоть постоянно и смотрел ее выступления. Знаю только, что не было по отдельности ни ее движений, ни голоса Кристины, ни звона гусель Игоря. А было просто все вместе...

...Разлука — вот извечный враг российских грез.
Разлука — вот полночный тать счастливой полночи.
И лишь земля из-под колес,
И не расслышать из-за гроз
Ни ваших шпаг, ни наших слез,
ни слов о помощи...

...Я видел приоткрытые губы Арниса. Слезы на его светлых ресницах. Я видел потрясенное лицо Джека. И еще, еще лица...

...Какой беде из века в век обречены?
Какой нужде мы платим дань, прощаясь с милыми?
И отчего нам эта явь такие дарит сны —
Что дивный свет над песнями унылыми?..

Руки Танюшки прощались... прощались, прощались с кем-то... прощались навсегда...
Казалось, она готова, разбежавшись по песку, полететь за ним следом... побежала, но упала на песок...

Быть может, нам не размыкать счастливых рук?
Быть может, нам распрячь коней на веки вечные?
Но стонет Север, кличет Юг,
И вновь колес прощальный стук,
И вновь судьба разбита вдруг
О версты встречные...¹

Первыми восторженно взревели немцы...

...Метание ножей Басс проиграл. Он довольно ровно шел в метании просто на дальность и точность, даже бросал с двух рук, но когда его соперник начал, подкидывая обеими руками в воздух шесть ножей, ловить их попарно и тут же бросать, не давая ни одному упасть на песок, — сдался. Никто ни в чем не мог его упрекнуть. То же произошло и у Олега Фирсова с топорами: немец, с которым он соревновался, третьим брошенным топором просто расколол пополам врытый в двадцати шагах столб — тут тоже все было ясно.

Но на импровизированный ринг уже выходили Сергей Земцов и его спарринг-партнер по имени Ханзен. Немцы поступили честно — по весу Ханзен был примерно такой же, как и Сергей. Оба были в штанах и шпажных крагах — откуда перчатки-то взять? Судить вышел Вадим, который уже успел со мной поцапаться из-за того, что я его не пустил на ринг, а с Арнисом — из-за того, что тот не захотел драться.

— Бокс! — услышал я команду.

Сергей всегда был на ринге дьявольски быстр и безоглядно-атакующ. Случалось, он сминал даже более сильного, тяжелого и опытного противника просто за счет бесстрашного натиска. Отец Сергея — КМС СССР по боксу — тренировал его с семи лет, и удар у моего друга был отличный. Мой же сломанный нос и мог бы это подтвердить.

То же самое было и сейчас. Сергей обрушился на немца, молотя его прямыми и хуками правой. Через три или четыре секунды Ханзен полетел на песок, сбитый хуком в челюсть, но по счету «четыре» поднялся. Сергей свалил его второй раз — в конце первой минуты своего бесконечного наступления нехарактерным для себя апперкотом левой. Но у немца оказалась буквально чугунная башка — он встал по шестому счету.

¹ Музыка В. Лебедева, стихи Ю. Ряшенцева.

А в середине второй минуты Ханзен влепил Сергею такой свинг правой в скулу, что бой был проигран. Сергей пришел в себя минуты через две.

— Я бы его сделал, — досадливо сказал Вадим. Саня вполне справедливо возразил:

— Против тебя выставили бы кого-нибудь другого, и все.

— Как он меня звезданул... — сообщил Сергей, усаживаясь рядом с Ленкой. Та немедленно объявила:

— Я тебе сто раз говорила, двести говорила — бросай заниматься этим мордобоем!

— Как раз сейчас и брошу, — согласился Сергей почти искренне, придерживая голову рукой...

Противник Кольки по рукопашке был ясен, как пень, — это оказался дзюдоист, плотно занимавшийся боксом, весьма опасное сочетание. Что и выяснилось на пятой минуте, когда Колька попал в залом, из которого так и не смог вывернуться, хотя побагровел до слез на глазах.

Это был уже позор. Моя команда примолкла. Я клял себя за то, что вообще согласился на соревнования.

Тем более что мне предстояло фехтовать. И мой противник уже шел на пляж. Почти не было удивительно, что это оказался Андерс Бользен собственной персоной. Он на ходу салютовал мне охотничьим хиршфенгером. Я ответил на его салют. Клинки у нас были обмотаны надежно закрепленными полосами кожи.

Четвертую позицию, которую я привычно взял перед боем, он перекрыл третьей: правая рука с клинком — вниз-влево. Позиция была неупотребительная, и я сразу насторожился.

Не люблю неожиданностей и непонятностей в поединке.

Терпеть не могу. И первым атаковать человека, стоящего в третьей позиции, — дело опасное. Из такой позиции легко отразить любой удар и укол, а потом — ответить мгновенной атакой...

А, черт с ним...

Я атаковал «расщелиной» — прыжком вперед. В конце концов, еще Наполеон говорил: «Главное — ввязаться в схватку, а там посмотрим!»

Андерс мгновенно взял итальянский демисеркль — его рука метнулась вверх, отбрасывая мой палаш вверх в сторону и одновременно нанося свой укол. Я отбил его четвертой круговой и бросил палаш уколom вниз. Андерс взял, спасая колено, первую защиту и уколол в живот. Я взял вторую, отбросил хиршфенгер и уколол в колено. Вместо защиты Андерс пошел вперед, ловко пропустив у колена мое острие, и я вынужден был превратить неоконченный укол в третью круговую, поспешно растягивая дистанцию, но, едва Андерс окончил атаку, я уколол в живот. Палаш немца столкнулся с моим и сделал мгновенное обвязывающее движение — круговое завязывание! Я ощутил его очень вовремя, хотя покрылся ледяным потом, — и так же вовремя ответил, быстро приняв третью защиту. Палаш Андерса отлетел не острием в мое правое плечо, а просто в сторону — его усилие сыграло против него же...

Демисеркль!

— У-уа-а-а-а!!! — взревели зрители.

Андерс схватился руками за подбородок. Будь палаш у меня «боевым» — его острие либо вошло бы, раскроив губы, в рот, либо, скользя влево или вправо, рассекло челюсть, после чего я легко добил бы раненого и ошеломленного болью противника.

— Та-нюш-ка-а-а!!! — проорал я, вскидывая палаш в ту сторону, где сидела — нет, прыгала! — Татьяна. Мое лицо горело. — Та-нюш-ка-а-а!!!

Немец подобрал палаш и, беззлобно улыбаясь (дышал он тяжело), сказал, подбирая русские слова:

— Тиль ван дер Бок говорил мне, что ты лучший боец, которого он когда-либо видел. Это было здорово.

— Ты видел Тиля? — улыбнулся я. Андерс махнул рукой:

— Зимой. На севере. Он рассказал, как вы разгромили урса в Карпатах...

...Наташка Мигачева здорово «обпрыгала» немку-соперницу. Валька Северцева не столь убедительно — на две секунды, — но тоже обошла пловчиху на двухстах метрах. И вообще, как предательски заметил Андрюшка Альхимович, «девчонки сегодня сражались лучше, чем мы!».

Меня это не оскорбило и не огорчило.

* * *

Костер мы развели на мысу. Немцы обосновались подальше в глубь полуострова. И вообще — они, кажется, понимали, что у нас намечается «разговор».

Наши это знали — тем более. Но пока что все спокойно ели или негромко переговаривались, сидя на охапках хвороста. Игорь трогал струны и напевал под Градского песню из нового мультика «Перевал» — очень интересного, фантастического... а песня — грустная...

В жизни так мало красивых минут.
В жизни так много безверья и черной работы.
Мысли о прошлом морщины на бледные лица кладут.
Мысли о будущем полны свинцовой заботы.
А настоящего — нет! Как между двух берегов,
Бьемся без смеха, без счастья, надежд и богов...

У барьера — много серых,
Некрасивых, бледных лиц —
Но в глазах у них, как искры,
Бьются крылья синих птиц!
Вот опять открылось небо — голубое полотно!
О, по цвету голубому стосковались мы давно!
И не меньше стосковались
По ликующим словам,
По свободным, смелым жестам,
По несбыточным мечтам!
Дома стены, только стены,
Дома жутко и темно...
Там, не зная перемены,
Повторяешь все равно...

Я скользил взглядом по лицам своих. Пойдут ли они за мною? Неужели могут не пойти? И что делать тогда? И можно ли вообще будет что-нибудь сделать? А главное — *нужно ли* то, что я хочу им предложить?

...все равно! Но так ведь трудно
Искры сердца затоптать!
Трудно жить, и знать, и видеть —
Но не верить, но не ждать!
И играть тупую драму, покорившись, как овца —
Без огня, без вдохновенья, без начала, без конца!¹

... — Ладно, все, — я поднялся. — Начинаем то, для чего собрались.

¹ Музыка А. Градского, стихи Саши Черного.

— «Взвейтесь кострами...» петь будем? — уточнил Вадим.

— Обязательно, но в финале, — пообещал я спокойно. — Итак... Я хочу переправиться на Крит. И призываю вас следовать за собой. — Это должно было прозвучать смешно. Но не прозвучало, хотя воцарившееся молчание стало удивленным. Я продолжил: — Это ближе к урсу. Это ближе к загадочным местам на юге. Это ближе к разгадке мира, в который мы попали...

— Это ближе к нашей гибели! — заорал, вскакивая, Саня, словно его подбросила с места мощнейшая пружина. — Ты окончательно рехнулся, Олежек! Кем ты себя вообразил?! Королем Артуром?! Тогенбургом, блин?!

— Ты все сказал? — любопытствовал я. Саня, тяжело дыша, сел. И уже сидя поднял голову:

— Я все сказал. И я знаю, что меня не поддержат. Но попомните мои слова: очень скоро наступит время, когда мы — все мы! — страшно пожалеет, что послушался этого авантюриста от справедливости. Взвоем!

— Меня пока еще никто не послушался, — заметил я. — Как раз перехожу к этому вопросу. Называю имя и фамилию. Кто за Крит — говорит «да». Кто против — соответственно, «нет».

— Жизнь и свободу Гусу. Да, — задумчиво сказал Вадим.

— Пусть сгинет этот чех. Нет,¹ — откликнулся Север.

Я усмехнулся:

— Легат Север², заткнитесь... Поехали... Вадим Демидов.

— Да.

— Александр Бубненко.

— Нет.

— Арнис Скалис.

— Да.

— Татьяна Бурцева.

— Да.

— Игорь Мордвинцев.

— Нет.

— Игорь Северцев.

— Да.

— Елена Власенкова.

— Да.

— Джек Сойер.

— Да.

— Александр Свинков.

— Нет.

— Елена Чередниченко.

— Да.

— Богущ Скалон.

— Нет.

— Игорь Летягин.

— Нет.

— Андрей Альхимович.

— Да.

— Сергей Лукьянко.

— Да.

¹ Будучи образованными мальчишками советского времени, Вадим и Игорь цитируют протокол допроса Яна Гуса на соборе в Констанце (приведен в учебнике истории 6-го класса издания 1987 года).

² Герой румынского исторического фильма «Даки».

— Вильма Швельде.
— Да.
— Наталья Мигачева.
— Да.
— Ольга Жаворонкова.
— Нет.
— Николай Самодуров.
— Да.
— Олег Фирсов.
— Нет.
— Игорь Басаргин.
— Да.
— Ирина Сухоручкина.
— Нет.
— Кристина Ралеска.
— Да.
— Олег Крыгин.
— Да.
— Андрей Соколов.
— Нет.
— Ингрид Сеген.
— Да.
— Валентина Северцева.
— Да.
— Сергей Земцов.
— Да.
— Наталья Бубненкова.
— Нет.
— И мои два — «за», — подвел я итог. — Десять — «против». Двадцать один — «за».
— Взвейтесь кострами, синие ночи! — загорланил Север. — Мы пионеры, дети рабочих... не все, впрочем... Близится эра светлых годов. Клич пионера: «Всегда будь готов!»
— Будете... готовы! — Саня вскочил, швырнул в Игоря сучком и с руганью пропал в темноте. Бэн метнулся за ним. Сморг и Наташка Бубненкова, смущенно посмотрев на остальных, пошли за ними.
— Ты вылепил, Олег, — заметил Колька, толкнув плечом Фирсова. — Труханул?
— Да так... — спокойно улыбнулся Фирс. А я вдруг понял — вот только сейчас! — что он изменился. Не внешне. Нет.
Что все изменились. И что трусов среди нас нет. А значит, за десятью «нет» стояли мотивы, которых я не понимал.
И это было плохо.
— Решено, — отрезал я. — Начнем искать способ для переправы. Тань, сколько тут?
— Немного, — отозвалась она. — Километров сто — сто двадцать.

Темнота впереди — подожди!
Там — стеною закаты багровые,
Встречный ветер, косые дожди
И дороги неровные.
Там — чужие слова, там — дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там пожухла, сгорела трава
И следы не читаются, —

В темноте.
Там проверка на прочность — бои,
И закаты, и ветры с прибоями, —
Сердце путает ритмы свои
И стучит с перебоями.
Там — чужие слова, там — дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там пожухла, сгорела трава
И следы не читаются, —
В темноте.

Там и звуки и краски — не те,
Только мне выбирать не приходится —
Видно, нужен я там, в темноте, —
Ничего — распогодится!
Там — чужие слова, там — дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там пожухла, сгорела трава
И следы не читаются, —
В темноте.

В. Высоцкий

Все ясно с Наташкой, Сморгчом и Бэном. Они вместе с Саней. Сам Саня?! Вариант «боится» отметем сразу и для всех... Неужели — неужели ему нужна моя власть?! И подумать мерзко, кроме того, он же не был против, когда меня выбирали князем. Нет, неясно. Ничего не понимаю. Андрюшка Соколов. Ленка Черникова — «за», он — нет... Тоже странно... Ирка Сухоручкина — она, кажется, просто вместе с Мордвой. А он — он всегда был осторожным и обстоятельным, вот и вся причина. Олька Жаворонкова — вот она боится, но боится не за себя, а за тех, кого могут ранить или убить... Богуш. Поляк показал себя смелым и надежным парнем. Тоже черт его знает. И самое странное — Олег Фирсов.

Я зевнул и по дуге бросил палку, которую стругал ножом, в темноту. Позади светил еще наш костер, возле которого сидели часовые, впереди — костер немцев, возле которого ностальгически пиликала губная гармошка и два голоса непонятно, но печально ей подпевали. Ночь вокруг меня была теплой и насыщенной ароматами, к которым я уже начал привыкать... и начал скучать по неяркому, но родному лету России. Хотя тут, на этой древней земле, было, спору нет, очень красиво.

Впрочем, здесь у земель нет истории. Не строили в этих местах прекрасных храмов, не населяли ручьи и рощи красивыми духами, не отваливали от берегов глазастые корабли... Да и в моей России не возводили соборов, не было ни Невского, ни Кутузова... Мир без памяти. Без истории.

Или с непонятной историей.

На осыпи зацокали камни. Я замер, всматриваясь сквозь ажурно-кованую из черной тени путаницу листы в склон холма. По нему спускались олени. Вдали тяжело, хмуро взревел какой-то зверь, судя по звуку — здоровенный, и я подумал: не далеко ли зашел?

Краем уха я уловил тихий хруст ветки за спиной и, быстрым плавным движением отступив за ствол дерева, слился с ним. Зверь?.. Человек?.. Если да — то кто? И зачем?..

— Да не стой, не стой ты там, — негромко сказал Вадим. Не скрываясь, но очень тихо, он пересек открытое пространство и остановился рядом со мной. Он грыз веточку, в глазах поблескивала луна.

— Ты чего не с нашими-то? — осведомился я. Вадим не ответил, а я и не стал переспрашивать — в конце концов, его дело. — Не спится, что ли?

— Тебя на кой черт несет на Крит? — поинтересовался Вадим.

— Я все сказал у костра, — ответил я честно. Вадим посмотрел на меня с интересом.

— Значит, Саня все-таки не прав... — задумчиво сказал он и сузил глаза. — Ты не Артуром хочешь быть и не То... кого он там назвал?

— Тогенбургом, — вспомнил я. — Это рыцарь из баллады Жуковского.

— Угу... Ты не меньше чем в Иисусы Христы метишь. В спасители мира.

Я разозлился внезапно и резко, как вспыхивает береста. Поэтому промолчал, но Вадим о чем-то догадался по моим глазам и со своей непробиваемой насмешкой продолжал:

— Ты сам-то знаешь точно, чего хочешь?

— Знаю, — отрезал я. — Я хочу, прежде чем сдохнуть... а ведь ты не будешь отрицать, что мы все сдохнем, дружище?... сделать что-то действительно большое и полезное. И я *никого* не тащу с собой.

— Тащишь, — возразил Вадим. — Просто личным примером, при котором отказаться мешает чувство стыда.

— Так. — Я придвинулся к нему. — Я что-то не понимаю, фишку не секу. Ты не хочешь участвовать в аванюре?

— Ты собираешься зимовать на Крите? — любопытствовал он вместо ответа.

— Может быть.

— Пойду-ка я спать...

— Подожди. — Я придержал его за плечо. — Я как-то говорил с Джеком. Он сказал, что вождю трудно иметь друзей. Это правда?

— Да, это правда, — ответил, не поворачивая головы, Вадим.

* * *

Драккар появился рано утром, когда я еще толком не поднялся, а просто лежал, завернувшись в одеяло и не очень спешно размышляя о перспективах переправы на Крит. Меня растолкал Олег Крыгин, и я, с неудовольствием отпихнув одеяло, сел.

— Что случилось?

— Корабль. — Он махнул в сторону пролива.

Я поднялся и, потягиваясь, пошел за своим тезкой на вершину холма.

Солнце еще не встало, небо имело фиалковый странно-красивый цвет. На серебристой воде размеренно шевелил веслами драккар. Несколько секунд я вглядывался — до него было около километра, — а потом весело спросил у Олега:

— Не узнаешь его?

— Нет, — помотал он головой.

Я приставил руки рупором ко рту и с удовольствием заорал по-английски:

— Эй, Лаури ярл! Поворачивай к берегу, если не боишься!..

...Лаури явно искренне обрадовался. Англичане, наверное, не обнимаются, но руку он мне жал и тряс долго. Правда, уже через пару минут выяснилось, что в значительной степени он радуется, потому что уже успел прослышать о конце Мясника, но все равно.

— Хорошая встреча. — Лаури присел на камень у берега. — Ты решил тут зимовать?

— Ты знаешь, нет. — Я взвешивал на ладони метательный нож. — Я хотел тебя просить... Нам надо перебраться на Крит.

Лаури повернулся ко мне и рассматривал не меньше минуты. Я не мешал. Потом он дернул углом рта:

— У тебя в отряде Джек Путешественник. Он тебе не рассказывал про Крит?

— Я не спрашивал, но он был «за»...

— Поверь мне, это нехорошее место. — Лаури покачал головой. — Там пропадают целые отряды. Не раз уже было. А Джек сумасшедший, и это все знают.

— А ты? — уточнил я.

— Что я? — Лаури приподнял рыжеватую бровь.

— Ты болтаешься по белу свету на драккаре и играешь в ярла викингов. А я хочу

поиграть в крестоносца. Возражения?

Очевидно, что-то подобное Лаури в голову просто не приходило. Он смотрел на меня, приоткрыв рот, кажется, пытался сообразить, всерьез я говорю или нет. Каюсь, мне всегда нравилось озадачивать людей.

Сейчас это получилось.

Лаури закрыл рот и, засмеявшись, хлопнул меня по колену:

— Будь я проклят, русский! Вот ты-то точно сумасшедший!!! Ты еще более сумасшедший, чем мы, — а мы плавали в Африку просто ради того, чтобы посмотреть, как живут урса...

— Ну и как они живут? — осведомился я. Лаури не ответил на мой вопрос, но сказал:

— Да, хорошо. Я переправлю вас на Крит. Там, где в наш... *том* мире стоит город Ираклион, живет Жоэ Кавергаш, отличный парень, хоть и португалец. У него там крепость и есть корабль. Конечно, не такой, как наш. — Лаури бросил любовный взгляд на драккар. — Но неплохой. Я высажу вас в Ираклионе.

— Пусть будет Ираклион, — согласился я.

Мы больше не разговаривали. Только слушали, как в лагере несколько мальчишеских голосов поют:

Белый снег,
Серый лед
На растрескавшийся земле.
Покрывалом лоскутным на ней —
Город в дорожной петле.
А над городом плывут облака,
Закрывая солнечный свет.
А над городом — желтый дым.
Городу две тысячи лет,
Прожитых под светом Звезды
По имени Солнце...
И две тысячи лет — война!
Война без особых причин.
Война — дело молодых,
Лекарство против морщин.
Красная-красная кровь
Через час — уже просто земля,
Через два на ней цветы и трава,
Через три она снова жива
И согрета лучами Звезды
По имени Солнце...

И мы знаем, что так было всегда,
Что судьбою больше любим,
Кто живет по законам другим
И кому умирать молодым...
Он не помнит слова «да» и слова «нет»,
Он не помнит ни чинов, ни имен,
Он способен дотянуться до звезд,
Не считая, что это сон.
И упасть, опаленным Звездой
по имени Солнце...¹

¹ Музыка и стихи В. Цоя.

* * *

— На Крите из пены родилась Афродита, — задумчиво сказал Север, который стоял у борта, приобняв Кристину.

— Афродита родилась на Кифере, — поправил я, — а ветер принес ее на Крит...

— Умный, — весело подтолкнул меня локтем Сергей, — может, и Минотавр не здесь жил?

— Минотавр жил здесь, — кивнул я, опираясь на борт. — Афинский мастер Дедал построил владыке морей, могущественному критскому царю Миносу, дворец-лабиринт, куда Минос заключил родившегося у его жены сына — полубыка-получеловека Минотавра... Со всех подчиненных городов брали критяне ежегодную дань — по дюжине юношей и девушек. И так продолжалось до тех пор, пока афинский царевич Тезей с помощью полюбившей его дочери Миноса Ариадны не убил чудовище...

— Нас там не ждет кто-нибудь вроде Минотавра? — хмыкнул Север. И вдруг замер, отодвинув Кристину себе за спину.

По драккару прокатились крики. Англичане и норвежцы расхватывали луки, поспешно их натягивая.

В километре от нас через теплые, веселые волны скользило чудовищное тело, чем-то напоминающее крокодила. Только с лапами. И длиной метров пятнад-цать.

— Ихтиозавр, — потрясенно прошептал Олег Фирсов, почти перевесившись через борт. Вадим втащил его обратно за штаны.

Остальные молчали, но, мне кажется, больше всего всем хотелось спросить, может ли это чудо на нас напасть. Вопрос так и остался неразрешенным. Когда расстояние между нами сократилось вдвое, ихтиозавр беззвучно нырнул и больше не появлялся. Я видел, как Лаури похлопал по шее носовое украшение драккара и что-то сказал... Может быть, благодарил за то, что корабль отпугнул чудовище?

Ну что ж, тут и не до такого можно дожить...

— Обогнем мыс — и мы в Ираклионе! — крикнул Лаури и ловко сделал поворот над водой, держась рукой за шею «дракона». — Гребите, ребята! Навались!

Вытесанные из сосны весла дружной и быстрее вспороли воду. Драккар, набирая скорость, по дуге огибал желто-зеленый, залитый ярким солнцем мыс. Белая пена прибоя красиво вскипала на камнях у берега.

— Ираклион! — звонко выкрикнул мальчишка, устроившийся на высокой корме.

Я увидел белый пляж, на котором стоял подпертый с боков креплениями широкий корабль с высокой кормой. На скале над пляжем поднимался частокол, над ним, в свою очередь, возвышалась крытая башня, а на ней покачивался зелено-красный с белым прямым крестом флаг. «Белый крест Лузитании» — вспомнил я название очень интересной военной книжки.

— Нам тоже не мешало бы обзавестись флагом, — заметил Вадим. Я покосился на него удивленно: никогда не замечал за ним страсти к атрибутике. Подумав, ответил:

— Там решим... Лаури, а что это они нас так встречают?! — окликнул я англичанина.

Почти в пене прибоя, сдвинув прямоугольные щиты, стояли около десятка ребят. Еще полдюжины — с аркебузами — замерли по бокам.

* * *

Жоэ Кавергаш не походил на португальца в моем представлении — он был рыжий, с очень жестким, «взрослым» каким-то ртом и веселыми, слегка раскосыми янтарными глазами. Лаури он очень обрадовался, уже через час мы все сидели в рощице под олеандрами, за огромным столом, и девчонки, восхищенно ахая, резали свежий хлеб — тут,

как и у чехов Шверды, были то ли поля, то ли дикое зерно. Сидели вперемешку все три отряда, а мы устроились во главе стола и негромко разговаривали.

— Я ваши корабли так и не научился различать. — Жоэ говорил по-английски. — А тут вчера девчонки прибежали с берега, говорят, Эмиль ярл высаживался. Они видели его людей. Вот я и боюсь, что он все еще болтается тут...

— Эмиль? — Лаури скривился, взял с блюда горсть сушеных яблок, начал бойко жевать. — Святая пятница...

— Кто такой? — толкнул я англичанина в бок локтем.

— Не знаю, швед он или норвежец. — Лаури вздохнул. — Свен с ним был хорошо знаком — еще по *той* Земле... вон, кое-кто из наших его тоже хорошо знает... У него гнездо где-то на югославском берегу. Грабят. — Лаури далеко сплюнул попавшееся семечко. — Урса быют лихо, но грабят *всех*.

— Ясно... Послушай, Жоэ, — я повернулся к португальцу, который аккуратно резал копченое мясо, — на острове есть урса?

— Приплывают, — пожал Жоэ плечами. — Из Африки, высаживаются на южном побережье, но нечасто... Иногда приходят, я отбиваюсь.

— О, а мне говорили, тут опасно... — протянул я.

Жоэ поднял на меня глаза. Поднял еще и бровь. Вздохнул.

— Да-а... Ты что, собираешься идти в глубь острова?

Я кивнул.

— Не надо, — посоветовал Жоэ. — Я посылаю людей в глубь острова очень часто. Просто из любопытства. Я любопытный, иначе не сидел бы здесь... Но дальше горы Ида они не заходят.

— Почему такая таинственность? — удивился я.

— Да-а... — снова протянул Жоэ, разделяя на два и без того небольшой кусочек мяса. — Когда я тут только обосновался, у меня пропала охотничья партия, четыре человека. Я думал — урса. Но за последние три года пропали три отряда. Последний — осенью, Сережки Климова, я его до этого не видел, но парень решительный. Хотел «посмотреть, что *там* ». И пропал... До этого был Дэннис Лиан...

— Это американец, здорово прибабахнутый, — вспомнил Лаури, — мотался по миру годами... Джек, — повысил он голос, — помнишь Дэнниса?

— Лиана? — откликнулся Джек и кивнул.

— Так вот. — Жоэ вздохнул. — Тоже не вернулся... А с ним шли больше тридцати человек, и были это не новички... Ну вот. А сюда мы пришли вместе с Йожо Гарбо...

— Йожо? — переспросил я. — У него есть сестра Юлия, да?

— Была, — уточнил Жоэ. — Я остался на побережье, а он ушел на юг. И все...

— Говорят, он попал в рабство, — сказал я. — Его сестра просила меня что-нибудь узнать о нем.

— В рабство? — Жоэ задумался. — Конечно... все может быть, но... — Он помолчал и тряхнул головой: — Нет, не может быть. Он был не такой — скорее всего, лежит где-нибудь в горах возле Иды.

— В плен попадают по-разному, — возразил Лаури. Жоэ не стал возражать, но, как видно, остался при своем мнении.

— Ты думаешь, это урса виноваты? — уточнил я.

Португалец покачал головой:

— Я не знаю. Не думаю, что это так. Они же не могут появиться из воздуха... а чтобы все трое были настолько беспечны — ни разведки, ни часовых... Нет, не думаю... Так ты все-таки пойдешь?

— Пойду, — кивнул я. — И, может быть, даже буду там зимовать.

— Ну, дело твое. — Жоэ покачал головой. — Если что — выбирайтесь сюда, отсидимся или хоть уплывем...

— Да, спасибо, — искренне поблагодарил я.

Не думай о секундах свысока.
Наступит время, сам поймешь, наверное.
Свистят они, как пули у виска,
Мгновения, мгновения, мгновения.

У каждого мгновенья свой резон,
Свои колокола, своя отметина.
Мгновенья раздают — кому позор,
Кому бесславье, а кому — бессмертие.

Мгновения спрессованы в года,
Мгновения спрессованы в столетия,
И я не понимаю иногда,
Где первое мгновенье, где последнее.

Из крохотных мгновений соткан дождь.
Течет с небес вода обыкновенная.
И ты, порой, почти полжизни ждешь,
Когда оно придет, твое мгновение.

Придет оно, большое, как глоток,
Глоток воды во время зноя летнего...
А в общем, надо просто помнить долг,
От первого мгновенья до последнего...

М. Таривердиев — Р. Рождественский

И вот мы снова идем... Сквозь рощи на склонах холмов, по козьим тропкам, мимо холодных ручьев... К этому времени почти у всех были бригантины и фехтовальные перчатки, и я поругался с Саней, когда заставлял дозор идти по жаре в этой амунии в то время, как остальные шагали, подвязав куртки к вещмешкам, босые, и даже девчонки шли почти с «голым торсом». Но в этом споре я победил.

Однако нельзя не признать, что вокруг было тихо и спокойно. Даже живности крупней оленя тут не имелось, а море, блестящее с высот, настраивало на окончательно умиротворяющий лад.

— Как же здесь здорово. — Танюшка, взобравшись на скальный выступ, огляделась. — Курорт настоящий, правда?

Я встал рядом с ней, обняв ее за плечи. Кожа у девчонки была горячая и гладкая, как атлас.

— Красиво, — согласился, бросая взгляд на гору Ида, возвышавшуюся на юге. — А вот там будет еще красивее.

Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал! —

пропел Басс, взмахивая рукой. — Эй, вы что там засели, горные орлы?!

— Догоним! — рывкнул я через плечо. — Вот ведь неумные, — заметил Танюшке. Она без слов потерлась щекой о мое плечо, для чего ей пришлось нагнуться — мы с ней были почти одного роста...

— Это хорошо, что неумные, — ответила Танюшка и чихнула: — Солнышко нос щекочет, — объяснила она. Я улыбнулся и чихнул тоже, но специально. — Ну что, пойдём?

— Пошли. — Я соскочил вниз и подал ей руку.

* * *

Ширококонецный крест был вырублен в незапамятные времена прямо в скале, возвышавшейся над ущельем, в которое мы входили. За коротким проходом видна была широкая долина. Ее противоположный склон поднимался круто, а дальше уже совсем отчетливо видна была Ида.

Долина тонула в тишине и сонном зное полудня.

— Э-эй! — крикнул сверху Андрюшка Альхимович. — Смотрите, что тут!..

...Вблизи становилось ясно, что крест и в самом деле очень древний. Его полностью украшала резьба — «растительный» орнамент, как на рукоятях славянских мечей. Андрей расчистил у подножия креста плиту, точнее, обозначенный в каменной подушке прямоугольник. В нем были высечены строки церковнославянских букв.

— Елки, наши! — выдохнул Сморг. — Советские, то есть русские!

— Не просто русские. — Я, присев, поводил по ним пальцем. — Черт, я плохо это читаю...

— Я могу. — Сережка Лукьянко наклонился над моим плечом. — Это XV век.

— Йенс говорил, что самые старые могилы, которые он видел, были XVIII века, — вспомнил я.

— Я видел и XII, — сообщил Джек. — Ну так что там?

— Просьба к богу позаботиться и простить грехи. — Сергей встал. — И еще — восемь имен и прозвищ. Мальчишки 13–16 лет. И вот тут дата от сотворения мира — по-нашему 1490-й год... Имена, кстати, не все русские, вроде бы два немецких и польское есть...

— Ну ясно, — кивнул Сергей Земцов, — как обычно — интернационал! — Он отсалютовал палашом кресту, и мы повторили его жест.

* * *

Родник бил из скалы под напором, как из прорвавшейся отопительной трубы. Только тут вода была холодной — она прыгала в большое углубление, выбитое в скале напротив, а оттуда стекала вниз, превращаясь в обычный ручей. Пещеру мы отыскиали метрах в сорока от источника и повыше — туда вела звериная тропка, и Олег Фирсов с Богущем долго кидали внутрь камни, поощряемые мною, Вадимом и Сергеем (мы трое хорошо помнили встречу с медведем в Карпатах). Внутри никого не оказалось.

И почему — стало ясно, когда мы вошли внутрь.

В пещере жили люди. Не сию секунду, но жили, и жили долго. А ушли, скорее всего, не по своей воле, потому что везде были разбросаны заплесневелые шкуры, какая-то мелочовка, вдоль стен громоздились обломки лежаков... На какой-то момент мне показалось, что мы в нашей собственной пещере в Карпатах.

— Смотрите. — Саня, зашедший дальше остальных, появился из темноты. В руке он нес какую-то палку, и только при ближайшем рассмотрении я понял, что это винтовка. Ржавчина и сырость искалечили ее почти непередаваемо, но я все-таки узнал немецкий маузер.

— Очень интересно, — заметил Вадим.

— Ой, мальчишки! — прорезалась Ленка Власенкова. — Это все немедленно надо убрать — раз. Развести костер побольше — пусть все просохнет, два...

— Ясно, — вздохнул я. — Командуй, завхоз. Мы поступаем в твое распоряжение.

Следующие полтора часа мы метались туда-сюда, словно спятившие водомерки, под ободряющие команды Ленки, сводившиеся к фразе: «Я не знаю, что тут нужно сделать еще, но вы все делаете не так!»

Пещеру, судя по всему, обыскивали — и не надо даже спрашивать, кто это делал, как не надо было спрашивать и то, где останки бывших хозяев. Поэтому я весьма удивился,

когда Вадим молча подал мне рваный, разлохмаченный блокнот с расплывшимися строчками карандаша. Понять в нем ничего, кроме отдельных строк, было нельзя, хотя блокнот был исписан по-русски.

Но слова «Йожо Гарбо» на одном из последних исписанных листов я различил.

— Смотри, — Вадим пристроился чуть сбоку и отчеркнул ногтем абзац. Я взгляделся и медленно прочел вслух:

— «...погиб наш командир Йожо Гарбо...» Значит, погиб, — я захлопнул блокнот и, подумав, протянул Вадиму: — На, держи. Спрячь в мешок. Если будем в Карпатах, скажем Юлии, что ее брат не стал рабом... — И я добавил задумчиво: — А все-таки их перебили урса...

* * *

Солнечный луч разбудил Танюшку. Не открывая глаз, она тихонько, но с наслаждением потянулась, негромко пискнула от удовольствия и открыла глаза.

Она лежала поближе к выходу. После того, как в пещере чуть ли не полдня горел чудовищный костер, выжигавший сырость и запахи, там все еще было слишком душно. Олег спал рядом на левом боку, вытянувшись под одеялом, спрятав под него руки и пригнув голову к груди. Солнце очертило на загорелых скулах лучшего на свете мальчишки легкие ломаные полукружия тени от ресниц. Тени дрожали — Олегу снился сон. Танюшка прислушалась, улавливая тихое, ровное дыхание — дыхание здорового, сильного человека.

Она почувствовала, что на глаза навернулись слезы — сами собой. Неужели его убьют? Вот просто возьмут и убьют, и все...

Она чуть повернула голову. За кустами перед пещерой сидели, обнявшись, Колька с Валюшкой Северцевой. «Часовой», — усмехнулась Танюшка и представила себе Олега — нагишом, стоящего перед нею с опущенными руками — как он закусывает губу и тихо, *беспомощно* как-то выдыхает, когда касаешься его *там* ... как сглатывает... как его тело отзывается на ласки...

Врнувшись взглядом к Олегу, она увидела, что он смотрит на нее внимательными веселыми глазами, как будто подсмотрел мысли.

— Ну что? — спросил он негромко. — Встаем?..

...— Хорошее место для зимовки, — отметил Сергей (он так и остался Сергеем, а вот Сережку Лукьянко все чаще и чаще называли просто Серым). Посмотрел на меня искоса: — Ты ведь зимовать здесь решил?

— Решил, — кивнул я. — Только сначала хочу убедиться, что урса нет поблизости... и в отдалении тоже. Пойдешь на юг в разведку?

— Пойду, — пожал он плечами, — почему нет?

Мы неспешно шагали вдоль ручья, посматривая кругом. В ручье шныряла туда-сюда крупная форель.

— Как у тебя с Ленкой? — поинтересовался я.

Сергей выставил большой палец, подмигнул. И вдруг посерьезнел.

— Знаешь, — тихо сказал он, — мне недавно приснился такой странный сон... Рубленый дом, большой такой зал, горят факелы, огонь еще горит в очаге, посреди зала... Я сижу в кресле, Ленка рядом со мной, кругом еще какие-то люди сидят на лавках вдоль стен... И ты стоишь у огня и что-то говоришь. Я не помню, что, — Сергей запнулся, — но мне во сне было плохо. Словно я предал кого-то...

— Сны, сны, — усмехнулся я. — Сны нам снятся разные... Посмотри лучше, как красиво!

— Красиво, — согласился Сергей. Но тут же вновь озабочился: — Вадим-то ходит, как Каменный Гость... Вот Наташка с-с... — но он все-таки удержался.

— Наташка, — повторил я. — Ни при чем тут Наташка. И Вадим ни при чем, и даже

Франсуа ни при чем... Это просто жизнь такая. Сложная.

— Сложная... — эхом откликнулся Сергей. — А если бы... Танюшка?

Я посмотрел на него внимательно и тяжело. Но Сергей не отвел глаз.

— Это жизнь такая, — сказал он, и мне почудилась в его голосе насмешка. — Она нравится Джеку, ты знаешь?

— Да, — ответил я. Вот тут Сергей удивился — до выпучивания глаз:

— Да-а-а?! Ну ты силен, братишка... Или так уверен в своей неотразимости?

— Я уверен в Танюшке, — тихо сказал я. — Понимаешь, в Танюшке... Больше, чем в себе, в тебе и во всем остальном вплоть до того, что Земля круглая.

— А что, если она здесь плоская? — задумчиво, но как-то очень серьезно спросил Сергей. — И солнце вращается вокруг нее?.. Это Серый рассказывал такую историю, вроде сказки. Про Солнечного Котенка — он говорил, что хотел написать такую книжку... Ты что, не слышал?

— Спал, наверное, — вздохнул я. — А при чем тут котенок?

— Он стал солнцем для одного мира... Долго рассказывать... А все-таки точно, тут очень красиво... Смотри, козы!

Большое стадо горных коз цепочкой пробиралось повыше нас через редкие кусты по обрывистой тропинке. Краем глаза я увидел в руке Сергея метательный нож.

— Спорим? — шепнул он. — С одного броска.

— Спорим. — Я достал из перевязи один из своих ножей. — С одного броска.

Посмотри как блестят бриллиантовые дороги
послушай как хрустят бриллиантовые дороги
смотри какие следы оставляют на них боги
чтоб идти вслед за ними нужны золотые ноги
чтобы вцепиться в стекло нужны алмазные когти
горят над нами горят
помрачая рассудок
бриллиантовые дороги
в темное время суток
посмотри как узки бриллиантовые дороги
нас зажали в тиски бриллиантовые дороги
чтобы видеть их свет мы пили горькие травы
если в пропасть не пасть — все равно помирать от отравы
на алмазных мостах через черные канавы
прячт над нами прячт
помрачая рассудок
бриллиантовые дороги
в темное время суток

«Nautilus Pompilius»

В дневном свете язычки костра, танцующие на сухих до звонкости дровах, были почти невидимы. Жареной козлятиной пахло на весь лагерь.

Мне перебивала аппетит Ленка Власенкова, зудевшая о предстоящей зиме. Спорить с ней было трудно — зима в самом деле предстояла, и готовиться было нужно, поэтому я слушал и кивал.

— Раньше начнем готовиться — сытней зимой пожрем, — подвела итог Ленка и ухватила кусок козлятины. — Здесь таких удобных пещер, как в Карпатах, нет. Но в дальнем закутке вполне можно кое-что хранить уже сейчас, там прохладно.

— Ладно, хорошо, завтра же начнем запасаться, — согласился я.

— Сегодня, — уточнила Ленка. Я развел руками:

— Ну когда сегодня?!

— Когда хочешь, — отрезала она, — но сегодня.

— Но деньги вперед... — пробормотал я и встал. — Ну хорошо, сейчас распоряжусь... Эй, добровольцы на охоту есть?

Добровольцы имелись, как всегда. Буквально за десять минут мне удалось разогнать по делам весь лагерь — я даже сам не ожидал. То ли все тоже озаботились состоянием запасов, то ли просто увидели в этом возможность смыться подальше от начальственного ока.

— Ничего себе, — сказал я в пространство, растерянно озирая очистившийся плацдарм. — Это я так всем надоел? — Я поразмыслил и решил: — А ну и ладно.

Я взобрался на скальный выступ, бросил под куст куртку, улегся на нее и, закрывая глаза перед тем, как уснуть, весело фыркнул...

...Я проснулся от ощущения чьей-то близости и, слегка приоткрыв глаза, увидел над лицом ладонь, защищавшую меня от солнца. Спал я, кажется, долго, тень сдвинулась в сторону и...

Повернув голову, я разглядел Танюшку, удобно сидящую рядом. Она улыбалась и, заметив, что я проснулся, пошевелила пальцами, а потом слегка щелкнула меня в нос.

— Ты не ушла? — улыбнувшись в ответ, спросил я.

— Я пришла, — ответила она, откидываясь спиной к камню. — Я петрушку нашла, нарвала целый мешок и разложила сушить... Ты уже долго спишь, знаешь?

— Не знаю. — Я поднес к глазам часы, которые уже давным-давно ставил «на глазок» и не был уверен, что они идут правильно. Но время они отмеряли честно, и я увидел, что в самом деле сплю больше трех часов. — Ого.

— Устал? — тихо спросила Танюшка.

— Немного, — признался я. — Ничего, отдохну немного и приду в себя... — Я подумал и признался: — Знаешь, у меня какое-то ощущение... как будто краем глаза видишь движение, поворачиваешься, а там ничего нет... И опять, опять... Мерзкое чувство, Тань. — Я потянулся и добавил: — Редкостно мерзкое. Или я что-то упустил... или где-то ошибся... или что-то еще случится...

— Оле-ег!!! — Вопль был такой, что я даже не сразу понял, кому принадлежит голос. И, прежде чем я успел вскочить, на выступ взлетел Олег Фирсов. Глаза у него были бешеные, в руке валлонка. — Скорей! На наших напали!

— Приехали, — буркнул я, вскакивая.

* * *

Схватка шла на мелководье залива, которого, как позже уверяла Танюшка, тут не должно было быть. Точно так же позже выяснилось, что все началось с лодки, причалившей к берегу, — в ней сидели четверо явных скандинавов, оборванных и злых до последней степени. Не говоря ни слова, все четверо напали на Вальку Северцеву и Наташку Бубненкоу, собиравших устрицы. Неизвестно — точнее, известно, — чем бы это все кончилось, но на берегу возникли Саня, Сморг и Бэн, а через несколько секунд — и еще кое-кто, причем Олег Фирсов, не разобравшись в ситуации, ринулся за мной.

Я подбежал как раз в тот момент, когда нападавших осталось двое, а Сморг сидел на мелководье и Наташка перевязывала ему рану в животе. На моих глазах рослый блондин отшвырнул кулаком клинок шпаги Олега Крыгина и, распоров тому плечо, что-то крикнул своему другу, отбивавшемуся от Сани и Бэна.

Я соскочил в воду с покатога камня и одним тяжелым прыжком оказался клинок в клинок с блондином. У него был меч — короче и шире моего палаша, с простой массивной рукоятью.

Мой противник отступал в воду — ему она доходила уже до бедер, — отмахиваясь мечом на разных уровнях круговыми движениями. В воде его клинок казался серебряной рыбой. Я шел следом, угрожая ему палашом. Лево́й рукой норвежец сорвал и отбросил плеснувший кожаный шлем. Светлые волосы прилипли ко лбу и щекам.

— Бросай оружие, — сказал я, краем глаза видя, что его товарищ с трудом отбивается от троих наших. — Бросай, мы не тронем тебя.

Меч со скрежетом ударился о мой палаш, я повернул кисть, и норвежец, увлекаемый силой своего удара, упал на колени. Я увидел его глаза — он ждал удара, и я в самом деле мог бы его заколоть, но вместо этого отступил назад. Норвежец оскалился, тяжело поднимаясь, что-то хрипло сказал.

Его товарищ уже качался в воде ничком, и вокруг расплывались нити и облачка крови.

— Клянусь — тебя не тронут, — повторил я, держа палаш опущенным. Мальчишка дышал широко открытым ртом, потом сплюнул и, оглянувшись, начал пятиться. — Стой, придурок! — крикнул я, обходя его. Вместо ответа норвежец прыгнул вперед, размахиваясь мечом для отчаянного удара. Убойного. Наверное, он свалил бы меня, но помешала вода, и он снова промахнулся.

Я ударил его ниже уха кулаком в перчатке, и норвежец тяжело упал в воду. Я поймал его за ворот куртки и поволок к берегу, крикнув:

— Помогите, ну?!

Кто-то подхватил рыбкой нырнувший в воду меч, еще кто-то взял норвежца за ноги. Санек, расплескивая воду ладонью, спросил меня:

— Зачем он тебе, князь?

— Попробую уговорить его остаться с нами, — ответил я.

* * *

Норвежец пришел в себя довольно быстро. Мы как раз спустили его в яму, кинули два одеяла, поставили поесть и воду. Он сперва зашевелился, а потом резко сел. Схватился за висок, быстро посмотрел вокруг, а потом — вверх. Встретился взглядом со мной, странно усмехнулся и что-то сказал.

— Я тебя не понимаю, — вздохнул я и сделал движение, как будто ел и пил. — Давай, я же сказал, что мы тебя не убьем. А потом поговорим... Ингрид, иди сюда, скажи ему!

Но он уже не смотрел на меня, а уставился куда-то в пол между ног. Кажется, ему было холодно, но он даже не пытался закутаться в одеяла.

Я постоял еще немного, потом вздохнул, пожал плечами и отошел...

...Норвежец умер ночью. Вернее — под утро, наверное. Это заметила Кристина, которой вздумалось сменить ему воду. Она подняла шум, и меня тоже подняли — с постели.

— Не понимаю. — Санек, уже вытащивший (не сам, конечно!) тело из ямы, сплюнул и ожесточенно развел руками. — Он не ранен. Олька говорит, что у него просто остановилось сердце!

Олька Жаворонкова кивнула в знак того, что это так. Я присел возле мертвого — он смотрел в небо спокойными бледными глазами и чуть улыбался.

— Все ясно, — сказал я.

Санек возразил:

— Мне, например, нет.

— Да уж... — кивнул я и встал. — Он просто не захотел жить в плену. И умер... Черт побери, я так и не смог ему объяснить, что он нам нужен не как пленный!!! — Я перевел дух и приказал коротко: — Похороните. Как нашего...

...Тем вечером к берегу прибило несколько досок и труп желтоволосого мальчишки лет шестнадцати со страшной раной на груди, которую размыла вода. Труп был еще свежим.

Ингрид и Джек опознали Эмиля ярла. Мы так никогда и не узнали, что случилось с ним и его отрядом, остаток которого погиб недалеко от нашего лагеря.

Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —

Каждый выбирает для себя.

Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает по себе
Щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
Каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже — как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.

С. Никитин — Ю. Левитанский

— Ну, ты собираешься меня отправлять?

Мы с Сережкой загорали (носами друг к другу, попами вверх, щекой в сложенные руки, пятки над краем обрыва) и вели философскую беседу, на данный момент плавно перешедшую в деловой разговор.

— Собираюсь, — кивнул я. — Завтра пойдет Север к Иде, он давно просился. Посмотрит, что и как, денька через два вернется, а там и ты рванешь... Кого возьмешь с собой-то?

— Басса возьму, Арийца... Серый с Джеком тоже просят. Вот впятером и пойдем. За десяток дней обернемся.

— Угу. — Я перевернулся на спину, забросил руки под голову. — Серж, у тебя нет ощущения, что, так сказать, «что-то страшное грядет»?

— Что это ты Брэдбери вспомнил? — Мой друг зевнул. — Нет у меня ощущения никакого, кроме ощущения голода. — Он рывком сел, помотал лохматой головой: — Бр-р, а то усну... Интересно, чем нас девчонки будут кормить?

Он вскинул руки над головой и с обрыва махнул в море — только пятки мелькнули. Я, тоже поднявшись, присел на краю, качая ногой и поставив подбородок на другое колено. Сергей внизу бесился, как спятивший дельфин.

Меня грызло беспокойство...

...Оно не замедлило вылиться в реальную форму. Сергей все еще плавал, когда я обернулся. Подходил Саня.

Он подошел в полном снаряжении, а если учесть, что ко мне напрямую он последний раз обращался очень давно, то это казалось удивительным. У меня было поганенькое настроение, и я демонстративно закинул бедра курткой.

— Меня не интересует твоя попка, — хладнокровно сказал Саня.

— Не уверен, — отрезал я.

— Это твои проблемы, а я как раз и пришел тебя от них избавить. — Саня оперся локтем о выступ скалы. — Дело в том, что мы уходим.

— Кто это «мы»? — через плечо уточнил я.

— Мы — это я, Сашок, Сморг и Наташка, — в тон мне уточнил Саня.

Я встал. И развернулся к нему лицом. Несколько секунд мы мерили друг друга взглядами — и нехорошие же были у него глаза...

— С какой стати ты это решил? — спросил я.

— Нам не нравится то, что ты делаешь. — Саня чуть прищурился. — Все это плохо кончится, но раз уж ты забил мозги большинству, то я уведу тех, кто верен мне.

— Ты дурак, — «откровенно» сказал я. В кавычках — потому что я так не думал, а ляпнул просто то, что мне пришло в голову. И Саня это понял. Он презрительно усмехнулся и отбрил:

— Ты вспомнишь эти слова потом.

— Черт с тобой, убирайся. — Я вновь сел и свесил обе ноги. Но чувствовал — Саня не ушел. И ждал, что он скажет еще. Он не мог уйти, больше ничего не сказав.

— Мы были друзьями, Олег, — слышался его голос, и я, повернувшись, увидел его большие глаза, в которых была печаль. — И я предупреждаю тебя: игра в рыцарей не доведет до добра. В этот мир надо встраиваться, а не пытаться его перестроить.

Я отвернулся. Мне просто стало неинтересно, что еще может сказать Саня, и он, очевидно, понял это.

Потому что ушел.

* * *

Вообще-то у нас весьма однообразная жизнь, если подумать непредвзято. Ни книг, ни кино, ни телевизора... Только то, что сами для своего развлечения изобретем, да и тут фантазия ограничивается отсутствием материальных средств. Хотя никто из нас особо не был избалован игрушками, а руки имелись у всех, так что устроить, например, бадминтон из самодельных ракеток и кожаного мячика с воткнутыми перьями для нас было делом плевым. Кроме лироарфогуслей (с понтом просто «гуслей») Басса появились несколько самодельных свирелей, на одной из которых, вспомнив свою учебу в музыкальной школе, самозабвенно насвистывал Вадим. Кто-то (я так и не узнал кто) склепал почти настоящий футбольный мяч с волосяной набивкой — его же использовали и во всех остальных играх, требовавших мяча. Рикошетирует он весьма неожиданно, был увесистым и инерционным, но это только придавало игре шарм — всегда можно было попытаться ухайдакать игрока противника прямым попаданием... Правда, девчонки восстали на футбол, когда поняли, что игра этой самоделькой непоправимо калечит обувь. Мальчишки стали играть босиком, и слабый пол унялся — очевидно, наши ноги их не очень беспокоили... Арнис вырезал из дерева шахматы, а Олег Крыгин, позавидовав ему, но не имея таланта резчика, соорудил домино и шашки. Колькин — старый — набор шахмат тоже не бездельничал.

Наконец, никто не отменял тренировок, и я с удовольствием замечал, что многие подтягиваются в фехтовании до меня... хотя и мой уровень рос. Я все больше понимал, что становлюсь способен на весьма впечатляющие вещи — например, в прыжке сломать ногой выставленную навстречу жердь и, приземляясь, рассечь другую палашом...

Но, если честно, больше всего мне хотелось просто загорать (купаться я так и не полюбил) — одному или в обществе Танюшки. Жаль, что нечасто получалось... Но иногда мы заплывали на небольшой островок, где на клочках земли между каменных глыб росли оливы с серебристой листвой, выбирались на плоские каменные козырьки и... Впрочем, случалось, что мы просто спали голова к голове, болтали или бродили по островку, наслаждаясь одиночеством, солнечным теплом и тишиной, в которую вплетался шорох прибоя. По характеру мы с Танюшкой идеально подходили друг другу. Хотя и говорят, что сходятся противоположности, но мы были похожи: спокойные, но способные на резкие, почти неконтролируемые вспышки гнева и ярости; умеющие говорить и молчать; даже ростом почти одинаковые...

...Мы сидели плечом к плечу на камне над небольшим озерцом дождевой воды, похожим на зеркало в рамке из багрового гранита. У наших ног в ровной, спокойной поверхности отражались мы сами: одинаково обнимающие руками колени, с почти одинаково длинными волосами, темными и уже начинающими завиваться на висках и на концах сзади у меня, русыми и прямыми у Танюшки. Последнее время она заплетала их в тугую косу (мне не очень нравившуюся, но удобную), а я свои перехватывал кожаной повязкой, но сейчас, после купания, волосы у нас были распущены — сохли.

— Подрезать пора. — Она провела пальцем по моей шее. Я невольно дернулся, Танька повторила жест и хихикнула.

Я недовольно спросил:

— Подрезать что? Шею мне?

— Дурак, — резко сказала она, но тут же погладила меня по плечу: — Извини, я не подумала. Тебе правда надо постричься, хотя бы подкоротить... — Она запустила пальцы в мои волосы, довольно безжалостно подергала.

— Ну пусти, — пробормотал я, не пытаясь освободиться. Она вместо этого рывком притянула меня к себе...

...Губы Танюшки были солоноватыми от высохшей на них морской воды. Горячими и живыми. Глаза блестели шалой зеленью, и в них отражалось мое лицо с такими же безумными глазами. Мы оба хорошо знали, чем кончится эта игра с поцелуями, — и оба не очень торопились.

В такие мгновения казалось, что они — навсегда.

Шумит река времен,
И ночь идет к концу,
И дым густых надежд
Скатился по лицу.

Я по цветам иду
На дальний свет звезды,
Где были мы с тобой,
Где только я и ты!
Ты моя судьба!
Я люблю тебя!

Я тебя никому никогда не отдам,
Нас не сможет согнуть никакая беда,
Не разлучат враги, не достанут года.
Я тебя никому не отдам!!!

Я тебя никому никогда не отдам,
Я тебя пронесу по горящим мостам,
По горам, небесам, по зеленым лугам.
Я тебя никому не отдам!
Не отдам!

И. Матвиенко — В. Пилявский

— А Саню ты зря отпустил, — сказала Танюшка.

Она сидела у меня сзади на поясице и делала массаж. Приятно было — жуть. А вот разговор мне не слишком нравился. Я уже почти совсем собрался промолчать, но не удержался:

— Я никого не неволю, Тань, оставаться со мной. Но те, кто остается, должны выполнять мои приказы. Саня захотел уйти — это его дело.

— И все-таки это неправильно, — упрямо сказала она. — Когда Север пойдет в предварительную разведку?

— Завтра, — буркнул я, уже предвидя ее просьбу.

— Олег, скажи ему, чтобы он поискал Саню и предложил ему вернуться, а?

* * *

Было еще совсем темно, когда Север меня растолкал. Зевая и трясая головой, я поднялся, прошел к выходу. Андрюшка Соколов, стоя уже снаружи, перетягивал ремень.

— Возьми еще кого-нибудь, — предложил я. — Вдвоем мало ли что...

— Быстрей обернемся, — отмахнулся Север, одергивая свою «вечную» кожанку. Зевнул, прилязгнул сильными челюстями, засмеялся: — Нет тут никого, Олег. Не могли же они из воздуха появиться?

— Ладно... Если встретишь Саню с его олухами — заверни их, договоримся как-нибудь, — вспомнил я.

Север, помедлив, хлопнул меня по плечу:

— Это ты правильно... Постараюсь их найти.

— Ну ты все-таки разведку веда, а не Саню ищи, — спохватился я.

Игорь кивнул:

— Ладно, ладно... Скажи Кристинке... — Он махнул рукой: — А, ладно. Вернусь — сам все скажу... Андрей, готов?

— Готов, — буркнул Соколов, тоже зевая и расчесывая пятерней волосы.

— Ну и пошли. — Север первым зашагал вниз пружинистым шагом и растаял в смешанной с ранним туманом предутренней тьме.

Я еще какое-то время смотрел ему вслед, зевая и ежась. Потом окликнул часового — Игорь Мордвинцев отозвался коротким свистком — и пошел досыпать.

* * *

К вечеру отмахали километров двадцать вверх, вниз, с вершин холмов внимательно осматривая окрестности. В конце концов Андрей махнул рукой и объявил:

— Все, хватит на сегодня. Нет тут никого.

— Да, пожалуй, — согласился Игорь, ослабил пояс и перевязь. — Давай вон туда, в лощинку, спустимся. Там костер не будет видно.

— Трепещешь? — фыркнул Андрей.

— Да так, — улыбнулся Игорь, — на всякий случай.

— Вообще-то правильно, — согласился Андрей и, подфутболив носком мягкого сапога камешек, огорченно сказал: — Я думал, чего найдем, поэтому и вызвался... Так бы я фиг от Ленки ушел. — Он толкнул локтем Севера. — Знаешь, как с ней трахаться здорово?

Север хмыкнул. Он, конечно, спал с Кристиной и мысленно согласился с другом, но, будучи более сдержанным и воспитанным, тему не поддержал. Что, впрочем, не мешало Андрею ее развивать...

Мальчишки, спустившись на дно ложбины, обогнули росшие там понизу кусты и...

...Первые урса стояли метрах в пяти от них — стояли и прислушивались, а дальше их были еще десятки. По всему дну ложбины. Две или три секунды мальчишки смотрели на урса. Те тоже не двигались — очевидно, ожидая, что сейчас из-за кустов появятся еще белые. Потом Север истошно вскрикнул и, молниеносным движением метнув нож, увязший точно в горле у первого урса, толкнул Андрея плечом назад:

— Бежим!

Они рванулись вверх по склону. Но верхним краем лощины уже хрустели, ломаясь, кусты — там мелькали султаны из перьев на масках, наперерез ломилась еще одна группа!

— Беги один! — крикнул Север. — Туда беги! — Он почти швырнул Андрея дальше по склону оврага. — Беги, я их задержу!

— Я тебя не брошу! — крикнул Андрей, хватаясь за меч над плечом. Север зарычал:

— Дурак! Наши же думают: тут никого! Беги же, всех погубишь!

И снова толкнул Андрея. Тот попятился. Потом повернулся и побежал. Сразу изо всех сил.

Так, тут — все. Второй нож полетел в первого из бежавших поверху, и тот покатился вниз, пробил своим телом кусты, застрял там, словно какой-то манекен. Игорь прыжком

выскочил на край лощины. Со всех сторон — ближе, ближе — лезли озверелые рожи или страшные маски. За Андреем не бежал никто — вот и хорошо...

Все? Кажется — все. Значит, вот как это... А где же страх? Где вся жизнь, промелькнувшая перед глазами?

«Прощай, Кристина», — подумал он, выхватывая шпагу и дагу, — они послушно, с радостным гудением, описали в сильных руках зло свистящие «восьмерки».

Но он, наверное, все-таки еще не верил в смерть, отталкивал ее всей силой своего недолгого существования, всем своим крепким, живым мальчишеским телом, всей жаждой жизни — когда, не дожидаясь броска урса, сам прыгнул вперед.

И успел подумать еще, что Андрей теперь точно успеет и все будет хорошо...

...Его убили только через полчаса, брошенными в спину толлами — после того, как отчаялись свалить в рукопашной.

* * *

Жалобно выли раненные. Их было около десятка, и почти все уже не бойцы. Убитых было девятнадцать — их порубленные и поколотые тела лежали на краю лощины и на склоне, застряв тут и там в кустах. Землю пропитала лениво льющаяся кровь. Валялось изломанное оружие, рассеченные щиты и маски.

Убитого белого оставили там, где он упал, — около большого дерева, к которому он хотел, но не успел прижаться спиной: в ней сейчас торчали пять толл. Упал он только после пятой, последней. Кто-то принес и бросил рядом левую руку белого с зажатым в ней кинжалом — ее удачно отрубили еще в середине схватки. Выдернуть черную от крови шпагу из правой руки не удалось вообще.

Отталкивая друг друга, сопя и скержеща гортанно, урса отрубили убитому голову и насадили ее на грубо оструганный кол. Открытыми глазами, из которых уже ушла жизнь, Игорь Северцев по прозвищу Север смотрел на то, как, то и дело схватываясь, урса делили его тело, тут же пожирая сырые куски мяса. Потом вставили шпагу, отрубив на державшей ее руке пальцы, в расщелину камня и начали ломать, сгибая клинок в дугу, но он каждый раз распрямлялся с коротким злым гулом.

Навалившись втроем, его переломили, и сталь лопнула с плачущим звуком. Обломок, выскочив из расщелины, вонзился в горло одному из урса, и тот, захлебываясь кровью, покатился на дно оврага...

Двадцатый.

* * *

Первые несколько минут Андрей вообще ничего не мог сказать — только хватал ртом воздух и не мог даже проглотить воду, которую лили ему в рот перепуганные девчонки. Он был черный от усталости, глаза ввалились, а волосы склеила выступившая из пота соль. Лишь потом, явно испытывая физическую боль, он прохрипел чужим, хрустким голосом:

— Урса... много... Я бежал всю ночь... опередил... на час... пришлось петлять...

На секунду воцарилось испуганное молчание. Потом в него врезался крик Кристины:

— Где Игорь?!

Андрей измученно махнул рукой (Олька все еще пыталась его чем-то напоить и просила, чтобы он не глотал, а полоскал рот и сплевывал) и ответил уже более нормально:

— Он остался там, прикрывать. Без него я бы не ушел.

— Сколько урса? — быстро спросил я. Сейчас я не мог позволить себе ничего личного. Я был князем, за которым стояли три десятка человек. — Мы сможем отсидеться?

— Нет, нет. — Андрей помотал головой. — Их тысячи, они идут с юга острова, чешут тут все, как расческой...

— Брать только вещи и продукты, приготовленные про запас. — Я выпрямился. —

Скорее. Мы уходим через ущелье на север, к Ираклиону.

— Поздно.

Все обернулись на голос, раздавшийся от входа. На пороге пещеры стоял Санек с обнаженной валлонкой в руке. Он был страшно бледен. За его плечом мрачной тенью высился Сморгч, методично затачивавший выщербленное лезвие гизармы. Левое плечо Игоря было обмотано окровавленной тряпкой. У входа, поглядывая назад, замерли Бэн и Наташка.

— Поздно, — повторил Санек, шагнув внутрь. — Они перерезали дорогу через ущелье. Желаящие могут убедиться — их отряды текут сюда, как река.

Почти все метнулись наружу. Я задержался.

— Про тебя я думал, что ты-то уж точно в Ираклионе, — тихо сказал я.

Саня хмыкнул:

— Я был там. Отдыхал, пер в жопу Сашка... — Он с усмешкой смотрел мимо меня. — Но когда это началось, я подумал: не очень-то хорошо будет бросить вас... Жоэ сказал, что будет ждать, пока ниггеры не полезут на сходни его каравеллы, так что мы еще можем успеть.

— Успеть? — Я вскинул голову. — Но ты же...

— Как ты думаешь, — с ядом спросил он, — я что, пробивался сюда через эти толпы? Есть тропка. Надеюсь, что они ее еще не перерезали.

Помедлив, я протянул Сане руку. Он со смешком посмотрел на меня.

И не пожал ее...

...Если Саня сравнивал урса с рекой, то он ошибся. Сейчас они больше напоминали шумное черное половодье, разливающееся по долине километрах в семи-восьми от нас.

— Их тут х...ва туча, — сказал Колька Самодуров, и никто не обратил внимания на мат. — Тысячи!

— Тысячи три, — оченил на глаз Игорек Мордвинцев.

— Вон еще! — Олег Фирсов в возбуждении вскинул руку, указывая на север, в направлении горного хребта. Километрах в десяти от нас текли вниз пять или шесть черных ручейков.

— Это те, от которых я бежал, — пробормотал Андрей. — Надо уходить, ребята, скорее!

— Я не пойду, — заторможенно сказала Кристина. — А если Игорь придет, а меня нет? Мы потеряемся...

Олька обняла ее за плечи:

— Надо идти, Кристи. Ты же знаешь, Игорь ловкий и смелый, он обязательно нас нагонит, если останется жив. А нам оставаться нельзя. Пойдем-пойдем...

— Девчонок в середину. — Я обнажил палаш. — Парни — в клин...

— Нет, Олег, — отчетливо и спокойно сказала Танюшка, и девчонки сплотились за ней.

— Что — нет? — сердито спросил я.

— Сегодня мы пойдем рядом с вами, — сказала она, обнажая корду. — Мне кажется — сегодня нехорошо будет тем, кто останется в живых, если мы столкнемся с черными и проиграем. Вы не сможете нас защитить. И тогда будет лучше погибнуть всем вместе.

Две или три секунды я молчал. Потом бросил:

— Что же — может быть, нам еще повезет... Тань, становись слева от меня. Будешь прикрывать бок... Все. Пошли.

Жарких костров развеселый треск,
Руки тяжелые над огнем.
Оцепенел и пригнулся лес,
Стаю волков обложили в нем.
Серые мечутся меж берез,
Прячут детей, зарывают в снег,
И в ошалевших глазах вопрос:

«Что же ты делаешь, Человек?»

Вот и все. Наступит смертный час,
Тот жуткий час, когда вся жизнь — сплошная боль.
Снег несет, о если б он их спас!
Но этот день не станет другой судьбой.
Кружит матерый, здесь главный — он,
Чует, вот-вот начнут стрелять.
Но на флажки не пойти — закон,
Лучше под пули — учила мать.
Лучше под пули, ощерив пасть,
Молча. За горло. С разбегу. В грудь.
Лапами. Сильно. Подмять. Упасть.
Может, и вырвется кто-нибудь.
Кто-нибудь...
Все уже страшный круг,
Давным-давно на спуск жадно палец лег.
Кто-нибудь... Пусть это будет друг,
Он допоеет, когда голос мой уснет.
Цепи смыкаются. Крики. Смех.
Запах железа. Собачий лай.
Волка — не лебедя, лебедя — грех.
Волк — он разбойник, его — стреляй.
След, словно пеленг, он на ветру,
И, заглянув в поднебесья синь,
Холода грудью вожак глотнув,
Прыгнул — как проклял — что было сил.
Ветра свист. Опять им повезло,
Ударил гром, и палевый бок в крови.
Жизнь, прости... Прости людей за зло,
Дай время нам себя научить любви.

А. Розенбаум

Тропа, по которой нас вел Санек, в самом деле уводила в обход урса, под пологом зеленых рощ, что закрывали нас от взглядов со стороны. Мы шли в строю, на страшном напряге, но в какой-то момент Саня шумно перевел дух и сказал достаточно громко:

— Все. Они остались там. — Он махнул рукой влево. — Мы сейчас выше их... Впереди прямая дорога на Ираклион... Если пойдем быстро — дойдем к утру.

— Да, хорошо. — Я тоже перевел дух. Слева виднелся склон холма, переходивший в открытую узкую и длинную долину, теряющуюся где-то среди рощ. По долине двигался отряд урса — параллельно нам, явно о нас ничего не подозревая. Над ними плыл, покачиваясь и ныряя, шест с человеческой головой — еще не сухой, как обычно... Впрочем, все сухие головы, которые мы видели у них, когда-то кому-то принадлежали...

— Кристин, ты куда? — отвлек меня оклик Ольки. — Ты чего, Кристин?!

Девчонки загомонили. Я резко обернулся.

Кристина стояла совершенно открыто — на плоском большом валуне, нависавшем над склоном. Она, вся подавшись вперед, всматривалась в сторону урса. Потом повернулась к нам. Ее синие глаза почернели и стали огромными.

— Это Игорь, — сказала она.

Да. На шесте над урса плыла, покачиваясь, с развевающимися по ветру волосами голова Севера.

Помню, что в ушах у меня словно забурлила горячая вода. Я стал хуже слышать. А

зрение, наоборот, как всегда в такие моменты, обрело странную четкость.

— Это Игорь, — повторила Кристина. — Я должна забрать... забрать его... у них...

— Кристина, что ты несешь? — быстро спросил я. Глаза девчонки обежали нас всех, и их взгляд был страшным, как промороженная сталь, прикасающаяся к обнаженной коже.

— Его надо забрать, — тихо сказала она, вытаскивая ландскетту. — Он же и ваш друг тоже...

— Кристина, не валяй дурака! — рявкнул Саня. — Он мертв! Это просто кусок его трупа!

— Боитесь?! — вдруг бешено крикнула Кристина. — Боитесь?! Тогда я сама! Одна!!!

Прежде чем ее успели удержать, она соскочила вниз. Устояла на ногах. Мы подбежали к краю, урса уже, конечно, нас видели... Кристина, доставая левой рукой стилет, уже шла к остановившимся и замолчавшим урса. Одна. Быстро пересекая свободное пространство.

— Мальчишки... — тихо сказала Ольга, обводя всех нас взглядом, в котором были мольба и боль. — Мальчишки, да что же это?.. Она же... одна... Ну мальчишки же...

Урса было сотни три. На глаз... Я заметил, что кусаю уголок губы.

Голова Севера на шесте.

Идущая навстречу урса Кристина.

Глаза Ольги.

Гул нарастал. Гул в ушах...

— Ладно. — Ольга глубоко вздохнула. — Я тогда с ней.

Я поймал ее за руку. Наверное, очень сильно сдавил, она даже задержалась. Но голос мой звучал спокойно — удивительно спокойно даже для меня самого, я ожидал от себя дикого вопля...

— Погоди, Оль. — Я подошел к краю и, соскочив вниз, повернулся к остальным. У меня быстро немели губы. Следя за своим голосом и уже не узнавая его, я сказал: — Карать, ребята. *Карать. Будем карать.*

И пошел за Кристиной, никого не позвав за собой и не удивившись остатками человеческого разума, что рядом со мной оказались Танюшка и Сергей, а голос Вадима где-то сзади попросил напряженно:

— Дай, Тань... чтоб звенело!

И — голос Танюшки... И вновь — меня не удивило, *что* она поет:

...так что ж, друзья, коль наш черед —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука!
Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Урса пятились. Шаг. Шаг. Еще шаг назад — всей толпой, переминаясь и переглядываясь, сталкиваясь оружием. Они не могли поверить, что нас всего три десятка.

Просто не могли.

Потом они замерли.

А еще потом — рванулись навстречу.

И пусть и смерть — в огне, в дыму! —
Бойца не устршит,
И что положено кому —

Пусть каждый совершит!¹

...Я шел вперед и нес перед собой беспощадно сверкающий клинок палаша. Я видел только этот летящий передо мной серебряный блеск.

Как солнце. За этим блеском надвигалась какая-то черная стена, и я выкрикнул:
— РОСЬ!!!

Четыре года рыскал в море наш корсар!
В боях и штормах не поблекло наше знамя!
Мы научились штопать паруса
И затыкать пробоины телами!
За нами гонится эскадра по пятам,
На море штиль — и не избежать встречи...
Но нам сказал спокойно капитан:
«Еще не вечер!»
Вот развернулся боком флагманский фрегат —
И левый борт окрасился дымами!
Ответный залп — на глаз и наугад! —
Вдали — пожар и смерть, удача с нами!
Из худших выбирались передряг...
Но с ветром худо и в трюме течи...
А капитан нам шлет привычный знак:
«Еще не вечер!»
На нас глядят в бинокли, трубы сотни глаз —
И видят нас, от дыма злых и серых...
Но никогда им не увидеть нас
Прикованными к веслам на галерах!
Неравный бой... корабль кренится наш...
Спасите наши души человечьи!
Но крикнул капитан: «На abordаж!
Еще не вечер!»
Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза —
Чтоб не достаться спрутам или крабам,
Кто с кольцом, кто с кинжалом, кто в слезах —
Мы покидали тонущий корабль!..

Но нет — им не послать его на дно!
Поможет океан, взвалит на плечи!
Ведь океан-то с нами заодно!
И прав был капитан —
еще не вечер!

В. Высоцкий

Я не очень помню подробности этой драки. Командир из меня тогда был никакой, и хорошо, что мои ребята в командах и не нуждались.

Урса мы раскроили, как нож гильотины — брусок масла, после чего они мгновенно разделились на две части. Одна часть урса побежала откуда пришла. Вторую мы прижали к скалам и изрубили в считанные минуты. К этому времени я обрел связность речи и мысли, но взять команду на себя опять не успел, потому что на нас навалились с трех сторон не меньше полутысячи — подошло подкрепление, и, конечно же, не к нам...

¹ Музыка М. Блантера, стихи М. Исаковского.

Дальше — опять провал. Я знаю, что дрался, но не помню — как. Кажется, до скал мы добирались вместе, а там рассеялись. Окончательно я «включился», когда понял, что тащу на себе, закинув его руку на плечо, Игорька Мордвинцева. Он вроде бы шел сам, но из головы у него хлестала кровь, заливая мне плечо и лицо. Где-то на краешке сознания я удивлялся, сколько в человеке может быть крови... Танюшки рядом не было. Надо было остановиться, перевязать Игоря, но это оказалось невозможно — урса шли за нами по пятам. Позади меня держались Сергей со своей Ленкой и Колька Самодуров — он тоже потерял Вальку и вообще в правом плече сзади у него торчала толла. Ольга Жаворонкова помогала ему идти.

Сергей догнал меня.

— Не уйдем с ранеными, — сказал он.

Вместо ответа я спросил:

— Где остальные? Остальные живы?

— Не знаю, — помотал головой Сергей. — Я не видел.

— Танька где?

— Не видел, я говорю!.. Олег, не уйдем мы с ранеными.

— Так что же — бросать их?! — огрызнулся я. Под курткой у меня текла кровь Игоря, текла в штаны, текла по ноге, в сапог...

— Олег, — сказал Игорь, и я наконец-то посмотрел, что у него с лицом. Голова у него была разрублена наискось, череп расколот, а вторая рана обнажала в рассеченном левом плече легкое, пузырящееся розовой пеной. — Хватит, положи меня. Все кончено. Я отыгрался.

Врать я уже не мог. Да и не хотел, да и нечестно это было. Я просто тащил его, но Игорь вдруг потяжелел еще сильнее и попросил:

— Олег, не мучай меня. Очень больно.

И повис совсем. Окончательно, только еще дышал — с хрипом, с клекотом.

— Умирает, — сказал я и потащил его в сторону с тропки, в кусты. — Сергей, дальше, води дальше!

— А ты?! — Он кусал губы.

— Я останусь с ним, потом нагоню... Мотайте отсюда! Сергей, не сходи с ума — уходи, я догоню!..

...Я втащил Игоря под вывороченные корни. Он опять пришел в себя и, нашарив мою руку, сказал:

— Темно... Олег, Ирка остается одна...

— Все будет нормально с ней, — пообещал я. — Я клянусь.

— Как обидно, — на губах Игоря лопнул кровавый пузырь, он широко зевнул. По дороге пробежали урса, но я это слышал как-то очень-очень отдаленно, словно все это меня не касалось.

— Что остается от сказки потом — После того, как ее рассказали? — спросил Игорь.

Потом он умер.

...Я догнал наших примерно через километр. Но урса догнали их еще раньше. Кажется, Колька совсем ослабел, а остальные не бросали его до последнего.

В общем, я метров за двести увидел, как Сергей пятится перед десятком, не меньше, урса — они не спешили нападать, потому что на тропе по пути Сергея лежали уже три или четыре трупа. Ленка прикрывала Сергею спину с рапирой наперевес.

Чуть ближе ко мне Колька, держа топор в левой, тяжело отмахивался от урса, наседавших на него и отрезавших его от остальных. Ольга, прижатая к кустам на обочине, вращала корду в обеих руках, рубя с потягом.

Я опоздал... Колька завязил свой топор в основании шеи одного из урса, не смог — с левой — быстро его выдернуть... Асегай ударил его в бок под вытянутую руку. Колька отпустил топор, схватился за ландскетту, его ударили в спину, и он упал. Уже на бегу я увидел, как он, приподнявшись, всадил выхваченный левой рукой охотничий нож в ступню одного из урса.

Каким-то невероятным усилием Олька пробилась к лежащему, раскидав урса, — и, встав над ним, отчаянно рубила кордой. В нее начали бросать толлы, и я, не добежав каких-то двух десятков шагов, увидел, как она закачалась и, осыпаемая ударами клинков, упала, прикрывая Кольку своим телом.

Наверное, их изрубили бы в куски, но тут я наконец добрался до урса. Они очень увлеклись, поэтому я прикончил троих раньше, чем они опомнились, — одному снес руку с плечом, второму перерезал горло дагой, третьему всадил палаш между лопаток — и тоже не сразу освободил лезвие.

Ятаган раскроил мне левое плечо и грудь под ключицей. Ликующий вопль захлебнулся — дага вонзилась в орущую пасть урса, скрежетнув о позвонки. Замахнувшийся топором схлопотал пинок в живот — такой, что его унесло в кусты, а в следующий миг я, в приседе крутнувшись волчком, подсек коленки еще одному и вывалил ливер другого ему же под ноги. Третьего я отоварил в висок кулаком с зажатой в нем рукоятью даги — он свалился без звука.

Потом я метров пятьдесят гнался за убегающими урса, почему-то не догнал — и, остановившись, обнаружил, что у меня в правом бедре торчит толла. Лезвие ощутимо скреблось о кость, и я, вырвав толлу, вскрикнул и выругался.

Ленка старалась остановить кровь, хлеставшую из раны в боку у Сергея. Какой-то урса уползал, пачкая за собой траву кровью и поносом, в кусты. Я догнал его и, наступив на спину, рывком за спутанные жесткие волосы переломил ему позвоночник. Потом подошел к нашим.

Олька была мертва. Это я понял сразу — в горле у нее торчала толла, это не считая всех остальных ран. Я оттащил ее в сторону — правая рука слушалась плохо, ее окатывали волны боли, от которых мутилось в глазах, а земля начинала казаться толстым слоем резины.

Олька напрасно пожертвовала собой. Серые глаза Кольки равнодушно и внимательно смотрели сквозь меня куда-то... не знаю куда. Может быть, туда, куда уходят все окончившиеся сказки?

Я нагнулся ниже — закрыть ему глаза. И упал в глубокую-глубокую яму, откуда меня вытащил Сергей — он волок меня, как я недавно Игоря, а одновременно бил по щекам свободной рукой.

— Пусти, я сам пойду, — прохрипел я, с удивлением обнаружив, что сам несу свой палаш, хотя руку ощущаю плохо. Я кое-как был перевязан, сам Сергей — тоже. Идти, впрочем, мне не хотелось. После того, как за полчаса на моих глазах погибли трое моих друзей, мне хотелось умереть, только как-нибудь так, чтобы не прилагать к этому усилий... и не очень больно, потому что и так уже хватит боли...

Я волокся куда-то сквозь эту боль, как сквозь густой, горячий, приторный кисель. И ненавидел себя за то, что я еще жив, когда все мертвы, что у меня не хватает духу вонзить дагу себе в сердце, так легко и просто — еще чуточку боли, а потом — покой и тишина...

— Сергей, убей меня, — попросил я его. Он выругался и покосился на меня дико.

Потом я увидел Танюшку. Она вышла навстречу из-за кустов, а следом еще кто-то, и еще — и еще несли носилки, на которых лежала Кристина, я узнал ее сразу.

— Ты весь в крови. — Танюшка уронила залитую кровью корду, и та вонзилась в землю.

— Это не моя кровь, это Игоря. — Я забыл о том, что и сам ранен, поискал глазами Ирку Сухоручкину и сказал: — Ир, Игорь убит, — потом мой взгляд наткнулся на Вальку Северцеву, и я добавил: — И Колька убит тоже...

Ирка заплакала, спрятав лицо в ладонях. Валька рассеянно посмотрела вокруг, покусала губу.

— Значит, и брат, и парень... — Она медленно улыбнулась.

А потом вогнула стилет, который держала в левой руке, себе под левую грудь.

«Ну и правильно», — подумал я. И снова потерял сознание.

В последующие несколько часов на вынужденном привале я еще несколько раз приходил в себя и отрубался. То ли от потери крови, то ли от нервного перенапряжения... В бездонном безвременье ко мне приходили Олька, Игорь, Колька — живые, и тоскливый ужас выталкивал меня «на поверхность».

Кто-то принес трупы — сходили, не побоялись. Это было правильно. Похоронить их по-человечески — мы были обязаны сделать это... Вроде бы плакал Андрюшка Соколов — а потом оказалось, что это правда. И еще оказалось — его Ленка Черникова погибла буквально в шаге от него, ей разрубили голову топором...

Не было Вадима. Не было Джека, не было Ленки Власенковой с Олегом Крыгиным. И Сережки Лукьянко с Вильмой не было тоже, и Богуша, и Наташки Бубненконой...

Была ночь. Глухая, полная барабанов где-то неподалеку... или, может, вдалеке, по здешним ущельям звуки разносятся странно... Черная, полная вязкого ужаса — ночь... Клинок выскальзывал из моих ножен снова и снова, падал передо мною, словно шлагбаум... Это было хуже смерти, это было нечестно — такая мука от мысли, что я привел своих друзей сюда на смерть. Я не хотел, я не мог хотеть их гибели — я всего лишь пытался остаться собой... или стать кем-то лучшим, чем раньше...

Я заплатил. И, наверное, еще не все.

Бездна мучения... Интересно, каков был конец всех вождей, князей, конунгов, королей этого «мира низачем»?.. Чарльз, принц Великобритании и король Срединного Королевства, погиб раньше, чем его настигло это отчаяние...

Как же ему повезло.

— Олег, вставай.

Я безучастно поднял глаза. Танюшка стояла передо мной, тоненькая, сильная и прямая, как выкованный из стали восклицательный знак, держа руку на поясе. Левая рука (рукав куртки оборван у плеча) была замотана повязкой от локтя и выше. Повязка намочена от крови...

И ее ранили.

— Зачем? — спросил я.

— Надо хоронить наших и идти дальше.

— Зачем? — повторил я. — Все кончено, Тань.

— Не смей так говорить, — тихо, но упрямо сказала она. — Мы же погибнем без тебя, Олег...

— Пусть ведет Саня... — Я поморщился. — Андрюшка вон Альхимович... А меня оставьте. Я кончился.

— А я? — так же тихо и упрямо спросила она. — Что прикажешь делать мне?

— Что хочешь, — равнодушно отозвался я. — У нас больше ничего не будет, Тань, пойми же ты это. Мы будем идти и идти по этому проклятому миру, убивать, убивать, убивать — и умирать сами... в этом смысл жизни? Потом придут другие, будут убивать и умрут... Вон Валька решила правильно. Я бы тоже так сделал, но я боюсь...

— Не смей так говорить! — Она топнула ногой. — Я же знаю!.. Мы же люди!..

— Мы не люди. — Я вздохнул. — Мы копии. Картинки на экране. Пешки на доске... Настоящие Олег и Танька там. Там. Они там и живут по-настоящему. А мы — мы какая-то еба...ая игра. Просто чья-то игра в войну, Тань... Оставь меня в покое. Все.

Танюшка стояла на том же месте... но словно бы отодвинулась.

— Помнишь, — задумчиво спросила она, — мы говорили о рыцарях? О справедливости. О борьбе?

— А... — Я усмехнулся. — Да. Говорили. Чушь...

— Так вот. — Она покусала уголок губы острым белым зубом. — Ради той чуши... Нет, погоди. Я тебя люблю. Просто так люблю. Но ради той чуши, Олег, я еще и уважала тебя. Ради той чуши стоило жить. — Она вдруг по-мальчишески сплюнула и без насмешки

сказала: — Жалко смотреть, когда кто-то оказывается недостойным своей же мечты... — Она повернулась, чтобы уйти. Но, наверное, ей тоже было больно и тошно, потому что она добавила мне — уже через плечо: — Ну кто прыгнет выше радуги? Эх, ты!..

Какие-то несколько секунд я смотрел в ее удаляющуюся прямую спину. Но за эти секунды перед моим мысленным взором пролетел калейдоскоп картинок. Странно, просто несколько фрагментов из недавно вышедшего фильма «Выше радуги не прыгнешь», который очень нравился мне... и Танюшке. Словно кто-то продернул перед глазами склейку из отдельных ярких кадров. Веселый такой и немного грустный фильм о... ни о чем... и обо всем... и о нас, и о том, что...

— Тань, что ты сказала? — спросил я в спину. Наверное, что-то такое... ну, *такое* было в моем голосе. Потому что она обернулась. — Повтори, что ты сказала.

— Кто прыгнет выше радуги? — с вызовом повторила она.

— Да сам же Радуга и прыгнет, — ответил я. Вздыхнул. И поднялся. — Ладно. Пошли. Попробуем... прыгнуть выше радуги.

* * *

Убитых мы похоронили в расщелине под скалой недалеко от места последнего бивака. Им не досталось даже коротких надписей — мы боялись, что урса разроют могилу.

Но, пока мы живы, мы их не забудем. Это тоже — памятник.

Никто и не думал жаловаться, когда я объявил, что надо идти дальше. Мне почему-то казалось, что все видели мою слабость, но то ли никто внимания не обратил, то ли не хотели вспоминать.

Кристина была тяжело ранена — не считая мелких «царапин» (которые *там* уложили бы любого в койку). Асегай пробил ее тело в районе солнечного сплетения. Ольги с нами больше не было, но и так все понимали — доставать его нельзя. Мне почему-то лезли в голову строчки из «Книги будущих командиров» — как фиванский полководец Эпаминонт был ранен при Мантинее: дротик попал ему в грудь, и он приказал обрезать древко, чтобы оно не качалось и не причиняло лишней боли. Потом, после боя, отдав последние распоряжения, велел вынуть дротик — и после этого умер.

Кристина была без сознания. Иззубренную ландскетту с искореженной гардой из ее пальцев вытащить просто не удалось, так девчонку и несли на импровизированных носилках. Носильщики менялись, но я не мог — плечо... Мы шли через глумливо перекликающуюся барабанами ночь, словно раздвигая ее собой. Шли в тишине, чутко вслушиваясь и сжимая в руках оружие. Шли, стараясь не думать, что где-то лежат, наверное, тела других наших друзей — и их даже похоронить некому...

Что же, может быть, и мы будем скоро лежать так же. Это не причина для скулежа.

У меня снова начала промокать повязка на бедре. Кровь текла в сапог, и он захлюпал. Вот мерзость...

— Люди впереди, — неслышно подошел Арнис.

— Люди или урса? — быстро спросил я.

— Я же сказал — люди... Вроде бы наши.

...Вадим шел первым. Он нес меч на плече и покачивался, припадая на левую ногу. Следом шел Джек; потом — Ленка, Сергей, Вильма, Олег...

Мы обнялись — я, Вадим, Сергей... Надолго обнялись. Потом, отстранившись, я хрипло сказал:

— Всех вывел. Молодчина...

— Не всех. — Он посмотрел на Саню, который подошел к нам и остановился чуть в стороне. — Саш, Наташку убили... Игорь, — окликнул он Сморча, — слышишь?

— Слышу, — деревянно откликнулся вместо него Саня.

— Мы на тропинке столкнулись... — Вадим прикрыл глаза, перевел дух. — Ее асеем в горло, она сразу упала... Мы ее вытащили, но... — Он махнул рукой.

— А где Богуш?! — отчаянно крикнула Наташка Мигачева.

— Богуш... — Вадим снова прикрыл глаза. — Если бы не он, мы бы все там остались... Они навалились, Джек упал... — Я заметил, что у англичанина рассечен висок, волосы слиплись в кровавую сосульку. — А он встал там... с кистенем, и не подпускал... Ему... — Вадим скрежетнул зубами, качнулся, — ему голову с маху... Но он пять или шесть штук успел свалить и нас прикрыл...

Наташка зарыдала. Ленка Власенкова, подойдя, обняла ее. Вот так, а я и не замечал, что она неравнодушна к поляку...

— Где Олька? — спросил Вадим. — Пусть перевяжет, не могу больше...

— Она больше никого не перевяжет, — сказал Сергей. — Ее убили... И Кольку, и Игоря, и вообще... — Он шмыгнул носом и скривился.

— Я перевяжу. — Ингрид, державшаяся, как всегда, рядом с Бассом, подошла к нам. — Я хорошо умею...

— Тогда держи. — Сергей отдал ей Олькин мешок. — Работай.

* * *

Жоэ был честен. Он ждал нас, пока мог.

Сожженная наполовину каравелла лежала боком на мели. Песок был истоптан и почернел от крови, валялся разный мусор. Вяло чадил большой костер — остаток ниггеровского пиршества. Тут же, у черного борта корабля, лежали несколько голов.

Жоэ был третьим слева.

Мы одновременно подняли головы. Там, где стояла крепость, тянулись в утреннее свежее небо столбы дыма.

— Север... — Я осекся. — Джек, посмотри — нет ли там живых.

— Да, — кивнул он.

— Корабль сожжен. — Саня попинал борт, тронул его пальцем, с гримаской вытер испачканную руку о песок. — А нас двадцать два человека...

— Двадцать один, — подошла Ингрид. — Кристина умерла.

— Достаньте ассегай, — приказал я. — И похороните ее.

Но потом не выдержал, пошел сам посмотреть.

Пальцы Кристины после смерти разжались, и ландскетта выпала. Я поднял шпагу, помедлил... положил ее на грудь девчонке. Мышцы ее красивого лица расслабились, нижняя губа чуть отвисла — и от этого Кристина казалась обиженной...

...Джек со своими прикатил из крепости четыре больших глиняных сосуда и принес моток веревки.

— Плот, — сказал он. — Надо строить плот, иначе погибнем. Не спрячемся. Остров-то небольшой... У нас есть время — немного, но есть, они пока сюда не додумаются вернуться.

— Через пролив на плоту? — Фирс покачал головой.

— Тогда можешь вернуться в горы и еще несколько дней по ним побегать, — отрезал я. — Ладно. Похороните Кристину — и за работу!

* * *

— Еды мало. — Ленка Власенкова тоже получила свое, она была ранена в левое плечо и в левое запястье. — Воды в эти кувшины войдет литров по пятьдесят, всего, значит, двести, если по литру в день — это всем на десять дней. Думаю, хватит за глаза, а еды мало.

— Поголодаем, — отрезал я, тревожно оглядывая холмы и лес на них. — Я вообще не жрать готов, лишь бы отсюда подальше...

— Логично, — вздохнула она. — Ладно. Пойду укладывать, а то побросают как попало...

«Вот и все, — подумал я. — Два часа — и все. Мы уже ни про кого не помним. Дела и

надо укладывать груз...»

— Есть одна опасность, — раздался голос за мной, и я повернулся. Джек стоял около меня, машинально оттирая руки от черных пятен смешанной с грязью и гарью смолы. — Нас может подхватить течение. Плот не выгребет, не корабль.

Джек говорил тихо и спокойно. Поэтому и я ответил так же:

— Тогда что?

— Тогда — Мальта. Пантеллерия. А дальше — Балеарские острова. Только до них есть риск уже не доплыть. Или, может, нас кто-нибудь подберет.

— Шансы?

— На благоприятный исход? Три из десяти... Надо еще все фляжки наполнить... Знаешь, князь, а умирать-то не хочется.

— И тебе? — хмыкнул я.

— И мне... А все-таки, — он сощурил глаза, — на юге что-то есть. Недаром они так бросаются на всех, кто идет туда!

— Недаром, — согласился я. Потом задумчиво сказал: — И все-таки еще странно они появились. Ведь не было их. И вдруг на тебе! Как с неба...

С плотом наши спешили, но делали его прочно. Море — это море... Плавника, обкатанного ветром, песком и водой, на берегу хватало, и все вкалывали — кроме девчонок, которые несли стражу и пытались напоследок поохотиться (аркебузу Вальки Северцевой взяла Наташка Мигачева) да подсобрать травок и кореньев. Таскали воду в кувшины, набирали фляжки...

Плот нарастал на мелководе.

— А все-таки я вернусь, — тихо, но упрямо сказал я.

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копьемосца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошел позвать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, веселой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.
Я не оскорбляю их неврастением,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули
Когда волны ломают борта,

Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать что надо.
И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: я не люблю вас,
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти и не возвращаться больше.
А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелит взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокую, милую жизнь,
Всю родную, странную землю,
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.

Николай Гумилев

...— Земля!

Я открываю глаза.

— Земля... — Сергей не кричит, как мне сперва показалось, а хрипит эти слова. На потрескавшихся губах — капельки крови.

Я тяжело приподнимаюсь. Те, кто еще может, встали, остальные смотрят лежа или сидя.

Огромное алое солнце садится за острую, изломанную от скальных пиков линию земли. Это не остров — она уходит вправо и влево, сколько хватает глаз. Плот медленно, но верно несет к ней.

Сил у меня больше нет. Но, кажется, мы все-таки будем жить.

Рассказ десятый

Зима — холодное время

...Не разжалобит слеза
Те зеркальные глаза,
Вместо капель упадет
Снег.
Неужели в той стране
Ты забудешь обо мне?!
Там холодный ветер дышит,
И меня никто не слышит...

Из мюзикла «Снежная королева»

Песен, еще не написанных,
Сколько? Скажи, кукушка, пропой.
В городе мне жить или на выселках
Камнем лежать или гореть звездой, звездой.

Солнце мое, взгляни на меня,
Моя ладонь превратилась в кулак.
И если есть порох, дай огня

Вот так.

Кто пойдет по следу одинокому?
Сильные да смелые головы сложили в поле, в бою.
Мало кто остался в светлой памяти
В трезвом уме да с твердой рукой стою, в строю.

Солнце мое, взгляни на меня,
Моя ладонь превратилась в кулак.
И если есть порох, дай огня
Вот так.

Где же ты теперь воля вольная?
С кем же ты сейчас ласковый рассвет встречаешь,
Ответь.
Хорошо с тобой да плохо без тебя,
Голову да плечи терпеливые под плеть, под плеть.

«Кино»

Пламя костра казалось особенно ярким в ледяной зимней ночи. Оно весело выплясывало над большой грудой хвороста, от которой плыли сквозь лес волны запаха. Пахло жареным, чуть пригорелым мясом.

Этот запах сводил с ума и мучил меня куда больше, чем почти тридцатиградусный мороз. К морозу я последнее время притерпелся. Не привык — привыкнуть к нему нельзя. Притерпелся.

Деревья стояли мертво — колоннами неведомого храма, в котором служат для злого божества стужи. Безжизненным кружевным плетением черного металла поблескивали под луной заиндевевшие ветви кустов подлеска. Я лежал в сугробе в пяти метрах от костра. Лежал уже третий час, держа дагу в левой руке.

Урса у костра было всего шестеро. Они жарили оленя и до этого наверняка сытно ели.

Я ел последний раз три дня назад...

...Последние месяцы были крайне неудачными. Просто фатально. А если считать невезением еще и Крит — то нам не везло все полгода.

Мы высадились где-то в районе устья Сангонеры — на испанском берегу, южнее Валенсийского залива (нас несло все-таки гораздо быстрее — на наше счастье! — и намного южнее, чем мы рассчитывали). Мы недолго думая двинулись вдоль побережья в сторону Гибралтара. Лаури, конечно, не отказал бы нам в зимовке, и мы собирались добраться до Скалы в середине октября.

Урса встретили нас буквально через день после начала движения, и мы вынуждены были резко повернуть на север, в глубь материка. После этого урса не отставали от нас две недели и потеряли только в Иберийских горах. Несмотря на то что надвигалась настоящая осень, я увел людей в Пиренеи, еще дальше на север, намереваясь зазимовать там, — на Пиренейском полуострове содержание урса на квадратный километр было неожиданно непереносимым.

Самым неприятным же было то, что мы все-таки устроились на зимовку во вполне уютной пещере и даже начали поспешно собирать запасы. Тут на нас вновь обрушились урса, заставляя уходить на север все дальше и дальше.

В середине ноября мы переправились через Гаронну. Я надеялся, что тут не должно быть суровых зим — юг Франции! — но именно тогда ударил свирепый мороз. Потом повалил снег, мороз ослабел, но, когда все леса засыпало чуть ли не на высоту двухэтажного дома, мороз ахнул вновь.

Лесные обитатели словно повымерли. Казалось, мир вообще опустел, и в холодных,

мертвых лесах остались только мы и урса. Охота была не просто плохой — отвратительной, эти ублюдки помимо всего прочего распугивали зверье. Последний раз я ел (одно название) три дня назад, перед тем, как отправиться на охоту из нашего лагеря. Разошлись все мальчишки, поодиночке, чтобы прочесать больше площади.

Для себя я решил, что без добычи просто не вернусь. И вот этим — третьим — вечером я наткнулся на урса.

Их было шестеро. Дозор или разведка... Они жарили добытого оленя. А я ждал. Ждал, потому что не был уверен, что справлюсь с ними шестью в том состоянии, в котором был сейчас. Олень должен жариться долго. Не будут же они ждать все это время, уснут, оставив дежурного...

Но эти мрази не спали. О чем-то бесконечно трепались и не спали. А олень, судя по всему, уже был готов.

Время от времени я шевелил пальцами ног. В общем и целом все было неплохо, вот только части лица я не чувствовал. И пальцев левой руки — ими я держал дагу, и они были не в рукавице, а в перчатке — почти тоже не ощущал.

Никогда не думал, что может так хотеться есть... что даже уже не хочется, только слабость во всем теле. Если и у остальных так же — то каково девчонкам?!

Один из урса, привстав с груди хвороста, потыкал толлой в оленя, сказал что-то... «Сейчас будут жрать», — подумал я.

И пополз к огню. Медленно и плавно — так, что смотрящим со стороны, да еще и от огня, едва ли что-то будет видно, кроме снеговой черноты.

Шестеро. И олень. Олень. Олень.

Я оставил на снегу, отпихнув ногой, меховой плащ. Ну давай, не подведи, ведь есть же в человеческом организме какие-то чертовы резервы, не все же я потратил на трехдневные мотания по лесам...

Урса, сидевший чуть наискось, боком ко мне, как раз бросил взгляд в сторону — и онемел, окаменел. Вообще-то можно представить себе, что ему увиделось: выдвигающийся из морозной тьмы силуэт с белым лицом.

Закричать он не успел. Моя дага, легко пробив грязный меховой ворох на спине сидящего ко мне задом урса, вошла ему в бок до рукояти. Урса завалился назад, но я, успев выдернуть оружие, перекатился через плечо и ударил ногами в грудь еще одного, а тому, который меня первым увидел, длинным махом перерезал горло ниже кадыка.

Трое оставшихся успели вскочить одновременно со мной. Но между ними и мною был костер. Я перехватил руку с ятаганом у того, который оказался ближе, почти танцевальным движением вышел ему за спину, ударом под колено сбил с ног и, вогнав дагу в затылок, молниеносно выдернул. Труп упал под ноги двоим еще живым, один споткнулся, второй шарахнулся в сторону, и вот этого-то я достал — точно в левый глаз. Отскочил. Заметив движение сзади — это встал тот, которого я сбил ударом ног, — пропустил мимо удар топора, и урса сам сел боком на выставленную дагу.

Ударом ноги в подбородок я опрокинул на спину так и не успевшего распрямиться последнего урса и, упав на него сверху, своей тяжестью вогнал дагу ему слева между ребер.

И потерял сознание...

...Я очнулся, скорей всего, через несколько минут. Потрескивал костер. От урса воняло, я подбородком уткнулся в его оскаленный рот и, кажется, рассек себе кожу о его зубы. Оттолкнувшись, я свалился в снег и понял — пальцы на рукояти даги не разжимаются. Разогнул их по одному, с трудом, словно они были сделаны из толстой проволоки. «Поморозился», — почти равнодушно подумал я и, вырвав дагу из трупа левой рукой, перебрался к туше оленя.

Он зажарился сверху, даже подгорел, но я не заметил этого, отхватывая дагой плоские ленты мяса и с горловым рычанием набивая ими рот. Однако после первых двух кусков я заставил себя затормозить, сообразив, что меня сейчас вырвет. Я сел на грудку хвороста и, скрючившись, стал молча пережидать дикую, мучительную боль в желудке, про себя

приговаривая: «Терпи, терпи...» Желудок удержал мясо, и я, зачерпнув правой рукой снег, заел им мясо. Подбородок начало щипать, я посмотрел на пальцы — на них осталась кровь. Рассек все-таки...

— Надо идти, — сказал я, поднимаясь.

Меня отделяло от нашего лагеря километров двадцать промороженного, засыпанного снегом леса, которые я должен был пройти с десятью-пятнадцатью килограммами за плечами.

Килограммами, которые я не могу, не имею права бросить... И не знаю, смогу ли унести. Раньше — унес бы. Но сейчас — ноги дрожат, тянет в сон от еды, проглоченной наспех, и эти еще не пройденные километры уже висят на ногах свинцовыми колодками...

Я убрал дагу. Затянул плащ, поднятый со снега и успевший настыть. И, наклонившись, рывком взвалил на плечи сброшенную в снег тушу.

* * *

Волки появились часа через четыре, когда я, ориентируясь по звездам в проемах черных ветвей, уже прошел половину пути. То есть я слышал их вой издали и понимал, что он приближается, но старался не обращать на это внимания, хотя было ясно: запах жареного мяса в лесу они учуяли давно. И со следа не сойдут.

Я перешел замерзший ручей и поднимался на склон, когда инстинкт заставил меня оглянуться.

Волки — семь поджарых, но одновременно пушистых, рослых, могучих зверей — стояли на опушке за ручьем. Ровной линией, перпендикулярно к моему следу. Стояли и смотрели в мою сторону.

— Так, — сказал я, спиной отступая выше. Волки не двигались. Но они видели меня — и этим все было сказано. — Эй, — окликнул я их, сбрасывая оленя в снег, — разойдемся в стороны. Вы обратно, я вперед. Ну?

Они слушали. Они *действительно* слушали. Странно, но отсюда я видел, что у них желтые глаза. Страшные, красивые и внимательные.

Я вытащил из ножен палаш и протянул его перед собой — клинок превратился в моей руке в живую полосу лунного света. Казалось, по лезвию бегут на снег серебряные капли.

— Я не хочу вас убивать, — сказал я, и мои слова эхом вернулись ко мне от молчаливой стены леса. — Ищите себе добычу в другом месте.

Я очень устал. Меня шатало, словно только что сброшенная тушка и помогала мне держаться на ногах, увеличивая вес. Мне почему-то вспомнились лыжи, которые были у нас в прошлом году и которые мы оставили на Карпатах. Думали, что сделаем новые. Не сделали, некогда было... А я так и не выучился на них ходить поприличней...

Ну, сейчас это уже несущественно.

Семь штук. Много... Они будут подниматься на склон веером, ровной цепочкой. И нападут по кругу... Я оглянулся — до ближайших солидных деревьев было далеко, но успею добежать, чтобы прижаться спиной... Нет, если бросить оленя — точно успею.

Я покрутил палаш в руке. И остался стоять на месте.

Неспешной трусцой волки добрались до начала подъема. Синхронно сели на хвосты вместо того, чтобы начать атаку. Вскинули морды, продолжая разглядывать меня.

Потом тот, что сидел в самом центре, поднялся на ноги и пошел вверх. Неспешно, как и раньше, опустив морду к снегу, к черным овалам моих следов. Потом — когда ему оставалось метра два — он вновь сел. И рассматривал меня спокойными мрачными глазами. Из ноздрей влажного черного носа вырывались коротенькие струйки пара.

Не знаю, сколько мы ждали, глядя друг другу в глаза. Наконец волк моргнул — как-то печально — и, повернувшись, пошел вниз. Не останавливаясь, прошел через строй своих товарищей — и двинулся к лесу. А шестеро остальных — попарно из центра, четко, как на

параде — поднимались и уходили за ним.

Я тяжело убрал палаш. Несколько секунд еще всматривался в мельтешение теней на опушке. И нагнулся за тушей оленя.

* * *

Не помню, как я — уже в рассветной инеистой мути — прошел последний километр. То есть вообще не помню. Просто я ткнулся лицом в какие-то странные густые кусты, чуть не выколов себе глаза, не смог пролезть и побрел в обход. Меня швыряло на ходу из стороны в сторону, я уже не вытаскивал ног из снега, а бороздил ими белые завалы.

— Танюшка! — заорал кто-то (меня качнуло назад, в сторону от голоса). — Танюшка, иди скорей! Олег поморозился!..

...Меня привела в себя боль в левой руке и левой стороне лица. Боль была ужасная, казалось, что меня жгут головнями, а главное — она не утихала, беспощадно вгрызалась в тело, полосовала его огненными бичами.

— Огонь... уберите огонь, не надо... — застонал я, не открывая глаз и не понимая, что со мной происходит. Урса? Меня пытаются? Но почти тут же знакомый и родной голос Танюшки ласково зашекетал мне ухо:

— Потерпи, Олежка, потерпи, родненький... теперь все будет в порядке, только потерпи...

— Больно, Тань, — пожаловался я и снова застонал без слов — боль нарастала, хотя это, казалось, было просто невозможно.

Левый глаз у меня не открывался, но правым, распахнутым, я увидел, что Танюшка (мы с ней были в одном спальнике недалеко от огня, у снеговой стены) щекой лежит на моей левой щеке, дыша мне в нос. Моя левая рука, судя по ощущениям, пробивавшимся сквозь дикую боль, находилась у нее между бедер.

Она меня отогревала своим теплом. Но признаюсь — я не испытывал благодарности: только боль. Танька казалась мне живым кипящим свинцом.

Пределы человеческой выносливости все-таки существуют. Я просто не в силах был больше выносить этой муки.

Я завыл. Частичкой мозга я понимал, что Танька спасает мне руку и лицо, но сделать ничего не мог, не мог заставить себя замолчать.

Я орал. Танюшка плакала и утешала меня. Хорошо еще, хватало воли не вырываться.

— Орет?

Я увидел сперва меховые сапоги и низ длинной куртки, потом — исхудавшее лицо Вадима. Его темные от мороза и ветра губы улыбались, в глазах отплясывало вприсядку пламя костра.

— Орет, значит, будет цел, — он наклонился: — Ингрид уже собиралась тебе руку резать.

— Е... — Я заткнулся. Боль не уменьшилась; терпя ее, я спросил Вадима: — Все... вернулись?

— Все, все, — кивнул он. — Еды хватит на неделю. Сыты не будем, но и не сдохнем, а там посмотрим...

— Не потеплело?

— Холодно. — Вадим посмотрел в сторону от костра. — Урса много было?

— Шестеро. — Ясно было, как он догадался об урсе. — Внимательней надо... ой мамочка родненькая, да больно же мне, больно, больно, боль-но-о-о!!!

— Терпи, — бессердечно сказал Вадим.

Танюшкины слезы кипящим металлом падали мне на щеку...

...Глаз у меня открылся уже на следующий день. Но, забегаю вперед, скажу, что моя левая рука и нос так и остались очень чувствительными к холоду. А пятна обморожения прошли лишь к концу зимы.

* * *

Снег пошел вновь. Стало намного теплее, было безветренно, и, казалось, можно бы и радоваться... но снег падал так густо и непрестанно, что это пугало. В движении бесконечных, очень больших белых хлопьев было что-то безнадежное. Словно снег решил засыпать все и всех, превратить весь мир в белесую пелену, остановить всякую жизнь — и лишь на этом успокоиться.

— Как после ядерной войны, — сказал Сережка Лукьянко. — Зима на много лет.

— Какая зима на много лет? — спросил Джек.

Сергей пожал плечами:

— Ну, так ученые говорят... Если будет ядерная война, то в небо поднимутся тучи пепла, закроют солнце... Похолодает, и начнется долгая зима. Ее еще так и называют — ядерная зима.

— Хватит тебе, — не зло, а как-то тоскливо оборвал его Сморгч.

Мы сидели за ветрозащитной стенкой с навесом вокруг большого костра. Кое-кто уже спал, скорчившись в спальнике на густо набросанном лапнике. Олег Крыгин затачивал шпагу, и равномерное вжиканье падало в тишину вместе со снегом. Над костром падение хлопьев переставало быть равномерным и спокойным, снег начинал кружиться, танцевать, а потом таял в потоках теплого воздуха. Это было даже красиво.

— Надо идти на юг, — сказал Саня. Он сидел напротив меня, волосы сосульками свисали на лицо, путаясь с тенями. Казалось, что они шевелятся. — Мы не выдержим тут всю зиму.

— На юге урса, — сказал Вадим.

— Зима, — возразил Саня, — зимой они тут не остаются постоянно... Олег убил шестерых, а они даже не чухнулись. Ушли, конечно.

— Куда ушли, конкретно? — уточнил я, не поднимая глаз. Мне хотелось есть, но это чувство было далеким и даже уже привычным.

— На юг, — повторил Саня.

— Зимой мы не перейдем Пиренеи.

Саня промолчал, плотнее закутавшись в одеяло, наброшенное на плечи. Он и сам это знал.

— Мы переживем эту зиму, — упрямо, почти заклинающе сказал я. — Верьте мне. Переживем.

Танюшка обняла меня, прижалась. Я закутал ее и себя плащом, прикрыл глаза. Тепло костра гладило лицо, и я подумал, что это немного похоже на солнце. Только вот обмороженная часть лица начала болеть, и я, с досадой открыв глаза, отстранился.

Было совсем тихо, даже Олег перестал затачивать шпагу. Танюшка спала у меня на плече, съжившись под плащом. Вильма глядела в огонь расширенными, остановившимися глазами.

Снег продолжал валить. Мне в голову полезли слова Сережки Лукьянко о ядерной зиме. Сейчас бы раздеться, сейчас бы вымыться, сейчас бы на солнышке полежать... А тут даже в туалет сходить проблема, подумал я тоскливо. Снять штаны — уже подвиг...

В щели навеса я увидел, что возле деревьев сидят волки. Не знаю, те или не те, которые не тронули меня в лесу. Они сидели на хвостах и смотрели сюда.

— Ждут, — хмыкнула Вильма. — Как думаешь, князь, дождутся?

— А что, страшно? — усмехнулся я.

— Да нет... Какая разница...

— Думаю, не дождутся. — Я потихоньку перевалил Танюшку на лапник, плотнее укрыл плащом — она не проснулась, только поворочалась и что-то буркнула. — Топлива-то хватит?

— Хватит, — успокаивающе ответила Вильма, подбрасывая в костер пару полешек. —

Ложись спать.

— Неохота, — признался я. — Посижу еще...

Вильма с Серым сегодня были часовыми. Сережка Лукьянко, кстати, как раз вошел в проем навеса снаружи — весь в снегу — и сел у огня, ожесточенно сдирая с рук меховые рукавицы. Откинул капюшон.

— Небось сами не рады, что с нами связались? — поинтересовался я.

— Кто скажет, где лучше, где хуже? — философски высказался Сергей, протягивая руки к огню. — Мы по крайней мере еще живы, князь.

— «Князь», — хмыкнул я, вороша палкой угли с краю костра. Угли стреляли синеватыми язычками пламени, а потом на конце палки расцвел алый огонь. — «Жили двенадцать разбойников, жил Кудеяр-атаман...» Читал?

— «Кому на Руси жить хорошо», — кивнул Сергей. — Следствие по этому вопросу еще будет проведено.

— Юморист. — Я бросил палку в огонь. — Лен, ты спишь?

— Тебе какая нужна? — буркнула Власенкова. Она тоже еще не спала.

— Ты, — определил я.

Ленка вяло погрозила:

— Я Олегу скажу, что ко мне пристают.

— Какому Олегу? — со смехом поинтересовался Сергей.

— С едой что? — вполголоса спросил я.

— П...ц, — также вполголоса ответила она. — По мелочи дня на два осталось, только чтоб с ног не попадать... — Она вздохнула: — Ну до чего же тут охота мерзкая!.. Знаешь что, Олег? — она снова вздохнула. — Пора на кору переходить.

— Дожили, — обреченно сказал я. — Ну, переходить так переходить... Кажется, сосновую заболонь можно варить и есть... только воду сливать раза три... — Я вдруг засмеялся, и Ленка через секунду тоже захихикала.

— Ты чего? — сквозь смех спросила она.

— А что еще остается? — Я продолжал улыбаться. — Серый прав: мы по крайней мере еще живы!

* * *

Просыпаться по утрам всегда было трудно — я имею в виду, зимой, этой зимой. Был серый рассвет — по крайней мере так казалось, что рассвет, снег продолжал валить, почти ничего не было видно. На спальнике местами тоже лежал снег. Костер горел хотя и широким, но каким-то бледным, умирающим пламенем. Возле огня грелись несколько человек. Ленка Власенкова что-то готовила... а меня вдруг охватило чувство острой жалости ко всем своим. То ли сейчас, в утреннем неверном свете, мне так казалось, то ли на самом деле так было, но лица у всех выглядели исхудавшими и обветренными. «А ведь мы голодаем, — отчетливо подумал я. — Мы на самом деле, по-настоящему голодаем. Вот черт...»

Надо было вставать. Вставать.

— Танюшка, — я толкнул ее локтем. — Встаем.

— Я не сплю. — Танюшка завозилась. — Сейчас встаем...

...Голодному человеку холод кажется в несколько раз *холоднее*. Это действительно так. Если живешь зимой на проклятом «свежем воздухе», есть нужно много и относительно разнообразно. Или хотя бы просто — *много*. Если есть нечего — подкрадывается вялость, нежелание что-либо делать... И если не заставить себя подняться, то можно остаться лежать навсегда. Но и бесконечно заставлять себя у голодного человека тоже не получится. Мы пили омерзительную настойку из еловых иголок и веточек — средство от цинги, изготовленное Ленкой и Ингрид. Гадость была просто невероятной — наверное, хинин, и тот лучше, — но вариантов просто не имелось, как не имелось у нас и запаса овощей, как

прошлой зимой. (Станным было то, кстати, что, как я с изумлением заметил, мы вообще-то ничем не болели!) Приходилось тянуть эту фигню, причем обе девчонки стояли над душой, чтоб допивали до конца.

— Лыжами займусь, — сказал Вадим, поднимаясь и украдкой выплескивая из котелка примерно глоток остатка. — Без них все-таки плохо. Андрей, поможешь? — кивнул он Альхимовичу. Тот наклонил голову. — И еще Олега возьмем... Идешь, Фирс?

— Иду. — Олег Фирсов встал, поправляя перевязь с метательными ножами. — Дашь топор, тезка? — Он подтолкнул Крыгина.

— Держи, — Олег перекинул ему оружие. — Поймал? Че вякаешь?

Я решительно допил остаток смолистой мерзости, подышал и тоже поднялся. Надо было распределять всех по дневным работам.

* * *

Вадим был прав насчет лыж. Без них пробираться по лесу было очень трудно, я почти пожалел, что взял с собой Танюшку. Но когда я оглянулся, то обнаружил, что она совершенно хладнокровно лезет по сугробам, держа на плече заряженную аркебузу.

— Хорошая ты все-таки у меня, Тань, — вырвалось, и я смутился, но она рассмеялась и молча пожала плечами, на которые падал снег — красивыми, крупными хлопьями.

Лес. Снег. Синеватый полудень-полусумрак.

В широком плоском логу мягко позванивал ручей, выныривавший из-под гранитных глыб и почти тут же скрывавшийся подо льдом. Я присел, сдернул крагу, зачерпнул воды, пахнувшей морозом и вкусной.

— Вымер лес, — сказала Танюшка. — Ну никого... Как ты это объяснишь, Олег?

— Никак. — Я встал. Глядя с улыбкой ей в лицо, вспомнил: — «— Долго ли мука сея, протопоп, будет? — и я говорю: — Марковна, до самых до смерти!»

— Добро, Николаич, — вздохнула Танюшка, — ино еще побредем... — и, засмеявшись, добавила: — Как ты меня доставал этим «Житием...»! Я, если честно, не верила, что мальчишка в тринадцать лет может серьезно этим увлекаться. Думала — дурака валяешь, чтоб впечатление произвести... — Она вдруг перестала смеяться и задумчиво повторила: — Долго ли мука сея, протопоп, будет? — Марковна, до самых до смерти! — Добро... ино еще побредем... А слова-то великолепные... Что с ним, с Аввакумом, случилось-то?

— Сожгли, — коротко ответил я.

— Нормально, — спокойно ответила она. — Ну? Еще побредем?

— Повезло мне с тобой — как Аввакуму с его Марковной, — вздохнул я, перешагивая ручей: — Руку подать?

Она фыркнула, сделала легкий прыжок... и тяжело села в снег, удивленно моргая:

— Голова закружилась...

— Вставай. — Я поднял ее. — Есть хочешь?

— Не хочу...

— Значит, очень хочешь, — констатировал я, забираясь в поясную сумку. — На. Ешь. — Я достал полосу вяленого мяса и отвел глаза. Слышно было, как Танюшка сглотнула.

— Попролам... — жалобно сказала она.

— Ешь, Тань, — мягко сказал я. — Ешь, ешь...

Я принял у нее аркебузу и засвистел сквозь зубы.

* * *

Уже разделанную тушу огромного оленя приволокли Басс с Ингрид — почти ползком тащили по снегу сорок килограммов мяса, завернутые в шкуру. Они вернулись через полчаса после меня и Таньки (мы пришли пустые), а уже в темноте пришел Андрей Соколов. Мы

сперва переполошились невероятно — он еле тащился на негнущихся ногах — и только когда он подошел ближе, стало ясно, что его штаны превратились в ледяные трубы.

— Потом, потом... — торопливо сказал он, когда все, повскакивая с мест, бросились к нему. — Я в воду провалился... вот, — и он без предисловий сбросил со спины раньше не замеченного нами здоровенного сома метра полтора длиной. — Это из-за него, — Андрей с трудом сел — вернее, рухнул — у огня, его штаны ломко хрустнули, осыпаясь пластинками льда. — Ноги ва-аще ничего не чувствуют.

Ингрид подсела к нему, достала кинжал:

— Не бойся, ничего ампутировать я тебе не буду, а вот брюки кое-где порежу...

— Тяни так, — отчеканил Андрей. И уже тише добавил: — Их Ленка шила...

— Извини. — Ингрид смешалась.

— Значит, еще сколько-то не сдохнем, — сообщил Саня. Я покосился на него. Последнее время он был очень молчалив, а у меня это вызывало резкое опасение.

— Не только не сдохнем, — вдруг вмешался Басс, сидевший со своим «инструментом» на коленях, — но и вообще... — Он не стал пояснять, что там «вообще», и, тронув струны, запел, бросая слова в снежную ночь:

Спокойно, дружище, спокойно!
И пить нам, и весело петь.
Еще в предстоящие войны
Тебе предстоит уцелеть.
Уже и рассветы проснулись,
Что к жизни тебя возвратят.
Уже изготовлены пули,
Что мимо тебя просвистят...¹

— Комедию с несгибаемым Мальчишом-Кибальчишом разыгрываешь? — спросил Саня, и я удивился тому, каким неожиданно злым стало его лицо. Но Басс не разозлился в ответ, а спокойно, даже чуть насмешливо ответил:

— А я не вижу причин, по которым мне надо по-собачьи завывать. Хочу и пою. А пою, что хочу.

— Правильно, — одобрил Сережка, вставая, и, сбросив меховой плащ, которым он укрывался вместе с Ленкой, подал ей руку. — Ну-ка, Басс, дай что-нибудь такое...

— «Такое»? — уточнил Игорь. — Ну, вот тебе «такое». Если что не такое, то извини.

Ай, зайнька, ай, серенький,
Сам маленький, хвостик беленький...

У меня даже челюсть слегка отвисла. Я такой глупейшей песни в жизни от него — да что там от него — вообще! — не слышал. Не знаю, где он такое «оторвал». Может, сам сочинил. Но я совершенно неожиданно заметил, что у меня начинает подергиваться нога, а плечи сами собой «ходят». Сергей же с Ленкой вообще всю отплясывали вокруг костра! Причем четырнадцатилетние, вполне современные по взглядам мальчишка и девчонка, отродясь не плясавшие ничего «народного», всю «рубили» что-то вроде присядки, смешанной с хороводом, словно так и нужно, — откуда что взялось! Я вздрогнул — резкий свист свирели в руках Вадима врезался в струнный перезвон диссонансом, но тут же встроился в него и «добавил жару» в эту чушь про зайньку, творившего самые дикие вещи вроде поедания краденого сахара и надевания драных штанов на тонкие, кривые ножки. Но песня странным образом «заходила». Я и не заметил, что отплясывают — кто во что горазд — еще несколько человек. Вильма Швельде изумленно рассматривала эту картину

¹ Музыка и стихи Ю. Визбора.

расширенными глазами. А я вдруг обнаружил, что возле нас стоит Джек.

— Позвольте? — Он спросил это по-английски, улыбаясь и протягивая руку Татьяне. Та сделала бровями в мою сторону и встала. Джек положил ее руки себе на плечи, свои устроил (ах, нахал!!!) на ее талии, что-то шепнул, она кивнула — и они, нырком уйдя в сторону, понеслись вокруг костра. Под русскую народную музыку в английском народном танце (я такой видел по телику несколько раз).

Вадим, продолжая насвистывать, толкнул меня локтем. Безо всякой задней мысли, конечно, но я нахмурился, наблюдая за красивыми движениями Джека и моей девчонки.

— Подкрался к девочке-подростку, — пробормотал я, поднимаясь. — Эх, пропадай моя телега, экипаж машины боевой! Подвинься, Джек!..

...Вообще-то плясать на пустой (не первый день) желудок тяжеловато. Поэтому скоро все вновь сидели по местам, отдыхая после вызова, брошенного ночи, смерти и зиме, и слушали, как поет Басс...

Надоело
Говорить и спорить
И любить
Усталые глаза...
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса!..¹

...— А может, ты споешь, Олег? — предложила Наташка Мигачева. — Ты же вроде бы научился играть?

Басс, подлец, немедленно протянул мне инструмент.

— Но петь-то я лучше не стал, — заметил я, бросив на него многообещающий взгляд.

— Да, — согласилась Танюшка, — петь ты можешь в приличном обществе только при *очень* громком аккомпанементе. Достаточно громком, чтобы тебя заглушить.

— Спасибо, Тань, — невозмутимо ответил я, принимая инструмент, — я постараюсь аккомпанировать погромче.

Я в самом деле разучил знаменитые «три аккорда», которыми можно сопровождать любое пение вообще. И сейчас аккуратно подобрал их, а потом, решившись, негромко запел — едва ли не впервые так, один и при всех, запел то, что пришло мне в голову неожиданно:

Мальчишеское братство неразменно
На тысячи житейских мелочей...
И всякое бывает,
Но дружба непременно
Становится с годами горячей...

И я услышал, как Танюшка поддержала, негромко, чтобы не глушить меня, но ясно и умело:

Уходит бригантина от причала...
Мои друзья пришли на торжество,
И над водой, как песня, прозвучало:
«Один за всех — и все за одного!»
Один за всех — и все за одного...²

¹ Музыка Г. Лепского, стихи П. Когана.

² Музыка Н. Богословского, стихи М. Танича.

...Краем глаза я заметил, что Сережка Лукьянко поднялся и вышел наружу из нашей загородки. Вышел и вышел (ну, может, в туалет?), но я все-таки был князем — и меня словно толкнуло.

— Я сейчас, Тань, — пробормотал я уже начавшей укладываться Танюшке. Она проводила меня спокойным взглядом...

...«Снаружи» все падал и падал снег. Я на миг прикрыл глаза, посмотрел. На сугробах чернели ямы следов — Сергей ушел в лес, и я, тут же провалившись почти по пояс, зашагал за ним, мысленно ругая себя и держа ладонь на рукояти даги, а главное — пока что не очень понимая, что это Серого понесло в лес и за каким чертом я иду следом.

Сергей, как оказалось, ушел недалеко. Мне сперва показалось, что его тошнит — он стоял между двух деревьев, упершись в них ладонями без краг, и спина, обтянутая меховой курткой, вздрагивала. И лишь подойдя ближе, я понял, что Серый плачет.

Он услышал меня, обернулся. Слезы блестели на щеках дорожками, лицо подергивалось. Я думал, что он сейчас заорет на меня, но вместо этого Серый вытянул ко мне руку:

— Потрогай, — тихо сказал он, проглатывая рыдание. — Потрогай!

— Ч-что? — не понял я.

— Потрогай! — потребовал он, и я коснулся холодных пальцев, к которым пристали крошки коры. — Я живой, Олег, — он снова сглотнул. — Понимаешь? Я *настоящий*. Я живой, я хочу жить. Олег, кто дал *им* право так со мной поступить и обречь на смерть?! Я не игрушка, я люблю Вильму. Я хочу писать книги! Я отказываюсь играть в их б...ские игры! И не хочу, чтобы игры играли в меня!

Я молча слушал его. Действительно, что я мог ему сказать? Больше того, горькие, горячие слова Серого рождали и во мне бессмысленное протестное чувство — до скрежета зубов. По какому праву меня кто-то обрекает на никому не нужную гибель?! Резким жестом, сам не очень понимая, что делаю, я вытянул перед собой руки, растопырил пальцы. Мне четырнадцать лет. Вот мои руки... вот я пошевелил пальцами... я — мальчик, у меня длинные ноги... вот они, в меховых унтах... Я люблю жаренное на углях мясо и не люблю вареный лук... Мечтать мне нравится, и я боюсь темноты...

Как же так?! Кто приговорил меня?! За что?!

— Не хочу, — прошептал я. — Не хочу, не хочу...

Сергей кусал губы и плакал. Так плачут от нестерпимой обиды, когда ничего нельзя изменить.

Ловушка

— Пойдем, — сказал я, скручивая в себе тоску усилием воли. — Пойдем. Надо спать. Надо быть сильными. Я понимаю, что все это чушь, но мы должны жить. Хотя бы ради наших друзей и наших девчонок... И еще... вот что. Ты прав. Мы настоящие. Ну так давай будем жить по-настоящему. Хотя бы попробуем.

Одинокая птица — ты летишь высоко
В антрацитовом небе безумных ночей,
Повергая в смятенье бродяг и собак
Красотой и размахом крылатых плечей.
У тебя нет птенцов, у тебя нет гнезда,
Тебя манит незримая миру звезда,
А в глазах у тебя — неземная печаль...
Ты сильная птица, но мне тебя жаль.
Одинокая птица, ты летаешь высоко,
И лишь безумец был способен так влюбиться!
За тобою вверх подняться,

За тобою ввысь подняться,
Чтобы вместе с тобой разбиться,
Разбиться с тобою вместе!

Черный ангел печали, давай отдохнем,
Посидим на ветвях, помолчим в тишине.
Что на небе такого, что стоит того,
Чтобы рухнуть на камни тебе или мне?

«Nautilus Pompilius»

Утром опять ахнул мороз при мгновенно очистившемся небе. Собственно, можно было и на охоту не ходить (еда-то была), но я снова разослал всех на маршруты, а сам пошел с Арнисом. Девчонок на этот раз оставили в лагере, чтобы хоть по возвращении можно было надеяться на подобие горячего ужина...

...Когда мы в Кирсанове играли в войну, одним из вражеских отрядов командовал мальчишка по прозвищу Рауде¹. Он правда был рыжим, но это не важно. Так вот, он пустил в оборот выраженьице «дырявое счастье», прижившееся и в нашей компании. Оно, это выражение, означало привязавшиеся прочно и надолго неудачи...

...Вообще-то урса народец тупой, предельно тупой. Я уже попадался к ним в лапы — в первое же наше лето здесь, как вспомню, так вздрогну, — по собственной неосторожности и трусости. И спасся чудом.

И нужно в самом деле крепко дружить с «дырявым счастьем», чтобы попасться к этим олухам вторично. Особенно будучи уже далеко не новичком...

...Арнис легко скользил впереди меня на лыжах. Даже то, что он был голоден не меньше моего, мало влияло на этот плавный, ритмичный красивый ход, казалось, не стоящий белокурому литовцу никаких усилий.

Снег перестал, зато вновь ударил мороз. Такой, при котором отменяют занятия «в городских школах с первого по десятый». Для здешней зимы — вполне терпимый.

— Смотри, — сказал Арнис, и я увидел на прогалине остатки волчьего пиршества: взрытый снег, забрызганный красным, цепочки следов на уцелевших клочках целины, какие-то ошметки, которые даже волки доедать не стали... — Не твои знакомые?

— Не зна-аю... — протянул я, все еще не вполне понимая, почему мне что-то не нравится — и *что именно* мне не нравится.

А понять я так и не успел. Да это и не понадобилось — нехорошее ощущение превратилось в определенность.

Урса выходили цепочкой на опушку метрах в десяти от нас. Скорее всего, заметили они нас уже давно и стерегли. Обернувшись через плечо, я убедился в том, что прав. Сзади была та же история, урса поднимались по склону.

Арнис среагировал быстрее меня — может быть, потому что умел ходить на лыжах, а я рассматривал их только как неизбежное средство передвижения. Крикнув: «За мной!» — он прыжком развернулся на месте и бросил себя вниз по склону прямо на урса. Дорогу успел заступить только один — Арнис сшиб его топором, перескочил через тело и под вой урса исчез в кустах.

Только вот я-то так ездить не мог. Лыжи мне вообще мешали двигаться... а, соскочив с них, я утонул в снегу по бедра, ворочаясь в нем, как в дурном сне; урса ползли ко мне, как мухи по липкой бумаге. Если бы не кольцо — я бы, наверное, от них все-таки умотал на лыжах.

— Ну, сволочи... — пробормотал я, сбрасывая меховые краги в стороны. Злость была, без страха — злость, и не верилось, что я могу умереть... Двигаться быстро не получалось, я

¹ Рыжий (*др. — сканд.*). Прозвище дано в честь знаменитого викинга-путешественника Эрика Рауде, открывшего Америку около 1000 года.

пахал снег, словно плуг, но до первого урса дотянулся-таки раньше, чем он до меня, располосовав ему лицо сверху вниз. Не насмерть, но хорошо... Хотел развернуться быстро — не получилось, до меня добрались сразу трое, и мы возились в снегу, как в воде, даже не отбивая, а просто отталкивая клинки друг друга — на размах не хватало движения. Я ткнул одного дагой в пояс, и он куда-то свалился, хотя убить таким ударом сквозь меховой ворох, на него накрученный, было нереально. Но этих вонючих морд становилось вокруг все больше и больше. Они друг другу мешали, но и мне вырваться из кольца было уже невозможно. Будь это белые мальчишки — я бы, наверное, бросил оружие; что там, в конце-то концов?! Но это — не тот случай.

Одному я подрубил ногу над коленом. Второго — гарантированно уложил уколом в горло, точно в кадык, а обратным рывком раскроил кому-то лапу с оружием. В меня еще не попали ни разу.

Хорошо бы Арнис все-таки добрался до наших и вернулся с ними. Отомстить. Больше он уже ничего не успеет.

Так, попал, и здорово попал — дага вошла до упора, отлично. Обратным ударом палаша я перерубил древко ассегая, оттолкнул урса... Отбил ятаган дагой, с которой веером сорвались капли крови... Рвануться бы сейчас напролом — блин!.. Так, еще кому-то под щит... и точно, попал в мягкое...

Ухнула, сваливаясь на меня — углем из откинувшегося борта грузовика! — глухая, тяжелая темнота...

* * *

Мама читала книжку. «Баязет» Пикуля, со скрещенными на обложке саблей и скимитаром, зелено-белую... Я стоял у порога комнаты и кричал, кричал, кричал, перебирая руками по невидимой, но плотной стенке... а сзади меня звали. Звали, звали знакомые голоса, но я знал, что оборачиваться нельзя, потому что это были голоса мертвецов... Тянуло из-за спины ледяным холодом, и все было неправильно, все было кошмарно и неправильно — кроме комнаты, в которую я не мог войти и в которой обо мне не беспокоились, потому что я из нее и не исчезал...

...Холодно. Ну почему же так холодно?

Я открыл глаза...

...На мне из одежды оставались только часы — очевидно, урса не смогли справиться с защелкой «Ракеты», а светлая мысль оттяпать руку им в голову что-то не пришла... Но мне и так было кисло. Во-первых, болела голова (кажется, со всей дури хрястнули сзади в затылок тупьем копейного древка). Во-вторых, меня старательно и с наслаждением обоссали, пока я лежал без сознания. В-третьих, дальнейшая моя судьба вырисовывалась в весьма печальном свете, и я не мог скрыть дрожь холода и страха, а урса — их было десятка два — толпились и скалились вокруг меня, переговариваясь на своем чудовищном языке.

Зоопарк наоборот.

Меня не связали, и я сел, но тут же получил пинок в спину и вновь распластался на вонючем, желтом снегу. Моча склеила мои волосы сосульками.

Два удара сразу — древками копий по почкам — заставили меня заорать, крутнуться на бок и выгнуться. Тогда меня угостили полновесным пинком между ног. «По крайней мере трахать меня они будут едва ли, — пробила через боль странно ироничная мысль, — холодно слишком...»

Меня били еще довольно долго и зло, а главное — больно. Я молчал, хотя орать было бы разумнее. Когда орешь — не так больно. Четырнадцатилетние мальчишки — существа живучие, но я постепенно начал снова проваливаться, воспринимая удары просто как толчки, совсем безболезненные и надоедливые. Но в этот почти блаженный момент меня подло окатили ледяной водой, и я, чуть не захлебнувшись, пришел в себя. Нехотя. Чего хорошего было возвращаться к боли и к созерцанию губастой морды присевшего надо мною на

корточки урса? Он аккуратненько сплюнул мне в лицо и поинтересовался по-русски:

— Как зовут?

Опять. Ну вот опять. Ну откуда берутся урса, умеющие говорить по-русски?!

А кстати, актуальный вопрос, нечего сказать. Перед лицом, скажем так, вечности... Я неожиданно подумал: а есть ли там — *там* — что-то на самом деле? Впервые в жизни задумался. *Там* я об этом просто не думал, миновали меня и детские страхи смерти, да и вообще мысли о ней (не в пример Бассу), и казался я сам себе вечным и обязательным, как восход или лето. *Здесь* — здесь смерти было столько, что недосуг было о ней размышлять...

Так есть или нет? Хорошо было бы поверить, что есть. Да вот «бы» мешает, сильно мешает. Непреодолимо. Вот эта чернота, в которую я несколько раз попадал, — она, скорее всего, и есть ворота в смерть. А дальше вообще — *ничего*.

Ну и ладно.

— Как зовут, я спрашиваю?!

— Джордж, — вспомнил я свое прозвище, псевдоним для моего «второго я» из книжек, которые писал дома. От вопроса веяло глупостью. Я же как угодно могу назваться — и как он меня проверит?

— Где остальные?

— Нас двое было, — тут же ответил я. — Остальные погибли. Замерзли... голодные были...

Он смотрел на меня бессмысленными, но в то же время пугающими глазами, похожими на два отверстия в черноту. Вот где в самом деле «ничего»...

— Ты врешь. Ты не Джордж. Вас не двое. Ты Олег, и где-то прячутся твои люди. Где?

Я молниеносно пожалел, что вообще заговорил. И это чувство подавилось недоумением, словно косточкой от сливы: что происходит?! Что творится, что за бред?!

Наверное, мое лицо меня на какой-то миг выдало. Странно, но урса меня не ударил. Он удовлетворенно хрюкнул, словно сытая свинья, и оскалил в улыбке подпиленные зубы.

— Ну так где они прячутся? — повторил урса.

Я облизнул губы и тоскливо отвел взгляд в сторону, чтобы не видеть эту сволочь, а главное — то, что они станут со мной делать. То, что будут делать очень долго и изобретательно, у меня сомнений не вызывало.

Очень уж страшно мне не было. И, конечно, не было такого состояния, как в прошлый мой плен. Я был уверен, что все равно ничего не скажу. Ну, буду орать, наверное, буду орать громко... Но ведь все равно ничего не скажу.

Назло не скажу...

...Угли жгут больно. Особенно если их сложить под бок, а потом раздувать, но при этом не давать лежащему сдвинуться. Кстати, в конце концов становится больно так, что не кричать уже невозможно, и сначала хочется потерять сознание, а потом — просто умереть...

Наверное, были (и, может быть, даже есть) люди, которые способны на костре петь песни и рассуждать с теми, кто их пытается, о погоде. Я — не такой. Но одна — очень важная — мысль в моей голове сохранялась. Поэтому я однообразно орал — временами просто так, временами переходя на такой мат, какого ожидать сам от себя не мог (никогда в жизни не ругался так. Ни *там*, ни даже тут), но при этом ничего конкретного не говорил.

Я всегда был упрямым. Правда, боль не исчезла, когда угли отгребли и присыпали снегом. Она продолжала жить в боку, ниже ребер, и то и дело вновь вспыхивала злобным факелом, располосовывая тело зазубренным клинком до кости.

— Ну? — спросил урса. — Будешь говорить?

Я молчал, глядя над его плечом в яркое небо, морозное и широкое. Эту боль можно было терпеть молча.

— Начинайте его свежевать, — сказал урса. По-русски сказал, чтобы я понял, а потом повторил на своем языке.

Мысли сталкивались в моем мозгу, как бильярдные шары — я почти видел зеленое поле, слышал глухой, цокающий, костяной звук.

Дальше — не помню. Ничего не помню.

* * *

Бок болел, и я начал медленно осознавать, что не только жив, но и цел. Во всяком случае, если бы с меня сняли кожу, я бы вряд ли ощущал боль от ожога. Это было логично, и данная логика меня настолько подбодрила, что я осмелился открыть глаза.

Надо мною качалось расчерченное ветвями вечернее небо с проглядывающими острыми искрами звезд. Я видел его вкривь и вкось и первое, что понял, — меня несут на боку. Второе — меня несут на носилках. Третье — это явно не урса. Они и своих-то раненых бросают без сомнений и зазрения совести.

«Спасен», — подумал я и ушел в тихую темноту, оставив в зимнем вечере боль и холод...

...Спас меня, конечно, Арнис. Сперва он обалдел от факта собственного бегства и начал было рвать на себе волосы, перемежая это с обвинениями в предательстве, но как-то быстро опомнился и рванул в лагерь так, что следом поднялся ветер. К счастью, мысль героически ринуться на мое освобождение в одиночку пришла ему в голову уже по пути, иначе сейчас урса щеголяла бы двумя новыми плащами из беленькой, проченькой мальчишеской кожи, а мы — мы бы, наверное, еще жили где-нибудь в сугробе. С содранной шкуркой и уже сойдя с ума от боли.

Я все-таки поубавил урса в числе, а потом они, на свою голову, довольно долго пытались меня «расколоть». Поэтому времени у моих ребят было достаточно... ну, это я переборщил, но нагрянуть они успели как раз вовремя.

Танюшка зарубила четверых. Причем, как мне позже рассказывали, рубилась буквально осатанев от ярости, молча и совершенно беспощадно, а когда увидела меня в том состоянии, в котором я потерял сознание, то последнего — четвертого — урса она, уже ранив, запихала в огонь костра своими руками.

Весьма крепкими ручками гимнастки.

Нашу стоянку, уже сделавшуюся привычной, пришлось бросать к чертовой матери. Меня поволокли на носилках. Дело осложнялось тем, что урса во время разговора о текущих событиях сломали мне три ребра с левой стороны и сильно повредили копчик (теперь я в полной мере мог оценить мучения, которые испытывал позапрошлой осенью после схватки с медведем Вадим). Да и вообще — вторая зима получалась для меня тоже не очень удачной. Прошлую валялся с кровоизлиянием в брюшную полость, эту, похоже, пролежу до конца (если будем живы) с ожогом и переломами...

Так и сдохнуть можно. А?

* * *

Вечером Танюшка, легко сломив мое слабое сопротивление, напоила меня бульоном из подстреленной ею куропатки. Глотать было больно, дышать — еще больнее, при каждом вдохе кололо в бок, утомительно, постоянно и не столько уж больно, как надоедливо. Больно было потом, когда Танюшка начала менять наспех наложенную на ожог повязку. Я закусил тряпку и жевал ее, пока Ингрид промывала ожог осиновым настоем, а потом накладывала повязку, ругаясь с Танюшкой из-за того, какую класть — на ожог нужна была тугая, но она слишком сильно давила ребра. Ночь помню плохо, знаю только, что почти не спал от боли, измучился сам и измучил до слез Таньку, обнимавшую меня со спины. Утром все от той же боли (она стала поменьше, но все равно жгла бок и взламывала грудь на вдохах) мир казался мне серым, и я не сразу сообразил, что Вадим вскинул на плечо мой вещмешок, а потом возмутился:

— Что за новости?!

— Тихо, тихо. — Он уткнул мне ладонь в грудь. — Лучше сейчас нести твой сидор,

чем потом — всего тебя.

Я оценил его правоту, потому что себя я точно нес с трудом.

— Третья степень, — сказала Ингрид, — местами четвертая... Береги бок.

А как его беречь? Я шел в вязком тумане, временами обнаруживая, что опираюсь на плечо то Сергея, то еще кого-то из мальчишек. Тогда я ругался (кажется, матом), отпихивал помощников... чтобы через полчаса обнаружить: я опять движусь с подпоркой. Так продолжалось до вечера, когда я окончательно вырубился.

Потом я очнулся. Шел снег. Горел костер, пахло едой, и наши, негромко переговариваясь, плели между толстыми стволами вековых дубов загородку, забрасывая ее снаружи снегом. Я понял, что тут мы останемся надолго, а снегопад упрячет наши следы от возможной погони.

За волной волна — травы светлые,
Месяц катится в бледном зареве.
Над рекою в туманном мареве
Огоньки дрожат неприветные.
Так порой на Руси случается,
Волки-витязи, песни-вороны,
Огляжу все четыре стороны,
А никто не ждет, не печалится.
Нож булатный — мое сокровище,
Мои сестры — мечты далекие,
Мои братья — костры высокие,
Слева — верной тоски чудовище,
Справа — был ли храм? И не вспомнится.
Волки-витязи, песни-вороны,
Не с кем, кроме вас перемолвиться.
Перемолвиться — не отчаяться,
За удачей в бою отправиться.
Наше поле врагами славится,
Пусть никто не ждет, не печалится.
У зверей есть норы и лежбища,
У людей дома над рекою.
Гляну в ночь и махну рукою:
Поле битвы — мое убежище.

М. Струкова

Я уснул под утро и проснулся от шума — кто-то рычал, кто-то ругался, слышался хруст и треск. Я подскочил — и вскрикнул от боли, созерцая, как возле костра катаются в драке Сережка Лукьянко и Олежка Крыгин. Как раз в этот момент мой тезка ударом локтя и ноги отшвырнул Серого почти в огонь, но тот успел извернуться и вскочил на ноги, выхватывая из-за голенища засапожник. Олег, левой рукой стирая кровь с разбитой губы, схватился за финку и перехватит ее за кончик лезвия — для броска.

— Стоп, хватит, вы что, охренели?! — заорал я, пытаюсь встать и проклиная свою слабость пополам с какой-то пустотой в лагере. Но тут вмешался откуда-то счастливо взявшийся Смorch. Он перехватил руку Олега и выкрутил ее так, что финка полетела в одну сторону, а наш художник неудержимо закувыркался в другую. Серый с низким реактивным воем бросился в атаку на поверженного противника, но Смorch, не глядя, точно и сильно пнул его пяткой в пах — так, что тот сложился вдвое, роняя засапожник, и сел в снег, хватая воздух широко открытым ртом. Смorch рыкнул на них (спасибо ему!):

— Князь приболел — и все расслабились?! Убью!

— Что там случилось?! — Я наконец смог встать.

— Он!.. Он!.. — Сергей немного смог разогнуться, и я увидел, что он плачет, буквально брызжет слезами — и явно не от боли. — Он!.. — Сергей задохнулся.

— Ну сказал я ему! — Олег тер кисть. — Сказал, а что, не правда?! Сказал, чтобы помылся, ну сколько можно?! Вы на его уши поглядите и на шею! Как можно так зарастать, ну по-человечески же нужно выглядеть!

— А еще он сказал!.. — Сергей справился со слезами. — Он сказал, сволочь, что не знает, как со мной еще Вильма ложится, что лучше с медведем трахаться, он хоть почище! — и снова бросился в атаку, но Сморгч развел их руками, как гидравлический домкрат. Тем временем собрались почти все девчонки — они, оказывается, все были здесь, а мальчишки, скорей всего, ушли на охоту.

— Пусти их. — Я подошел к Сморгчу. Он, помедлив, убрал руки, и мальчишки снова хотели броситься друг на друга, но помешкали, потому что я оперся на их плечи — именно оперся. — Я понимаю, — сказал я, и они, удивленные моим голосом, уставились на меня. Серый смотрел злыми мокрыми глазами, шмыгал носом. Олег вытирал губу ладонью и часто моргал. — Понимаю я все, — повторил я. — Плохо. Холодно. И жрать нечего. И вообще неизвестно, доживем ли до весны. И снег кругом, и мороз. И виноватого найти очень хочется, чтобы просто злость сорвать. Все я понимаю... Но и вы поймите. — Я сжал их плечи. — Нет тут виноватых. Это просто жизнь такая паскудная. Но не мы. Так чего же друг другу глотки рвать? Давайте еще немного потерпим. Все вместе. Может, вытерпим? — Я потрянул их. — А?

У Олега на миг дрогнули губы, но он справился с собой и сказал тихо:

— Прости, Серый.

— Ага... — Сергей снова шмыгнул носом и улыбнулся: — Пойду помоюсь.

Я проводил их взглядом. Ободряюще улыбнулся тревожно смотревшей на меня Таньке. И углом рта процедил Сморгчу:

— Лечь помощи, только тихо...

Тихо, я сказал, во всех смыслах — было больно бок... Я не выдержал — застонал негромко, и Сморгч, незаметно поддерживавший меня, спросил тревожно:

— Что, очень?..

— Ну как ты думаешь? — процедил я. Раньше бы ни за что не признался; сейчас мы все стали понимать разницу между бравадой и мужеством.

Я толком не успел устроиться на месте — ходившая вокруг дозором Ирка Сухоручкина вошла в нашу загородку и сообщила, что идет Олег Фирсов, причем идет как-то странно и один. Уходил вдвоем с Саней и Бэном, а обратно тащится в одиночестве...

Вопрос выяснился вполне тут же. Вошел Фирс — он был бледен, улыбался и шел, согнувшись и прижав обе руки, залитые кровью, к животу.

— Спокойно, — сказал мой тезка. — Без паники. Из меня тут немного кишки выпустили...

...Тигролев напал на них первым, возле речного берега, у цепочки полыней. Олегу удар лапы распорол живот, и, пока он валялся в снегу, зверюга успела перебить обе ноги Сане и сломать бедро Бэну, но сама издохла, потому что Саня вогнал валлонку ей в горло, а Бэн — в бок. После этого Олег, как единственный ходячий, отправился в восьмикилометровый обратный марш, придерживая внутренности руками...

...Ингрид заставила Олега отнять ладони от живота, после чего он немедленно раскис, потому что кишки, конечно, сразу же полезли наружу. Как обычно при таких ранениях, он почти не чувствовал боли, но вид собственных внутренностей, симпатично лезущих из живота и дымящихся на воздухе, любого вышибет из колеи, поэтому Олег попытался вскочить со шкур, куда его положили, и убрать это безобразие обратно, но его удержали, после чего Олег просто заорал:

— Да из меня же ливер прет, делайте что-нибудь, блин!

— Сейчас обратно запихнем, — обнадеживающе-спокойно пообещала моющая руки Ингрид — «инструменты» были уже разложены.

— А если не полезут?! — взвизгнул Олег.

— Да куда они денутся, убери руки, — передвинулась к нему Ингрид. — Оп-па, держите его как следует...

Вид у раны был почти смешной — впалый мальчишеский живот, а на нем слева (разреза не видно) лежит сине-багровый клубок черт-те чего. Еще более странным было то, что, когда Ингрид ловко убрала внутренности, остался синеватый рубец и кровавые подтеки на боках.

— Он же сдохнет, — заметила Ленка Власенкова бестактно.

— Ага, но не от этого. — Ингрид уже начала шить, и Фирс отключился. — Все, мальчишки у нас — инвалидная команда. Приехали.

* * *

Насчет инвалидной команды Ингрид была права на все сто. Я-то еще был не из самых плохих. Саня с Бэном ходить не могли вообще (и поправляться на нашей диете будут медленно, что и говорить!), а Фирсу вставать было нежелательно. Танюшка боялась, что у меня загноится бок, но у меня, слава богу, всегда был хороший иммунитет, а в этом мире раны и вообще заживали быстрее обычного.

Урса нас потеряли, но не потеряли сменяющие друг друга холод и снег, а также прочно сопутствующее им недоедание. Арнис сильно поморозился во время рыбалки. Злые, как собаки, ходили все, но — странно! — друг с другом почти не цеплялись, а если и цеплялись, то сразу остывали.

В конце концов, что у нас, кроме нас самих, еще оставалось в этом мире?

Много потом еще было всего. Но та зима для меня навсегда осталась чередой пронизанных холодом дней и ночей, склеенных болью, сделавшейся привычной. В то, что боль может исчезнуть, я уже не верил и не помнил, как это — когда ее нет.

Подростку кажется, что его сегодняшние ощущения — хорошие или плохие — они останутся всегда. На всю жизнь. Всегда будут боль, холод, снег, голод, серые дни, серые от всего этого лица твоих друзей, недосыпание — вновь от холода и боли...

А ведь при этом надо было жить. Двигаться. Руководить людьми. И хотя бы *делать вид*, что у тебя все в порядке, что тебе не больно.

Мне снились дурацкие, дикие, мерзкие сны. То я выплевываю все зубы, и мне не больно, только удивительно, что их — зубов — очень много... Я блуждал нагишом по каким-то ледяным коридорам, преследуемый невнятными формами, которые шипящими голосами издевались надо мной, и я удивлялся, откуда они знают русский язык... В этих коридорах я терял Танюшку, а потом находил ее за прозрачным, но непробиваемым стеклом, где какие-то кошмарные существа делали с ней вещи, о которых я днем старался не вспоминать... или я сам попадал в то же прозрачное пространство, и почти то же самое делали со мной... Я дуэтом вместе с Шевчуком пел его «Террориста» перед полным залом кошмарнейших монстров-вампиров, причем если Шевчуку ничего не грозило (он ведь знаменитость!), то меня в случае неудачи должны были выпить, и я даже видел, как в фойе раскладывают какие-то шприцы-пипетки вроде тех, которыми марсиане обескровливали людей в уэллсовской «Войне миров»...

Никогда еще не снился мне такой бред. А самое главное — во всех этих снах я был беспомощной, слабой жертвой, несчастным испуганным пацаном, и это унижало и терзало едва ли не хуже боли. Боль я вытерпел бы и более сильную. А от этих снов по утрам все казалось мерзким и диким, как картина Шагала.

И еще.

Мне было больно.

Я так давно не ходил по земле босиком,
Не любил, не страдал, не плакал.

Я деловой, и ты не мечтай о другом,
Поставлена карта на кон.

Судьба, судьба, что сделала ты со мной?
Допекла, как нечистая сила.
Когда-нибудь с повинной приду головой
Во имя Отца и Сына...

На воле день, день,
На воле ночь, ночь.
И так хочется мне заглянуть в твои глаза.
На воле дождь, дождь.
На воле ветер в лицо.
И так много нужно мне тебе сказать...
А может, снова все начать...

Я не спросил разрешения у светлой воды,
У ветлы, у берез, у оврага.
За что же ты выручаешь меня из беды,
Хмельная, дурная брага?

Я так давно не ходил по земле босиком,
Не шатался по росам рано.
В твоих глазах я, конечно, кажусь чудачком.
Наверно, другим не стану.

Группа «Любэ»

Я проснулся под клапаном рюкзака. Танюшка плотно обнимала меня, дышала в шею, и от этого становилось теплее.

А еще — не болел бок.

Я прислушался к себе. Да, бок не болел. Я уже с трудом отделял боль ожога от боли в ребрах и сейчас осторожно вдохнул.

Боль не вернулась.

Я даже не очень обрадовался. А может, наоборот — обрадовался очень сильно, потому что ощутил невероятную усталость, словно и не проснулся только что. Я устроился удобней (Танюшка тихо вздохнула и притиснулась ближе) и... уснул.

Проснулся вновь я часа через два. Танюшка, устроившись в ложбинке моего плеча, рассматривала меня и с улыбкой спросила:

— Не болит?

— Не болит, — кивнул я. — Я даже опять уснул, представляешь? И ребра не болят, и... хвост.

— Хвост? — Она хихикнула и поцеловала меня, но тут же вновь посерьезнела. — Я всегда знала, что ты настоящий герой.

— Ага. Виталий Бонивур, — согласился я, — недожженный в топке...

Но меня тут же потрянуло от воспоминания, а желание продолжать разговор — пропало. Я лежал и слушал, как где-то рядом разговаривают Басс с Андрюшкой Соколовым — тот как раз спрашивал:

— А где это такое — Форш?

— А зачем тебе Форш? — уточнил Басс лениво.

— Да это вон в кино про мушкетеров Боярский — то есть д'Артаньян — говорит, что они едут в Форш, печень лечить. Это же тут, во Франции... Где это — Форш?

— Да не знаю я...

— Это не Форш, а Форж. — Танюшка откинула клапан. — Форж-лез-О, он отсюда очень далеко на север, за Парижем, даже почти на побережье Ла-Манша... Доброе утро.

Я выбрался из спальника и, стоя на нем, потянулся, потом — коснулся пальцами носков. Все присутствующие внимательно за мной наблюдали, потом Олег Крыгин сказал:

— Хана. Он пришел в себя.

— Командир выздоровел!!! — заорала, вскакивая, Наташка. Поднялся общий радостный шум, в который врезался Саня (я даже не ожидал от него вообще какой-нибудь реакции):

— Когда ж я-то поднимусь?..

Его перебитые со смещением ноги срастались плохо, да еще выходили мелкие осколки кости, вызывая нестерпимый зуд — он не мог спать и мучился. У Бэна бедро приходило в порядок куда быстрее. А у моего тезки с животом вообще все обошлось сразу и без проблем, хотя он сам удивлялся. Зато у Арниса с обеих обмороженных кистей лоскутьями сходила кожа, он стал еще более молчаливым, но при этом очень (и неоправданно) раздражительным. (Кстати — пока я валялся с болями, совершенно незаметно проскользнул мимо нас новый, 89-й, год, и его даже никто не отметил, разве что вяло порассуждали о том, каким этот год будет *там*, — и все.) Но об этих проблемах я сейчас, если честно, думал мало. Сидел на спальнике и затягивал ремни лохматых унтов, с наслаждением думая: а ведь ничего не болит, не тянет, не ноет — черт побери, вот оно, мое обычное состояние! Я неожиданно подумал еще: а вот и положительная сторона всего происходящего. Я умру в любом случае не от старости, да и вообще — так и не узнав всех тех неприятностей, на которые жалуются взрослые: гастриты, миокарды, колиты, диабеты и прочее. Проще говоря, умру здоровеньким.

Эта дикая мысль на самом деле меня радовала. «Наверное, я сошел с ума», — отметил я и добавил вслух:

— И давно.

— А? — повернулась ко мне Танюшка.

— Бэ, — ответил я, нагибаясь к ней с поцелуем.

* * *

Восемь куропаток качались у Таньки на ремне. Сегодня ей везло — подшибала только так, и попадались выводки часто.

Я скользил следом, любуясь плавными движениями Танюшки. Сегодня я выступал в роли охраны и, кроме того, обходил ловушки, поставленные Андрюшкой Альхимовичем. В одной из них уже отыскалась лиса — на шапку начало или на пару краг... Она даже не успела застыть, и я, ободрив ее на месте, привесил к поясу только шкурку, мельком подумав, что пару недель назад сожрали бы и лису.

С деревьев бесшумно падали россыпи снега. Опять стремительно холодало, хотя едва-едва перевалило за полдень, и на небе лежал сплошной облачный покров, ровный и однотонный.

— Сегодня двадцать третье? — осведомилась Танюшка, не оборачиваясь. Я угукнул. — Лето сухое будет.

— Да, — согласился я, — инея на деревьях полно... Но меня, если честно, больше воодушевляет, что лето вообще *будет* ... Ч-черт!

— Учись ходить на лыжах. — Танюшка обернулась, отдунула от лица длинный ворс волчьей оторочки капюшона. — Умел бы как следует — не попал бы к урса.

— Угу, — снова буркнул я, выпутывая из валежника носок левой лыжи. — Я еще и поэтому лета жду. Летом я себя человеком чувствую, а не придатком к лыжам.

— Придаток к лыжам, — спросила Танюшка задумчиво, — а зачем ты еще и дареный плащ с собой прихватил, а? Мерзнешь?

— Не догадываешься? — Я дотянулся, стряхнул на девчонку небольшую лавинку снега

с ивовых ветвей.

— Холодно же! — возмутилась Танюшка, но глаза ее смотрели лукаво.

— Вот и согреемся как раз, — предложил я. — Ну сколько можно, Тань, все время же в компании, никакой личной жизни...

— У кого как. — Она откинула капюшон, рывком перебросила на грудь свою тугую косу. — Я позавчера ночью проснулась, а Олежка с Ланкой такое в спальнике вытворяют... Я думала — весь лагерь проснется.

— Тань, — вздохнул я, — ну я же воспитанный и тихий мальчик, я не могу в таких условиях...

— Лучше под кустом. — Танюшка поощрительно закивала. — Все-таки ты, Олег, очень развратный ребенок. Даже удивительно.

— Да и ты тоже не ангел. — Я подкатился к ней, встал своими лыжами параллельно ее, глядя девчонке прямо в лицо. — Ну так что, я стелю плащ?..

...На этот раз Танюшка была сверху. При таких наших с нею играх она сама всем управляла, и ей это нравилось, я же ничего не имел против. Да и что можно вообще иметь против, если тебе четырнадцать лет и твои ладони в тепле под курткой ласкают груди твоей девушки, если ты знаешь, что ей хорошо — хорошо *от тебя* и хорошо *с тобой*? Закусив губу, полуприкрыв глаза и подняв лицо к верхушкам деревьев, Танюшка ритмично и плавно, то быстрее, то медленней, раскачивалась на коленях.

Кажется, у нее один раз уже *было*, и я мельком подумал, что хорошо бы дать ей и второй раз, только точно не получится, потому что...

— Ооооохх... — Мне сперва показалось, что это только мой стон, но через миг я понял, что смог-таки дотерпеть, и Танюшка стонет тоже.

В тот миг мне больше ничего не было нужно от жизни, кроме этого одного-единственного ее момента.

Вновь солнце взошло над грешною землей,
И вновь берега обласканы приливом.
Пахнет сосновою смолой
И скошенной травой,
Клин журавлей над головой,
А значит, мы живы.

Мужское плечо и женская рука
Друг друга в ночи коснутся боязливо.
Есть океан у моряка,
У пирамид — века,
И у поэта есть строка,
А значит, мы живы.

Старина, скажу я тебе одно:
Спи всегда с открытым окном,
Чтоб чувствовать мир,
Его благодарно прими,
Все то, что в нем есть, ты прими, прими.
Кувшин с молоком и кружка на столе,
В степях лошадям лохматит ветер гривы,
Над миром властвуют балет,
Улыбки королев,
И Гарри Поттер на метле,
А значит, мы живы.

Играй, музыкант, стирай лады гитар.
Простая плита на кладбище у Джимми¹.
Подумай! Деньги — лишь товар,
И переполнен бар,
Плывет с акулами Макар²,
А значит, мы живы.

А. Розенбаум

...— Я очень боялась в первый раз.
Мы сидели, прижавшись друг к другу и укутавшись плащом. Я потерял виском о щеку Танюшки и спросил:
— Боялась?
— Да, боялась... Нет, — поправились она, — как бы сказать... Я не процесса боялась, а... ну, того, что потом... в общем, что не смогу к тебе относиться по-прежнему, как будто что-то такое рассыплется...
— Не рассыпалось? — тихо спросил я. Меня охватила щемящая нежность.
— Дура я была, — вздохнула Танюшка. — Темная дура. Все стало только лучше... Олег, знаешь... — Она помедлила и призналась: — Я так хотела бы ребенка от тебя.
— Ребенка?! — подавился я холодным воздухом.
— Да... Сына или дочь... Очень-очень, — с силой сказала она, — хотела бы. Только хорошо, что *здесь* его не может быть. У него была бы ужасная жизнь. Но так страшно уйти совсем, без продолжения... Как будто в какую-то черную бездну падаешь. Это мне такой сон снился недавно. Мальчишки, девчонки. Идут попарно, за руки, идут, идут и, не останавливаясь, падают в такую дыру. И все... Олег, — жалобно спросила она, — неужели *там* правда совсем-совсем ничего?
— Ничего, Тань, — тихо ответил я. И вдруг сказал: — Если я вдруг... Тань... Ты подожди... за мной. Поживи еще. В память обо мне... — я вздохнул.

...— Сергей с Ленкой собирались сходить на речку, проверить верши, — удачно «вспомнил» я через пару минут молчания. — Пошли глянем — может, они еще там? Тогда обратно вместе пойдем, а тут всего километра два до реки.
Танюшка, кивнув, согласилась.

* * *

Оживление на льду реки и ее берегах царило весьма глобальное. И очень неприятное. Правда, наши верши, судя по всему, никого не интересовали.

Сперва я с ужасом подумал, что попались наши. Но уже через секунду различил, что ни Сергея, ни Ленки там нет. На льду и в снегу лежали не меньше трех десятков убитых урса — свои их, как обычно, и не думали подбирать, занятые куда более важными делами.

Среди трупов были и пятеро убитых белых. Точнее — не среди. Три обнаженных тела лежали кучкой у берега. Еще одно — девчоночье — чуть в стороне, один из урса придерживал его за ноги, второй отрезал левую грудь (правая уже лежала рядом). С пятого убитого как раз снимали одежду.

В лед реки (недалеко от наших вершей) были вбиты два кривоватых кола. На них корчились, елозя по дереву окровавленными босыми ногами, двое мальчишек лет по четырнадцать. Точнее определить было трудно. У обоих парней со спины и головы была содрана кожа, тут же наклепленная кусками на колья. Они не кричали — то ли из гордости, то

¹ Джимми Хендрикс — знаменитый гитарист.

² Андрей Макаревич.

ли просто онемев от боли.

— Их около двадцати, — прошептала Танюшка, укладывая на колено аркебузу. — И смотри.

На том берегу реки — из-за кустов — нам сигналил Сергей. Рядом с ним виднелись невесть как оказавшиеся здесь Джек и Андрюшка Соколов. У Джека в руках был лук с наложенной стрелой.

Я показал на себя, на свой рот и, энергично кивнув, достал из ножен палаш, а краги сбросил. На левую надел свою фехтовальную, сбросил и лыжи с ног. Танюшка, встав на колено в сугроб, держала аркебузу наготове.

— Ро-о-ось!!! — заорал я.

Как я и ожидал, первой своей целью и Джек, и Танька выбрали того... мясорубщика. Стрела Джека вошла ему в правый висок, прошив голову насквозь. Куда попала Танюшка — не знаю, но, конечно, тоже не промахнулась. Урса завалился в снег и на тело девчонки. Вторая стрела свалила урса, снимавшего куртку с убитого, но я видел это уже на бегу, скатываясь вниз в облаке снежной пыли. Еще я видел, как падает урса, в которого Андрей — тоже на бегу — угодил брошенным топором...

...Пернатая маска развалилась с коротким «крак» и брызнула кровью под палашом. Я пинком отбросил мешавшего урса, волчком нырнул под ятаган другого, одновременно круговым ударом распарывая ему пах; рукой в краге перехватил запястье руки с оружием и, чувствуя, что не хватит сил ее вывернуть, резко отпустил — увлекаемый силой нажатия, урса посунулся вперед, на мой палаш... Еще один крестом падает в алый снег; Джек размеренными ударами бастарда гонит перед собой сразу троих... Танька с вертящейся в руках кордой...

Косой удар снизу вверх — сорванная им маска летит в истоптанный снег, урса хватается за лицо... Апперкот в подбородок — все, хватит с него... Где еще?! Что, все, больше нет?!

...Столб был скользким, он вырывался из наших рук, и я видел искаженное лицо Джека. У меня было такое же лицо, и я знал почему. Каждое колебание кола отзывалось страшной мукой в парнишке, посаженном на него. Танюшка спешно подхватила его под спину, пока мы с Джеком как можно осторожнее опускали страшное орудие казни. Едва мы это сделали, как я метнулся к мальчишке, встал на колени.

Он был жив. И я быстро прекратил ужас, перерезав ему горло...

...С колен я смог встать, только опершись обеими руками на левое. Над вторым казненным стояли Сергей — с его даги тоже капала кровь — и Андрей, машинально вытиравший клинок своего бастарда. Ленка и Танюшка держались вместе.

— Кто они были? — спросил я.

Джек пожал плечами:

— Не знаю... Мы с Эндрю встретили Сергея и Лену, пошли вместе на речку... Только перед вами пришли. Совсем чуть опоздали.

— Тут трое живых черных, — сказал Сергей. — Под лед?

Я посмотрел на низкое холодное небо над молчаливыми деревьями. Потом опустил взгляд на кровавый снег, протаявший до льда.

— Под лед, — кивнул я. — И давайте проверим верши.

Рассказ одиннадцатый На росстанях

Убежал
Я из дома,
Бродил по сказочным мирам...

«Hi-Fi»

Я лежал нагишом на плоской каменной глыбе, прогретой весенним солнцем, и сквозь опущенные ресницы наблюдал за весной вокруг. Она и в самом деле пришла — с зеленью и птичьим пением, с голубым небом и теплым солнцем — наша вторая весна в этих местах, в этом мире. Дул ровный приятный ветерок, и немного чудно было видеть внизу, в ложбинке рождающегося оврага, покрытый черными крапинками сугроб дотаивающего снега. Из-под него вытекал ручеек прозрачной воды.

Я прикрыл глаза совсем и слегка потянулся, потом расслабился снова, ощущая приятную истоми. Подумал сонно: «Это из меня выходит зима».

Пожалуй, мне бы удалось уснуть, но снизу послышался короткий свист, и я, приподняв лениво голову, увидел возле сугроба Вадима — он стоял голый по пояс и смотрел снизу вверх. Я махнул ему рукой — без особого раздражения от того, что не дали поспать, — и, не опуская головы, смотрел, как Вадим ловко скачет вверх по откосу. Мне пришло в голову, что этот парень не очень-то и похож на прежнего моего друга. *Тот* Вадим был плотный и развалистый, с ленцой во взгляде, словах и движениях. *Этот* — быстрый, худощавый, из-под согнанного веса проступили широкие плечи и рельеф мускулов...

«А в тебе-то самом, — спросил я сам себя, вновь уткнувшись в сгиб руки, — в тебе-то много осталось от прежнего? Не разных там генов-хромосомов, а во внешности и в привычках? А? То-то...»

Совершенно уж точно — у *того* Олега не было привычки голым загорать в середине апреля.

— Привет. — Вадим опустил рядом, скрестив ноги. Я посмотрел на него снизу вверх одним глазом и спросил:

— Слушай, я сильно изменился?

— Нет, — уверенно ответил Вадим, — привычка задавать странные вопросы у тебя осталась.

Я довольно кивнул и отвернулся, надеясь, что Вадим посидит молча, а то и вовсе завалится рядом и тоже удряхнет. Но вместо этого он весьма болезненно ткнул меня пальцем между лопаток и спросил:

— Корабль-то строить будем?

— Непременно, — отозвался я. — Драккар, как у Иванова.

— Ну я серьезно. — Он повторил тычок, только сильнее. — Интересно же!

— Интересно будет, когда мы ухитримся отплыть подальше и перевернемся, — пояснил я. — То-то все меня благодарить будут!.. Отстань, я не Крапивин. Пусть вон Санек строит.

— Вот на его-то лоханке мы точно перекинемся, — проницательно, надо сказать, заметил Вадим. — Вспомни ту историю с планером!

— И хорошо, что не полетел. — Я эту историю помнил. — Мог бы как раз полететь, а что потом?

— Мда, — согласился Вадим. И спросил вдруг: — Тебе вообще не кажется, что мы стали намного реже дом вспоминать?

Я перевернулся на спину. И довольно жестко заметил:

— «Дома» живут другие ребята. Старше нас. Ты уже школу окончил. А я в выпускном классе.

— Все это я знаю, — так же жестко ответил Вадим. — Но и ты знаешь, что я имею в виду, так зачем же вертишься?

— Да. Реже вспоминаем. — Я вытянул руки над головой. — И меня это не очень огорчает.

— Да, — непонятно сказал Вадим, — ты сильно изменился, князь... Я тебе отдыхать помешал, кажется?

— Ладно. — Я сел. — Хватит. Не тыркай меня.

Настроение испортилось. Я подтащил к себе снаряжение, достал метательный нож и с силой послал его в дерево, стоявшее в десятке метров, — нож вошел в ствол на уровне человеческого горла с коротким сырым стуком. А я вскочил и начал одеваться. Куртку кинул на одно плечо, туфли, связанные шнурками, — на другое. И запрыгал вниз.

Босиком. Черта с два я *прежний* стал бы просто так ходить босиком.

Около сугроба я оглянулся. Вадим по-прежнему сидел на краю глыбы и на меня не смотрел, но я крикнул ему снова, только уже совсем зло:

— Не тыркай меня!

И, тихо чертыхаясь, проломился сквозь кусты, как советский танк через фашистские заграждения...

...Танюшка меня нашла на берегу лесного озерка, где я хмуро сидел, уперев палаш между широко расставленных ног. Она даже не попыталась завести разговор, просто аккуратно подстелила куртку и села рядом. Аккуратно, как подстилала куртку, начала ножом подрезать ногти на руках. Тщательно, отставляя ладонь и любуясь после каждого движения ножом.

Потом она положила мне на колено мой метательный нож. Со словами:

— Еле вытащила, — и вдруг — зло: — Все кончится этим ударом клинка. Ты понимаешь это?!

Я сунул нож в чехол и молча, долгим взглядом посмотрел в глаза Таньке. Глаза у нее были бешеные, сумасшедшие глаза. Тогда я просто положил руку ей на щеку, и Танюшка, вздрогнув, привалилась к ней, как к стене. Жалобно сказала:

— Это просто зима, Олег... Это зима из нас выходит. Тяжелая была зима...

— А до нее была тяжелая осень. И лето было тяжелое, и весна... и зима, и осень, да и лето нелегкое, — не выдержав, язвительно уточнил я.

— Ладно тебе, — попросила Танюшка, и я, обняв ее, привалил к себе. Спросил:

— Хочешь увидеть Большой Каньон? Как в «Золоте Маккены»?

— Хочу, — ответила Таня.

— А Ниагару?

— И Ниагару хочу...

— А Байкал?

— И Байкал...

— А камчатскую Долину Гейзеров?

— И ее... — Таня засмеялась: — Ты все памятники природы хочешь перебрать? Не старайся. С тобой мне даже Сахару хочется посмотреть. Или Восточную Сибирь.

— А что плохого в Восточной Сибири? — не понял я.

— Эх ты! — Она щелкнула меня по лбу. Больно, аж звон в ушах послышался. — Там болота!

Она намеревалась щелкнуть еще раз, но я поймал ее руку и ловким толчком опрокинул девчонку на спину. Танюшка не менее ловко пихнула меня в живот, полусерьезно вывернувшись из захвата; я все-таки скрутил ее и, присев на живот, прижал раскинутые руки девчонки к земле. Танька сердито шипела — она ненавидела проигрывать даже в шутку.

— Попалась, — удовлетворенно объявил я.

— Попалась, — согласилась Танюшка, тут же дернулась изо всех сил, но я со злорадным смехом удержал ее. — И какая судьба меня ждет?

— Я буду тебя насиловать, — пообещал я. — По праву победителя.

— Испугал! — дерзко фыркнула девчонка.

— Свяжу, — я устроился на ней поудобнее, — раздену... нет, раздену, свяжу и надругаюсь изо всех сил.

— Немногочисленных, — заметила Танька, и я не успел опомниться, как слетел с нее, сброшенный ловко закинутой на шею ногой — уроки самбо даром не пропали. Теперь мы поменялись местами. Я мог бы скинуть Танюшку, но вместо этого остался лежать. Было приятно видеть ее улыбку и даже ощущать ее вес.

И я понял, что мы действительно перезимовали. Пережили это страшное время. Остались живы.

Правда — не все. Но эта мысль только подстегнула меня. Танюшку, похоже, — тоже. Во всяком случае, уже через минуту мы освободились от лишней одежды (ото всей), и Танька что-то шептала, задыхаясь, мне в ухо. Зря она говорила про «немногочисленные силы», ой, зря! Когда я свалился наконец рядом с ней, Танюшка жмурилась в весеннее солнце, как облопавшийся сметаны котенок. Я провел ладонью по ее вздрогнувшему животу (ну и пресс накачала!) и ниже — естественным плавным движением.

— Хватит, хватит! — Танюшка засмеялась, но руку не оттолкнула и расслабилась, позволив мне делать все, что хочется. Правда — сейчас я временно не был способен на что-то серьезное, если честно. — Вот тебе и книжный мальчик. — Она лукаво покосилась на меня.

— Не очень-то я и книжный, — не обиделся я.

— Да, пожалуй, — согласилась Танюшка задумчиво. — Там тебя могли так назвать только те, кто тебя плохо знал... Спокойный, тихий, вежливый, а где сядешь, там и слезешь...

— Спасибо. — Мне стало смешно, но я поблагодарил искренне. И тут же добавил: — Но вообще-то, познакомься ты со мной на пару лет раньше, я бы точно показался тебе книжным. Я таким и был.

— На пару лет раньше я всех мальчишек презирала, — призналась Танюшка. — Кроме Черныша, он тогда щенком был... А помнишь, — оживилась она, — как ты в феврале подрался около кинотеатра?

— Помню, — улыбнулся я. — Из-за тебя, кстати.

— А я о чем? — кивнула она. — А вот интересно, что бы ты сейчас сделал с тем парнем?

— Не знаю. — Я пожал плечами и, подумав, спокойно добавил: — Сейчас я бы, наверное, его убил. Еще до того, как он замахнулся.

— Да, пожалуй, — согласилась Танюшка. И хмыкнула: — Тебя, кстати, это не пугает?

— Кстати — нет. — Я лег поудобнее. — Пусть не замахивается... Ты вообще, Тань, вот подумай — насколько лучше было бы в мире, если б каждый знал, что в ответ на грубость или жестокость его могут немедленно убить. Подумала?

— Вполне, — ответила она и вдруг приподнялась на руке: — Олег, сюда кто-то бежит... Олег, Фирс бежит!

— Черт. — Я сел, потянул к себе одежду и оружие. Танюшка лениво прикрылась курткой.

Олег в самом деле спешил. Бежал, с разбегу прыгал с камня на камень, придерживая свою валлонку. Увидел нас, замахал рукой и, остановившись, крикнул:

— Олег! Скорей! Наши грызутся!

* * *

«Грызлись» — это было не то слово. Особенно странно и страшно это выглядело потому, что, когда я уходил, все в общем-то оставалось вполне спокойным и обычным...

...Никто даже не сидел. Все стояли на ногах. Саня и Сергей замерли друг против друга, в руках у них были клинки, оба они стояли вздыбленные и оскаленные, как весенние волки. Вадим — с приклеенной улыбкой, безоружный — ну конечно! — стоял между ними, широко расставив ноги и разведя руки, словно упираясь в грудь и тому, и другому. За спиной Сани стояли, держа руки на рукоятках, Бэн и Сморгч. За спиной Сергея — в той же позе — Басс и Олег Крыгин. У Джека и Серого тоже в руках сверкали клинки, но они держались чуть в стороне. Остальные мальчишки и все девчонки кольцом охватывали место стычки. Девчонки испуганно молчали — это был плохой признак, они даже не пытались растащить ребят; значит — все было очень серьезно.

— Ты скотина и интриган! — орал Сергей. — Думаешь, хороший момент выбрал?! Да?! Да хрен тебе, хрен тебе по всей морде!

— Кретин! — непривычно рявкнул Саня. Он покраснел (при его смуглой коже — потемнел), на лбу поблескивал бисер пота. — Тебе мало этой зимы?! Тебе мало Крита?! Тебе мало нашего крестового похода?!

— А тебе мало власти над твоими додиками?! — заорал Сергей. — Получай, сука! — и под общий вопль сделал глубокий выпад.

Клинок скользнул по вскинутой руке Вадима, по наручью. Я, пробив телом кольцо ребят и девчонок, в последний момент ударом голого кулака отбросил клинок Сани. Тяжело лязгнула валлонка Бэна о длинную шпагу Олега Крыгина, но подскочивший Джек страшным ударом бастарда снизу вверх вышиб оружие у обоих, что-то выкрикнув по-английски... Перед самым моим лицом сверкнула валлонка Сани, дальше мой взгляд наткнулся на его чокнутые глаза...

...шпага опустилась. За моей спиной в руках Вадима рычал и извивался Сергей. Смorch держал в руках гизарму боевым хватом. Шрамованное лицо Басса, палаш — на плече... но так его кладут для удара сверху вниз, а не для мира.

— Стоять всем, — раздался мой голос, и этот голос отдавал синеватой сталью. — Убрать оружие. У кого увижу в руке клинок по счету «три» — разрублю руку. Раз...

Вразнобой зашуршали уползающие в ножны клинки. Произнеся «три», я швырнул, не глядя, в ножны свой палаш и краем глаза отметил, что Олег Фирсов встал возле Смorchа.

— Так, — закрепил я победу, но мерзкое чувство нарастало, как лавина. — Что происходит?

— Олег!.. — Сергей захлебнулся уже одним этим словом.

Презрительно улыбаясь, Саня отчеканил:

— Я просто хотел бы узнать, какое приключение ты придумал нам на это лето? Пойдем рейдом по Африке? Или рванем в Среднюю Азию? Что, княже, прикажешь? Мы свои головы всегда сложить готовы! — и он истово поклонился в пояс.

— Ты что несешь? — тихо спросил я.

Саня продолжал улыбаться:

— А то и несу! Несу — и хочу, чтобы ты знал — ты убийца и придурок! И не хочу, чтобы кто-то погиб, как погибли летом наши ребята и девчонки в угоду твоим рыцарским замашкам! Знай, Олег: ни я, ни те, кто мне верит, с тобой не пойдут! Никуда! Никогда!

— Те, кто тебе верит? — раздельно произнес я и смерил поочередно взглядом всех, кто стоял за его спиной. Я говорил спокойно, но чувствовал, как подкатывает к мозгу, к языку, к рукам изнутри, из каких-то хмурых, темных глубин, что-то... что-то, чему нет названия. — Я думал — я здесь князь. А ты — ты кто? Кто ты?

Эти последние слова я выплюнул — кажется, получилось страшно, потому что Саня отшатнулся, а кто-то присвистнул; пальцы Вадима схватили меня за локоть:

— погоди, Олег...

— Тебе чего?! — развернувшись, рявкнул я. — Ты недостаточно меня поучал сегодня?!

— Этот урод только и дожидался! — вновь прорезался Сергей. Он больше не пытался напасть, но явно не остыл. — Только и дожидался, когда дела пойдут совсем плохо, чтобы вцепиться тебе в глотку, Олег!

— Э, ты выбирай выражения! — крикнул Смorch.

— А я их выбрал! — ответил Сергей. — Я тоже давно этого ждал!

— Я не нуждаюсь ни в чьей защите! — заорал я. — Все к черту, все к черту!

— Мы уходим. — Саня стряхнул ладонь Бэна с плеча. — Кто со мной?! — Он вновь повысил голос.

— Ты спятил, Сань! — закричал уже и Вадим, выпуская Сергея. — Нас и так всего ничего, а ты еще хочешь кого-то увести! Успокойся! Олег, ты-то приди в себя!

— Мне надоело терпеть! — крикнул я. — Да и не уйдет он никуда — летом уже уходил!

— Олег, — подал голос Андрей Альхимович, — это нечестно. Санек летом нас спас.

— А я?! — потрясенно выдохнул я, поворачиваясь к нему. — Я что, был плохим князем? Я никого не вел за собой насильно, а теперь вы хотите сказать, что на моих руках кровь наших друзей?! Вы это хотите сказать?! — Андрей замешкался с ответом, и я почти обрадованно продолжал: — Значит, это... — Я крутнулся, мазнув быстрым взглядом по лицам. — Все так думают?! Да?! Вижу — все...

— Олег! — крикнул Басс. — Да что ты несешь, наконец?! Ты что, заболел?!

— Выздоровел, — отрезал я.

Вадим схватил меня за локоть:

— Стой, Олег, ты что?! Стой же, стой!

— Ты — с кем? — в упор спросил я его.

— Я — с нами, — пояснил Вадим. — С нами, и никак иначе — ты что, не видишь, что сейчас будет?!

Я, наверное, видел. Но не понимал... а может, и хотел того, что должно было произойти. Я устал... Сейчас я понял, что устал, — и никакой весне не одолеть этой усталости.

— Вам нужен новый князь?! — я сплюнул. — Тогда выбирайте!

— Саню! — закричал Бэн.

— Заткнись! — зло ответил Сергей. — Я с ним никуда не пойду!

— А с Олегом пойдешь? — хмуро спросил Сморгч.

— Хоть в ад! — отрезал Сергей. — Если кто-то забыл — он не только наш князь. Он наш друг!

На миг стало тихо, словно этот факт встал перед нами во весь свой рост. Но, наверное, устал не я один...

— Я с Олегом не пойду тоже.

Это сказал Андрей Альхимович. Тот самый Андрей, который из-за нас ушел из комсомола. Который учил нас, как жить на природе... Я почувствовал, как впервые в жизни у меня сам собою открылся рот.

— Приехали, — даже с каким-то облегчением выдохнул Басс.

А Сергей без злости, изумленно-дрожащим голосом, спросил:

— Почему?!

— Он слишком рискует. — Андрей печально посмотрел на меня. — Саня чушь порет, что он специально... и все такое... Но Олег слишком рискует. — Он выделил эти слова. — Он сам говорил — тогда, вначале, — что нам надо исследовать этот мир. А сам ввязывается в бесконечные бои. В том числе — и те, которых можно избежать.

— Ты трус! — крикнул Сергей.

— Нет, — спокойно ответил Андрей, и Сергей замолчал — ответ был правдой. — Знаете, ребята... — Он помедлил и решительно закончил: — Я ухожу. Один. Я так решил.

Вадим все еще держал меня за локоть. И мне в этот момент показалось, что локоть зажало тисками. Он понимал что-то такое, чего не понимал я, чего я еще не понял...

— Куда? — отрывисто спросил Арнис. Он все это время абсолютно равнодушно молчал. Андрей пожал плечами, отбросил со лба волосы и улыбнулся:

— Просто так — никуда. Куда-нибудь.

— Кто со мной?! — вновь спросил Саня.

— Да стойте же!.. — уже безнадежно, но отчаянно выкрикнул Вадим. — Олег! Останови их! Ну?!

— Олег, ты?.. — требовательно повернулся к Фирсову Саня.

Тот кивнул:

— С тобой.

— Давай! — кивнул я. — А то Сане Бэна мало.

— Ну, Олег... — Вадим отшатнулся от меня. Я и сам понимал, что сказал что-то не то. Правда, Саня, мне показалось, не очень-то обратил внимание на мои слова.

— Бэн, Сморг, Фирс, — перечислил он. — Ну и отлично. Мы уходим.
— Мальчишки! — крикнула Ленка Власенкова. — Ну мы же клятву давали! Мы же клялись друг другу!
— Это ты ему скажи. — Саня небрежно махнул в мою сторону. — И подружкам своим, которые на Крите остались.
Ленка вскинула ладони к глазам. Олег Крыгин обнял ее, утешая.
— Это уже интересно, — признался Джек. Он поставил ногу на камень и положил бастард в ножнах на колено. Лицо англичанина было непроницаемо.
— Кто еще хочет уйти? — стеклянно спросил Вадим.
— Я, — сказал я.
Все повернулись в мою сторону.
— Я, — повторил я. — Я хочу уйти. Я понял — я вам не нужен. Плохой князь, хороший князь... — Я махнул рукой. — Выберите себе того, кто вам по душе. Вон, Вадима выберите.
— Олег... — начал Вадим.
Я оборвал его:
— Не надо.
Все выглядели растерянными. Даже Саня. Я посмотрел на него и подумал рассеянно: неужели он и правда думал, что для меня главное — власть? Полное, но нехорошее спокойствие спустилось на меня — когда понимаешь, что поступаешь *не так*, — и все-таки делаешь, делаешь, зная, что не получится уже по-другому...
— Это слишком, — покачал головой Арнис.
— В самый раз, — усмехнулся я.
— Олег, мы с Ленкой идем с тобой, — сказал Сергей. Ленка Чередниченко подтвердила его слова энергичными кивками.
— Мне не нужны спутники, — отрезал я.
Мне потом часто снились *глаза* Сережки. Глаза человека, которого наотмашь ударили по лицу за добрые слова. Но зима, ее смертельный холод, злорадно подавала голос из меня, и я продолжал:
— Можете поспорить с Вадимом, кто будет князем, если я стал слишком плох для вас... Тань, ты со мной?
— Конечно, — спокойно и без раздумий ответила она.
— Олег, — вдруг сказала Ирка Сухоручкина, — ты будешь жалеть. И мы будем жалеть. Не уходи.
Я молча улыбнулся и сделал жест римской арены.
Большим пальцем вниз.

...Дорогие мои... Хор-рошие...
Что случилось? Что случилось? Что случилось?
Кто так страшно визжит и хохочет
В придорожную грязь и сырость?
Кто хихикает там исподтишка,
Злобно отплевываясь от солнца?
...Ах, это осень!
Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.
Да! Погиб я!
Приходит час...
Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...
...Это она!
Это она подкупила вас,
Злая, подлая и оборванная старуха.

Это она, она, она,
Разметав свои волосы зарею зыбкой,
Хочет, чтобы сгилблa родная страна
Под ее невеселой, холодной улыбкой...
...Боже мой!
Неужели пришла пора?!
Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-рошие...

С. Есенин

...Саня ушел ночью. Под утро — Андрей.
А утром — еще до того, как собрались мы с Танюшкой, — исчезли Сергей и Ленка.

* * *

Мы снова шли навстречу весне... или, может, это она двигалась навстречу нам... Вот только на этот раз мы с Танюшкой были только вдвоем.

Мы оба были хорошие ходоки и легко одолевали по здешним горам и лесам тридцать-сорок километров в день. Мы не разговаривали об этом, но как-то само собой получалось, что мы идем на Скалу. Дальше ни я, ни Танюшка не заглядывали.

Она ни слова мне не говорила насчет произошедшего. Во мне же продолжала жить обида.

Нет, не так. Это была не обида, а... Не знаю, как сказать. Я просто уперся... черт, черт, черт, не знаю! Я был рад, что мы ушли, и ненавидел себя за это. Я злился на ребят и на себя. Я вспоминал Сергея и готов был биться головой о стену, но через секунду бросал взгляд на Таньку и радовался, что мы одни. Я думал о наших клятвах, и эти мысли заставляли меня думать о другом, о том, что я вывалял в пыли свою честь... но и эти мысли сменялись воспоминаниями о том, как от меня в глаза отказались те, кого я считал друзьями.

Не знаю, что ощущала Танюшка. А я в конце концов просто плюнул на произошедшее и решил жить окружающей нас весной.

Дважды мы встречали ребят из местных, но расходились с ними без особых разговоров, хотя они охотно делились с нами продуктами, предоставляли место для ночевки и оба раза предлагали остаться навсегда. Люди были нужны везде, ребята — хорошие... но мы, по-прежнему не сговариваясь, продолжали свой путь на юг.

* * *

— Гвадалквивир. — Танюшка глубоко вздохнула всей грудью. — Осталось километров триста.

Пятого мая мы стояли на правом берегу знаменитой реки, глядя, как ровный теплый ветер раскачивает волны лавровых и апельсиновых рощ на холмах.

Ночной зефир
Струит эфир,
Журчит, бежит
Гвадалквивир, так, кажется? —

задумчиво спросил я, держа обе руки на рукояти палаша. Я был голый по пояс, летняя куртка обмотана вокруг бедер, вещмешок тоже переместил на ремень, чтобы не натирал плечи лямками, а к нему еще вдобавок подвязал сапоги. Танюшка тоже шагала босиком и голая по пояс. — Ну и как дальше? Вплавь тут едва ли можно, река-то, кажется, бурная...

— Бурная, — подтвердила Танюшка. — И широкая.

— А я — знаешь? — хотел этим летом обратно в Россию вернуться. На Ергень, — признался я. — Ладно, пошли посмотрим, что там, как и где.

— Подожди! — Танюшка схватила меня за руку. — Стой, смотри!

Внизу — примерно в полукилометре от нас — на берегу из лавровой рощи галопом, закинув к спинам короны роскошных рогов, выскочило оленье стадо — не меньше тридцати голов огромных оленей, которые тут на каждом шагу, а в нашем мире давно уже ископаемые. Вихрем олени пронеслись вдоль берега. Но не это привлекло внимание Танюшки. Следом за оленями, легко ломая деревья, показалась огромная, внешне медлительная рыже-черная туша. На длинной сильной шее сидела кирпичеобразная голова с круглыми ушами и вытянутыми вперед массивными челюстями. Тварюга имела вид странного клина: невероятно массивный перед на длинных мощных лапах и узкий, хиленький даже какой-то, зад — на кривых коротеньких.

Холка этого животного была на высоте около трех метров.

Я прикрыл рот. Только сейчас заметил, что он у меня опять сам собой открылся. Второй раз в жизни... В этом мире я уже видел пещерного медведя и тигрольва — хищников, давным-давно вымерших на *той* Земле. Но это... Стоп, я где-то читал про такого... или видел картинки... Существо было настолько странным, что я не ощущал страха, хотя бояться, кажется, стоило. Переваливаясь с боку на бок и временами переходя на смешной галоп, гигант преследовал оленей с вялой целеустремленностью.

— Эндрюсархус! — вырвалось у меня. Танюшка повернулась ко мне. — Первобытная гиена!

— Похож, — согласилась девчонка. — Он так с голоду сдохнет, олени-то вон уже где...

— А мы — вот где. — Я обратил внимание, что эндрюсархус остановился и неожиданно легко повернул голову в нашу сторону. Можно было различить, как задвигался большой черный нос. — Та-ня... мотаем-ка отсюда...

Мы побежали, не сговариваясь, вверх по течению, на бегу прислушиваясь. Но, похоже, смешная и страшная махина за нами не погналась. Тем не менее мы отмахали километра четыре галопом не хуже оленьего и остановились, только вылетев на открытый берег, где Гвадалквивир образовывал большую заводь. В тихой воде между кувшинок бродили фламинго. Еще росли какие-то синие с золотом водные цветы, и Танюшка, ахнув, начала раздеваться, но я удержал ее:

— Помнишь пословицу про тихий омут? Кто в нем водится?

— Черти, — вздохнула девчонка. — Ладно... А может, ты мне достанешь эти цветы? Ты же чертей не боишься...

— Чертей не боюсь, — согласился я, — а вот его — боюсь, и даже очень.

По воде между совершенно пофигистских фламинго скользил костяной гребень метров пяти в длину.

— Местность кишит жизнью, — заметила Танюшка, резво отскакивая от болотистого бережка. — Как все-таки переправляться будем?

— А стоит ли? — раздался насмешливый голос, говоривший по-английски.

Мы резко обернулись.

В десятке метров за нашими спинами стояли трое мальчишек.

* * *

Все-таки чутье — великая вещь. И я сразу почуял, что сейчас жди неприятностей. И больших.

К вопросу о дырявом счастье.

Один мальчишка — он стоял в середине — был постарше меня на пару лет, тоже голый по пояс. Его руки лежали на рукоятках двух коротких клинков, а серые глаза смотрели из-под

темных прядей безжалостно-оценивающе. Двое других выглядели моими ровесниками. Один из них — угрюмый крепыш — качал в руке боевой топор. Его лицо ничего не выражало, белокурые волосы были забраны в длинный пышный «хвост» на макушке. У второго — русоволосого — лицо было нежное (хоть и загорелое), тонкое, большие синие глаза (такие лица я часто встречал на иллюстрациях художника Медведева к книгам моего любимого Крапивина). Но в правой руке (широкий рукав подкатан до локтя), перевитой жгутами мускулов, этот милашка держал длинную тяжелую шпагу. И именно он высказался первым (в его английской речи прозвучал такой же, как у нас с Танькой, акцент — русский!):

— А сиськи у девчонки ничего.

Танюшка вместо того, чтобы вспыхнуть или хотя бы прикрыться ладонями, молча достала корду. Это не смутило никого из троих. Старший — это он окликал нас — спокойно распределил роли:

— Рауль, Валер, ее на троих, а пацан пусть посмотрит пока. Потом глянем...

Слова о том, что я хочу разойтись мирно, замерли у меня на губах. Вместо слов я извлек палаш. Лицо старшего стало удовлетворенным, он тряхнул темной гривой и приказал:

— Уберите его... Не убивайте, пусть все-таки посмотрит, как мы будем развлекаться, а потом мы и с ним повеселимся, как он того заслуживает.

Я быстро оглянулся на Танюшку — ее некуда было оттеснить, да она и не собиралась особо «оттесняться». Она улыбалась, и корда описала вокруг ее ладони три круга, быстрых и свистящих, как лопасти вентилятора. В руках у черноволосого оказались две ландскетты, и он пошел к Танюшке. Ко мне приближался, держа топор перед собой боевым хватом, белобрысый Рауль. Валерка со своей шпагой держался чуть в стороне.

— Не думаю, что это честно, — услышал я голос Таньки, и, прежде чем хоть кто-то успел среагировать, упруго щелкнула аркебуза. Рауль успел только извернуться всем телом, и пуля, летевшая ему в затылок, раздробила левую лопатку — он с криком выпустил свое оружие.

Дальше мне стало не до внешнего мира. Шпага Валерки была длиннее моего палаша, и он пользовался ею мастерски. Чистое наслаждение было драться с ним! Из второй позиции он с ходу нанес мне в пах укол с переводом. Я ответил второй круговой защитой и рубящим ударом в голову справа. Вместо ожидаемой мною пятой или шестой Валерка взял третью и рубанул в правый бок. Я прикрылся второй и хотел прервать фразу, но этот юный мушкетер взмахнул шпагой и рубанул сверху по голове, прыгая вперед. Я вынужден был взять шестую и атаковать ударом левый бок. В ответ — четвертая защита и укол в грудь, который я отразил такой же четвертой и попытался исполнить обволакивание, но он ушел в третью защиту и атаковал уколом в пах. Я отбил шпагу фруассе, проведя его до столкновения гард, — и, левой рукой одновременно выхватив дагу, вогнал ее в правый бок противника со словами:

— Тут не дорожка... — и быстро осмотрелся.

Если их старший рассчитывал встретить в Танюшке легкую поживу, то он ошибся. Сражались на равных, и два клинка едва позволяли ему держать Танюшку с ее кордой на расстоянии. Рауль, стоя в нескольких метрах от меня, держал в правой — левая висела плетью — тесак и смотрел на меня расширившимися глазами.

— Печальный исход, правда? — спросил я по-английски. — А главное — совершенно определенный... Ну? Каково это — знать, что умираешь?

— Я еще живой, — ответил он.

Я улыбнулся:

— Это ненадолго. Сколько ты здесь?

— Третий год, — ответил он.

— Ну и хватит, — кивнул я.

Он попытался защититься, но я обвел тесак и убил его. Если честно, мне не хотелось его мучить, поэтому я заколол его слева в грудь между ребрами, сразу.

Помочь Танюшке я уже не успел, потому что она в моей помощи совершенно не нуждалась. Как раз когда я к ней повернулся, она сумела рубануть черноволосого снизу

вверх между ног. Удар был быстрым и легким, но кордой именно такие удары и наносят — при ее длине, отточенности и небольшой кривизне клинка ничего иного и не надо.

Выпустив оба клинка сразу, парень встал на колени, зажимая живот и пах в тщетной надежде не дать выползти внутренностям... Впрочем, самым страшным был не распоротый живот, а то, что Танюшка снесла ему половые органы и вспорола пах — оттуда туго били темные струйки.

— Ну что?! — в запале заорала Танька. — Ты, кажется, хотел трахнуть меня?! На, попробуй, — она подала вперед бедрами, — я разрешаю, я даже хочу посмотреть, как у тебя это получится!

— Тань, не надо. — Я положил ладонь ей на плечо. Танюшка оглянулась на меня, несколько раз моргнула и вдруг, уронив корду, пошатываясь, отошла в сторону и обхватила голову руками.

Парень поднял лицо. Он старался улыбнуться, но получалась гримаса. Дрожащие губы прошептали:

— Один удар...

— Да, — кивнул я и, примерившись над склонившейся сильной шеей, подарил ему этот удар. Голова легко откатилась в сторону, тело с силой выпрямило ноги — и все. Я отвернулся и подошел к своему противнику.

Он был жив и вяло корчился на сочной весенней траве. Шпагу выпустил, тонкие, но крепкие пальцы нежно обнимали рукоять моей даги. Другая рука вытирала льющуюся изо рта кровь. Хорошо я его достал — похоже, точно в печень...

— Не можешь вырвать? — тихо спросил я.

— Всегда боялся боли, — ответил он. — А, так ты русский? — До него дошло, что мы говорим на одном языке. — Кажется, если я эту штуку выну — то все?

— Все, — кивнул я. — Давай-ка, — я присел, — быстренько, Валер... Ну чего ты мучаешься? Я сам, давай. — Я убрал его руку и взялся за рукоять. — Готов?

— Подожди, — он выкашлянул сгусток крови и улыбнулся. — Вот ведь, скольких убил, а сам боюсь... Тебя как зовут?

— Олег, — представился я, осознавая дикость происходящего и глядя в глаза смертельно раненного мною мальчишки. — Слушай... — я помедлил, — тебе *там* нравился Крапивин?

— Да, — он не удивился. — Я и фехтовать начал из-за него, только вот видишь — рыцаря из меня не получилось... Нескладно все совсем. Давай, что же ты?! — крикнул он вдруг зло. А потом, когда я плотнее взялся за рукоять даги, он добавил еще: — А сиськи у твоей девчонки и правда — обалдеть.

Я выдернул дагу. Умиравшее тело Валерки рванулось за клинком вверх, стараясь удержать в себе остаток жизни. Из рта и носа толчком выплеснулась кровь, глаза расширились, словно увидев что-то очень необычное, — и потухли.

Вытирая дагу травой, я подошел к Танюшке. Она подняла потрясенное лицо, пошевелила губами и тихо сказала:

— Я... убила его...

— Он хотел сделать то же самое, — вздохнул я, но Танюшка замотала головой:

— Нет, ты не понимаешь! Я... я *радовалась*, я кричала такое... Как я могла?!

— Тихо, Тань, тихо. — Я прижал ее голову к своему животу. А про себя подумал: трое ли их было?

* * *

По берегам этого благословенного Гвадалквивира мы уходили на юго-запад почти до вечера — я все еще не был уверен, что напавших на нас всего трое. Попутно высматривали место для переправы, но ни фи́га не находили, зато нашли следы.

Следы обнаружил я. Кто-то спускался к воде и оставил отпечатки на мокрой глине,

причем отпечатки обуви, и не самоделки, а именно обуви.

— Сороковка, — определил я. — Мальчишка шел, шаг широкий... Кеды, что ли?

— Это не кеды, — Танюшка нагнулась рядом, — это настоящие кроссы... Смотри, вот, — она указала на след подальше, на котором читалось PUMA, — кроссовки «Пума». Недавний следок. Сыро, а воды в них нету. Минуты какие-то.

— Пошли, глянем. — Я осмотрелся. — Кто тут у нас шляется.

След, конечно, исчез, но зато было видно примятую траву, а потом этот «кто-то» зачем-то очень неудачно пролез через кусты олеандра. Мы пролезли следом. Я это сделал первым и, пригнувшись, скомандовал Танюшке:

— Куртку надень. Люди тут...

...Лагерь был разбит в долине довольно умело, вот только охранялся очень плохо — во всяком случае, нас на гребне холма еще не заметили, хотя внизу около шалашей ходили человек десять. В центре шалашного круга горел большой костер, возле него возились две девчонки. На шестах-подпорках шалашей висело оружие. Но в этом лагере была именно правильность, *Правильность*, а не *умелость*. Такие лагеря разбивают, если знают в теории — как, а практики маловато.

— Шесть шалашей, — сказала Танюшка, небрежно стягивая шнуровку. — Около тридцати человек, а смотри, как одеты? Никаких самоделок...

Я кивнул. Это я и сам уже заметил. Новенькие, точно. Хорошо устроились (лучше, чем мои сначала — под навесом-то...), но еще ничего толком не понимают. И народ толчется между шалашами просто так, без дела. А главное — все-таки одежда. Как будто на загородном пикнике... Я вслушался, пытаюсь понять, на каком языке там говорят (расстояние было метров двести), и как раз кто-то кого-то окликнул.

Испанский. Местные. Ну да, собственно, чего же я ожидал, какие еще новенькие могут быть на Гвадалквивире?

— Олег, они, по-моему, на олеандровых ветках шашлык жарят, — заметила Танюшка. Я поднялся на ноги:

— Пошли. Пора останавливать дурачков... Интересно, они английский, французский или немецкий знают?..

...Не представляю, что подумали две весьма симпатичные испанки, когда, обернувшись в очередной раз к костру, обнаружили около него мальчишку и девчонку — диковатого вида, вооруженных, но дружелюбно улыбающихся. Мальчишка указал на поджаривающийся шашлык и сказал по-английски:

— Нельзя. На этом жарить нельзя, отравитесь... Привет. Меня зовут Олег, это Таня, а вы кто?..

...Двадцать девять испанских скаутов — пятнадцать мальчишек, четырнадцать девчонок — попали сюда пять дней назад вполне обычным образом. То есть вышли в поход на выходные и пришли сюда. С тех пор они никого не видели, кроме множества животных, на которых потихоньку начали охотиться. И, естественно, терялись в догадках на тему «что происходит».

Обычайное дело.

Ну, последний вопрос мы прояснили для них вполне. Испанцы слушали нас всей компанией, неподвижно, открыв рты. Поверили — куда было деваться, — хотя некоторые девчонки начали потихоньку плакать, да и мальчишки отчетливо помрачнели. Но в целом мне понравилось, как они держатся. И они вполне достойно предложили нам оставаться у них на любой срок или мне вообще возглавить отряд.

Я отказался. Но попросил показать место, где они взяли оружие...

Хайме Гонсалес — так звали их старшего — ничуть не напоминал испанца в моем представлении. Он был высокий, белокурый и сероглазый, да еще и флегматичный, как швед или наш Арнис. Он сам показал мне «это место», и я не удивился, когда обнаружилось, что это одна из башен Срединного Королевства — как та, в которой вооружились мы с Танюшкой, даже щит со львами был таким же. Она стояла за лагерем, на склоне,

обращенном к реке.

Я не очень активно порылся в рассыпанной гряде оружия, буркнул себе под нос:

— То же самое...

— А? — не понял Хайме. Русского он не понимал.

— Нет, ничего. — Я перешел на английский. Поднял оказавшийся рядом с босой ногой клинок — длинную тяжелую шпагу с фигурным плетением витой бронзовой проволоки вокруг рукояти, обтянутой потемневшей кожей с проволоочной же запрессовкой. Посмотрел кромки — на них еще сохранялись мелкие щербинки старых ударов.

Чью кровь проливал он рекою?

Какие он жег города?

И смертью погиб он какою?

И в землю опущен когда? —

тихо прочел я снова по-русски. И, нагнувшись, аккуратно положил шпагу к своим ногам. Передернулся: на миг показалось, что вернулась прошлая весна — и упавший поперек тропы палаш пересек мою дорогу в тщетной попытке предупредить и спасти.

— То же самое, — повторил я по-испански. — Пошли, Хайме. Спасибо за экскурсию.

* * *

Какие все-таки крупные звезды на юге.

Пахло свежим сеном. Рубиновой россыпью, живым светом сияли угли погасшего костра. Временами над ними взметывались синеватые язычки пламени или взлетали легкие рои искр.

Обычно костер гипнотизирует меня и погружает в сон. Но сейчас я лежал на животе уже не меньше получаса. Ноги приятно гудели.

Мы отказались лечь в шалаше и свалились с Танюшкой недалеко от костра, завернувшись в меховой плащ (ночь теплой все-таки не была, весна даже в Испании еще не лето). Танька давным-давно дрыхла, как двадцать два сурка, уютно и смешно сопя мне куда-то в район лопаток (интересно, как она туда достала, вдвое сложилась, что ли?)

Я ни о чем не думал. Говорят, это невозможно, но я вас уверяю — возможно, если не напрягаться, стараясь «выбросить все из головы», а просто предельно расслабиться. Тогда то, что в голове, превращается в очевидно-зримую медленно струящуюся воду, неспешную и непрозрачно-синюю. И этот поток уносит все-все-все, оставляя оцепенение и тишину... Получается не всегда, конечно, но когда получается, то потом всегда бывает очень хорошо и свободно, как будто как следует отдохнул...

...Мост над неспешной водой. Горбатый, из поросших мхом неровных камней...

...Тропинка. Плотнo утопанная, по бокам какие-то кусты, стоящие тесной стеной. Тихо. Спокойно...

...Легкий подъем. Свежий ветер ласкает лицо. Впереди — ровный шум, похожий на шум моря...

...Это не море. Это лес — лес у ног без конца и без края, а на обрыве — беседка с круглой скамьей, высеченная целиком прямо из алой гранитной скалы...

...В беседке — человек.

Я вошел в беседку по широким полукруглым ступеням, тоже составлявшим единое целое со скалой. Палаш на шаге коротко чиркал об острые края. Я всматривался в сидящего на скамье человека.

Воин. Высокий, в сером плаще, укутывающем его от плеч до каблуков старых сапог. Плащ оттопыривает тяжелая крестовидная рукоять длинного меча. Обветренное, худое лицо. Длинные волосы, черные с резкой красивой проседью. Внимательные, жутковатые серые глаза.

Я мог бы поклясться, что не видел этого странного и величественного человека ни в жизни, ни в кино, ни на иллюстрациях к книгам. И в то же время я столь же точно мог поклясться, что знаю этого воина.

Знаю.

— Конечно, знаешь, — негромко сказал воин. Не сводя с него глаз, я сел на скамью, ощущая себя смешным мальчишкой, который убедил себя в том, что похож на взрослого рыцаря... и вдруг оказался рядом с рыцарем и понял всю тщетность своих потуг.

Воин пошевелился — под плащом тяжело сверкнули плотной вязки звенья кольчуги, усиленной чеканным нагрудником. И я узнал его, хотя и правда ни разу не видел до сих пор! Но именно таким я себе представлял Арагорна, короля-воина из своих любимых «Хранителей» — загадочно-неоконченной книги, продолжение которой мучило мое воображение уже пять лет (или семь? Как считать...). Точно таким!

Наверное, у меня было потрясенное лицо, потому что тонкие губы Арагорна чуть шевельнулись в улыбке. И, наверное, я смотрел на него с обожанием...

— Сон, — вырвалось у меня.

— Давай поговорим, — негромко сказал мой любимый герой.

* * *

То, что Хайме смущен, я увидел сразу и внутренне напрягся. Испанец остановился рядом и довольно долго смотрел, как я пакую «сидор». Я продолжал заниматься этим совершенно спокойно, ожидая, что же он скажет. Почему-то мне казалось, что он повторит свое предложение насчет «останьтесь». Но вместо этого, закончив мяться, он сказал:

— Татьяна говорила, что ты очень хороший фехтовальщик...

«Спасибо, Тань, — подумал я, бросая на нее, возившуюся со своими вещами, многообещающий взгляд (Танюшка сделала вид, что ее тут не стояло). — Данное предложение при первом знакомстве начинает становиться доброй традицией...» Очевидно, мое молчание показалось Хайме ободряющим, и он продолжил куда более бодро:

— Мне здесь еще драться не приходилось. Может быть, ты не откажешься со мной пофехтовать?

— Какое у тебя оружие? — без околичностей спросил я. Хайме показал дагу (такую же, как моя) и длинную шпагу. — Ну что ж, неплохо. Пошли...

...Хайме оказался до сумасшествия быстр и ловок. Кроме того, он одинаково хорошо владел левой и правой рукой — я просто не мог поверить, что передо мною мальчишка, ни разу не вступавший в настоящий бой. Спортивное фехтование тут почти не помогало, а левой рукой испанец владел лучше, чем я. Хайме пружинисто танцевал на широко расставленных ногах, отражая мои удары и отвечая молниеносными контратаками на всех уровнях. Оба его клинка казались атакующими змеями.

Странно и смешно, но мальчишка, пробывший здесь неделю, оказался самым опасным из всех соперников, встреченных мною за два года нашей «эпопеи»! Во всех схватках я брал быстротой реакции и умением изобретать неожиданные вещи. Но Хайме словно предугадывал все мои движения. Руки у мальчишка казались отлитыми из железа, иначе не скажешь.

И все-таки последние два года он жил в городе и не проходил во время охоты по двадцать пять километров с грузом. Его подвела усталость — на черт-те какой минуте, когда с меня уже лил ручьями пот, но подвела. Он не успел поднять клинок шпаги — и я остановил острие палаша в сантиметре от его горла.

Хайме опустил оружие. Он тоже тяжело дышал. И выглядел изумленным.

— И тут много таких, как ты? — спросил он.

— Он один такой! — гордо сказала Танюшка, уже оказавшаяся возле меня.

— Я уже два года подряд побеждаю на юношеских турнирах Испании, — сказал Хайме, прогибая в руках клинок своей шпаги. — И я не думал, что может найтись ровесник,

способный одержать надо мною победу.

— Ну, таких, как я, я правда не встречал, — скромно ответил я. — Нет, если серьезно: за два года я не проиграл ни одного поединка, так что не расстраивайся. Ты и правда великолепный боец.

— У нас есть плот, мы с него рыбу ловим. — Хайме вбросил шпагу в ножны, прихлопнул ее рукоять сверху сильным ударом ладони. — Мы переправим вас через Гвадалквивир... если вы все-таки не надумаете остаться с нами. Мы были бы рады. Честное слово.

* * *

— Скала.

Я опустил руки, сложенные «домиком» над бровями, и оглянулся на Танюшку. Мы стояли на выжженной солнцем равнине, покрытой ломаными линиями низких серых кустиков. Горячий ветер гнал между них столбы пыли. Они натыкались на кусты, рассыпались тонкой завесой, чтобы вновь возродиться опять в другом месте.

А впереди, километрах в тридцати, начинался подъем. Он длился и длился в небо, чем-то напоминая скалу из того моего сна, где я разговаривал с королем Арагорном (только под этой скалой будет все-таки море, а не лес...). И там, в небе, она обрывалась.

— Олег, — позвала меня Танюшка. Я смотрел на нее. — Олег, что мы будем делать дальше? Я не спрашивала, но теперь спрошу.

— Тань, — тихо сказал я и посмотрел на свои босые ноги, утопающие в теплой пыли, — я пока не знаю. Мы решим на месте, хорошо? На месте... и вместе.

— Решай один, — коротко сказала Танюшка. — Я просто с тобой.

— Ну если просто со мной, то пошли, — вздохнул я. — Дойдем до вечера?

Танюшка поставила ногу на носок и сделала *fouetté*:

— Дойдем...

...Людей увидела Танюшка. Издалека я еще не замечал их, утомившись однообразно-серым жарким пейзажем, — а Танька напряглась и тихо сказала:

— Смотри, люди... или урса.

Я остановился:

— Где?

— Смотри левее вон тех кустов и дальше.

По равнине навстречу нам ползли несколько точек. На таком расстоянии я бы не взялся не то что урса от белого отличить, но и всадника от пешего или велосипедиста. Больше того, я не был даже уверен, что это люди, а не, скажем, быки.

— Тань, — неуверенно начал я, — а это точно люди? Я что-то...

— Пять человек, — уверенно сказала она, движением плеча сбрасывая в руку аркебузу и взводя ее. — Как думаешь, это ребята Лаури?

— Не знаю, — коротко ответил я. — Километра два еще. Минут двадцать у нас есть, если будем стоять на месте. Десять — если пойдем.

Больше мы ничего не говорили. Только молча обулись и влезли в куртки, а я, подумав, надел бригантину и крагу. Танюшка поправила мне на голове повязку, и мы зашагали навстречу приближающимся людям.

Или урса...

...Впрочем, через пять минут стало ясно, что это пятеро белых. Они шли нам навстречу (точно нам!), словно охватывая полукольцом. Без угрозы, но с оружием в руках. Явственно-лениво.

Это шли хозяева здешних мест.

— Лаури, — буркнул я, выпуская рукоять палаша. — Его люди.

— И он сам. — Танюшка явно повеселела, вхолостую щелкнула тетивой, так и не закатив в ствол пулю. — Вон, в середине...

Через минуту и я узнал ярла. Он, кажется, узнал меня раньше, потому что бросил несколько слов своим и ускорил шаг, отрываясь от них и на ходу вскидывая руку. Я тоже заспешил, видя уже, что Лаури широко улыбается, и через несколько секунд мы положили руки на плечи друг другу.

— Ты жив! — радостно сказал англичанин. — Ты жив! Я думал, ты погиб на Крите вместе с Жоэ! Татьяна! — Он поднес ее руку к губам. Подошедшие мальчишки улыбались; нет — трое мальчишек и девчонка с густой каштановой гривой, пониже остальных. Конечно, все с оружием.

— Я очень рад тебя видеть. — Я стиснул его плечо. — Очень рад.

— А где остальные?! — Он осмотрел долину, словно надеясь увидеть мой отряд в засаде за кустами. — Неужели погибли?!

— Многие — да. — Я скрипнул зубами, перевел дух. — Но далеко не все. Просто случилась масса вещей... Лаури, ты не будешь против, если мы с Танюшкой...

— О чем разговор?! — сразу и искренне ответил он. — Пошли на Скалу, к вечеру доберемся!

* * *

Вы не замечали, что во всех катаклизмах — бурях, дождях, снегопадах — есть что-то приятное, когда ты сидишь в надежно защищенном жилище? Я лично чувствую именно так.

Буря сотрясала Скалу. Она ревела и выла в ближних к выходам коридорах, но дальше рассеивалась — и уже бессильно утыкалась в главные ворота. Где-то далеко внизу ухало и гремело море.

Я уже с четверть часа бродил по пустым коридорам от одного редко горящего факела к другому. Все спали. Ну еще бы, уже далеко за полночь, никто не станет шлаться просто так. Я, правда, заглянул в караулку, но смена спала, а дежурного не было вообще.

А мне спать не хотелось. Мучила невероятная тоска, на которую как нельзя лучше ложились все звуки бури снаружи. Поэтому я обрадовался, услышав разговор в комнатах Лаури. И вошел без приглашения.

Лаури сидел за столом вместе со своим сторменом Ларсом Виллерю. Горели две масляные лампы, на столе между ними была расстелена карта. Мальчишки обернулись на меня, Ларс махнул рукой:

— Не спится? Проходи, Олег, садись.

Я сел на пододвинутый стул, заглянул в карту:

— Карибское море?

— Угу, — ответил Ларс, поднимаясь. — Ладно, Лаури, я пойду, мы вроде все обговорили... Доброй ночи всем.

— Доброй ночи, — ответил я.

Лаури кивнул, проследил взглядом, как за Ларсом задернулся полог.

— Что не спишь? — спросил он, садясь поудобнее. — Погода мешает?

— Погода хорошая, — без тени иронии ответил я. — Кончится шторм — отвезешь нас, Лаури?

Он кивнул как-то задумчиво. Потом внимательно посмотрел мне в лицо:

— Послушай, что я тебе скажу. Оставайтесь у нас насовсем. Ты смелый и умный парень, такие нам нужны... Ты сможешь стать сторменом. А потом, когда меня убьют, — он сказал это очень спокойно, — то не исключено, что и ярлом. Ты сможешь.

Я усмехнулся, поводил пальцами над пламенем одной из ламп:

— Я уже побыл князем. Не хочу повторять болезненный опыт...

— И все-таки ты был бы нам нужен... — Он помедлил и добавил: — А еще больше ты был бы нужен своим людям.

— Я больше этого не хочу, — объяснил я. — В конце концов, это мое право. Или ты скажешь, что я трус?

— Не скажу, — мотнул головой Лаури. — Что ж, хорошо. Это твое решение, а решение такого человека, как ты, стоит уважать всегда. Я отвезу вас на Азорские острова. Как только кончится шторм.

— Азорские острова. Азорида, — задумчиво сказал я. — Да, это будет хорошо. Мне всегда нравилось это название — Азорские острова...

— Говорят, там была Атлантида, — так же задумчиво сказал Лаури. — Знаешь что? — Он чуть наклонился ко мне через стол. — Через год я вновь приплыву туда за тобой...

— Не надо. — Я помотал головой, но Лаури продолжал:

— Я приплыву за тобой через год. Если меня убьют, приплывет кто-то из моих ребят. Если не приплывет никто — значит, нас просто всех нет в живых.

— Зачем это? — поморщился я.

— Затем, что ты захочешь вернуться, — убежденно пояснил Лаури. — Нет, Олег, не возражай. Я знаю, что говорю. Может быть, тебе сейчас и кажется, что ты решил навсегда. Поверь — это не так.

— Я решил *навсегда*, Лаури, — серьезно и немного печально ответил я. — Не надо. Не приплывай... На Азориде нам будет хорошо.

— Это говоришь не ты, а твоя обида, — сказал Лаури. И вдруг предложил: — Хочешь — выпьем? У меня есть хорошее вино. Ты никогда не пил?

— Никогда, — пожал я плечами и хотел уже было отказаться, но вместо этого кивнул, сам того от себя не ожидая: — Ладно, как это... наливай.

— Сейчас, — он чуть повернулся и окликнул: — Джерри!

В смежной комнате послышалась возня, потом — мягкие шаги босых ног, и возле стола появился Джерри. (Это его я тогда принял за девчонку, а позже, если честно, заподозрил Лаури в «не той» ориентации, тем более что девчонки у него не было. Но выяснилось, что Лаури относится к спасенному им два года назад из плена Джерри скорее как к младшему брату. Тем более что урса вырезали у мальчишки язык...) Он позевывал и чуть покачивался, но всем своим видом выражал готовность.

— Принеси вина, — приказал Лаури. Джерри кивнул и через полминуты принес кожаный мех и две глиняные кружки. Потом щелкнул себя по горлу и замотал головой. — Ладно, ладно, не напьюсь, — засмеялся Лаури и, протянув руку, взъерошил густую каштановую гриву Джерри. Тот улыбнулся и пошел досыпать.

— Ты что, часто выпиваешь? — Я с любопытством и некоторой опаской следил за тем, как Лаури разливает в кружки красивую бледно-желтую жидкость.

— Бывает, — буркнул Лаури.

— Слушай, ты *там* таким не был? — полюбопытствовал я. — Мог бы ведь сам за вином сходить, а разбудил мальчишку...

— Мда... — Лаури резко поднял бурдюк и улыбнулся: — А чего ты хочешь? Я ведь феодал. Неизбежный отпечаток... Но вообще-то я и *там* любил верховодить. Я даже со Свеном сперва грызся. Пока не понял, что он лучше. *Был* лучше. Ну, — он поднял кружку, — вы, русские, любите тосты. Как вы говорите: будем?

— Будем, — согласился я, стукнув глиняным боком своей кружки о его.

Мой первый и единственный опыт со спиртным состоял в ста граммах яблочной наливки, выпитых на позапрошлый Новый год. Я и вкуса-то не помнил... У вина был какой-то непонятный и не очень приятный горьковато-кисло-сладкий оттенок, от которого загоралось в горле и щипало язык.

— Гадость, — признался я, через силу допивая то, что было в кружке. — Налей еще, что ли?

Вторую я усадил, как компот, и она на вкус показалась мне куда приятней, хотя у меня начала плавно кружиться голова (тоже, кстати, не сказать, что неприятно). Лаури совершенно без эмоций разлил по третьей... и вдруг спросил:

— Ты кем хотел стать, Олег?

— Я? Военным, — немного удивленно ответил я.

Лаури поднял бровь:

— А, ну да, у вас же все мечтают стать военными...

— Ну, вообще-то это немного не так, — возразил я, отхлебывая из кружки. Черт, а штука-то приятная... — Но я всегда мечтал стать военным. Не ради славы, нет... понимаешь, я думал, что кто-то должен защищать свою родину. Понимаешь?

— Кажется, да. — Лаури покивал. — Знаешь, а я мечтал стать историком. Только, наверное, не стал.

— Почему? — искренне удивился я.

Лаури pokrивился и печально вздохнул:

— Неперспективная профессия.

— История?! — поразился я. — Знаешь, история мне тоже нравится... Как это — неперспективная?

— А вот так. Родители хотели, чтобы я стал менеджером по информационным технологиям. Это профессия с будущим...

— Тебе не кажется, что это глупо? — осведомился я. — Хотел стать историком, а стал этим... менеджером, потому что историком неперспективно. И что за жизнь у тебя будет?

— Да я понимаю. — Лаури отпил из кружки. — Мне иногда кажется, — он посмотрел в нее, — что тут, в этом мире, я чувствую себя лучше, чем *там*. Только не говори, что я пьян. Это правда. По крайней мере тут можно решать самому, а *там* за тебя решает мир, в котором ты живешь. Не такой уж хороший мир. У вас тоже так? В Союзе?

— Не знаю, — вопрос застал меня врасплох. — Я как-то не думал об этом никогда... Знаешь, — вдруг признался я, — у меня не получилось бы стать военным. У нас не берут в училища ребят с неправильным прикусом, а у меня еще и картавость.

— Ничего себе правила у вас! — удивился Лаури. — Правильно, наверное, у нас всех вашей армией пугают... Но из тебя, мне кажется, получился бы хороший военный.

— А из тебя? — Я допил и налил себе сам.

— Да... — Он задумался, потягивая вино, потом признался: — Знаешь, это, наверное, сидит в каждом мужчине... Ты умеешь петь?

Хороший вопрос. Мы говорили вроде бы связно, но я серьезно задумался над сказанным, пока ответ не оформился в слова:

— Умею, но так себе. А что?

Вместо ответа Лаури вдруг дернул по-английски — и очень даже мелодичным голосом:

Старичина Зевс обзавелся телкой.

Гера ни на грош в ней не видит толка!

— Знаю я, зачем муженьку телица!

Не хочу ни с кем первенством делиться!

За здоровье Зевса, за любовь к животным!

Как ни клялся шалопут:

Все, мол, в фермеры идут, —

Был супругою он вздут —

Урок наглядный вот вам!

Я засмеялся, отхлебывая из кружки. Лаури подмигнул мне:

Юный Адонис славился немало:

Все же кой-чего парню не хватало;

Афродита зря бедрами вертела —

Не расшевелить импотента тело!

Спи спокойно, малый — заслужил ты вышку!

Вепря подстрелить не смог —

И клыки вонзились в бок...

Эх, какую ж ты, пенек,
Проморгал малышку!
Полюбил кентавр даму-лапифянку:
Заманить хотел на тихую полянку.
Шлюшка же ему (охай или ахай)
Фыркнула в ответ: — А пошел ты...!¹

— Ну, дальше там уже полный мат, — оборвал Лаури себя. — Давай еще выпьем.
Мы выпили еще и опять разлили... Лаури откинулся на массивную спинку стула, а я попросил:

— Слушай, спой еще, а?

— Ладно. — Он не стал ломаться. Несколько мгновений смотрел в стол, потом поднял на меня потемневшие внимательные глаза:

Пусть в кубках пенится вино,
забудьте о былом.
Пусть будет то, что суждено
нам на пути земном.

Забудьте кров, забудьте дом
и тот зеленый холм,
где навсегда уже вдвоем
уснули мать с отцом.

Забудьте мир, забудьте сон
без страха и тревог.
Забудьте колокольный звон
и из трубы дымок...²

* * *

Танюшка проснулась от того, что кто-то шуршал занавесью у входа и время от времени страшным голосом взрывал по-немецки:

— Русланд! Дойчланд! — и еще какой-то дикий хрип.

Танюшка вскочила, схватив из перевязи охотничий кинжал. Чиркнула одной рукой «зажигалку», выбивая искру на фитиль, — лампа загорелась.

Олега не было. Точнее, не совсем не было. Его не было в постели. Зато у входа он очень даже был.

Олег сражался с занавеской, пытаясь ее наконец-то обойти, но путался в ней, как в лабиринте. Куда бы он ни совался, в руках у него обязательно оказывался не тот, так другой край. Впрочем, Олега это, кажется, ничуть не смущало — он не выглядел рассерженным, а вполне энергично орал что-то на псевдонемецком, снова и снова повторяясь. Кроме того, он то и дело за эту занавеску цеплялся, как за последнюю надежду, и вроде бы падал.

— Олег, ты чего? — сердито и удивленно спросила Танюшка, бросая кинжал в ножны. — Рехнулся, что ли?

Олег осекся и, завозившись интенсивней, выпал в комнату — но не упал, вцепившись в кровать и пытаясь увидеть Татьяну, однако явно ее не различая.

¹ Из романа Дж. Майерса Майерса «Серебряный вихор». Перевод с английского С. Шик.

² Цитируется по кн. Е. Хаецкой «Хелот из Лангедока».

— Да ты же... — Танюшка взгляделась и обалдело ахнула: — Да ты же совсем пьяный!

— Ни-ка-да, — убежденно сказал Олег и, потянувшись в пространство, рухнул на кровать ничком. Больше он ни одного движения не сделал — остался лежать, разбросав руки и ноги и громко дыша в меховое одеяло открытым ртом.

— Напился, — растерянно повторила Танюшка. Ей внезапно стало смешно — по-настоящему, не от нервов. — Елки-палки, да как напился! В сиську напился...

Хихикая, она обошла кровать и, перевалив Олега на спину, придержала его мотнувшуюся руку, чтобы не ударилась о край кровати.

— Вот алкашенок малолетний. — Она задумалась. — Что же мне с тобой делать-то? Это ведь классический сюжет: пьяный муж приходит за полночь, его встречает верная и чуточку разгневанная жена...

Она засмеялась. Глаза Олега открылись.

— Плохо мне, а ты смеешься, — неожиданно внятно сказал он и тут же вновь закрыл глаза.

Лицо у него было несчастным и обиженным, нижняя губа отвисла.

— Алкоголик ты, алкоголик, — с нежностью шепнула Танюшка, присаживаясь рядом. — Ладно, давай раздеваться...

...Сказать, что у меня утром болела голова, — значит, не сказать ничего. Когда я опрометчиво попытался встать (голова болела с момента пробуждения, но я сперва не придавал этому значения), желудок вдруг прыгнул к горлу, пол поднялся дыбом, и я, опережая свою блевотину, грохнулся в него лицом. Кто-то рухнул мне на плечи и в радостном барабанном ритме начал загонять в затылок вибрирующий лом. Я не открывал глаз, боялся увидеть свои глазные яблоки лежащими на полу метрах в пяти от меня (показалось, что у меня лопнул череп). Во рту был вкус рвоты, но одновременно — сухо, как в пустыне.

— Плохо тебе?

— Та-а-ань... — застонал я, внутренне содрогаясь, — не шу-ми-и... Я, кажется, умираю... Что со мной?..

— Ты напился, как сапожник, — пояснила она, помогая мне подняться на ноги. — Иди сюда, умоемся... Вот так...

Ледяная вода вызвала у меня нервные сотрясения. Пока я с трудом возил полотенцем по ставшей неожиданно очень чувствительной коже, Танюшка что-то налила в кружку (я слышал звук) и сунула мне:

— Пей.

— Тань, меня стошнит, — пробормотал я, с опаской косясь на дымящуюся кружку.

— *Пей!* — Голос Танюшки был железобетонным.

В кружке оказался невероятно крепкий и несладкий кофе.

— Лаури принес. Извинялся, — пояснила Танюшка, садясь на постель. Я сел рядом с ней и, аккуратно пристроив голову у нее на плече, закрыл глаза. — Олег, — тихо позвала она.

— Да? — Я не открывал глаз, с наслаждением ощущая, как откатывает головная боль.

— Олег, ночью ты был такой...

— Что, страшный, что ли? — уточнил я.

— Нет, Олег... понимаешь... жалкий такой... беспомощный, совсем как будто не ты... Я хочу тебя попросить, Олег... Никогда больше не пей, хорошо? Если ты меня любишь.

— Обещаю, Тань, больше никогда, — негромко и серьезно сказал я.

* * *

В Скале англо-норвежско-испанский с редкими вкраплениями других наций контингент разместился не хуже, чем наши знакомые карпатские чехи. В природных доках со стороны моря стояли два драккара, а сами жилые помещения располагались в глубине скалы. Я даже удивился, до чего основательно они тут устроились. Нам без слов

предоставили небольшую (так теплее в холодные зимы), но даже обставленную комнату. И все, кажется, были искренне рады — даже незнакомые ребята и девчонки. Я бы, наверное, хотел тут остаться. Но... не хотел. А Танюшка просто молча согласилась с решением плыть на Азорские острова.

Шторм продолжал бушевать, и мы оказались как бы не у дел. Я, правда, фехтовал с местными ребятами и обменивался с ними обычным слегка хвастливым трепом о приключениях. А вот Танюшка не нашла с местными девчонками общего языка. Я, если честно, тоже все время помнил, что большинство из них — это испанки, первых парней которых убили пришельцы с Севера. Видел я, кстати, и Изабель, девчонку Свена. Она была действительно красива и неожиданно замкнута для испанки...

Так или иначе, но Танька большую часть времени с явным удовольствием валялась в постели и читала. Вернее, разбирала по словечку тексты в шести испанских книжках, попавших сюда невесть когда, пытаясь самоучкой освоить этот язык. Не знаю, какие уж у нее были успехи, но названия она мне перевела. Это были неизменный «Дон Кихот» Сервантеса, сборник комедий Лопе де Веги, «Остров» некоего Гойтисоло, толстенный и затрепанный сборник детективов, «Талисман» Стивена Кинга (того самого, повесть которого «Туман» меня так напугала в «Вокруг Света» как раз весной 87-го года; не знал я тогда, чего надо бояться!) и (черт его знает, с какой стати!) большеформатный альбом черно-белых фотографий с заснятыми на фоне очень красивых пейзажей голыми мальчишками и девчонками. Я ей даже завидовал, потому что сам давным-давно ничего не читал. Раньше я думал, что и дня не смогу прожить без книги, а вот под ж ты...

Но и я, если честно, много бездельничал. В основном — дрых, и это было великолепное чувство — вот так спать в постели, в совершенной безопасности. И это чувство в немалой степени укрепляло мое намерение уйти подальше от этого бурного мира, туда, где можно без страха ложиться спать, не вздрагивать от шорохов в ночи и не думать за всех о невыносимо сложных, кровавых вещах.

А еще... еще я пытался вспомнить, о чем говорил со мной в том сне Арагорн. Временами мне это казалось очень важным. Но мир этот вычерпал мою любознательность почти до дна. Я устал. Только это теперь и имело смысл...

...Мы гостили в Скале уже шестые сутки, и как раз наступило седьмое утро. Было совсем рано. Лаури разбудил нас сам.

— Подъем, — сказал он, и я, открыв глаза, увидел, что Лаури одет полностью. — Шторм прекратился. Драккар спускают на воду, Олег. Мы отправляемся на запад через полчаса.

* * *

Здесь нет вины безжалостного шквала,
А есть судьба рожденных для войны...
Когда корабль идет в моря Вальхаллы —
Кто остановит взлет его с волны?..

Гребцы пели. Песню перемежали звонкие удары гонга. После долгого шторма пришло полное безветрие, но, похоже, гребти парням было в удовольствие.

Мы с Танькой сидели на корме, возле Лаури, лично правившего веслом, расстелив на теплой палубе меховой плащ. Драккар резал океанскую гладь, рождая двойную волну, медленно разбегавшуюся в стороны и угасавшую вдаль.

— Да, это уже океан, — сказал я вслух.

— Океан. — Лаури легко довернул весло, ловко сменив ногу на палубе.

И больше нет ни боли, ни тревоги,
Есть только песнь, подобная лучу!

И юный воин вслед воскликнет: «Боги!
Он прожил так, как я прожить хочу!»¹

— До Азорида неделя такого хода, — сказал Лаури и ударил в гонг: — Эй, навались!
Весла на миг замерли в высшей точке размаха — и с удвоенной силой вспороли воду.
— Росстани, — сказала Танюшка.
Я повернулся к ней:
— Что ты сказала?
— Росстани, — повторила Танюшка, глядя на меня внезапно потемневшими глазами —
как вода лесного озера, на которую упала вечерняя тень. — Место, где расходятся дороги.
Место, где расстаются, Олег.

Когда поднимались травы,
Высокие, словно сосны,
Неправый казался правым
И боль становилась сносной.

Зеленое море пело,
Навек снимая усталость,
Весне не будет предела,
Казалось... А что осталось?

Остался бездомный ветер,
Осенний звон погребальный
И лист, последний на свете,
На черной дороге дальней.

Весною нам все известно
И все до предела ясно.
Мы дрались легко и честно.
И это было прекрасно.

И часто в бою казалось —
Победа в руки давалась,
И нужно самую малость,
Казалось... А что осталось?

Остались стены пустые
И бельма белых портретов,
И наши стяги святы
Обрывками старой газеты.

И выше любого хотенья,
Сильнее любого знания,
Вечное жизни цветенье
И вечное умиранье.

А. Макаревич

Рассказ двенадцатый

¹ М. Струкова.

Свой остров

Бог мой — это не ропот. Кто вправе роптать?!
Слабой горсти ли праха рядиться с Тобой?!
Я хочу просто страшно, неслышно сказать:
«Ты не дал — я не принял дороги иной...»

С. Калугин

Это была двести одиннадцатая зарубка. Не знаю, зачем я их делал, но я каждый день приходил к этому валуну и аккуратно выскребал вертикальный штрих — новый в длинной веренице, похожей на строй воинов в серебристых латах.

Мы с Таней жили на этом острове почти семь месяцев. И дни... не летели, аплыли, равнодушно, незаметно, одинаково; усыпляли своим монотонным и однообразным ходом. Как вода с камня — кап... кап... кап... Вроде бы медленно-медленно собирается и падает каждая капля, но, глядя на них, можно не заметить, как прошли часы.

И ничего не беспокоило нас. Мир не мог докричаться до нашего островка. Моего и Тани. Только вот в этом благословенном климате сталь быстро подергивалась ржавчиной, рыжей и тонкой — мне пришлось густо смазать все клинки жиром, кроме моего складника и Танюшкиного ножа, которыми мы пользовались постоянно. Временами я снимал оружие со стены нашей хижины и осматривал его, но это происходило редко вначале и все реже со временем.

Когда ничего не происходит, а впереди — вечность, время меняется. Не подумаешь даже: «Вот так можно прожить всю жизнь», потому что жизни наши здесь могли оборваться только насильственной смертью.

А убивать нас было некому...

Я вставал раньше Танюшки и, прихватив ее аркебузу, шел охотиться. Не очень большой, островок тем не менее изобилует дичью и фруктами. Когда я возвращался, завтрак уже был готов... Проходил в каких-то ничего не значащих делах день, и мы не успевали оглянуться, как уже наступал вечер, и мы разговаривали около костра, а Танюшка пела.

Странно было жить в безопасности. На северо-западной оконечности острова поднимались скалы, с которых Танюшка любила прыгать в океан, вызывая у меня раздраженную зависть. Остальную часть побережья занимал пляж; с северо-восточного конца было видно вдали берега еще одного острова (Танюшка говорила, что это Сан-Мигел, самый большой из Азорских островов). Весь остальной массив занимал тропический лес, постепенно поднимавшийся к центральному плато, где лежало озеро, из которого выбегало в разные стороны множество ручейков, один из которых впадал в океан недалеко от нашего лагеря.

Вообще-то Азорские острова лежат на широте кавказского побережья Черного моря, но их и в этом мире надежно омывал Гольфстрим, поэтому зима здесь выразилась только в том, что стали часто идти теплые дожди. Нас это не очень волновало — еще в начале лета мы выстроили шалаш, и не однодневку, а прочный, надежный, с опорными слемами, несущей балкой и задней стенкой, для которого Танюшка сплела циновку на вход. Оставалось только время от времени подновлять крышу, и нам не страшны были даже ураганы, три или четыре раза за эти семь месяцев налетавшие на наш островок, когда ломались пальмы, а волны захлестывали весь пляж.

Мы загорели до черноты — даже я, хотя уж я-то сгорал моментально (я и сгорел, и сгорел три раза подряд, но четвертого раза не произошло). У Танюшки сильно выгорели ее русые волосы, а зеленые глаза стали казаться совсем светлыми. У меня волосы тоже выгорели до неожиданного темно-медного цвета и внезапно почти полностью исчезло пятно от ожога на боку (Танька уверяла, что это под воздействием солнечных лучей,

отфильтрованных ненарушенным озоновым слоем).

Остров для мальчика и девочки... Мы не надоели друг другу. Случалось, что я — или она — уходили куда-нибудь на день, два, а то и три, и почему-то не возникало никакого беспокойства, а была уверенность: сейчас Танюшка выйдет из-за деревьев и скажет: «Привет, я пришла». Она, кстати, признавалась мне, что в мое отсутствие испытывает то же самое.

Да. Свой остров для мальчика и девочки, которые устали быть взрослыми за два кровавых года.

Было у меня и еще одно — неожиданно возникшее! — занятие. Разбирая вещи, я обнаружил в вещмешке блокнот того немца из гитлерюгенда, Лотара Брюннера, который отдал мне на склонах Олимпа Тезис. Я с тех пор и не брался за него. А сейчас взялся, больше от нечего делать, если честно. Сперва просто рассматривал иллюстрации, вспоминая Олега Крыгина и его рисунки. Потом начал разбирать нечитаемый почерк своего немецкого ровесника из 40-х годов. И выяснилось, что почерк все-таки разобрать можно, если некуда спешить. А главное — что я неплохо понимаю написанное.

Станешь тут полиглотом...

Ну так вот. Это и занимало — и довольно приятно занимало — немалую часть моего свободного времени. Я лежал или на берегу, или около шалаша, разбирая строчку за строчкой, а по временам откладывая блокнот, чтобы подумать над прочитанным. Читать было интересно, мало того, прочитанное резко меняло мое отношение к «фашистам». Я даже временами начинал жалеть, что сам не веду дневника.

Хоть его после себя оставить бы...

ИЗ ДНЕВНИКА ЛОТАРА БРЮННЕРА

Я не могу ничего объяснить для себя из происходящего. Мы каждый вечер спорим до хрипоты в самом прямом смысле слова. В самом деле — как объяснить то, что двадцать пять парней из гитлерюгенда попали... куда? Не знаю.

*Мама, наверное, уже сходит с ума. Я не заговариваю об этом, виду не подаю. Остальные тоже. Интересно, а **думают** ли они об этом?*

Когда отец подарил мне этот блокнот, я решил, что буду записывать сюда самые важные мысли. Но что делать, если все мысли — важные?! И о том, что есть завтра. И об оружии, которое мы нашли.

Все — важные.

Меня всегда считали умным парнем, но их — мыслей — слишком много для пятнадцатилетнего немецкого мальчишки.

Хайнц с пеной на губах доказывает, что все это — полигон войск СС и нас проверяют для выполнения какого-то важного задания. Как в книжках... Но с другой стороны — все может быть. В пользу этого говорит то, что 3/4 парней — это сироты (сам Хайнц, кстати), а мы, остальные — лучшие спортсмены в своих отрядах. Большинство, кстати, за эту версию.

Юнгвальд никого ни в чем не убеждает. Ему достаточно того, что он сам убежден: это Вальгалла. Боги, а не СС, нас испытывают для Рагнарека.

Конечно. Сейчас... Но кое-кто и в это верит. Да и то сказать — согласишься тут, когда ниоткуда не видно ничего, кроме леса и гор, покрытых тем же лесом. Но это — наша Бавария, сомнений нет, я даже местность узнаю.

*Кое-кто еще считает, что мы коллективно рехнулись. Не знаю. В том, что это полигон, я тоже не уверен, потому что сегодня утром во время разведки дошел до Изера. В том, что это Изер, я убежден... Так вот. **Вода**. Она не просто прозрачная. Она прозрачная, как стекло. А рыбы там столько, что можно ловить руками, что я и сделал.*

Такой воды не может быть в Изере в начале 40-х годов XX века. Даже в заповеднике.

*Боюсь, что это не полигон и не Вальгалла. Даже не сумасшествие... **Очень** боюсь, что это — остров Рэмполь.*

Я выбрал себе хороший палаш (кинжалы у нас всех свои) и топор-бартэ. Допишу на сегодня и начну их затачивать как следует. Мне кажется, скоро нам это пригодится.

* * *

Весь день мимо острова шли киты куда-то на север, фыркая и сопя, как взбесившиеся паровозы. Я их, как и дельфинов, никогда не любил, а вот Танюшка как уселась на пляже, так и окаменела. Я по ее спине понял, что сдвинуть ее отсюда можно только танком-буксировщиком, и пошел одеваться, решив сходить на озеро и, возможно, заночевать там. Небольшая подробность в том, что «дома» мы вообще ничего не надевали, и не поддразнивая друг друга или сберегая одежду, а... просто так. Поэтому сейчас одеться было необходимо. Танюшка даже не обернулась, и я, посмеиваясь, кончиком даги начертил на песке — на полпути к шалашу — человеческую фигурку, стрелку и озеро. Поймет...

...Озеро было пресноводным, естественно. И в нем водилась уйма рыбы, которую мне иногда везло добыть импровизированным гарпуном из одного своего метательного ножа. Самой значительной моей добычей была полутораметровая щука, которую я прибил на отмели три месяца назад.

Но сейчас я пришел сюда не рыбу ловить, хотя в озере стояли пара вершей и самодельная сетка. Точнее, я пришел низачем.

Отсюда было видно весь остров. Киты по-прежнему шли косяками; Танюшка (в виде точки) замерла на пляже... Я крутнулся в сторону. Пляж. Океан. Пляж. Океан. Пляж. Океан.

Я чертыхнулся, сам не понимая зачем, поспешно разделся и прыгнул в воду с берега. Плавать я так и не полюбил, но сейчас мне хотелось разрядить себя, как разряжают батарею. Так, чтобы умотаться.

Я перемахнул озеро до противоположного конца и, кувыркнувшись, нырнул. Гранитный откос плоско уходил вниз, сменяясь илистым дном, поросшим густыми водорослями, колыхавшимися в такт каким-то подводным течениям. Стайки мелких рыб и отдельные экземпляры покрупнее шарахнулись в стороны от моих рук... Я зацепил пальцами горсти ила со дна, перевернулся на спину и толчком ног ушел вверх по косой линии. Выбросился из воды по пояс, переломился, встряхивая головой, набрал воздуха в легкие и снова ушел под воду.

В глубине я легко терял направление, и сам толком не понял, как оказался у «нашего» затончика, перегороженного сеткой.

И завис в воде, подгребая руками и разведя согнутые в коленях ноги...

...Щука была огромна. В воде предметы кажутся больше, да. Но такие поправки я делать умел еще *там*. И в щуке было не меньше трех метров.

Она «стояла» за сетью на месте так же, как я, только двигала хвостом. Влево-вправо. За сетью было немало рыбы, самой разной, в том числе пять или шесть «блямб» — карасей с полотно БСЛ (большой совковой лопаты). Щука не обращала на них внимания. Я видел сбоку ее тело, похожее на клинок огромной финки-илве. Видел отливающие белесым плавники, белое с зелеными пятнами брюхо, крупную чешую, зелень водорослей на хребте...

Щука была самой сильной в озере. Она царствовала здесь, она умела убивать любую добычу и давно уничтожила всех соперников. Там, за сетью, была добыча, за которой не требовалось гоняться. Чистая вода. Водоросли. Свет. Ничуть не хуже, чем в остальном озере. Даже спокойнее — ведь она не могла знать, что такое сеть...

И все-таки в том, как она стояла на месте, глядя за сеть, было что-то окончательно-обреченное. Там, в сытом закуте, было все. Кроме того, к чему она привыкла. Что составляло смысл ее существования.

Щука понимала это. Что такое сеть — не понимала. А в чем свобода — понимала.

Чистая вода. Водоросли. Свет. Покорная добыча.

Или бой, для которого она родилась. Для которого ее создала природа.

Ловушки бывают разные. И только самое умное на свете существо — человек — может попасться в ловушку без стен, решеток, сетей. В ловушку — по собственной воле... Забыв, для чего рожден.

Или заставив себя забыть, потому что...

Удушье толкнуло меня вверх...

...Я долго сидел над заводью, обхватив себя руками и дрожа в тщетных попытках согреться, хотя холодно не было. Щука — отсюда ее тоже было видно — стояла на прежнем месте. За нею металась рыбная мелочь. Они хотели просто вырваться. Низачем. От страха.

Щука хотела *жить* .

Встав, я рывком сдернул сеть с левого приколыша и ослабил ее. Всего на миг — мне не хотелось выпускать остальную добычу, которая этого не заслужила.

Щуке этого хватило для одного-единственного рывка, унесшего ее за пределы ловушки.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛОТАРА БРЮННЕРА

Я чувствую себя изменником, но Таня мне больше чем нравится. Я, наверное, сумасшедший. Так сказал Хайнц. Он, кажется, готов был меня вообще прирезать. Проклятье, да полгода назад я бы сам бросился на свой нож, если бы мне кто-то сказал, что я могу влюбиться в недочеловека. И, в конце концов, есть же Эльза!

Если сказать правду, то я понимаю, что к Эльзе мне не вернуться. И еще неизвестно, чем закончилась бы восемь дней назад встреча с чернокожими, не окажись там этих русских. Я и сейчас вижу их костер в километре от нас. Глупо! Ведь днем мы общаемся — худо-бедно, но общаемся, жизнь заставляет... Мне, кстати, кажется, что большинство наших ребят тоже не прочь ближе познакомиться с юными большевиками. Уже одно то, что они бросились на помощь, не задумываясь, вызывает уважение.

*Конечно, среди них есть несколько не менее упертых, чем Хайнц или Дитрих. Но, когда напали урса, даже этот их Алекс, который потом затеял драку с Юнгвальдом, не задумался. По-моему, мы ведем себя неправильно. Последние месяцы мы идем по Европе и России. Даже идиоту будет ясно: тут есть **общий** враг, которому все равно, кого резать: арийцев, большевиков или демократов. И тут нужно держаться друг за друга, как магнитам. Тут нечего завоевывать, тут полно жизненного пространства и слишком мало людей, чтобы речь могла идти о священной войне германской нации. Да и нации нет как таковой. Хайнц, конечно, настоящий лидер, этого нельзя не признать. Но он не умен, если честно. Мы уже похоронили пятерых, и трех из них убили не чернокожие, я уже писал об этом. И в обоих случаях — и с чехами, и с поляками — инициаторами были мы.*

Как бы он завтра не придумал повторить тот же опыт с русскими... И дело не в том, что их больше. Просто хватит этого безумия.

Не Татьяна ли на меня так повлияла? Не слишком-то она похожа на недочеловека. Она красива, умна и отлично развита физически. (Да и вообще — они не производят впечатления «дегенеративных азиатов».) С ней интересно... А еще интереснее — один ли я встречаюсь с русской девчонкой? Там свободна не одна Татьяна. Правда, они страшные пуританки, страшнее наших лютеранских предков! Но я все-таки попробую поцеловать ее еще раз. В смысле — еще раз попробую.

Если будем живы.

* * *

Ночь прошла — будто прошла боль...

Спит Земля — пусть отдохнет, пусть...

У Земли, как и у нас с тобой,

Там, впереди, долгий, как жизнь,
Путь...
Я возьму
Этот
Большой
Мир,
Каждый день, каждый
Его час...

Если что-то
Я забуду —
Вряд ли звезды
Примут
Нас...
Я возьму щебет земных птиц,
Я возьму звонких ручьев
Плеск,
Я возьму свет грозовых зарниц,
Шорох ветров,
Зимний пустой
Лес...

Дождь сек крышу нашего шалаша. Было темно, порывисто и многоголосо шуршали листья. Я лежал на спине, закинув руки за голову и, закрыв глаза, слушал, как Танюшка поет:

Я возьму память земных верст...
Буду плыть в спелом, густом
Льне...
Там, вдали — там, возле синих звезд —
Солнце Земли
Будет светить
Мне...¹

...— А ты помнишь, из какого это фильма? — спросила она, когда допела.

— Ага. — Я открыл глаза. — «Москва — Кассиопея». Мы на него всей компанией ходили — еще до того, как я с тобой познакомился... Потом играли на стройке в этот фильм.

— А я с отцом ходила. — Танюшка повозилась в темноте и вдруг задумчиво спросила: — Помнишь, там у них, на звездолете, была сделана комната «до 16 лет не входить»? — Я угукнул. — Я вот думаю, они что, правда смогли бы шестнадцати лет дождаться?

— Да там один вошел, — вспомнил я, — его же выперло, автоматически.

— Да я не об этом, — возразила Танюшка. — Я вообще. Звездолет, трое мальчишек, три девчонки, никого взрослых, а они же там все уже друг в друга перевлюбленные... Дотерпели бы?

Я задумался. Если честно — такая мысль мне в голову в связи с этим фильмом еще не приходила.

— По-моему, нет, — решил я наконец. — Даже точно нет. Конечно, это начало семидесятых, они воспитаны были куда строже, чем мы, но все равно, мне кажется, они еще до шестнадцати... ну как бы... — Танюшка засмеялась, и я не стал договаривать. — Да и вообще, — мне вдруг стало грустно, и я почти зло продолжал: — Да и вообще не долетели

¹ Музыка В. Чернышева, стихи Р. Рождественского.

бы они никуда, если бы не эта свертка пространства. Двадцать пять лет в один конец — они уже лет через десять друг друга поубивали бы!

— Почему, они же друзья... — заспорила Танюшка и осеклась.

А я все-таки продолжил:

— Друзья, да... Если бы мне кто сказал, что Сергей на Саню может с палахом броситься... Что мы до такой степени способны разлаяться... Это вот нам было куда разбежаться. А куда на космическом корабле бежать? Перебили бы друг друга к чертовой матери...

— Ты, Олег, так говоришь, — обиженно сказала Танюшка, — потому что у нас так получилось. Просто со злости. Тебя послушать, так и мы с тобой друг друга рано или поздно зарезать должны!

— Может, и зарежем, — ляпнул я.

Танюшка даже воздухом задохнулась... а потом я ощутил вдавившееся в шею лезвие ее ножа.

— Ну а если я тебя и правда сейчас зарежу? — вкрадчиво спросила она.

— Если тебе это доставит удовольствие — режь, — тихо сказал я, чуть откидывая голову подальше. — Только когда сонную перережешь, поцелуй меня. Сбоку, чтобы не забрызгаться. Это будет самая лучшая смерть, которую только можно представить... Давай, режь, Тань. Можешь медленно.

— Тьфу ты, дурак. — Я услышал, как отлетел в сторону нож. — Мне даже страшно стало! «Сбоку, чтоб не забрызгаться...»

— Ты целовать меня будешь или нет? — уточнил я.

— Не заслужил. — Она отодвинулась к своей стенке.

Я вздохнул:

— Ну вот. Оскорбили, не зарезали, да еще и не поцеловали... Что за жизнь?

Последняя реплика у меня вырвалась с настоящей злостью, и Танюшка это ощутила.

— Что там с тобой случилось? — быстро спросила она. — Олег?

— Ничего. — Я прижал руки к лицу. — Таня, Таня, Таня!!! — выкрикнул я. — Тань, мне страшно, я боюсь, что и тебя потеряю!

— Ты что, Олег?! — Она мгновенно оказалась возле меня, стиснула мои запястья. — Олег, Олег, ты что?! Родненький мой, тебе плохо?! Вот я, вот, ты держись за меня!

— Таня, — я опустил руки, ощущая ее теплое чистое дыхание, — Таня, я без тебя умру. Сразу умру.

Я хотел бы подарить тебе песню,
Но сегодня это вряд ли возможно.
Нот и слов таких не знаю чудесных —
Все в сравнении с тобою ничтожно...
Я хотел бы подарить тебе танец,
Самый главный на твоём дне рожденья.
Если музыка играть перестанет —
Я умру, наверно, в то же мгновенье...
Ау!
Днем и ночью счастье зову —
Ау!
Заблудился в темном лесу я...
Ау —
И ничего другого на ум!
Ау! Ау! Ау!

Я хотел бы подарить тебе голос,
Чтобы пела колыбельную детям.

Ни рукой не снять мне боль, ни уколом —
Точно знаю, что меня ты не встретишь...
Я хотел бы подарить тебе счастье,
То, которое никто не оспорит.
Только сердце часто рвется на части —
Так как, видимо, я создан для горя...

А. Розенбаум

ИЗ ДНЕВНИКА ЛОТАРА БРЮННЕРА

*Самое ужасно, что я не ощущаю себя виноватым, хотя должен. Не понимаю, как может чувствовать себя невиновным **убийца**.*

Я, Лотар Брюннер, немец, член гитлерюгенда, 15 лет, сегодня утром убил в поединке Хайнца Клемминга, немца, члена гитлерюгенда, 15 лет, в этом мире являвшегося еще и моим конунгом. Я сделал это не потому, что хотел занять его место, — более того, я в ужасе от мысли, что мне придется это сделать. Мне пришлось убить его, чтобы предотвратить бессмысленную кровавую бойню.

*Рано утром около ручья, где мы берем воду, схватились Дитрих и их Алекс. Мы не знаем, из-за чего, — и уже не узнаем, потому что Дитрих убил русского ударом бартэ в шею и умер сам от тяжелой раны в печень через несколько минут после того, как мы его нашли, так ничего и не успев нам сказать. Хайнц сказал, что надо идти мстить. Не помню, что я ощущал, совершенно не помню. Знаю только, что я отказался в этом участвовать. Еще знаю, что большинство ребят тоже сказали, что не хотят драться, что надо сперва разобраться, кто был виноват, и что даже если виноват русский, то виноват **он**, а не **они**.*

Я даже изумился, но особо изумляться было некогда. У Хайнца даже губы побелели. Он сказал мне — не крикнул, а именно сказал, — что я предатель и русский провокатор, что мы все клялись ему в верности. Это была правда. Но я все равно не хотел выполнять этот приказ... Тогда Хайнц засмеялся и сказал, что ему все ясно и что я просто хочу занять его место, и, если это так, я могу попробовать.

Я, наверное, виноват в том, что даже не попытался его отговорить. Хайнц сказал остальным, что они выполняют любой приказ победителя, и все поклялись на оружии.

Что еще сказать? Мы дрались бартэ. Недолго. Он разрубил мне левое бедро, я сейчас хожу с костылем, который сделали ребята. Разрубил, а на отскоке я достал его верхним краем полотна между ключиц. Он умер через несколько секунд после того, как упал.

Я думал, что Мюссе или Ранольф бросятся на меня. Но все молчали, и я сказал, что драться с русскими не будем, что надо, наоборот, заключить союз. Мне сделали костыль, перевязали, и я пошел в лагерь русских, но встретил троих их ребят возле того ручья. Туда же пришли и все наши, и их, там мы и говорили, что делать дальше.

Их место лагеря лучше, чем наше. Сейчас я пишу у их — нет, нашего, общего теперь, костра.

Спи спокойно, Хайнц. Я молю богов, чтобы ты был последним человеком, которого мне пришлось убить здесь.

* * *

— Слушай, а ты помнишь, что завтра Новый год?

Мы лежали на песке, и Танюшка задала этот вопрос, чуть задрав голову — она устроилась у меня на животе.

— Забыл, — признался я. — Это какой же?.. А, да, девяностый... Два с половиной года мы здесь...

— Отмечать-то будем? — допытывалась Танюшка.

Я пожал плечами:

— Да почему нет? Давай отметим всем назло. Правда, торт, кажется, печь не из чего?

— Ну, это как сказать, — загадочно произнесла Танька.

Я заинтересовался:

— Что значит «как сказать»?

— А то и значит, — отрезала она. — Олег, смотри! — Она резко села, словно в ней распрямилась пружина.

Я тоже сел.

Примерно на половине расстояния между нашим островом и Сан-Мигелом двигался корабль. Расстояние было большим, но солнце светило вовсю, и я увидел белый яркий парус с каким-то рисунком, различил узкий корпус драккара северной постройки...

— Лаури? — спросила Танюшка нейтральным тоном.

Я взгляделся:

— Нет, у Лаури на парусе алый крест, а тут что-то сложное нарисовано... Идет на восток, наверное, из Америки... Помнишь, Лаури говорил, что знает еще около двадцати таких, которые на драккарах плавают?

Танюшка кивнула и ничего не стала говорить. Мы молча сидели на песке и провожали корабль взглядами до тех пор, пока даже парус не перестал светиться ослепительным язычком белого пламени.

— А все-таки интересно, что же там, в Америке? — сказала Танюшка, скрестив ноги и берясь за их большие пальцы.

— Статуи Свободы там точно нет, — уверенно сказал я.

— А помнишь, — вздохнула Танюшка, — мы хотели посмотреть весь-весь мир?

— Помню, — отрезал я, поднимаясь и широко шагая к шалашу.

Я достал из ножен палаш и тщательно осмотрел клинок. Вытянул перед собой руку, несколько раз качнул оружием. Нет, слабее я не стал. И рука еще не отвыкла... Я подцепил перевязь, отошел в сторону. Выпустил палаш (он вонзился в песок) и, достав ножи, метнул их один за другим. Они воткнулись впритык в ствол пальмы, росшей в двадцати шагах.

— Попробуем?

Я оглянулся. Танюшка стояла позади с кордой в руке, широко расставив ноги.

— Давай. — Я взялся за рукоять палаша. — С этого и начнем празднование Нового года. Досрочно...

...Мы дрались «для красоты». Такие схватки хорошо смотрятся со стороны, восхищая и ужасая несведущих зрителей, а на самом деле — акробатика пополам со спортивным фехтованием. Можно, например, как в китайских кино, присесть красиво на отставленной в сторону ноге, обеими руками держа поднятый клинком вверх палаш... Красиво, только глупо, потому что у китайца туловище к ногам относится как 1:1, а у белого — как 1:1,5, а значит, в такой стойке у белого центр равновесия начисто разбалансирован. Зачем при этом так держать оружие — не знают даже сами китайцы.

Но красиво. Сколько я *своих* отучал от таких поз...

...Ооопп! Избегая Танюшкиного удара, я кувыркнулся с опорой на левую руку, и Татьяна даже захлопала в ладоши, хотя кувыркаться учила меня как раз она сама. И так же, хлопая, плавным перекатом ушла от моего выпада.

— Красиво, — оценил я, отдавая честь палашом и вонзая его в песок. — Поборемся?

— Давай лучше сразу, — предложила девчонка, так же вонзая свою корду.

— Что сразу? — не понял я.

— То, чем кончится наш спарринг. Чего тянуть?

— Татьяна Бурцева, вы испорченная девчонка, — покачал я головой. — Ну, Тань, я серьезно, просто хочу кое-что припомнить!

— Ну... — Она усмехнулась. — Н-на!

Я еле уклонился от страшного — без преувеличения! — хлеста ногой в голову. В самбо и боксе, которыми мы занимались, ничего подобного не было, но Танюшка во время наших нескольких «сеансов» общения с французскими компаниями усердно училась у них саватту, что в сочетании с навыками гимнастики давало сокрушающий эффект. В следующую секунду, подпрыгнув, я спасся от обманчиво плавного низкого удара в голень.

— Ого...

Танька, опершись на ладонь, выкинула вверх — мне в голову — левую ногу. Я нырнул под нее, подсек ей другую ногу и опорную руку своей ногой, но она не упала, а ловко перекатилась через плечо — и встала на ноги. На губах у нее была усмешка.

— Продолжим сеанс?

— Ты для меня слишком ловкая, — ответил я, любуясь ее собранными движениями. — Но попадешься мне в руки — берегись!

ИЗ ДНЕВНИКА ЛОТАРА БРЮННЕРА

Девушка из Северной Страны —
Голубоглазая жрица весны,
Но куда же скрылась ты?
То ли в легенды, то ли в мечты?
Через тьму веков, сквозь мечи врагов
Светит мне твой взгляд, о Дочь Богов!
Через тьму веков — звуки старых слов...
Я иду к тебе, в страну волхвов...
У тебя так много имен —
Ты — Богиня Арийских племен.
Где же вновь разведешь ты огонь?
Где услышу твой голос родной?

Никогда в жизни не писал стихов. Первый раз и, по-моему, нескладно. Мы сидели с Татьяной над берегом Волги, и я читал ей эти стихи по-немецки, не глядя на нее, а потом посмотрел и увидел, что у нее в глазах звезды. И звезды эти дрожали, как во взволнованных озерах...

— У тебя была любимая? — спросила она.

Я ответил правду и рассказал про Эльзу. Странно, но ее тень не легла между нами. Ведь, если подумать, я-то у Эльзы так и остался... И там мы с Татьяной едва ли могли бы испытывать друг к другу хоть что-нибудь, кроме ненависти. Неделию назад мы узнали, что наши войска уже два месяца как вошли в Россию.

До сих пор мороз по коже, как вспомню, чего мне стоило не допустить схватки. Хорошо еще, не все похватались за оружие...

Нет, не хочу об этом.

Потом мы целовались. Она сперва начала меня отталкивать и, по-моему, сильно испугалась. А целоваться она не умела вообще... Кусочек радости в мире, по-моему, не слишком-то радостном. Моя девушка из Северной Страны.

* * *

Коза, которую я подстрелил, сорвалась с откоса. Я был уверен, что она упала в море, но, для очистки совести осторожно подойдя к краю обрыва, увидел, что она лежит метрах в двадцати внизу, в мелкой прозрачной воде заливы.

Я плюнул. Высоты я боялся ничуть не меньше, чем раньше, но вид добычи меня

раздражал, кроме того, чуть правее того места, где я стоял, скалы вроде бы позволяли спуститься вниз без особого риска... и даже подняться обратно с добычей... А лучше даже не так. Я снял с плеча моток веревки и, закрепив ее за надежный камень, сбросил вниз. Хмыкнул — хватило за глаза — и, примерившись, полез вниз.

Как обычно бывает, спускаться оказалось даже легче, чем представлялось сверху. Я соскочил в мелкую теплую воду — тут она даже не доходила до верха моих сапог — и, подцепив конец веревки, начал обвязывать ею козу.

Я закончил эту несложную работу и, распрямившись, повернулся.

С расстояния вытянутой руки на меня смотрели два холодных, монолитно-черных глаза, выпуклых и бесстрастных, словно отшлифованные кусочки антрацита.

Глаза принадлежали двухметровому туловищу, похожему на туловище мокрицы. Только у мокриц не бывает вдобавок еще и длинных суставчатых щупалец, увенчанных клешнями. Раздвинутая, каждая из них была больше моей головы. Пониже черных глаз пульсировал диафрагмоподобный рот.

Это существо молчало. Оно вообще не имело никакого отношения к нынешнему миру и могло выжить только в теплых лагунах вот таких островов — с незапамятно древних времен, более давних, чем времена динозавров. Это был ракоскорпион, хозяин силурийских морей.

Мы смотрели друг другу в глаза около секунды. После этого я метнулся в сторону, смачно щелкнула клешня, а я выхватил свой складник и раскрыл его отработанным движением.

Ракоскорпион соскользнул, засуетившись, в мелкую воду и с такой быстротой ринулся ко мне, что я едва успел уберечь ноги, испытывая не страх, а скорее омерзение. Снова щелчок — возле бедра. На этот раз я прыгнул не от него, а к нему и всадил короткий клинок ножа — раз, два, три! — в голову между глаз.

Есть. Все. Кажется, я угодил в нервный центр, потому что ракоскорпион изогнулся в дугу, резко распрявился, взбив воду, и застыл.

Все еще не сводя глаз с трупа, я прополоскал и вытер нож. Потом полез наверх, вытягивать козу...

...Мальчишка сидел на том камне, возле которого я привязал веревку, и я напрягся в полном непонимании. Странно, но сперва я узнал *куртку*. А самого мальчишку узнал, когда он повернулся ко мне лицом.

— Север! — вырвалось у меня.

Игорь Северцев кивнул и, улыбнувшись, встал. Я шарахнулся от него, споткнулся и почти упал, с ужасом глядя на своего убитого друга, в его красивое, благородное лицо. А еще — он был безоружен. Совсем безоружен.

— Север, — повторил я, сцепляя за спиной пальцы так, что они захрустели. — Это ты? — Он кивнул. — Не может быть, — убежденно сказал я и содрогнулся нервно, повторил: — Не может быть. Ты же погиб.

Он протянул мне руку, знакомым жестом быстро сдернув с нее тугую перчатку.

— Нет. — Я замотал головой. — Я боюсь. Ты же мертвый, в конце концов!

— А ты? — негромко спросил он.

— Я? — не понял я.

— Ты живой? — Вопрос до такой степени заставил меня растеряться, что я глупо пожал плечами. — Не уверен. Я вообще с трудом тебя узнаю, Олег.

— Это я загорел, — буркнул я.

Север кивнул:

— Естественно. Я и зашел посмотреть, где ты тут загораешь. Хорошее место. Только ты с ним не очень монтируешься.

— О чем ты?! — не выдержав, заорал я...

...и поднял голову от камней. Во рту был вкус крови. Я лежал на краю обрыва, лицом в него, и видел тушу козы, обвязанную веревкой. И дохлого ракоскорпиона рядом с ней. Так.

Это все было. Я поднялся обратно наверх — и?..

— Сознание потерял, — сказал я вслух. — Хорошо еще, вниз не слетел... А может, окончательно с ума схожу.

Я подошел к камню, на котором сидел Север. Потрогал теплую поверхность и тихонько ругнулся. Точно — рехнулся. Совсем... Хотя нет. Совсем — это когда он меня с собой позовет, и я пойду.

Я еще раз выругался — уже посложней — и сильными рывками начал вытягивать наверх козу.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛОТАРА БРЮННЕРА

Сегодня Иохим рассказал мне легенду о Городе Света, которую ему «поведал», как он выразился, один австралиец. Иохим убежден, что Город Света и является организующим и направляющим центром всех нападений на нас. Убежденность Иохима заразителна. Зима очень холодная и ранняя; впрочем, русские говорят, что для здешних мест такое вполне обычно. Мы сидели в избушке. Таймыр сотрясают ледяные ветра, временами становится страшно от одного звука ветра, но у нас тут относительно тепло. Куда же нас занесло?..

Так вот. Мы сидели и трепались с Иохимом про слово «изба», «избушка». Иохим убежден, что оно происходит от нашего слова «штубе» — то есть «отапливаемая комната». Целую теорию развернул. А потом как-то незаметно мы перешли на общие темы. Вообще это довольно приятно: вот так поговорить неспешно, зная, что никуда не надо торопиться и есть тепло, и еда, и друзья... Тут он и рассказал мне про Город Света.

Когда мы три года назад спорили насчет причин, по которым сюда попали, Иохим отмалчивался, никого не поддержал в споре. Мы с ним тогда были мало знакомы, но я, помнится, уже в то время решил, что парень-то себе на уме... За эти годы я понял, что Иохим обожает находить ответы на вопросы. «Как терьер обожает раскапывать лисьи норы», — с уважительной насмешкой прошлым летом сказал Джерри Холлин. Вот и на этот вопрос — кому все это нужно? — он ищет ответ так же упорно.

*По его мнению, Город Света — некий культовый центр чернокожих, вроде Арконы на Рюгене. Он направляет действия урса по всему свету. Возможно, что его обитатели даже не урса, а расположен Город Света где-то в районе Персии. На мой вопрос, как же и зачем все-таки мы тут оказались, Иохим ответить не смог, хотя думал долго. Зато потом развернул передо мной интересную статистику. Он ее назвал «статистика пропаж». Оказывается, некоторое количество отрядов **исчезают бесследно**. В смысле — их исчезновение с чернокожими вообще никак не связано, зачастую происходит в совершенно безопасных местах. Да. Тоже загадка... Вопросов — полно. Ответов почти нет. Надо бы, кстати, пойти спать, а не заполнять эти страницы своими размышлениями на тему «что такое ничего и как из него сделать что-то?». Зачем я вообще веду дневник **здесь**, где будущее предельно ясно, а весь жизненный опыт ограничен умением сражаться, которое, оттачиваясь все больше и больше, в конечном счете никого ни от чего не спасает?*

Какой же все-таки ветер снаружи... Наши русские говорят, что выбраться отсюда мы сможем не раньше середины мая. Когда я читал Джека Лондона, я не думал, что когда-нибудь окажусь в самом сердце настоящего Белого Безмолвия, но Безмолвия, у которого есть голос. Голос снежного урагана.

Хорошо уже и то, что мы не снаружи. Помогли Господь любому белому, которого сегодняшняя ночь застала на открытом пространстве.

Да и нам всем...

— С Новым годом, Таня.

— С Новым годом, Олег.

Мы смотрели друг другу в глаза через костер.

— Вина нет, — улыбнулась Танька, — есть компот. Приятного аппетита.

Не нужно много усилий, чтобы накормить двух человек, если океан такой щедрый, и остров сам — тоже, и не надо никуда бежать, и вокруг — мир. После нескольких минут осатанелой работы челюстей (мы с утра специально голодали!) Танюшка отвалилась первой (не совсем, а передохнуть), я же продолжал обжираться под ее неопределенным взглядом, в котором, пожалуй, ласки было больше, чем насмешки. Наконец и я улегся на ворох свежей травы и хмыкнул:

— Да, вот теперь — с Новым годом.

— Девяностый. — Татьяна, приподнявшись на руках, села, скрестив ноги. — Какие звезды красивые... правда новогодние... Слушай, а мы ведь тут ни разу не наряжали елку.

— Тут елок нет, — рассудительно сказал я. — В прошлую зиму нам было не до елок. А позапрошлую... позапрошлую и так было неплохо.

— И все были живы, — сказала Танюшка задумчиво. Я вскинулся — она договорила мою мысль, — но Танюшка по-прежнему смотрела в небо. — Олег. Если бы все-все вернуть. *Все*. Ты бы?..

— Вон Сириус, — сказал я. — Альфа Большого Пса. Самая яркая звезда Северного полушария.

— Где?

— Вон там, видишь?

— Вижу.

Я снова откинулся на траву. Молчал довольно долго; Танюшка уже успела опять начать бросать в рот с задумчивым видом кусочки копченой рыбы, но я знал — она ждет...

— Тань, как ты думаешь, зачем я делал то, что делал? — спросил я, садясь. Она глянула на меня внимательными зелеными глазами. — Зачем было все это?

— Зачем, Олег? — откликнулась она эхом, и лицо у нее было жестким, как каменная маска.

— Мне не нужны были ни власть, ни слава, ни даже приключения. — Я дернул углом рта. — Я хотел разгадать загадку. Я бы многое сделал *не так*, будь возможность все вернуть. Но точно, что я бы делал *то же*. Я не игрушка, чтобы в меня играть. Если я хочу знать — значит, я хочу знать. Тогда я согласен и на игру.

— А сейчас? — тихо-тихо, я еле слышал, спросила девчонка. — Мы ведь вышли из этой игры?..

— Нет, — отрезал я. — Никуда мы не вышли, Тань. Мы в нее просто не играем. Но она продолжает играть в нас, — вспомнил я слова Сережки Лукьянко.

Танюшка отвернулась и налила себе ягодного настоя.

— Почитай мне стихи, — попросила она.

— Про Новый год? — невесело улыбнулся я.

— Какие хочешь...

— Да. Хорошо. Сейчас... — Я задумался, по-девчоночьи наматывая на палец локон с виска. — Слушай.

Если бог нас своим могуществом
После смерти отправит в рай,
Что мне делать с земным имуществом,
Если скажет он: выбирай?

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,

Что на грешной земле жила, —

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

В рай, наверно, таких отчаянных
Мало кто приведет за собой,
Будут праведники нечаянно
Там подглядывать за тобой.

Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведенных на шее рук.

Взял бы в рай с собой все опасности,
Чтоб вернее меня ждала,
Чтобы глаз своих синей ясности
Дома трусу не отдала.

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать.

Ни любви, ни тоски, ни жалости,
Даже курского соловья,
Никакой, самой малой малости
На земле бы не бросил я.

Даже смерть, если б было мыслимо,
Я б на землю не отпустил,
Все, что к нам на земле причислено,
В рай с собою бы захватил.

И за эти земные корысти,
Удивленно меня кляня,
Я уверен, что бог бы вскорости
Вновь на землю столкнул меня¹.

— Пойду погуляю по берегу, — безо всякого перехода продолжил я, рывком садясь.
— Подожди, я с тобой, если ты не против. — Татьяна поднялась, подцепила с песка куртку. Я подбросил в костер дров:
— Пусть горит к нашему приходу.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛОТАРА БРЮННЕРА

Как-то странно ощущать, что ты — в сердце Северной Америки. Она совершенно

¹ К. Симонов.

не похожа на страну из книг про ковбоев и индейцев... хотя стада бизонов тут настолько чудовищные, что невольно испытываешь благодарность к тем, кто в нашем мире их перестрелял. Чудовищно неразумное изобилие!

*Но насчет сердца — это правда. Шон О'Рилли утверждает, что там, где мы сейчас сидим, в **том** мире находится город Топика, а это — центр САСШ...*

...Пишу на следующий день. Швейц, Максим и Ховик убиты, Юнгвальд и Женья тяжело ранены. У противника минимум семеро убитых. Это не урса, а местные американцы — судя по виду, «свеженькие». Это и моя вина. В головном дозоре шли Швейц и Юнгвальд. Наверное, эти ребята услышали, как они разговаривают по-немецки, и напали на «врагов». Наше счастье, что они плохо владеют оружием, но очень жаль, что пришлось убить столько ни в чем не повинных в общем-то ребят. Они отошли куда-то на юг. Я решил, что надо их найти и объяснить. Сделаю это сам. Таня просилась со мной — и еще будет проситься, наверное, но я не возьму никого. Взял бы Юнгвальда, но он лежит с разрубленными ребрами.

Черт бы побрал эти бесконечные убийства своих своими. Там трупы, здесь трупы... Ховик умер не сразу, не сумели ему зажать артерии на шее, их перерубили... До чего же это тяжело все-таки... И хоть бы какой-нибудь проглядывал в этом смысл!

А может, есть? Добраться бы до него, докопаться хоть как-то — и можно продолжать играть в здешние игры, но уже осознанно... А сейчас надо идти решать проблему с этими не в меру ретивыми американцами.

* * *

Танюшка была права. К горящему огню возвращаться было куда приятней, чем просто так; я даже поймал себя на мысли, что ищу взглядом тени у костра, вслушиваясь, стараясь уловить смех и песни. Конечно, ничего такого, но Танюшка гордо пообещала:

— А сейчас будет сюрприз.

— М-м? — уточнил я, усаживаясь у огня. Танька куда-то провалилась, но через пару минут, напевая почему-то свадебный марш Мендельсона, появилась вновь. Она шла танцующей походкой, покачивая бедрами и поддерживая на кончиках пальцев... *торт*.

— Я же обещала, — торжественно пояснила Татьяна, пока я открывал и закрывал рот, опуская торт на чистые пальмовые листья. — Помнишь?

— Откуда?! — завопил я.

Танюшка негромко засмеялась:

— Ешь давай. Скажешь потом — как.

— А ты? — Я достал складник.

— И я, и я, — кивнула она успокаивающе. — Мне и самой интересно попробовать.

— Он же с кремом! — заорал я (удивление нарастало). — Тань, ну как?! — Я заглотил остаток куска и потянулся еще.

— Ловкость рук и никакого мошенства. — Танюшка ела аккуратненько, чуть ли не двумя пальчиками. — Что, вкусно? — Я неистово закивал. — То-то же. Старалась. Но тут никакого секрета нет, все ингредиенты местные, буквально под ногами собрала. — Она подумала и добавила: — Ну, еще над головой. Дай-ка еще кусочек.

— На, а себе я третий возьму, — с готовностью пустил я в ход нож. — М-м, как вкусно... О-бал-деть!

Танюшка, надо сказать, не очень от меня отставала — едва ли тут можно было «испортить фигуру». Мы увлеченно навалились на кулинарное произведение, и через десять минут от него ничего не осталось. Облизывая пальцы, я посмотрел на Танюшку, она улыбнулась в ответ и сказала:

— У тебя нос в креме.

— Нос? — Я скосил глаза, поднял палец, чтобы вытереть крем, но Танюшка плавно подалась вперед и аккуратно слизнула его.

— Ого, — тихо сказал я, чуть сузив глаза и не сводя их с Танюшки, которая так и не отодвинулась, улыбаясь. — Это как понимать?

— А я тортом не наелась, — почти промурлыкала она, — сла-а-аденького хочется...

— Сла-а-аденького? — уточнил я, распуская шнуровку ее куртки, и так завязанную халявно. — Ну-ну... Как встретишь Новый год, так его и проведешь, Тань, а я не знаю, хватит ли меня на год...

— Прибедняемся? — Она чуть ли не обвилась вокруг меня и выдала открытым текстом: — Ну, Олег, ну, мне очень хочется!

— Думаешь, мне — нет? — поинтересовался я, стягивая куртку с ее послушно подавшихся назад плеч. На мне куртки не было, я приподнялся на руке, чтобы Танюшке было удобней сдернуть с бедер штаны, отпихнул их ногой. Она оттолкнулась ладонями от моей груди, высоко вскинула, завалившись на спину, длинные ноги, стягивая свои штаны. Я ей охотно помог и уже не отпускал...

...На лицо Танюшки — с закушенной губой, отстраненное — падали сбоку отсветы костра. Лицо отдалялось и приближалось в такт моим движениям.

— Хорошо... хорошо... хорошо... — безостановочно повторяла она, ритмично отталкивая меня ладонями в грудь и тут же подавая их обратно.

«Хорошо... хорошо... хорошо...» — отдавалось у меня в висках. Но что-то все-таки было нехорошо.

Было.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛОТАРА БРЮННЕРА

Вот мы и возвращаемся в Европу после почти шестилетней кругосветки. Иногда мне кажется, что эти годы — как странный сон, от которого никак не получается проснуться. Пишу у костра, и по другую сторону огня молчаливо и строго стоят тени тех, с кем я попал сюда когда-то.

Кто из них остался рядом со мной? Нас было двадцать пять гитлерюнге, упрямых и смелых мальчишек, решивших в конечном счете, что и в этом мире можно остаться людьми. Мы не ошиблись. Но какова цена?

Остались Юнгвальд, Мюссе и Ульрих. И я. Среди трех десятков парней и девочек, которые идут за конунгом Лотаром. Интересно, что не они, совсем не эти трое, для меня самые близкие друзья, не с ними я советуюсь, если что-то важное нужно решить. Но у костра мы сидим рядом и спим вместе, плечо в плечо. Не сговариваясь, так получается само собой. Даже другие немцы — Фриц, Пауль, Эва, Адольф, Алиса, — которые прибились позже, не вызывают у меня такого странного и пронзительного чувства общности.

По географии я учил, что пространства Средней Азии в СССР — это пустыни. Здесь мы идем по бесконечным, очень красивым травянистым степям, где ночью высокий — до груди! — ковыль переливается под луной серебряными волнами. Где-то впереди Каспийское море. Говорят, в этом мире оно соединяется с Аральским в одно большое внутреннее море. Мы обогнем его с севера и пойдем дальше на запад.

Сколько еще осталось нам? Сколько осталось Тане? Сколько осталось мне самому?

Я десятки раз мог погибнуть и не погиб. Я иногда сам удивляюсь, пролистывая блокнот. Тибет. Страшная бездонная трещина. Я рассматриваю свою ладонь, впившуюся в лед, как когтистая лапа, и вижу, что из-под ногтей без боли сочится, окрашивая синий лед в черный цвет, алая кровь. Срывается из-под ноги кусок льда — я не слышал, как он упал... Тайфун в Китайском море. Полет — и я вишу за бортом, меня перехватывают руками за одежду за секунду до того, как с неслышным щелчком лопается страховочный трос, и его конец, словно клинок, разрубает одежду и грудь Женьки до самых ребер... А вот покрытые вечным туманом берега таинственной Пацифиды, схватка на болотистом берегу, по пояс в теплой жиже, среди висячих корней — и совсем некуда отступить, и

корабля не видно, а джунгли гниют и зовут нас присоединиться к этому...

Да. Удивительно, что мы живы. Точнее — что именно мы.

*Что делать дальше? Может, имеет смысл отыскать Шарля, если он вернулся живым из Африки, и просто присоединиться к нему — у него наверняка есть какие-то идеи... Кстати, до чего странно думать, что Шарль — он и есть тот самый генерал де Голль, который, говорят, сейчас **там** в числе победителей Германии. Мне иногда интересно: а что **там** со мной?*

Убит, наверное.

*Жаль. Вот интересно: **тут** война, подобная нашей Второй мировой, так и не началась. А Первая, говорят, была — конечно, в уменьшенном масштабе, но была.*

Черт побери, но ведь должен быть у этого какой-то смысл?! Четыре года назад Колька, с которым мы довольно долго шли вместе, сказал, что смысла нет. Просто в нас кто-то играет, как играют в шахматы на доске.

* * *

Меч Арагорна — знаменитый Андрил, «Возрожденная Молния» — лежал поперек его широко разведенных колен. Я сел на скамью наискось от него. Над утренним лесом плавал туман. В этом видении я был в полном снаряжении — не только при оружии, но и в бригадине, в краге на левой руке.

— Ваше Величество. — Я склонил голову и перекинул палаш через колено, уперев его в носок правого сапога. — Я хотел спросить. Я пришел, чтобы спросить... Как мне быть дальше? Я запутался. Я что-то сделал не так. Временами я ощущаю себя предателем...

— Потому что ты предал, — тихо сказал Арагорн. — Своих друзей. Свою мечту. Самого себя. И сейчас пытаешься спрятаться от своего предательства на красивом острове.

— Да. — Я потер переносицу. — Кажется, это так, Ваше Величество. Странно, что мне понадобилось столько времени, чтобы это осознать... Но они...

— Вождю могут изменить его люди. А он не имеет права им изменять. Даже если не осталось надежды. Тогда нужно просто идти навстречу всему, что дает жизнь. И принимать это со всем мужеством, которое есть в тебе.

— Здесь быстро ржавеет оружие. — Я поднял глаза от сапог. — Боюсь, что заржавело и мое мужество. Я не смогу быть вождем.

— Тогда будь хорошим клинком у хорошего вождя. Это лучше, чем ржаветь вместе со своим клинком. Для созданного сражаться вечный покой может стать проклятием.

— Значит... — Я задумался. — Значит, несколько лет, сражения, раны — а потом смерть?

— Тебе нравится та вечность, которую ты обрел?

— Нет, — тихо признался я.

— Тогда о чем ты жалеешь? О десятке лет отдыха на пляже? О сотне лет поедания омаров? О тысяче лет бездумности в шалаше под пальмами? Что ты скажешь мертвым друзьям? Они ведь придут обязательно...

— Да, — прошептал я, вставая. — Да, да, да...

...Я вынырнул наружу от того, что Танюшка трясла меня за плечо. В темноте шалаша я различил ее испуганное лицо.

— Олег, — шепнула она, — кто-то ходит вокруг.

— Коза? — Я сел, нашарил палаш.

— Нет. — Она замотала головой. — Олег, это человек. Честное слово.

Я не успел ничего сказать. Циновка на входе шевельнулась, и голос Вадима негромко произнес:

— Спите?

* * *

Вадим, конечно же, не изменился. У него только прибавился крестообразный шрам под правым глазом, от которого этот глаз казался шире. Да теперь, когда он разделся, я увидел еще один — длинный и узкий, через все левое бедро.

— Хорошо тут у вас, — сказал Вадим. Море плавно набегало на наши ноги, волны фосфоресцировали, и казалось, что ступни одевает бледный огонь. — Спокойно, тихо...

— Да, тихо, — подтвердил я. И кивнул на его бедро: — Ятаган?

— Ятаган, — нехотя кивнул он. — Уже давно...

— А на лице? Это же от стрелы... Неужели ниггеры начали стрелять из луков?

— Нет, — ответил Вадим и, подавшись вперед, поднял гальку. Бросил ее в воду, и там родился водоворот огня. — Это на перевале Сен-Готард, два месяца назад.

— На том самом? — удивился я.

Вадим наклонил голову и добавил:

— Один швейцарец меня не понял. И наше непонимание дошло до последней ступени.

— Он никому об этом не расскажет? — усмехнулся я.

Вадим вздохнул:

— Да нет, думаю, он этим хвастается. Я сразу потерял сознание... Олег — ну, Крыгин — меня вытащил.

— Он тоже?.. — начал я, но Вадим не дал мне договорить:

— Все, кто не ушел с Саней, вместе со мной. Нет, Сергей с Ленкой своей — не знаю где. И Андрей подался куда-то в Сибирь.

— Вот как... — Я испытал некоторое разочарование. Мне хотелось бы узнать, как там Сережка, а он, оказывается, вообще пропал... — А вы что, сами по себе?

— Нас слишком мало, — покачал головой Вадим. — Мы присоединились к одному отряду... там в основном балканские славяне, но есть и еще кое-кто. Хорошие ребята, и сражаются хорошо...

— Никто не погиб? — спросил я. Вадим помотал головой, и мы замолчали. Надолго. Море продолжало гореть огнем, и пылающие следы рыб рассекали воду во всех направлениях. На острове было тихо, только в джунглях перекликались птицы и ночные звери.

— Я полтора месяца добирался сюда, — услышал я голос Вадима и медленно повернул голову в его сторону. — Долго, если честно.

— Долго, — согласился я.

— Я пришел, чтобы просить тебя вернуться к нам, Олег, — сказал Вадим.

— Да, — ответил я. Наверное, он этого не ожидал, потому что недоуменно посмотрел на меня. — Да, — повторил я. — Завтра мы пойдем отсюда вместе, втроем.

— Ты согласен?! — В голосе Вадима было изумление пополам с недоверием.

А я прочел вместо ответа:

Мы возвратимся из дальней дали
Стремя в стремя и бронь с броней.
Помнишь, как в детстве, когда играли
В рыцарей, верных всегда одной...¹

И ощутил внезапное чувство... словно встал на место вывихнутый палец, к вывиху которого ты привык и уже не надеялся вправить.

Не смей живот сажать на рожон,
Прилюдной славы себе ища!
И раз добыл меча из ножен,

¹ О. Мандельштам.

Подставь щита, да ударь еще!
Аль за спиной твоей не рать,
Аль на груди не кольцо-броня?
А чтоб коню рожна не принять,
Подставь щита да укрой коня!
Хоть конь-огонь, да и первый друг,
И как ни жаль его, гой-еси,
Когда шеломы трещат вокруг,
Подставь коня, а себя спаси!
Но коль товарищу смерть сулят
Побоища да пожарища —
Простит тебя мать — сыра земля, —
Подставь себя за товарища!

С. Боханцев

...Танюшка не спала — полулежала у пригасшего костра и, издалека услышав наши шаги, приподняла голову. Ее глаза поблескивали алыми и зелеными искрами.

— А я вещи собрала, — сказала она.

* * *

Драккар лежал на воде огромной молчаливой рыбой. На нем, конечно, все спали. Только на берегу, у небольшого костерка, сидела знакомая фигура... но я узнал мальчишку только когда он встал нам навстречу. Это был Лаури, и он улыбался.

— Девять месяцев, — сказал он. — Я собирался приплыть за тобой еще через три, да тут Вадим...

Я пожал его руку, натертую веслом до каменной мозоли.

— Ты был прав, — весело сказал я. — А я был дурак.

— Мы все частенько ходим в дураках, — заметил Лаури. Вадим с Танюшкой улыбались — даже скорей скалились именно что как дурачки, и я почувствовал: моя собственная физиономия тоже расплывается в глупую улыбку. — Это не так уж страшно.

— До Скалы-то довезешь? — спросил я, сбрасывая на песок заплечник.

— Не довезу, — отрезал Лаури. — А то еще по дороге потеряетесь месяца на три. Я вас прямо до Юлии доброшу. А там ведь близко, а, Вадим?

— Близко, — подтвердил он. — Э, постой, а ветра? Зима же...

— Выгребем, — уверенно отрезал Лаури.

И я, глядя на него, вдруг радостно понял: правда.

Выгребем.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛОТАРА БРЮННЕРА

Сегодня утром погиб Юнгвальд. Он был последним из наших баварцев, кто оставался со мной. И лучшим фехтовальщиком из всех, кого я знал.

Впрочем, мы переживем его ненадолго. Нас осталось шестеро — двое парней, четыре девчонки — и нам некуда отступить. Смешно, что мы погибаем на Олимпе — горе богов. Но, во всяком случае, урса не подняться к нашей пещере, пока у нас остаются патроны, а их еще тридцать два в «дегтяре» Сашки и пять в моем «браунинге». Потом... никакого «потом» у нас не будет.

Вечер, и я пишу эти строки при свете костра. В блокноте моем еще довольно много чистых листов. Таня спит по другую сторону огня. Я вижу отсюда огни вражеских костров внизу на склоне.

Все будет кончено завтра. К чему тянуть? Без пищи и воды мы продержимся тут три-четыре дня. Не думаю, что явится помощь, — да если и явится, то урса

все равно слишком много... Завтра мы с Сашкой убьем девочек и пойдем вниз — убивать, а потом умереть. Мы все уже договорились обо всем. Таня сама предложила. Это ужасно, но я знаю, что с ними сделают, если возьмут живыми. А мы все сделаем быстро. Во всяком случае — не увидим и того, как они будут умирать от жажды, и сами не будем умирать от нее.

Ночь прохладная. Вот чего действительно страшно жаль — так это того, что я не увижу лета. Я так хочу увидеть настоящую зелень на деревьях и ощутить теплый ветер... Но ничего этого не будет для меня. Если думать про это, то страх пополам с тоской выкручивают внутренности, как мокрую грязную тряпку. Унизительно так бояться смерти, но я боюсь, хотя я германец и воин.

Или, может быть, это не страх. Почти восемь лет я жил здесь. Больше семи водил по миру людей, которые мне верили, теряя их и встречая новых... и опять теряя. Это было тяжело, интересно, страшно и увлекательно. Но я так и не смог понять, в чем участвую, кому и зачем это нужно, по каким законам живет этот мир?

Странно. Это мне едва ли не обидней, чем то, что я завтра — нет, уже сегодня — погибну. Иохим мог бы меня понять. Конечно, мог бы — Иохим, для которого ответы на вопросы были частью жизни... Но Иохим погиб на Пацифиде три года назад, и мы даже не смогли его по-настоящему похоронить.

Мне было бы не так обидно погибнуть в обмен на ответ. Я бы даже согласился умереть сам. В обмен на ответ. Только ответ! Интересно, спрашивал ли Христос Господа в Гефсиманском саду, в чем смысл его смерти? Не помню, кто сказал — я где-то читал, — что человек может вынести любые мучения, если оправданием мучениям будет служить целесообразность того, ради чего он страдает. Я был конунгом и вел в бой своих людей. Тогда оправданием всему, что приходилось пережить, были их жизни. Но сейчас, за несколько часов до смерти, я, Лотар Брюннер, хочу спросить: ради чего?! Да ради чего же?!

Молчание.

Тайна.

Рассказ тринадцатый Олег, пожалуйста, встань!

Ведь если ты повернешь назад —
Кто же пойдет вперед?!

Б. Вахнюк

С вечера шквалистый ветер раз за разом отшвыривал нас от побережья, и в конце концов Лаури, охрипнув, буквально плюнул на все, приказал бросить якоря и ждать утра, затянув палубу кожаным пологом. Сам он остался на кормовом весле и к рассвету выглядел таким же серым, как окружающее море, идущее ровными острыми грядами мелких злых волн. Но я, если честно, просто не имел возможности ему посочувствовать: обгрызал ногти, думая, как мы будем добираться до берега.

— Может, добросишь нас на лодке до припая? — предложил я, кутаясь в плащ.

— Нет почти припая этой зимой. — Лаури вздохнул. — Волна ломает... Придется ждать, когда уляжется ветер.

— Скаялся небось, что взялся нас везти? — посмотрел я искоса на резкий, обветренный профиль морского ярла.

Лаури улыбнулся и хлопнул меня по плечу своей твердой, как доска, ладонью:

— Здесь стоит жить только ради острых ощущений.

— Тебе их не хватает?! — изумился я.

Лаури пожал плечами:

— Нет, я хочу использовать отпущенные мне годы на полную катушку. Так, чтобы к моменту, когда придет срок покинуть наш мир, я бы успел устать. Тогда не так печально будет уходить... Знаешь, Олег, — он оперся локтем на борт и повернулся ко мне, — я рад, что ты возвращаешься. У меня такое чувство, что мы еще не раз встретимся. А таких, как ты, должно быть побольше. Тогда нигерам будет не так уютно... Между прочим, помнишь Хайме Гонсалеса?

— А, испанец? Хороший фехтовальщик... Помню, а что?

— А ничего. Твой конкурент. Урса кидает через себя сотнями и объявил Реконкисту. Хороший парень, хоть и испанец.

— Да все мы хорошие парни, — усмехнулся я.

* * *

— По-ка-а-а!!! — пронзительно закричала Танюшка, ухитряясь подпрыгивать на лыжах и крест-накрест размахивать над головой руками. Нечего было удивляться, что на драккаре, казавшемся отсюда лежащей на воде аккуратной моделькой, услышали. Во всяком случае, снизу проревел, отдаваясь эхом в прибрежных скалах, рог. Мы с Вадимом тоже помахали, хотя нас едва ли видели оттуда.

— Интересно, в нашей пещере кто-нибудь живет? — спросила Танюшка, поправляя капюшон.

— Не знаю, — пожал плечами Вадим. — Олег, ты серьезно хочешь завернуть к чехам?

— Серьезно, — кивнул я, поддвигивая лямки вещмешка. — Я так и не сказал ничего княгине Юлии о судьбе ее брата. И ни с кем не передал.

— Ничего особенного в ней нет, — на мой взгляд, ни к селу ни к городу, но с претензией объявила Танюшка, скатываясь вниз по склону в распадок.

— Ревнует, — хмыкнул Вадим. Я, кстати, уже знал, что он сошелся с Ирккой Сухоручкиной, и, по его словам, у них все было в порядке. — А Юлия и правда красивая.

— Красивая, — согласился я, собираясь с духом, чтобы съехать по склону. — Только мне-то, дружище, никто, кроме Таньки, не нужен...

...— А вот от этого места мы заманивали урса, — весело сказал Вадим, — помнишь?

— Еще бы не помнить, — я созерцал за полосой заснеженного поля, прорезанного несколькими тропками, подъем к чешской крепости. Ветра не было, падал редкий медленный снег, но флаг над скалами был виден хорошо. Около начала подъема стояли несколько человек. Они смотрели в нашу сторону — наверное, видели нас и пытались решить, кто мы такие.

* * *

Рука Борислава — левая — была на перевязи.

— Две недели назад, — пояснил он, — явились на побережье урса. Мне перерубили руку.

— Кто-нибудь живет в нашей пещере? — Я отрезал пластину окорока, придвинул хлеб.

— Нет, пусто. — Борислав налил себе настоя. По пещере поплыл приятный запах лета. — Прошлой зимой — да, жили. Тоже русские, но мы близко не сошлись. Так...

— Я жалею, что принес известие о гибели брата Юлии, — церемонно, но искренне признался я.

Борислав поморщился:

— Нет, все хорошо... Ей тяжелее было думать, что ее брат в рабстве... Так куда вы идете?

— К устью Марицы, на побережье Эгейского моря, — объяснил я. — Лаури нас добросил бы и туда, но я хотел повидаться с вами.

— Спасибо, — кивнул Борислав, и мы довольно долго просто ели, рассматривая один другого внимательно и благожелательно. Я думал, что Борислав мне, несомненно, симпатичен, а вот друзьями мы стать бы не смогли никогда — уж слишком мы разные. Во взгляде Борислава я читал то же самое. И, собственно, поэтому нам просто не о чем было говорить. Он не мечтал, как Лаури, о дальних походах и не стремился к каким-то разгадкам, как я. Он просто нашел хорошее место и защищал его и людей, ему доверившихся.

Я бы так не смог. Я пробовал — и не смог. Но я уважал его выбор и его мужество.

— Вот такие дела, князь, — сказал он.

Я пожал плечами:

— Я больше не князь.

— Будешь, — он снова отпил из кружки. — Я же вижу.

— Сплошные пророки кругом, — я поднялся. — Мы заночуем, а утром пойдем дальше, хорошо?..

...Танюшка уже спала — только сонно подвинулась, когда я влез под легкое меховое одеяло, да еще что-то буркнула, пихнувшись локтем, пока я устраивался. В коридоре кто-то прошел, послышался вопрос: «Идешь завтра на охоту?», заданный по-немецки. Потом засмеялась девчонка, лягнул клинок, кто-то ругнулся по-чешски (уже в отдалении).

Жизнь продолжалась. Я вдруг ощутил глубочайшее удовлетворение от окружающего, от мысли, что больше не буду очищать с клинков пятна ржавчины...

Некогда будет им ржаветь, я думаю.

Танюшка за спиной застонала и быстро, неразборчиво произнесла какую-то фразу. Потом резко повернулась и села, сбросив на меня свой край одеяла и вытаращив глаза.

— Олег, — быстро, негромко и неприятно позвала она.

— Я тут, — отозвался я и услышал, как Танюшка шумно выдохнула, а потом сразу легла.

— Хорошо, — сказала она. — Мне страшный сон приснился... Все возвращается на круги своя...

Я обнял ее, просунув руку под шею:

— Спи, Тань. Сон — это просто сон. Я рядом, и больше к тебе никакие кошмары не подойдут.

Если честно — не помню, как я уснул. Кажется, одновременно с Танюшкой.

* * *

Море было где-то впереди. Эгейское море, а там меня ждала встреча с друзьями. Марица текла слева, можно было слышать, как она шумит на незамерзающих перекатах. Эта часть побережья здесь не была изменена, ничем не отличалась от Земли. По крайней мере так утверждала Танюшка, и этот факт странным образом успокаивал.

Вадим бежал на лыжах первым, он из нас троих был лучшим лыжником. Я спешил за ним; второй по «качеству» лыжник — Татьяна — замыкала наш маленький отряд.

— Уже недалеко, — вполголоса сказал Вадим, не поворачиваясь. — Видите вон там, между холмами, две здоровенные сосны? За ними спуск, километра три — и мы на месте.

Странно, но в его голосе я уловил вдруг какую-то непонятную нотку. И окликнул его так же на ходу:

— Что тебя беспокоит?

Он откликнулся неожиданно быстро и охотно, словно давно ждал этого вопроса:

— Понимаешь, у нас там старшим Борис...

— Да мне плевать, — отозвался я, и мне действительно было плевать. — Я не князем быть хочу, а просто — с нашими... Давай нажимай, что ты плетешься?

Я в самом деле не собирался претендовать на титул. Есть у них князь — отлично. А с меня хватит шапок Мономах. Но я все-таки задал еще один вопрос:

— Ты не говорил, как он отнесся к тому, что ты отправился искать меня.

— Он сказал, что будет рад хорошему воину.

— Угу, — буркнул я. Ну что же, это хорошо, просто отлично. Я рассеянно поглядывал по сторонам, ритмично передвигая ноги. — Эй, а это что?

Я скорей пробормотал это, чем сказал... но остановился, и Танюшка остановилась, а через мгновение остановился Вадим.

— Давненько я этого не видел, — уже в полный голос сказал я. — С возвращением, Тань.

— Да, — отозвалась она, и я услышал, как щелкнула в вырезе спуска тетива аркебузы.

— Это у нас, — добавил Вадим деревянно.

Точно между теми двумя соснами, как раз за перевалом, словно третье диковинное дерево, поднимался широкий прямой столб дыма.

— Блин! — выкрикнул Вадим, ускоряясь с места прыжком. Я схватил его за капюшон, повелительно сказав:

— Стой.

— Это урса! — он обернулся, глаза горели. — Там наши!

— Урса и наши, — кивнул я. — Поэтому и подождем... Так. Давненько я не брал в руки шашек...

— Девять месяцев, — отрезал Вадим. — Пошли!

— Теперь я пойду впереди, — ответил я, доставая палаш из ножен. Но, прежде чем мы двинулись, я вытянул руку с оружием вперед. И ощутил странное холодноватое волнение, увидев, как зимнее солнце зажгло на полированной стали полосу бледного огня.

* * *

Кто бы ни был этот Борис (а я про него особо не расспрашивал) — он в самом деле оказался хорошим князем. Зимовал он со своими людьми в пещере, к которой был только один подход. И этот подход надежно баррикадовала бревенчатая стена.

Ну, конечно, надежно — это до времени, пока ее есть кому защищать.

Урса было около полутора сотен. Они разбили лагерь примерно в полукилометре от баррикады, жгли костры и явно не торопились на штурм.

Впрочем, один как минимум штурм уже был. В снегу на этом полукилометре лежало с дюжину тел, да у самой баррикады — вдвое больше. Картина выглядела привычной и милой.

— Кажется, наши все целы, — заметил Вадим.

— Нет, — тихо сказала Танюшка, вытягивая руку в сторону лесной опушки в стороне от пещеры. Там почти правильным кругом лежали еще не меньше сорока убитых урса. А в центре этого круга, черно-алого на белом снегу, застыли еще шесть или семь тел. Явно не урса уже...

И с такого расстояния не разобрать было, *кто именно* эти павшие. Серый? Джек? Вильма? Ленка? Олег? Арнис? Игорь? Андрей? Наташка? Ирка? Ингрид? Или несколько из них? Или... или кто-то, незнакомый мне, но успевший стать другом Вадиму?

Да. Я вернулся. И снова вижу *это*. Неотъемлемую часть мира...

Я с недоумением взглянул на свой кулак. Из него торчала сломанная ветка.

Клянусь, я не помню, когда сломал ее.

* * *

Ночь была теплая, ветреная и беззвездная. Стонал лес, и металось пламя урсаитянских костров. Уродливые тени корчились возле них.

Я не понимал, чего хотят урса. В пещере — запасы еды, источник и два десятка решительно настроенных защитников. Земли чужие. Любой отряд, узнав об этом, поспешит на помощь...

А когда не понимаешь противника — это очень плохо. Даже если противник дурак.

Особенно если дурак.

Над сводом пещеры плясали отблески сторожевого костра...

...Вадим и Танюшка ждали меня, сидя спина к спине в пещерке под нижними ветвями ели. Я съехал к ним.

— Угомонились. Сейчас поползем, — сообщил я. И высказал свое сомнение: — Я только не понимаю, почему они тут стоят так упрямо.

Какое-то время мы помолчали, сосредоточенно закусывая копченой рыбой и сухими яблоками, которые разделила Танюшка. Потом я решительно продолжал:

— Ну что же, ночь подходящая. Тут недалеко, и снег эти уроды утоптали. Лыжи тут оставим, потом заберем. Пошли...

...Урса оставались беспечными. Часовых со стороны леса они, конечно, выставили, но те жались к кострам, грелись, смотрели в огонь и по этой причине ночью были слепы, как совы. Можно было их вообще не трогать, но вот беда: между кострами никак не получилось бы пройти незамеченными, и эти ублюдки, как бы они ни были тупы, конечно, нас заметили бы.

— А это что? — прошептал мне в ухо Вадим, как раз когда я вытащил из португепи метательный нож и уже готов был подняться на колено для броска.

— Где? — нервно прошипел я. Вадим показал на второй слева от того места, где мы лежали, костер.

— Вон, смотри.

На снегу виднелись какие-то круглые емкости. Трудно было понять, что же это такое; я вглядывался, вглядывался...

— Да что это такое-то?! — раздраженно спросил я.

— А ты не понял? У тебя что — насморк? — пихнул меня локтем Вадим.

Я хотел спросить, при чем тут насморк, но невольно втянул воздух...

— Смола!.. — вырвался у меня тихий вскрик. И одновременно с этим я понял, чего же ждут урса.

Завтра они пойдут в атаку и забросают баррикаду и саму пещеру этими... емкостями с зажженной смолой. Вот и весь их план... и этот план беспроегрышен, черт побери.

Простая арифметика. Нас тут трое. *Наших там* — два десятка.

Я посмотрел на Вадима и Таньку.

— Тань, сейчас побежишь к нашим. Очень быстро, — сказал я. — А мы с тобой, — я взглянул на Вадима, — покидаем всю эту гадость в костер и побежим следом.

Танюшка молча кивнула, и мне это показалось подозрительным. Но я промолчал тоже. А Вадим вообще ответил мне совершенно хладнокровным взглядом, извлекая кистень...

...Часовых конкретно у этой кучи не было. Зато были аж четверо у соседних костров. Это даже смешно, но они какое-то время созерцали нас с ленивой скукой. Потом коротко щелкнул кистень Вадима — и один из урса, раскинув руки, завалился спиной в костер.

Даже как-то странно, но я не утерял ни единого навыка... Отброшенный ударом ноги, в сторону полетел еще один, другой рухнул вбок, обезглавленный моим палахом. Последний из часовых бросился бежать... но упруго стукнула аркебуза, и урса упал куда-то в темноту. Я быстро оглянулся. Так и есть. Моя любимая стерва не то что не думала бежать со всех ног — она стояла и очень спокойно перезаряжала оружие. Заметив, что я гляжу на нее, — показала язык.

Визгливые крики понеслись сразу отовсюду.

— В огонь! — крикнул я Вадиму, прыгая навстречу двум урса со щитами, выбегающим из тьмы. В прыжке я оттолкнулся ногой от щита одного, бросил его назад, наступил на плечо второму и, рубанув его сбоку по шее, вторым прыжком сшиб первого окончательно, приколол к мерзлой земле ударом в горло. Сбоку показались еще двое, но в полутьме вновь обрекающе щелкнула аркебуза, а через миг Танюшка появилась сама, ее корда полоснула воздух — и урса зарылся в окровавленный снег возле костра, в который Вадим бросал уже последние зажигательные снаряды, оказавшиеся глиняными шарами с ременной петлей и

запалом. Костер разгорался сильнее, с треском и посвистом начинал уже плеваться огненными струйками.

— Валим! — рявкнул я. Вадим на бегу взревел, как медведь на потрахе, двое урса порскнули в стороны сами, третьему он подсек ноги выше колен, и тот, всплеснув руками, завалился в сугроб... Я ударом кулака в краге свалил четвертого. Мы неслись по утопанному снегу, как тройка-птица, держа впереди Танюшку, на ходу заряжавшую аркебузу. А за нами (и по сторонам!) уже металось пламя факелов, вопли становились все громче и агрессивнее. До меня дошло, что мы не подраассчитали — нам перекроют дорогу раньше, чем мы добежим до баррикады.

— Танька, беги быстрее! — крикнул я, прикидывая, как бы отрезать от нее преследователей...

И вдруг — еще один огонь вспыхнул впереди, там, куда мы бежали, на баррикаде. Несколько человек размахивали факелами, а потом ломающийся мальчишеский басок прокричал:

— Держитесь, братья! Мы идем, держитесь!

Люди в пещере даже не задумались, кто там сражается с урса. Несколько секунд — и около дюжины мальчишек с оружием в руках ударили на наших преследователей. Ребят вел черноволосый атлет с непокрытой головой, в руках которого с бешеной скоростью вращались два топора-бартэ. Я видел, как он оттолкнул за свою спину Таньку и подал сигнал отступать к пещере.

Я прыгнул плечом к плечу с высоким парнем, мельком бросил на него взгляд, увидел шрам на щеке, удивленную улыбку и крикнул:

— Привет, Басс!

— Ребята! — заложило у меня ухо от отчаянного клича. — Олег вернулся! Ро-о-ось!!!

* * *

— Он умирает, — тихо сказала Радица и сделала шаг в сторону, давая мне дорогу. Широко посаженные карие глаза девушки смотрели скорбно, но в то же время изучающе, почти враждебно. — Пройди, он хочет говорить с тобой...

Я вытер лицо рукавом куртки. Как во сне скользнул взглядом по знакомым и незнакомым лицам, окружившим меня в колеблющемся свете костра. Блестело оружие, слышалось сорванное дыхание, пахло мокрой кожей, потом, сталью, кровью... Я еще ни с кем не успел обняться, никому не успел пожать руку... И не до этого стало сейчас.

— Борис, — сказала Радица за моей спиной и все-таки заплакала, оттолкнула меня и упала на колени возле заваленного пышной грудой шкур топчана.

На нем лежал тот самый темноволосый парень. (Я, кстати, почти не удивился, узнав, что он и есть Борис, здешний князь.) Его кое-как перебинтовали (я узнал руку Ингрид), но разрубленные ребра и легкое так просто не починишь, и расколотый череп — тоже. Тем не менее Борис был в сознании и даже улыбнулся, увидев меня.

— Я так и подумал, что ты Олег. — Он говорил по-болгарски, но я понимал без усилий. — Еще я думал, как мы уживемся вместе, когда Вадим сказал, что отправляется за тобой... — Он трудно сглотнул, и я вдруг отчетливо понял, что он держится на этом свете каким-то запредельным усилием, на какой-то тоненькой ниточке... — Но вот видишь, уживаться нам не пришлось... — Борис закашлялся и выплюнул кровавый сгусток. Радица, продолжая всхлипывать, бросилась к нему с платком.

— Я не стремился к этому, — искренне сказал я, — и с радостью подчинялся бы тебе.

— Не придется... — с трудом сказал Борис. — Я хотел сказать... теперь все на тебе... и не бросай... моих, кто еще остался...

— Клянусь, что они будут такими же «моими», как и мои старые друзья. — Я сжал холодную сухую руку Бориса.

И понял, что он мертв.

— Умер. — Я поднялся на ноги и повернулся к остальным. Радица тихо плакала, лежа лбом на плече мертвого. — Теперь я — ваш князь.

Ответом мне было молчание. Не неприязненное, нет. Печальное, и я их понимал, поэтому просто обвел всех взглядом, с облегчением убедившись, что «мои» все целы. Чертовски приятно было вновь видеть знакомые лица, хотя не хватало Сергея, Андрея...

Я правда *этого* не хотел.

Обведя всех взглядом еще раз, я вздохнул:

— Мне бы хотелось познакомиться с теми, кого... кого я еще не знаю. Не думаю, что вам много обо мне рассказывали — я вообще-то не собирался возвращаться, удрал в большом гневе, со всеми перессорившись. Но уверяю вас, что я человек довольно мерзкий: занудный, придирчивый, самоуверенный и упертый...

— Это все правда, — буркнул Басс, и я, заметив, что кое-кто слабо заулыбался, мысленно поставил себе «плюс» и продолжал:

— Конечно, это будет выглядеть очень официально и немного смешно... но я попрошу всех по очереди мне представиться. Радицу я уже знаю... — Я ощутил сильное неудобство от того, что веду этот деловой разговор, стоя спиной к трупам хорошего, смелого парня, погибшего, чтобы спасти меня, Танюшку и Вадима... — Я выдержал паузу и продолжил: — Я понимаю, что... В общем, я не хотел такой чести. И я готов ее уступить любому из вас. Но если желающих нет... — Я еще раз примолк и молчал довольно долго, пока темно-русый синеглазый мальчишка, невысокий, но широкоплечий, не сказал вдруг:

— Видов... Видов Земич, я серб...

Черноволосый стройный парнишка со свежей раной на левом виске, зашитой, но не забинтованной, обнимавший медно-рыжую большеглазую девчонку, кивнул:

— Меня зовут Ясо, а она — Клео, мы греки.

— Иван Топлодольский, — представился черноглазый, но светловолосый худенький мальчишка моих лет, — я из Болгарии.

— Раде Рачацки, я македонец, — назвал высокий голубоглазый красавец с девичьим, нежным и смуглым лицом.

— Я Мило... — начал мальчишка, стоявший у входа, а тот, который стоял рядом с ним и был очень-очень похож, продолжил:

— ...а я Боже, мы сербы, и наша фамилия Бранковичи...

— Я Зорка Коржич, тоже из Сербии, — последней назвалась стройная высокая красавица.

— А где Ристо? Где Харт? — вклинился Вадим, оглядываясь, словно впервые.

— Они погибли на опушке, — сказала Ирка Сухоручкина. — Не добежали... И Саша, и Анте с Марицей, и Гинтис...

Вновь опустилась тишина. Ирка добавила:

— А Генчо убили уже здесь, во время штурма. — Она кивнула в сторону, и я увидел у стены ранее незамеченное тело, закрытое шкурой.

— Вот как... — Вадим провел рукой по глазам.

— Я не сказал еще кое-что, — вновь вклинился я. — Я обращаюсь сейчас к своим старым друзьям. Вадим, Арнис, Игорь, Ольга, Андрей, Сергей, Джек, Лена, Наташка, Ирина, Ингрид, Вильма. Я хочу просить у вас прощения, — обведя всех названных взглядом, я увидел, что они застыли, переглядываясь. — Я хочу просить у вас прощения за то, что бросил вас. За то, что по моей вине ушли наши друзья. За то, что позволил сиюминутному раздражению говорить моим языком. Вот что я хотел сказать.

Тишина стала смущенной. Потом Басс сказал:

— Вообще-то, Олег... вообще-то мы тут все время думали, что это *мы* виноваты...

— Но мы принимаем твои извинения, — добавила Ленка Власенкова.

А Джек с усмешкой заключил:

— Если ты примешь наши.

— Их еще не меньше сотни. — Раде повел рукой в воздухе. Я искоса посмотрел на македонца; он ответил мне невозмутимо-холодноватым взглядом.

Для себя я уже составил мысленные портреты всех «своих новеньких». Видов Земиш — немногословный, предпочитает делать, а не говорить, может быть, слегка ограниченный, но скорее просто из молчунов... Ясо Сарагис — храбрый, романтический, вспыльчивый, очень любит Клео... Клео Балби — преданная, верная, буквально созданная для поддержки «своего» парня девчонка... Радица Милованич — «хозяйка», чем-то похожая на Ленку Власенкову, только сейчас долго еще будет «отходить» от смерти Бориса... Иван Топлодольский — задумчивый, мечтательный, наверняка ему труднее остальных здесь... Братья Бранковичи — храбрые, гордые, какие-то средневеково-диковато-притягательные; Мило — поумнее, Боже — попроще... Зорка Коржич — настоящая принцесса, немногословная, сильная духом и телом, решительная и ответственная, но такие часто бывают одиноки... А вот Раде... Вадим сказал, что его отец и мать — крупные функционеры Союза коммунистов Югославии (македонского отделения). Раде, правда, не выглядел избалованным сыном «деятелей». Но взгляд на мир у него, кажется, был циничным.

Их бы с Зоркой свести, подумал я. Хорошая была бы пара. Только... ладно, посмотрим.

Я выдохнул клуб морозного пара (похолодало) и еще раз внимательно осмотрел лагерь урса, остававшихся там же, где они и были. Дымились костры. Трупов наших убитых на прежнем месте уже не было.

— Съели, — сказал я, отвечая своим мыслям.

— Угу, — подтвердил Раде.

К нам неслышно подошел Джек. Раде, чуть наклонив голову, скрылся в пещере.

— Спасибо, что вернулся, — сказал Джек, положив ладонь мне на плечо. Я посмотрел на него и уточнил:

— Спасибо, что вернул Татьяну?

— Да. — Он ответил мне прямым взглядом.

— Странная ситуация, — признался я.

— Не бойся. — Он улыбнулся и перешел на английский: — Я щит ей и опора, а не твой соперник.

— Вот что, щит и опора, — без насмешки сказал я. — Не хочется мне сидеть тут в осаде.

— А ты не изменился, — одобительно заметил Джек. — Приятно видеть и это. Но нас всего двадцать три человека.

— По четыре урса на каждого из нас, — презрительно посчитал я. — Бывало и больше.

— Исключи девчонок, — напомнил Джек, — и будет по пять. С кусочком...

— Тоже не слишком страшно, — отмахнулся я.

— Ты серьезно, что ли? — наконец свел брови Джек.

— Там разберемся, — уклончиво пообещал я.

Мы вернулись в пещеру. Огонь полыхал вовсю; Джек опустил за собой меховой полог. Я подошел к очагу и, плюхнувшись на шкуры, распустил шнуровку теплой куртки. Только после этого обратил внимание на то, что все смотрят на меня.

— Эти взгляды надо расценивать как ожидание от меня многочисленных и суровых распоряжений? — Я потыкал ножом в оленью ляжку, жарившуюся с краю над углями. — Я больше десяти месяцев никем не командовал. Нужно восстановить навыки.

Послышались смешки. Вот черт, так я приобрету репутацию остряка. Только этого мне не хватало... Поэтому я не стал продолжать в том же духе, а занялся завтраком, подавая пример остальным.

Если честно — я не врал, что мне нужно восстановить навыки. Я все еще не пришел в прежнее состояние и толком не мог свыкнуться с мыслью, что вновь «занял трон». И еще более тревожной была эта мысль от того, что над пещерой, в свежей могиле, лежит

мальчишка, чье место я занял всего лишь сегодня ночью.

— Вадим, Раде, — я оторвался от еды, — заканчивайте, смените Арниса и Ивана. Лен, ты мне вот что — ты мне покажи-ка все здешние припасы.

— Пошли. — Ленка с готовностью отряхнула руки и встала. Я вздохнул, печально посмотрел на недоеденное мясо и ругнулся про себя, ведь знал же одержимость Ленки в хозяйственных делах.

— Ну пошли...

— Тут отсек почти как в той, нашей пещере... голову ниже... — Ленка сняла со стены факел. — Вот, смотри — они, наши запасы.

В пещере было холодно. Она, правда, была не очень удалена от основного жилища, но сюда по-хозяйски натаскали здоровенные бруски льда и выложили ими стены. Часть продуктов вообще лежала на этих ледяных полках. В свете факела я увидел корзины, грубые кувшины; с потолка, под которым проходили жерди, свисали окорока, еще что-то... Кончался февраль, а кладовая выглядела весьма солидно.

— Еще в августе начали запасаться, — с гордостью ответила на мой невысказанный вопрос Ленка. — Борис этому большое внимание уделял.

— Не исключено, что со мной так сытно не будет, — мельком заметил я.

— Да господи... — с непонятной интонацией повела плечами Ленка. И вдруг добавила: — Мы все ждали, что ты вернешься. Поэтому и уговорили Бориса, чтобы отпустил Вадима.

* * *

Я снова вышел из пещеры. Ярко сияло солнце, снег сверкал, словно огромная бриллиантовая россыпь. Урса у своих костров казались на нем пятнами грязи.

Вадим и Раде стояли метрах в десяти, за баррикадой. Меня они не слышали, хотя я специально не скрывался и слышал их разговор, точнее — его кусок.

— Не знаю. — Раде повел плечами. — Мне он не показался. Пацан как пацан. — Он говорил на смеси русского с македонским, кажется, и я его легко понимал.

— Ты не видел, как он фехтует, — равнодушно буркнул Вадим, облокотившийся на верх баррикады. Похоже, мой побратим не был настроен на разговор.

— Я не об этом. — Раде чуть повернулся к нему. — Не о фехтовании и не о том, какой он боец. Я о том, какой он князь. Мы ведь должны теперь зависеть от него...

— Какой он князь? — Вадим тоже посмотрел на него. — Ну вот я тебе расскажу, а ты послушай, какой он князь. Прошлой зимой — вот примерно в это же время — получилось так, что Олег влетел в лапы ниггеров. Так они я уж не говорю, что его били. Они ему под левым боком разожгли костер. Вот ты себе это просто представь, Раде. Они его жгли огнем и спрашивали, где наш лагерь и сколько нас. А он им все равно ни хрена, — Вадим покачал пальцем перед лицом македонца, — он им ни хрена не сказал. Просто взял и не сказал. Как пионер-герой. Знаешь про таких?

Раде молча царапал пальцем выемку в снежном блоке. Вадим, кажется, почувствовал мое присутствие — оглянулся и, нервно улыбнувшись, махнул рукой:

— Все спокойно, Олег.

— Я вижу, — флегматично кивнул я. — Только это спокойствие меня не очень-то устраивает.

Я считал слонов и в нечет и в чет,
И все-таки я не уснул,
И тут явился ко мне мой черт,
И уселся верхом на стул.
И сказал мой черт:

«Ну, как, старина,

Ну, как же мы порешим?
Подпишем союз, и айда в стремяна,
И еще чуток погрешим!
И ты можешь лгать, и можешь блудить,
И друзей предавать гуртом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом!
Аллилуйя, Аллилуйя,
Аллилуйя, — потом!
Но зато ты узнаешь, как сладок грех
Этой горькой порой седин.
И что счастье не в том, что один за всех,
А в том, что все — как один!
И ты поймешь, что нет над тобой суда,
Нет проклятия прошлых лет,
Когда вместе со всеми ты скажешь — да!
И вместе со всеми — нет!
И ты будешь волков на земле плодить,
И учить их вилять хвостом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом!
Аллилуйя, Аллилуйя,
Аллилуйя, — потом!
И что душа? —
Прошлогодний снег!
А глядишь — пронесет и так!
В наш атомный век, в наш каменный век,
На совесть цена пятак!
И кому оно нужно, это «добро»,
Если всем дорога — в золу...
Так давай же, бери, старина, перо!
И вот здесь распишись, в углу». —
Тут черт потрогал мизинцем бровь...
И придвинул ко мне флакон.
И я спросил его: «Это кровь?»
«Чернила», — ответил он...
Аллилуйя, аллилуйя!
«Чернила», — ответил он.

А. Галич

Я лег поздно, можно было даже сказать, что уже утро. Поэтому вполне законным было мое возмущение, когда меня начали тормозить — и выяснилось, что всего полседьмого, а проспал я едва полтора часа.

«Начинается, — подумал я. — Водрузил на себя шапку Мономаха, поздравляю...»
Вслух я вежливо спросил:

— Какого черта надо?

— Олег, — будил меня Басс, — вставай. Тут к тебе человек приполз.

— Ты что, заболел? — осведомился я, садясь на топчане. Около огня сидел незнакомый мне парнишка... нет, знакомый, только я не помнил, откуда его знаю. Парнишка грел над пламенем руки и улыбался. Лицо слева у него было поморожено.

— Ты меня не помнишь? — спросил он по-немецки. — Я Мюлле. Мюлле Френкель.

— Мюлле! — Я почувствовал, что тоже улыбаюсь. — А, конечно, мы же бегали вместе

— ты меня обогнал, тогда, ну, на Малее, да!

— Точно. — Мюлле улыбался еще шире. — Это я.

— погоди. Пойжди. — Я встал, начал разыскивать в полумраке сапоги-унты. — Что ты здесь делаешь?!

— Я не один. — Мюлле встал и перестал улыбаться. — Меня послал Андерс, наш фюрер. У нас девятнадцать мальчишек, мы ночуем в лесу, километрах в пяти от опушки. Мы готовы вам помочь — ударить утром с тыла по урса.

— Так. — Я затягивал ремни унтов. — Ты шел один?

— Да, меня никто не заметил. — Мюлле принял из рук Зорки котелок с настоем вереска, кивнул благодарно. — Я немного поморозился, но это ничего... Мы шли мимо на нашу вторую зимовку, на Дунай. Ну и... — Он присосался к котелку, потом передохнул и продолжал: — До света я еще успею вернуться. Что передать фюреру?

— Да что тут... — начал Басс, но я взглянул на него, и он умолк.

— Но это правильно, — согласился я. — Вот что, Мюлле. Допивай и давай обратно. Во-первых, конечно, поблагодари Андерса за помощь. А во-вторых... Во-вторых, когда будете готовы, подайте сигнал.

— У нас есть рог, — торопливо сказал Мюлле, отставив котелок. — Мы затрубим в него перед атакой.

— Да, — кивнул я. — Тогда мы тоже атакуем.

— Урса лучше гнать в ту сторону. — Я увидел, что Вадим тоже на ногах. — Там вдоль Марицы идет овраг, заросший буреломом. Сейчас там доверху снега.

— Я передам, — согласился Мюлле, надвигая капюшон. — Ну, я пойду, а вы готовьтесь.

— Осторожней, — сказал я ему уже в спину. Басс пошел проводить. Я посмотрел на Вадима и со вздохом продолжил: — Буди остальных. Всех.

— Не выспался? — понимающе спросил он.

— На том свете отосплюсь. — Я потянулся за бригаантиной.

— А мы на каком? — ошарашил меня вопросом Вадим.

Я не нашелся, что ответить.

* * *

Два дубочка вырастали рядом,
Между ними тонковерхая елка.
Не два дуба рядом вырастали,
Жили вместе брата два родные...

У Зорки был хороший голос, и, по-моему, она сама толком не замечала, что напевает, ровными движениями брусочка песчаника затачивая свою корду. Мне не хотелось останавливать ее пение, тем более что песня по-сербски звучала очень красиво — я невольно и с грустью вспомнил Кристину... Но потом все-таки подал голос:

— Можешь не стараться. У меня есть правило: девчонки идут в бой только тогда, когда другого выхода просто нет.

Зорка медленно подняла на меня глаза и свела брови — красивые, длинные и темные:

— Что? — прищурила она один глаз. — А ты знаешь, как я стреляю?

— Наверное, хорошо. — Я пожал плечами. — Но это ничего не меняет.

Несколько секунд мы мерялись взглядами. Потом Зорка отвела глаза... и я перехватил над плечом, отклонившись, брошенный мне рукоятью в лоб охотничий кинжал.

— Ай-ай, — с насмешкой сказал я, перебрасывая оружие ей обратно. — Вот тут ваша вещь... Пока нас не будет, расспроси о наших правилах кого-нибудь из моих девчонок.

— У тебя гарем? — Она убрала кинжал.

— Ну что ты, — улыбнулся я, — мне хватает Танюшки. Кстати, можешь как раз с ней и

поговорить.

Повернувшись спиной, я зашагал к мальчишкам, скопившимся у баррикады, но через два шага повернулся и добавил:

— А поешь ты очень хорошо.

Я еще издали заметил, что на меня смотрит Раде. И, когда я подошел к мальчишкам, он без насмешки сказал:

— На твоём месте я бы поостерегся теперь, чтобы она не зарезала тебя ночью.

Я промолчал, натягивая на левую руку крагу. Куртки на мне не было, на плечи поверх бригантины, надетой на летнюю кожу, был наброшен меховой плащ. Справа от меня Игорь Басаргин, положив палаш на баррикаду, задумчиво рассматривал блик на его лезвии. Потом искоса глянул на меня и вдруг сказал:

— Дарю вам с Танюшкой. Не мое, но красиво. Слушай.

Во сне и наяву, едва глаза прикрою,
Пульсируют, звучат два сердца, два птенца.
Со мной ты танцевал над солнечной страной —
И все-таки, увы, не разглядел лица...
Слепил полярный день истомой полноты,
Сверкая, таял снег, и музыка лилась.
Во сне и наяву мы танцевали молча,
Сначала в первый раз, потом в последний раз...

Покуда два птенца, крича, рвались друг к другу,
Мы, нежно обнявшись, кружились над землей,
Со мной ты танцевал под солнечную выюгу,
Во сне и наяву она была со мной.
Покуда длился танец, покуда мы молчали,
Покуда длился день, и ночь, и явь, и сон,
Два выросших птенца с окрепшими крылами
Рванулись в вышину, под синий небосклон...¹

— Спасибо, — я пожал его локоть.

Впереди, на опушке леса, тяжело и мощно взревел рог.

* * *

Мы не бежали в атаку. Это было не нужно. Дело в том, что у урса просто не было выхода: бежать (только в сторону Марицы) или драться. В первом случае они попадали в овраг. Во втором — все равно будут наши, так зачем спешить?

Урса выбрали второе. Их все-таки было втрое больше, чем нас, а то даже и более сильный перевес. Они явно собирались прорваться в лес и столкнулись с мгновенно сплотившимися немцами.

— Поскорей, — довольно громко окликнул я своих, выхватывая дагу левой и переходя на трусцу; хорошо, что снег тут был почти везде утопан. Слева от меня с равнодушным лицом бежал Вадим, в левой руке покачивался отпущенный до колена кистень. Я покосился направо с внезапно вспыхнувшей иррациональной надеждой увидеть Сергея, но там бежал Олег Крыгин — шпага лежала на плече, в левой руке тоже была дага.

Ну что ж. И это неплохо.

Урса не смогли пробиться. Не успели. Мы набежали на них сзади, как вторая половинка сжимающихся тисков...

¹ Из книги А. Бушкова «Рыцарь из ниоткуда».

...Толла черной молнией улетела в сторону, в снег, от удара моей даги. Палаш ушел куда-то сбоку от щита, в мягкое; я перехватил дагой широкое лезвие асsegая — стоп! Получай! Пинок между ног... Ятаган скользнул по оплечью бригаантины, я отрубил черную чешуйчатую руку пониже локтя, крутнулся волчком в снегу, подсекая ноги в меховых обмотках... Дага ударилась в твердую кожу щита, из-под которого коротко высунулся асsegай — мне в пах! Я изогнулся, уходя от укола, пригнулся — над головой пронзительно свистнул ятаган. Ударив в щит спиной, я над плечом выбросил назад дагу — попал! Перескочил через тело, наступив на щит, и увидел впереди еще одно знакомое лицо, даже имя вспомнил — Ханзен, боксер, спарринг-партнер Сергея!

Все, кажется... Ханзен, отдуваясь, вытирал кровь с палаша и улыбался. Я подошел к нему, и мы пожали друг другу руки...

...До оврага не добежал никто из урса. Их трупы лежали кучно на месте схватки и отдельными пятнами — километра на полтора в сторону Марицы.

Меня это мало интересовало. Убитых в моем отряде не было, но Боже ранили ятаганом в левое плечо, а Вадиму рассекли левое бедро асsegаем, и он несусветно ругался, сидя на окровавленном снегу, пока Ирка бинтовала ему рану, что-то добродушно и спокойно приговаривая. У Андерса тоже были раненые, а сам он подошел ко мне.

— Помнишь, как мы фехтовали? — весело спросил он. Лицо немца с нашей последней встречи изменилось — на подбородке, там, куда я когда-то попал ему во время поединка концом палаша, белел широкий шрам, явно от толлы.

— Помню, — подтвердил я, и мы, поддавшись внезапному порыву, обнялись. — Спасибо за помощь!

— Брось, пустое, — отмахнулся он. — Как бы это я шел мимо и не помог — даже незнакомому, а уж тебе...

— Будет нужда, окажусь под рукой — любая помощь в любое время года и суток, — пообещал я...

...В лагере урса мы нашли останки наших убитых — еще не доели, сволочи. К их несчастью, среди урса оставались живые — с десятков, — и мы честно поделили их с немцами.

— Оставьте мне там одного, — попросил я, направляясь к Танюшке, которая только-только закончила разговаривать с немецкими девочками — они тоже не участвовали в бою. Танюшка выглядела мрачной. — Что случилось? — Я приобнял девочку и, зубами сдернув крагу, глухо зарычал, делая вид, что треплю ее.

— Не дурачься, — попросила Танюшка печально. — Знаешь, Марьяту убили.

— Марьяту? — переспросил я.

— Ту венгерку, с которой я выступала тогда... В сентябре, в Югославии. Жалко...

— Иди, Тань... — Я подтолкнул ее в спину. — Я скоро приду, иди...

* * *

— Олег, Олег, подъем!

Господи.

— Олег, подъем!!!

Да когда же это кончится?!

— Вставай, Олег!!!

Трубы Судного дня.

— Да вставай же, урод!!!

Это уже лишнее... Не открывая глаз, я сообщил:

— Басс, я не просто не выспался. Я *страшно* не выспался. Если я открою глаза, я тебя убью. Подумай, прежде чем продолжать меня будить.

Вместо сколько-нибудь логичного ответа мне в разрез спального комка снега.

Я не дрогнул. Я даже глаз не открыл, хотя снег немедленно подтаял и противно

скользнул куда-то под бок, где продолжал расплываться холодными струйками. Вместо воплей и ругательств я вздохнул и сказал:

— Если ты побежишь достаточно быстро — то проживешь еще около часа.

— Олег, — это был голос Таньки, — на берег выбросило корабль.

* * *

Странно, но я узнал корабль сразу. Дело в том, что дома у меня лежал (да, собственно, и лежит) набор открыток «История корабля», и там был точно такой. Когт, вспомнил я название. Мачту, скорее всего, снесло, корабль лежал на боку, но вроде бы был цел — в смысле, без проломов и трещин, даже бушприт не обломлен и площадка на корме не повреждена. Палуба — а ее тоже было хорошо видно — застыла подтеками льда, но и на ней не замечалось следов катастрофы. Когт имел длину метров двадцать. Не из самых больших.

— Сбылась мечта Сани, у нас есть корабль, — сказал Вадим.

— М-да, — согласился я. Мы все — даже часовые — стояли на берегу, рассматривая судно. Басс оживленно рассказывал, как они с Иваном, бродя по берегу в поисках плавника, увидели это чудо на отмели и в сумерках спорили, кит это или спятивший плезиозавр. Почему-то никто не спешил лезть на корабль... и я понял — почему.

Одно дело — увидеть убитых в бою. Другое — утонувших... или замерзших.

Я глубоко вздохнул и направился к кораблю первым...

...Доски покрывал лед, но, ставя ноги на выступы и пользуясь дагой, я влез до носового люка, с которого была сорвана крышка, и заглянул внутрь. Трюм был пуст и достаточно светел — свет падал еще и через кормовой люк. Плескалась черная вода, слившаяся к борту и не успевшая взяться льдом. «Гуммп!» — ухнуло эхо от сорвавшейся под моей рукой сосульки, разбежались волны. Тень задвигалась по воде, и в кормовой люк свесился Арнис.

— Никого? — спросил он, вновь пробудив эхо. Я помотал головой и, ставя ноги на фальшборт, пошел на корму, даже отсюда видя, что дверь в кормовую каюту цела. Арнис уже лез к ней. Ясо окликнул нас откуда-то из-за кормы:

— Руль сломан у основания!

— Ясно, — буркнул Арнис. — Им сломало руль, начало кидать и, наверное, переломило мачту. А самих смыло или убило и смыло.

— Корабль-то цел, — возразил я, становясь ногой в подставленное Арнисом «стремя» из ладоней. — Не упадешь?.. Могли остаться люди в каюте... А-ап!

Я поставил ногу в упор на косяк, другую — в притолоку. Потолкал дверь, но она то ли разбухла, то ли примерзла.

— Валенок, — сказал снизу Арнис, — она же наружу открывается.

Мысленно я сплюнул. Конечно, наружу, чтобы даже в самый свирепый шторм не распахнуло... Извернувшись, я поддел дверь метательным ножом, и она отвалилась, едва не сбросив меня и не прибив Арниса. Он промолчал, но очень выразительно.

— Эй, ты куда полез?! — забеспокоилась Танюшка.

— Внутри, — коротко ответил я, разглядывая вделанные в пол и стены стол, скамьи, лавки у стен, сундук, какое-то мокрое барахло... У самой двери висели, за что-то зацепившись, часы. Блестел браслет, под стеклом стояла вода, я не мог разобрать, что это за марка и сколько на них времени.

— Тут часы, — сообщил я Арнису. — И пусто. Сундук, правда, какой-то... А, спрыгну, — решил я, — нам его все равно обживать!

Я сел на край люка, спустив внутрь ноги. До стенки, ставшей полом, было метра два, а любви к высоте у меня в последнее время не прибавилось. Я чертыхнулся для бодрости и соскочил, примериваясь на сундук.

Попал. Вот только сундук оказался скользким, ноги поехали — и я сел. На угол. Не копчиком, но достаточно хорошо, поэтому секунд десять в непонятках тупо созерцал, занятый своими ощущениями, человеческую кисть с обломанными ногтями, торчащую из

мокрого барахла.

— Эй, тут люди! — закричал я наконец...

...Ребят было двое, и я сперва подумал, что они мертвы. Очевидно стараясь согреться, они обняли друг друга — и так застыли, причем лица и руки имели оттенок снега в лунную ночь, а одежду схватил лед. Мы и доставать-то их стали только потому, что вроде бы неудобно оставлять людей непохороненными. Поэтому все отшатнулись, а часть девчонок завизжала, когда мы уложили «трупы» на снег у кромки прибоя — а один из них открыл глаза со смерзшимися ресницами и обвел нас бессмысленным, но живым взглядом.

* * *

Старший из мальчишек так в себя и не пришел, но Ингрид после двух часов возни авторитетно заявила, что теперь он просто спит, мы сумели его напоить малиновым настоем и, закутав в шкуры, оставили у костра.

Младший — тот, который открывал глаза — к вечеру оклемался настолько, что смог поесть и говорить внятно. Правда, несколько раз он, отворачиваясь, начинал плакать, и над этими слезами смеяться не хотелось, потому что было ясно — они не от слабости. Мы деликатно переживали эти истерические приступы и постепенно вникли в суть рассказа Анри Пюто — так звали тринадцатилетнего пацана-бельгийца...

...Сам Анри был в этом мире относительно новым. В числе десятка других мальчишек и девчонок из Бельгии он попал сюда в августе. Им повезло — они сразу столкнулись с голландским (в основе своей) отрядом Пита де Грелле и присоединились к нему. Голландцы достраивали когг, намереваясь до зимы успеть на побережье Португалии и зазимовать там, чтобы весной плыть в Австралию — просто так, низачем.

Сначала плавание проходило удачно. Но в декабре на уже вполне обустроенную стоянку напали урса (мне вспомнился Крит, и я, оглядев своих «старичков», по их лицам понял, что и они вспоминают то же), и отряду пришлось поспешно бежать в Атлантику, где они попали в ураган и были выброшены на побережье Африки. Урса напали вторично. В схватке погиб де Грелле, который, как и подобает вождю, защищал тех, кто пытался спустить на воду когг. Когда это удалось, в Средиземное море ушли всего восемь человек — явно недостаточно для того, чтобы управлять коггом в бурю. А бури не заставили себя ждать... Последняя, окончившаяся вчера, была страшной. Анри мало что помнил — ему еще до этого так рассекло руки вантами, что он был совершенно беспомощен и сидел в кормовой каюте, мучаясь ожиданием и слушая рев урагана, сквозь который по временам доносились крики... Потом в каюту ворвался Михель ван Спрэг, запер за собой дверь и сказал Анри: «Все. Руль полетел, и мы одни». Дальше — вообще яма, провал. Анри только помнил, как его страшно швыряло в темноте и еще как он ждал, какой удар окажется последним, но почему-то удары были не такими уж и сильными... Тут Анри снова разревелся, а мы поняли, что Михель просто закрывал младшего пацана собой...

Когг строили прочно. Он выдержал, и я подумал, что, спрячась они в самом начале все в каюте — живы были бы восемь, а не двое. Но просто так спрятаться и ждать покорно — этого они не могли. И мы не смогли бы... Когда борешься — умирать не так страшно.

— Не плачь, не плачь. — Ингрид поерошила волосы бельгийца. — Михель будет жив, он отоспится и придет в себя. А уж с тобой-то и точно все в порядке.

Девчонкам — дай только поутешать... Меня это уже не интересовало, и я, показав глазами на выход Джеку, выбрался из пещеры.

Под луной синели снега. Слышно было, как над входом посвистывает и хрустит снегом Видов. Он стоял на часах.

— Джек, — негромко спросил я, — ты ведь ходил на кораблях? — Он кивнул. — Этот парень, Михель, — тоже...

— Иван почти четыре года занимался в парусной секции, — добавил Джек. — Если ты о когге, то его можно привести в порядок и даже спустить на воду. С меньшими силами, чем

у нас.

— Насколько я помню, у пиратов капитан вовсе не обязан разбираться в морском деле. — Я посмотрел на чернеющую кромку леса. — Кораблем заправлял штурман, а капитан только водил людей в бой...

— Хочешь отправиться в плавание? — напрямую спросил Джек.

Я пожал плечами:

— Почему бы и нет? Весной...

— До весны его можно починить полностью. — Джек тоже взглянул туда же. — Да там всех дел — новая мачта и перо руля. Ну и мелкий ремонт... Но на таком корабле можно ходить только в ветер...

— Слушай, — я уже не обращал внимания на то, что он говорит, — а что такое Пацифида? — Джек умолк и внимательно посмотрел на меня. — Ну чего? Я это слово несколько раз встречал в дневнике, который мне Тезис дал, помнишь? Это что так называется?

— То, — буркнул Джек. — В этом мире у Австралии нет северной части — полуостровов Кейп-Йорк и Арнемленд... Ты себе карту Тихого океана представляешь?

— Да, и неплохо, — кивнул я.

— Ну вот... Представь себе, что на месте Новой Гвинеи, Микронезии, Полинезии — ну, всяких там Самоа, Тонга, Науру, Фиджи, — короче, от Южного тропика почти до Северного и от Филиппин до где-то 120-го меридиана — лежит здоровенный континент с три Австралии размером. Это и есть Пацифида.

Кажется, Джек ожидал, что я удивлюсь. Но я, как следует поразмыслив, деловито спросил:

— Ты там был?

Невозмутимое обычно лицо англичанина вдруг стало сердитым.

— Мы с Вальдером четыре года назад... нет, больше... — Джек потер переносицу. — Да, побольше... Мы полтора месяца ходили тогда вдоль побережья. Так и не высадились, ушли в сторону Вьетнама.

— Что так? — я спросил без насмешки, но Джек вновь сердито покосился на меня:

— А ты знаешь, что такое эта Пацифида?! Джунгли, деревья — до небес, все это переплетено лианами и закутано туманом, а сверху постоянно льет. Не дождь, а конденсат, потому что влажность больше ста процентов. Звуки такие слышатся, что даже на корабле страшно...

— Этот парень, Лотар Брюннер, прошел Пацифиду с юго-востока на северо-запад, — задумчиво сказал я.

Джек дернул плечом:

— Я не говорю, что это вообще невозможно. Я говорю только, что *мы* этого не сделали

— И ты этим недоволен, — заключил я.

На этот раз Джек отреагировал спокойно:

— Да. Недоволен.

— Потому что ты чокнутый, — проницательно добавил я.

— Да. Потому что чокнутый. Вальдер был недостаточно чокнутым, чтобы погнать своих людей туда.

— Он ведь все равно погиб, а? — Я скомкал плотный снежок, несколько раз подкинул его в руке. — Так что мы теряем?

— Конкретней, — потребовал Джек.

— Смотри сам, — Я перекатил снеговой шарик с ладони на тыльную сторону руки и обратно. — Я хочу отправиться, может быть, даже этим летом, но точно пока не знаю, на запад. Часть наших пройдет насквозь Северную Америку. Остальные на корабле обогнут ее с юга...

— Тут нет Южной Америки, — добавил Джек. — Весь бассейн Амазонки — морской

пролив... А там, где Аргентина, юг Бразилии, Чили, прочее все — большой остров.

— Это не важно, — поморщился я. — Дальше так же поступим с Пацифидой. Часть идет вокруг на корабле, остальные — пешком по континенту. И вернемся в Европу через Дальний Восток и Сибирь.

Глаза Джека стали еще больше, чем обычно, уже после объяснения насчет Пацифиды. Когда я закончил, он вдруг крепко выругался по-английски.

— Я ожидал более взвешенного и профессионального суждения, — заметил я.

— Черт побери! — уже по-русски определил Джек. — Ты сумасшедший! — Он резко отвернулся и зашагал ко входу в пещеру. На полпути оглянулся и еще более убежденно повторил: — Ты сумасшедший!

Ему оставалось два или три шага до порога из шкур, когда я окликнул его:

— Эй! — и бросил снежок.

Поворачиваясь, Джек, еще не глядя, поймал снежок неуловимым движением левой руки.

— Если честно, — сказал он, — я до сих пор чувствую себя не в своей тарелке из-за того, что мы тогда не попробовали Пацифиду на зуб, Олег. А терять мне нечего...

— Вопрос: зачем? — Вадим потянулся. Я подбросил в огонь охапку хвороста, поворошил угли палкой и только после этого ответил:

— Ответ: низачем. Как говорит наш общий друг Лаури — просто потому что интересно.

Вадим несколько секунд обдумывал сказанное, потом признал:

— Веская причина... Ну что ж, как я понимаю, мы теперь займемся плотницкими работами? Всегда терпеть этого не мог.

— Нет, погодите. — Джек поднял голову от скрещенных под ней рук. — Прежде чем заняться работами, нужно придумать кораблю название и поднять флаг.

— У него есть название, — напомнил я. — «Нидерланд». Так на корме написано.

— Нет. — Джек покачал головой, — название нужно новое, раз корабль потерпел крушение.

Мы с Вадимом переглянулись, и он пожал плечами:

— Ну что же... Я, кстати, давно хотел, чтобы у нас был свой флаг. Чем мы хуже Борислава?

* * *

— «Морж», — сказал Вадим.

— О господи, — выдохнул я обреченно.

За последние сорок минут я выслушал около полусотни названий для когга — от элементарного «Быстрый», предложенного Сережкой Лукьянко, до совершенно серьезно выдвинутого Андреем Соколовым «Крылатый мститель». (С отчаяния я чуть не принял «Быстрого»...) Еще меня до глубины души потрясла всеобъемлющность мировой классической приключенческой литературы. Так, Ясо предложил «Испаньолу», а Анри — «Дункан».

Теперь вот «Морж». Корабль старого Флинта. Приехали.

Самому мне в голову вообще ничего не приходило. Я выслушивал предложения, меланхолично разглаживая на коленях часть большого — метр на два — льняного куса бело-серого цвета, который, как мне объяснил Анри, предназначался для запасного флага. И думал, что бы на нем изобразить.

Соображений на этот счет было негусто.

— «Секрет».

Наступила тишина. Я поднял глаза.

— «Секрет», — повторила Танюшка. — Так назывался бриг Артура Грея в «Алых

парусах».

— Чушь какая-то, — буркнул Арнис. Но его никто не поддержал. Все молчали и моргали, вслушиваясь в это слово.

Секрет. *Сек-рет*. Секрет...

— И песня такая есть, — приободренная этим молчанием, продолжила Танька. И пропела своим красивым голосом: — Большой секрет для маленькой, для маленькой такой компании, для скромной такой компании огромный такой секрет!.. Красиво же!

— Точно, — сказал Вадим. — «Секрет» — это здорово.

— Только не просто «Секрет»! — Я вскинулся, внезапно озаренный. — А... а «Большой Секрет!»

— Он же небольшой, — с сомнением сказал Боже. — В смысле — корабль...

— Да дело не в том, что... — я непривычно для себя запутался в объяснении и разозлился на себя за это неожиданное косноязычие. — Ну, не в размерах, а в том, что большой секрет — для нас! Ясно?!

И неожиданно до меня дошло — они *поняли*.

И я заулыбался в ответ на это понимание — широко и облегченно... И внезапно мне в голову пришла еще одна мысль — мысль о рисунке на флаге. Шальная. Странная. И даже... даже *страшная*. Но в то же время — невероятно чарующая и привлекательная.

— Ребята, — я провел ладонью по ткани. — Насчет флага. Я, кажется, придумал.

Он пришел в этот дом
И сказал эту речь.
И сушил над огнем
Плащ, что сбросил он с плеч.
А потом у огня
Пел он всех веселей...
...Он пришел в этот дом,
Чтобы встретить друзей...

Английская баллада XII века (отрывок)

...— Да ты совсем ку-ку! Свастика!

Как ни странно, но активней всех сопротивлялся нововведению Андрей. Остальные в основном были просто удивлены, а кое-кто (я заметил) явно одобрил мой план нанести на флаг алуую свастику с закругленными лопастями — знак с рукояти моего палаша.

— Если кто-то не знает, — вдруг вмешался Джек, все это время сидевший в своей излюбленной позе: нога на ногу, ладонь на колене, — то я сообщаю: свастика — это символ солнечного света и добра. А что до нацистов... Понимаете, сами по себе символы не несут добра или зла. У них есть лишь форма и смысл, а моральными критериями их наделяют люди... Для тупых, — он улыбнулся, — объясняю: свастика красива, а нам под ней достаточно не совершать мерзостей, и все будет в порядке.

На какое-то время настала тишина. Потом Вадим махнул рукой:

— Рисуй!

— Дай лучше я, — предложил Олег Крыгин.

* * *

Вообще говоря, я был согласен с Вадимом насчет того, что плотничать — занятие довольно мерзкое. Но большинство наших, как ни странно, моих антипатий не разделяли, и мне уже очень скоро пришлось довольно близко познакомиться с тем, что такое трудовой энтузиазм масс.

Буквально на следующий день после нашего разговора о названии, флаге и прочем началась весна. Классическая южная. Ночью нас всех разбудил жуткий грохот — на Марице

взорвало лед. Уже днем из пещеры было страшно выйти — в пойму реки с воем и ревом неслись потоки, равнина до самого леса превратилась в разлив за два-три часа. Арнис с Олегом Крыгиным, ушедшие с утра на охоту, возвращались уже по пояс в воде. Через два дня все вокруг кишело птицей, сводившей нас с ума своим гамом, а по гряде — километрах в четырех на север от пещеры — шли и шли стада копытных. По склонам гряды трусили серые, исхудавшие за зиму стаи волков. Какой-то самодовольный — хотя тоже тощий — медведь под наш хохот и вопли проплыл мимо на здоровенном выворотне, сидя на его «носу» со сложенными на животе лапами. Вадим пошутил, что теперь остается увидеть только деда Мазая, эвакуирующего зайцев.

Деда Мазая мы не увидели, зато здорово беспокоились — не снесло ли наш когг к черту в Средиземку. Выяснилось, что нет, и очень скоро я уже почти огорчился, что он уцелел.

Плотник-то из меня был никакой, это да. Но выяснилось, что для спуска когга на воду нужно копать котлован с отводным каналом.

Естественно, для этого нельзя было отвлекать квалифицированную рабочую силу. И так же естественно, что копать котлован пришлось неквалифицированным нам.

Это было убийство. Правда, песок сам по себе не промерз и копался легко. Но копать его деревянной лопатой — это совершенно новое ощущение. Я думал, что набить мне на руках мозоли — дело практически невозможное. Конечно, таких мозолей, как у Лаури от весла, у меня не было, но попробуйте несколько лет подряд постоянно держать в руке шпагу и убедитесь, что даже уголь, положенный на ладонь, вас не сразу обожжет...

Мозоли появились к вечеру первого дня.

Утром второго дня я подумал, что весьма опрометчиво назвал когг «маленьким». Вы не пробовали вырыть «окопчик» для автопоезда «КамАЗ» самодельной деревянной лопатой?

Не пробуйте. Это долгий и трудный подвиг идиота. Даже если идиотов несколько.

Наши «корабелы» офигели от радости при виде новой игрушки. Михель еще не оклемался толком, но все равно притаскивался на откос, сидел на солнце и временами пытался отдавать распоряжения, из-за чего Иван начинал с ним спорить — сперва тихо и робко, но постепенно переходя на повышенные тона и взаимные обвинения, в результате чего разнимать их приходилось Джеку. Уж он-то самообладания не терял.

Помимо рытья котлована приходилось еще работать по мелочам — например, притащить из леса мачтовую сосну, и еще одну, из которой начали вытесывать новое перо руля. Для поддержания бодрости духа я пытался ощутить себя Петром I на Воронежских верфях. Не получалось. В голову лез только Федька Умойся Грязью из романа «Петр I», подневольно пахавший на строительстве Санкт-Петербурга.

Вечером я валился в спальник как подрубленный. Это был плюс...

...Работы кончились на шестой день после их начала. На этот раз около котлована, в котором лежал когг, собрались все. Было солнечно, довольно тепло и вообще очень, как бы сказать, *весенне*; продолжали орать птицы. Несколько человек — я на этот раз был свободен — под руководством Джека раскапывали перемычку.

— Ой, я чего-то волнуюсь, — призналась Ленка.

— Тебе-то чего волноваться? — осведомилась Ирка. Разговор девчонок продолжения не имел, наши «чернорабочие» брызнули в стороны, и в котлован как-то сразу хлынула, неся с собой плитки льда, зеленоватая вода Средиземки.

Джек, весело скалясь, подошел ко мне. Я впервые видел у англичанина на лице такую улыбку и, внезапно испытав острый прилив дружеских чувств, обнял его за плечи:

— Доволен, Путешественник?

— Он еще должен подняться. — Джек озабоченно следил за тем, как вода заполняет котлован, а когг уже начинает покачиваться.

— Поднимется. — Карие глаза Ивана тоже весело блестели, — все правильно сделано... Смотрите, начинает вставать!

Действительно, мачта, почти лежавшая на песке, отчетливо пошла вверх. И не успел я

отметить этот факт, как когг вдруг резко рванулся на днище, мачта описала дугу... и корабль встал на дне все еще продолжающегося заполнения водоема, поднимаясь вместе с водой.

Крепкий. Крутобокий. Наш собственный.

Дружным воплем радости разметало и закружило птиц. В воздух полетели не только головные уборы, но еще краги, а следом — Джек, Иван и даже Михель, которого качали очень аккуратно, но с энтузиазмом. Олег Крыгин добрался до кормы, закрытой плетенкой, а Ленка, прицелившись, с истошным воплем метнула в борт глиняный сосуд с заранее приготовленным пойлом из каких-то ягод, заорав:

— Нарекаю тебя — «Большой Секрет»!

Олег сбросил щит-плетенку, открывая им самим вырезанные из бука и прибитые на корму буквы названия. Потом, переваливаясь по ходящей под ногами палубе, пошел к мачте и взялся за фал. Значительно посмотрел на нас.

— Тихо! — заорал я. — Да тихо же! — и, подтянувшись, выхватил из ножен палаш, отдавая салют.

Вразнобой, но решительно засверкали обнажаемые клинки. Олег, вскинув лицо вверх, вздохнул (видно было, как резко поднялась и опустилась его грудь) и начал медленно перебирать фал руками.

Вверх поползло белое полотнище с алым разрывчатым колесом свастики. И я почти не удивился, услышав сильный, звонкий и торжественный голос Игорька Басаргина:

Торопится время, бежит, как песок...
Незванная Гостья спешит на порог.
Мороз обрывает с деревьев наряд,
Но юные листья из почек глядят!

И я, уже не прислушиваясь ни к чему и не обращая ни на что внимания, подхватил, задыхаясь от странного чувства, неожиданно стеклянным голосом:

Доколе другим улыбнется заря —
Незванная Гостья, ликуешь ты зря!
Доколе к устам приникают уста —
Над жизнью тебе не видать торжества!¹

И только краем уха уловил — поют *все* .

* * *

— Олег, проснись!

— Гос-по-ди-и!!! — заорал я, вскакивая. — Да как же вы мне надоели!!!

Вокруг поднялись несколько голов. Физиономии были недовольными.

— Ты чего орешь? — спросила голова Андрюшки Соколова, прежде чем рухнуть обратно.

Снаружи, кажется, было еще почти темно. Меня будил Ясо. Волосы у него мокро блестели. Он что-то начал говорить, но от волнения по-гречески, и я уловил только «море», «доска», «человек»...

— Да погоди, погоди! — Я дернул его за рукав. — Что случилось?!

— Я же говорю! — Он изумленно заморгал, потом хлопнул себя по лбу: — А, да... Доску, доску прибило к берегу, а к ней парень привязан, мы с Арнисом за ним в воду лазали... Он что-то важное сказать хочет. И, кажется, он русский.

— Да хоть немецкий. — Я начал влезать в штаны. — Вы почему его сюда-то не

¹ Стихи М. Семеновй.

принесли, умники?!

— Он умирает, князь, — серьезно и печально сказал Ясо...

...Удивительно было не то, что парень умирал. Удивительно было, что он до сих пор жил. Не знаю, сколько его носило в, мягко сказать, прохладной мартовской воде, но она обкатала его, словно камень-гальку. Я никогда не видел у человека такого гладкого и *синего* тела, словно разбухшего изнутри, в которое врезались витки веревок, надежно притянувшие его к доске. Он сам себя привязал к этому широкому и длинному куску или кто-то постарался, но сделали это умело. Рослый, широкоплечий мальчишка был, кажется, моим ровесником. Длинные русые волосы смерзлись в сосульки.

А слева в боку торчала рукоять глубоко вошедшей толлы. Арнис как раз резал веревки, когда мы подбежали.

Я помог перевернуть парня. Холодно ему, кажется, уже не было, но глаза в стрелках слипшихся ресниц смотрели неожиданно ясно и были похожи на кристаллы чистого льда.

— Потерпи, — сказал я, — мы сейчас тебя перетащим...

— Не надо. — Он правда говорил по-русски. — Мне уже не помочь... я себя не чувствую... два дня на доске... Мне нужен князь Олег.

— Олег — это я. — Я наклонился к нему. — Кто послал тебя?

— Ты не знаешь его... это князь острова Змеиный Ярослав... — Мальчишка смотрел не отрываясь мне в лицо. — Я плыл на нашей второй ладье, но в устье Дуная урса напали с лодок... Нам рассказал о тебе Тиль...

— Тиль ван дер Бок? — спросил я.

Мальчишка с трудом наклонил голову.

— Да... он просил, чтобы вы пришли на помощь... ради того случая, когда он помог в Карпатах... он будет ждать на Змеином... Ниггеры рвутся на Кавказ... остановить... помощи остановить... я выполнил свой долг... я... умираю... Олег, пожалуйста... встань... встань с нами...

Он выдохнул и вытянулся на доске.

Положив ему на лицо ладонь, я закрыл мертвому глаза. Потом поднялся и, посмотрев на Ясо и Арниса, сказал:

— Похоже, плавание на запад откладывается. У нас появились срочные дела в другой стороне.

Рассказ четырнадцатый Радость клинка

О да! Мы из расы
Завоевателей древних!

Н. Гумилев

На южное побережье Черного моря вновь пришла ранняя весна. Северней все еще трещали морозы в занесенных снегом лесах, а тут суровые скалы покрыла розовая пена цветущих миндальных рощ, вьющиеся потоки зелени свешивались в ущелья и весело гремели сбросившие уже весенний излишек воды стремительные каскады.

В виду берега ходко двигались четыре корабля. Разные, но держащиеся плотной кучкой, чем-то напоминавшие компанию хорошо сдружившихся людей.

Слева-справа и чуть впереди стремительно бежали под парусами два похожих корабля, узких, длинных, напоминавших мечи. Правый нес черный парус и носовое украшение в виде улыбающейся акульей морды. У левого парус был белый, с большим алым прямым крестом, а на носу — голова дракона.

Между ними и чуть позади держался немного похожий — только пошире — корабль

под алым, расшитым золотыми ромбами поверху и понизу парусом, с высоким резным носом. А за ним шел широкобортый, под белым парусом, высокий когг, мачту которого украшал белый флаг с алой скругленной свастикой.

Попутный ветер подгонял корабли, давая людям на них отдых, похожий на скуку.

Дружины морских ярлов — ярла Скалы Лаури и ярла острова Терсхеллинг Тиля — вместе с дружиной князя острова Змеиный Ярослава и вольного князя Олега вошли в Черное море в поисках приключений, чести и славы.

* * *

Год прошел. Год целый, а я все еще нет-нет, да и ищу взглядом Сергея... или Андрюшку... Да и то, что Сани нет рядом, — тоже странно. И к новым лицам за три месяца я так и не привык. А надо. Надо, надо, надо — они теперь члены моей семьи, мое племя, я в ответе за них.

Вдвойне в ответе — потому что они *сами* позвали меня.

А из наших двадцати семи осталось девятеро. Со мной девятеро. Такая вот... арифметика.

Странно. Больше всего я тосковал по Сергею. На острове — не тосковал, а последние месяцы временами до взвоя мне его не хватало...

— Господи, как же мне погано.

Это подошел Вадим. Его явно тошнило снова — во всяком случае, он был бледным с зеленцой и, кажется, с трудом удерживал на месте свой желудок (Лаури в таких случаях говорил: «Придерживает языком»). При виде его лица могло стошнить и более-менее здорового человека.

— Не переносу качки, — признался Вадим, опираясь на борт руками и грудью. На мой взгляд, никакой качки не было, но я вежливо промолчал. В конце концов, Вадим-то не смеется, когда мне приходится лезть куда-то на высоту... — О елки... — Он между тем стремительно перегнулся в море.

Я бессердечно отвернулся. Точнее — наоборот, из сочувствия и отвращения, если честно.

Наша «эскадра» шла вдоль побережья Колхиды на север, к отрогам Бзыбского хребта, вотчины черноморской казачьей вольницы, не терпевшей в своих местах пришельцев, особенно — северян-«варягов». Мое и Ярослава присутствие нужно было Лаури и Тилу, чтобы в кои-то веки прийти сюда с миром.

Стараясь отвлечься от вполне определенных звуков, издаваемых Вадимом, я прислушался к тому, как поют на корабле Лаури. Обычно там пели, когда гребли. Но сейчас — просто так. Пели по-английски, а я понимал этот язык достаточно хорошо. Слова рассыпались; кто-то с кем-то вел разговор... и вдруг — сложились в красивые стихи:

Это просто получается:
Там, где нужно Свет сберечь,
Вдруг герой в толпе является,
Как в золе булатный меч!
Правду вижу в этом мире я.
Я спросил мечту мою:
«А за мной придет валькирия,
Если я паду в бою?...»¹

— А за мной придет валькирия, если я паду в бою? — задумчиво спросил я.

— Уээээ... — уныло и совсем не романтично ответил Вадим.

¹ М. Струкова.

Я вздохнул и пошел на нос. В волнах по сторонам от наших кораблей кувыркались дельфины. Многим они нравятся, а я их всегда терпеть не мог. Склизкие рыбы... Я вообще-то знаю, что они млекопитающие, но они все равно рыбы.

— Господи, какая мерзость, — пробормотал Вадим и, оттолкнувшись от борта усилием всего тела, отправился под мачту. Навстречу ему Ванька с Андреем тащили дымящийся вкусным паром бак с завтраком. — О-о-о!.. — прохрипел Вадим и, резко сменив направление, перекинулся через противоположный борт, как ветхий плащик. Ирка Сухоручкина подошла к нему и стала что-то говорить. Я не понял что — Ленка обычным своим в таких случаях голосом заорала:

— Завтра-а-а-ак!!!

— Эй, эй, мне принесите! — рявкнул с кормы Басс.

— Что у вас на завтрак-то?! — окликнули нас с ладьи Ярослава.

— Я еще пробу не снимал! — гаркнул я в ответ.

— А у нас — жареные бычки, — поделились с ладьи.

— Ну и ладно, — тихо буркнул я, отправляясь к котлу, возле которого, словно мухи, уже вились ребята и девчонки. Точно так же, как мух, Ленка шугала их деревянным черпаком. Басс зывал с кормы:

— Про меня не забудьте, слышите, ну, эй!!!

— А у нас скоро выпускные экзамены, — вдруг вспомнила Танюшка.

Я промолчал.

Ленка приготовила гречку с жареным луком и копченым мясом. Я встретился глазами со взглядом Вадима и, философски-сочувственно пожав плечами, передал миску Татьяне.

Мы уселись у борта. Ингрид с миской в руках поспешила к изнывающему у руля Игорю.

— Мне что-то Сергей вспомнился. — Танюшка достала ложку. А я, наоборот, отложил и сердито спросил:

— Ты что, Тань, нанялась мне настроение испортить?!

— Ешь, — мирно предложила она, — не буду больше... Лен, а, Лен, а попить что-нибудь есть?!

— Вода, — откликнулась Ленка, накладывая кашу Олегу Крыгину. Последнему, в воспитательных целях. — И, кстати, уже того. Подтухшая.

— Э-эй! — заорал я, поворачиваясь. — Долго еще?! У нас вода тухнет!

— Пастораль... — вполголоса заметила Танюшка. — «Манька, солцы займи! — А чаво ж, Танька, заходи!»

— К вечеру доберемся!!! — заревел со своего драккара Лаури так, что все дельфины разом нырнули и долго не появлялись.

Удовлетворенно кивнув, я повернулся к Танюшке.

— Вот что, Танька, — задумчиво сказал я. — Зимой пойду Сергея искать. Устроимся на стоянку — и пойду. Год не виделись, сколько можно?!

— Я с тобой, — тут же отреагировала она.

— Пойдем, — согласился я. — Еще бы Андрея отыскать, но тут я даже близко не представляю, где его носит...

Я ждал, что она упомянет Саню, но Танюшка благоразумно промолчала, выскребая ложкой остатки каши. Я наконец тоже занялся кашей напрямую — и как раз успел доестъ ее, когда на драккаре Тиля мощно и монотонно заревел рог.

Я вскочил, отбрасывая миску. Начался гомон, все бросились к борту... хотя с любого места когда можно было видеть причину переполоха. На драккарах и ладье паруса взлетели вверх; корабли ложились в дрейф.

— Спустить парус! К оружию! — крикнул я. — Живей!

Со стороны берега — до него было километра два, мы шли параллельно, — вылетев из какой-то бухточки, мчались клином восемь длинных крутобоких лодок, дружно и легко взмахивавших шестью парами весел каждая. Над лодками упруго развевались одинаковые

флаги: черно-желто-белые с белым Андреевским крестом в верхнем левом углу. Лодки казались маленькими, но злыми и опасными водными хищниками — вроде водомеров.

— «Чайки», — выдохнул Видов. Он стоял возле меня. — Казаки...

— К оружию! — повторил я, наблюдая, как оба драккара шустро растопырили весла против абордажа, а вдоль бортов выстраиваются лучники. Странно, но мне как-то не верилось, что может произойти схватка. Мы русские, в конце концов, так что же нам — драться с русскими?! А еще подумал: а ведь я вернулся на родную землю; все прошедшие годы — в Европе и в Европе...

И последнее, что я заметил еще. На ладье Ярослава тоже не очень-то активно готовились к бою...

...Где-то подсознательно я ожидал увидеть колоритных казаков — как с иллюстраций к любимому мною «Тарасу Бульбе». Но, конечно, ребята на «чайках» мало отличались от «викингов» Лаури или Тиля, наших с Ярославом дружинников или вообще всех ребят, которых я тут видел. Ничего специфически «казачьего» в них не было. Но зато их оказалось много — больше, чем нас. И они были неплохо вооружены. Во всяком случае, у них было не меньше двадцати аркебуз и арбалетов.

— Сто-ой! — крикнул, поднимаясь на ноги, один из мальчишек. Он вскочил на борт «чайки», придерживаясь рукой за высокий нос. Смуглый, рослый, со светлым — типично казачьим на этот раз — чубом, мальчишка держал левую руку на рукояти меча. И улыбался. — Кого я вижу! — продолжал он, весело шурясь. — Тиль! Вот так встреча!

— Привет, Коля. — Тиль выпрыгнул на весла и, словно по плиткам паркета, подошел по ним ближе к «чайкам». — Я не собираюсь ни на кого нападать сейчас. Меня перевоспитали, хочешь — верь, хочешь — нет... Мы с визитом вежливости. А где Андрей и Павел?

— Павел здесь. — Коля мотнул чубом. — А вместо Андрея теперь Марио. Андрей погиб прошлым летом.

— Сожалею. — Тиль неожиданно изящно поклонился, и я вдруг подумал, что не знаю, кем он все-таки был там. — А что Ирина?

— Она пропала, — коротко ответил Николай, соскакивая на дно «чайки».

* * *

Две с лишним сотни подростков — это много. Семеро командиров — это тоже немало. Ярлы Тиль и Лаури, князя Олег и Ярослав, атаманы Николай, Павел и Марио собрались на совет над морским берегом, где в Черное море с грохотом падал горный поток.

Ярлы и атаманы держались настороженно. Казачата давным-давно считали восточное и северо-восточное побережье моря своей вотчиной. Пираты же Средиземья и ярлы Севера и Запада весьма регулярно наведывались в эти воды, что приводило как к конфликтам разной степени кровопролитности, так и к кратковременным союзам против лезущих через Кавказ урса. Я так понял, что и Лаури был не без греха, а уж Тиль вообще прошлым летом убил нескольких человек Кольки, чуть не похитил его девчонку и сам потерял людей. Так что нам с Ярославом пришлось служить чем-то вроде амортизатора между полюсами.

Ну, впрочем, особо уж амортизировать оказалось нечего. С Нового года казачата постоянно отбивали атаки урса, каким-то непонятным путем преодолевавших заснеженные перевалы. Было много убитых, а главное — урса то ли убили, то ли похитили Ирину, ту самую девчонку Кольки. Из всех, кто с ней был, в живых не остался никто — и некому было рассказать о ее судьбе...

...Карта Кавказа была настоящей, туристической, очень подробной. Прижав ее локтем, Марио — светловолосый итальянец — возил по ней пальцем.

— На побережье Каспия действуют наши астраханские друзья... Перевалы Клухор, Мамисан, Крестовый, да и все остальные еще не открылись... На реке Кура действуют несколько отрядов северян — наши... ой, в смысле, русские... и еще кое-кто. Урса стоят на

правобережье Куры в двух десятках мест. Их не меньше пятнадцати тысяч.

— А наших? — поинтересовался я. — Хотя бы приблизительно?

— Около шести сотен на весь Кавказ. — Марио оценивающе посмотрел на меня. — Франсуа рассказывал, что ты хороший фехтовальщик.

— Франсуа Жюссо? — быстро спросил я. — Он что, здесь?

— Там. — Марио махнул рукой на восток. А я заметил, как вскинул голову о чем-то разговаривавший неподалеку с казачатами Вадим. — Так как насчет фехтования?

— Скоро ты это увидишь, — пообещал я.

— Что же вы собираетесь делать? — вклинился Лаури.

— Собирались идти на юг, к устью Чороха, — сообщил Павел, черноволосый широкоскулый мальчишка, небрежно державший на высоко поднятом колене саблю с богатой рукоятью. — С нами пойдете?

— Почему нет? — пожал плечами Ярослав...

...Я отошел от нашего костра, возле которого Лаури и Николай вяло заспорили об обстоятельствах похода. В ночи — по-южному черной — на склоне холма горели костры, тут и там слышались голоса, песни, смех. Я развел руки в стороны и глубоко вдохнул теплый, перенасыщенный весенними бешеными запахами воздух. И вдруг подумал, что скучаю по неспешной, степенной северной весне.

«Нет, — решил я, — следующую весну мы встретим в наших местах...» Я закрыл глаза и представил дубы над Ергенью, ее медленную воду, широкие плесы...

— Олег.

Я обернулся. Позади меня стоял Вадим.

— А? — поинтересовался я, отворачиваясь.

— Мы с тобой друзья, Олег?

— Да, — спокойно ответил я, глядя, как красиво светится море — полосы рыб и дельфинов светящимися торпедами рассекали его туда-сюда, взрываясь дорожками искр, когда кто-то из обитателей глубин выпрыгивал на поверхность.

— Пожалуйста, — с усилием выделил это слово Вадим, — сделай так, чтобы мы не встречались с Франсуа.

— Сделаю, — ответил я, не поворачиваясь.

Вадим переступил с ноги на ногу и даже с какой-то обидой спросил:

— Даже не поинтересуешься — почему?

— Не поинтересуюсь, — отозвался я. — И так знаю.

— Все-то ты знаешь, — сказал он, и я повернулся к нему, улыбаясь:

— А помнишь, ты как-то упрекнул меня в том, что я «такой debil в некоторых вещах»? Перед нашим первым походом? Умнею.

На какой-то миг Вадим потерялся. Потом сердито сказал:

— А ты ничего не забываешь, Олег.

— Ничего, — подтвердил я.

— А все-таки, — тихо сказал Вадим, — страшненьким ты стал...

— Это ты мне тоже говорил, — вспомнил я.

— С тех пор — еще страшнее, — буркнул Вадим, поворачиваясь. Он ушел бесшумно, как и положено. А я вдруг (действительно «вдруг», неожиданно для самого себя!) засмеялся. Откуда-то пришли строки — по-моему, из какого-то кино, — которые я пропел-проговорил вслух:

Эти детские игры мне давно уж не по нутру...

Блеск кинжала и шпаги интересней, поверьте...

Мы давно играем в одну и ту же игру —

И игра эта пахнет смертью...

— Олег, ты чего? — Танюшка подошла тоже бесшумно. Она улыбалась, покусывая

травинку, коса была распущена, волосы падали на плечи и до пояса, на грудь... — Ты чего, Олег? — весело спросила она. Вместо ответа я встал на колени и, обняв ее бедра, прижался щекой к животу...

в последнем месяце лета я встретил тебя
в последнем месяце лета ты стала моей
в последнем месяце лета речная вода
еще хранила тепло июльских дождей
и мы вошли в эту воду однажды
в которую нельзя войти дважды
с тех пор я пил из тысячи рек
но не смог утолить этой жажды
первая любовь была слепа
первая любовь была как зверь
ломала свои хрупкие кости
когда ломилась сдуру в открытую дверь
и мы вошли в эту воду однажды
в которую нельзя войти дважды
с тех пор я пил из тысячи рек
но не смог утолить этой жажды
в последнем месяце мы распрощались с тобой
в последнем месяце мы не сумели не простить
в последнем месяце лета
жестокие дети умеют влюбляться не умеют любить
и мы вошли в эту воду однажды
в которую нельзя войти дважды
с тех пор я пил из тысячи рек
но не смог утолить этой жажды

«Nautilus Pompilius»

...Обнявшись, мы сидели на большом камне, и море о чем-то вздыхало у наших босых ног. Неподалеку монотонно ревел поток, но не мог заглушить близкий звон гитары и отчаянный, какой-то *небесный* голос мальчишки, поющий ревякинскую «Вольницу»...

Вспомни — бредил
Запорожской Сечью
Вспомни...
Ковш горилки крепкой
Звонкие бандуры
Песни до утра
Пока дремлют пули
Вспомни!
Бредил
Запорожской Сечью!
Вспомни!
Буйный оселедец
Други боевые
Струги скорые
Шеи голые
Воля!
Наша Вольница без одежд пришла
В край, где верили, где варили власть

Скорые до рук, до расправ-услад
Локти выголив, порезвились всласть
Наша Вольница болью корчилась
Шарил грудь свинец, шею сук искал
Выкормыши бед тенью Кормчего
Шабаш правили в долгих сумерках
Нашу Вольницу Ветер выплюнул
Отрыгнул огонь прелым порохом
Выструнили псов гимны выть в плену
Не изранить жуть нервным сполохом
Чох!..

— Страшно, — прошептала Танюшка, прижимаясь ко мне. Пламя костра металось неподалеку в такт песне...

Наша Вольница бьет поклоны лбом
Догмы рабские вбиты молотом
Крылья дерзкие срезаны серпом
Горло стиснуто тесным воротом
Наша Вольница зарешечена
Меченых аркан в темноте настиг
Кость щербатая, кнут-пощечина
Стражи верные безмятежности
Нашу Вольницу Ливень выхлестал
Отрезвила хмарь теплой водкою
Выцвели шелка хором выкрестов
Вехи топлены липкой рвотою
Чох!
Наша Вольница без одежд пришла
Наша Вольница болью корчилась
Наша Вольница бьет поклоны лбом
Наша Вольница зарешечена
Наша Вольница...
...Ястребы арканов
Холод ятаганов...

— Воля, — тихо сказал я, крепче обнимая Танюшку. — Да. Хорошо поют.

— Мне так этого парня, Колю, жалко. — Танюшка повозилась под боком. — Я разговаривала с девчонками, он с тех пор, как пропала его девушка, сам не свой... Урса убивает, убивает, убивает — никак насытиться не может... Ой, Олег, ты только прости, но я подумала, что со мной было бы, если бы ты... пропал или погиб. Я бы просто умерла, наверное... А этот Марио что, к тебе приставал?

— Откуда знаешь? — лениво поинтересовался я.

— Девчонки рассказали, — ответила Танюшка. — Они меня тоже расспрашивали, — Танюшка толкнула меня в бок, озорно посмотрела снизу вверх: — «Марио ему: «Ты, говорят, хороший фехтовальщик? Давай схватимся!» — Ой, он же задиристый, как не знаю кто! А этот, ну, Олег, ему так спокойно: «Скоро ты это увидишь». — Ну прямо как в книжке или в кино! А сам он, этот Олег, девчонки, — такой гордый, рука все время на палаше... Он, говорят, во всей Европе лучший на клинках! Тань, а ты про него расскажи, а?!»

— Тань, хватит, — смущенно, но одновременно и со смехом ответил я. Она очень похоже передразнивала девчоночью трескотню, и я помимо воли поинтересовался: — Ну? Рассказала?

— Ой, какой же ты тщеславный... — Она коротко и сильно щелкнула меня в нос. — Рассказала. Рассказала, что ты самый смелый, самый умный, самый красивый, самый-самый на свете. Правильно?

— Не знаю, — хмыкнул я, потирая нос. — Вам виднее, мисс.

— Почитай мне что-нибудь, — попросила она. — Пожалуйста...

Не всегда чужда ты и горда
И меня не хочешь не всегда, —
Тихо, тихо, нежно, как во сне,
Иногда приходишь ты ко мне.
Надо лбом твоим густая прядь,
Мне нельзя ее поцеловать,
И глаза большие зажжены
Светами магической луны.
Нежный друг мой, беспощадный враг
Так благословен твой каждый шаг,
Словно по сердцу ступаешь ты,
Рассыпая звезды и цветы.
Я не знаю, где ты их взяла,
Только отчего ты так светла,
И тому, кто мог с тобой побыть,
На земле уж нечего любить?

— Это Гумилев? — тихо спросила Танюшка. Я молча коротко кивнул. — Почему ты его так любишь, Олег?

— Он учит, каким должен быть мужчина... и как надо относиться к чести, войне и женщине. А здесь только это и имеет значение, Тань. Вот веришь или нет — только это.

— Почитай еще, — попросила она. — То. Про лес.

В том лесу белесоватые стволы
Выступали неожиданно из мглы.
Из земли за корнем корень выходил,
Словно руки обитателей могил.
Под покровом ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы.
И в песке следы видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки.
Никогда судьба сюда не завела
Пэра Франции иль Круглого Стола,
И разбойник не гнезвился здесь в кустах,
И пещерки не выкапывал монах...
Лишь отсюда в душный вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой —
Но в короне из литого серебра.
И стонала и металась до утра,
И скончалась тихой смертью на заре,
Перед тем, как дал причастье ей кюре...

Я умолк, а Танюшка тихим, очень хорошим каким-то голосом задумчиво дочитала:

Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа.

Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне...

— Я придумал это, глядя на твои, — вновь заговорил я, касаясь пальцами Танюшкиных волос:

Косы — кольца огневещей змеи,
На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.
Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя...
Или, может быть, когда умрем,
Мы в тот лес отправимся вдвоем...
Мы в тот лес отправимся вдвоем...

...— У тебя красивая девчонка.

Я обернулся. Колька-атаман стоял на камне чуть повыше меня. Я молча положил ладонь на камень и коротким прыжком взлетел туда же. Посмотрел вслед Танюшкиной тени, растаявшей в черноте ночи. И подтвердил:

— Красивая.

— Иринка тоже была красивой. — Колька достал из ножен меч-схьявону. — Ты и правда хорошо фехтуешь? Марио все уши об этом прожужжал.

— Я хорошо фехтую, — кивнул я, вытаскивая из ножен палаш и показывая клинок Кольке.

— Давай попробуем здесь? — Колька топнул ногой. — Не сходя с камня. Кто кого заставит отступить.

За его спиной была широкая трещина, врываясь в которую гневно шипело море. Я помедлил и, убрав палаш, положил руку на плечо казачонку — тот коротко вздрогнул и посмотрел на меня с удивленным испугом.

— Не надо, — тихо сказал я. — Не помогает это. Хоть в кровь разбейся.

— Странно, — недоуменно ответил Колька. — Плакать хочется. Все это время хочется плакать. А не получается. Так больно... так больно-о...

* * *

...— Ты посмотри, что он рисует!

Ленка и смеялась, и одновременно кипела от гнева, протягивая мне блокнот Олега Крыгина. Я, если честно, не в настроении был рассматривать художества моего тезки сейчас, но альбом взял — Ленка уж больно настырно мне его тыкала.

Я перелистнул последние страницы, заложенные Ленкиным пальцем, — и невольно рассмеялся. Олег редко рисовал карикатуры, предпочитая серьезный и даже романтический взгляд на жизнь. Но уж если брался — они ему тоже удавались. А это были «карикатуры наоборот». Олег изобразил «старичков» нашего племени в совершенно не подходящих им по характеру ситуациях.

Вадим — в кожаной куртке, пиджачной тройке с галстуком, сияющих туфлях, с надменным значительным лицом опирался на передок новенькой «девятки».

Ирка в бикини выплясывала канкан на столе, уставленном закусками и бутылками, вскинув длинную ногу в туфельке с острой шпилькой каблука.

Наташка в спортивном костюме с подвернутыми штанинами, босиком, шуршала по дому с пылесосом.

Басс — с очками на носу! — сидел за бухгалтерским столом, что-то считая на калькуляторе левой и записывая в гроссбух — правой рукой.

Ленка в халате и шлепанцах сидела за телевизором с сонным лицом, лопая из стоящей рядом коробки шоколадные конфеты.

Андрей был изображен за студенческой кафедрой, взъерошенный, старательно записывающий какую-то лекцию в распухшую от вставок тетрадь.

Я в компании двух каких-то потертых смурных личностей за кособоким столом распивал ноль семьдесят пять портвейна, грызя воблу.

Танька в дурацкой панамке копошилась в аккуратном, прилизанном огороде с тяпкой в руках.

Себя он не нарисовал. И Арниса почему-то.

— Паразит. — Я снова засмеялся, протягивая блокнот Ленке. — На, верни хозяину.

Стягивая куртку, я отошел в темноту. Россыпью горели костры. Глубоко вдохнув чистый, становящийся уже прохладным ночной воздух, улыбнулся. Да, опять война, опять весна, и мы точим клинки. Нас позвали, и мы пришли. Чем бы это ни кончилось — с нами наша честь. «Дэн эре хейст трейе!» «Твоя честь — верность!» — эти слова я в свое время прочитал в дневнике Лотара и восхитился их лаконичной определенностью — а потом оказалось, что это слова Гитлера. С ума сойти. Перед дедом стыдно, но все чаще и чаще закрадываются в мою детскую голову мысли о том, что не все так просто с теми, кого мы называем «фашисты». Встретить бы хоть одного живого свидетеля... Хоть бы одного...

А все пошли за мной. Без вопросов и охотно. Все, даже Раде... Вот только девчонок мы все-таки зря взяли. Девчонки Славки — на Змеином, Тиля — на Терсхеллинге, Лаури — на Скале. Казачьи девчонки — тоже «по домам». Впрочем, не все — я видел пять или шесть «валькирий», весьма вольно держащихся с мальчишками, да и те, кажется, относились к девчонкам как к «боевым товарищам».

У Кольки, Пашки и Марио — 120 бойцов. У Лаури — двадцать два. У Тиля — двадцать четыре, у меня — шестнадцать, у Ярослава — двадцать. Всего — 202. Сила немаленькая... Интересно, на Куре есть еще кто-нибудь знакомый, кроме Франсуа?

Я почувствовал, что кто-то подошел, и, обернувшись, увидел Арниса. Литовец стоял в метре от меня и тоже смотрел на костры, углями рассыпанные по склонам.

— Не спишь? — поинтересовался я.

— Я ухожу, Олег, — сказал он.

— Куда? — спокойно полюбопытствовал я, похолодев.

— Не знаю, — покачал головой Арнис. — Просто ухожу. — Он посмотрел мне в лицо, и злые слова о трусости и предательстве замерли у меня на языке. Таких странных глаз, как у Арниса, я не видел никогда. Это были глаза человека, пытающегося жить, как все, но с непереносимой болью, поселившейся в нем так давно, что он уже забыл, как это — когда ее нет. *Сколько же он с ней живет?!*

— Мне сейчас нужен каждый клинок, — тихо сказал я. — Хочешь убежать от себя?

— Я не знаю, чего хочу. — В голосе Арниса прорезалась настоящая мука. — Я правда не знаю, но не могу я остаться. Может быть, среди новых людей я забуду...

Он не договорил, но я понял, о ком говорит Арнис.

— Вернешься? — спросил я. Арнис покачал головой:

— Вряд ли, Олег.

— Ну что ж, — кивнул я. — Тогда прощай. И... удачи тебе.

— Спасибо. — Он медлил, потом обнял меня. Я хлопнул Арниса по спине.

— Ну... давай, — между нами уже росла прозрачная холодная стеночка прощания, которую я так не любил — потому что она рождала во мне чувство беспомощности. А я ненавидел быть беспомощным. — Давай. Иди.

Он кивнул и, круто повернувшись, канул в темноту. Я смотрел в ту сторону, куда он ушел, пока оттуда же не появился Олег Крыгин.

— Ушел? — посмотрев мне в лицо, спросил Ариец. Я молча кивнул, потом поинтересовался нехотя:

— Ты знал?

— Он мне еще днем сказал, — признался Олег. — Я сомневался: решится или нет... Как ты думаешь, — Олег помедлил, — он струсил?

— Глупости, — безразлично ответил я.

— Конечно, — согласился Олег. — Это я так... Жаль его.

— Иди спать, — отмахнулся я. — Иди, Олег, я, честное слово, хочу побыть один, правда...

Ушел... Я присел на камень. От боевого приподнятого настроения, владевшего мной всего минут двадцать назад, не осталось и следа. Было тошно. От меня уходят люди... *От меня!!!* Черт возьми, может быть, мне лучше все-таки было сидеть на острове?

Я швырнул в темноту камень, попавшийся под руку. Он коротко и звонко ударился где-то в другой — и заскакал вниз по склону. Чувствуя, что мне больше всего хочется выругаться, я перевел дыхание и начал громко читать, обращаясь главным образом к звездам:

Я только малость объясню в стихе —
На все я не имею полномочий...
Я был зачат, как нужно, во грехе —
В поту и нервах первой брачной ночи.

Я знал, что, отрываясь от земли, —
Чем выше мы, тем жестче и суровей;
Я шел спокойно прямо в короли
И вел себя наследным принцем крови.

Я знал — все будет так, как я хочу,
Я не бывал внакладе и в уроне,
Мои друзья по школе и мечу
Служили мне, как их отцы — короне.

Не думал я над тем, что говорю,
И с легкостью слова бросал на ветер —
Мне верили и так, как главарю,
Все высокопоставленные дети.

Пугались нас ночные сторожа,
Как оспою, болело время нами.
Я спал на кожах, мясо ел с ножа
И злую лошадь мучил стремями.

Я знал — мне будет сказано:
«Царуй!» —
Клеймо на лбу мне рок с рожденья выжиг.
И я пьянел среди чеканных сбруй,
Был терпелив к насилью слов и книжек.

Я улыбаться мог одним лишь ртом,
А тайный взгляд, когда он зол и горек,
Умел скрывать, воспитанный шутком, —
Шут мертв теперь: «Аминь! Бедняга Йорик!..»

Но отказался я от дележа
Наград, добычи, славы, привилегий:

Вдруг стало жаль мне мертвого пажу,
Я объезжал зеленые побеги...

Я позабыл охотничий азарт,
Возненавидел и борзых, и гончих,
Я от подранка гнал коня назад
И плетью бил загонщиков и ловчих.

Я видел — наши игры с каждым днем
Все больше походили на бесчинства, —
В проточных водах по ночам, тайком
Я отмывался от дневного свинства.

Я прозревал, глупея с каждым днем,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век, и люди в нем
Не нравились, — и я зарылся в книги.

Мой мозг, до знаний жадный, как паук,
Все постигал: недвижность и движение, —
Но толка нет от мыслей и наук,
Когда повсюду им опровержение.

С друзьями детства перетерлась нить,
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами «быть, не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед, —
В него мы стрелы мечем — в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

Зов предков слыша сквозь затихший гул,
Пошел на зов, — сомненья крались с тылу,
Груз тяжких дум наверх меня тянул,
А крылья плоти вниз влекли, в могилу.

В непрочный сплав меня спаяли дни —
Едва застыв, он начал расползаться.
Я пролил кровь, как все, — и, как они,
Я не сумел от мести отказаться.

А мой подъем пред смертью — есть провал.
Офелия! Я тленья не приемлю.
Но я себя убийством уравниал
С тем, с кем я лег в одну и ту же землю.

Я Гамлет, я насилье презирал,
Я наплевал на датскую корону, —
Но в их глазах — за трон я глотку рвал
И убивал соперника по трону.

Но гениальный всплеск похож на бред,
В рождении смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса¹.

* * *

— Вот тут, на левобережье Чороха, будет стоять город Батуми, — сообщила Танюшка, указывая рукой на крутые лесистые холмы, которые становились все ближе и ближе.

— Не будет, — возразила Ирка. — Откуда он тут-то возьмется?

Я в этом разговоре не участвовал. Ну Батуми. Ну и черт с ним. А вот причаливать-то куда?!

Впрочем, казаки наши, кажется, знали — куда. Во всяком случае, «чайки» лихо летели прямо на берег, словно собирались на него просто-напросто выброситься. Драккары и ладья поспешали за ними. Джек уже скомандовал перекинуть паруса, и наш когг тоже шел следом.

— Смотрите! — крикнул Вадим, мучившийся на носу. Мы повернулись в ту сторону, куда наш страдалец показывал, — и я даже заморгал от удивления. Прямо в скале, нависавшей над морем, рисовался фасад храма, усиленный мощными контрфорсами. Над куполом, похожим на шлем, надвинутый на лоб воина, возносился по мере нашего приближения в небо каменный православный крест.

— Дер-жи-те-е буш-при-то-о-ом на хра-а-ам!!! — зычно прокричали с первой «чайки».

— Они случайно не дети Сусанина? — осведомился Олег Крыгин. Раде, быстро и ловко вязавший на бортовом кнехте «восьмерку», заинтересовался:

— А Сусанин кто такой? Казак?

— Проводник-профессионал, — ответил Олег. И в этот самый момент открылся проход в скале, за которым лежала бухта, окаймленная полосой пляжа.

* * *

Не знаю, кому и когда пришло в голову высечь в скале храм. Наверное, это было в те далекие времена, когда люди в самом деле обладали верой в бога. Я удивился, увидев, что из казачат почти треть, махом вытащивших «чайки» на берег, тут же чинно отправилась в храм по крутой узкой тропе. Помедлив, я направился следом.

Я в жизни ни разу не был в церкви. В семье моей в бога не верил никто. А я просто не задумывался над этой проблемой, и среди моих друзей верующих не было тоже... разве что Арнис, но верил ли он в Христа — или в более древних богов, я так и не понял. Здешний мир тоже не очень располагал к вере... или, наоборот, — располагал, только я не понял этого?

Каменная ступень перед входом была глубоко выбита — настоящее корыто. Сколько же ног тут прошло? Внутри оказалось светло. Свет падал в несколько высоких стрельчатых окон, пересекаясь на шероховатом каменном полу золотистыми клинками. Остановившись на пороге, я смотрел, как ребята опускаются на левое колено, опираясь каждый обеими руками на эфес поставленного в пол оружия. Те, у кого были головные уборы, сняли их еще в начале тропы. Некоторые уже крестились, но стояла тишина. А у меня церковь ассоциировалась обязательно с песнопениями...

Стены церкви изнутри были расписаны картинами — трудно разглядеть какими, но рисунок на стене прямо перед входом я видел хорошо. Это был именно иконный рисунок, и я узнал Георгия Победоносца. Святой с нимбом вокруг шлема поражал копьём не змея, а рогатое существо. Сатану, наверное...

¹ Стихи В. Высоцкого.

Картину окантовывали белые на черной полосе свастики, перемежавшиеся со сложным звездообразным плетением.

«Всем нужен бог, — вспомнил я слова Лядащева из «Гардемаринов». — Но не всякий может помолиться...» Я прислушался к себе. Нет, никакого молитвенного порыва я не ощущал. Но внезапно захотелось кое-что сделать...

...Мальчишки проходили мимо меня, особо не обращая внимания, разве что скользили по мне посуровевшими, какими-то самоуглубленными взглядами. Я ждал. Вышел последний; ребята уходили по тропинке вниз. Я подождал, пока последний скроется за поворотом, и, помедлив, положил ладонь на рукоять палаша. И шагнул внутрь.

Меня оглушило и испугало звонкое, раскатистое эхо моих шагов. Казалось, внутрь с разных концов вошли сразу несколько человек. Я остановился, и звук шагов, ударившись о стены, смолк.

Я стоял точно посередине зала. И так, стоя, вдруг ощутил свою неуместность в церкви, перед иконами, чьи краски не потускнели от времени, чьи лики не меняли человеческие чувства... я — длинноволосый мальчишка в потертой кожаной одежде, перетянутой промасленными перевязями, отягощенными оружием; в побитых сапогах на широко расставленных длинных ногах, с обветренным, загорелым лицом, руки которого лежат на рукоятках клинков привычно и спокойно-расслабленно. И от осознания этой своей неуместности я *рассердился*.

— Послушай меня, — сказал я, вскинув голову, и звук моего голоса тоже родил эхо, будто вместе со мной призывали слушать их другие люди. — Послушай меня, — упрямо повторил я, словно невидимый собеседник хотел меня перебить. — Если ты есть, я хочу, чтобы ты дал мне ответ: ради чего?! Если на то в самом деле твоя воля, объясни мне ее смысл, и я, может быть, соглашусь и дальше идти этим путем, но уже осознанно служа тебе! Я не бойцовый пес, которого бросают в драку, ничего не объясняя! — Я скрипнул зубами и, помолчав несколько секунд, продолжал: — Но ты молчишь? Молчишь... Значит, и здесь я не получу ответа, кому и зачем все это нужно... Что ж, прости. Пусть те, кто верит в тебя, обретают силу в этой вере. Я же буду продолжать верить в мой палаш.

Повернувшись, я вышел из церкви, больше не обращая внимания на грохочущие раскаты шагов.

И не оглядываясь.

* * *

— Вы остаетесь здесь.

— Олег... — начала Вильма, но я добавил в голос металла:

— Здесь. Будете ждать нас у «Большого секрета». Это все.

Танюшка молчала, опираясь на поставленную концом в камень корду. Она не смотрела в мою сторону, хотя все остальные девчонки обступили меня и пытались убедить, что без них война — не война.

Ее поведение как раз меня и беспокоило...

...Танюшка посмотрела на меня только когда я подошел к ней вплотную, уже снарядившись для похода.

— Держи, — сказал я, надевая на ее руку свои часы. — Будь уверена — я за ними вернусь, ведь это — дедов подарок.

Она точно хотела сказать что-то злое. Стопроцентно, я же знал ее. Но то, что я сделал, ее обезоружило, и она, без слов обхватив меня за шею, уткнулась лицом в мои волосы. Так мы и окаменели... Меня никто не окликал, и мне стоило чудовищного усилия (вытащить из тела засевшую толлу было бы легче) оторваться от Танюшки.

— Я вернусь, — сказал я и заставил себя отпустить ее руку. — Обязательно вернусь, Тань. Ты жди.

— До Куры отсюда километров сто пятьдесят. — Колька указал вытянутой рукой на белоголовые горные пики. — Смотри, там еще зима. А вон там, видишь, сигнальный дым. — В самом деле вдали тянулась к небу тонкая струйка черного цвета. — Это где-то в районе Боржоми.

— Там есть минеральная вода? — поинтересовался я.

— Есть... Но мы туда не попадем, нам ближе. Хотя тропинки в наших местах еще те.

— Я это вижу, — кивнул я, скользнув взглядом по медленно ползущей неподалеку цепочке наших ребят. — Еле тащимся...

— Ну, урса передвигаются еще медленней. — Колька чихнул. — А на левый берег Куры они и вообще пока не перебрались. Иначе дым изменился бы... Успеваем! — Он засмеялся и хлопнул меня по плечу, но глаза у Кольки оставались печально-холодными. — А вон, смотри, — туры.

Огромные рыжие быки шли всего метрах в двадцати от нас — но за пропастью, занимавшей все эти двадцать метров. Я напрягся, хотя понимал, что добраться до нас эти могучие существа не смогут при всем их желании. У переднего быка я мог бы улечься на лбу — и едва ли достал бы до кончиков рогов раскинутыми руками.

— Я, когда мы еще только-только сюда пришли, — сказал Колька, — видел, как вот такой тур убил эндрюсархуса, который напал на стадо.

— А я только раз эндрюсархуса видел, — вспомнил я. — В Испании, прошлой весной... А ты давно здесь?

— Седьмой год, — сказал Колька и, повернувшись, зашагал вниз, к нашим...

...По рукам прямо на ходу путешествовал здоровенный котелок с черной икрой-самосолкой. Ее зачерпывали сухарями, щедро разбазаренными Тилем из своих запасов. Я присоединился к этому безобразию, но икра мне не понравилась. Кто-то из ребят громко, но лениво рассказывал, как видел на Каспии «залом» — нерестящиеся осетры забили устье Волги на протяжении трех километров вперемешку со стерлядью и огромными, по семьдесят метров, белугами, а каспийские казачата ходили по бедра в выхлестнутой икре, заготавливая копченья на зиму. «Я с тех пор, — закончил мальчишка, — копченую рыбу и икру вообще есть не могу».

— Это вроде как браконьерство, — неуверенно сказал Иван.

Казачонок отмахнулся:

— Да какое браконьерство... Этот мир нас даже не замечает. На Камчатке, рассказывали, во время нереста воду из ручья не возьмешь — лосось...

— Это да, — подтвердил один из мальчишек Тиля на дикой смеси нескольких языков, в основе которой лежал его родной голландский, — мы там были. Скажете, что вру, да я бы и сам не поверил, но я вот такую речку, — он кивнул в сторону пропасти, — перешел по рыбе и ног не замочил.

— А я сам не видел, но читал, — вступил я, — в Америке стада бизонов...

— А я не читал, но видел, — заметил Джек. — Мы один раз в центр такого стада попали. Двое суток сидели на холме, а потом еще несколько часов вообще встать не могли — казалось, что земля шевелится, волнами идет.

— Слушайте, — снова вклинился я, — кто-нибудь из вас бывал на Пацифиде?

Молчание — частью недоуменное, частью смущенное — было мне ответом. Потом я услышал голос Тиля:

— Шесть лет назад я еще не жил на Терсхеллинге. Ты, наверное, не знаешь, Олег, но всех, с кем я попал сюда, убили не урса, а французы Жиля Руа — вон, Лаури тебе про него расскажет... да и Пашка, кажется, с ним встречался...

— Встречался, — подтвердил хмуро черноволосый скуластый атаман. — Не удивлюсь, если дома он был пациентом дурки. Твой Свен, Лаури, между прочим, доброе дело сделал, что прикончил его...

— Да его не мы прикончили, его девчонка одна, итальянка, зарезала, — возразил Лаури. — Он ее изнасиловал, ну... А мы уж только его отряд доби́ли.

— Мы не об этом, — перебил его Тиль. Казалось, ему совсем не жарко в его черной тугой коже. — Так вот. Я тогда добрался до Украины, а там присоединился к русскому отряду Артура Шаманова.

— По прозвищу Сумасшедший Шаман, — дополнил Джек. — Урса его, кажется, года четыре назад на кол посадили где-то в Северной Африке — я там как раз домой пробирался...

— Он самый, — кивнул Тиль. — Я с ним восемь месяцев ходил — по Сибири ходили, а с побережья Дальнего Востока на трех насадах добрались до Пацифиды, на северо-западное побережье. Нас тогда было почти сто человек... Так вот. Я командовал уже тогда... был третьим кормчим, по-нашему — третьим сторменом. Первую насадку вел сам Артур, вторую — Лио Ривело, франкист еще 30-х годов. На Лусоне мы перебили больше трех тысяч ниггеров и чинились. Вот как-то вечером Лио сказал, что Пацифида — совсем рядом и что он за свою жизнь дважды добирался до ее берегов, но так и не высадился. Я тогда о Пацифиде вообще ничего толком не знал, ну а Артура не зря же называли Сумасшедший Шаман. Мы погребли на Пацифиду. Уже в виду берегов налетел тайфун. Пять суток нас мотало, растеряли мы друг друга... У меня трех человек смыло, бочки с пресной водой раскололо — четыре из пяти. Улегся тайфун, гляжу, а всего в миле от нас болтается Артур, и берега по-прежнему не так далеко, только не те, к которым мы гребли, а на триста миль южнее. В общем, погребли мы искать Лио. Вдоль берегов, естественно, раз нас возле них гоняло, то чем он хуже? И нашли. На пятые сутки поисков нашли. Мы бочки починили и вошли в реку, запастись пресной водой. Поднялись мили на три и буквально наткнулись на насадку Лио. Она стояла у берега на якорях, совершенно целая. И ни единого человека на ней. А было около тридцати.

— Урса, — сказал Видов.

— Насада была совершенно целая, — повторил Лио.

— Они ушли в джунгли, — предположил я, — а там на них напали.

— Ты не моряк, Олег, — заметил Джек. — На корабле всегда остается людей не меньше, чем нужно, чтобы выйти в море. В данном случае — наверное, минимум восемь человек, да, Тиль?

Тот кивнул и продолжал:

— Артур и я собирались искать. Переночевать и искать, но... — Тиль потер щеку. — Но под утро — а ночь, надо сказать, была неприятной из-за звуков в джунглях, — Джек кивнул, вспоминая что-то свое, — до стоянки добрался один из мальчишек, что были с Лио. У него оказалась почти оторвана левая рука и вырван левый бок, кроме того, он никого не узнавал, да и прожил-то всего полчаса, но перед смертью вроде бы очнулся и сказал: «Все погибли. Бойтесь барабанов. Не ходите за барабанами». А буквально через десять минут, — Тиль сделал многозначительную паузу, — мы услышали в джунглях барабаны. Такой ритмичный сигнал, совсем не похожий на урсайтянский грохот. Я до сих пор его помню... — И Тиль отшлепал по кожаному рукаву глухую дробь.

— Это «Марш-атака», — сказал кто-то, — не может быть.

— И вообще это больше смахивает на страшилку, — заметил Андрей Соколов. — «Девочка, девочка, не вывинчивай крюк в полу» и все такое. Летающая Рука...

— Нет, — покачал я головой. — Лотар вообще-то очень мало пишет про Пацифиду, но у него тоже сказано про «барабанную дробь в джунглях»... Так, а что было дальше?

— Мы ушли, — пожал плечами Тиль. — Гребли как черти, пока не оказались вне видимости берегов. С тех пор, — вдруг заключил он неожиданно, — я жалею, что не пошел в джунгли. Хотя там погиб бы наверняка.

— Не обязательно, — покачал я головой. — Лотар не погиб.

— И не только он, — подтвердил кто-то из ребят Лаури. — Вообще-то не так уж мало людей проходили Пацифиду.

— Тебе видней, — заметил Лаури, — ты ведь плавал с Эмилем ярлом...

— Плавал, — согласился парень, — и ушел от него сам, Лаури ярл. Но смелости у Эмиля ярла было не отнять. Он проходил Пацифиду — правда, без меня...

— Эмиль — это тот, остатки отряда которого мы добились на Крите? — вспомнил я. Лаури кивнул:

— Между прочим, Дэннис Лиан, который пропал на Крите — я про него упоминал, когда разговаривали с Жоэ, — тоже там бывал. На Пацифиде, в смысле.

— В кого ни ткни — либо умер, либо пропал... — пробормотал я. Джек возразил:

— Не думаю, что это как-то связано.

— Да я не о связи, — отмахнулся я, — расспросить некого.

— Вообще-то про Пацифиду чего только не рассказывают, — сказал Тиль серьезно. — И Город Света там. И Бесконечная Дорога в тех местах начинается. И просто что там заповедник разной нечисти.

— Это, кстати, не исключено, — заметил Джек.

— Согласен, — поддержал его Лаури. — Тут и везде-то немало странного.

— Вроде носферату, про которых ты говорил, Джек? — вспомнил я.

— Вроде, — кивнул Джек. — И более того.

* * *

Кабанов было не меньше двадцати только взрослых самцов и самок. Эти звери не умеют смотреть вверх, но нас они почуяли, хотя мы находились на верху крутого склона, заканчивавшегося сырой низинкой, где и шли неспешно кабаны.

— Вот и ужин с развлечением на всю компанию, — сказал Лаури.

— Угу, — согласился я, прикинув, как буду действовать, и доставая дагу. — Ну что...

Договорить я не успел — кто-то на правом фланге засвистел пронзительно и заорал: «Пошли, пошли, вперед!» Мы рванулись вниз по склону, как в атаку.

Да это и была атака. Кабаны не могли бежать нам навстречу, вместо этого они массой подались назад, теснее сплываясь и закрывая подсвинков и поросят. Массивные клиновидные головы опускались к земле, обнажались выгнутые кинжалы клыков. Утробное хрюканье перерастало в угрожающе-истощный визг — кабаны заметили врага.

Нас .

— Растягивайте их! — послышался чей-то веселый возглас. Кругом кричали, улюлюкали, слышался хрип кабанов, отбивающих броски...

— Сюда!..

— Давай!..

— А-а-ах-х!..

— Быстро!..

— Н-на!..

— Оп!..

— Бей!..

Я пролез мимо какого-то парня, которого мотал кабан, а парень держался обеими руками за меч, вошедший в пасть до рукояти — из ноздрей широкого пяточка и из пасти лилась кровь. Ухватив жесткую шерсть за ушами, я почти лег на бок кабана и вогнал дагу под левую лопатку — кабан свалился мгновенно.

— Спа... сибо... — выдохнул парень, с трудом вытягивая меч. — Сзади!..

Я кувыркнулся через тушу кабана, пропуская мимо страшную, оскаленную и ошетиленную свинью. Взрывая мокрую землю, она развернулась, попыталась обойти тушу, — я перекатился через нее вновь и, ухватив самку под коленом правой передней ноги, свалил. Мальчишка, которому я помог, сверху отвесно пробил ее насквозь и широко улыбнулся.

— В расчете. — Я поднялся тоже с улыбкой. Неподалеку докалывали визжащих

поросят, кому-то, отчаянно ругающемуся, уже зашивали рану на ноге. Я несколько раз всадил дагу в землю и заорал:

— Эй! Мои все целы?!

— Меня убили! — так же заорал в ответ Боже.

Вокруг грохнули.

— Похоронишься и доложишь! — не остался в долгу я. — А пока давай принимайся за разделку! Это вообще всех касается, ах!..

...Я, кажется, уже упоминал, что в отличие от охоты последующая за нею разделка туш — дело редкостно мерзостное. По-моему, привыкнуть к этому нельзя, особенно если это в промышленном масштабе. Но почти двести парней хотят есть. Кто-то уже разжигал костры, склон долины звенел от шума и гама, а на другом склоне неспешно скапливались в ожидании ночи волки. Им поживы тут явно много останется. Долбила гитара, и чей-то голос выл:

Когда подходили к Берлину
(Ох, лучше б туда не ходил!),
Нарвался я, братцы, на мину —
Осколок мне... отхватил...

С другой стороны не менее громко ревели на несколько голосов по-голландски (или по-фламандски?) что-то, похожее, столь же похабное.

— Застрельщики славных дел, — заметил, подходя, Вадим. — Любое славное дело застрелят... Пошли к костру. Только помоемся сначала.

— Мне такие сборища всегда напоминают турслеты, — признался я, когда мы отмывались. — Фу, все равно кровью воняю... Не люблю я этого запаха. — Я обратил внимание, что Вадим смотрит на меня странными глазами, и удивился: — Ты чего?

— Да вот я вспомнил, — медленно сказал он, — февраль, когда мы с немцами урса на Марице перебили. Как ты тогда глаз урса вынул и ногой на животе у него раздавил... Что, тогда кровью не пахло?

Я смерил его долгим, внимательным взглядом:

— Чего ты хочешь? Испортить мне настроение?

— А оно у тебя хорошее?! — то ли в шутку, то ли всерьез поразился Вадим.

— Да! — рывкнул я, вскакивая.

— Тише, тише, дети, не ссорьтесь! — подал голос Сережка Лукьянко, отмывавшийся неподалеку. — Пошли, костер-то уже развели, наверное...

...Костер уже не только развели — Михель шпиговал три здоровенных кабаньих окорока какими-то травками, уверяя всех, что это знаменитые кавказские приправы.

— Ты нам волчьего лыка туда не напихай, — под общий смех сказал Видов, вырубавший из палок здоровенные вертелы. Михель хмыкнул:

— Я голландец, а у нас обжорство — национальная традиция... Вот это, например, — он поднял какой-то стебелек, — это кинза. А это — реган. А это...

— Это петрушка, — невозмутимо сказал Мило. — Послушай, я есть хочу.

Боже поддержал брата энергичным кивком. У какого-то костра казачата орали древнее, как мир:

Как при лужку, при лужке,
Во широком поле,
При знакомом табуне
Конь гулял по воле!
При знакомом табуне
Конь гулял по воле!..

— Хорошо поют, — заметил Басс, извлекая свои гусли. — Ну что? Пока мясо жарится?

— и, не дожидаясь согласия:

Корабли постоят
И ложатся на курс.
Но они возвращаются
сквозь непогоду...
Не пройдет и полгода,
Как я появлюсь,
Чтобы снова уйти,
чтобы снова уйти
на полгода...

Я удивился, увидев, как начал подпевать Иван, причем по-русски, широко раскрыв глаза и довольно красиво:

Возвращаются все,
Кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых
и преданных женщин...

Возвращаются все,
Кроме тех, кто нужней...
Я не верю судьбе,
я не верю судьбе, а себе —
еще меньше...

И мне хочется думать,
Что это не так,
Что сжигать корабли
скоро выйдет из моды...
Я, конечно, вернусь —
Весь в друзьях и в мечтах...
Я, конечно, спою —
не пройдет и полгода...

...— Ты откуда знаешь Высоцкого? — спросил я Ивана. Болгарин пожал плечами:
— Отец любит... любил... любит.
— Ясно, — кивнул я.
А Андрей уже снова подначивал Басса:
— Игорь, давай эту, — он напел: — «Не хватило чуть-чуть нам попутной погоды...»
— Понял, сейчас. — Басс положил перед собой котелок: — Рубли и валюту кидайте сюда...

Не хватило чуть-чуть нам попутной погоды...
Все пороги прошли, вроде все позади, —
Просто слишком везло нам все время в последние годы,
Но тревожное чувство невольно копилось в груди...

Он помолчал, глядя в огонь, особенно яркий в сгущающихся сумерках, и продолжал, перебирая струны:

Но когда меж озер запетляла красавица Хета,

Гальку разных пород в Ледовитый неся океан,
Ураганным порывом промчалось таймырское лето,
Первый снег опустил на плечи седых Путоран.

Норд завыл и закрыл горизонт облаками,
Бьет дождем по стеклу и гудит, как орган.
Среди топких болот затерялась фактория Камень.
Мы на ней пятый день. Пятый день — ураган.

Тяжело ожидать, если день тот не первый,
Если завтра опять не отправимся в путь.
Все устали. Уже начинают пошаливать нервы...
Не спешите, друзья, потерпите, ребята, чуть-чуть...¹

...Стемнело совсем, звезды перемигивались почти во все небо, только на севере, где-то над хребтами Кавказа, похоже, шел дождь. Но ветер дул на запад, и я, пиная в ручей камешки, лениво подумал, что тучи снесет в Черное море.

Наш лагерь все шумел, хотя многие уже спали, но этот шум мне не мешал. Я отошел к концу гряды, на которой мы остановились, — тут тропинка вновь уходила в лес, заплетенный кустарником, через который нам придется продираться завтра. Далеко-далеко впереди, в неразличимой тьме, тоже горели костры — россыпью, штук шесть. Как это обычно бывает ночью, я не мог понять, сколько до них. Могло быть и двадцать, и пятьдесят, и больше километров по прямой. Интересно, кто это, подумал я, вглядываясь в огни... и вдруг меня охватило странное, захватывающее дух чувство — как в парке, когда кружишься на «Ветерке». Огни надвинулись с бешеной скоростью... или нет, это даже была не скорость, а... не объяснишь словами, просто я вдруг *увидел* эти костры так, словно *оказался* рядом с ними, чуть сверху. Точнее не скажешь. Я почему-то не испугался и не удивился, а просто рассматривал людей у костров. И высокого мальчишку с длинными светло-русыми волосами, нижняя часть лица которого была закрыта жесткой кожаной маской. Мальчишка стоял, уперев согнутую ногу в пенек и положив руки на рукоять длинной шпаги, поставленной у носка другой ноги. Руки почти до самых локтей были закрыты крагами, на которых поблескивал металл.

Он поднял глаза. Встретился со мной взглядом.

И мне показалось, что я упал с высоты не меньше трех метров...

— Олег, Оле-ег...

Голос был негромким, а вот хлопки по щекам — довольно ощутимыми. Я открыл глаза и различил над собой лицо Джека.

Я сел, придерживая рукой затылок. С трудом ворочая языком, спросил:

— Что со мной было?

— Это интересный вопрос, — заметил Джек, садясь рядом. — Подошел я спокойненько к краю тропинки по своим делам. Сделал их, поворачиваюсь — а там ты валяешься. Ты откуда упал?

— Упал? — Я посмотрел в сторону далеких костров, оперся ладонями о теплую землю. — А, да... упал... Джек, — я повернулся к нему, — «вилька, полька, тарэлька пишутся бэз мягкого знака. Сол, фасол, антрэсол пишутся с мягким знаком. Дэти, запомнитэ это, ибо понять это нэвозможно!»

— Чего? — Джек свел брови. — Ты, когда падал, головой не?.. — Он заглянул мне в глаза.

— Не знаю, — признался я. — Я вообще не знаю, падал ли... и откуда... Джек, ты случайно никогда не видел такого приметного парня...

¹ Музыка А. Хорошевского, стихи В. Юфы.

— Приметного? — англичанин улыбнулся. — Ты что, решил поменять ориентацию?

— Нет, я ее потерял, — признался я. — Парень в маске. Вот тут, на нижней части лица... Ты что, Джек?!

Этот возглас вырвался у меня непроизвольно. Джек существо крайне флегматичное, именно по-английски. Но за какую-то секунду его лицо изменилось резко и жутко. На нем отпечатался такой ужас, словно Джек увидел что-то иррационально чудовищное. Непредставимо страшные по силе пальцы англичанина, словно стальные клещи, впились в отвороты моей куртки, защемив кожу.

— В полумаске?! — Джек перескочил на английский. Я рефлекторно попытался вырваться — просто от охватившего меня страха, — но ничего не вышло, Джек держал меня, как в тисках. — В полумаске?! — повторил Джек. — У него длинные русые волосы и глаза... глаза, как у Ангела Света?!

— У к-к-кого? — пробормотал я.

— У Люцифера!!! — рывкнул Джек, тряхнув меня. — Где, где ты видел его?! Он здесь?!

— Он у тех костров. — Я указал рукой и, когда Джек посмотрел в ту сторону, рывком сбил его захват. — Пусти!

— Извини... — Джек с трудом переводил дыхание. — Как ты смог его увидеть у тех костров?

— Я не знаю! — огрызнулся я. — В том-то и дело, что не знаю. Я стоял здесь. Смотрел на костры. И вдруг словно оказался рядом с ними. Там был этот парень. Мне кажется — он тоже видел меня, хотя все это глупость...

— Это не глупость... — процедил Джек. — Это совсем не глупость... Скажи, он выглядел так, как я сказал?

— Ну... да. — Я пожал плечами. — Правда, насчет глаз — не знаю, я не видел, какие глаза у Люцифера.

— А я видел... — Джек запустил обе ладони в волосы. Мне показалось, что он разговаривает сам с собой. — Ви-дел... Я знаю, у него глаза, как у Нэда Кардигана... и я думал, что больше не увижу... Валькнут... Валькнут, валькнут, валькнут — узел павших... не уйти, не убежать... — Он вцепился в свое лицо, словно собираясь сдернуть его, как маску. Левый глаз сквозь пальцы блестел, будто серебряная монета.

— Джек, — я взял его за плечи. — Ты что, Джек?

— Слушай, — вдруг очень спокойно сказал Джек, опуская руку. — Нэд Кардиган был моим другом и советником принца Чарли. Мы вместе сражались... В 64-м недалеко от Брокена он вытащил меня буквально из рук ниггеров. И двадцать миль нес на себе, укутав в свою крутку, а было минус тридцать... Я помню, как мы через два года пировали на коронации Чарли в Зонтгофене. Был зал, и свет факелов, и смех, и Нэд нагнулся ко мне через стол, протянул руку с чашей из бука, и мы выпили на брудершафт. Зонтгофен... — Джек поднял лицо к небу. — Нам казалось, что мы победили. Ты, Олег, не знаешь того, какое это чувство — ощущать себя частичкой *такой* мощи. Потом я первый раз отправился за океан, а Нэда Чарли назначил шерифом на Урал. Когда я вернулся, то заглянул туда. Повидаться со старым другом... — Джек засмеялся — нехорошо, горлом. — Не все хотели нашего королевства, Олег. Я не про урса, нет. Кто-то уходил, кто-то подчинялся... а кто-то погибал. Так было нередко, и я, Олег, убил не одного — наверное, десяток тех, вся вина которых была лишь в нежелании подчиниться Чарли Виндзору, королю Срединного Королевства, да хранит Господь его душу... И Нэд продолжал делать это. Убивать. Там, на востоке, за Уралом, было немало тех, кто хотел сохранить самостоятельность. И мой старый друг очень широко истолковал приказ Чарли «наладить с ними отношения». Я впервые увидел белых ребят, казненных белыми же. Не убитых, Олег, нет — *казненных*. Нэд сажал пленных ребят на колья. Вешал за ребра и за половые органы. Разрывал на деревьях. Отрубал им руки. Голых девчонок... он на них охотился с луком в лесу, как на зверей. Я все это видел. У меня было человек пятнадцать. У него — втрое больше, и не всем из них это нравилось. И мы

решили не вмешивать ребят. Это было бы подло... Уже тогда он носил маску. Кто-то из тех, кого он уничтожал, в бою срубил ему губы и часть подбородка, открыв кость... Мы дрались. Это была самая тяжелая схватка в моей жизни. Во всех отношениях, Олег. Потом... ну, потом я убил его, вот и все. Разрубил ему плечо и грудь...

— Но тогда это не он, — уверенно сказал я. — Мало ли кто может носить маску? Я не думаю, что после удара твоим мечом можно остаться в живых.

— Я тоже так не думал, — подтвердил Джек. — Но ты знаешь, что с тобой было?

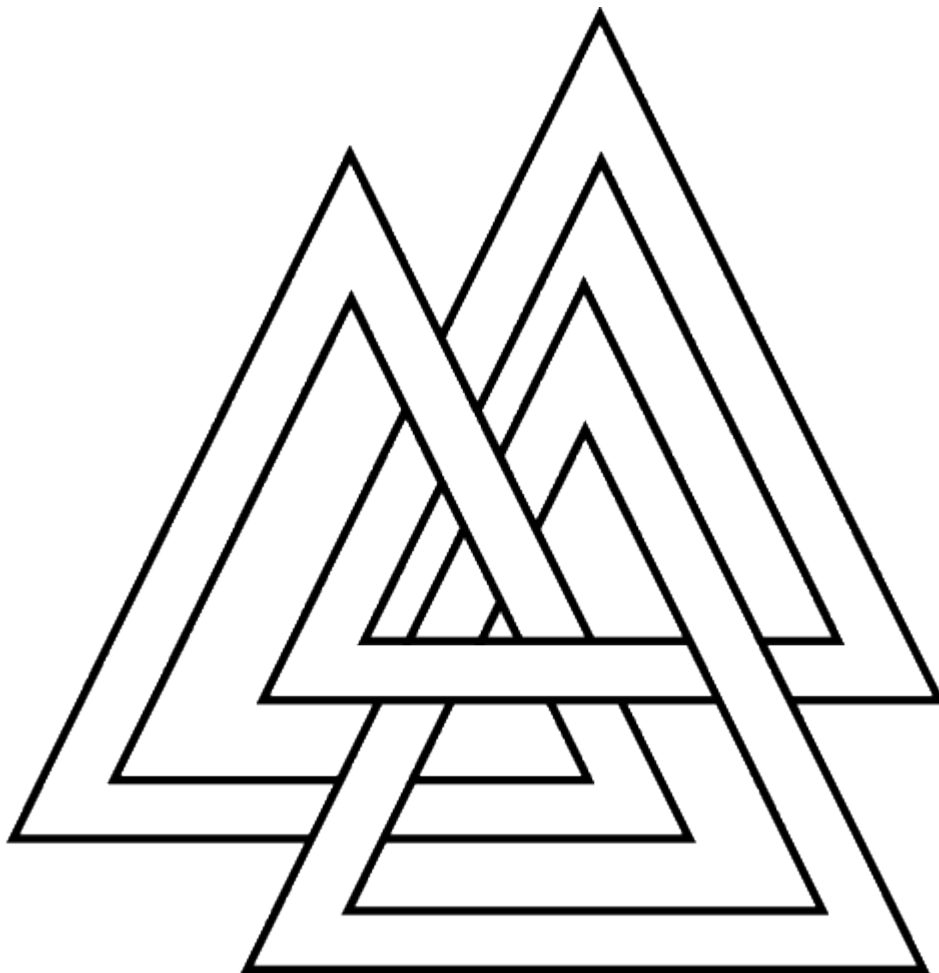
— Нет, — я медленно покачал головой. Мне почему-то стало не по себе.

— И я не знаю, — кивнул Джек. Я с шумом разочарованно выдохнул. — В том-то все и дело. Валькнут.

— Валькнут, валькнут, — сердито сказал я. — Какой валькнут, что это такое?!

Джек достал охотничий нож и, повернувшись ко мне спиной, заскрипел им по каменной глыбе. Потом — шагнул в сторону, и в свете луны и звезд я увидел на камне странный, но притягательный знак — три хитро сплетенных треугольника.

Я довольно долго рассматривал значок, пытаюсь понять, в чем его привлекательность и где у него начало, где конец. Мне вдруг вспомнился фокус с тремя кольцами, непонятно как проникающими друг в друга. Вообще фокусы оставляли меня равнодушным. Но только не этот...

— Это и есть валькнут, — услышал я голос Джека и поднял голову. — Узел павших. Ничто не кончается. Ни от чего нельзя уйти. Все связано. И только Воден, Одноглазый Бог, Седой — только он развязывает такие узлы. Но до него не докричишься.

— Ты серьезно? — недоверчиво спросил я. Джек улыбнулся:

— Да не бери в голову. Нет, конечно... — Он повернулся, чтобы идти, и так, стоя ко

мне спиной, сказал негромко: — Если будешь когда-нибудь в Зонтгофене, Олег, то увидишь остатки нашего замка. Я был там три года назад. Не знаю кто — но кто-то нацарапал над входной аркой вот этот знак, Олег. Вот так.

* * *

— Кто-то еще с севера подошел, — заметил Колька. Я кивнул:

— Да, я эти костры видел ночью.

Ребята в лагере, разбитом на склоне холма выше бурного ручья, нашу колонну, конечно, тоже заметили и сейчас стояли с оружием в руках. Впрочем, из головы колонны уже махали им и что-то кричали, так что драки, конечно, не будет, но...

Я поймал себя на том, что ищу глазами высокого парня в полумаске. Мне хотелось верить, что все это чушь, тем более что утром и всю первую половину дня Джек вел себя совершенно обычно. Я даже готов был вообще списать все на сон. Не очень-то приятно было вспоминать ужас на лице храброго и благородного парня... Да и разговор какой-то мутный был.

— Эй, вы кто-о?! — закричали из головы колонны.

— Нордменн! — ответили с той стороны. И добавили по-русски: — Северяне, из Скандинавии!

— В основном! — со смехом добавил еще кто-то.

— Кто командир?! — это Колька напрямик спускался с тропинки.

— Я, — откликнулись с той стороны. — Карди. Карди Нэддинг.

Спокойное и самоуглубленное, с улыбающимися губами и равнодушными глазами.

Потом — лицо командира этих ребят, от подбородка до носа закрытое жесткой черной кожаной полумаской.

* * *

Уже под вечер прошел дождь, короткий и теплый, но бурный. Пока размещались на ночлег, я, естественно, был в хлопотах, а потом обнаружил, что Джек куда-то пропал. Он с полудня шагал совершенно нормально, перешучивался, разговаривал, а сейчас...

— Эй, где Джек? — поинтересовался я у Вадима, который резал копченое мясо — в кашу. Тот отвлекся и пожал плечами:

— Представления не имею. Может, по девкам пошел?

— По каким? — затормозил я.

— По казачьим, — ядовито ответил Вадим.

Я не стал продолжать разговор и, отойдя подальше от костров, расслабился и начал прислушиваться, вглядываться и почти принюхиваться. Конечно, вокруг лагеря бродило с самыми разными намерениями немало людей... Но я, расхаживая между камней и зарослей кустарника, наткнулся на Джека. Не мог не наткнуться, потому что нельзя прожить в этом чертовом мире несколько лет и не обзавестись такой полезной вещью, как инстинкт.

Джек и Карди стояли друг против друга, метрах в трех, за большим раздвоенным камнем. Они обернулись ко мне разом. Оба.

И на лице Карди не было маски.

Я содрогнулся, и это не оборот речи. Верхняя часть лица принадлежала симпатичному парнишке. А нижняя...

А нижняя — черепу.

Когда-то страшный, хотя и неточный удар начисто снес Карди губы, обнажив десны, и стесал плоть на подбородке. Этот вечный оскал был страшен. И, конечно, Карди Нэддинга на деле звали Нэд Кардиган.

— Привет, — сказал он, меряя меня холодными глазами. — Это тебя зовут Олег?

— Меня, — я спустился за камень и встал там, положив ладони на рукояти клинков. —

А это тебя зовут Нэд Кардиган?

— Когда-то я знал этого человека, — ответил он. — Давно. Его убил Джек. Вот он, — он кивнул в сторону Джека. — А что тебе до Нэда Кардигана, Олег?

— Ровным счетом ничего, — покачал я головой. — Я слышал, он был так себе человек. Не слишком-то ценил человеческую жизнь...

Жизнь — как актер на сцене.
Побегал, пошумел и был таков.
Жизнь — сказка в пересказе дураков.
Жизнь — только миф.
И ничего не стоит.
Ничего, —

прочел Нэд. И любезно пояснил: — Это Шекспир.

— «Макбет», я знаю, — кивнул я.

Нэд ответил таким же кивком:

— Он, кстати, и свою жизнь не слишком высоко ставил... Да и по тебе не похоже, что ты очень озабочен ее сохранностью.

— Наши жизни — это наше дело, — заметил я. — Еще мы можем, хоть это и не очень приятно, распоряжаться жизнями тех, кто нам добровольно подчиняется. Но я не думаю, что мы имеем право вешать тех, чья вина в нежелании подчиняться.

— А как, по-твоему, создаются государства? — спросил Нэд. — Методом всеобщего договора?

— Не знаю, — признался я. — Знаю только, что я не стал бы вешать за отказ присягнуть мне. И еще я знаю, что у вас ничего не вышло. С государством.

— Мда? — безразлично поинтересовался Нэд. Его жесткие кожаные пальцы легонько шевелились на рукояти шпаги. — Не знаю. Я этого не видел. Понимаешь ли, Олег, — Джек, когда убил ме... Нэда, то приказал похоронить его. В земле. В общем-то его трудно винить, но он мог бы приказать сжечь своего... старого друга, как было положено. А не заваливать его землей с червяками. И теперь представь себе, что Нэд испытал, когда пришел в себя, — истекающим кровью и зарытым в могилу? Странно, что он выбрался. Странно, что он не умер. Странно, что его подобрали.

— Тебя подобрали те, за кем ты охотился, — подал голос Джек. — Русские. Сергей Красник, так? И не убили. Не повесили, не содрали с тебя кожу. Выходили... Вот что действительно странно, Нэд.

— Странно, — согласился Нэд и достал шпагу.

— Почему ты здесь? — любопытствовал я.

— Урса я ненавижу не меньше, чем ненавидел Нэд, — пояснил он. — Тут ничего не изменилось. Но долги остались. Валькнут. Джек?

— Я не могу драться с тем, кого убил один раз, — спокойно сказал Джек, но это было нехорошее спокойствие.

Мне на миг показалось — Нэд крикнет, что Джек трус, но он кивнул, словно услышал ожидаемое:

— Валькнут, — и его шпага уперлась Джеку в горло.

— Черта лысого, — сообщил я, обнажая палаш. Короткое движение — и шпага отлетела в сторону.

— Не надо, Олег, — сказал Джек.

Губы его прыгали.

— Надо, Джек, — ласково сказал я. — Я князь или не князь?.. Но у нас с живым трупом еще есть возможность разойтись мирно, так как я, как ни крути, против тебя лично ничего не имею... Нэд.

— Я еще прошлой ночью почувствовал — что-то не так, — почти с удовольствием

заклучил Нэд, доставая из-за голенища высокого сапога дагу, раскрывшуюся со щелчком на три остря. — Но не хотел верить в такую удачу... Ты, Джек, далеко не уходи, я тебя убью потом... Я слышал, что ты хороший фехтовальщик, Олег?

— Настолько, что спрошу: тебя есть кому заместить? Не хотелось бы оставлять твоих без командира...

— Есть, есть, — кивнул Нэд. — Не беспокойся... Ну? — Он учтиво и изящно отдал салют. Я, помедлив, ответил тем же. Благородство за благородство.

— Так ты говоришь — валькнут? — уточнил я, обнажая дагу. — Вот и проверим. Узлы, которые нельзя развязать, можно разрубить.

— О? — удивился Нэд, делая легкий выпад, который я отбил вверх. — Классическое образование?

— Советская школа. — Я сделал выпад в лицо, отдернув палаш от даги. — И интерес к истории...

— Знаешь, кто такой Ростан?

Я парировал укол в колено:

— Автор «Сирано де Бержерака»? — Он отбил рукоятью рубящий удар палаша в плечо. — Ты имеешь в виду «Балладу о дуэли»? — уточнил я. Легко играя длинным клинком, Нэд продекламировал (странно, что отсутствие губ не ломало его голос, но говорящий оскал черепа пугал!):

Свой фетр бросая грациозно,
На землю плащ спускаю я,
Теперь же появляйся грозно,
О шпага верная моя!..

— Меня, мой друг, вам не сразить, —

возразил я. —

Зачем вы приняли мой вызов?
Так что ж от вас мне отхватить,
Прелестнейший из всех маркизов?..

Бедро? Иль крылышка кусок? —

перебил меня Нэд: —

Что подцепить на кончик вилки?
Так, решено: сюда вот, в бок
Я попаду в конце посылки... —

и он попал. И неплохо попал, скользнул длинным клинком над моим палашом и вытянутой рукой, и я, ощутив резкую боль в левом боку, отшагнул назад. Нэд засмеялся:

— Вы отступаете? Вот как?.. — и прервал стихи: — Ладно. Ты не так уж хорош. Я, честное слово, не хотел тебя убивать, Олег, но теперь убью. Первый — в плечо! — Я попытался защититься, но не успел. Просто не успел, и это было самое ужасное — кончик шпаги ударился в кость, и от обжигающе-парализующей боли я выпустил дагу. — Второй — в колено! — Левая нога у меня подломилась, и я с трудом сохранил равновесие, а Нэд с хладнокровным видом ждал, пока я выпрямлюсь. — А третьим — в горло — я тебя убью. Потерпи, это секунда, — любезно сказал Нэд.

«Этого мне начисто не надо», — подумал я совершенно хладнокровно. Бояться смерти я давно уже отвык. Но это не значило, что мне хочется умирать. Англичанин был быстрее

меня. В два. В три раза... Если бы сделать его не таким быстрым...

...И, чутьем бойца угадав выпад за сотую долю секунды до него, я упал на правое колено. Нечего было и надеяться уколоть его снизу — он наверняка перехватил бы мой палаш шпринг-клинге, и все.

Поэтому я рубанул. Кругом.

Нэд был дьявольски быстр. Чудовищно, и он, подпрыгнув на месте, спас ноги от моего удара. От *этого* удара, потому что я в полете довернул клинок — и обратным движением подрубил ему левую ногу сзади под коленом. Еще до того, как он приземлился.

Нэд ахнул — не от боли, а изумленно — и, упав на ноги, начал валиться на бок, но, умело превратив падение в кувырок, ушел от моего укола и встал на ноги метрах в трех от меня. Но как встал! Едва касаясь земли левой ногой! «Сухожилие», — поздравил я себя, вставая и подняв дагу.левой рукой можно было двигать, бок немел, а рана в колене сильно болела. И все-таки я сразу оказался в более выгодном положении, чем Нэд.

Он это понимал. И сказал искренне:

— Отлично. Я ошибся насчет тебя.

— И очень, — согласился я, придвигаясь к нему. Шпага шевелилась, тело Нэда явно требовало от него — на автомате! — действий, заученных досконально, на уровне рефлекса... а нога парализовала движения. — Плохо, да? — поинтересовался я. — Сейчас будет еще хуже.

— Олег, — окликнул меня Джек.

— Да? — я не повернул головы.

— Не убивай его, Олег.

— Еще раз, — попросил я.

— Я прошу отдать его мне, князь.

— Хочешь меня добить? — спросил Нэд.

— Олег... князь, — снова позвал Джек.

Я убрал дагу и, вытирая палаш о рукав, бросил:

— Он твой...

...Джек догнал меня около лагеря, когда я, сидя на плоском камне, зажимал локтем рану в боку и переводил дух. Англичанин молча стащил с меня куртку и начал осматривать рану в плече.

— Что ты с ним сделал? — спросил я.

— Ничего, — коротко ответил Джек. — Так, с плечом все в порядке, хватит повязки...

— Не убил? — искренне удивился я. Все вокруг со звоном поплыло — Джек добрался до раны в боку. Я усилием воли заставил себя выбраться из позванивающей круговерти. — Какого черта?

— Это надо промыть, зашить и перевязать, — Джек встал. — Посиди, держи руку на дырке. Я сейчас все принесу.

— Я задал вопрос, — напомнил я.

Джек долго молчал, сидя рядом. Я слышал, как он ровно дышит, и, привалившись к нему, начал то ли засыпать, то ли все-таки терять сознание, когда его голос заставил меня вздрогнуть и отшатнуться:

— Ты вряд ли поймешь... и хорошо бы тебе никогда не понимать этого. За двадцать с лишним лет сгорело все, Олег. Любовь и ненависть перегорели в пепел, страх и боль забылись, надежды и вера стерлись... Камни в Зонтгофене, на которых написаны наши имена, — остались. И нас осталось всего двое, Олег... — он встал. — Сейчас принесу необходимое, и заштопаем тебя.

* * *

Единогo центра сопротивления на левобережье Куры не существовало. Получалось так, что мы, двигаясь от побережья Черного моря, вбирали в себя другие отряды, как

соединяются друг с другом шарики ртути. К началу четвертого дня вместе шли следующие отряды:

Колька — 43 чл.,
Пашка — 40 чл.,
Марио — 37 чл.,
Ярослав — 20 чл.,
Лаури — 22 чл.,
Тиль — 24 чл.,
Олег — 15 чл.,
Карди — 18 чл.,
Улав — 14 чл.,
Дидрих — 21 чл.,
Лешка — 18 чл.,
Франсуа — 17 чл.,
Ромка — 29 чл.
ВСЕГО: 318 бойцов.

Я, если честно, так отвык от многолюдства, что этот отряд казался мне целым войском. Совершенно неожиданно обнаружился Лешка Званцев — тот парень, с которым мы в первое лето собирались зимовать под Москвой. А мое обещание Вадиму пошло прахом, потому что и Франсуа обнаружился тоже. А с ним была Наташка, и с этим ни черта нельзя было поделаться. Они, кстати, тоже чувствовали себя не очень, и Наташка даже не стала разговаривать с нашими девчонками, разыскившими было ее... А уж про Вадима я вообще не говорю — он резко осунулся и замкнулся в молчании, а с ним мучилась Ирка...

...Этим — четвертым — утром мы собрались на совет. Было еще совсем рано, наш лагерь толком не проснулся. Мы рассаживались на камнях вокруг песчаной площадки, оценивающе глядя друг на друга. Уже когда все разместились, какое-то время царило молчание. Потом заговорил Ромка — коренастый рыжеволосый парнишка лет шестнадцати, чей отряд постоянно обитал в этих местах:

— Наверное, всем и так понятно, зачем мы тут собрались. Вторая группировка — около четырехсот ребят — сейчас стоит к востоку от нас, километрах в двадцати. Вообще-то подойдут и еще подкрепления, но ждать долго мы не можем. Перевалы вот-вот откроются, тогда урса пойдут через Куру. — Он протянул вперед длинную прямую саблю и одним движением вычертил Куру. — Тут стоят — на протяжении двадцати километров — около шестнадцати тысяч урса. Мы — тут. Вторая группировка — здесь.

— Шестнадцать тысяч на семьсот — это по двадцать два — двадцать три ниггера на каждого из нас, — подал голос Дидрих, светловолосый атлет со шрамом на левой щеке.

— Ну, каждый из нас стоит десяти урса, — буркнул Пашка.

— Все равно получается, что нас хватит на семь тысяч, — заметил Лешка.

— Что? — не понял Ромка.

— Я говорю, что даже по десять урса на каждого из нас — все равно получается семь тысяч. И даже по двадцать до победы не дотягиваем.

— Что ты предлагаешь? — спросил Ромка. Лешка пожал плечами, но Улав — желтоволосый норвежец в кирасе из серебряных полос — предложил вместо него:

— Мы можем отойти на перевалы Кавказского хребта и оборонять их, пока не соберутся еще подкрепления.

— А еще, — Карди (Нэд), вытянув вперед поврежденную мной ногу, насмешливо оглядел всех, — можно вообще плюнуть на происходящее.

— Как это плюнуть?! — вскочил Марио.

— Слюной, — любезно пояснил Карди. — Если пошли разговоры об отступлении и обороне. — Он встал, опираясь на шпагу. — А вот если судить по твоему плану, Роман, то вот тут Кура делает резкий поворот и полупетлю. На нашем берегу вплотную к воде подступает лес, на их берегу — скалы. В скалах они умеют драться еще хуже, чем в лесу.

Представьте себе, что мы открыто объявимся на побережье. Как вы думаете, они удержатся от нападения? Вот мы, три с небольшим сотни человек. Или бросятся переправляться через Куру, пока берега свободны?

— Они пришли нас убивать, — сказал Франсуа, нянча на ладони саблю в ножнах. — Они не удержатся.

— Я тоже так думаю, — кивнул Карди и снова начал чертить. — Они переправляются и пытаются навалиться на нас в лесу. В это самое время второй наш отряд — мы с ними свяжемся — ниже по течению тайно переправляется через Куру и выходит урса в тыл. Если учесть их склонность к панике — они вполне могут решить, что нас в несколько раз больше. И дело выиграно.

— Авантюра, — коротко отрезал Дидрих. — Стоит им на секунду сохранить хладнокровие — и нам конец. Нас семь с половиной сотен, поделенных на два отряда. Их — шестнадцать тысяч. Они навалятся, это ты точно сказал, Карди, и расплющат нас.

— В лесу? — пробормотал Тиль. — Нет, в лесу им нас не раздавить, Дидрих. Это не полевое сражение. В лесу мы раздергаем их и перебьем по группам, а вернуться они не смогут, их атакуют с тыла. Кроме того, у нас немало луков, арбалетов и аркебуз. Да и с десяток стволов, кажется, есть?

— Есть, — кивнул Колька, и Ромка кивнул тоже.

— Вот, — заключил Тиль. — Нет, мне план англичанина по душе. Все решится сразу.

— Он тебе по душе, потому что ты чокнутый, — заявил Дидрих. Разговор шел на вавилонской смеси из десятка языков, я отлично все понимал, но помалкивал. И сильно удивился, когда Ромка спросил:

— А ты что думаешь, Олег?

— Я? — на миг я смешался, но всего на миг. — Я отличный фехтовальщик, — скромности в моем заявлении не прозвучало, — но в больших сражениях ничего не понимаю... Впрочем, я согласен с Тилем. Лучше всего идти и сражаться. Ведь драться все равно придется. Не сегодня, так завтра. Зачем ждать?

* * *

Утро было теплым, сырым и туманным. Все вокруг закутала искажавшая звуки серая пелена, передвигавшаяся и меняющаяся. В ней выступали смутные фигуры, слышались лязг, неясные разговоры, шаги, хруст веток. Лагерь постепенно просыпался.

Еще толком не продрав глаза, я взглянул на запястье и с полминуты тупо соображал, куда делись часы. Потом вспомнил, тяжеловато сел, передернув плечами. Несколько наших тоже уже проснулись; Анри молча протянул мне половину вяленой рыбы, налил в котелок чая. Чай был настоящий, местный, только без сахара — но от этого, как ни странно, даже вкусней.

— Слышишь шум? — спросил Вадим, пятерней причесывавший свои светлые волосы. — Урса на том берегу. Купились.

Я прислушался. И за голосами лагеря в самом деле услышал ровный, монотонный гул. Меня вновь пробрала дрожь — но уже не от холода...

Я допил чай и, решительно поднявшись, пошел к берегу реки, на ходу затягивая ремни, то и дело натываясь на ребят и даже спотыкаясь об них. Вода рокотала где-то на перекате. Около берега, в том месте, где я вышел, сидел и задумчиво плескал себе водой в лицо Лаури. Рядом на песке лежали его оружие и снаряжение.

— Привет. — Я опустился рядом, начал умываться. Если честно, я был рад, что встретил англичанина. Меня вдруг охватила неуверенность в исходе предприятия, которое мы затеяли.

— Привет. — Лаури зевнул, воспитанно прикрыв рот ладонью. — Ну вот. Минут через двадцать туман утянет, и все начнется.

— Ты участвовал в чем-то подобном? — спросил я.

Лаури кивнул:

— Не столь масштабно, но нас тоже было несколько сотен, и урса — тысяч семь. Ничего особенного. Если ты жив, то жив. Если тебя убили — тебя убили, и не все ли равно, стычка это один на один или подобное побоище...

— Наши-то подошли на тот берег? — поинтересовался я.

Лаури снова зевнул:

— Подошли, подошли...

Подвалили Тиль и хромающий Карди. Тиль успел уже где-то умыться, мокрые волосы блестели, голландец улыбался:

— Привет.

Карди сказал досадливо:

— Ты лишил меня возможности поучаствовать в грандиозном побоище, русский.

— Что вы с ним не поделили? — шепотом спросил Лаури.

Я поморщился:

— Да так, мелочи, — и встал. В тумане странно и раскатисто прогудел рог. — Кажется, нас.

— Нас, нас, — с ленцой ответил Лаури. — Тиль, помоги бригантину надеть...

...Туман рассеялся мгновенно, даже странно. И первое, что я услышал, — как присвистнул Олег Крыгин.

Да. Было отчего.

Урса спускались к воде. Они двигались сплошной, монолитной черной массой, расцвеченной яркими точками перьев на масках. Масса выливалась из нескольких скальных проходов, как некая паста из тюбика. Рокочущие бубны сливались с визгом труб в дьявольской какофонии, давящей на мозг.

Передняя часть гигантской толпы, лязгая металлом и взрывая, начала спускаться в воду на перекате брода.

— Молись, кто верует... — прошептал Вадим, кладя на плечо клинок своего бастарда.

— Ровней ряд! — закричали на левом фланге. По нашему строю прошло короткое движение, он уплотнился и выровнялся. Кто-то и правда явно молился, некоторые целовали клинки или что-то говорили соседям, другие неотрывно смотрели на урса.

Я натянул на левую руку крагу, вытащил из ножен палаш. Подумал и поднес к губам его рукоять — то место, где на яблоке была выдавлена свастика. Поцеловал холодный металл, покосился вправо-влево. То ли никто ничего не заметил, то ли не увидели мои ребята в этом ничего странного... Я опустил палаш и достал дагу.

И начал смотреть, как на наш берег рвано и резко выбегают волны, рождаемые ногами урса, добравшихся уже до середины реки.

Краем глаза я заметил, как из строя выходят ребята с луками и прочим метательным оружием. Джек тоже вышел... Деловито, хотя и вразнобой, защелкали тетивы. Урса взвыли, хотя едва ли обстрел причинял им такой уж большой ущерб.

— Черт побери, сколько же их... — услышал я голос Видова и заметил в ответ:

— Мы пришли бить, а не считать.

А Басс философски добавил:

— Чем гуще трава — тем легче косить.

— Косы бы не затупить, а то и подточить будет некогда, — проворчал Мило.

— Скорей бы, — прошептал Иван.

— Да уже сейчас. — Я подвигал лопатками под бригантиной. И угадал. Условленным сигналом прокричал рог, и я начал пятиться вместе с остальными к лесу, который на миг в самом деле показался мне спасительным. Словно мы и вправду собирались рассеяться в нем без боя...

— Живей! Живей! Живей! — уже торопил кто-то. Рог снова закричал — длинно, переливчато, подавая сигнал уже тем, кто ждал, стискивая оружие, в засаде на том берегу Куры, ниже по течению. Урса этого не знали. Они уже выходили на берег. Первым

оставалось до нас метров тридцать, и я видел маски — оскаленные, раскрашенные, увешанные перьями, пустоглазые, с провалами ртов...

— Быстро — в лес! — крикнул я. — На группы! Скорей! Ну?!

...Завернув за дерево, я зажал палаш в зубах, высвободил из перевязи первый из своих ножей. Урса ломилась через низкий спутанный кустарник. Напротив меня сидел, пригнувшись за упавшим стволом, Раде, и я, встретившись с ним взглядом, увидел в его глазах восторг и ужас. Я кивнул: «Давай!» — и Раде, волчком на колене вывернувшись из-за укрытия, коротким взмахом врубил бартэ в пах оказавшемуся рядом урса и вскочил, выхватывая накрест ландскетту и тесак.

— Оппа! — я метнул нож, и другой урса свалился тычком — попадание в затылок, в основание черепа. — Оппа! — другой рухнул поперек первого, раскидав руки, — рукоять торчала у него из глазницы маски. Раде, всадивший ландскетту в живот одному из противников, растаял в кустах. За спинами урса мелькнули Вадим и Видов, из их рук, разворачиваясь черными змеями, вылетели кистени... Я плавным движением убрался за дерево и нырнул под нижние ветки кустов, согнувшись втрое. Урса ползла где-то рядом, ругаясь так, что было похоже — пилят деревья в лесу. Им мешал кустарник, а ползти под ним такой толпенью было глупо. Наш план работал — во всяком случае, начал работать, и лес нам в этом помогал. Дальше он поднимался на склоны кавказских предгорий, становился еще гуще — туда мы и оттягивались, а урса шли вслед за нами, видя только одно: мы отступаем, практически бежим. Оно, в сущности, так и было...

...Третий — последний — нож я вогнал сзади под лопатку одному из четверых оказавшихся около меня урса.

— Хах! — в сторону отлетела рука одного из них с частью плеча. Я нырком уклонился сразу от падающего тела, разбрызгивающего кровь, и от ятагана второго урса, врезал ему локтем назад — в солнечное сплетение — и, отбив дагой ятаган третьего, проткнул его палашом в грудину. У последнего в руках был топор, он крестил им воздух перед собой. Приближались еще десятка два урса, но за их спинами возникли двое незнакомых парней, и об этом противнике я перестал беспокоиться. Топор со свистом прошел над моей макушкой, но уже через миг голова урса соскочила с его плеч от удара моего палаша и, вертясь, улетела в кусты. Тот, которого я угостил локтем в солнечное, так и не успел разогнуться — набалдашник даги в моем кулаке, обрушившись на затылок, сломал ему позвоночник.

...За что мы деремся? За что я размахиваю клинками здесь — здесь, где каждое движение чужой руки может принести смерть? За какие такие ценности и идеалы? Неужели только ради того, чтобы испытать вновь и вновь это пьянящее чувство опасности, от которого замирает все внутри и хочется жить еще сильнее, чем обычно? Может быть, это самое чувство и оправдывает в какой-то степени весь этот мир?..

* * *

— Хах!

Выпучив глаза и выплевывая кровавую пену, падает урса с раскроенной грудью. Второй, получив удар ногой в щит, отлетает к дереву, и белокурый парнишка, вывернувшись из-за ствола, деловито и быстро перерезает ему горло коротким кинжалом... Ясо оттаскивает в чащу, закинув его руку за шею себе, кого-то из мальчишек Тилиа в забрызганной кровью черной коже, и палаш, намертво зажатый в кулаке раненого, чертит в траве извилистый след...

— Хах!

Брызгами, крошечком разлетается маска вместе с безлобым черепом... Кажется, попали в плечо? Плевать, бригантина выдержала...

В школе, на уроках истории, и дома, зачитываясь книжками, я удивлялся тому, что рыцари чаще всего не знали верности Родине, сражаясь за веру, за верность присяге, ради приключений... Мне было непонятно, как можно рисковать своей жизнью иначе, чем для

защиты Отечества, — как мой дед. Но сейчас, кажется, я их понимал. Если они испытывали в бою то же чувство пьянящего восторга — стоило сражаться, не спрашивая: за что? «Ах, не все ли равно, за кого и за что воевать?! — всплыли в моем мозгу слова одной из тех книжек. — Только бы снова ощутить упоение восторгом битвы и полетом коня над травой...»

— Хах!

Распоротым мешком валится под ноги еще один. Сзади — движение; удар дагой над плечом назад — со скрежетом кусают сталь, вошедшую в глотку, зубы ниггера.

— Олег! Уходи! Уходи!

Чей голос — неясно, зато ясно, что берут в кольцо... Это «низзя», назад! Бросок, удар кулаком в маску, прыжок... Слева-справа выскальзывают двое ребят, умело перенимают на себя горластую погоню...

...За деревьями — два трупа мальчишек, над ними дерутся еще несколько, в том числе — Мило и Боже.

— Рось! — крикнул я, бросаясь со спины на нападающих урса. — Рось, суки! — Они раздались в стороны, словно овечья отара. Правда, только сперва, но мне этого «сперва» хватило на несколько круговых ударов, и ребята прорвались из охватившего их кольца, развернулись к урса лицами и исчезли за деревьями. Я метнулся в другую сторону, пригнулся, сжался и втиснулся в щель скалы, рядом с которой оказался. Целая кодла пробежала мимо, гомоня и визжа. Я выбрался из своего укрытия, плюнул им вслед — и, краем глаза заметив падающее на меня сверху тело, извернулся. Ударом ноги в голову сбросил в расщелину не успевшего подняться с корточек урса, увернулся от брошенной толлы, но сильнейший удар щитом отбросил меня к скале обратно — урса пропер меня, как тараном, и прижал. Я задержался, понимая, что сейчас меня приколют из-за края щита, но задержался не просто так, а уходя от слепых ударов толпы, направленных мне в живот. Сам пустить в ход оружие я не мог, и это закончилось бы плохо, но урса вдруг коротко икнул, содрогнулся и повалился прочь от меня. В спине у него торчал топор, а метрах в десяти стоял Иван. Он крутнулся вправо — и шагов за двадцать от него рухнул с топором в шею еще один урса.

— Вань! — заорал я, видя, как за спиной болгарина появился, занося ятаган, еще один. Если бы у меня был хоть один метательный нож... но их не оставалось, я бросил дагу — бросил в прыжке. Иван пригнулся, выхватывая палаш...

Он не успел. Я не успел. Урса не успел.

Никто не успел.

Иван не успел отбить удар ятагана. Я не успел помочь. Урса не успел отразить дагу.

Я видел, как светлые волосы болгарина залило потоками алого, и он рухнул к ногам урса, который, выпустив ятаган, пытался, выпучив глаза, вырвать из горла дагу — но уже не смог и завалился головой в кусты. Нагнуться к Ивану возможности у меня не было — подбегали толпой урса, но сбоку, со склона, вылезли один за другим трое наших, хотя я их в упор не узнал...

— Хах!

Урса неверяще смотрит на отрубленную в бедре ногу, и, завыв, падает вбок. Ударом кулака я отбрасываю ятаган, палаш разрубает маску наискось. Достал, не достал — не важно — хах! Клинок палаша змеей обвивается вокруг ятагана урса, тот, не повинаясь уже хозяину, прыгает в сторону, как живой, а палаш тонет на ладонь между ключиц урса и тут же отскакивает — есть! Кто-то ревет рядом по-немецки:

Клинки наши пламенем были
В кипящих недрах земных!
Их быстрые реки калили
В глубинах гор ледяных!
ВПЕРЕД, СЕВЕРЯНЕ!
На дне синеструйных потоков

Белеют кости врагов,
Напоминая потомкам
О доблести наших отцов!
ВПЕРЕД, СЕВЕРЯНЕ!

— Хах!

Эфес палаша врезается в лоб урса — глаза в кучку, харррррашоооо!!! Легкое движение кисти вправо — еще один забулькал перерезанным горлом... Над моим плечом змеиным телом скользнула шпага, рухнул урса, замахнувшийся на меня топором. Незнакомый мальчишка широко мне улыбнулся, а голос продолжал реветь:

Прольется кровь на камни,
И грудь пронзит клинок —
Но мести вскинут знамя
Все те, кто выжить смог!
ВПЕРЕД, СЕВЕРЯНЕ!

— Хах!

Отвесно сверху — в левое плечо. Левая сторона отваливается, как ломоть перспелого арбуза, в треске и брызгах, гулко звучит спружинивший щит. А вот это меня Танюшка учила — правым кулаком в землю, ногой вверх — а-ап! Словил... Веером по ногам под щитом — держи!

— Хах!

Пусть пытка вспыхнет болью,
Ударит рабства плеть —
Сердец свободных волю
Врагам не одолеть!
ВПЕРЕД, СЕВЕРЯНЕ!¹

...Иван был мертв. Ятаган раскроил ему череп. Я молча опустил на колено рядом с ним, всмотрелся в неожиданно спокойное лицо с кровавым, густым, еще не успевшим застыть потеком в левый глаз. Что я о нем знал? Застенчивый. Тихий, даже и не поверишь, что он тут четвертый год. Влюбленный в паруса... Вот и все. Недолго я побыл его князем. Только и успел, что позвать за собой — на смерть. И он пошел. И успел только спасти мне жизнь.

Все.

Я протянул руку — закрыть глаза. И не сделал этого.

Пусть смотрит в небо. Оно красивое. Чистое.

— Скорей, скорей! — крикнул мне, трясая за плечо, знакомый парнишка. — Да потом, скорей!..

...Боец редко видит *всю* картину боя. Казалось, горный лес выбрасывает мне навстречу все новых и новых урса и конца им не будет. Как не было страха и не было боли, хотя у меня, кажется, разошлись швы в боку и кто-то, похоже, сумел-таки достать меня в левую руку повыше локтя. Текло и в перчатку, и к рукаву, и никак не переставало — уж не вену ли перешибли?

— Хах!

Урса с проколотым горлом боком падает со скалы, телом проламывает кустарник внизу. Сталь звенит о сталь, вот, кстати, откуда у них сталь? Откуда все-таки? Дагой — остановить ятаган в свистящем полете, укол палашом прямо в щит, изо всех сил, так, что

¹ Из книги Л. Спрэга дэ Кампа и Лин Картер «Легионы смерти».

ломит руку — насквозь! Ударом ноги в щит я освободил палаш, увернулся от топора, подбил пинком ноги урса, размахивавшего этим оружием. Куда он там делся — я не знаю, потому что вокруг и других по-прежнему хватало. Вадим и Джек, оба с бастардами, крутили вокруг себя сверкающие лезвия, не успевавшие окраситься кровью от скорости ударов. Я не сообразил даже, откуда они взялись, хорошо было и то, что взялись *вообще*.

На юге пронзительно и ясно закричал рог — не наш, но это был и не сигнал урса.

— Идут! — завопил Вадим в мою сторону.

Да, идут. Вот теперь все и решится. Или урса побегут, или мало кто из нас унесет отсюда ноги. Да и стоит ли их тогда отсюда уносить?

— Хах!

Перекосив рот, садится, раскинув руки, урса с перерубленной шеей. Слева — блок дагой, удар ногой; рукоять в рукоять направо — переламывается ятаган, конец палаша входит в глазницу маски... Что такое?! Зацепили, кажется?! Н-на!

— Хах!

Кто-то возле дерева, приколотый к нему асегаями, рядом — драка... Вперед! Удар ногой в бедро, рукоятью даги в висок, острием даги назад, ногой в щит, палашом — отвесно — в голову — мокрый треск!

— Хах!

— Бегут! Ре-бя-та-а-а-а, они бегу-у-у-ут!!!

Дикий, истошный вопль, даже не человеческий крик, а вой волка, загнавшего добычу. И — эхо катится, дробясь на десятки таких же голосов, по всему горному лесу, отражаясь где-то впереди, возле Куры...

— Бегут!!! — подхватил я. — РО-О-О-ОСЬ!!!

Спины. Одинаковые спины крыс, наискось вскипающие кровью. Розовой пружиной выскакивает наружу позвоночник, коротко хрустят ребра.

Не дано им будет убежать. Ноги их ослабеют и подломятся, руки их опустятся и не смогут держать оружие. Страх пригнет их за шеи к земле тяжелыми гириями.

Мокрыми ошметками взрывается курчавый затылок. Ноги сами собой переносят через пролом, в который, объятые запредельным ужасом, сыплются урса. Я, кажется, научился летать?.. Ничего невозможного...

Небо. Солнце. Бронзовый щит в синеве. Луч — уколом меча. Танцующий диск. «Коловрат» — слово, название — откуда оно всплыло в памяти?!

Прыжок — вслед за живым клинком.

В небо. Гром музыки. Голоса внизу.

Полет.

О да, мы из расы
Завоевателей древних,
Вносящих над Северным морем
Широкий крашенный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег норманнский —
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть.

Уже не одно столетие
Вот так мы бродим по миру,
Мы бродим и трубим в трубы,
Мы бродим и бьем в барабаны:
— Не нужны ли крепкие руки,
Не нужно ли твердое сердце,
И красная кровь не нужна ли

Республике иль королю?

— Эй, мальчик, неси нам
Вина поскорее,
Малаги, портвейну,
А главное — виски!
Ну, что там такое:
Подводная лодка,
Плавучая мина?
На это есть моряки!

О да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срываться с высоких башен,
Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею
Поить ненасытных пьяниц —
Железо, сталь и свинец.

Но все-таки песни слагают
Поэты на разных наречьях,
И западных и восточных;
Но все-таки молят монахи
В Мадриде и на Афоне,
Как свечи горя пред Богом;
Но все-таки женщины грезят —
О нас, и только о нас.

Николай Гумилев

— Олег, Олег, Олег.

Что, опять? Нет меня, я умер. Дайте же отдохнуть.

Вода лилась мне на лицо, и чья-то жесткая, но осторожная ладонь растирала ее по коже.

— Поливай, поливай...

Что еще за новости-то?!

— Я вам что — морковка?! — чужим голосом спросил я, открывая глаза. Надо мною маячило лицо Серого — это он окатывал меня из фляжки. Рядом был Вадим — а он меня за каким-то дьяволом умывал. Отовсюду слышались близкие и отдаленные крики, лязгал кое-где металл, торжествующе и возбужденно звучали голоса. Заревел рог — победно и яростно. — Что со мной? — Я попытался сесть, но голова резко закружилась, сознание отступило куда-то в темноту, и я бы треснулся затылком о камни, не подхвати меня мокрые руки Вадима. Вокруг стояли еще несколько человек — и моих ребят, и просто знакомых, и совсем незнакомых, — и в их взглядах я прочел восторг и страх. — Что случилось?! — требовательно спросил я. Серый, нагнувшись сбоку, осторожно развел мои пальцы на рукояти палаша — я с интересом наблюдал, как он их разгибает, — ничего не ощущающие, совершенно чужие, белые, с кровью под ногтями. Клинок палаша был тоже в крови — весь, и гарда в крови...

— Оглянись, — попросил Вадим, помогая мне развернуться корпусом. — Вон там ты бежал. Оцени.

Урса лежали позади — влево-вправо, в лужах сохнувшей крови, среди ломаного и раздробленного оружия, четко обозначая мой путь к берегу Куры.

— Не помню, — сказал я, отворачиваясь. — Помню музыку... солнце танцевало с мечом... как горящая мельница в «Они сражались за Родину»...

— Заговаривается, — сказал кто-то.

И я, тряхнув головой, снова уставился на Вадима:

— Ты зачем меня умывал?

— Ты был весь в пене, Олег, — негромко сказал Серый.

— В какой пене? — спросил я.

Серый усмехнулся:

— В обычной. Из рта. Вон, ребята видели, еле успели в стороны отскочить. А ты долбанулся в дерево, — он кивнул на изрядно выщербленный по бокам дуб, — начал его рубить, потом свалился...

— Дай попить, — попросил я. Припал к фляжке, не отрывался от нее, пока не высосал все. — Урса где?

— Остатки утонули в Куре, — криво улыбнулся Вадим. — Если кто и спасся — так сотни две-три, не больше. Трусами весь лес завален.

— Ну и хорошо. — Я огляделся. — Дайте еще попить! — Ко мне протянулись сразу несколько фляжек, я, не глядя, взял одну, долго пил. Все молча ждали. — Я посижу тут, — наконец сказал я. — Найдите наших.

— И еще, — добавил я. — Иван убит, учтите это.

* * *

Над берегом Куры, в серой тощей земле несколько десятков схваченных урса под присмотром хмурых мальчишек складывали огромный костер. По мере того как он рос, удлинялся и выложенный двойной ряд убитых ребят. Их несли и несли из леса... несли и несли... А на скале над костром несколько парней, закрепившись веревками и то и дело переспрашивая, выбивали крупными буквами столбцы имен и дат.

Убитых клали одинаково — валетом, но голова к голове, руки сложены на груди, на клинке. Прежде чем уложить очередное тело, с него смывали кровь, стягивали самые страшные раны полосками коры. Делалось все это в основном молча.

Я, если честно, в поисках не участвовал. Как оказалось, у меня и правда разошлись швы в боку. На левой руке — чуть ниже локтя — была глубокая рубленая рана (чудом уцелели кости), а в левом бедре рана — тоже глубокая — оказалась колотой. Какая-то девчонка-казачка, спеша, зашила дырки — я почти не ощутил боли, и она ушла куда-то к другим раненым, а я остался сидеть, бездумно глядя, как укладывают и укладывают трупы, как спускаются за окрестные деревья стаи грифов, слетевшиеся, наверное, со всего Кавказа...

Подошел и тяжело сел рядом Лаури. Он опирался на самодельный костыль из свеженького деревца.

— Живой? — спросил Лаури, неловко вытягивая вперед правую ногу, обмотанную размокшей от крови тряпкой. — Хорошо... Меня вон топором хватили, кость над коленом — пополам... А еще, знаешь, — он помолчал, — Джерри моего убили. Уже в самом конце, Олег... Вот так. — Он наклонился чуть вперед и застыл.

Подошел Олег Крыгин. Правая рука у него была на перевязи. Остановился рядом и тихо сказал:

— Андрей убит...

...Андрюшку Соколова принесли одновременно с Михелем ван Спрэгом. Следом за телом Михеля шел Анри и плакал, не стесняясь, но я даже не очень на него смотрел. Я пытался узнать Андрея, а это было трудно. Топор ударил его в лицо...

— Это точно он? — спросил я Боже, который держал труп на руках.

— Его убили при мне, — сказал Олег. Я кивнул и положил ладонь на плечо Анри. Михеля я знал даже еще хуже, чем Ивана. Он спас Анри и здорово помог с ремонтом

корабля. Теперь его тоже нет. Все.

— Это... нечестно, — сказал Анри и вытер глаза рукавом. — Это нечестно, Олег.

— Посмотри туда. — Я указал на растущую насыпь костра. — Это *все* несправедливо, Анри. Но что делать? Надо жить... Несите их, ребята, — обернулся я к Боже и Бассу. Задержал двинувшегося следом Олега. — Остальные?..

— Живы, — так же негромко ответил он...

...Принесли Кольку. Голова атамана была распластана ятаганом наискось, но выражение лица осталось спокойным и светлым, как небо. Больше он не мучился одиночеством и воспоминаниями. Кто-то — я так и не понял кто — положил к моим ногам мои метательные ножи, уже очищенные от крови. Или, может, и не мои — но такие же... Мне хотелось есть, еще больше — спать, и совсем не хотелось хоть что-то делать. Вадим подвел рыжеволосого парня, державшего на локте аркебузу, и я какое-то время не мог понять, чего от меня хотят, пока не сообразил, что парня зовут Фергюс, он ирландец и просится к нам. Причин я так и не уяснил, если честно, но кивнул. Потом кто-то сказал: «Сто семьдесят три», — и я очнулся.

Был вечер, темнело быстро. К костру больше никто никого не носил, и я понял, что назвали цифру убитых.

Сто семьдесят три.

— Командиры отрядов, зажгите факелы, — послышался голос, и я увидел протянутый мне факел в руке незнакомого мальчишки. У его ног такие факелы — незажженные, конечно, — лежали горкой, их разбирали, поджигали, и я, подойдя, зажег тоже. Следом за мной прихрамал Лаури, и я спросил его тихо:

— Где Тиль?

Я почему-то был уверен, что он ответит: «Убит». Но Лаури мотнул головой, и я увидел Тиля, как раз наклонившегося за факелом. Черной куртки на нем не было, в поясе и поперек груди тело властителя Терсхеллинга охватывали пятнистые от крови повязки.

Мы выстроились вокруг погребального костра. На небе алым наливалась полная луна. Плотным кольцом стояли вокруг нашего редкого кольца сотни ребят, поблескивали глаза, блестело оружие.

Еще я увидел пленных урса. Темной грядой лежали они по периметру костра. Уже прирезанные.

Факелы взметнулись синхронно — я даже не понял, что заставило и меня вскинуть руку вместе со всеми. Потом кольцо пляшущих огней опустилось, и огонь с радостным гулом охватил погребальный костер сразу со всех сторон, вскинувшись на огромную высоту.

Звонкий мальчишеский голос вплеся в гул пламени, и я, вскинув голову, увидел на той скале, где теперь вечно будут белеть строки имен и дат, одетую в багровую тень фигуру. Мальчишка пел, раскинув руки, и его голос летел над лесом, скалами и рекой:

...кто идет?
Вольный народ,
Отважный отряд молодых партизан!
Что поет
Вольный народ?
Песню
о вольном
ветре!!!

Я помнил эту песню из кино! Помнил! И сейчас не смог удержаться, сам толком не поняв, что начал подпевать. Да и не один я пел...

Друг мой, песню
Верности и чести

Вольный ветер в горах поет...¹

Веет, веет в небе черный пепел.
Высылает бездна черный полк.
Улетай отсюда, белый лебедь!
Убегай отсюда, серый волк!

Дрогнет воля, и исчезнет радость,
Этот город будет битвой стерт.
Я один на рубеже останусь —
Божий воин против грязных орд.

Звон мечей качнется над округой,
Но неправым — в схватке счастья нет.
И врагов укроет серой вьюгой
Переставший плакать белый свет.

Вот утих над степью неба трепет,
Крик бойцов отрывисто умолк.
Надо мною снова кружит лебедь,
И к ногам прижался брат мой — волк.

М. Струкова

— Олег, вставай.

— Уйди, рыжий, — попросил я, не открывая глаз. Было тепло, тихо, хорошо, никакие особенные проблемы не нависали, и я считал, что вполне могу расслабиться. Фергюс — а это был он — уселся рядом и, хлопнув меня между лопаток, рассмеялся:

— Да все равно же вставать придется. Наши возвращаются. Раде и Видов их с перевала видели, часа через два будут тут.

— Да, придется вставать, — заметил я, открывая глаза и потягиваясь. — Наконец-то вернулись...

...Десять дней назад я, убедившись, что урса в окрестностях присутствуют только в виде быстро разлагающихся трупов, дал отпуск «семейным», как нагло выразился Вадим. Кроме него, на побережье к девочкам отправились Ясо, Басс, Олег и Серый. С остальными я засел недалеко от Боржоми, где и правда били минеральные источники, и погрузился в длительный отдых, как индус в нирвану.

Наша армия большей частью разошлась кто куда. Казаки ушли на северо-запад. Где-то на востоке осели Дидрих и Франсуа. Ромка, как местный, ушел к себе на север — тоже не очень далеко. Тиль уплыл на юго-запад, а Лаури и Карди (Нэд) залечивали раны недалеко на западе.

Я сам себя отпуска лишил, хотя и представлял, в какое состояние придет Танюшка. Но я решил, что, когда вернется Вадим, постараюсь наверстать упущенное и вымолить у Татьяны прощение лично. Совесть до конца успокоить не удавалось, но в целом я эти дни провел не так уж плохо...

...Вадим шагал первым, и по его широкой, видной издалека улыбке я понял — идут новости. Вид у него, как и у прочих отпускников, еще за полкилометра начавших перекликаться с остальными, был вполне отдохнувший.

— О, привет! — заорал Вадим, бросаясь обниматься. — Сколько лет, сколько зим!

— Тебя слишком много, — заметил я. Он, хлопнув себя по лбу, полез в куртку и с откровенным наслаждением достал сложенный вдвое листок блокнота. — Это от Татьяны.

¹ Из оперетты «Вольный ветер». Музыка И. Дунаевского.

— Как она там? — поинтересовался я осторожно. Вадим положил мне руку на плечо, сочувственно заглянул в глаза, покачал головой и зашагал дальше.

Присев прямо тут на камень и кивками отвечая на приветствия проходящих мимо ребят, я развернул на колене записку. Несколько строчек, написанных аккуратным почерком Таньки, гласили безапелляционно: «Олег! С момента получения этой записки у тебя три дня! На четвертый захватываю «Большой секрет» и ухожу в неизвестность. Если успеешь — позволю тебе вымолить у меня прощение. Забытая тобой Таня Б.».

— Так... — Я поднял голову и обнаружил стоящего передо мной Джека, подошедшего по своему обыкновению совершенно неслышно. — Иду прямо сейчас, — сообщил я ему, поднимаясь на ноги рывком. Джек посмотрел странно, потом уставился куда-то в сторону, пиная босой ногой траву. — Ты чего? — удивился я, и англичанин вновь взглянул на меня.

— Не ходи, — тихо сказал он. — *Сейчас* не ходи. Завтра. Или хотя бы сегодня вечером.

— Да что с тобой? — сердито изумился я.

Джек невесело улыбнулся:

— *Предчувствие*, Олег. Очень нехорошее... Или знаешь что? Давай я пойду с тобой.

— Не сходи с ума! — я хлопнул его по плечу. — В той стороне Лаури с Карди, да и вообще — тут же всего три дня пути, а ниггерами уже две недели, как не пахнет... вернее, пахнет, — поправился я, — но это безвредный запахок. На кой ты мне черт при встрече с Танюшкой? Или, — я улыбнулся, — ты положил глаз на кого-то из наших девчонок?

— Нет, — отрезал Джек. — Послушай, Олег. Если ты мне друг — отложи выход. До вечера. Я *очень* тебя прошу.

Несколько секунд я размышлял. Потом пожал плечами:

— Ладно. Хорошо. До вечера я как-нибудь вытерплю.

Уже в эту секунду я знал, что обманываю Джека. Пусть успокоится, если его что-то тревожит. Я больше не хочу откладывать встречу даже на час.

* * *

Утром третьего дня, когда вставало солнце, я натягивал сапоги, сидя на плоском валуне у тропинки, нырявшей в густую рощу. Я успел отшагать с той минуты, как проснулся, уже километров десять, да и сейчас остановился только потому, что на тропе появилось полным-полно колючек — идти дальше босиком было просто глупо.

Я рассеянно думал, что уже после полудня увижу море, корабли — и Танюшку, а как же! Думал о том, что предчувствие Джека (а оно меня беспокоило, что греха таить, скреблось где-то в сердце, как мышь в норе!) оказалось пустышкой — и слава богу. Думал о том, что сейчас тепло и солнечно, и это — отличнейшая погода для того, что мне предстоит. И еще кое о чем думал, от чего штаны в паху натянулись сверх всякого разумного предела.

Затянув ремни, я попрыгал на месте и, на ходу поправляя перевязи, вошел в рощу, где могучие красавцы-буки перешептывались друг с другом, несмотря на безветрие. Тропинка здесь была утоптанной, я не мог понять — зверями, людьми или, может быть, урса? От переизбытка кипевшей во мне радости я запел в такт шагам:

Раз, два — левой,
Раз, два — правой,
Вдоль по дороге столбовой!
А то, что дырка в кармане, — так это пустяк,
Главное дело — что живой,
раз, дв...

Я оборвал песню так же резко, как и начал ее. И тихо процедил:

— Джек был прав...

Да, Джек был прав. Так прав, что ему стало бы дурно от своей правоты, потому что впереди на тропку, раздвигая кусты подлеска длинными руками, похожими на лапы пауков, выходили урса. Я мельком оглянулся — сзади никого не было... но бежать едва ли удастся, убьют толлами в спину...

Я посчитал урса взглядом — их было четырнадцать, и они старались максимально широко рассосаться по тропинке. При желании они меня могут обойти, но бесшумно им это не удастся — а там посмотрим.

Я надел перчатку и, пошевелив пальцами, положил руки — крест-накрест — на рукояти клинков. Урса прекратили двигаться — у них ятаганы были в руках. Топоров и асседаев ни у кого нет — уже хорошо...

— Дайте мне дорогу, — ощущая злое веселье, возвысил голос я, не собираясь выяснять, понимают они меня или нет. — Я сегодня не в настроении драться... но если вы не уступите, то я клянусь — с этой тропки не уйдет живым ни один из вас!

Я верил в то, что говорил. Это главное — верить в победу, даже если в нее верить нельзя. Это почувствуют и враги тоже.

Ага — почувствовали, почувствовали, даже не понимая языка — зашевелились, запереглядывались... Нет, не уйдут, смешно надеяться. Их много, сейчас наберутся смелости, и будет свалка...

...а в таких случаях — свалку надо начинать самому!

— Р-р-рось! — рыкнул я и метнулся вперед, обнажая клинки...

...Первого из урса я убил одним страшным «московским» ударом — сверху вниз, раскроив ему череп, шею и грудь до середины. Пнул влево — вопль! Пригнулся, перехватывая дагой сразу два ятагана, подсек кого-то ногой, рубанул снизу в пах между широко расставленных ног, всадил дагу в мелькнувшее сзади-сбоку тело... Отскочил спиной к кустам, широким ударом — полосой — заставил отступить врагов и, заложив за спину руку с дагой, закрутил «бабочку», быстро оглядывая тропинку.

Один лежал неподвижно. Другой корчился, заливая кровью из распоротого паха тропинку. Третий слабо подергивался — ага, я угадал ему дагой в селезенку... Еще один с трудом вставал — это его я пнул.

Я опустил клинок и принял стойку. Это до первого ранения. Как только меня ранят — их победа станет лишь вопросом времени...

— Р-рось! — Я сделал рывок. Урса отшатнулись, я засмеялся, отскочив обратно и покачивая кончиком палаша. За спиной хрустели кусты — ближе... ближе... ближе... еще...

Поворот! Я выбросил в длинном выпаде палаш и, почувствовав — попал! — отмахнулся дагой, повернулся, подрубил кому-то колено, всадил кончик палаша под челюсть еще одному, рукоятью даги в кулаке свалил следующего, сбил попавшегося плечом, полоснул палашом — прорвался к другой стороне тропинки и снова махнул «бабочкой».

Из кустов полувывалилось длинное неподвижное тело — убит. Еще один полз в сторону, подволакивая ногу и бросив оружие, — ага, а этого я не нокаутировал, поднимается, гад... еще один держится за рассеченное левое плечо. О, а вот и тот, кого я под челюсть, — тоже убит, кажется.

Пятеро готовы, один выведен из строя, еще один легко ранен. А я — даже ни царапины. Пока неплохо.

Урса не спешили нападать. Они разделились на две группы по трое, а еще двое (один — раненый) держались позади. Я понял, что они собираются делать, и засмеялся снова в их лица — смех рвался из меня, как пули из разрезного ствола аркебузы, смех холодный и беспощадный.

— Идите сюда! — позвал я. — Идите, ну?! Труссы, ничтожества, ублюдки! Я один, так чего же вы боитесь, сволочи?! — Я подкинул палаш и, поймав его за кончик лезвия, переброшил в руку рукоятью. — Кто будет первым — ты?! — я сделал выпад палашом. — Ты? Ты? — Они отшатывались, а я смеялся.

Первая тройка бросилась на меня дугой, а остальные ждали — точно, если я прорвусь

через атакующую тройку, меня встретят и остановят те, а сзади нападут эти трое...

Ладно.

Я перехватил ятаган дагой и отклонил с такой силой, что урса, не желавший выпустить свое оружие, вместе с ним описал дугу и столкнулся с соседом. Третий взвыл, откатываясь, — я пригнулся и отрубил ему большой палец на правой руке. Выскочил из-под клинков опомнившейся парочки, пнул одного в колено, встретил чью-то челюсть кулаком с дагой...

...есть! Ятаган остро, но почти не больно полоснул снаружи левое бедро — боль вспыхнула только когда я перенес тяжесть тела на эту ногу. И оказалась резкой, огненной, от чего я на миг потерял подвижность, — за что и поплатился. Еще один клинок свистнул по плечу, другой — поперек груди. Доспех выдержал оба удара, но уже на отскоке вражеский клинок вонзился в то же бедро — пониже первой раны. Стиснув зубы, я раскидал ятаганы, достал кого-то дагой, и, кажется, неплохо — он свалился в кусты. Но тут же что-то увесисто ударило в руку живым электричеством, и моя дага с ясным музыкальным звуком переломилась у рукояти. «Да будет проклят наш кузнец, не встать ему, не лечь!» — мелькнула в голове строчка из робингудовской баллады. Я отмахнулся палашом, вырвался. Горячие струйки стекали по ноге, уже добравшись до сапога. Я засмеялся, швырнул рукоять в урса. Выдернул из перевязи два ножа, сжал их в левом кулаке «бутербродом» — так, чтобы в стороны торчали широкие короткие ромбы лезвий.

— Ну, — пролаял я, — кто из вас подойдет и прикончит меня?!

Они снова бросились тройкой. Стиснув зубы, я начал рубить — просто, грубо и примитивно. Один нож остался в чьем-то горле, я выхватил последний из перевязи, но тут же уронил оба — удар пришелся по левой руке ниже локтя, и я услышал и почувствовал, как хрустнула разрубленная кость. Выше старого перелома.

Вот и все. Точным выпадом я проткнул грудь слева подвернувшегося урса. Успел вырвать оружие, отбить удар, но другой клинок пробил толстые полосы кожи справа на груди, распорол доспех и скрипнул по ребрам. Взмахом я снес руку ранившему меня и вогнал палаш в открытый рот еще одного.

Их оставалось четверо, один — тот, раненный в руку. Еще двое — с перерубленной ногой и однорукий — ползали по тропинке и выли. Кровь щекотно текла по ребрам. А из руки брызгала струйкой при каждом движении. Рука противно немела.

Они не нападали. Боялись. Видно, что боялись. Но сейчас их страх был их же силой. Каждая секунда уносила мою кровь, а с ней — жизнь.

Слово надо держать. И я поклялся им, что никто из них не уйдет отсюда живым.

Мне почему-то показалось на секунду, что сейчас они побегут. И я, продолжая улыбаться онемевшими губами, скомандовал:

— Стоять.

Это очень важно и неплохо действует — когда противники считают тебя немного «сдвинутым по фазе». Урса, конечно, и без того считали... но вот стоит окровавленный мальчишка с оружием, только что уложивший десятерых из четырнадцати в их отряде. И предлагает что-то — непонятно что, но с улыбкой.

Страшно, конечно. Я бы вот сейчас на них и ломанулся... но куда там, нога меня не послушается.

Плохо совсем.

Как раз когда я об этом подумал — они на меня и бросились. Все четверо, разом...

...На еще один «московский» меня все же хватило — ятаган, который урса успел вскинуть над головой, брызнул черно-серебряным крошевом, и конец моего палаша распластал урса лицо. Он взвыл, но захлебнулся кровью. Меня в это время успели несколько раз ударить — доспех худо-бедно отразил удары... но не все. Я почувствовал, как один ятаган — попал в стык, пакость! — вошел между ремней под ребра слева.

Я молча ударил урса в лицо кулаком в оплетке эфеса — с такой силой, что у него хрустнули сразу челюсть и шея, он повалился навзничь. Да, этот мир меня силой не обделил... Ятаган остался торчать, обжигая сумасшедшей болью. Поворачиваясь на

здоровой ноге, я круговым ударом достал замахнувшегося врага — тот открыл рот и рухнул на колени в груды вывалившихся под ноги кишок.

Последним остался тот, раненый. Вон он побежал — не оглядываясь, изо всех сил побежал...

...В спине у него уже торчал мой палаш, кажется, прошедший насквозь, а он все еще бежал, упал только через несколько секунд.

Я вырвал ятаган и метнул его в последнего живого — того, с подрубленной ногой, он сейчас уползал в кусты. Ятаган пригвоздил его к земле, и урса несколько раз дернулся, потом затих.

Правая нога у меня подломилась, и я упал на бок, успев выставить руку, чтобы сберечь рассеченные ребра. Левая рука ударилась сверху о раненый левый бок, как чужая, но обе раны отплатили такой болью, что опустилась черная пелена перед глазами.

Когда она поднялась — я увидел урса. Того, которому отчекрыжил палец. Он шел ко мне, зло щерясь, держа ятаган в левой руке и что-то скрежещуще приговаривая.

Я холодно наблюдал за ним, не испытывая никакого страха. Краем глаза видел, как из руки кровь течет неостановимым ручейком, пропитывая землю. Хана, что ли?

Да, страха не было. Мелькнула мысль, что Танька останется одна, но тут же подумалось — о ней позаботятся все наши, не бросят. А все остальное — не так уж важно.

Кроме одного. *Вот этот* — он тоже не должен уйти.

У меня есть складник (здорово сточенный — но это нож) и здоровая левая нога. Это немало. Подходи, подходи, дурачок, ближе...

Правой рукой я — за спиной — открыл извлеченный из чехла нож. С трудом открыл — одна рука...

Урса подошел и встал надо мной — кретин, улыбающийся и счастливый, гадостно счастливый при мысли, что сейчас он меня убьет. Я неловко махнул рукой и выронил нож под смех отскочившего урса; тело вывернуло болью наизнанку. Но я улыбнулся и сказал:

— Падай, дурачок. Ты убит.

Все еще улыбаясь, урса шагнул ко мне — и с диким воплем рухнул.

Когда перерезаешь подвздошную артерию — боль в первые секунды не ощущается совсем. А умирает порезанный от кровопотери через 10–15 секунд.

Он еще дергался, пытался встать и выл, забыв обо мне начисто. Мне уже было все равно.

Кое-как — зубами и здоровой рукой — я перетянул перерубленную руку выше раны, и кровь остановилась... почти. До остальных ран мне было не добраться, и я понял, что все-таки умру.

Спокойно так понял и пополз, потащил себя по тропинке, обползая трупы и двигаясь по крови, не успевшей впитаться в землю или превратившей ее в кровавую грязь.

Четвертое мое лето здесь...

Я дополз до того, убитого палашом в спину. Неловко выдернул клинок и положил его себе на грудь, сжав эфес в правой руке. И стал смотреть в небо — высокое и теплое, ласковое, солнечное — в прорезях ветвей над тропинкой.

Если меня найдут наши — меня похоронят. Наверное, сложат песню, и ее будут петь не только в нашей компании, но и во многих других — о четырнадцатилетнем мальчишке Олеге, который в одиночку перебил четырнадцать — по числу своих лет — урса и умер с оружием в руке... Что-нибудь вроде:

Чтоб было видно Карлу-королю,
Что граф погиб — но победил в бою...

Четырнадцать лет или семнадцать? Или сколько? Не важно; странно, но я прожил их полнее и интереснее, чем предыдущие четырнадцать. У меня были любовь и дружба, каких, наверное, уже не знают на Земле... *той* Земле.

Я вспомнил маму. Неожиданно и ярко, как давно уже не получалось... Да, умираю. Берег реки, и мы с Танюшкой идем по вечерней траве по домам. Что делает *тот* Олег, *та* Танюшка? Живут, но я им не завидую...

А неба-то я уже и не вижу... Ах, да это я просто глаза закрыл — но их трудно открывать, как трудно их открывать... Половины себя я уже не чувствовал. И снова тянуло закрыть глаза. Но нельзя — по тропинке шла Танюшка. Ищет меня? Я понял, что вновь закрыл глаза — и вижу это уже в уме. А снова поднять веки не было сил.

Медленно проплывали картины прошлого — как на киноэкране. Может быть, я правда сижу в зале — тепло, тихо, темно, синий луч бежит над головами, Танюшка рядом, вокруг — друзья... Какой странный фильм, ни в одном анонсе не было такого... И звука не слышно, а луч тоже странный — световые кольца плавают, то сокращаясь, то расширяясь... и их все меньше...

Как в книжке «Король Матиуш I». Санек давал мне ее прочитать, а потом я сам ее много раз брал в «библии» — так мы называли библиотеки. А Библию я ни разу не читал.

Совсем темно и тихо. Только под пальцами — рукоять палаша...

...Таня, все, что у меня есть, — это ты!!!

Авторское признание

Эту рукопись читало уже немало людей. Удивительна была их реакция на нее — столь же разнообразная, как и сами читавшие.

«Опять ты свой расизм пропагандируешь...» — кривились одни.

«Ну ты молодец, это прямо сага!» — трясли мне руку другие.

«Ну и зачем ты это написал?» — удивлялись третьи.

«Что, нравится описывать, как малолетки трахаются?» — подмигивали четвертые.

«Учебник по фехтованию и выживанию», — пожимали плечами пятые.

«Неплохой сборник бардовской песни», — сухо замечали шестые.

«Спасибо, это о нашем детстве», — довольно сентиментально благодарили седьмые.

«Сплошной плагиат», — даже определили некоторые.

В ответ на все эти реплики я только морщился. Иногда открыто, чаще — «про себя». Не было ничего удивительного в том, что каждый читавший книгу нашел в ней что-то свое. Просто я — я, автор, — не писал роман ни об одной из этих вещей.

А собственно, о чем я его писал?

Ближе всех к истине были «седьмые». Я просто писал о друзьях своего детства, о наших играх, надеждах, снах, фантазиях, ссорах и мечтах, о нашей дружбе и о том, как больно рвалась она временами...

И все-таки книга выходила не только об этом.

Это был, конечно, Барри с его «островом Никогда-Никогда» и Потерянными Мальчиками. И, конечно, Толкиен — «отдых в пути миновал, пройден последний привал... путь бесконечен и прост — вдаль, на сияние звезд!». И, несомненно, Лукьяненко со всеми Сорока Островами. И разом все авторы «географических романов», которые я так любил в детстве. И Крапивин — тут я ничего и объяснить не стану. И еще сотни прочитанных мной книг — вплоть до михалковского «Праздника непослушания» — да-да! Так что это наверняка плагиат. Или пастих.

Или?

Может быть, кто-то в книге узнает себя. Свои мысли и желания. Свои надежды и свою веру. Я же только могу сказать, что, когда мне плохо или мне хочется отступить перед чем-то — в душу мне каждый раз заглядывают глаза того мальчишки, которым я был. Он выступает из какой-то мглы, похлопывая по штанине длинным прутиком, и смотрит, а следом выходят другие. Молча. Они не осуждают меня. Они просто смотрят. И я нахожусь в себе силы жить дальше...

...Если вы дочитаете книгу до конца, то поймете, что я писал ее ради последней

сцены.

*И это правда. Или по крайней мере ее основная часть.
Счастливого пути. Hoott veikki. Счастливого пути.*